Беттина Белитц – Поцелуй шипов

Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162
Автор: Bettina Belitz
Серия: Раздвоенное сердце #3 / Splitterherz #3
Переводчик: lena68169
Редактор: Оливия Джеймс

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Аннотация

Елизавета Штурм узнала на собственном опыте, какая жадность, какая разрушительная сила и какой ужас подстерегают в мире Маров – и всё-таки сохранила свою любовь к Колину. Истощённая и до глубины души израненная, она боится и жаждет того дня, когда он вернётся и они отправятся на охоту за Тессой, древним Маром, которая угрожает их счастью. В Италии они надеются выследить Тессу и найти подсказки, куда мог пропасть отец Эли. Почти против своей воли, в жаре, море и скудной растительности страны, Эли находит покой, которого жаждет уже в течение нескольких месяцев. И с благодарностью она отдаёт себя этой новой, свободной жизни. Когда вдруг неожиданно появляется союзник, ответы на вопросы Эли, кажется становятся реальными. Но чем глубже она погружается в тайны Маров, тем больше становятся сомнения Эли: Может даже её любовь недостаточно сильна, чтобы противостоять голоду Колина?

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Оглавление

Пролог 5
Часть первая - Филия 6
Мирное мгновение 6
Выгорела 17
Ненавижу и люблю 25
Время чаепития 29
Признаки дефицита 45
Дороги назад нет 57
Только без мамы 60
Культурный шок 66
Фатально, фатально 74
Мёртвая зона 88
Часть вторая - Мания 98
Сердечные дела 98
Чужие в обращение 107
Теории о Фертильности 116
Интермеццо 126
Дискредитация 129
Плоть бога 136
Золотой момент 144
Героини 156
Чума 167
Милосердие 178
Часть 3 - Эрос 187
Исход 187
Красноречивые речи 195
Ради дружбы 209
Амур и Психея 218
Короткий визит 227
Большие надежды 235
Расстройство желудка. 247
37,2 градуса с утра 263
Часть четвёртая – Агапе 267
Сигнал к пробуждению 267
Всё только приснилось 274

Слёзы Лаврентия....276
Избранная....308
Рецидив....316
Доказательство доверия....323
Ослепление....326
Ради моих детей....332
Каносское унижение....339
Родилась, чтобы жить....347
Ещё не конец, даже и не думай....362
Вера, надежда, любовь....370
В тени леса....380
Искра жизни....383
Человеческий рассвет....388
Эпилог....389

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Пролог

Настанет такой день, когда ты захочешь стать кем-то другим.

Твоё тело будет казаться тебе тягостным, а страх станет вечным заложником твоих мыслей. Ты устанешь от чувств, потому что они будут держать тебя в плену, повторяя один и тоже цикл. Сомнения будут беспокоить твои сны, в то время, как сердце, дико стуча, напомнит, что ты призвана к более высоким целям.

Подчинись, когда это случиться. Прими то, кем ты можешь стать, как только твои страхи угаснут в свете дня.

Ты превзойдёшь себя, углубляясь в свои мысли и не боясь падения вниз в пустоту. Ты будешь считать себя красивее, чем когда-либо раньше, удивляться своей силе и изяществу и радоваться своей лёгкости.

Всё, что тебе для этого нужно сделать, это открыть глаза и посмотреть на меня. Погрузись в мой сине-зелёный мир.

Я поймаю тебя, когда ты упадёшь, а если тебя одолеет сон, ты найдёшь у меня на коленях ту глубокую безопасность, которую жаждала всегда. Я жду тебя.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Часть первая - Филия

Мирное мгновение

Я была готова. Моя шея наконец-то нашла удобную позицию на горе из подушек. Ноги в тепле, обмотаны голубым, флисовым одеялом, в то время как бёдра и плечи завёрнуты в более тонкое, из хлопка. Рёв газонокосилки, который в сухие дни, как этот, неизбежно начинался примерно в обед и мешал любому отдыху до сумерек, только что, на удивление, утих и даже сосед перестал обрабатывать кустистые края своего показного газона электрическими ножницами.

Однако мне не хотелось полной тишины. Поэтому мой правый указательный палец лежал наготове на MP3-плеере, чтобы при первом луче солнца, который проломится сквозь тучи, включить песню, чей автор носил ещё более глупое имя, чем даже её название. Fatal Fatal от DJ Pippi. Но для меня, с момента просмотра коллекции пластинок чилаут моего брата, эта песня была воплощением лета, да, гимн, чтобы ничего не делать, расслабиться, и именно этого я с нетерпением ожидала, преисполненная почти нездорового предвкушения. Потому что у меня не было много времени для отдыха. Мой компьютер дожидался в режиме ожидания. Мне нужно было только переместить мышку, чтобы он снова начал считать, а мой мозг работать. Сегодня ночью я позволила себе поспать только три часа, как обычно между двумя и пятью часами. Уже как только начало светать, а птицы перед окном убого-весело щебетать, я снова измученная, села за письменный стол и принялась исследовать дальше - чтобы уже после нескольких кликов понять, это будет бессмысленно. Я не находила горячий след, которой искала, не говоря уже о проходящей красной нити, которая должна была существовать - да, она должна была быть здесь, так почему, чёрт возьми, она не обнаруживалась?

Беспокойно я повернулась на бок, натягивая сползающее одеяло на бёдра. Стоит ли мне уже сейчас закончить отдых? И продолжить поиск в интернете? Нет, в этом нет никакого смысла, я и раньше уже больше ничего не различала на экране, из-за того, что мои глаза были раздражены и высохли. Упорядочить всю эту информацию, обрушивающуюся на меня, я всё равно больше не могла. Мне нужно отдохнуть. Я и хотела. Тем более, после того, как непреднамеренно снова попала на одну из этих красочных туристических сайтов, которые обещали мне именно это; глубокий, блаженный, лазурный отдых. Праздность и безделье в колыбели средиземноморской культуры. В Италии. Италия, обетованная, далёкая страна, которая выборочно, привадила меня к грани срыва или наполняла восторгом - и отказывала в том, что прятала.

В Марах. В Марах и может быть в моём отце.

И в Тессе.

Именно в это я и не могла поверить, когда просматривала все сайты интернета, которые выдавал Гугл, как только я вводила «Италия» в окно поиска. Конечно, там были не только обещания - при условии, что вы оставили позади несчётное количество сайтов с предложениями отпуска. Нет, в Италии например, происходили разрушительные землетрясения, она страдала от коррумпированных политиков с сомнительным главой государства (я даже коротко спросила себя, не был ли он возможно одержимый сексом

полукровка), на юге царила мафия и высокая безработица, нарастали не решённые проблемы с беженцами, экономика страдала, но эти сообщения казались почти милыми и незначительными, между обилием южной красоты, которая представала передо мной, прежде всего на блоках путешественников и сайтов об искусстве и архитектуре. Италия была не только легендарной страной для отдыха, но также и воплощением художественной эстетики. Из чистого отчаяния я вчера часами разглядывала живопись Сикстинской капеллы и надеялась найти спрятанные намёки на Маров. Я много чего нашла, но только не Маров.

Это чуть не сводило меня с ума. Скудная информация, которую я ранее уже с трудом собрала, не подходила к результатам моих исследований и была, кроме того, странной, загадочной и полной невысказанных кошмаров.

Информация номер один: Мой отец пропал без вести в Италии и по-прежнему от него нет никаких вестей. Не одного признака жизни. Месяцами мы ждали какой-нибудь ссылки, которая сказала бы нам, что он ещё жив, даже если она была бы крошечной. Ничего. Мама даже уже начала оплакивать его. Мой желудок сводило судорогой при каждом телефонном звонке, который раздавался в тихом доме, потому что я надеялась, что звонящий это он. Но эта страна поглотила его. Об информации номер один я никогда не хотела размышлять долго. Она причиняла слишком сильную боль, сжимала горло.

Так что перейдём к информации номер два: центр жизни Тессы предположительно находится на юге Италии. Тесса. О Боже, Тесса ... Мать Колина. И любовница. Она такая старая и могущественная, что даже жестокий перелом шеи ничего не смог изменить в её сумасшедшем, похотливом хихиканье. Она с самого начала влияла и внедрилась в жизнь Колина; она беспощадно выслеживала его, как только тот становился счастливым, чтобы взять то, что она считала своей собственностью: своего ребёнка. Колина Иеремию Блекбёрна, мою большую любовь и, как казалось, мою мрачную судьбу. Я не могла думать о Колине, чтобы сразу же не подумать о Тессе, но также я не могла думать о Колине, и при этом не думать о Францёзе, том Маре, который атаковал моего брата и высасывал из его организма всю жизненную энергию, поэтому Пауль заболел пороком сердца и чуть не умер. В последнюю секунду Джианна и Тилльманн смогли его реанимировать.

- Чёрт, тут ведь должна быть связь! - Я вздрогнула и подозрительно прислушалась, когда заметила, что нечаянно высказала мысли вслух - восклицание, прозвучавшее как возмущённое шипение змеи. Я призвала себя сосредоточиться, не смотря на отяжелевшие веки и головокружение. Если уж я раздумываю, пока не покажется солнце, тогда мне стоит сделать это здравомысляще.

Я остановилась на информации номер два. Тессе. Тессе, которая снова отправилась в путь преследовать Колина, потому что мы, на один короткий момент, испытали счастье. Действительно ли это было счастье? Или мы только спровоцировали её? Что разозлит её сильнее? С тревожной смесью из волнения и гнева, я вспомнила те минуты, которые Колин и я провели в лесу с волками, после того, как Францёз стал не способен к хищению, а Колин оправился от своего отравления. Я была прямо-таки в опьянение и уверенна в том, что смогу преодолеть все препятствия, если мы только будет бороться за наше счастье и попытаемся убить Тессу.

- Убить Тессу ..., - прошептала я с внезапной насмешкой по отношению к себе. Убить Тессу? Да, это единственный путь, который сделает возможным наше будущее с Колином. Возможно существует метод убийства, о котором я ещё ничего не знаю и который хотел передать мне Колин. Он пообещал передать. Но после того, как эйфория от победы над Францёзом утихла, а мои раны начали болеть, я постепенно осознала, что мы на самом деле задумали.

Мы, не я. Я не единственная, кто хочет видеть Тессу мёртвой. Тильманн тоже. Его жизнь стала тёмной. И не только это - она изменила его тело, заставила быстрее созреть, похитила у него способность спать. И если у Колина есть хоть капля разума в его упрямой башке Мара, то он тоже захочет убить её. Всё ужасное, что случилось с ним в его жизни, он обязан её проклятию. Смогла ли она в этот раз нагнать его? Смог ли он вообще убежать? Или она заново возродила в нём демона?

Я нервно потёрла ноги друг о дружку. Как всегда, при размышлении, я застряла на информации номер два, не продвинувшись дальше. Только лишь имя Тессы заставляло меня внутренне цепенеть. Весной Францёз смог на какое-то время вытеснить её из моей головы; дела моего брата были так плохи, что нам нужно было возложить надежды на то, что мы сможем спасти его и при этом, нечаянно, не привлечь Тессу. И это сработало, потому что Колин жил на острове, а мы, при наших не частых встречах на материке, были не особо счастливы друг с другом - во всяком случае, недолго. Но теперь существовало два Мара, без разрешения проникающие в мои ночные сны и заставляющие просыпаться в холодном поту: Францёз, этот скользкий, жадный перевёртыш, чуть не сгноивший меня заживо, когда я поймала его во время атаки и Тесса, которая превосходила и так уже тошнотворную злобу Францёза во много раз.

- Но мы победили его. Мы победили! - пробормотала я в кулак, суставы которого, из-за напряжения, грызла, как кролик. - Это возможно ...

Францёз правда не умер. Стал только неспособным к хищению. Но этого достаточно. Больше он не сможет наносить ущерб. Для него это будет большим наказанием, чем смерть. Вечно голодный. Другого шанса у нас не было. Из-за того, что Колин моложе по возрасту, он не смог бы убить его в схватке.

Но с Тессой мы не можем позволить себе такие игры. Колину просто никогда не удастся размножить во мне столько гнева и ярости, чтобы отравить её. Тесса сама была полна яда. Кроме того, я больше не готова служить гнездом для плохих чувств. Плохих чувств у меня и так, само по себе, достаточно и, к сожалению, они чаще всего одолевают меня тогда, когда я пытаюсь оправиться от напряжения из-за моих тщетных поисков. Как сейчас.

Моё предвкушение пары сонливых часиков на солнышке в саду, сегодня в обед, тоже оказалось обманчивым. Это происходило каждый раз. Слишком быстро оно могло перемениться в раздражение и гнев, потому что я не получала того, чего хотела - нет, что было необходимо. Я нуждалась в лете, как в спасающей жизнь капельнице, в которой мне снова и снова отказывали в последний момент, потому что решали, что я и без неё смогу ещё некоторое время вести жалкое существование. Да, хоть я и работала, как одержимая, у меня было ощущение, будто я только и делаю, что прозябаю.

«Перестань думать, Эли», зарычала я про себя. Речь может идти всего лишь о нескольких мгновениях, и мне наконец будет дана первая капельница тепла и отдыха и тогда нужно будет насладиться ей и вытянуть из неё новую энергию. Я, во время моих бессмысленных размышлений, внимательно наблюдала за свободным кусочком голубого неба, а также за передвижением облаков. Сейчас холодный, порывистый ветер успокоится - я поняла это по угловатым краям облаков надо мной, которые теперь освещались ярким светло-оранжевым светом. Я надела солнцезащитные очки на нос, откинулась назад, наслаждаясь последними секундами перед тем, как солнце пробьёт себе свой путь и подарит мне тепло. Тепло и по крайней мере иллюзию того, что в тоже время сообщат мне звуки.

Пока что это раннее лето, было лишь оскорблением. Я была твёрдо убеждена в том, что солнечный, весенний день, в вечер которого Колин взял меня с собой в море, передав потом волнам, был лишь прелюдией большого спасения, которого я жаждала всю суровую зиму. Но Вестервальд решил иначе. Он выбрал дождливые дни, постоянный ветер, холодные ночи, предоставляя солнцу лишь краткие интерлюдии. А потом уже следующее облако закрывало его застенчивые лучи, не разрешая разрыхлять затвердевшую с зимы почву. Казалось, что в нашем саду в глиняной земле все ещё прочно сидит мороз.

И сейчас тоже мне будет подарено только несколько мирных мгновений. Я очень хорошо знала эту разочаровывающую игру из света и теней. Показывалось солнце, ветер на поверхности земли стихал, и я, быстрым движением, сбрасывала со своего тела тонкое одеяло. Но высоко в небе ветер не позволял забрать у себя власть и надёжно заботился о постоянном пополнении облаков. Иногда мне нужно было прикладывать усилия, чтобы не принимать это на свой счёт.

Даже мама, принадлежащая к людям, для которых плохая погода - это только следствие того, что ты плохо оделся, капитулировала перед ветром и купила нам возмутительно дорогой шезлонг из устойчивого против атмосферных влияний, пластикового ротанга. Над его белоснежным матрасом, украшенным многочисленными подушками, которые из-за электрически заряженной, синтетической обивки, постоянно ударяли током, поднимался козырёк в форме раковины. Он должен был удерживать ветер и солнце, но делал это неудовлетворительно, зато давал отличную защиту от взглядов копошащихся соседей и помогал на какое-то время забыть об унылой реальности вокруг. Так что я лежала на нём, ожидая, что солнце окончательно сдастся, и я начну замерзать от ветра.

Пока я пристально смотрела на блестящий край облака, снова, сама того не замечая, начала размышлять, напоминая себе не противилась тому, что от меня требует тело. Я серьёзно хочу прийти в себя, в то время как каждую секунду ожидаю и делаю всё для того, чтобы наконец совершить убийство? Но как всегда, когда я понимала это, желание становилось ещё более требовательным, чем когда-либо. Прежде мне хотелось бы иметь возможность ещё один раз основательно отдохнуть. Что мне нужно, так это передышка. Полежать спокойно. Погреться на солнышке.

Нет. Что мне нужно, так это план.

Но разве можно придумать план, когда постоянно блуждаешь возле самого края истощения? Моя кожа на ощупь часто казалось такой израненной, что я думала, любое,

слишком быстрое движение может разорвать её во всех тех местах, которые только недавно кое-как зажили. Снова и снова на меня накатывали атаки ужасной головной боли. Как ещё никогда в жизни, я стала ненавидеть суету и чрезмерную жажду деятельности. Хотя во время исследования ничего другого не делала, как теряла себя в суетливой, чрезмерной жажде деятельности. Мамины просьбы, хотя бы ради видимости всё же побеспокоиться о будущем, в последние недели значительно утратили в материнском снисхождении. Для чего искать работу, если может случиться так, что на следующий день мне всё равно придётся от неё отказаться, когда... Да, когда. Когда, когда, когда. Как уже часто, я прокляла про себя несоответствие между временной структурой Маров и нас людей. У них было так ужасно много времени, благодаря их проклятому бессмертию.

Колин дал мне обещание, расследовать второй способ убийства и рассказать о нём. Потому что общепринятый отпадал; Тесса слишком старая, а значит слишком сильная, чтобы Колин мог выступить против неё в поединке. Он не сможет победить. Да, обещание я выклянчила - только о «когда» мы не говорили. Я надеялась он выполнит своё обещание, прежде чем моя рука станет слишком трясущейся, чтобы держать в ней пистолет. Пистолет? Навряд ли пуля сможет убить Тессу. Может нужно будет загнать кол в сердце, как у вампиров? Это казалось глупым. Или может, в конце концов, отрубить голову?

Я снова потёрла ноги друг о друга, которые, несмотря на кокон из флиса, замёрзли. Кол в сердце и отрубание головы - это отвратительно, но слишком просто. Нет, должно существовать что-то другое. Что-то более весомое. И я смогу привести мысли и жизнь в порядок, лишь когда узнаю об этом и выясню, где находится папа. А также, что там такое с Марами в Италии. До тех пор я буду продолжать исследовать, а в мои не частые передышки жаждать солнца, надеясь, что оно не только покроет загаром кожу, но также сделает её толще и прочнее, чтобы я смогла выполнить эту задачу.

Мама не знала о моих не созревших до конца целях. Она даже точно не знала, что на самом деле произошло в Гамбурге. Ни Пауль, ни я не смогли заставить себя рассказать ей хоть какие-нибудь подробности, хотя в начале мы твёрдо решили рассказать. Но отодвигали разговор и вводили друг друга в заблуждение. Хотим мол сначала отдохнуть от мучительной схватки и поездки к волкам. А как только прошло какое-то время, мы начали сомневаться в том, что мама сможет справиться с правдой. Может быть мы только сами себя убеждали в этом.

Пауль боялся признаться маме, что был какое-то время геем из-за того, что его атаковал перевёртыш (с которым он, опять же неохотно, проживал своё бытие гея). А я боялась, что она запрёт меня, как только узнает, что причинил мне Колин, и что только недавно заживший перелом в моей руке – это его рук дело.

Но мама не дура. Она уже давно поняла, что случилось больше, чем мы рассказали. А так как папа по-прежнему отсутствовал, она в первый раз в своей материнской жизни, мутировала в курицу-наседку и контролировала каждый мой шаг. Лишь компьютер, который я защитила несколькими паролями, оставался моей собственной суверенной территорией.

Пауль ловко уклонился от её страсти всё контролировать. Ему нужно было уладить ещё некоторые дела в Гамбурге, и он уже давно не подчинялся родительским приказам. Францёз оставил после себя лишь хаос. Помимо расчистки грязной, наводнённой крысами, подвальной дыры под его галереей, Паулю предстояла неблагодарная задача, ликвидировать его квартиру

и поручить продать одному из многих жадных гамбургских агентств недвижимости. Также он пытался отменить общий контракт на наследство с Францёзом, что оказалось не так просто, но Францёз, как контактовая связь, к счастью, больше не принимался во внимание.

Уже спустя несколько дней после того, как Колин отравил его высосанным из меня гневом, Францёза арестовали, потому что он без разбора цеплялся в спину прохожих Гамбурга и пытался выпить их мечты. В лучшем случае, люди считали это назойливым, в худшем, их временно катапультировало к краю психоза.

Атаки Францёза были безвредны, но достаточно бросающимися в глаза, чтобы классифицировать его, как неспособного находится среди общества. Его передали в закрытую психиатрию, в которой он скорее всего, даже по отношению к таким тяжёлым снарядам как валиум, оказался чрезвычайно выносливым. Но, по крайней мере, его отправили в надёжную, одиночную камеру и теперь он не сможет больше наносить ущерб туристам Ханзештадта.

Пауль передал управление имуществом Францёза нескольким адвокатам, потому что его и так уже достаточно обременяла забота о своих собственных пожитках, из которых он почти ничего не хотел оставить - даже свою любимую белую Поршу 911, на которой я тогда прокатилась к Колину на Зильт. Ему казалось всё, что имело общего с Францёзом, и что он приобрёл за время, проведённое рядом с ним, грязным. Я чувствовала тоже самое. Короче - нам сложно было объяснить маме, почему Пауль так неожиданно отказался от своей галереи и своей квартиры и всё свою предыдущую жизнь втоптал в землю. Ещё меньше она понимала, почему он и его младшая сестра находились в таком печальном состояние, после того, как вернулись домой. Мои раны и сломанные пальцы невозможно было не заметить. Общее же обессиленное состояние Пауля было ещё тяжелее. Я надеялась, что все его недуги, да, даже порок сердца исчезнут, как только мы освободим его из лап Францёза. Но этого не случилось. Ему приходилась справляться с физическими слабостями, которые обычно обрушиваются на мужчин далеко после кризиса среднего возраста, но точно не на того, кому за двадцать, как ему. И скорее всего, в глазах мамы, чрезвычайно подозрительно то, что я в последнее время все ночи напролёт провожу в интернете, а потом после обеда, бледная и с кругами под глазами, ищу солнечного местечка, а любое большое задание отклоняю со словами, что мне нужно немного отдохнуть.

Также, как я сделала это недавно, в этот короткий момент предвкушения, в то время, как ветер набирал новые силы, чтобы освободить солнце от огромных белых, как вата, облаков надо мной. Я медленно выдохнула. Только одно единственное мирное мгновение. Мне нужно залечить раны. Залечить раны, чтобы быть в состояние думать и двигаться дальше. Чтобы перейти к информации номер три и найти красную нить ... нам нужна красная нить ...

- Эли! Эли?

Солнце светило, а моё мирное мгновение закончилось. Крик мамы разрушил его. Я согнула ноги в коленях, чтобы она не смогла меня увидеть, хотела полностью вжаться в выпуклость раковины, стать невидимой для остального мира. Но это бессмысленно. Мама знала, где я. Её голос уже приближался.

Я закусила нижнюю губу, чтобы нечаянно несправедливо не наорать на неё, не начать её горько упрекать. Она только что оставила меня на целый час в покое, хотя вначале, прямо

рядом со мной, ещё дёргала сорняки, и помощь ей бы не помешала. Час, за который солнце показывалось примерно в течении десяти минут. Но мама в этом не виновата.

- Эли, тебе нужно на это посмотреть.

Вздыхая, я вытащила наушники из ушей.

- Что? - набросилась я не неё с негодованием и вспомнила, как дежавю, тот гнетущий момент, случившийся год назад, когда папа попросил меня забросить в почтовые ящики соседей приветственные открытки. Тогда я отреагировала аналогично и чувствовала себя такой же побеспокоенной. Но могла ли я быть более счастливой, чем в тот холодный майский вечер, когда всё началось? Когда папа был ещё с нами, я познакомилась с Колином и полюбила, когда ещё было всё возможно?

Колин? Молния прошла сквозь мой живот. « На это тебе нужно посмотреть», только что сказала мама, и это прозвучало важно. Не так важно, что она могла бы иметь в виду папу. Нет, если бы папа неожиданно вернулся, то она выбрала бы другие слова.

Но могло быть так, что - что Колин ...? Я не осмелилась закончить свои мысли, потому что моё сердце пульсировало теперь в синкопическом ритме, вместо того, чтобы биться разумно. Необъяснимый импульс бежать заставил меня барахтаясь, избавиться от обоих одеял, укрывающим моём тело, чтобы можно было смыться, если моя догадка окажется верной.

Слова мамы прозвучали не только важно, но и скептично, а она, по отношению к моей связи с Колином со времени событий произошедших зимой, была настроена скептично. Да, вполне может быть, что приехал Колин и она хотела указать мне на это. Но в состояние ли я сделать всё то, что потребует его присутствие? Смогу ли я, посмотреть ему в глаза?

- На что мне следует посмотреть? – опять спросила я маму, потому что та не отвечала. Я встала и скользнула ногами в обувь. Солнцезащитные очки я не стала снимать, хотя солнце как раз вновь исчезло. У меня было такое чувство, что тёмные стёкла ограждают меня от всего настоящего, реального и неизбежного. Они дадут мне фору, если мои самые смелые надежды и страхи исполняться.

- Иди за мной. - Мама развернулась и проворно поднялась по каменной лестнице к нашей оранжереи, чтобы направиться к папиному кабинету, из окна которого мы могли свободно смотреть на наш двор. У меня перехватило дыхание, когда я подняла веки и посмотрела вниз. Гнев и горькое разочарование внезапно сдавили горло и на один момент стали такими сильными, что мне больше всего хотелось, как подростку, побежать наверх в свою комнату и броситься на кровать. Мама должна была заметить, что кровь, горячая как лава, бросилась мне в лицо, а губы задрожали, но я, подчёркнуто холодно, скрестила руки на груди; поза, которую мама в последнее время всё чаще принимала сама, когда чувствовала, что больше не может справляться с моим упрямством и упрямством моего брата. Тем не менее моё дыхание, со вздохом, мучительно вырвалось из горла, когда разочарование тупо поднялось до плеч. Почему, чёрт возьми, я разочарована, когда только что ещё придерживалась мнения, что ещё слишком рано для встречи? И почему собственно рано? Мне ведь так не хватает Колина. Что же здесь не так? Был ли это тот факт, что мы встретимся, чтобы совершить убийство? Но это будет убийством демона, который хочет нас уничтожить и ставит под сомнение нашу общую жизнь. Мы должны сделать это! Я не сомневалась в том, что Тесса, при нашей следующей встречи, заметит меня; ещё один раз мне не удаться спастись. И тогда есть только два варианта: либо

она превратит меня тоже, либо убьёт. Я могла представить себе, что для этого хватит лишь взгляда с её стороны. Может быть даже просто мысли. С Францёзом у меня были сомнения, принять решение убить другое существо. С Тессой у меня не оставалось другого выбора. Она убьёт любого, кто встанет на её пути; не только меня, а всю мою семью.

Лишь Тильманна настигнет другая судьба - его она никогда в жизни не убьёт. Она сделает его Маром. Может быть, это даже закончится так, как в моих снах. Тесса не только превратит Тильманна, а натравит его охотится за мной и атаковать. Мой лучший друг станет моим злейшим врагом. В достоверности этих снов я некогда не сомневалась. Я знала, что они не плод моего воображения, а предупреждение. Наверное, Тильманн тоже знал это.

Мы её разозлили. В первый раз Колин не подчинился ей, не убежал и не бросил девушку, которую любит. Он сражался и вернулся ко мне. И хотя мы оба почувствовали, что она вновь взяла след Колина и смогла нас учуять, мы ещё раз потерялись друг в друге, прежде чем Колин ушёл в море. Тесса должно быть кипела от гнева и мести. Третьего раза не будет - если только мы не опередим её.

Но мне был нужен Колин не только для того, чтобы убить Тессу. Он был мне нужен также, чтобы найти папу.

И он был мне нужен для себя самой. Для моей души. Снова я не смогла подавить вздоха, потому что к моей тоске примешались беспокойство и страх. Я сама себя не понимала.

- Ты её знаешь? - захотела знать мама и сделала вид, будто не заметила, как во мне вскипели чувства.

- Да, - ответила я. Теперь мой голос звучал более раздражённо; лучше такое настроение, чем разочарование и растерянность. Отсюда сверху я тут же узнала Джианну Веспучи и её обветшалый, маленький автомобиль. Почему, однако, она сидит на корточках, на нашей, выложенной камнями, подъездной дороги, уткнувшись лбом в руки, а волосы достают чуть ли не до земли, было не ясно. Нашим соседям скорее всего тоже. Они, жадные до сенсаций, точно уже присматривались к этой занятной сцене. Самое позднее сегодня вечером прибытие Джианны станет новой сплетней в деревне - как и всё, что мы, семья Штурм, делали или не делали. На шкале популярности мы теперь только едва ли превышаем выпивающую владелицу пони, которая как раз снова потеряла свои водительские права, а поздно вечером любила устраивать беспорядки в доме, по злым слухам даже избивала своего мужа. Мы не выпиваем и не дебоширим, но у нас есть сбежавший отец и чрезвычайно нетрадиционная мать, которая, время от времени, встречается с моим учителем по биологии, чтобы позаниматься йогой. Совсем недавно поступила в Бонне в университет, чтобы изучать историю искусства, хотя собственно, должна была уже подготавливаться стать бабушкой. Мы не стали членами ни в стрелковом, ни в местном футбольном клубе, а зимой, лишь не регулярно, разгребали на тротуаре снег. Всего этого достаточно, чтобы попасть в немилость деревни, насчитывающей 400 человек и стать изгоями общества. То, что теперь молодая женщина, вместе с контейнер-перевозкой для кошки, сидела на корточках на нашей подъездной дороге и скуля, покачивалась туда-сюда, подольёт только масла в огонь.

- Твоя подруга? - спросила мама осторожно. Она уже давно не знала круга моих знакомых. К моим бывшим лучшим подругам я радикально прервала контакт. Нам больше нечего было сказать друг другу. Также я рассталась с Майке. Для меня остался только

Тильманн. Однако сейчас он вместе с Паулем находился в Гамбурге и из-за своей хронической бессонницы позволил доктору Занд обследовать себя.

Тильманн спросил меня, не хочу ли я поехать вместе с ним, но я боялась Шпайхерштадта. Я не хотела возвращаться снова на то место, на котором извивалась в агонии на земле, где меня пинал и унижал мой собственный парень. Я не сразу отказалась - в конце концов возможно доктор Занд сможет помочь мне в моих исследованиях. Но потом всё-таки решила по-другому. Я считала доктора Занд человеком, который любит брать на себя командование и кроме того смотрит на меня как на дочь. Если я расскажу ему обо всём, то он не позволит мне больше сделать и шага одной, и тем более не потерпит, чтобы я предприняла всё возможное для убийства Мара. Для этого он чувствует себя слишком обязанным моему отцу. Так что я и Тильманну вдолбила в голову, не намекать ему ничего о нашем плане. Но Тильманн в настоящее время всё равно поддерживает одну из своих фаз отступления, в которых он предпочитет оставаться молчаливым, не разделять свои мысли со мной или другим человеком. Только когда выводы, которые он сделает, будут согласованны с его душевным спокойствием, он начнёт читать свои эпические лекции. Мне было уже знакомо это явление, что правда не означало, что я могла принять его без жалоб. Я знала, что он размышлял, много размышлял, также много, как и я, но не разрешал заглянуть в его мысли. Мы уже в течение многих недель размышляли и проводили исследование раздельно - какой в этом смысл? Это ведь не эффективно. Но попытки заставить Тильманна заговорить, всегда заканчивались ещё более ожесточённым молчанием с его стороны. Поэтому я позволила ему уехать. Правда его посещение доктора Занд было и для меня важно. Я хотела наконец узнать, что с ним случилось и почему он больше не спит.

К тому же Тильманн помогал Паулю избавиться от своего старого багажа или, выборочно, превратить его в деньги. Его отец, нехотя, разрешил ему поехать, после того, как Пауль выписал похвальное свидетельство о его практике в галереи.

Поэтому меня удивило ещё больше, что Джианна, без всякого предварительного предупреждения, появилась здесь, а не осталась в Гамбурге. Также её явно плохое общее состояние не подходило к той, в приподнятом настроение, проницательной Джианне, какой она преподносила себя в своих электронных письмах - письмах, которые приходили в любое время дня и ночи, но в основном между полночью и ранним утром и обеспечивали меня различной информацией о народном поверье относительно демонов Мара, дерзко-интеллектуальными насмешками и ссылками из ютубэ. Всё же я не рассказала ей, что жду информацию от Колина и что она должно помочь убить Мара. Я хотела посвятить её во всё, когда это станет конкретно, когда Колин расскажет мне о втором методе. Если он вообще когда-либо это сделает.

Нетерпеливо я покачала головой, чтобы вспомнить мамин вопрос. Является ли Джианна моей подругой, хотела она узнать. Я же в течение нескольких минут просто стояла и размышляла, вместо того, чтобы ответить. Да, Джианна действительно моя подруга, хотя в наших электронных письмах мы со страстью нападали друг на друга и часто переходили границу настолько, что это уже становилось оскорблением.

- Она девушка Пауля, - всё же ответила я. Я хотела отвлечь её от себя.

- О, - сказала мама и наклонилась ещё немного вперёд, как будто таким образом сможет лучше разглядеть Джианну, что определённо невозможно, потому что Джианна теперь даже перестала раскачиваться туда-сюда. Мы видели только её согнувшуюся спину и затылок. Её чашечки колен должно быть уже начали причинять ей боль.

- Она красивая, не так ли? - добавила мама неопределённо - смелое предположение, которое, учитывая свисающие прядями волосы Джианны, обрело ещё больше бризантности.

Я развернулась, пожимая плечами, и сделала то, чего Джианна уже вероятно ожидала в течение нескольких минут: кто-то должен позаботиться о ней. Когда я вышла во двор, поднялся жуткий вой в два голоса, который не хотел заканчиваться и в конце концов разрядился в жалобном «яуяуяуяууяуяуу». Мистер Икс обнаружил запертого Руфуса и подошёл к нему в своей опасной позе: на выгнутой спине зазубренный гребень из волос, тело наискось, хвост распушил как щётку, уши прижал. Его острые белые клыки светились на чёрной морде, как обнажённое оружие.

- Всё хорошо, зайчик, - пробормотала я успокаивающе, но Мистер Икс не обратил на меня внимания. Шипя, он затянул новую арию, в то время как его слюни капали на выложенную камнем дорогу, а Руфус впивался когтями в пол пластикового контейнера.

- Джианна? Всё в порядке?

Нет она не в порядке. Я чувствовала её страдания словно они были мои. Её колени дрожали, желудок болел, уже в течение нескольких дней. Она плакала. Я чувствовала запах соли на её щеках. Но она не отреагировала.

- Эй, Джианна, скажи хоть что-то!

- У меня больше нет сил, - глухо раздалось из-под её завесы волос. Её голос звучал слабо. Теперь она опасно накренилась в сторону. Моя рука помогла ей снова восстановить равновесие. - Пауль здесь? - спросила она заплетающимся языком.

- Пауль в Гамбурге, Джианна. Его здесь нет. Вы ... вы ведь ещё вместе, не так ли? - С того времени, как мама обратила моё внимание на неё, во мне тлел страх, что оба уже опять расстались. Была ли это та причина, по которой она себя так плохо чувствовала? Им нельзя расходиться, нет, нельзя! До возвращения Колина должно оставаться всё так, как есть. Мы команда. Нам нужно держаться вместе, чтобы сделать то, что будет необходимо. Джианна нам нужна, потому что она делала Пауля более сильным, а Пауль нам нужен, потому что я больше не начну никакого предприятия без моего брата, после того, как мы были в разлуки в течение многих лет. Но не только он мне нужен. Прежде всего мы нужны ему. Кроме нас у него никого не осталось. Францёз прогнал от него всех людей. У него нет ни одного друга. Даже знакомых. Самое большее бывшие студенты.

- Не знаю, - промямлила Джианна. - Не имею представления. Мы решили развивать наши отношения постепенно. И всё же, я тут же вышла бы за него замуж, если бы он предложил. Но он не предложил.

Застонав, я опустилась на землю.

- Пауля здесь нет, Джианна. Он в Гамбурге. Поэтому я задаюсь вопросом, почему ты ...

- Потому что не могу больше! - хрипло пролаяла Джианна. - Я же только что сказала! Я говорю о моей работе, моей квартире, обо всём - всё дерьмо! - Её руки взлетели вверх, при этом она потеряла равновесие и упала на задницу. Теперь мы сидели напротив и могли по

крайней мере смотреть друг другу в лицо. Её оливкового цвета кожа приняла зеленоватый отлив, который украшал Джианну только тогда, когда её тошнило или она напрягалась. Наверное, и то и другое было верным.

- Мой водонагреватель сломался, взял и сломался. Просто так! У меня больше нет горячей воды!

- Немного по тише, Джианна, пожалуйста ..., - попросила я приглушённо, стараясь придать голосу сочувствие. Джианны не понимала, что подслушивало полдюжины ушей и по меньшей мере в два раза больше подсматривало глаз. - Хорошо. Водонагреватель сломан. И что из этого?

- Ничего! Это стало последней каплей! Эта дерьмовая лачуга и эта дерьмовая робота и эти дерьмовые коллеги и я ... я ... всё бросила. Всё. Я ... - Она сглотнула и в отчаяние на меня посмотрела. Её янтарные глаза были тусклыми от усталости. - Я, разозлившись, опрокинула на клавиатуру шефа горячий кофе. Целую чашку. Я больше не могу вернуться туда. А также в мою квартиру. У меня больше нет горячей воды.

Я осознала, что объективный разговор в этот момент невозможен, схватила воющего Руфуса и потянула Джианну за рукав вверх. Она позволили довести себя до дома, как старая, слепая бабушка, и спотыкаясь, поднялась рядом со мной по ступенькам в оранжерею, где, стараясь подавить любопытство, нас уже ожидала мама.

- И? - спросила она осторожно. Джианна откинула волосы с лица, чтобы посмотреть на маму. Она заставила себя улыбнуться, но это не смогло скрыть её жалкого состояния.

- Эмоциональное выгорание, - диагностировала я коротко и на один момент была не уверенна в том, говорила ли я о Джианне - или может быть всё-таки о себе.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Выгорела

- Знаешь, что мне больше всего действует на нервы в нашей ситуации?

Джианна постучала в дверь поздно вечером, сразу же засунув нос в щель, как только я произнесла вежливое „да?». Она рассчитывала на то, что меня жгуче заинтересует её ответ. При этом, у меня самой в запасе множество вариантов ответов на этот вопрос. Ей не нужно добавлять ещё один.

Но в прошедшие недели я провела слишком много ночей в моей комнате в одиночестве; немного общества возможно будет к месту. С другой стороны, я была как раз в самом разгаре моих исследований. Будет ли в этом какой-то толк, я ещё не знала. Я углубилась в жизнь Леонардо да Винчи, который, в конце концов, создал изобретения, свидетельствующие о выдающемся интеллекте и пророческой силе. Полукровка? Или возможно даже Мар? Может он даже никогда не умирал и в конце концов является одним из революционеров, с которыми сотрудничал мой отец?

- Заходи, - всё же попросила я Джианну. Сайт не исчезнет из интернета. И если Джианна останется не слишком долго, то я возможно смогу после налёта на Да Винчи посетить и WikiLeaks. Если какой-то человек, кроме нас, и знает о Марах, то возможно Джулиан Ассанже. За носом Джианны последовал и остаток её худого тела, и она засеменила к моей кровати, где сразу же, скрестив ноги, села в изголовье. Дрожа, она засунула свои голые пальцы ног под моё одеяло. Хотя я почти не уделяла внимания её внешнему виду, от меня не ускользнуло, что она выглядит немного свежее и здоровее, чем по прибытии к нам, два дня назад.

У Джианны действительно иссякли все силы - возможно понимание того, что делать дальше ещё осталось, но вот сил точно нет. Сломанный водонагреватель и кофейное покушение на клавиатуру её шефа, были только верхушкой айсберга, которая перевернула её жизнь. Это мы с мамой выясняли при изнурительном расспросе, к которому вынудили Джианну после того, как я отволокла её в оранжерею и представила маме. Отвечать Джианне было сложно, потому что ей пришлось заранее дать мне обещание, ничего не выболтать о наших ночах с Францёзом и Колином. Я боялась, что и эти события тоже, похитили у неё энергию.

Джианна, во время нашего допроса, не прикоснулась к куску своего пирога и только иногда, как пташка, попивала свой кофе. Я знала, что она любит и то и другое: кофе и пироги. Джианна была любительницей кофе. Кульминационные моменты её дня - это позволить себе ровно в полпятого слойку или, если исследования хорошо продвигались вперёд, кусочек пирога, и съесть его за редакционным столом вместе с хорошей чашкой крепкого кофе. О рабочих днях Джианны я, благодаря её электронным письмам, была между тем уже достаточно хорошо информирована. Поэтому: если Джианна после обеда в половине пятого отказывается от пирога, то что-то здесь не ладно. Всё-таки меня удивили пропасти, разверзшиеся передо мной, когда она, каясь как грешница, выложила правду.

Джианна не только выгорела, но была ещё и совершенно разорена. Потому что бюрократические препятствия жизни рассматривала как докучливые злоключения, которыми можно пренебречь, и по её собственным словам они просто отключали её мозг. Если в предложение встречались цифры, то она прочитывала письма налоговой инспекции только поверхностно и неправильно поняла закон о налогах для студентов.

- Для студентов? - удостоверилась я удивлённо.

- Да, год назад я ещё училась в университете, - ответила Джианна немного дерзко. Моё предполагаемое безделье и мой хорошо заполненный кошелёк уже в Гамбурге, были для неё бельмом на глазу. Она не знала, чем я занимаюсь уже в течение многих недель. Так как не имела представления, что Тильманн и я запланировали поехать в Италию и убить Тессу. Пока ещё нет.

- Я думала, что ты уже в течение многих лет работаешь в прессе.

- Я и работаю. Это не значит, что попутно, ты не можешь сдать экзамены, не так ли? - ответила она, рвясь в наступление. - В течение дня работа, ночью учёба и написание диссертации. Так не возникает скукоты.

Во всяком случае, клаузу начёт верхнего предела исчисления взноса и необлагаемого налогами минимума для студентов Джианна истолковала скорее великодушно и думала, что ей нужно платить налог лишь за доход, превышающий этот минимум, а не за всю сумму, как только она превышала этот минимум. А она его превысила - на много. Теперь ей нужно было выплатить 5000 евро налогов. У неё была хроническая боль в плече, сломанный бойлер и ко всему прочему, во всей этой суете, нечаянно отправленное электронное письмо в общественный фонд статей, а не Паулю, в котором она, как обычно, с острословием выразилась о привычках своих газетных коллег. Это сообщение было видимо для всех несколько минут - по словам Джианны самые худшие минуты её жизни.

Она, со слезами на глазах, смогла уговорить главного технолога удалить письмо из системы, но кто-то уже распечатал его, и оно пошло по рукам. Значит для Джианны больше нет причины войти в эту редакцию ещё раз.

Я задавалась вопросом, разве её коллеги не видели или по крайней мере не чувствовали, в каком жалком состояние она находится. Она была такой уставшей, что иногда сидя, у неё закрывались глаза. Мельчайшие вещи выводили её из себя. У неё не было ни аппетита, ни жажды и первые два дня в нашем доме, она проводила с тем, что лежала в маминой швейной комнате на кровати и неподвижно там дремала. Когда я заглядывала к ней и спрашивала, не хочет ли она, по крайней мере, выйти в сад или посмотреть телевизор, она говорила, что рада просто полежать. Нет, она не хочет. Джианна играла в мертвеца.

Но только что, когда она спросила меня, знаю ли я, что больше всего действует ей на нервы в нашей ситуации, она в первый раз снова произвела на меня впечатление живого человека - человека, который нуждается так же срочно, как и я, в отдыхе, но для которого было бы достаточно получить благоразумную работу и новый бойлер, чтобы привести свою жизнь в порядок. Стоит ли мне вообще обременять её нашими планами в отношение Маров? Самое большее в наших письмах мы говорили о Колине, и это скорее на шуточный манер. Но лояльность Джианны не имеет границ. Так же она слишком любопытна, чтобы больше не иметь дела с миром Маров, как только Тильманн, Пауль и я снова обратимся к нашим мучителям. Даже если сейчас нет необходимости действовать: оставшийся от Маров отголосок был слишком сильным, слишком могучим. Невозможно было больше вести нормальную жизнь. Как будто в этом и есть смысл и цель их хищения, уничтожить все безопасные структуры, так как сделал Францёз с Паулем, прежде чем начел им закусывать. Джианна должно быть размышляла о них. Если же нет, то я полностью в ней обманулась.

- Ну, и что тебе действует на нервы? - спросила я, когда она, подчёркнуто громко, начала шуршать моим одеялом, чтобы пробудить во мне давно запоздавшую реакцию. И всё же мои глаза всё ещё были направлены на ящик почтовой программы, как уже часто во время моих бессонных ночей. Я не могла вести исследование без того, чтобы снова и снова не заглянуть в оутлоок. Даже сейчас он магически меня притягивал.

Причина между тем была почти уже неловкой. Неделю назад я нашла Гришу в одной из бизнес-сетей и написала ему электронное письмо. Во время написания письма я чувствовала себя сильной и красивой. После того, как отправила его, только лишь глупой и незрелой. Так как теперь я ждала ответа, каждый день, каждый час, каждую минуту и до сих пор напрасно. Я сердилась, потому что завела саму себя в такое ненужное, стеснённое положение. Тем не менее, это стеснённое положение, ударяло меня каждый раз небольшим электрическим разрядом в живот, когда я думала о том, чтобы проверить электронную почту. А это, в свою очеред,ь создавало такое впечатление, что в моей жизни что-то происходит. Но ничего не обнаружив, кроме того, что меня засыпали спамом или что только пришло сообщение от Джианны, а так же видя, что в моих исследованиях я топчусь лишь на месте, моё разочарование становилось ещё больше. И то, что мне нравилось читать письма Джианны, не могло уменьшить это разочарование.

Но теперь она сидит здесь, в моей комнате, и вероятность высока, что я не получу от неё писем. Если одно и объявится, то оно может быть от Гриши - или от Колина? Может быть я узнаю о втором методе из электронного письма? Колин умеет обходиться с современной технологией, но рокот в его теле делает её крайне чувствительной к помехам. К тому же, мне казалось это слишком дилетантским делом, посылать такую важную информацию по компьютеру.

Ещё раз я нажала на поле отправить-получить в оутлооке, хотя уже поставила автоматическое востребование на минутный такт. Пересылка завершена. Никаких новых сообщений. Я сигнализировала Джианне одним кивком головы, что та может говорить, но она начала только тогда, когда я отвернулась от экрана.

- Мне действует на нервы то, что мы очевидно все трое ожидаем наших мужчин. Три женщины сидят в одном доме и ждут своих мужчин, потому что без них они не в состоянии действовать. Это не по-современному и совершенно не эмансипированно. Для меня это слишком по-Эдвардски. - Я сухо рассмеялась. Джианна не могла бросить сравнивать вселенную Маров со всеми популярными, фантазийными порождениями из литературы и фильмов - прежде всего с современными фигурами вампиров. По-Эдвардски было её новым, изобретённым словом.

- Не смейся! Мы должны быть в состоянии сами взять нашу жизнь под контроль, Эли. Я не хочу дольше бессмысленно бездельничать.

- О, мама уже делает это, - ответила я колко. - Ты же видишь, занятия йогой, учёба в университете, фонтан в саду ... - За фонтан я особенно на неё злилась. Папа никогда не хотел его, потому что пузырящаяся вода в летние дни слишком сильно отражала и рефлектировала свет - яд для его «мигрени». Но теперь мама реализовала свою мечту о плескающемся фонтане рядом с кустарниками роз - как будто папа никогда не вернётся.

- Ах, Эли, одно это, не делает жизнь полной и счастливой. Йога, учёба, оформление сада. Не будь несправедливой! - насмехаясь воскликнула Джианна. - Твоя мать просто не хочет утонуть в трауре и апатии, а что-то предпринимать. Она сильная. И я рада и благодарна ей за то, что она приняла меня.

Это была мамина настоятельная просьба, не позволять Джианне вернуться в Гамбург. В этом состоянии она всё равно не могла сесть за руль, особенно ещё по тому, что её старый Фиат срочно должен пройти техосмотр. Кроме того, мы предложили Джианне помочь в финансовом отношении, но она сопротивлялась руками и ногами. Она уж что-нибудь придумает, как можно решить эту проблему. Хотя Джианна была сейчас не в состоянии что-то придумывать. Её творческая энергия улетучилась, а я сама никогда не была особо творческой натурой.

Но она, по крайней мере, приняла предложение остаться. Лишь один был с этим не согласен: Мистер Икс. Уже в первый вечер Джианна и я сцепились друг с другом, так как она считала безответственным оставлять по ночам кошачьи заслонки открытыми. Руфус домашний кот, и не сможет справиться с реальностью там снаружи. Но и запирать Мистера Икс не имело смысла, так же, как пытаться сделать это с его хозяином. Он неистовствовал в гостиной, издавая затяжные, гортанные крики, которые смогли бы привести в замешательство даже самых уравновешенных людей, а затем обоссал всю дверь оранжереи. Кроме того, казалось, что в подвале произошла ссора из-за кошачьего туалета. Половина наследства приземлилась на расстояние в полметра от пластиковой чашки, заполненной наполнителем для туалета, который во время драки за ревир, за собственническое место для опорожнения, был разбросан по всему подвалу. Из-за чистого стресса Руфус начал ещё и поносить.

Мама радовалась, что в доме Штурм наконец снова произошло сражение, но после того, как мы просидели весь завтрак без аппетита и со сморщенным носом, Джианна, чуть не плача, решила отпустить Руфуса на свободу. Он прошествовал по газону, как будто зелёные стебли обжигали его чувствительные лапы и при первой же прогулки, запутался в заборе наших соседей, где впал в своего рода шоковое оцепенение и жалобно плакал. Джианне и мне пришлось совершить незаконное проникновение на чужую территорию, чтобы освободить его.

Но казалось, постепенно, Руфус и Мистер Икс пришли к соглашению. По крайней мере, сегодня утром на въезде, больше не лежало больших пучков меха.

- Да, мама у меня что надо, - призналась я. - А ты - у тебя разве нет матери? - Боже, что за дурацкий вопрос.

- Не такая, к которой я могла бы пойти с моими заботами, - ответила Джианна таким тоном, который запретил мне расспрашивать её дальше. Значит её мать – это запретная тема. И к сожалению, она права насчёт того, что сказала о нашей ситуации, не представляя себе насколько сильно права. Даже если это так не выглядело, но мама, скорее всего, ожидала папу так же страстно, как и я. Кроме того, мама и я ожидали Пауля, также как Джианна. Я сама, в общей сложности, ждала даже четверых мужчин: папу, Пауля, Тильманна и Колина. Папу я мысленно снова вычеркнула из списка. Даже если папа появится, то в моём ожидании других мужчин ничего не изменится. Потому что таким образом была бы решена только одна проблема. Для второй у нас всё ещё нет готового решения. И хотя я день и ночь рылась в интернете, я знала, что мы сможем начать действовать только после появления Колина. Всё остальное - это лишь неопределённая подготовка, не больше.

Да, это так, как сказала Джианна. Мы не в состоянии действовать. По крайней мере Пауль и Тильманн хотели в ближайшее время отправиться к нам, возможно уже даже завтра. Но это ничего не принесёт, пока Колин не передаст нам сообщение.

- Собственно ты уже слышала что-то от Колина? - угадала Джианна мои мысли. - Знаешь, справился ли он? - Я покачала головой. - Я имею в виду - у тебя тоже нет ... э ... - Джианна казалось, выбирает слова с помощью пинцета и каждое из них разглядывает, прежде чем решить использовать. - Нет ... идей?

Идей. Ха-ха. Моя последняя идея состояла в том, чтобы написать Грише электронное письмо, которое по меньшей мере получилось таким же запутанным, как то, что я послала ему тогда в школе. В этот раз однако, мне нужно было сообщить ему весть. Я рассказала о том, что видела его во сне, в этом сне ему была нужна моя помощь, и что этот сон был таким настойчивым, что ... Да, что. Начиная с этого отрывка, я потеряла себя в мысленных пунктах и вопросах. Потому что у меня не было ни малейшего представления, как Эли Штурм может помочь такому как Гриша Шёнфельд. Как я могу надеяться на то, что он вообще подумает мне ответить? Не считая этого странного эпизода с электронным письмом, вызванного меланхоличным сном о Грише, как в мои лучшие времена, когда я ещё была подростком, моё бытие оставалось без идей.

Стоит ли мне уже сейчас посвятить Джианну в мои исследования? Изменит ли это что-то? В конце концов, она изучала историю и литературу. И она размышляла о том, что могло случиться с Колином и вернётся ли он. Но хотя я уже открыла рот, а она заворожено на меня смотрела, я остановилась и ничего не сказала. Нет, лучше ещё подождать. И так будет сложно убедить её принять участие в наших планах с убийством, потому что Джианна, так же, как и Пауль, никогда не видела Тессу. Она не может знать, какая та порождение ужаса. В Гамбурге Тильманни и я, одним вечером, застигли Джианну врасплох, когда нам понадобилась её помощь, чтобы спасти Пауля, и это сработало. Будет разумнее, если мы и в этот раз застигнем её врасплох, как только придёт время, и я получу сообщение от Колина. Если она будет знать заранее, то начнёт размышлять и из чистой благодарности, возможно даже расскажет всё маме. Поэтому я снова закрыла рот и сглотнула, чтобы сделать вид, будто мне грустно, и я сдерживаю слёзы. Да это и не ложь вовсе.

- Нет, никаких идей, - ответила я с горечью. Я видела сны о Колине, неоднократно, но они казались мне типичными снами-воспоминаниями, собранными из действительно пережитых событий, не такие, на которые он влиял. К сожалению эти пережитые события были пронизаны ужасными сценариями.

Наша телепатическая связь была будто обрезана. Возможно, Колин разорвал её, чтобы защитить меня. Тессе, чтобы найти нас, больше не нужно было наше совершенное счастье. Ей хватило знакомой, интимной близости. Я убеждала себя в том, что причина, по которой Колин больше не приближает свой дух к моему, лежит в опасности, что она может его учуять. Или же он находится слишком далеко.

Как всегда, когда я размышляла об этом, у меня появилось чувство, что я больше не могу вынести ситуацию. Я должна немедленно послушать Swing of Things от A-ha и посмотреть клип, ссылку на который, Джианна послала мне однажды ночью. Я открыла YouTube, чтобы клип уже начал загружаться, в то время как Джианна находилась ещё здесь, но настроила колонки

компьютера на беззвучный режим. Я хотела послушать его только тогда, когда Джианна снова уберётся в швейную комнату.

- Эли ... чего собственно мы конкретно ждём? Чего ждёшь ты? - спросила она вскользь, но нетерпение в её голосе было как удар в подколенную впадину. Сделай что-нибудь, Эли. Предприми что-нибудь.

Прежде чем я смогла остановиться, холодные и презрительные слова сорвались с моего языка.

- Того, что Колин расскажет мне, как можно линчевать Тессу.

Линчевать звучало хорошо - прежде всего, это слово звучало немного менее опасно, чем убить. Линчевать в моих ушах звучало чудесно отдалённо и старомодно, как будто при этом не потечёт кровь. Джианна вздрогнула, прежде чем разразиться стеклянным, неестественным смехом.

- Ха-ха, очень смешно, Эли. А маленький засранец тоже хочет принять в этом участие? - переспросила она иронично.

- Конечно. Тильманн с нетерпением этого ждёт, - ответила я резко. - А Колин передаст мне сообщение и скажет, как это сделать. Возможно уже завтра.

Я звучала как не от мира сего, наивный подросток. Джианна сдержала ответ, встала с моей кровати и, зевая, потянулась. Она не принимала меня всерьёз. Думала, что я пошутила. Повезло! Отныне мне стоит лучше держать язык за зубами.

Для Джианны Тильманн всё равно лишь незрелый подросток, со склонностью к нарушению закона, для меня, однако, между тем, он стал одним из самых важных людей в моей жизни. После нашего приключения прошлым летом мы оба заметили, что на самом деле плохо знали друг друга, и Тильманн отдалился. Но в прошедшую весну мы чуть ли не каждую ночь спали рядом, и это сплело связь между нами, которая навряд ли могла бы быть более крепкой. Да, это действительно было так, будто в тёмные часы нашего бессознательного состояния, приблизились и переплелись друг с другом наши сны и сплотили наши души сильнее, чем это могли бы сделать настоящие события из жизни. И всё это случилось, хотя Тильманн спал лишь пару часов и чаще всего засыпал только под утро. Здесь ничего не изменилось.

Теперь он провёл две ночи в лаборатории доктора Занд для исследования сна, потому что в моих глазах самая важная компетенция Зандманна заключалась в том, что он верил в существование Маров. Поэтому мы сначала подробно описали ему, каким был контакт Тильманна с Тессой, и что представляет из себя его бессонница. Беспокойные мысли, которые можно немного приглушить лишь с помощью гашиша.

В Тильманне было ещё много таких аспектов, которые действовали мне на нервы - прежде всего дерзкая нахальность и его отказ флиртовать со мной, по крайней мере хоть иногда, сказать обо мне пару милых вещей, позволить мне чувствовать себя женщиной, а не его лучшим приятелем. Но всегда, когда мы находились вместе в одной комнате, моя голова и сердце были воодушевлены лишь одной мыслью. Ты мне нравишься.

Мне не хватало того, как мы лежали в Гамбурге рядом, хотя зимой, я достаточно часто ощущала это почти как нападение, потому что после того, как Колин похитил на Тришене мои воспоминания, я больше не могла выносить человеческой близости. Но теперь, во время

некоторых моих бесконечно длинных ночей, которые были такими беспокойными и изборожденными мыслями, я жаждала, чтобы он был рядом, не только в одной комнате, но и на той же постели - без прикосновений, нет, прикосновения не нужны. Я только хотела знать, что он рядом.

Слышать его дыхание. Его характерное, раздающееся иногда, сухое покашливание. Представление о том, что этот человек лежит рядом со мной, странным образом настраивало меня миролюбиво. Хотя в течение дня он так часто мог довести меня до того, что я становилась разъярённой фурией.

- Если завтра ничего не произойдёт, то мы что-то предпримем, - прогнала Джианна мою тоску по Тильманну. - Мы что-то сделаем, вместо того, чтобы рассиживать здесь, даже если купим только пару носков или сделаем завивку в волосах. Ладно, тебе это не нужно. - Полный зависти взгляд прошёлся по моей дикой копне, которую я уже давно пустила на самотёк. - Тогда я испеку пирог. Яблочный пирог. - Что же, это вряд ли ускорит эмансипацию в Вестервельде.

- Спокойной ночи.

Джинна проковыляла мимо меня и так осторожно закрыла за собой дверь, будто взорвётся дом, если она хлопнет ей слишком сильно. Я ухмыляясь фыркнула. Особенность Джианны, делать что-то особенно осторожно и деликатно, когда она на самом деле хотела сделать противоположное и точно чувствовала, что в воздухе лежит динамит, могла довести до белого каления. Но мне было ясно, почему она ведёт себя так. Потому что она тоже слишком много чувствовала и интерпретировала, и не всегда могла правильно с этим обходиться, также, как и я.

Но её парень в значительной степени нормальный мужчина. Он лишь слишком устал, и никогда не ввергнет её в такую опасность, как удалось Колину в моём случае. Другого я и не хотела. Я решила спасти моего брата - любой ценой. То, что Джианна и Пауль смогли стать парой, этим они были обязаны мне и Колнину. Если бы не мы, Фрнацёз уничтожил бы Пауля.

Но я не чувствовала ни триумфа, ни гордости, когда сознавала эту взаимосвязь. Теперь я хотела только одного: погрузиться в музыку, пока у меня не появиться такое чувство, будто слова ласкают меня. Клип, который я только что загрузила, стал моим личным методом пытки, потому что Джианна была уверенна в том, что на нём записан Колин, сидящий за ударниками. Что было хуже всего, так это то, что и я сама тоже в это верила. Качество клипа было паршивым, как запись, так и звук, а сама группа обнаруживала ещё много возможностей совершенствования. Это должно быть был клип из восьмидесятых. Никто сегодня не станет добровольно так одеваться, как певец, клавитарист и гитарист. Только ударник выделялся приятной сдержанностью. Тем не менее и его причёска была тоже своевольной. На шее короткой, а на макушке взъерошенной - что-то, что волосы Колина любят делать сами, без лака для волос и геля. Взъерошиваться. Иногда также извиваться.

Лицо ударника было едва видно - и всё же я видела достаточно, чтобы разглядеть белую кожу, привлекательно-красивый рот, угловатые скулы и характерный нос. Группа играла Swing of Things от a-ha, песню, которую я никогда не слышала до того времени, как Джианна предприняла на меня атаку в виде видеоклипов. Она немедленно послала мне оригинал в MP3 формате, из-за чего, благодаря деревенской, медленной цифровой абонентской линии, наша

связь с интернетом была блокирована целый час. С тех пор я слушала эту песню по меньшей мере один раз в день, чаще всего пред сном или, когда ехала на машине, и при последних тактах, неизбежно, у меня по коже шли мурашки, потому что видеоклип стоял перед глазами, вместе с беспокойной рябью и миганием, когда камера несколько секунд была направлена на ударника - Колина? Так как он не только барабанил, но и пел вторым голосом, и именно поэтому, у меня почти не оставалось сомнений, что это он. Его голос звучал глубоко, чисто, ясно и ... сексуально. Или как выразилась Джианна:

- Оттенок голоса многое компенсирует и в конце концов он не фальшивит. - Я считала, что он пел намного лучше, чем певец, который на высоких пассажах систематически терпел неудачу.

Тем не менее сомнения ещё были, потому что они разрешали мне игнорировать ту молодую, черноволосую женщину, которая стояла в первом ряду и смотрела на сцену стеклянными глазами. В течение двух секунд она была в кадре, вначале и в конце песни, и каждый раз я думала, что узнаю ту девушку, которую хотела поцеловать, когда во время вечерники восьмидесятых, прошлым летом, скользнула в воспоминания Колина, когда заиграла песня Being Boiled от Human League.

Клип был проклятием и благословением в одно и тоже время и всё же самое ценное, что у меня было из подарков на память от Колина. Ведь я могла смотреть на него, хотя запись происходила из того времени, когда я ещё даже не была мыслью - а он уже в двадцатилетнем возрасте и очевидно влюблён. В черноволосую девушку, которая уж точно не охотилась на Маров и не позволила ему пнуть себя в живот, чтобы таким образом он смог спасти её брата.

- Oh, but how can I sleep with your voice in my head, with an ocean between us and room in my bed … - Я подключила наушники в порт компьютера, поставила на полную громкость и стартовала клип, чтобы в очередной раз у меня возникло желание стать той черноволосой женщиной, стоящей в первом ряду и ещё не подозревающей, что придёт Тесса, чтобы отобрать у неё то, что она как раз только полюбила.

Демона в человеческом облике.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Ненавижу и люблю

Мне не нужно было открывать глаз, чтобы проверить то, что я почувствовала. В считанные секунды это вырвало меня из глубокого сна, из свинцовой пустоты без времени и пространства, которая не оставляла места для мыслей и чувств.

Как и раньше в детстве, когда я точно знала, что в моей комнате находится паук, даже если папа нигде не мог его найти - он был там. Он был там! Возможно только в моей голове, да, но оттуда он оккупировал каждую клетку и каждый уголок, завладевал мной, используя в своих целях, и питал это состояние одержимости моим собственным страхом.

Будучи ребёнком, я съёживалась, отползала от стены в подножие кровати, натягивала одеяло на тело, притягивала колени к себе, пока не казалось, будто хрящи вот-вот взорвутся.

Но теперь невозможно было двинуться с места. Даже моё дыхание стало поверхностным. Я не смела смочить пересохший рот, закрыв его и проведя языком по нёбу. Существо надо мной не должно заметить меня. Абсурдная мысль, потому что то, что я не могу двинуться с места, это его рук дело. Не имеет значения, хочу я сама шевельнуться или нет. Оно уже учуяло меня издалека.

Несмотря на нахлынувшие эмоции, мой мозг работал надёжно и холоднокровно напомнил, что я уже переживала подобную ситуацию. Нет, она вызвана не кошмаром о пауках, как в детстве, а была совершенно реальной. И хотя я чуть не обезумела от паники и необузданной паранойи и уже день назад, как сумасшедшая, ползала по влажной мостовой Шпайхерштадта, мой страх имел свою причину, конкретную, видимую причину, намного большую и могущественную, чем когда-либо может стать самый ядовитый паук. Он висел надо мной, на потолке, готовый атаковать. Я ждала эту атаку, чтобы в страхе наконец появился смысл - и всё же отреагировала бегством, когда смогла снова двигаться.

Теперь же страх и разум боролись друг с другом, как противники. Это была справедливая борьба. Я могла без колебаний позволить им выступить друг против друга. В одном они были так или иначе согласны: что-то здесь присутствовало. Ни воображение. Ни галлюцинация. Ни сон наяву. Оно прокралось ко мне через окно. Хотело напугать. Отобрать воздух.

Он уже заканчивался. Мне всё тяжелее становилось дышать, использованный кислород выходил из моих лёгких, сдавленно и мучительно, как будто меня душили две сильные руки. Но у моего разума было более сильное орудие. Он отключил мой инстинкт к бегству, чтобы заключить союз с гневом.

Когда существо упало на меня, я раздосадовано закричала, а его холодная, бархатистая щека коснулась моего рта. Его когти впились в мои запястья и крепко вжали их в простынь. Ледяное дыхание заскользило по моей голой шеи, чуть ли не прикосновение, как кусок материи, которая должна меня задушить.

- Ни слова, - прогромыхал он. - И никакой радости.

- Пошёл ты, - прорычала я, задыхаясь, но он ещё сильнее вжал меня в матрас, чтобы заставить замолчать. Я врезала ему коленом в пах и приподняла локти вверх, но ничего не могла предпринять против него.

Вместо этого ударилась лицом о край кровати. Казалось, он весит тонны, когда одним единственным движением, покончил с моим оборонительным барахтаньем ног. Мои икры замлели, а живот внизу прострелило пронзительной, тянущей болью.

- Ты причиняешь мне боль! - пожаловалась я, в этот раз немного яснее.

- Так и было задумано, так что не сопротивляйся, чёрт тебя побери, не то я снова сделаю тебе больно, - прошипел он. - Если начнёшь радоваться, то мы трупы, и твоя семья с нами в придачу. А если не будешь сопротивляться, тебе будет легче ненавидеть меня.

- Избавь меня от своих психологических лекций и перейди к делу, - прошипела я в ответ. Мне на одну долю секунды удалось высвободить голову из его железной хватки и укусить его за щёку.

- Чёрт, перестань, ты глупая корова, и выслушай меня наконец! Не придуривайся!

- Мудак. - Я задохнулась, потому что он надавил своим большим пальцем на мою гортань. Не жестоко, но достаточно сильно, чтобы помешать мне говорить. Взбесившись, я попыталась, изворачиваясь, выбраться из-под его тела.

- Послушай меня. Молчи сейчас и слушай! - Его голос гремел, как гром над морем, и у меня закружилась голова. Но мой разум оставался ясным и внимательным. Я почувствовала, как открылись области мозга, в которых запечатлевалось всё, что я никогда больше не забуду, даже если бы сильно этого захотела. Казалось, стенки моего черепа расширяются, хотя перед глазами мерцали чёрные пункты и наводнили белую, светящуюся кожу Колина. Что-то тёплое пульсируя, просочилось в мои волосы. Ресницы Колина бросали тени на его лицо, когда он склонился к моему уху. Другой рукой он закрыл мне нос, чтобы я не могла втянуть в себя его запах. Снова я выбросила бедро вперёд, чтобы сбросить его с меня, но таким образом причинила только боль себе. Вокруг нас стало тихо, тихо в наших сердцах.

- Тебя может убить только тот, кто любит, - впились слова Колина мне в разум. - Боль открывает душу.

Внезапно он отпустил меня. Мой пинок промахнулся на целые метры. Он уже стоял возле окна, но ещё раз повернулся в мою сторону и галантно склонил голову в коротком приветствии.

- Увидимся во время чаепития.

Я бросилась за ним, пытаясь остановить, но могла только смотреть, как он задом и головой вниз, в искривлённой позе, прополз вниз по стене и несколько метров над землёй спрыгнул. Это выглядело нелепо. С его подбородка тянулась нить слюней до асфальта, а зрачки вспыхнули зеленоватым светом, когда он ускользнул на четвереньках, словно пантера, чей голод неистовствовал в её внутренностях.

Я хотела заругаться, но из моего горла вырвался только звук причмокивающего, жадного оскала зуб. Слюна затопили горло. Я наблюдала, будто это я запрыгнула на лошадь и помчалась на ней в лес, вниз в долину, через безрассудно опасные узкие дорожки и лежащие поперёк стволы деревьев и корней. Я точно знала, как должна управлять Луисом и гнать его вперёд, его робость меня не волновала. Важным был только мой голод, который подгонял меня, гонки с холодом в моей груди. Холод, как чёрная, зияющая дыра, которая может поглотить весь мой мир. Мой мир совсем маленький. Он состоит из того, что я ненавижу. Меня самой. Того, что я люблю. Елизаветы Штурм. И это всё. Два существа в одном.

Паутина между деревьев становилась всё более плотной и жёсткой, ложилась, не смотря на быстрый галоп, на мои глаза и рот. Мне пришлось закричать, чтобы уничтожить её. Луис поднялся на дыбы и хотел развернуться, но подчинился моему суровому диктату и поскакал дальше через темноту, в то время как холод моего сердца соединился с рвущей болью в

животе и едва не похитил моё сознание. Вот он снова, отпечаток копыта под моим пупком, последний отблеск моего человеческого существования, моя вечная татуировка, которая ежедневно доказывала, что я потеряла - лишь из-за моей жадности и голода ...

- Перестань! - заревела я против лохмотьев паутины во рту, которые смешивались с моей слюной в вязкую, липкую массу и угрожали закрыть мою трахею. - Перестань, выпусти меня, этого достаточно! Хватит!

- Эли ... Эли, что случилось? О Боже, да это же отвратительно ...

Я отбросила руки Джианны, но когда паутина исчезла, и я опять оказалась в моей комнате, больше не находясь в теле Колина и на спине Луиса, то увидела по выражению её лица, что Джианна совсем не желала прикасаться ко мне. Я вытерла слюни со рта и в тоже момент согнулась от боли. Застонав, я скрутилось калачиком на кровати. Моё лицо было мокрым.

- Мне вызвать врача? Я вызову врача ... Тут везде кровь ...

- Нет. - Я схватила Джианну за лодыжку, чтобы помешать ей убежать, потому что это было то, чего она хотела. Лишь сбежать от меня. Она меня боялась, так как я несла в себе Колина, хотя и блекнущего, но только что он был ещё здесь. Он взял меня с собой. Я знала почему он это сделал. Радости я не испытала, но зато стремление покориться ему, увидеть о нём сны - счастливые сны. Опасностью был его запах. Я хотела вдохнуть его и принять глубоко в себя, чтобы потом погрузиться в горько-сладкие фантазии, как только он ускользнёт. По чувству, они могли быть очень похожи на счастье. По его мнению, эти меры были необходимы, как множество неприятных вещей, которые он в последнее время устраивал со мной.

Снова через мой живот прокатила волна боли, но я стиснула зубы, не отпуская ногу Джианны. Врач мне не сможет помочь, а ещё меньше мама, когда столкнётся с хаосом в моей комнате на чердаке. Кровать стояла наискось, помятые одеяла лежали на полу, моя ночная сорочка порвана на плече, осколки лампы разбросаны по полу. Лопнувшая лампочка, воняя, дымилась. Кровь бежала вдоль моей головы и стекала на шею. Мои губы уже напухали. Он что, поцеловал меня? Он поцеловал меня? Я не помнила. Или же это мой укус заставил разбухнуть губы? Может быть кожа Колина ядовита, когда он голоден? И почему ранена моя голова? Я ударилось лицом о край кровати, но не затылком. Почему было такое сильное кровотечение? В то время, как моя правая рука всё ещё сжимала лодыжку Джианны, левой я пощупала кожу под волосами и поднесла её к глазам. Мои пальцы были тёмно-красными.

- Эли ... - Джианна попыталась приподнять свою ногу. Никакого шанса. Я сильнее, чем она и готова ко всему, чтобы скрыть от мамы это ночное интермеццо.

- Никакого врача, ни слова моей маме, ясно? Мне приснился плохой сон - это всё, - соврала я.

- Давай, Эли, в это я никогда не поверю! Он был здесь, не так ли? Колин был здесь. Я почувствовала его, внезапно я больше не могла двигаться, а потом ... было слышно лишь шипение, сначала я подумала, что Руфус и Мистер Икс снова дерутся, но шипение исходило из твоей комнаты и ... у тебя на голове рваная рана!

- Я не нуждаюсь в пересказе, я сама пережила это, - прервала я её грубо. - Иди спать. Поговорим об этом завтра.

- А твоя голова? Возможно, порез нужно зашить. И живот у тебя тоже болит, верно?

Между тем я уже отпустила Джианну и встала, но всё ещё не могла стоять прямо. Всё же я была уверенна в том, что боль исчезнет к завтрашнему утру. Рану на голове я почти не чувствовала; то что я там чувствовала - это не боль, а скорее жар, как тепло пылающего полуденного солнца в августе. Ещё два раза пульсируя, из раны вырвалась кровь, которая, делая небольшие изгибы, текла вниз под волосами, напоминая змею, потом начала высыхать сама по себе. Внезапно мне на ум пришли последние слова Колина. Я оторопела.

- Увидимся во время чаепития, - повторила я их в недоумении.

Джианна сощурила глаза и склонила голову на бок, как будто ослышалась.

- Что?

- Да, так он сказал. Увидимся во время чаепития. - Я растерянно коснулась лба.

- Британский юмор, хм? - сказала Джианна тоже в недоумении, как и я. - Он приходит ночью к тебе и так изувечивает, чтобы сказать это? Увидимся во время чаепития?

Я больше ничего не ответила, шатнулась назад к кровати, сдвигая её к стене, и неуклюже водружая моё повреждённое тело под одеяло. Осколки я оставила лежать. О них я смогу позаботиться завтра. Теперь мне надо поспать. Долго и крепко поспать. Но прежде чем мои веки закрылись, я ещё раз повернула лицо к Джианне и твёрдо на неё посмотрела.

- Джианна, я не шутила вчера вечером. Колин принёс мне сообщение - своего рода формулу. Только что. Но на данный момент я её больше не знаю. - Я до того устала, что у меня заплетался язык.

Джианна покачала головой, но в её глазах зародилось пугающее её осознание. Я не шутила. Несколько минут назад случилось что-то важное. Что-то, что могло меня убить. Это я точно чувствовала. Джианна тоже.

- Ты очень выносливая, Эли, - услышала я ещё, как сказала она, прежде чем потух свет, и закрылась дверь.

- Это не так, - возразила я тихо и заплакала, беззвучно и голодно всхлипывая, пока не погрузилась в бессознательное состояние.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Время чаепития

Мне понадобилось три попытки, пока наконец удалось выловить мобильный из осколков, рядом с моей кроватью, и со стоном поднести к уху. Обычно я бы проигнорировала его вибрацию. Я не чувствовала, что в состояние сделать больше, чем протащиться в ванную и принять душ. Даже об этом раздумывала уже в течение нескольких минут и не могла никак собраться с силами. Разговаривать по телефону намного утомительнее, чем принимать душ, потому что придётся говорить, а мой рот болел, также, как правый весок, плечевой сустав и колени. Кроме того, натянулась кожа, как будто кто-то вырезал из неё по меньшей мере один квадратный метр, а остаток с силой натянул на мои кости и зашил. Только одно лишнее движение, и она порвётся, везде. Я прикоснулась к затылку. Волосы прилипли друг к другу, кровь высохла. Рана зачесалась, когда я коснулась её, и внезапно зажужжало в ушах.

Но это мог быть Тильманн или Пауль. Кто кроме них будет так долго названивать? Я не могла позволить себе проигнорировать гудение. Не то мне придётся сегодня, после обеда, закручивать в волосы Джианны бигуди или же печь пирог.

- Да, алло? - пробормотала я хрипло.

- Мой Штурмик! Ну, проснулась? - Со страдальческим вздохом я зарылась лицом в подушку.

- Ларс, я же тебе сказала, не нужно больше звонить ...

- Да. - Мне было слышно, как он переложил свои гантели немного повыше. Наверное, больше не мог тренироваться, не докучая мне при этом по телефону. На линии раздался глухой стук, и он тоже застонал. Наверное, снова лежал на своей скамье и потел. - Когда женщины говорят «нет», они имеют в виду «да», мы ведь все это знаем. - Он громко засмеялся. - Не так ли, Штурмик?

- Нет, - ответила я холодно. Тянущая боль в виске превратилась в пульсирующую. Почему удар об угол кровати, который я сама нанесла себе, причинял больше боли, чем порез на голове? Своей свободной рукой я начала его массировать и вздрогнула, когда пальцы нащупали опухоль рядом с глазом.

- Всё хорошо там внизу в Вестервальде, хм? Давай Штурм, я жду отчёта, хоп, хоп ...

Я молчала. Иногда это помогало. Тогда у Ларса пропадало настроение, он орал ещё пару женоненавистных изречений в трубку и в конце концов клал её, чтобы продолжить поднимать в воздух тяжести. Уже в течение многих дней Ларс регулярно звонил - а именно с того времени, как его бросила жена. Это действие свидетельствовало о благоразумие и мудрости, которые я никогда не ожидала от этой окрашенной в блондинку и падкой на солярий женщины.

Ларс был неуравновешен, ему не хватало женского напарника, на котором он мог бы выместить избыток тестостерона. Теперь я стала его новой жертвой и кроме того, он вбил себе в голову, что хочет выяснить, что именно я имела в виду под схваткой, на которой могла бы умереть, когда после нашей последней тренировки прощалась с ним. Это не давало ему покоя. Я горько сожалела о том, что рассказала ему, потому что теперь у него было основание и он никак не хотел его забыть.

Он звонил не только мне, но и маме, которая считала его «вовсе не таким плохим». В конце концов, он ведь беспокоится обо мне. Я же интерпретировала это по-другому. Он мутировал в преследователя. И в этом была существенно виновата мама, так как в

мягкосердечный момент дала ему номер моего мобильного. И теперь приходилось терпеть. Да и то, что мама вообще знала о сражении, благодарить мне следовало его, даже если я снова и снова повторяла, что Ларс обладает умом примата и просто-напросто ослышался.

- Штрумик ... давай же ... чем ты занимаешься?

- Ничем.

- Что это было за сражение, хм? Я знаю, что ты на самом деле хотела рассказать мне об этом ... я ведь твой хороший, старый Ларс ...

Да, себя самого Ларс охотно называл по имени. Всех остальных людей, однако, нет. Меня он кличел Штурм, а в хорошие моменты Штурмик, а Колина он наградил ужасным прозвищем «Блэки». Блэки! Я продолжала молчать, подумывая, не положить ли просто трубку. Проблема лишь в том, что ничего так не поощряло Ларса к ещё одному звонку по стационарному телефону, как то, что я прерывала наш разговор. Тогда он убеждал себя в том, что это плохая связь. Он словно терьер, взяв след, не сдастся до тех пор, пока не последует по нему до самого конца и не застрянет в кроличьей норе.

Теперь на другой стороне линии он громко закашлял, избавляясь от слизи в горле. Мурашки прошли по спине и перешли в дрожь на шее. Я больше не могла переносить слизистые звуки, с тех пор, как мы вступили в схватку с Францёзом.

Но кашель Ларса также напомнил мне сегодняшнюю ночь. У меня самой слюни из рта лились рекой. Теперь же мой язык был сухим, как всегда, когда я просыпалась утром из ночного оцепенения. Но сегодня ночью ...

- Что такое, Штурм? - Голос Ларса звучал непривычно серьёзно, больше не хвастливо, как обычно. Чёрт, он действительно о чём-то догадывается.

- Ничего, - повторила я, но даже такой эмоциональный деревенщина, как он, должен был услышать, что это ложь.

- Ты ещё тренируешься, хм? Хм?

- Да. - Это не ложь. Тренировки предоставляли единственные перерывы в вечных бесплодных попытках найти в моих исследованиях красную нить или же отдохнуть от ночных сеансов в интернете. Два раза в неделю я ездила в Риддорф, чтобы присоединится к тренировкам того клуба каратэ, в котором Колин тоже был членом. На меня почти накатывало чувство благоговения, когда я входила в дверь и кланялась, чтобы показать уважение додзё и моим напарникам. Между тем, я уже полюбила каратэ. Мне нравилось растягивать и укреплять тело и функционировать с точностью до секунды. Но было невозможно выполнять движения и не думать о моей первой встрече с Колином в этом спортивном зале, когда он вечером, в темноте, сражался с тенью, выполняя свои переплетённые движения. Также в тоже момент вспоминались дни тренировок на Тришине - мой гнев и наше желание, и как внезапно и то и другое объединились. О Боже, как же я на него тогда злилась.

Уже тогда он раздувал мой гнев намеренно, чтобы тот мог стать таким слепым и необдуманным, как должен был, чтобы отравить Францёза. Про себя я всегда называла его зверем, который притаился в животе и нападал в основном тогда, когда мой разум капитулировал. Или это он заставлял капитулировать мой разум?

В самый разгар схватки, когда я была уверена в том, что умру, Колин высосал весь гнев и страх из тела, и я почувствовала себя как новорождённая. Но гнев вырос быстрее, чем мы оба

предполагали, как агрессивная раковая опухоль, которая после спасающей жизнь операции распространяется и становится ещё более злокачественной, чем раньше и сеет свои метастазы во все органы тела. Эта опухоль сидела теперь везде, как будто только ожидая того, чтобы стать достаточно большой и объединиться друг с другом.

Но гнев больше не был безрассудным, а также больше не находился в тех сферах, которые другие, без колебаний, назвали бы прогрессивным сумасшествием. Я точно знала на что злилась. Это были мелочи, которые я больше не могла терпеть, даже если очень старалась. Мамины вопрошающие взгляды. Фонтан в саду. Облака. Порывистый ветер. Ночной дождь. Колющая боль в моих только что заживших пальцах. Постоянные головные боли. Пустой электронный почтовый ящик. Нож, выпавший из рук, когда я освобождала посудомоечную машинку. Укус комара. Царапающая этикетка на воротнике. Всё - источники моего гнева.

Я лелеяла успокаивающую меня фантазию, что гнев уйдёт, когда мне наконец удаться отдохнуть, а это никогда не случится здесь в Вестервальде, рядом с мамой, а лишь в дали от неё. Где-нибудь на юге. Возможно даже в Италии. Италия больше не была только той страной, где хозяйничала Тесса, и где похитили папу. Нет, благодаря моим ночным исследованиям, она также стала обещанием. Потому что я постоянно позволяла заманить и отвлечь себя сайтами с рекламой, которые подсовывали мне под нос роскошные отели возле прекрасных пляжей или романтические аранжировки агрикультуры посреди тосканских холмов. Закажи сейчас и получи скидку за раннее бронирование! Или лучше горящая путёвка? Я знала, что это парадоксально, но мой гнев диктовал мне ехать в Италию, чтобы убить Тессу и отдохнуть - и не обязательно в таком порядке. Иногда мне казалось логичнее отдохнуть, а потом убить Тессу, хотя я знала, что это было бы чистым самоубийством.

Однако занимаясь каратэ, у меня получалось укротить гнев хоть немного, хотя должна признаться самой себе, что иногда мне почти не хватало безжалостных лекций Ларса. Мой новый тренер каратэ был славный, чуткий мужчина старшего возраста, который прямо-таки проявлял ко мне отеческие чувства. Но мне не нужны отеческие чувства. Не от чужака. Да и от Ларса тоже нет.

- Что ты думаешь о спарринге, Штурм, хм? Только мы вдвоём? Справедливый бой? Я сяду в машину и ...

Я положила трубку. Горилла что, с недавних пор мог читать мысли? Он ведь не думает об этом всерьёз. Приехать сюда, чтобы тренироваться со мной. Наверное, мне стоит позвонить его жене и попросить её вернуться к нему, чтобы он снова пришёл в себя.

Снова мобильный завибрировал, и я уже хотела отбросить его, когда поняла, что это не звонок, а уведомление о прибытии сообщения. СМС? Это не похоже на Ларса. Ларс не посылал коротких сообщений. Наверное, его толстые, обезьяньи пальцы соскальзывали с кнопок, когда он хотел набрать его. И вот посмотри - сообщение не от Ларса, а от Тильманна.

«Выезжаем через час, будем после обеда. Чао.»

- Я тоже люблю тебя, - прошептала я иронично, но у мне сразу же стало легче на сердце. Тильманни и Пауль возвращаются. Теперь я могла позволить моим мыслям делать то, что они уже давно хотели: обратиться к третьему мужчине в группе и анализировать сегодняшний ночной «визит» Колина.

Сразу же лёгкость отступила, а в висках опять появилась тянущая и пульсирующая боль - такой вид головной боли, которая в прошедшие недели всё чаще одолевала меня, и против которой ничего нельзя было предпринять. Таблетки не помогали, японское мятное масло не приносило никакого облегчения, свежий воздух и движения только усугубляли её. В какой-то момент она так непреклонно въедалась, что все мышцы на шее и плечах сводило судорогой. Пару раз я подумывала о том, чтобы попросить Тильманна о массаже, но не решилась выказать моё желание. После, самое позднее двух дней, судорога уходила сама по себе, и я спала несколько часов, в течение которых мышцы постепенно расслаблялись. Пока этого не случалось, я ходила с палочкой. Собственно, я хорошо могла переносить боль, когда знала, откуда она появилась. Но эта боль блокировала моё мышление. Любая мысль причиняла боль и странным образом также любое чувство.

Подожди - Боль ... боль и чувство ... Мои мысли и сейчас спотыкались, и натыкались друг на друга, но освободили ту область памяти, в которой находились самые ценные сокровища, а также мои худшие, пережитые события. Прямо за изогнутым порезом на моём затылке.

Я выбралась из постели, встала под душ, открыла кран и позволила массажной струи душевой насадки барабанить на мой затылок. Сегодня ночью я могла вспомнить только самодовольные слова Колина: «увидимся во время чаепития». Несмотря на моё разбитое состояние, я коротко усмехнулась. Эти слова действительно ничего мне не говорили. Нет, конечно же он уже до них что-то сказал мне, прямо в самое ухо - возможно даже просто подумал и активировал на секунды нашу телепатическую связь. Я склонила голову, позволяя струе медленно двигаться вверх, вдоль раны. Она коротко защипала, скорее сильный зуд, чем мучительное ощущение, и горячая вода прогнала последний туман из головы.

«Тебя может убить только тот, кто любит. Боль открывает душу.»

Это слова Колина. Только эти два предложения. С закрытыми глазами я повторила их, один, два, три, четыре раза. Я не могла сейчас размышлять над тем, что они значат. Не под душем, в то время как я только вот-вот снова начала оживать. Я уже всегда ненавидела загадки; считала их такими же скучными, как настольные игры. Возможно, нужно сказать пару слов по буквам в обратном направлении, чтобы разгадать формулу. Может быть она внезапно обретёт смысл, когда я скажу её вслух, но это я хотела перенести на то время, когда Пауль и Тильманн будут здесь. А пока я даже не хотела пытаться понять её. Это были лишь пустые слова, не больше, как бездушное математическое уравнение. Как только я вытерлась - при взгляде в зеркало я облегчённо поняла, что пореза на затылке не видно; он был хорошо скрыт под моими густыми волосами, - я написала формулу на листке бумаги и засунула в карман штанов, хотя это казалось мне каким-то кощунством, да к тому же опасно. Но я боялась, что из-за усталости снова забуду её.

Потом я спустилась по лестнице вниз, где мама и Джианна уже закончили завтракать и ожидали меня, читая газету.

- Доброе утро, - поприветствовала я их мимоходом, села и поставила перед собой кофейник. Но действовала слишком медленно.

- Как ты выглядишь? - спросила мама, обеспокоенно меня разглядывая.

Да, я ранее, при взгляде в зеркало, спросила себя то же самое. Губа всё ещё опухшая, а шишка над виском приняла голубоватый оттенок. Я выглядела как женщина, которую

хорошенько поколотили. При том, что Колин вовсе не колотил меня. А только крепко держал, чтобы я не двигалась. И конечно же, из-за этого, я двигалась тем паче. Я сама себя изувечила так, но конечно не могло извинить то, как чёрство обращался со мной Колин. С другой стороны, я бы привлекла Тессу, если бы он обошёлся со мной по-другому. Рану на затылке, к счастью, никто не увидел, и я надеялась, что Джианна будет молчать.

- Упала с кровати, - оправдалась я. - Выглядит хуже, чем есть. Только шишка.

Джианна резко втянула воздух, но я, предупреждая, взглянула на неё, что заставило её готовый всё выболтать рот, скривится в фальшивую улыбку.

- Со мной тоже такое случалось, - сказала она быстро. - Что только иногда не приснится ... с ума можно сойти ... Ты действительно веришь, что всё по-настоящему.

Ты глупая гусыня, подумала я. Ты просто не можешь оставить всё так, как есть, не так ли? В принципе Джианна умела хранить секреты, но видимо, говоря ложь, ей нравилось посылать вслед за ней правду, упакованную в метафорах, баснях или аллегориях. Ей срочно нужно начать писать роман, чтобы проявить себя в нём в полной мере. Её метафоры раздражали меня. Кроме того, они настораживали маму, в конце концов она ведь не дура. Всегда, когда разговор заходил о снах и странных происшествиях во сне, мы, семья Штурм, прислушивались. Это укоренилось в нас.

Но мама удовлетворилась тем, что продолжала на меня смотреть, а это достаточно нервировало и увеличило мою головную боль. Могло быть так, что не только Джианна слышала что-то сегодня ночью, но и мама. А теперь она соединила события по кусочкам.

Поэтому я немедленно начала отвлекающий манёвр и рассказала об СМС Тильманна. Сразу же лица Мамы и Джианны просветлели, и они вместе решили испечь пирог, чтобы встретить обоих мужчин как подобает и угостить кофе.

- Очень эмансипированно, - пробормотала я цинично и получила под столом пинок от Джианны, очень убедительный. Приготовление и выпечка не являются сами по себе не эмансипированными, если мужчина тоже регулярно берёт на себя такие занятия, проповедовала она мне несколько часов спустя, когда мы, облокотившись на кухонную стойку, заглядывали в духовку, где как раз подходил вишнёвый пирог и источал аппетитный, сладкий запах.

- Да, возможно. Но я считаю сплетни за кофе и разговор об убийстве демонов Мара, не особо сочетаются друг с другом.

- Эли, Колин сказал: «Увидимся во время чаепития.» И это его способ убить Тессу? Если честно, мне кажется, он просто развлекался ... Он не хочет, чтобы ты вообще об этом думала. Кстати я тоже не хочу размышлять на эту тему.

- Ах, я вовсе не имею в виду то, что он сказал о чае, - защищалась я. - Он сказал больше. Только я забыла. Вещь про чай, наверное, просто какая-то дурацкая шутка.

Очень дурацкая шутка. Мары не пьют чая. Нет более неподходящего места для них, чем за обильно накрытым столом, в кругу семьи.

- Правда? - Джианна подозрительно прищурившись, пробежала глазами по моему лицу. - Эли, ты сейчас убедила себя в чём-то или ты ... Ты правда слышала ещё что-то другое? Ты ... - Вздохнув, она замолчала. - Merda (итал. дерьмо), - добавила она удручённо по прошествии

небольшой паузы. Постепенно до неё начало доходить, что ни Колин, ни я не шутили, но всё ещё не хотела в это верить.

После того, как мы вынесли пирог для охлаждения на веранду, Джианна и я сели в оранжереи. Скорее мёртвые, чем живые, мы наблюдали за тем, как мама под дождём и ветром, полет сорняки и подготавливает газон для своего нового посягательства. Сегодня утром она купила дерево. Гарантирую, вместе с господином Шютц. И это дерево ей обязательно нужно было посадить ещё сегодня. Как идиллически.

Пауль и Тильманн приехали вовремя. Приветствие Тильманна выпало привычно холодным. Всё же он прижал меня к своему плечу и дружески постучал по спине. Два чётких удара, готово, прошу отступить. Джианны, однако, не было видно несколько секунд, потому что она исчезла в глубинах сильных, оберегающих рук Пауля. Только когда мама с предательским блеском в глазах поцеловала своего сына в обе щеки, я перехватила Пауля.

- Ну, малышка? - пробормотал он в мои волосы и понюхал, как охотничья собака, в то время как прижимал к своей широкой груди. Он учуял кровь. Он должен был учуять её, он ведь медик. Я сглотнула, чтобы избавиться от комка в горле. Пауль всё ещё выглядел ненамного более здоровым и сильным, чем при нашем возвращении. Его дыхание было тяжёлым. Тем не менее, я чувствовала себя в его объятьях защищённой.

- Ты не можешь выйти со мной на веранду? - прошептала я ему в ухо и почувствовала, как он кивнул.

- Сейчас вернёмся! - крикнула я остальным. Они стояли неловко друг против друга - Джианна и мама с одной стороны, Тильманн с другой, и толком не знали, о чём им говаривать.

- Что случилось? - спросил Пауль, как только мы закрыли за собой дверь, и указал на мой висок.

Ничего не отвечая или даже объясняя, я повернулась к нему спиной и указала на затылок.

- Ты не можешь обследовать её? Эта рана внезапно появилась, а я не знаю откуда.

Пауль издал хрюкающий звук, когда разделил осторожно мои волосы и нашёл рану.

- Эли ... не рассказывай дерьма. Кто это сделал с тобой? - Осторожно он провёл по изгибу пореза. - И почему мама мне ничего не сказала? Должно быть это случиться уже несколько дней назад, она ...

- Сегодня ночью, - прервала я его. - Это случилось сегодня ночью.

- Не может быть. Невозможно. Разрыв ведь уже начинает заживать!

- Пауль, честно. - Я снова повернулась в его сторону и посмотрела на него. - Я не вру. И никто не давал воли рукам. Да, Колин был здесь, но он только крепко меня держал, не бил. И вдруг моя голова начала кровоточить. Я знаю, это звучит совершенно безумно, но я лежала на подушке! Чуть ранее ударилась лишь виском, потому что хотела вывернуться, но не головой.

- Висок находится на голове, Эли.

Я раздражённо застонала.

- Но не на затылке же, не так ли? Уж это я могу отличить, я ведь не такая безмозглая. Я только хочу знать, как такое может случиться.

- Никак. - Губы Пауля затвердели, а его взгляд стал стальным. - Такое не может случиться. Не просто так. Ты говоришь, это произошло наверху, в твоей комнате?

Я кивнула.

- Да. Посреди ночи. Я лежала на кровати.

- У него было с собой оружие, нож или что подобное?

- Нет! - мне пришлось сдержаться, чтобы не перейти на крик. - Никакого оружия, ничего. Марам не нужно оружие. Он даже не прикоснулся ко мне в том месте.

Пауль начал опять обследовать рану. В конце концов он убрал руки от моей головы и растерянно на меня посмотрел.

- Это выглядит как рана, которая была нанесена чем-то очень острым, твёрдым. Сильный удар о скалу или о камень, так что кожа лопнула ... Деревянный край твоей кровати не мог вызвать такой травмы. Он слишком тупой. Эли, скажи мне пожалуйста правду.

Теперь и мой взгляд стал холодным.

- Это я уже сделала. Можешь спросить Джианну; Она видела, что порез кровоточил сегодня ночью. И ещё кое-что, Пауль ... Я получила от Колина сообщение. Нам нужно поговорить об этом. Сейчас. С Джианной и Тильманном, но ни в коем случае с мамой. Могу я рассчитывать на тебя?

- Что ты собираешься сделать? – Голос Пауля прозвучал строго – а именно так, как должен звучать голос старшего брата, когда его младшая сестра была на грани того, чтобы совершить глупость. Но я также увидела в его глазах готовность выслушать меня, уже только потому, что он не делал этого долгое время и поэтому чуть не умер. Нет, потому что я чуть не умерла. В этот раз он не будет всё, что я скажу, категорично отрицать. Возможно он и дальше не будет признавать Колина, но меня послушает.

- Скоро всё узнаешь, - тихо успокоила я его. – И я не собираюсь делать это без тебя, хорошо?

- Что делать, Эли? О чём ты говоришь? - Пауль обхватил мой затылок, так что мне пришлось смотреть на него. Но я только вязла его руку, быстро её поцеловала и провела к остальным. Мама между тем уже накрыла на стол и сварила кофе. Разговор придётся отложить.

Никто из нас не был спокоен. Это, как всегда, было трудной задачей, сидеть с мамой за столом и избегать те темы разговора, которые могли бы выдать, что случилось намного больше, чем она знала. Так как между тем, она была довольно хитра и задавала изощрённые вопросы на засыпку. Я молчала и в какой-то момент Пауль, Тильманн и Джианна присоединились ко мне.

Только столовые приборы старательно стучали, и контейнер для сливок издавал вульгарные звуки, когда Пауль свои огромные куски пирога топил в белой пене жира. Его предпочтения в еде были всё ещё не особо здоровыми.

Наконец мама хлопнула салфеткой по тарелки, встала и без слов ушла в гараж. Оставив дверь открытой, она начала там шумно рыться между старого садового оборудования. Возможно это была её уловка и таким образом она хотела побудить одного из мужчин протянуть ей руку помощи, а потом замучить его в допросе один на один, наводящими вопросами.

- Наконец-то, - вздохнула я, когда удостоверилась в том, что она не сможет нас подслушать. - Значит так, я получила сообщение.

- Это был он? - спросил Пауль и указал на мою опухоль на виске, как будто нашего разговора на веранде никогда и не было. Таким образом, он достиг того, чего хотел. Двое других тоже посмотрели на шишку. Джианна в сотый раз за этот день. Тильманн в первый раз.

- Это важно? - ответила я раздражённо. - Нет, не важно ...

- Нет, важно, - настаивал Пауль. - Мне не нравится, что он так обращается с тобой.

- Я сама так с собой обращаюсь и прежде всего, это моя личная жизнь, хорошо? – Я подождала немного, начнёт ли возражать Пауль, но он молчал. Пока ещё молчал. – Вернёмся к сообщению. Я узнала сегодня ночью второй метод, с помощью которого можно убить Маров. Они могут умереть в схватке друг с другом, это первый метод, который в случае с Тессой отпадает, потому что она слишком стара и сильна. У Колина не будет и шанса.

- А если мы найдём кого-то, кто ещё старше? И пошлём в схватку его? – прервал меня Тильманн. Только две секунды разговора о Тессе, и он уже сразу в теме. Должно быть он страстно этого ждал.

- Подождите, подождите … - Пауль встал, при этом его позвонки тихо затрещали. Пауль не особо высокий, но гигант, когда сидит. Возможно это причина того, почему он, не смотря на слышимые признаки износа в плечах, сразу же пробудил наше внимание. - Я правильно тебя понял, Эли? Ты хочешь убить Тессу? Это то, о чём ты только что намекнула? Ты что совсем рехнулась? Я думал, мы будем искать папу, если вообще будем!

- Да, мы будем искать папу, правильно, - согласилась я. – Но одно невозможно сделать без другого. Нужно сначала позаботиться о Тессе, чтобы появилась возможность искать папу, - объявила я о том, что придумывала в течение многих ночей, потому что обратный порядок казался во всех отношениях неправильным. Он не только казался неправильным. Он был неправильным.

Веки Джианны начали трепетать.

- Нет … нет. Я в этом не собираюсь участвовать, - выдавила Джианна. – Я не смогу! Только не ещё раз!

- Тебе и не нужно будет убивать её. Это сделаем мы, - сказала я, поперхнувшись, и указала на Тильманна, который хладнокровно кивнул. – Вы должны понять, что мы не можем делать шаги в мире Маров и думать, что Тесса этого не заметит. Вы помните Францёза? Что он сделал, каким он был, какая у него была сила?

Джианна и Пауль молчали, но я знала, что они помнили. Такой ужас невозможно забыть.

- Умножьте это на сто. И получите Тессу. Если она поймёт, что Колин и я снова вместе, и что мы собираемся сделать, тогда … - Мне и самой не хотелось представлять себе этого. – Ещё раз с самого начала. Для наших поисков папы, нам нужен Колин, как посредник, потому что у него особый статус среди Маров. Хотя какой именно, я точно не знаю, и он тоже, но без него мы можем обо всём забыть. А когда он и я вместе счастливы, это привлекает Тессу. Так что я не смогу спокойно искать вместе с ним папу, потому что мы, рано или поздно, будем счастливы. А ему – что же, ему снова придётся бежать. Нам нужен Колин для поисков папы. Одна я не продвинулась дальше. Или ты что-то нашёл?

Я бросила на Тильманна вопросительный взгляд. Он покачал головой.

- Ничего. Ничего, что касается Лео.

Скептицизм в глазах других, когда они обдумывали мои слова, бросался в глаза. Почему, я могла представить, так как моя шишка и бледные щёки не выглядели счастливо. Но наше с Колином счастье вернётся, и тогда это старая баба прицепится к нам. Тесса должна исчезнуть; чем быстрее, тем лучше. Я надеялась, что Пауль не сделает предложения, послать Колина одного. В моих глазах это предложение было бы абсурдным. Загнать Колина в непосредственную близость к Тессе, без меня? Нет. Кроме того, Тильманн всё равно будет искать её. Уже в Гамбурге мне было сложно удерживать его. И как я сказала – я сама хотела поехать в Италию. Я просто должна была поехать туда! Если я хотя бы ещё одну неделю, ночь за ночью, буду и дальше впустую вести исследования, то меня можно будет отправить в психушку.

- Я тоже думаю, что это правильная последовательность, - сказал Тильманн после длительного раздумья. – Пока Тесса не окажется в прошлом, мы ничего не сможем сделать.

- А если за папиным исчезновением скрывается Тесса? – вставил Пауль. Возражение, которое я ожидала.

Я решительно покачала головой.

- Нет. Не думаю. Так далеко она не планирует. Она зациклена на Колине и возможно … на мне. – Я была не настолько уж уверенна в этой аргументации. Это правда. Тесса одержима тем, что хочет закончить метаморфозу Колина, и окончательно сделать его своим спутником жизни. Но лишь это не является доказательством того, что она ничего общего не имеет с исчезновением моего отца. Тем не менее, в этом пункте я доверяла Колину. Он знает Тессу лучше, чем я. Я решила продолжить говорить, чтобы даже не позволить засомневаться в моих словах.

- То, что ты предлагаешь, конечно теоретически возможно, - согласилась я деловым тоном с мыслями Тильманна, призвать для её убийства ещё более старого Мара, чем Тесса. – Но где нам искать? Мары есть по всему миру. Но они не позволят людям подстрекать их к войне. А Камбионам тем более. Они терпят друг друга, при условии, если не начинают спорить из-за еды. То, что Колин напал на Фрнацёза - это абсолютное исключение. Мы не знаем, к каким последствиям это может привести его – или нас.

- Вы не говорили об этом, когда … встретились сегодня ночью? – спросил Пауль и снова перевёл взгляд на мою шишку. – Эли, я считаю всё это …

- Нет. Мы не могли, - прервала я его возражения. – Так, и это второй метод – или вы не хотите узнать о нём?

Я вытащила записку из кармана штанов и протянула её сначала Джианне. Опять наступила тишина. Снова и снова записка переходила от одного к другому.

В конце концов, Тильманн нарушил молчание.

- Это ты написала?

Я кивнула.

- Он только произнёс их, но я уверенна, что это были именно эти слова и никакие другие.

- Возможно, ты неправильно его поняла … - Джианна скрутила губы в трубочку, когда заметила мой сердитый взгляд.

- Я закончила гимназию на отлично и знаю, что запоминаю правильно, а что нет, ясно? – защищалась я, отметая её утверждения. Не сердись опять Эли, напомнила я себе. Не сейчас. -

Запоминать наизусть – это одно из моих самых простых упражнений. Он сформулировал слова именно так. У вас есть идеи, что эти два предложения могут значить? – спросила я немного более мягко. – Мне известно значение лишь второго, но совсем в другом контексте. Когда Мары похищают, сильно голодны или хотят принудить к метаморфозе, они впиваются ногтями в кожу своей жертвы, чаще всего на спине, чтобы потекла кровь. Боль освобождает дорогу для самых прекрасных воспоминаний и чувств. Боль открывает душу. Эту формулировку Колин тоже однажды использовал, когда всё мне объяснял. Но я не имею не малейшего понятия, как интерпретировать это предложение в связи с убийством.

Мары не убивают людей, во всяком случае не намеренно. Они лишь хотят утолить свою жадность. То, что люди могут при этом погибнуть, в лучшем случае, всего лишь побочный эффект, но не цель их атаки.

- Тебя может убить только тот, кто любит, - бормоча прочитала Джинна. – Если понимать буквально, то всё просто – и в тоже время невозможно. Кто убьёт добровольно того, кого любит, кроме тех случаев, когда это касается эвтаназии или же совместного самоубийства, но в случае с Марами об этом вероятно не может быть и речи или ты думаешь, что … - Она прервала свой поток слов и засунула записку в вырез, потому что мама протопала по лестнице вверх в оранжерею, с окаменевшим лицом прошла мимо нас и начала возиться на кухне. Я понизила голос.

- Во всяком случае, нам стоит подумать, что это может означать, и как это осуществить. По крайней мере, есть второй метод, - попыталась я остаться оптимистичной, хотя между тем предполагала, что Джианна права. Всё было просто и в тоже время невозможно. Если только за этими словами не скрывалось совсем другое значение. - Она должно быть живёт в Италии. Всегда, когда Колин ускользал от неё, она возвращалась назад туда. На юг Италии. Очевидно Колин снова ускользнул, иначе его бы здесь не было. Папа последние следы оставил в Италии. Нам нужно ехать в Италию, - высказала я то, чего так сильно хотела и в тоже время боялась, как чумы.

- Не нужно, - ответил Пауль решительно. – Нам ничего не нужно. Мы можем продолжать нормально жить дальше и принять то, что папа … - Он замолчал.

- Я так не могу, - сказала я, когда у Пауля не получилось закончить предложение и после нескольких страдальческий вздохов добавила. – Ты можешь?

Когда я требовательно посмотрела ему глаза, потемневшие от страдания, моё сердце посуровело и помрачнело. Он, так же, как и я, не мог оставить всё так, как есть. Нормальной жизни для нас больше не существовало. Иногда я точно не понимала, были ли это последствия атаки Фрнацёза, угнетающие моего брата или же его собственное чувство вины, из-за того, что он не поверил ни мне, ни папе. Да, он чувствовал себя виноватым за то, что пришлось пережить мне, чтобы спасти его. Я не хотела, чтобы он винил себя, но он винил. Поэтому, он не позволит уехать мне без защиты со своей стороны. Только уже из-за чувства вины он этого не допустит. Не имеет значения, что он думает он наших замыслах.

Пауль, застонав, отвернулся от меня и посмотрел на Джианну. Стон казалось исходит из глубины его груди.

- Значит, Италия, - сказал он хрипло.

- Да. Италия, - подтвердил Тильманн. Я только кивнула. Теперь и наши две пары глаз, Тильманна и мои, покоились на Джианне. Она не хотела верить в то, что ей приходилось выслушивать здесь, поэтому немного отодвинулась и смотрела на нас со смесью возмущения и обиды.

- Помимо того, что вы все совершенно сумасшедшие: я не могу поехать сейчас в Италию! Я безработная, у меня долги и ... - Широким жестом она отмахнулась от мухи, которая села на её пирог. Под её мышками на футболке образовались тёмные пятна.

- У тебя больше нет долгов, - исправил её Пауль. - Я перевёл деньги в налоговое управление.

- Ты, что сделал? - Джианна ахнула. - Откуда ты вообще знаешь, что ... ах, вот значит как. Финансовые аристократы держатся вместе.

Я только пожала плечами. Да, я послала Паулю копию письма налоговой инспекции, которое мама и я изучили вместе с Джианной, чтобы найти какую-нибудь лазейку в законе, которая могла бы уберечь её от доплаты. Однако безуспешно. После этого я отправила его Паулю факсом и объяснила несколькими предложениями, в каком затруднительном положение находится Джианна. От меня она не хотела принимать денег. Выглядело так, будто она ни у кого не любила брать их.

И только потому ничего не сделала Паулю, потому что мама как раз подошла к столу и поставила перед моим носом свежий чайник с чаем. Из-за кофе голова у меня болела ещё больше и то, что она сама подумала о том, чтобы специально для меня приготовить мятный чай, заставило меня смущённо смотреть на бахрому скатерти. Мы исключили маму из переговоров, хотя здесь речь шла о её муже. Это не добропорядочно.

Атмосфера так накалилась, что мы все вздрогнули, когда позвонили в дверь.

- Не беспокойтесь, я сама открою. - Мама преувеличено поклонилась и вышла из оранжереи.

- О нет ..., - застонала я. - Значит, он действительно не шутил и приехал в Вестервальд...

- Кто? - воскликнули Джианна и Пауль хором.

- Ларс. Он угрожал мне этим уже сегодня утром. Его жена бросила его, и с тех пор он преследует меня.

- Ларс, горилла? - Нос Джаннны сморщился. Отвлечься ей бы не помешало. - С ним я уже всегда хотела познакомиться.

- Мне хватило и одного раза. О, прошу, только не это ... - Мамины шаги уже приблизились и стук дико раскрашенных, ковбойских сапог Ларса. Поспешно я поднялась, чтобы найти убежище в папином кабинете. - Скажите ему, что я чувствую себя не очень хорошо и что ... - Слишком поздно. Они уже стояли за мной. Глаза Джианны расширились. Да, вид Ларса не представлял этического удовольствия. В вопросах моды он застрял в девяностых. Да ещё его подбородок, как у Шумахера и низкий лоб - и готов неимущий. Я приложила палец к моему стучащему виску и медленно повернулась. - Ларс, я же тебе сказала, что ... о, Боже мой.

- Можешь звать меня просто Колин, спасибо. - Он весело подмигнул мне и направил своё внимание на трёх других, которым никак не удавалось закрыть рты. - Джианна, Тильманн, Пауль. - Манера, с которой он назвал их имена, на несколько моментов пленила нас. Он сказал их так многозначительно и знающе - это было больше, чем просто приветствие. Я увидела, как

Джианна выпрямилась, что делала редко. Чаще всего она скрючивалась, как вопросительный знак. Колина казалось не волновала наша реакция. Он безучастно сел на свободный стул рядом с моим. Нерешительно я тоже вновь села.

- Ах, как здорово. Вишнёвый пирог. Мне можно? - спросил он вежливо и посмотрел на маму сверкающим взглядом. Так как снаружи как раз шёл ливень, мрачная погода уберегла нас от огненно-красных волос и светло-зелёных глаз. Тёмные волосы Колина - теперь немного короче, но всё ещё длиннее, чем при нашем знакомстве - были пронизаны медными и огненно-рыжими прядями, а его глаза составляли радужный узор из коричневого и тёмно-бирюзового. В остальном он предстал перед нами одетый со вкусом, но своеобразно, как никогда: изношенные сапоги, узкие, тёмные брюки, рубашка из прошлого столетия; к тому же на руке широкий, кожаный браслет, потрёпанный ремень и целая коллекция колец в обоих ушах.

Мама едва кивнула, руки скрещены на груди, выражение лица один лишь упрёк. Колин проигнорировал её и положил себе на тарелку кусок пирога. Ошеломлённо я наблюдала за тем, как он, отломив первый кусочек вилкой, засунул себе в рот, прожевал и сглотнул. Он ел!

- Вкусный, - похвалил он мамино (и Джианнено) умение печь одобряющим кивком. Я, даже если бы хотела, не смогла сказать, разыгрывает ли он нас или вполне серьёзен. Эта ситуация казалась настолько странной, такие я переживала обычно лишь во сне. И в какой-то мере она была так же ужасно смешной. Джианна подавила смешок, на что Колин сказал ей что-то на итальянском, что тут же заставило её покраснеть.

- Я запрещаю вам, ещё хоть даже один раз, так изувечивать мою дочь, - сказала мама, прежде чем мы начали развлекаться.

- Правильно делаете. Это не может извинить мои действия, но я должен был приблизиться к ней таким образом, чтобы защитить её семью. Всё другое излишне подвергло бы её опасности, а возможность вернуть вашего мужа отбросило бы в далёкое будущее, - ответил Колин спокойно. Мама испустила опасно-шипящий звук и с развивающимися волосами промаршировала назад в сад. Колин отодвинул от себя тарелку с пирогом, прежде чем повернулся ко мне и посмотреть - с обычным высокомерным выражением и насмешкой во взгляде. Тем не менее в нём было также слабое сожаление, слишком слабое, чтобы заставить меня забыть мои травмы. Моя головная боль мчалась по венам, как будто хотела заставить их взорваться. Порез на затылке начал чесаться.

- Разве ты не мог принести мне известие таким же вот путём? За чаем? - спросила я колко.

- Нет, Эли. Тогда ты обрадовалась бы. А так, находишь меня лишь ужасным. Благодаря этому небольшому свиданию в полночь.

- Да. Ты действительно ужасный.

Джианна снова фыркнула, в то время как Пауль и Тильманн ограничились лишь тем, чтобы наблюдать за нами. Мистер Икс, который только что ещё охотился за бабочками в саду, учуял Колина и прибежал, чтобы элегантным движением запрыгнуть к нему на колени и мурлыкая, и пуская слюни взобраться на плечи. Колин драпировал его как шарф вокруг шеи, так что ноги Мистера Икс свисали вниз, а ревнивый Руфус хотел прыгнуть за ним.

- Ну, а ты что за уродливая скотина? - Колин осторожно погладил Руфуса по шраму, который красовался вместо глаза на его угловатой голове. Потом снисходительно посадил его

на пол, чтобы остановить героический, тенорный вой Мистера Икс, который тот завёл опять только что.

- Моему коту он нравится. Таким образом вопрос для меня решён, - сказала Джианна, как будто самой себе. Колин посмотрел на неё открыто, но она не осмелилась ответить на его взгляд.

- И что? У вас уже есть идея? - Нам всем было ясно, на что он намекал. На свою формулу. - Я сам не хочу ещё раз говорить её в вашем присутствии. Это слишком рискованно. Здесь речь идёт о древнем знании, которое, в самом плохом случае, привязано к мозгу того, кто его украл. Сама формула не может быть обнаружена, потому что её украли, поэтому она была забыта. Вора, однако, можно обнаружить. Так как выглядит ваш план? - Последнее предложение прозвучало высокомерно, и если бы головная боль не мучила меня так сильно, то я, по крайней мере, предприняла бы попытку, пнуть его в ногу. Мне было даже трудно понять, что он только что сказал нам. Остальные тоже смотрели озадаченно.

- Мне кажется, что я попала в какой-то плохой фильм ..., - пробормотала Джианна. Колин не обращал на неё внимания, а ждал моего ответа.

- У нас ещё нет настоящего плана, - ответила я уклончиво. «Настоящий план» - выражение скорее благосклонное. У нас его вообще нет. Мне только что удалось убедить Пауля поехать с нами в Италию.

- Хорошо, значит это выяснили. В остальном я предлагаю вам помочь в поисках вашего ...

- Не выяснили! - перебила я. - Мы только что заговорили об этом в первый раз. Может дашь нам немного времени, после того, как не показывал здесь своей задницы в течение нескольких месяцев. В конце концов, для этого нам и требовалось время. Для меня вопрос очевиден. Мы найдём Мара, который любит Тессу и ...

- О, Елизавета, прошу тебя, нет Маров, которые ... - Колин прервал себя и встал, становясь к нам спиной возле передних окон оранжереи, заросших виноградом. - Ты не найдёшь Мара, который любит Тессу. У нас тоже есть вкус.

- Но ведь ты ... хм ...

- Я, вовсе нет. Не путай желание с любовью, Эли, - сказал он холодно.

- Зачем тогда ты вообще сообщил мне эту аллегорию, если совсем не веришь в то, что мы сможем её решить?

- Таким образом, я сдержал мою часть обещания. Тебе решать, выполнишь ли ты свою. - Колин говорил, как о неважной, безобидной сделки - а имел в виду свою собственную смерть. Я отбросила эту мысль в сторону так же быстро, как она появилась. Это был последний пункт в списке и на данный момент незначительный. Сначала Тесса, потом папа, а уж потом я могла подумать о моей части обещания. Не раньше. Потому что если всё пойдёт хорошо, то она, в последствие, больше не будет иметь значения.

Колин вернулся к столу, освобождая вид на сад, где мама мучилась под дождём, роя в глинистой почве яму. Снова и снова её руки соскальзывали с тяжёлой лопаты. Выглядело так, будто она хочет вырыть могилу. Возможно наши соседи тоже так думали. Беззвучно Колин опустился на свой стул. Распространилась наркотическая тишина. Джианна и Пауль наблюдали за мамой, как будто им было запрещено встречаться взглядом с Колином, но Тильманн задумчиво смотрел в некуда, как будто полностью занят решением проблемы. Решением

нашей проблемы? Я изумилась, когда заметила размышления Тильманна. Однако Колина они не удивили. Он производил впечатление, как будто ожидал, что именно так и будет. Губы Тильманна стали тонкими. Потом он прокашлялся.

- Это обязательно должен быть Мар? Или может быть человек? В формуле ничего не говориться о Марах, - неуверенно высказал он свои мысли.

Колин долго на него смотрел, он не торопился, разглядывая его, прежде чем ответить с загадочным выражением лица.

- Вы исчадия ада, ты и Елизавета.

Лицо Тильманна скривилось в дерзкую усмешку. Ему понравилось, что Колин назвал его исчадием ада, но как бы я не сопротивлялась моей головной боли, она мешала понять, что произошло только что.

- Вы хотите поехать в Италию? - поменял Колин так резко тему, что я сомневалась, состоялся ли вообще короткий диалог между ним и Тильманном. При слове «Италия» Джианна и Пауль оторвали свои усталые глаза от окна, как будто мамина возня на несколько минут привила их в своего рода транс. Но это не мама. Это Колин. Он отключил их. А они даже не заметили. Возможно такое состояние, со времени атаки Францёза, стало для Пауля нормой. Он больше не любил ездить на машине, потому что всё чаще впадал вечером в микросон. Ещё одно из многих последствий.

- Да, в Италию, - механически подтвердила Джианна. - У моего отца есть коттедж, ничего особенного и довольно уединённый. Почти нет туристов. В Калабрии. - Когда она поняла, что только что сказала, то испуганно закрыла рот рукой. Не желая этого, она показала нам джокер потому что была не сосредоточена.

- Но это ведь гениально! - воскликнула я, прежде чем Джианна успела передумать. Именно на что-то подобное я и надеялась. Теперь ей придётся поехать вместе. Не только Пауль нуждался в ней, мне она тоже нужна. Я никогда бы не осмелилась сказать ей об этом, но это так. Она была моей единственной подругой.

- Нет, я так не думаю, - умерила Джианна мой пыл - Ключ лежит у моего отца в Адриатике, и я получу его только тогда, когда наконец пообещаю, что выйду замуж за итальянца и рожу по меньшей мере трёх bambini (детей).

Я захихикала, и это умножило тянущую боль в виске, так что меня чуть не вырвало от боли, а по щекам пронеслась горячая волна. Автоматически я схватила прохладную руку Колина, и приложила его пальцы ко лбу, также автоматически он нежно провёл по моим опухшим венам. Потом коснулся пореза на затылке, и тот начал покалывать. Я коротко увидела перед собой, как кожа полностью закрывается, и остаётся только тонкий, белый шрам. Колин вылечил меня. Вздох облегчения сорвался с губ. Я чувствовала, что другие смотрят на нас, пленённые нашей внезапной нежностью, но существовали только мы, мы вдвоём. Колин и я. «Колин», подумала я с тоской. «Вот и ты наконец ...» Но прежде чем я смогла опереться на него, его рука превратилась в безжизненный кусок льда. Я испуганно отпрянула, опустила веки и упёрлась ногами в пол, чтобы подавить дрожь, которую вызвало холодное презрение в его глазах. Презрение, которое должно было помешать нашему счастью, спасти нас. Мне так надоела эта игра.

- Выпей аспирин или парацетамол, Эли, - сочувственно посоветовал мне Пауль.

- Уже сделала. Даже две таблетки. Не помогли, - ответила я слабо. - Я справлюсь.

Но когда мама распахнула дверь и бросилась к нам, как фурия, боль опять вскипела, такая сильная, что я тихо застонала. Колин заглушил стон грохотом посуды, которую складывал друг на друга. «Мне нравятся твои стоны», сказал он мне на Тришене. Также стоны от боли, потому что они очень похожи на другие. Голос мамы тут же разрушил мои тёплые воспоминания и покалывание в животе.

- Если вы думаете, что я отель, ресторан, кошачий пенсион и прачечная в одном лице, то вы обманываетесь! Это ясно?

- Ой-ой, - пристыженно прошептала Джианна. - Мия, я ... ой-ой ...

- Я не позволю вам просто так поехать в Италию. Здесь речь идёт о моём муже и у меня есть право...

- Может, я могу помочь вам посадить дерево, госпожа Штурм? Земля в Вестервальде действительно очень тяжёлая и глинистая, - обходительно прервал её Колин и встал.

- Да, если хотите, пожалуйста, - ответила мама растерянно и последовала за ним в сад, как собачонка. Как специалист, Колин вгонял лопату в землю и несколько раз капнув, раскопал достаточно места для корней, которые не менее умело разместил, укрепил, а затем обрезал несколько ветвей. Голоса обоих приглушённо доносились до нас. Я подошла к двери, чтобы подслушать несколько слов.

- ... мне бы тоже не хотелось тащить по жаре 600 килограммовую Фризскую лошадь, - услышала я, как сказал Колин, удивляясь по меньшей мере точно также, как трое других этому причудливому посещению сада. В первую очередь оно служило для того, чтобы вместе посетовать на непослушных детей, сидящих наверху в оранжереи. Согласованно, мама и Колин шагали от грядки к грядке, возле которых Колин здесь и там что-то объяснял, срывал завядшие листья, прежде чем в конце концов начал возиться с насосом нашего ненавистного фонтана, который каждый второй день забивался.

- Он обрабатывает её, - удивлённо отметила Джианна. И имела в виду точно не насос, а мою мать. Да, мама больше уже не выглядела как львица, которая защищает своих детёнышей. Её плечи расслабились, и иногда она даже улыбалась. В первый раз я спокойно смотрела на то, как Колин делал то, о чём всегда говорил папа: он манипулировал.

Я не знала, нравится мне это или нет, но Колин манипулировал для меня. Ему не нужно было разговаривать с нами долго, чтобы узнать, как обстоят дела с нашими планами. Он понял всё намного лучше, чем на данный момент Пауль и Джианна. Тильманн и я превосходили друг друга в своей мрачной решимости. Мы поедим в Италию, даже если за этим скрывались совершенно различные мотивы. Об этом я уже сказала Колину прежде, чем мы попрощались в апреле.

Теперь он, надеюсь бережно, втолкует маме, что она должна отпустить нас. Потому что это было моим единственным желанием, даже если оно постоянно усиливало угрызения совести. Я не хотела брать её с собой.

- Значит, вы действительно хотите сделать это, не так ли? - спросил Пауль, зевая, слишком усталый, чтобы снова волноваться. Он казался изнурённым. Мне тоже нужно прилечь. Головная боль стала беспощадной. Тильманн и я кивнули, ничего не сказав.

- А ты присоединишься к ним, я права, Пауль? О нет ... – Джианна, вздыхая, опустила лоб на мускулистое плечо Пауля.

- Я должен, моё сокровище. - Услышать, как он назвал Джианну сокровищем, задело меня. С нашей встречи, Колин ещё не разу не назвал меня Лесси. Или же «моё сердечко». Только Эли и Елизавета и чаще всего скорее пренебрежительным или угрожающим тоном.

- Моя сестра поставила на карту всё, чтобы спасти меня. Я не могу позволить поехать ей туда одной. И Тильманну тоже. Он испытывал Францёза. Оба могли при этом погибнуть.

Я не хотела смотреть на Пауля и Джианну, потому что это причиняло боль, но должна была. Только что, они смотрели на меня и Колина, очарованно и отстранённо; так, как смотрят жуткий, но технически хорошо поставленный фильм. Мы были для них захватывающим зрелищем. Но Джинна и Пауль не пара из фильма. Они настоящие. Им не нужно притворяться ни одной секунды, они ведь не в опасности, и один для другого пройдёт через огонь и снова обратно. Выражение лица Тильманна, когда он смотрел на них, тоже замкнулось. Они же ничего этого не заметили.

- Хорошо. - Джианна вздохнула ещё раз. Это прозвучало так, будто она плачет. – Значит, мы едим в Калабрию.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Признаки дефицита

- Кончай, Эли, и выключи наконец компьютер! Я ещё сегодня хочу пойти ...

Я не стала спрашивать Тильманна, что он опять задумал и куда собрался со мной пойти, а подняв руку, лишь дала понять, что он должен немного потерпеть.

Я больше не была способна реагировать быстро. Спустя полтора дня постоянной головной боли, я чувствовала себя, как после пытки. Говорить было больно, даже просто лежать причиняло боль, потому что я не находила позиции, в которой затвердевшие мышцы на плечах не сводило бы судорогой ещё больше. Никогда бы не подумала, что лежать может быть так изнурительно. О сне, я в любом случае, могла только мечтать. С этой головной болью, я только беспокойно ворочалась туда-сюда, уставшая и разбитая, но не в состоянии видеть сны.

Поэтому села снова за компьютер, чтобы продолжить исследования. Сначала, я занялась фауной Италии, преследуя мысль, что смогу, с помощью животного мира, сделать выводы о Марах, но уже спустя полчаса, отказалась от этой идеи. Животный мир Италии казался мне совершенно не интересным. А то, что в Апулии можно встретить Чёрных вдов, я уже знала. После этого утомительного исследования, последовала короткая экскурсия к Мансонам - без каких-либо заметных результатов. Потом мучительно скучная статья о семье Медечи. Для отдыха, пара клипов с YouTube о цветущей Ривьере. Моя страсть к путешествиям чуть меня не убила, когда я их смотрела. Теперь я знала, почему туристы так восторгались Италией, пока не дошла до Адриатики. Там, где жил отец Джианны. Адриатика - это не то, что я представляла себе под раем для отдыха. Несколько рядов шезлонгов, лишённые фантазии бары и выровненные пляжи, но конечно, они были лучше, чем Вестервальд и по крайней мере теперь, стало ясно, что мы поедим сначала в Адриатику, чтобы забрать ключ для коттеджа на юге. Возможно, отец Джианны, сможет дать нам косвенно, некоторую полезную информацию. Джианна образованна; шансы хорошие, что и вся её семья такая. Допустимо, что он знал какие-нибудь старые легенды, которые мы можем истолковать совершенно по-другому, чем он. Потому что знаем, что Мары существуют. Или я просто в чём-то себя убеждаю?

Тильманн встал позади меня и взял маленькую карту Европы с моего письменного стола, которую я нашла зимой в папином сейфе: величиной в формат А5, неточное изображение, как будто вырезана из атласа для детей. В странах были нанесены только столицы, горы и большие реки или моря, больше ничего. Большего папа мне не оставил. В первые ночи после нашего возвращения из Гамбурга, я, когда мама спала, просмотрела все медицинские записи его пациентов, в надежде, найти там тайные документы о Марах. Единственный результат, когда закончила просмотр, почувствовала себя, будто сама готова для психушки. От меня не ускользнуло, что рядом с некоторыми записями, он поставил М и жирно её обрисовал. Очевидно таким образом, отметил пациентов, которые, по его мнению, были атакованы Марами. Их меньше, чем я думала. Но кроме этих М, существовала только ещё карта. Кресты были хорошо видны. Самым чётким, он отметил южную Италию, но они тянулись через всю Европу, главным образом, через тёплые края и чаще всего где-то возле моря. То, что это только карта Европы, а не всего мира, сбивало меня с толку. Конечно же, и на других континентах существовали Мары. Почему папа сразу не взял карту мира? Кроме того, Италия узкая страна, окружённая морем. И именно там хозяйничала Тесса? Она ведь боится воды. Но это также означало, что мы будем в безопасности, если остановимся прямо возле воды. Но разве это также не будет значить конец нашего замысла, заманить её? Хорошо, что дом семьи Джианны находится в глубине - или он всё-таки лежит слишком близко к морю, поэтому Тесса не придёт? Или она пришла бы даже на Зильт, на остров, если бы Колин, и я были немного счастливее? О Боже, это как будто доишь мышей, я ничего не знаю ... Вздыхая, я переключила компьютер на спящий режим.

- Только одна эта жирная метка на южной Италии? - спросил Тильманн, после того, как основательно осмотрел карту. Он, проверяя, перевернул её, но это не поможет. Папа ничего на ней не написал. Я уже даже держала её на свет, чтобы разглядеть возможную тайную надпись. Дула на неё феном, потому что надеялась, что он написал лимонным соком, и теперь проявятся коричневые буквы. Но она оставалась потёртой, тонкой картой Европы с крестами. Ничего больше.

- Да, - ответила я сварливо. - И я даже не знаю, обозначают ли метки конкретное место или только область, или страну ...

- Возможно, Мары постоянно меняют своё место нахождения в пределах региона, и у них нет постоянного места жительства. В противном случае пища наскучит.

- Тогда ему не нужно было рисовать эти дурацкие кресты! - Рассерженно, я вырвала её из рук Тильманна. Он воспользовался возможностью, схватил меня за руку, поднял со стула и оттащил в сторону ванной комнаты.

- Эй, что ты делаешь? - закричала я упрямо, но боль в голове, делала невозможным даже подумать о технике каратэ. Только перед зеркалом Тильманн остановился и показал на то, что мы оба там увидели: незнакомая, капризная женщина с опухшими веками и тенями под глазами. Возраста около сорока двух лет.

- Вот, - сказал Тильманн и указал на уголки моих губ. - Продолжай так делать дальше, и ты через пять лет будешь выглядеть так же, как Ангела Меркель.

Он преувеличивал, но боль уже оставила свои следы. Боль и то, что Колин не попрощался со мной. После того, как мама и он объединились, работая в саду, пульсация в моих висках стала такой безжалостной, что я убралась в свою комнату. Я ожидала, что Колин скажет мне пока. Но он не попрощался. Он уехал вместе с Мистером Икс, не заглянув ко мне, что значительно облегчило повседневную жизнь Руфуса в наших четырёх стенах, для меня же стало равносильно личному нападению.

Собственно, Тильманн хотел поговорить со мной, сразу же, после нашего убийственного, приятельского кофе пития, но я отделалась от него. Теперь же, он больше не позволит мне выкрутиться.

- Оставь меня в покое, - попросила я его сварливо, желая снова исчезнуть в моей комнате. Но он встал в дверном проёме. - Ну ладно, если уж ты хочешь остаться здесь, тогда расскажи мне по крайней мере о том, что ты думаешь о нашей поездке. Потому что я исследую день и ночь. Нам нужно срочно...

- Блин, Эли, на улице самая прекрасная погода, а ты только и сидишь здесь, возле своего компьютера! - качая головой, прервал меня Тильманн. - Это ничего не даст!

- Самая прекрасная погода! Это ты называешь прекрасной погодой? - Я обвинительно указала, через маленькое окно в ванной, на улицу.

- Для Вестервальда, да. Большего, ты не можешь ожидать от начала июня. Ну давай, пошли со мной. Пошли же!

Он взял два полотенца с полочки в ванной, бросился в мою комнату, засунул их, вместе с моей бутылкой воды, в рюкзак и поставил передо мной обувь. Полотенца? Он что, хочет пойти купаться? Это день не для купания. Небо затуманено, утром даже поднялись клубы тумана над речкой, а на западе уже опять собирались новые дождевые тучи. К тому же, дул обычный порывистый ветер, который сегодня, однако, был не таким сильным. И всё-таки, погоду для купания, я представляла себе по-другому. Особенно с тех пор, как постоянно останавливалась на сайтах с предложениями отпуска в Италии.

Тем не менее, я, прижав руку к виску, безвольно последовала за Тильманном вниз, потом на улицу и наконец из деревни в лес. У жителей будет опять на что взглянуть.

- Джианна и Пауль не с нами? - спросила я, спустя несколько минут в стиле телеграммы, потому что каждое слово для меня и причиняющего боль лица, казалось уже слишком.

- Они трахаются, - грубо ответил Тильманн.

- Тьфу, - сказала я неодобрительно, хотя он, скорее всего, попал в самую точку. С тех пор, как Пауль вернулся, а Джианне не чем было заняться, они проводили почти всё время, уединяясь в комнате для шитья. Я, на всякий случай, каждый раз настраивала уши на то, чтобы ничего не слышать, когда мне нужно было пройти мимо их двери. Представлять своего брата во время секса, для меня также невозможно, как представлять родителей во время секса. Братья и родители не занимаются сексом и точка.

Я тяжело ступала за Тильманном, с рукой на виске, и уже после нескольких поворотов и сокращений пути, потеряла ориентацию. Я задавалась вопросом, собирался ли он отвести нас к дому Колина, но при таком варианте, оба полотенца, приобретали ещё меньше смысла.

Хотя Тильманн повёл себя спонтанно как кавалер, взяв себе на спину мой рюкзак, всё же вышагивал очень стремительно. Я ещё никогда раньше, не видела молодого человека, который бы шёл так быстро и не казался при этом суетливым или в панике. Казалось, будто в его бёдрах вертелись колёса и подгоняли ноги, колёса, которые невозможно просто так остановить, но которые всегда делали его движения упругими. Да, он шёл быстро, не потому, что убегал, а потому, что у него была цель - или то и другое?

После очередного сокращения пути, по лесной тропинке через заросли, мы добрались до одного из многих ручьёв. В живописных изгибах, он плескался по плавному склону вниз. На склоне, вдоль и поперёк, лежали ещё деревья от последнего зимнего шторма и уже частично заросли мхом. Возле берега, находилась небольшая, круглая поляна, с местом для костра, лишь скудно накрытом. Одно из многих скрытых убежищ в лесу, где Тильманн играл в индейца. К счастью такое, которое не покрыто паутиной. Оно расположено далеко от дома Колина, а также от тех негостеприимных мест, где состоялась битва с Тессой.

Тильманн начал, на краю поляны, возиться с брезентом, под которым я предполагала, что там находится кладка дров, которую нужно защитить от влаги. Но оттуда показались не дрова, а вигвам-парильня, чьё круглое отверстие, было обращено к ручью и приближающимся дождевым тучам. Застонав, я спрятала лицо в руках и опустилась на один из пней. Парильня. Я жаждала прохлады, ранее, даже положила пластиковый мешок, с кубиками льда, себе на лоб, чтобы немного облегчить боль, а Тильманн хотел посадить меня в парильню? Посреди леса? Он что, хочет меня убить? Моя голова взорвётся, как переспелая дыня.

Я, оцепенело и напряжённо, оставалась сидеть, в то время, как Тильманн разжёг костёр и положил в его середину круглые камни. Потом забрался в палатку, чтобы подготовить её - какой бы там не была эта подготовка. Может быть, собрался нарисовать пару индейских, охотничьих сцен на тенте.

Птицы над нами весело чирикали, как будто сегодня самый прекрасный летний день и, если бы при мне имелось ружьё, я бы без малейшего сожаления застрелила дятла, который хорошо спрятавшись за светло-зелёными ветвями, искал насекомых, ритмично стуча, как метроном. Я, по двум причинам хотела, чтобы он свалился мёртвым на листья, так как своим вечным стуком разжигал мою боль. А также, неизбежно, напоминал мне те секунды, в которые Колин и я намеренно забыли Тессу и таким образом приманили её. Это случилось в Лаужице у волков, в то утро, которое казалось мне, было прелюдией ко всему хорошему и лёгкому. Редко я ошибалась так фатально, чем в тот момент.

Я встала, вытащила сложенный лист формата А4 из кармана штанов, который спрятала там вчера и уже хотела бросить его в огонь.

- Эй, эй, не так быстро, - вмешался Тильманн в последнюю секунду, чтобы спасти тлеющую бумагу из огня. - Это письмо Колина?

Я ожесточённо кивнула. Да, это оно. Тильманну не нужно было спасать его. К сожалению, я в любом случае, знала его наизусть. Слишком часто читала, так как надеялась, что найду скрытое сообщение, имеющее в виду что-то другое, чем те сухие, деловые строчки, которые могли бы быть написаны и совершенно чужому человеку. Лишь после десятого прочтения я сдалась. Теперь, больше не хотела держать его у себя.

В то время как Тильманн разбирал строчки, пред моим внутренним взором, как проклятие, появились размашистые буквы Колина - размашистые и написанные чернилами из Сепии, но не такие аристократические, как в других письмах, которые он писал мне. В этом я тоже видела брошенный мне вызов. Он схалтурил.

«Привет Эли,

в ближайшие дни я организую моё путешествие и транспортировку Луиса. Здесь я не могу и не хочу оставаться дольше.

Поезжайте в течение следующих двух недель на юг. Я присоединюсь к вам немного позже.

Когда мы встретимся в Италии, нам нельзя будет говорить о формуле. Ни тебе, ни Джианне, Паулю или Тильманну со мной. Это, вы должны соблюдать. Вы можете обсуждать её только между собой, и даже это следует делать только тогда, когда нельзя избежать.

Следует ожидать того, что постепенно, я забуду формулу, потому что передал её тебе. Я пытаюсь остановить этот процесс с помощью медитации. Тем больше, ты должна сохранять её в своей памяти и в тоже время защищать от посягательств от внешнего мира. В этом, ты преуспеешь.

Как я слышал, ты прилежно тренируешься дальше.

Не думаю, что вам удастся изменить что-то в моей судьбе, но возможно она вовсе не придёт и тогда, по крайней мере, мы сможем начать искать вашего отца. И ты сможешь подумать о выполнение своего обещания.

Увидимся, Колин.»

- Знаешь, какое предложение я больше всего ненавижу в этом письме? - проворчала я. «Как я слышал, ты прилежно тренируешься дальше.» Тьфу! Это покровительственное предложение учителя!

- Тильманн улыбнулся.

- Правда? А я думал - это «Увидимся.»

- Его тоже. Ах, я ненавижу все предложения в этом письме. Этот клочок бумаги с мазнёй, даже не заслужил название письма, - поносила я его. Но улыбка Тильманна сменилось серьёзностью, которой я опасалась уже по пути сюда. Эта дурацкая парильня служила лишь показухой. Он собирался обсудить со мной определённые вещи. И насколько я его знала, некоторые из них, я не захочу услышать. С другой стороны, пришло время, объединить наши мозги. У нас имелась формула, но плана всё ещё не было. Я встала, забрала письмо из его рук и бросила в огонь. Было приятно смотреть на то, как оно, шипя, свернулось и распалось в чёрный пепел.

Тильманн наклонился вперёд и длинной палкой перевернул камни, чтобы они накалились полностью.

- Ты ведь не думаешь, что я буду вместе с тобой сидеть голая в этой палатке? - проворчала я.

- Если хочешь, можешь сесть туда и одетой, но это будет неприятно, - ответил Тильманн, не отрывая своего внимания от камней. - Не суетись, Эли.

Это требование я слышала от него постоянно. Не суетись. Не парь шкуру. Расслабься. Глупые, бесполезные советы. Ещё глупее и бесполезнее, чем в письме Колина. Потому что ...

- Я на твоём месте, больше всего, ненавидел бы предложение, где он пишет, что Тесса возможно всё равно не придёт.

Я ожидала это возражение. Тем не менее, чуть не начала брызгать слюной, когда ответила.

- Приманить Тессу, ещё никогда не было проблемой, Тильманн. Наверное, ей хватит уже того, что Колин и я улыбнёмся друг другу.

- Это, по крайней мере, был бы уже прогресс, - сказал Тильманн. - если вы хотя бы, улыбнулись друг другу. Нет, Эли, правда. Колин не писал бы этого без причин. Я тоже думаю, что будет сложно. Ваши отношения в последние время не были таким уж классными и ...

- Разве мы здесь для того, чтобы обсуждать мои проблемы в отношениях? Тогда я ухожу, а ты можешь поджариваться здесь один. Он делает всё это, чтобы она не пришла уже сейчас, пока мы ещё не готовы, потому что в третий раз мы не сможем от неё избавиться. Колину надоело убегать и мне тоже. Но в Италии всё будет по-другому. Определённо. Тогда мы наконец-то сможем быть такими, какими хотим быть.

- Ладно, хорошо. Успокойся, Эли, да ты ещё сейчас и в огонь запрыгнешь. - Тильманн поднял руки вверх, усмиряя меня. - Собственно, я хотел посидеть здесь в сауне, а не организовывать костёр для ведьм.

Я действительно оказалась в слишком опасной близости от огня. Резина моих кед уже начала дымиться и вонять. Я сделала большой шаг назад.

- Кроме того, было бы не так уж плохо, если она в Италии, придёт не сразу, - продолжил Тильманн, после того, как убедился в том, что я нигде не горю. - Тогда у нас будет больше времени, чтобы всё тщательно спланировать и - во всяком случае, у нас будет время. Так что вам не нужно сразу же бросаться в любовное счастье.

- Хм, - произнесла я, потому что ещё никогда не была той, кто мог с головой броситься в счастье, как другие люди. Если вообще могла, то скорее спотыкаясь войти, неожиданно и не о чём не подозревая. Незапланированно. Чёрт, у Тильманна и Колина, эти сомнения были не просто так. Но Паулю ведь получилось организовать счастье, сработает и с нами. Кроме того, Колин и я уже любим друг друга. Паулю и Джианне ещё нужно было влюбиться друг в друга. Любовь гораздо сложнее вызвать, чем возродить уже существующую. Уже существующую любовь, повторила я с сарказмом мои собственные мысли. Прозвучало ужасно. Нет, я даже не хотела обращать это в слова, ни в разговоре с Тильманном, ни в монологе, про себя. Всё образуется, как только мы окажемся на юге. Всё должно получиться.

Во всяком случае, проблемой, я считала не заманивание, а само убийство. «Тебя может убить только тот, кто любит». Только сегодня утром, в те короткие моменты, когда лёд приглушил боль в моих висках, я поняла, что Тильманн сказал вчера Колину. Я должна поговорить с ним об этом, даже если мои подозрения совершенно абсурдны.

- Почему ты спрашивал Колина о том, способен ли только Мар убить Мара, с помощью второго метода?

Сначала Тильманн подложил дров в огонь и проверил температуру камней, прежде чем взглянул на меня. Из-за внезапного порыва ветра зашумели огромные, стоящие близко друг к другу ели вокруг нас, гипнотическое, мощное гудение.

- Возможно, я смогу убить её. В конце концов, ведь я её любил. Это может случиться ещё раз ...

- Тильманн, прошу тебя! - вскипела я, и снова слишком сильно приблизилась к костру. Разве его не беспокоил жар? Он стоял почти в огне. - Ты её не любил! Она хотела высосать тебя и сделать своим спутником! Вспомни, что сказал мне Колин, что я не должна путать любовь с

желанием! - Мне хотелось отволочь его к ручью и засунуть его упрямую голову под воду, чтобы он пришёл в себя.

- Нет, - возразил он. - Для меня - это была любовь. Любовь и ничто иное. Я любил её. Может быть, всё ещё люблю.

- Блин, Тильманн, тебе семнадцать, ты не знаешь, что ...

- Ах да? Ты уверенна, Эли? Сколько было тебе, когда ты познакомилась с Колином? Тоже семнадцать, или нет? - набросился он на меня. - А теперь, ты всего на годик старше и считаешь, что знаешь об этом больше меня? Поверь мне, я занимался сексом чаще, чем ты и я очень хорошо знаю разницу, между сексом и любовью! С Тессой, была любовь, даже если ты не хочешь этого слышать! Это была любовь!

- Не правда, - прошептала я и подумала о том моменте, когда Тильманн выступил из зарослей и разорвал на себе рубашку, подходя к ней. Он светился. Он был красивым. И не в своём уме ... Он просто что-то здесь путал, заблуждался!

- Но ты ... нет, ты этого не видел, - исправила я себя. Я всё время забывала о том, что была единственным человеком, кто следил за схваткой, между двумя Марами. Тильманна не было там, когда Колин дробил Тессе кости, а они, чавкая, снова срастались. Это зрелище изгнало бы любовь из его плоти. А так? Лишь тот момент, когда садилось солнце, и она приманила его? Хватило ли такого короткого момента для того, чтобы влюбиться или же он был как раз достаточно мимолётным, чтобы возникла любовь? Возможно, ему нельзя было длиться дольше. Возможно, для меня, хватило тренировки Колина в темноте. Да, я уже тогда любила его, когда тайно за ним наблюдала в его схватки с тенью. И что сказал мне Тильманн, когда мы, после того, как сбежали от Тессы, сидели на скамейке перед гаражом и обо всём беседовали? »Она такая красивая.» Он не видел, просто не мог видеть, что Тесса вульгарная, неопрятная ведьма, волосы пронизаны клещами и пауками, глаза водянистые, злые и скучные. Мне нужно отговорить его от этого.

- Тильманн, послушай меня. - Мой голос звучал по-матерински, но мне было всё равно. Я набрала побольше воздуха в лёгкие и продолжила говорить. - Я видела Тессу в битве с Колином. Если бы только у меня была тогда с собой камера, чтобы показать тебе, что там произошло. Колин ломал ей позвоночник, а она только хрюкала, а потом все кости и хрящи срастались сами по себе, в течение нескольких секунд! - Меня затошнило, когда я подумала о звуке, который она при этом издавала. - Она высмеивала его, манила, хотя он намазался кишками и кровью убитого кабана, тем не менее она хотела его, хотела его взять ...

О нет. Это как в тот вечер, когда я пыталась рассказать Паулю о схватке. Я не могла. Звучало так, будто всё выдумано. Рассказ не мог отразить тот ужас, который я пережила. Но так быстро мне нельзя сдаваться.

- Кроме того ... разве ты больше не помнишь, как она выглядела? Тильманн, у тебя ведь есть чувство к эстетике, не так ли? Её нельзя серьёзно считать красивой!

- Конечно можно. Она красивая, это я говорил тебе уже один раз. Самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал, если хочешь знать более точно.

- Нет. Нет! - воскликнула я возмущённо, хотя опасалась, что Тильманн всё ещё считал её красивой. - Она не красивая. У неё глупые, пустые глаза, неопрятные волосы, глуповатое, кукольное лицо и липкий рот. Она воняет!

- Я этого не заметил. Возможно, ты только потому увидела её такой, потому что ненавидишь. Я видел красивую женщину, с длинными рыжими волосами и мягкими зелёными глазами. Такими мягкими глазами ... Когда я смотрел в них, у меня было такое чувство, будто я никогда больше не сделаю никакой ошибки и справлюсь с любой проблемой, независимо от того, насколько она велика. Что она всё мне простит. Взгляд Тильманна внезапно стал отсутствующим. Я запихала ветку в огонь, чтобы растормошить его.

- Ты говоришь тут о Тессе. О Тессе! Разве ты не понимаешь?

- Понимаю. Я сам не хочу верить своим чувствам. Лучше бы она была уродиной. Но я видел её такой, как только что описал тебе. И возможно, это снова будет так.

- Дерьмо, - пробормотала я. - Так нельзя Тильманн, прошу тебя ...

- Это может быть проще, чем заставить Колина полюбить её ещё раз. Если это вообще возможно. Он же говорит, что только желал её, а не любил.

Аргументы Тильманна загнали меня в угол. Они были хороши, чтобы отказываться от них. Для того, чтобы выиграть немного пространства, я начала ходить, как Румпельштильцхен, вокруг костра; учитывая его рассуждения, я больше не могла стоять спокойно. Он же сам, был совершенно спокоен. Это меня тоже стесняло.

- Но она попытается высосать тебя! - крикнула я. Первые капли дождя, упали на мои щёки и голые руки; маленькие, охлаждающие пункты на коже. - И как только она это сделает, ты даже больше не сможешь думать о том, чтобы убить её. Ты захочешь стать её спутником и позаботишься о том, чтобы она могла взять и Колина тоже ... Ты станешь нашим врагом! - Тильманн не отреагировал. Но и не отрицал мои заключения. Я прислонила голову к стволу дерева, как будто оно могло дать мне решение, против всех наших проблем. Оно пахло пряно смолой и старым деревом. Каким-то образом магически. Мои пальцы провели по губчатому грибу, прилипшему к коре.

- Если бы мы только могли создавать мечты или сами похищать их и вселять в себя ..., - сказала я задумчиво в полголоса. - Тогда всё было бы намного проще. Тогда мы смогли бы обмануть её. Но как это сделать? Ничего не получиться, есть только настоящие мечты, фальшивых не существует.

Именно над этим, я прошлой ночью размышляла часами, после того, как постоянно возвращающийся кошмар о потерянном лете, разбудил меня. Как уже часто в прошедшие недели, мне снилось, что я проснулась и с ужасом поняла, что пропустила лето. Уже наступила осень. А я знала, что не смогу пережить ещё одну зиму. Такой сон, тут же отравил бы Мара. Но как мне заставить забрать его? Это невозможно. Точно также, я не могла выдумать прекрасные мечты и позволить забрать их у себя. Это, в любом случае, причинит нам вред. Мечты, они как сны, рождённые из моих чувств и желаний. Все мои сны и мечты исходят от меня, и я слишком хорошо знала, какую это означало потерю, когда их забирали. Ещё раз, я не переживу такого похищения.

Я перестала ворчать, потому что почувствовала, что Тильманн, подстерегая, наблюдает за мной. Медленно, оторвала руку от ствола дерева и посмотрела на него, сквозь извивающееся пламя. На одно мгновение, он сам показался мне демоном, неприступным и опасным. Может это именно то, что подгоняет его? Может он вовсе не хочет победить Тессу, а стать её спутником?

Нет. Нет, такого бы он не захотел. Для этого, он был слишком умен. Но он хотел знать, что случилось, что она в нём вызвала. Он хотел столкнуться с ней, чтобы разобраться в своей любви. Внезапно, я больше не мола ждать, хотела узнать, что выяснил доктор Занд. Если он действительно что-то выяснил. Собственно, я хотела заговорить на эту тему, как только перестану ощущать боль и таким образом стану достаточно стабильной, для новых печальных вестей, но теперь пульсирующая боль в висках была мне почти безразлична.

Очарованно, я смотрела на то, как Тильманн подошёл к парильне, вытащил своего рода весло, которое должно быть когда-то смастерил и, медленно и благоговейно, начал перекатывать им накалившиеся докрасна камни, один за другим, вовнутрь натянутого брезента. Когда он закончил, то положил ещё немного дров в костёр и снял пуловер через голову.

Значит, парильня готова. Теперь настало время раздеваться. Я отнюдь не была неопытной в посещении сауны. Дженни, Николь и я, почти каждые выходные ходили вместе в спа, вначале в общественные бассейны, чей ревущий галдёж вообще не давал мне расслабиться. Потом я согласилась вкладывать мои щедрые карманные деньги, в наши посещения сауны и обеспечила нам доступ в спа-ландшафты больших отелей. Хотя и там тоже, мы не были избавлены от гор целлюлита, морщинистых пальцев ног и низко свисающих мошонок, но моим рецепторам не нужно было обрабатывать столько много раздражителей, как в общественных учреждениях. Посещения сауны, всегда вызывали положительный побочный эффект. Они безжалостно показывали, какой творческий промах, сделал дорогой Бог при создании человеческого тела и таким образом, я чувствовала себя, благодаря моей юности и здоровью, сразу намного красивее.

Но парильня посреди леса - это совсем другое, чем общественные бассейны и сауны в отелях. Она более интимная, деревенская, прямая, не хватает мягко звучащей, расслабляющей музыки и запаха искусственных ароматов. Но прежде всего, это общая сауна. Общая сауна для двух человек.

От джинсов и трусов Тильманн избавился одним движением и повернул ко мне голый, хорошо сформированный зад. Я с удовлетворением поняла, что это посещение сауны, убережёт меня от низко свисающей мошонки. Выглядела ли и я подобающе? Если Тильманн только что сильно не преувеличил, то он знаком с женской анатомией. Если повезёт, он не будет пронизывать меня своими взглядами. Но даже если и будет - моя грудь, это единственная во мне посредственная часть; не большая, но и не маленькая, круглая и упругая, не стоящая упоминания. Остальное, не такое худое, как зимой, подстриженное и ухоженное. Прочие же, я в любом случае не могла изменить. И я ведь не собиралась соблазнять Тильманна. Мы хотели лишь вместе попотеть. Мы уже спали рядом друг с другом в течение многих ночей, он массировал мне спину, мы вместе танцевали, целовались, я касалась его шрамов - пусть спокойно увидит меня голой. Что в этом особенного?

Когда я снимала футболку через голову, моё плечо сильно захрустело, а когда начала снимать штаны, пришлось сдерживать себя изо всех сил, чтобы не думать о той ночи, в которую Колин и я купались в ручье.

Когда Тильманн направился на встречу журчащей воды, у меня внезапно появился нереальный страх, что он отведёт меня именно туда. К моему с Колином месту купания, тому месту, где моя любовь в первый раз навела Тессу на наш след. Но это другое место и другой день. Другая жизнь.

Я обмотала полотенце вокруг талии и подошла к нему.

- Я коротко объясню тебе правила Инипи. Когда мы потеем, и полог палатки закрыт, мы молчим. Как только я открою полог, то можем говорить.

- Без проблем. - Мы нагнулись и заползли через низкий вход внутрь. Жар обдал моё лицо, как пощёчина и лишил меня дыхания. Интересно, сколько здесь градусов? Сто? Финская сауна, чуть ли не освежает, по сравнению с этим адским огнём. Задыхаясь, я попыталась фильтровать кислород из воздуха. Но тут же закрыла рот. Горло горело, если я вдыхала слишком интенсивно. Я торопливо сорвала цепочку с шеи, потому что она сжигала мне кожу.

- Я уже давно этим не занималась, - запричитала я. Тильманн пропустил мои жалобы мимо ушей. Правильно, говорить здесь запрещено. Индейцы не говорят. Я послушно села на моё полотенце, положила концы вокруг бёдер и стала ждать, когда мои глаза привыкнут к темноте, чтобы сделать то, чем предпочитала обычно, коротать время в сауне: наблюдать, как крошечные, блестящие капельки пота выходят из моих пор, даже там, где обычно не потеешь, на предплечьях, коленях, и ладонях. Теперь мне оставалось только сидеть и ждать, пока моя голова больше не сможет удерживать напряжение пульсирующих вен и сломает стенки черепа.

Это будет безобразное свинство. Но неожиданно, судороги немного отпустили. Хотя я сидела и не двигалась, в моём позвоночнике и плечевых суставах, снова и снова, раздавался хруст и после каждого хруста, я вздыхала от комфорта. Как же хорошо. Что-то постепенно расслаблялось. Но здесь внутри жарко, слишком жарко. На моих ляжках, можно было бы поджарить яйцо.

Я испытывающе посмотрела на Тильманна. Он, опустив голову, смотрел на раскалённые камни между нами. Насколько серьёзно нужно принимать правила индийской сауны? Не так серьёзно, решила я.

- Ты вообще, как это выдерживаешь? - спросила я в потрескивание камней. - Ты же сказал, что не можешь больше потеть.

Тильманн раздражённо поднял брови вверх.

- Я так и знал, что с девчонкой нельзя идти в парильню. Вам всегда, обязательно нужно что-то лепетать.

- Я не лепечу, - осадила я его с достоинством. - Я задаю обоснованный вопрос.

Когда он не ответил, я, на руках и коленях, подползла к нему, через шуршащую листву, и начала рассматривать его голую грудь, с вежливого расстояния в пятьдесят сантиметров. Шрамы, которые он заработал во время своего Танца Солнца, были всё ещё вздутыми и чётко выступали на светлой, молочной коже.

- Хм, - сказала я задумчиво и осторожно приблизилась ещё немного. Потому что пот в глазах не давал разглядеть все детали.

- Не то, чтобы я совсем больше не потел. Это ... ах, посмотри сама, - сказал Тильманн неохотно. В то время как моё тело, всё полностью, медленно покрылось слоем влажности, я, задержав дыхание, наблюдала, как на груди и спине Тильманна, в отдельных, находящихся далеко друг от друга пунктах, проталкивались через поры капельки, с булавочную головку, а потом, как слёзы скатывались вниз.

- Твоё тело плачет, - сказала я тихо. - Выглядит так, будто оно плачет. - Тильманн оторвал свои тёмные глаза от камней и посмотрел на меня. Я поняла, что они хотели дать мне понять. Они сами, больше не могли плакать. Я никогда не видела, чтобы он плакал, ни разу. Я лицезрела, когда он был агрессивным, сердитым, разгневанным и дурачащимся, но никогда не видела его плачущим. Последствие, доставшееся ему от Тессы или же типичная форма преувеличенной мужественности?

Я подобрала одну из блестящих капелек указательным пальцем и поднесла к языку. На вкус, она была солёной и пряной, совершенно нормальный, неброский вкус мужского пота. Тильманн протянул руку в сторону, открывая полог.

- Ты всё равно не держишь рот на замке.

Влажный воздух снаружи стал словно подарком. Я закрыла глаза и насладилась прохладой на мокрой коже, прежде чем, отползла на старое место, двигаясь спиной назад, чтобы Тильманн не смог таращить глаза на мой голый зад.

- Что сказал доктор Занд? Он смог поставить диагноз? - спросила я трезво, снова обматывая полотенце вокруг живота.

- Да.

Поражённо, я подняла взгляд. Этого, я не ожидала.

- Да? Ну говори уже, что он выяснил?

- Дефицит серотонина. Ну, что значит дефицит ... - Складки в уголках губ Тильманна углубились, движение лица, которое я обнаружила только после его встречи с Тессой. Оно показывало, что он, в своём нежном возрасте, пережил больше, чем большинство других подростков. - Вероятно, я практически вообще больше, не произвожу никакого серотонина. Ты знаешь, для чего он нужен?

Я кивнула. Да, мы изучали это по биологии. Один из бывших курсов господина Шютц, в этот раз по теме: зимняя депрессия и ненасытный голод к шоколаду. Серотонин играет роль в разных процессах в теле, которые необходимы для душевного равновесия. Тёмный шоколад приводит в действие выброс серотонина.

- Действительно, вообще никакого серотонина? - спросила я с неловкостью. На что намекал здесь Тильманн, звучало не только драматично, но и опасно.

- Чтобы выяснить это, нужно провести долговременные исследования и заглянуть в мой мозг. Потому что непосредственно там, происходят выбросы. Во всяком случае, в крови и моче, его, криминально малое количество. Доктор Занд сказал, что из этого следует моя бессонница и ещё ... другие вещи. - Маленькая пауза перед «другие вещи», подтолкнула мой дух исследователя. Я должна узнать об этих других вещах.

- Какие другие вещи?

Тильманн ничего не ответил. Постоянный низкий уровень серотонина мог вызывать депрессии, это я знала, но действия сигнальных молекул, настолько сложны, что только из этой взаимосвязи, невозможно сделать надёжные выводы, о состояние здоровья Тильманна. Во всяком случае, мне не казалось, что он в сильной депрессии; для этого, он слишком активен и энергичен.

- Существуют варианты лечения?

- Антидепрессанты. Я сразу же отказался. Их, я не хочу.

Снаружи, как в подтверждение, начался проливной дождь. Успокаивающий, равномерный стук по крыше. Тильманн снова опустил полог на землю, и мы опять, погрузились в ночную черноту Инипи, освящённую только мягким отсветом раскаленных камней. Понадобилось какое-то время, прежде чем контуры Тильманна, появился за ними, как красноватый силуэт, дух возникший из темноты. Когда он повернул голову, его глаза оставили огненные дорожки в темноте.

- Но если медикаменты тебе помогут ...

- Лучше больше не спать, чем стать притороженным.

- От антидепрессантов не становишься притороженным. - Это, в свою очередь, я знала от папы. Современные антидепрессанты облегчали симптомы, не делая зависимым или вызывая слишком тяжёлые побочные эффекты.

- Но они во мне что-то изменят, не так ли? Что-то произойдёт. В противном случае, они бы не действовали. Я хочу оставаться таким, как сейчас, даже если это сложно. Я должен остаться таким, по крайней мере, ещё некоторое время, пока не разделаемся с этим делом.

Пока не разделаемся с этим делом. Не со списком с покупками, а с убийством. Да, произойдёт убийство. Оно должно произойти.

В рассеянном молчании, мы оставались сидеть, пока у меня от жара не закружилась голова. Пот бежал крошечными слезинками по шрамам Тильманна. Даже полотенце я положила рядом, потому что каждый сантиметр моей кожи жаждал воздуха. Чтобы не повалится на бок, я направила взгляд на матовый свет, исходящих от камней. Из-за ряби от жары, казалось, они меняли свою величину и дышали, будто живые ... Сейчас, они покатятся на меня, как во время землетрясения ... Я как раз хотела попросить Тильманна открыть люк, как вдруг, его голос, проплыл сквозь темноту, такой осязаемый и пластичный, как будто можно отделить его от воздуха и положить себе на язык.

- Что ты видела, когда мы танцевали, впав в транс? Ты ещё помнишь? Что ты видела, прежде чем заснула?

О да, я помнила. Эту холодную, туманную ночь в Гамбурге, когда мы танцевали в полной тишине. Музыка в наших ушах, слышна только для нас, чтобы удерживать на расстояние сон. В это время, Пауль по соседству, ничего не подозревая, заправлялся сновидениями, которые

Францёз высосет у него. Вряд ли есть что-то другое, что так сильно привязало меня к Тильманну, как эти, погружённые в мечты, часы. Если бы я была художником, то уже давно попыталась бы изобразить моё видение на холсте. Было ли это видением? Или галлюцинацией?

Когда я начала рассказывать, медленно и с пересохшим языком, который лишь неохотно складывал звуки, моё дыхание струилось через горло, палящее, как пустынный ветер.

- В комнате, вдруг больше не стало стен ... Я почувствовала это раньше, но сначала не видела, потому что глаза оставались закрытыми, но, когда заметила, что меня тянет в сон, я их открыла и увидела тебя. Мы больше не находились в нашей комнате в Гамбурге, а в своего рода пустыне, перед костром. Танцевали вокруг, а потом ты сунул в него ветку, и посыпались искры ... - Я разочарованно замолчала. Первоклассник смог бы лучше описать, что произошло, когда я, охваченная слащавым желанием смерти и парализующим голодом сна, сползла вдоль батареи. Моим словам не хватало магии, которую я в тот миг испытала.

Но Тильманн вовсе не хотел знать подробности. Он больше не задал вопросов. Его разум переработал и запомнил моё описание и находился уже на три станции дальше. «Что же ты планируешь?», спросила я про себя. «О чём думаешь? Почему спросил об этом, какая твоя цель?»

Говорить я больше не могла. Хотя и почувствовала облегчение из-за того, что головная боль отпустила меня, из своей безжалостной мучительной хватки, но через несколько секунд, я свалюсь вперёд на камни, так что много от этого не буду иметь. Если они вперёд, сами не забьют меня до смерти ...

Наконец-то Тильманн открыл полог. Как маленький ребёнок, я поползла в сторону спасительного выхода. Тильманну пришлось поддержать меня, когда я встала на ноги. С благодарностью, я откинула голову назад и открыла рот, ловя капли дождя. Всё кружилось, словно мягко парило в воздухе. Если я сейчас упаду, это будет не так плохо. Листва, под моими ногами, смягчит удар, а холод почвы освежит. Но притяжение, помогло мне удержать равновесие. Я осталась стоять.

От наших тел, под проливным дождём, исходил пар. Переплетающимися кругами, туман поднимался от кожи, к верхушкам деревьев и смешивался там с низко висящими облаками. Природа заключила нас в свои объятья. Задумчиво, мы смотрели на пенящейся ручей, которой из-за водных масс этого лета, превратился в сердитое, покрытое воронками, адское жерло. Как в мою первую встречу с Колином, во время грозы. Воспоминания ... Этот лес хранил слишком много воспоминаний. И не одним из них, я больше не смогу насладится. Но всеобъемлющее головокружение, не только облегчило боль в моих висках, но также, на некоторое время, забрало душевную.

- Я видел тоже самое, Эли. У меня было тоже видение, - сказал Тильманн тихо, когда всё закончилось, и мы начали дрожать.

- Я знаю, - ответила я беззвучно. Я знала об этом всё это время.

- Мы сделаем это, не имеет значение, чего хотят Джианна и Пауль. Мы сделаем это, так ведь?

Он вовсе не спрашивал, поэтому моего ответа не требовалось. Наше решение находилось очень далеко от любого разумного обсуждения. Оно больше ничего общего не имело с жизнью других людей, и было непоколебимым.

Тесса нанесла, нам обоим, ущерб. Другие, никогда не смогут себе представить, насколько он большой. Нам нужно спасать свою жизнь. Принятое вчера решение Джианны и Пауля, это такое решение, которое на следующее утро, охотно называют причудой и быстро снова его отвергают, хотя ещё вечером, оно казалось увлекательным и волнующим и возможно даже немного сумасшедшим.

Для Тильманна и меня, всё выглядело иначе. Тильманн боролся за то, чтобы ненавидеть Тессу. А я, чтобы могла любить Колина. Без этой борьбы, мы больше не сможем любить самих себя.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Дороги назад нет

Когда я проснулась, вокруг меня царил всё пожирающий мрак, который можно было встретить только в отдаление от деревень и городов, на дикой природе, и я потеряла всякое чувство времени. Возможно, кто-то заметил моё отсутствие, спрашивал себя, где я пропала. Однако, эта мысль осталась мимолётной и ничего во мне не тронула, слишком привлекательной была эта вялость, когда разум и тело неожиданно мирно соединились друг с другом. Я чувствовала себя совершенной, поэтому хотела сохранить это состояние, как можно дольше. Ведь оно появлялось очень редко.

После того, как дождь остудил нас, Тильманн и я, заползли назад, под защищающий навес парилки, где от камней ещё исходило достаточно тепла. Головокружение улетучилось, но его последствия, заставили нас обоих, в одно и тоже время начать зевать.

- Думаю, я устал, - сказал удивлённо Тильманн. - По-настоящему устал. Готов завалиться в постель. - Да, он выглядел, по меньшей мере, также устало, как чувствовала себя я. Его рот открылся ещё раз, и прежде, чем я увидела, как в темноте сверкнули его острые, хищные зубы, зевнула вслед за ним. Мы зевали так, будто пытались переплюнуть один другого. Было бы глупо, не воспользоваться этим состоянием. Наши вещи, в любом случае, промокли под проливным дождём до нитки, потому что мы забыли положить их в палатку, прежде, чем зашли в неё. Только полотенца остались сухими. Мы оставили их лежать рядом с камнями, где жар, сразу же вытянул наш пот из толстой, махровой ткани.

- Я не хочу сейчас возвращаться. Тем более, только с одним полотенцем вокруг талии, - пояснила я, что остаюсь с ним. Но Тильманн выкопал старый, зелёный, армейский спальный мешок из заднего угла парильни и разложил его рядом с камнями. Мешок был довольно больших размеров, но всё же, не настолько большой, что в него можно было бы лечь вдвоём, на уместном расстояние для платонических друзей. Второго спального мешка не имелось. Посапывая, я стояла на коленях в шалаше и смотрела на то, как Тильманн открывает замок-молнию и залезает под греющие волокна. Это был невероятно уродливый, спальный мешок, но самое божественное ложе, которое я могла себе представить в этот момент. И так как Тильманн, не закрыл замок-молнию или даже попытался отослать меня домой, я отказалась от размышлений на тему об уместной дистанции и дрожа, залезла рядом с ним во внутрь. Наши руки коснулись друг друга, когда мы, в одно и тоже время, схватились за замок. Я предоставила Тильманну возможность застегнуть его.

То, что мы здесь делали, было якобы лучшим способом, чтобы не замёрзнуть. Об этом я читала в одном из журналов, рассказывающих о выживании, которые папа любил просматривать, во время наших негостеприимных отпусков на дальнем севере. Нужно лечь вдвоём в спальный мешок. Голыми. Я всегда представляла себе, что это очень романтично. Всё же, я была рада, что обмоталась полотенцем, прежде чем потерплю неудачу, втиснусь рядом с Тильманном в этот шуршащий презерватив для всего тела, не прикоснувшись к нему. Для этого, мы были недостаточно тощими. Я решила, по необходимости, занять позицию ложек. С тихим рычанием, которое я истолковала как чувство удовлетворения, Тильманн обнял своей левой рукой мои плечи. Я чувствовала себя великолепно упакованной, так прекрасно, что осмелилась прижать мои ледяные ступни, к его тёплым голеням. Веки отяжелели, словно свинец. Мягкое покалывание кожи на голове подсказало, что волосы начали высыхать.

- Хммм, - вздохнула я, сама, не желая этого, и в тоже момент начала молиться, чтобы Тильманну это «хммм», не попало не в то горло. Это не приглашающее «хммм» и тем более не сладострастное, а «сейчас я засну хммм». Мне вряд ли нравится что-то больше, чем уверенность, что в следующие секунды я впаду в сон. Расслабляющий сон, а не беспокойное ворочание, во время которого, всё ещё образовывалось достаточно мыслей, чтобы сделать

отдых обманчивым. Нет, сейчас я буду спать, как ребёнок. Надеюсь Тильманн тоже. Ему сон нужен намного более срочно, чем мне.

- Извини, - пробормотал он, спустя несколько вдохов. Я уже настолько вырубилась, что мне понадобилось несколько попыток, чтобы ответить. Снова и снова, слова ускользали, когда я хотела ухватиться за них. В какой-то момент, мой язык послушался.

- Не страшно, - сказал я заплетающимся языком. Я очень даже хорошо заметила небольшую выпуклость, которая со своенравным натиском, прижималась к моей заднице, но не придала ей слишком большого значения. Как сказал Колин летом? «Позиция ложек. Опасные ключевые сигналы.»

Внезапно я подумала, что чувствую его рядом с нами. Он смотрел, как мы спим, прижавшись друг к другу, очень интимно. Ему нравилось то, что он видел. Позволил нам это, без ревности и неприязни, потому что никто не знал лучше, чем он, что только его, я ... только его ... Прежде, чем смогла закончить мысль, я заснула.

Теперь, прохлада ночи, высвободила моё сознание из снов. Плечо и шея находились на открытом воздухе. Ранее, Тильманн не до конца закрыл замок-молнию. Как в замедленной съёмке, я подняла руку, протянула её назад и закрыла его. Мне ни в коем случае, нельзя вспугнуть Тильманна, для этого, его сон, слишком драгоценен. Но мне удалось закрыть спальный мешок настолько, что выглядывали лишь только наши головы. Больше всего, мне хотелось заползти в него полностью, потому что волосы всё ещё влажные, но это действительно может привести к монументальным недоразумениям.

Так что я оставалась тихо лежать и прислушивалась к тому, что рассказывает мне лес. Это не первая ночь, которую я провожу на открытом воздухе, а также не первая ночь с Тильманном. Вздыхая, я вспомнила наше бегство от Колина, когда мы наблюдали за его хищением у быков Хека, в долине Гренцбаха. Тогда ещё Тильманн страдал астмой. Я чуть не сошла с ума, когда у него, после головокружительного падения в прорость, начался приступ, а мы никак не могли найти ингаляционный препарат. Некоторое время спустя, мы поняли, что безнадёжно заблудились и только на рассвете, смогли найти дорогу назад. Наше первое совместное приключение.

Потом ещё ночь с Колином, которую мы провели рядом с его лесным детским садом. До этого во сне, он позволил мне пережить его воспоминания. Воспоминания о метаморфозе с Тессой. Вне себя от ужаса, боли и страха, я побежала в лес, искала его. И нашла на поляне, где он, с раздражающим хладнокровием, строил защитный забор, с поясом для инструментов вокруг талии и гвоздями во рту. Боб, мастер-строитель, подумала я и приглушённо захихикала. В конце концов, пришёл волк и позволил нам обоим, отведать свои мечты, чтобы Колин смог меня согреть ...

Волка больше не было в живых, беспричинно застрелен прошлой зимой. Они просто прикончили его. Моя слюна была горькой на вкус, когда я сглотнула, чтобы подавить слёзы. Поток воспоминаний, скопившийся во мне, накрыл меня, но я выдержала, взирая на него. Пытаясь, несмотря на это бремя, дышать дальше. Так как неожиданное, согревающее единение с моим лучшим другом, гарантировало, что я смогу справиться с мыслю, что у меня есть только лишь эти воспоминания. Дороги назад нет. Никогда больше не будет так, как было в начале.

Лес не потерял своей магии, вовсе нет. Я ощущала его так интенсивно, как уже давно не ощущала - крики соф, треск в подлеске, когда мимо нас проходила дичь, журчание ручья, шёпот ветра в верхушках елей и осторожное, колеблющееся чириканье первых сверчков. Сверчки уже чирикали, а я не смогла насладиться ни одним летним днём. Когда солнце однажды показывалось и побеждало облака, чаще всего, головная боль прогоняла меня из

сада. Но теперь, уже начало июля, и я чувствую себя, как в моих постоянно возвращающихся снах. Я пропустила лето. Я в какой-то момент просыпаюсь, а оно уже почти закончилось, и я спрашиваю себя, как мне справиться с этой потерей. Да, как мне справиться с потерей лета? Как мне вынести представление о том, что все эти воспоминания, останутся воспоминаниями, не смогут больше возродиться. Как я смогу когда-нибудь думать о них, без грусти и меланхолии?

Я должна распрощаться с ними. Мы не будем ждать лета, а поедим ему навстречу. Избавимся от старого багажа. Но также и от того, что я люблю. В то время, как слёзы скатывались по носу и просачивались в спальный мешок, я ещё раз вернулась в мыслях назад, к дому Колина, без паутины, которая протягивается от дерева к дереву, без сладострастного танца Тессы в сумерках, без рвов, которые Колин выкопал в тяжёлой земле, чтобы держать её на расстояние. Я чувствовала бархатистое, тёмно-красное одеяло под моими пальцами, на котором в первый раз положила голову на его прохладное плечо, заснув рядом с ним. Заскользила глазами по поразительно современному, кухонному оборудованию, почувствовала потрескивающий огонь в камине на своей спине. Наслаждалась видом кошек, которые так любили устраиваться вокруг Колина, когда тот медитировал. Я снова сидела на закрытой крышке унитаза, в то время как он, в своей дизайнерской ванной комнате, обрабатывал мои раны. Сидела вместе с ним на старой, деревянной скамье под крышей и смотрела на летучих мышей, кружащих над нами в темноте.

Дом Колина у нас отобрали.

«Я больше не могу здесь оставаться», написал он. Единственное предложение в его письме, в котором я заметила человеческую эмоцию. Я не могу. Это не означало «я не хочу», он имел в виду именно то, что написал. Он не мог. У него больше нет крыши над головой. Я не знала, что именно происходит в этом доме в лесу, но, наверное, это призраки, на которых невозможно ни смотреть, ни слушать, ни чувствовать запах. Стены вобрали в себя то, что случилось. Колин и я, никогда больше не сможем войти в них, не думая при этом о Тессе. Но также возможно, что дом оккупировали насекомые, пауки и тараканы, и это зрелище только ставит под угрозу прекрасные воспоминания.

Я прикусила язык, чтобы не всхлипнуть, когда поняла, что всё серьёзно. Я больше никогда не войду в этот дом. Колин там больше никогда не будет жить. Он продаст его. Сегодня утром, я прочитала в газете объявление о продажи недвижимости, чьё описание, точно подходило к этому дому. Скорее всего, его никто не захочет купить. Он развалиться, а природа завоюет назад руины. Там, на этом заколдованном месте, Тесса победила.

Но когда мы наконец-то избавимся от неё, то сможем начать заново, где-нибудь в другом месте, ни в этом лесу, возможно в каком-нибудь городе. Я не представляла, где это будет, но страна достаточно большая, мы найдём место, где наконец сможем спокойно вздохнуть.

Ещё я не думала о том, чтобы искать такое место. Пока, передо мной, лежали две задачи, одна важнее другой. Но уверенность в том, что Тильманн и я вступим в эту войну вместе, была самым мощным оружием, которое я могла получить.

- Прощай, я тебя люблю, - прошептала я, имея в виду не Колина, а его дом, лес, наше лето, счастье, которое я нашла и потеряла здесь, спящего человека рядом со мной, а также, немного, и саму себя.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Только без мамы

- Ларс, нет, стой, нет! Ты ещё здесь? Ларс!! Вот дерьмо!

Я грохнула телефон на стол и провела рукой по волосам, чтобы наконец начать ясно мыслить, но меня сотряс новый залп чихоты, так что сопли распылились по всему экрану компьютера. Для других людей, насморк - это только насморк, который можно устранить с помощью назального спрея. Для меня, Елизаветы Штурм, одна из самых ужасных болезней, так как я не переношу назальных спреев. Но из-за того, что не могу думать с забитым носом, я всё же использовала его, и была наказана барабанными, похожими на перестрелку атаками чихоты. От неё у меня начинали болеть мускулы лица и живота. Другие смеялись, когда я десять-пятнадцать раз подряд, публично взрывалась, но я из-за этого страдала.

Я подождала, пока приступ прекратится и как смогла, вытерла опухший нос промокшей салфеткой. Высморкаться не получится, это вызовет новый приступ. Значит вот что получилось из нашего принятия индейской сауны в ночи на открытом воздухе. Сильная простуда.

Хрипя, я взяла мобильный в руки. Мне нужно отозвать Ларса назад. В этот раз, это он положил трубку, не я. Он находился уже в пути! Ларс действительно хочет приехать к нам, посреди ночи. Он, как раз, пробирается через движение автомобилей большого города Гамбурга и скоро достигнет автобана. Такого как Ларс, не волнуют часы посещений. Он позвонит к нам, семье Штурм, и в три часа ночи и будет ожидать, что все ждут его команды. Я должна образумить его. Но он игнорирует мои звонки. Не берёт трубку, также как я, несколькими днями ранее.

Только что, я сняла трубку только потому, что прорвался старый автоматизм. Когда я ещё дружила с Николь и Дженни, мы часто договаривались о встрече в чате, а наши мобильные, всегда лежали наготове рядом с компьютером, чтобы обговорить тонкости. По старой привычке, я нажала на зелёную трубку, не проверив номера на дисплее. Хотя я вовсе не зависала в чате, а углубилась в сайт, информирующий о дефиците серотонина. Сразу же, мне в глаза бросилось предложение, которое уже сейчас лежало камнем в животе: «Дефицит серотонина, повышает действие кокаина, как позитивный усилитель.» А на другом сайте я прочитала: «Дефицит серотонина в экстремальных случаях, может даже привести к желанию, потреблять кокаин.» Я считала эту тезу не слишком научной. Как кто-то должен испытывать желание принимать кокаин, если он ничего не подозревает об этом эффекте? Это желание, может возникнуть лишь тогда, когда затронутое лицо, уже в любом случае один раз, извлекло выгоду из действия кокаина. Как Тильманн. Он втянул кокаин, чтобы не заснуть, когда мы хотели заснять Француза на камеру. Он знал, как тот действует. Утверждал, что одного раза недостаточно, чтобы стать зависимым. Я поверила ему. Но тогда, мы оба, ещё не знали, что он страдает от хронического дефицита серотонина. Мне нужно будет приглядывать за ним.

Но теперь, более срочно, нужно сделать кое-что другое. Ларсу я не смогла дозвониться, даже после пятой попытке, он показывает своё упрямство. Так что, остаётся только, перенести выезд на более ранний срок. Я чувствовала себя, с головы до ног, ужасно и на самом деле не в состояние, сидеть в течение долгих часов в машине. У меня температура, болит горло, я кашляю, как паршивый пёс, и прежде всего у меня насморк. Но желание Ларса выяснить, о какой битве я говорила, пугало меня. Нам нужно бежать, прежде чем он прибудет сюда. Мои исследования, всё равно, снова застряли на отели, расположенном на пляже, который почти заставил, забыть меня о насморке. Он казался таким местом, где можно излечить даже самые большие проблемы и самые худшие разочарования. Белые лежанки, под дарящими тень соснами, яйцевидный бассейн, с фонтанами и золотыми плитками на дне. На заднем плане море ... Везде цветы ... Чем быстрее мы покончим с нашими обязательствами, тем быстрее я смогу насладиться всем этим. Простуда, сделала моё желание отдохнуть, только ещё более

актуальным. А также гнев, который возрастал всегда, когда я находила причину. К сожалению эти причины становились всё более ничтожными.

Решительно, я набрала номер Тильманна. Что-то хорошее, в его дефиците серотонина, всё-таки есть. Он почти никогда не спит, поэтому, используя свою типичную хитрость, уговорил доктора Занд, дать ему заключение, в котором тот советовал отправиться Тильманну на несколько недель на юг, вверить себя солнцу, так как свет и тепло, имеют якобы благоприятное воздействие на выброс серотонина. Мои исследование даже подтвердили это. Хотя лампа дневного света имела бы похожий эффект, но с помощью этого заключения, Тильманн смог отвоевать у отца разрешение, поехать с нами в Италию. В отпуск, как он утверждал. Господин Шютц согласился, потому что думал, что мама будет нас сопровождать. К сожалению, мама тоже так думала. По крайней мере, господин Шютц не считал, что тоже обязан паковать свои чемоданчики, но это меня вряд ли утешит. Кто утверждал, что Колин манипулировал мамой ... Чего бы они там не обсуждали, во время осмотра сада, мама, как и прежде, не разрешала ехать нам в Италию одним.

Однако, у нас осталось несколько дней, чтобы уговорить её, потому что Джианна хотела съездить ещё раз в Гамбург, чтобы забрать кое-какие документы из редакции и ликвидировать свою квартиру. Вчера уже приехал грузовик для перевозки мебели и привёз вещи Пауля, которые мы, общими силами, снесли в подвал и хорошо рассортировали. По возможности незаметно, разделив их на две части: одна очень маленькая, которая отправиться с нами в поездку, и другая, которая нам пока что не понадобиться. К маленькой части принадлежало также содержимое аптечного шкафа Пауля. Мне, до того момента было не ясно, что клептомания тоже причислялась к последствиям атаки. Ящики прятали не только те снотворные и успокоительные средства, которые после того, как Колин похитил у меня воспоминания, были полезны, но кроме того, высоко дозированные антибиотики, одноразовые шприцы, хирургические инструменты, растворы для капельницы со всевозможным жизни-спасительным содержимым, мобильная капельница, включая трубки, самостоятельно растворяющиеся нитки плюс стерильные иглы. В общем, хорошо оборудованный чемоданчик врача, такой, о котором Пауль всегда мечтал в свои молодые годы.

Джианна и я, прямо-таки не могли оторваться от содержимого ящиков. Пауль поручил нам упаковать его в две кожаные сумки, которые он сунул нам в руки.

- Что он хочет делать с этими вещами? - спросила я обеспокоенно. - У меня появляется не хорошее предчувствие, когда я думаю о том, чтобы взять всё это с собой. - Я думала о Тильманне, а не о подозрительном, таможенном чиновнике. Кто знал, при его безграничной любви к экспериментам, использует ли он и их каким-нибудь образом?

- Колин сказал, что Пауль должен быть ко всему готов, - выложила Джианна правду, после долгого молчания.

- Колин? Вы ещё разговаривали с ним? - Я вдруг почувствовала себя словно ребёнок, которому ничего не рассказывали. Мне он не сказал даже пока, но с Джианной и Паулем говорил об Италии. Хотя почти их не знал.

- Ничего важного, - сказала Джианна пренебрежительно, потому что точно чувствовала, что мне не понравилось то, что я узнала. – На самом деле, он лишь хотел подчеркнуть, чтобы мы, ни в коем случае, не отпускали Тильманна и тебя одних.

Прекрасно, думала я злобно, когда с текущим носом ожидала, что Тильманн наконец подойдёт к телефону и возьмёт трубку. Тогда вы вряд ли сейчас сорвёте мне план. Договор, по поводу своей квартиры, Джианна сможет расторгнуть и в письменном виде, а вещи в редакции, вероятно ничего не стоят.

- Что тебе? Я как раз ем гамбургер, - ответил Тильманн чавкая.

- Тогда ешь быстрее. Мы уезжаем сегодня ночью. Кое-что случилось. Пакуй свои вещи и приезжай сюда, но пожалуйста веди себя тихо. Жди возле Вольво. Ни в коем случае не звони!

- Что случилось? Кроме того, ты точно знаешь, что я ненавижу, когда ты ...

- Тильманн, я ложу трубку, у меня приступ чихоты. Приезжай сюда, не то мы уедем без тебя.

После нашей ночёвки в лесу, я больше не встречалась с Тильманном. Он уговорил своего отца, на короткую поездку на выходные в Голландию, с целью, выпросить у того разрешение поехать в отпуск в Италию. Но я знала, что можно положиться на его любопытство. Он приедет.

Я не соврала. Новый приступ был ещё сильнее, чем всё, что мне доводилось выносить при насморке. После того, как я чихнула семь раз подряд, я, тяжело дыша, опустилась на кровать. Не нужно было использовать назальный спрей. Когда я наконец это пойму.

Теперь мои носовые полости, хотя и свободны, но из ноздрей постоянно сочится водянистая, прозрачная слизь, из-за чего кожа зудит хуже, чем любой укус насекомого. Я должна применить мой омерзительный метод, чтобы держать зуд под контролем. Буду при этом, лишь незначительно, отличатся от Францёза во время его голодного угара. Я позволила соплям вытечь, но потом, поочерёдно, то втягивала их в себя, то снова выдыхала. Я стала слизистым монстром. А теперь слизистый монстр, должен паковать свой чемодан.

Липкими пальцами, я вытаскивала одежду из шкафа, совершенно не в состоянии решить, что мне понадобиться для убийственного отпуска в южной Италии. Будут ли вечера прохладными? Скорее всего. Я представляла себе дом Джианны в горах, а в горах вечером, температура всегда понижается. Поэтому джинсы и флисовые пуловеры и кофты с капюшоном. Короткие джинсы. Юбки. Топики. Купальник? Купальник на всякий случай, может быть, мы сможем предпринять поездку к морю. Халат. Полотенца. Спальное бельё, Джианна сказала, что нам понадобиться также спальное бельё. В коттедже нет спального белья. Недолго думая, я сняла заражённый вирусом пододеяльник с одеяла, потому что свежее бельё, хранилось в стенном шкафу, рядом с маминой спальней, а я, не в коем случае, не хотела обращать её внимание на себя. Что теперь? Книги? Диски? Нам нужна музыка. MP3-плеер, диски для машины, аспирин, блокнот, деньги - много денег, может быть Маров можно подкупить, банковская карточка, лосьон для загара, гель для душа, зубная щётка, пижама, прочная обувь, сандалии, шлёпанцы, ботинки ... Я бегала на цыпочках, между ванной и спальней, туда-сюда, вздрагивая от приступов чихоты и вся в слюнях, как маленький ребёнок. В конце концов, я так измучилась, что уже не могла продолжать и понадеялась, что подумала обо всём.

На лестнице мне нельзя чихать. Поэтому придётся пройти по ней два раза. Один раз, для каждого чемодана, так как левую руку я использовала, чтобы держать нос закрытым. Это иногда помогает. Мой мобильный меня не выдаст, я поставила его на беззвучный режим. Но я не подумала о Руфусе. Он сидел на самой нижней ступеньке, хорошо скрытый в тени лестницы.

Когда я поставила ногу на его пушистую спину и споткнулась, он возмущённо завизжал и ощетинившись, бросился под стол.

- Тсс! - прошипела я, после того, как вернула равновесие, не теряя при этом чемодана. - Что ты вообще здесь делаешь?

Руфус начал суетливо умываться. Он казался возмущённым. Я задавалась вопросом, почему он сидел на лестнице и состроил морду, будто встретился лично, с самим чёртом. Обычно он спал девяносто пять процентов дня в маминой швейной комнате. Никогда в жизни, он не покинет её добровольно, если в ней также находится Джианна. Может это Пауль выгнал его, потому что кошачьи волосы, ухудшали его астматический кашель.

Швейная комната находилась в том же коридоре, что и мамина спальня - хотя и в другом конце, но достаточно близко, поэтому нужно быть крайне осторожной. Я остановилась и

недоверчиво прислушалась к себе. Намечается ли новый приступ чихоты? Нет. Нет, в этот момент нет. Я могу рискнуть.

Вместе с Руфусом, я медленно приблизилась к швейной комнате. Свет в коридоре выключен, и я подумала, что слышу монотонно журчащую, расслабляющую музыку, когда прижала ухо к дверной щели. Оба что, уже спали? У Пауля в Гамбурге, появилась привычка, перед тем, как заснуть, включать чилл-аут коллекцию. Что же, хорошо, тогда придётся разбудить его и Джианну, не производя слишком много шума.

Медленно, опустила дверную ручку вниз, как вдруг услышала голос Джианны - короткое, чёткое предложение, которое не поняла или возможно просто не захотела понять, но Пауль видимо понял, потому что разразился звонким хохотом. Отлично, значит я ошиблась, когда поняла то, чего не хотела, и можно зайти внутрь.

- Вот дерьмо ...

- Эли! - Пауль всё ещё смеялся, но лицо Джианны, залилось краской. Задетая, она накрыла одеялом голую грудь. Прятать почти было нечего. Совсем иначе, обстояло дело в отношение Пауля, который по-видимому, как раз только скатился с неё и показал всё, что только у него имелось.

- Перестань ржать, - набросилась на него Джианна, накидывая одеяло на его позор.

- О Боже, извините ... мне жаль ..., - заикалась я. Я ещё никак не могла заставить себя снова сфокусироваться. К счастью, из-за моей простуды, я отказывалась одевать контактные линзы. Тем не менее, увидела слишком много. - Я не знала, что вы ... как бы там не было ... тише Пауль, пожалуйста. Мы должны уехать уже сегодня ночью. Ларс позвонил, он едет сюда. Нам нужно сматывать удочки, прежде чем он приедет и напичкает маму всякими затеями, - промямлила я шёпотом.

- Какими затеями? - спросила Джианна, которую казалось смех Пауля, раздражал больше, чем моё вторжение.

- Прекрати наконец, это вовсе не так смешно. Собственно, это вообще не смешно.

- Нет. - Живот Пауля всё ещё трясся. - Это смешно.

- Я не хочу ничего об этом знать, - сказала я быстро, прежде чем они начнут рассказывать мне детали. - Пакуйте чемоданы, нам нужно выехать как можно быстрее. Тильманну я уже сообщила. Ну же, вставайте, одевайтесь, чего вы ждёте? - Я знала, что от одной, двух минут ничего не зависит, но наконец-то могла сделать что-то, а не проводить больше бессмысленно время в интернете.

- Возможно тебе стоит начать образование в армии? - Джианна своенравно на меня смотрела. На её лице всё ещё пылал румянец, а несуществующее декольте украшали тёмные пятна. - Там ты сможешь, с утра до вечера, раздавать приказы и это никого не побеспокоит. Что вообще такого плохого, если приедет Ларс? Для чего эта спешка?

У Джианны больше не получалось говорить тихо. Предостережительно, я приложила указательный палец к губам. Пауль успокоился и искал пальцами ног свои трусы. Я подняла их и бросила ему. Он их ловко поймал.

- Потому что Ларс, вгрызся в идею, что я скрываю тайну. Он не имеет представления, какой величины эта тайна. Тем не менее, в этом конкретном пункте, он знает больше, чем мама. Я намекнула ему, что могу погибнуть в схватке с Францёзом, и видимо он понял, что я говорю всерьёз. Если он поговорит об этом с мамой, и она поймёт, что здесь не скрывается никакого недоразумения - а она это точно поймёт, тогда, никогда в жизни, не позволит нам поехать. Ни одним, ни вместе с ней. Она подумает, что речь идёт о Тессе, она ведь ничего не знает о Францёзе ...

Мне нужно остановиться, чтобы перевести дыхание. Я зажала пальцами нос и втянула воздух, так что заболели уши. Теперь я стала слышать немного лучше, а барабанная перепонка вернулась в правильное положение.

- Эээ, мама-мия. - Джианна смотрела на меня качая головой. – И с тобой мы должны сесть в одну машину? Да это отвратительно.

- Да, должны. Самое позднее через час. В противном случае, Тильманн и я, поедем одни.

- А где тогда вы будете жить? - Янтарные глаза Джианны сузились. - Как вы хотите общаться?

- Пустяки, - прорычала я пренебрежительно, а честолюбие Джианны вспыхнуло. Она хотела ехать вместе, я видела это по ней. Уголки губ Пауля всё ещё вздрагивали, из-за чего он заработал от Джианны, сильный тумак локтем. Всё же, он скатился с кровати и встал голый, перед своим открытым шкафом, вытащил футболку и с размаха бросил позади себя на кровать, где её одной рукой взяла Джианна. Другой она всё ещё держала одеяло перед своей грудью. По крайней мере, благодаря моему насморку, я не могла чувствовать никаких запахов. Здесь точно пахло мускусом, массажным маслом и жидкостями тела. В противном случае, мне тоже, будет сложно сосредоточится.

Оставив их одних вместе с Руфусом, я кралась, всё время шмыгая носом, по дому и саду. Отнесла чемодан в машину, встретила Тильманна, собрала продовольствие и приготовила себе мой последний чай от простуды, смешав его с хорошей порцией Грипекса. Может быть смогу в машине немного поспать.

По прошествии почти как раз одного часа деятельных сборов и складывания, мы сошлись в оранжереи, чтобы в последний раз обсудить ситуацию. Мама спит, Ларс ещё не приехал - собственно всё прекрасно. Уже когда я попивала чай, сонливость от простуды уступила место лихорадочному ожиданию, из-за которого покалывало в животе. Я казалась себе подростком, удирающий вместе со своими лучшими друзьями из интерната, чтобы пожить вместе, в построенной собственными руками хижине в лесу. Но мою эйфорию прервали прежде, чем я смогла ей насладиться, уничтожив в следующую секунду чувством абсолютной подлости. Пятый человек стоял в комнате, и он не принадлежала к нашей прославленной компании, отправляющейся в путь.

- Вы, наверное, считаете меня совершенной дурой, да? - спросила мама с мягкостью в голосе, которую я не могла толком классифицировать. Была ли это та мягкость, которая чаще всего предшествовала самым горьким упрёкам? Покорная судьбе мягкость? Циничная мягкость? У матерей есть так много разных, сбивающих с толку, сострадательных настроений в запасе. Или это, всё же скорее, полная понимания мягкость? Последняя нам была срочно нужна. Хотя намечался новый приступ чихоты, а мой коктейль из медикаментов, уже начал затуманивать мозги, я была первая, кто осмелился, открыть рот.

- Мама пожалуйста, ты ... апчи! ... должна позволить уехать нам одним, по-другому не пойдёт, нам нужно поехать в Италию одним, я хочу наконец отдохнуть и немного понежиться на солнце, я ведь ещё никогда не была ... апчи! ... на юге ... - Сопли я вытерла рукой. - Зима была такой утомительной для нас, Паулю нужно отдохнуть, у Джианны эмоциональное выгорание, мне нужно подумать, о многом подумать, нам просто это необходимо, и я ... апчи!!

- Ах, Эли, дорогая ... - Мама направилась ко мне и взяла за грязную руку. - Я здесь, чтобы попрощаться и освободить тебя от угрызений совести. Вы можете ехать, вы взрослые. Я в любом случае знала, что вы поедете. Желаю вам хорошо провести время. - Что же. Так всегда с матерями. Когда они хотят облегчить нашу совесть, то в тоже мгновение делают так, что угрызения совести становились ещё сильнее. Ревя, я бросилась в её объятья и на короткий момент была готова, забыть про все мои планы. Снова опустошить машину, лечь в уютную постель и погрузиться в оздоровительный сон. Откуда появилась её внезапная перемена во

взгляде. Я её не понимала. Она вела себя так ... великодушно. Так самоотверженно. Почему она вела себя настолько самоотверженно? И почему я не могу избавиться от подозрения, что за этим скрывается не самоотверженность, а ... а? Почему она позволяет нам уехать? Она ведь моя мать. Разве она совсем не беспокоится?

- Пообещайте мне, что вы вернётесь, все вчетвером.

Никто из нас не ответил. Мы не могли пообещать, и это тоже, мама приняла безропотно, как будто точно знала, что мы не можем исполнить её желание. Мы ничего не можем ей обещать.

- Береги себя, Эли. И следуй за своим сердцем, - прошептала она мне в ухо, когда я в последний раз обняла её. Паулю пришлось оттащить меня, потому что я никак не могла её отпустить. Собственно, нам теперь совсем не обязательно так поспешно уезжать. Мама отпускает нас одних. Она не сможет последовать за нами, потому что мы никому не сказали, где именно находится коттедж. Италия большая, а людей с фамилией Веспучи много. У мамы нет адреса ни отца Джианны, ни коттеджа.

Но может быть её мягкость - это лишь прихоть и тогда нам стоит её использовать, прежде чем она передумает. Тем не менее, мне было очень стыдно. Я отправлялась в путь, чтобы спасти мою любовь и ожидала от мамы, что она пренебрежёт своими потребностями

Я намеревалась пригласить её к нам на юг, как только переживём компанию с Тессой. Тогда она сможет приехать. Тогда она увидит Колина с совершенно другой стороны и поймёт, что меня с ним связывает. Тогда мы сможем вместе начать поиски папы.

- Ты приедешь к нам, когда мы будем готовы и начнём разыскивать папу, хорошо? - крикнула я с лестницы. Остальные уже ждали меня возле машины.

- Всё хорошо, Эли, - сказала мама тихо. Её щёки, все мокрые от слёз. Тот образ, как она стоит возле окна оранжереи, подняв руку в прощальном приветствии, осанка прямая и упрямая, как и моя, в мои лучшие моменты, преследовал меня до самого автобана, а финальный приступ чихоты вообще доконал. Прислонив голову к окну и завернув трясущееся тело в одеяло, я погрузилась в болезненный, беспокойный сон.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Культурный шок

С меня достаточно. Я больше не хотела, пусть прекратят свое лечение, оно всё равно не имеет смысла. Всё что они делали или пытались сделать, только ухудшало положение. Со страстью к сенсациям, они уставились на меня, в то время как я не могла двинуться с места. Облокотившись на спинку медицинского кресла, я должна была терпеть одну мучительную процедуру за другой. В удушливо-узкой комнате, так пронизывающе пахло камфарой и ментолом, что меня от этого затошнило. Но они совсем не помогали, мой нос оставался полным, как будто его набили бетоном. Я дышала только ещё через рот и задавалась вопросом, почему всё-таки чувствую запах эфирных масел. Наверное, они проникли до самой моей кровененой системы, и в будущем, я не смогу воспринимать больше никаких других запахов. Они пристали к моим распухшим слизистым оболочкам, расположились в воспалённых складках нёба и пропитали язык, который казался сухой тряпкой, затхлой и затвердевшей. Красный свет, которым врачи освещали мои носовые полости на правой стороне лица, заставил пылать мои виски. Мокрые от пота, волосы прилипли ко лбу.

«Прекратите!», хотелось мне попросить их, но я не могла говорить. Ментол парализовал мой язык. Они начали бесстыдно и громко смеяться, да они высмеивали меня, наклонив ко мне головы, а их злорадные физиономии находились прямо рядом с моим ртом. Я чувствовала их дыхание на коже. Оно щекотало мои губы.

- Прекратите! - попыталась я ещё раз. Из моего горло вырвалось только песочное «Прх». Смех нарастал, становился злорадным и злобным. От унижения я закрыла глаза, чтобы больше их не видеть.

- Достаточно, ребята. Да освободите же беднягу ..., - услышала я как хихикает Джианна.

- Не, это прикольно - ты нашла камеру? - Голос Пауля уже хрипел от смеха.

- Нет. Не знаю, где она ... - Джианна хрипела, когда говорила, как будто кто-то перекрыл ей воздух. Глубокое бульканье, прямо рядом со мной, легко можно было опознать как Тильманна. Он, из-за чистого веселья, вообще больше не мог ничего сказать.

- Тогда возьми мобильный, - заржав, выдавил Пауль. Джианна, Пауль, Тильманн. Ну что же, прекрасно, я находилась не в узком медицинском кабинете, а, как и прежде, в нашем Вольво. Медицинский кабинет, был лишь сон. Хочу заметить, дурацкий сон. Но что в реальности было так смешно, я не понимала даже в бодром состоянии. Из-за чего все смеются? И почему, к чёрту, всё ещё пахнет ментолом и камфарой? Может какая-то часть меня зависла во сне? Потому что язык и рот оставались неизменно сухими и эфирными. Дышать я могла только через восполненное горло.

Возможно ступенчатый сон, предположила я. Я ненавидела ступенчатые сны. Из них просыпаешься последовательно. В какой-то момент понимаешь, что тебе сниться сон, но всё-таки не можешь освободить из него своё тело. Как сейчас.

Теперь я услышала тихий, элегантный щелчок камеры мобильного. Моргая, я открыла глаза. Смех снова взорвался.

- Прх, - сказала я ещё раз. Без сомнений, я проснулась. Но почему ...?

Чмокнув, мой вспотевший висок оторвался от стекла, когда я выпрямилась и пощупала нос. В нём что-то торчало, с двух сторон. Что-то большое, вонючее. Кроме того, мы стояли на месте. Почему мы больше не двигались? Мы уже в Италии?

Джианна, Пауль и Тильманн смотрели на меня зачарованно и поочерёдно отворачивались, сотрясаемые нескончаемыми приступами смеха, который становились всё агрессивнее, чем интенсивнее я занималась своим носом.

Мои онемевшие пальцы нащупали тонкую нитку, которая свисала перед губами и щекотала. Я схватилась за неё и разгневанно дёрнула. С хлопком пробка высвободилась из носа, и сразу же навязчивый запах ментола уменьшился.

Тильманн загоготав, откинулся назад, в то время как Джианна и Пауль, как в фанатичной молитве, согнулись пополам и схватились за животы. По крайней мере они тоже испытывали боль.

- Что это такое? - спросила я сварливо и подняла тампон вверх, который только что высвободила из своей правой ноздри. Левый сидел чуть потуже, но так как мой нос всё равно погублен, я, не церемонясь, вытащила его сильным рывком. Сразу же вниз полился заряд прозрачной слизи.

- Иииииихххх, - завизжала Джианна. – Ох, Эли, не будь такой ..., - быстро добавила она, когда я мрачно на неё посмотрела.

- Почему вы суёте мне в нос тампоны? Что это за дерьмо?

Но оба господина, были ещё не способны говорить. Вместо этого, они всецело посвятили себя задачи сохранить сценарий, снимая фотографии и фильм. Джианне же, пришлось взять на себя работу дипломата.

- Ты во сне всё время пускала сопли, поэтому у Тильманна появилась идея намазать тампоны кремом от простуды и засунуть тебе в нос ...

- Ага, у Тильманна. А вам значит понравилась эта идея. Сколько вам лет, четырнадцать? Пауль, ты врач, ты должен знать, что эфирные масла нельзя наносить прямо на слизистую оболочку ...

- Блин, сестрёнка, где твоё чувство юмора? Потеряла в приступах чихоты? Я бы их снова вытащил, но это выглядело так прикольно ...

- Где мы вообще? - Я взяла скользкие тампоны в руку и локтем открыла дверь. Мне срочно нужен свежий воздух. Другие тоже вышли. Мы, зевая и стеная, а Джианна, Пауль и Тильманн, кроме того, всё ещё хихикая, встали под утреннем солнцем и потягивали сведённые судорогой конечности. Не смотря на мои распухшие слизистые оболочки, я заметила, что воздух чистый и ясный. Он должно быть изысканно пах камнями, снегом и каплями росы. Он напомнил мне норвежскую зиму. Неужели мы находились в ...? О нет. Мы ехали совсем не в Италию. Вокруг нас поднимались массивные горные вершины, отражающиеся в тёмно-синем озере, чей каменистый берег начинался всего лишь в нескольких метрах от стоянки - это Норвегия! Это должна быть Норвегия! Скорее всего, это даже не озеро, а приток фьорда. Они затащили меня на север! Поэтому мама позволила нам уехать без сопротивления.

- Швейцария. Люцернское озеро. Обязательная остановка на пути в Италию, - освободила меня Джианна от моих параноидальных страхов. Швейцария. Слава Богу, мы в Швейцарии. Швейцария - это хорошо. Против Швейцарии, у меня нет никаких возражений. Зато у Тильманна.

- А я всё же лучше поехал бы через Австрию и горный перевал, - протянул он, в то время как я облегченно прислонилась к Паулю и снова глубоко вдохнула. Пауль, извиняясь, провел по моим волосам.

- Тогда мы бы сделали крюк, как часто мне ещё это повторять? - воскликнула раздражённо Джоанна. - Ни один человек, не поедет добровольно через горный перевал, кроме того, тогда не будет Готард-эффекта. Но мы ведь хотели, чтобы у нас был Готард-эффект.

- Это вы хотели Готард-эффект, а не я.

Я ничего не поняла. Но для меня дискуссии Тильманна и Джианны о маршруте относительно безразличны. Мне нужно выпить кофе, чтобы смочить высохшую глотку и небольшой завтрак тоже не помешал бы.

- Что мне делать с ними? - спросила я многозначительно и помахала тампонами туда-сюда. - Выбросить? Или у вас для них найдётся ещё применение? Я могла бы, например, заснуть их тебе в задницу Тильманн.

Тильманн усмехнулся от одного уха до другого, не смотря на его недовольство по поводу нашей остановки. Однако весёлость Джианны сошла с лица, как карнавальная маска, чья закрепляющая резинка порвалась. На её переутомлённом лице отразился чистый ужас.

- О нет! Нет! Вот дерьмо! Я забыла у вас дома мой косметический чемоданчик ... а он мне нужен ... Теперь у меня ничего нет, чтобы привести себя в порядок, совсем ничего! Даже расчёски!

Джианна закрыла лицо руками, как будто мы только что выяснили, что в следующие минуты на нашу планету упадёт метеорит и навсегда её уничтожит. Тильманн и Пауль, казалось, ещё раздумывают над тем, пытается ли она пошутить или её нытьё настоящее.

- Этого просто не может быть, - причитала она чуть не плача. - Мне всегда снились кошмары, что со мной случается что-то подобное, из-за того, что поспешно куда-то уезжаю, а теперь это случилось по-настоящему ...

- Но ты ведь сможешь сегодня вечером купить себе пару вещей, не так ли? По крайней мере самое необходимое, - попытался Пауль внести немного объективности в обсуждение, будучи не в состояние скрыть насмешку.

- Я понятия не имею, есть ли в Италии всё то, что мне нужно и ... ах, вы всё равно не поймёте, - придралась Джианна.

- Не. Я действительно не понимаю. Косметический чемоданчик ...

Я, напротив, прекрасно понимала, что Джианну вывело из себя. Мне тоже часто снились сны, о которых она говорила. Сны, в которых я непривычно спонтанно и без всякого плана уезжаю, почти ничего не взяв с собой. Чаще всего в таких снах я почти голая. В лучшем случае одета рубашка, кое-как прикрывающая мой зад. Но это не просто смущающие сны. Это кошмары, которые загоняют меня до усталости, потому что в них я постоянно занята тем, что незадолго до закрытия в запутанных, чужих магазинах, ищу самые важные вещи. При этом, никогда не могу решить, что же мне выбрать. Забытая Джианной косметическая сумка - это не настоящая драма. Драма - это наше отсутствие плана. Это то, что заставляет Джианну волноваться. Мне нужно её отвлечь, но прежде всего, мне нужно отвлечь себя, прежде чем я присоединюсь к ней, и у нас у обеих, поедет крыша.

- Не хотите позавтракать? - спросила я так весело, как только возможно. - Остановимся где-нибудь или купим что-то в дорогу?

- Я пойду что-нибудь куплю. - Джианна резко отвернулась, в её глазах, это мы лично виноваты в её тяжёлом положение с косметикой (то есть я), и замаршировала в направление улицы. Пятнадцать минут спустя её гнев утих, и мы дружно сидели бок о бок на скамейке, ели слойки с джемом, потягивали слишком дорогой Мёвенпик-кофе и наслаждались великолепным горным пейзажем. Даже Тильманн вёл себя мирно. На насколько минут я смогла забыть о цели нашей поездке и простуде.

Хотя Пауль и Джианна держались за ручки, я осмелилась прислонить голову к его плечу и немного насладиться его теплом. Было ещё чувствительно прохладно, и довольно много облаков, похожих на овечек, проплывали по лазурному небу. Если бы я была здоровой, с другими планами, вместо того, чтобы путешествовать с незрелой командой смертников, то счастье было бы ощутимым.

Незадолго до обеда, счастье было дальше, чем когда-либо, хотя другим казалось, что у них самое лучшее настроение. Наступил Джианнин, так сильно расхваливаемый Готард-эффект. Прежде мы ещё двигались в умеренном, среднеевропейском климате, но после того, как туннель снова нас выплюнул, нас встретил Сахель. По крайней мере мне так казалось. Было очень жарко, а кондиционер нашей старенькой Вольво справлялся с южной жарой также плохо, как я.

Ещё пару километров назад, он, по крайней мере, задувал в машину относительно прохладный воздух, теперь же, одаривал нас только лишь тёплым. Скоро мы будем сидеть под феном, в 190 лошадиных сил. Я погрузилась в апатию, смешанную с мукой, и надеялась, что смогу заснуть ещё раз. Однако кофе взяло своё. Проехав сто километров после Милана, мы остановились, чтобы заправиться и заняться своими физическими потребностями.

Но придорожная зона обслуживания стала для нас шоком. И я отреагировала на это, как будто находилась в шоковом состояние. А именно совсем никак.

- Иди дальше, - призвала меня Джианна подталкивая, когда мы подошли к слишком переполненному сортиру. Я не двинулась с места. Просто больше не могла поднять ног. Заходить туда мне не хотелось. Уже сейчас я чувствовала запах мочи, вонь была везде, перекрывала даже запах ресторана и заправки, пахнущих маслом, дизелем, заплесневелыми остатками пищи и затхлой бумагой. Но больше всего меня парализовало большое количество людей, которые так беззаботно судачили друг с другом, громко и приветливо попусту болтали. Их совсем не беспокоило неопрятное окружение. Меня совершенно лишало разума то, что я не понимала ни слова из того, что они орали в душном воздухе, не смогла бы перевести даже крошечного слога. Они исключали меня.

Я сразу же почувствовала себя грязной. Да, хватило вдохнуть этого, наполненного запахом бензина, пыльного воздуха, двигаться в нём, чтобы стать грязной. Будет недостаточно помыть руки после посещения туалета. Эти люди прикасались ко всему, не думали о том, что могло быть грязным, а что нет. Их отпечатки пальцев, находились на каждом квадратном сантиметре этого архитектурного преступления. Из кабинки, как раз выходила мать с маленьким ребёнком и прошла прямо на улицу. Она даже не посмотрела на раковины. И разве на влажном полу не валялась туалетная бумага? Наверное, в большинстве кабинок, совсем нет чистой, туалетной бумаги. Её придётся отрывать от запачканных плиток.

Две итальянские бабульки перед нами, начали оживлённо друг с другом разговаривать, как будто у них полно времени, а более старшая из них, всё время держала в своей руке ручку двери туалета - ручка, к которой прикоснулись уже тысяча других людей. При температуре около 37 градусов, бактериальные штаммы увеличивались в течение часа по меньшей мере в два раза. На мой взгляд, здесь было как раз 37 градусов. Этот сортир, одна гигантская чашка Петри.

- Эли! Что опять не так? - Снова Джианна подтолкнула меня в спину. Я втянула поясницу, чтобы уклониться от её пальцев, и, не глядя на неё, развернулась.

- Мне больше не надо, - пробормотала я и бросилась мимо неё к машине, чтобы поискать сумку Пауля с медикаментами, потому что там находится также дезинфицирующее средство. Я должна немедленно ополоснуть им руки. Но Тильманн заблокировал багажник, глубоко засунув свои в багаж. Ему тоже придётся продезинфицировать руки. Все должны будут сделать это. Они меня послушают, не имеет значения, будут ли потом смеяться или нет.

- Где медикаменты Пауля? Отойди в сторону ... Вы ведь нашли пиниментол, где ...

- Он был в твоей сумке. Эй! Эли, а ну прочь с дороги!

Тильманн грубо оттолкнул меня и снова исчез всей верхней частью тела в багажнике. Выглядит так, будто он перекладывает все сумки. Но Пауль ведь упаковал всё точно до миллиметра, чтобы мы все могли разместить наши пожитки. Нет никаких причин изменять эту систему. Место в машине и так ограниченно.

Я хотела снова вмешаться, но мои колени внезапно подкосились и меня затошнило, так что я села на скамейку, а руки, как смогла, помыла питьевой водой. Пить её я всё равно больше не буду. До Верукkьо - так называлось место, где жил отец Джианны - придётся воздерживаться, чтобы и мочевой пузырь тоже мог воздержаться. Я могу хорошо терпеть, это один из моих коньков.

Три часа спустя, поняла даже я, что этот замысел мог закончиться только катастрофой. После дорожной пробки, как раз перед Пармой, температура в салоне перевалила за 45 градусов. Мы смочили полотенца и зажали их между стёклами, чтобы защитить себя от палящего солнца, которое стояло в зените и превратило тёмную крышу машины в печку. Но эти полотенца имели недостаток, они увеличили влажность и блокировали снабжение кислородом, в то время, как через насадки кондиционера, в машину задувалась вонь от бензина.

Даже музыка, играющая без перерыва, не могла меня отвлечь, а лишь подчёркивала моё страдание. За это я должна благодарить именно мою, демократическую систему, в соответствии с которой, каждый из нас, по очереди, выбирал сборник или альбом. Только что закончился рёв Эминема, выбранный Тильманном и был заменён альбомом Кеане, выбранный Джианной. Певец очевидно знал, что я испытывала, так-как и его песни содержали все виды агонии в различных тонах.

Он как раз объяснял нам в душераздирающей лирике, почему он «сломанная игрушка», как вдруг, я перестала чувствовать кончики пальцев рук и ног. Мой организм настолько обезводился и перегрелся, что между тем, стабильное кровообращение вспомнило старые времена и угрожало бессознательным состоянием. В этот раз, в виде исключения, заметила Джианна, а не Пауль, что я чувствую себя хреново. Пауль своим орлиным взглядом следил за дорогой и всё ещё возмущался из-за постоянной подорожной пошлины. Скупость, к сожалению, тоже принадлежала к последствиям, полученным от Францёза.

- Эли, всё в порядке? Эли ... ты меня слышишь? Эй?

Я хотела ответить, но удушье в горле, помешало мне произнести членораздельно даже хоть какой-то звук.

- Пауль, тебе нужно съехать с этой дороги, она дышит очень поверхностно, а её руки холодные ...

- Если мы съедем, то мне придётся снова раскошелиться. А если мы просто направимся к следующей придорожной зоне обслуживания?

Нет, только не это. Никакой новой зоны обслуживания. Мой острый приступ, полный предрассудков и неприязни к иностранцам, который вселил в меня ранее своего рода навязчивую идею к гигиене, хотя и смущал меня немного, и я уже попросила у Джианны прощение, что сбежала без всяких объяснений, но я не чувствовала себя в состояние, побывать на ещё одной придорожной зоне обслуживания. К счастью Джианна об этом догадалась.

- Я думаю, придорожная зона обслуживания не подойдёт. Посмотри, там впереди uscita (итал. выезд), заезжай куда-нибудь в поле, пожалуйста Пауль.

«Да, заезжай Пауль», подумала я. Полей здесь, наверное, предостаточно. Мы всё ещё находились в долине реки По, пустоши, о которой я никогда не подозревала, что встречу такую в Италии. Ни пальм, ни моря, ни красивых домов, а промышленные районы, а между ними, ничего кроме полей и ферм. Не на одном сайте для туристов в интернете, я не встречала таких фотографий. О них умалчивалось. Этот пейзаж вводил в депрессию, а гордые пики Апеннин на горизонте, только поддерживали это впечатление. Они казались мне миражом, слишком далеко и всего лишь фантазия. Если приблизишься к ним, они растворяться.

«Потише», - хотела попросить я Джианну уменьшить звук музыки, но она повернулась ко мне, чтобы влажным полотенцем, убрать волосы со лба. Её руки были тёплыми, прикосновения казались липкими. Певец, между тем, прервал свои сетования, заливаясь парящим, женским, высоким фальцетом, который закружил меня в неповоротливом, танцевальном ритме покалывания руках и ногах. Его голос, будто вытягивал из меня кровь.

Я почувствовала, как Пауль съехал с автобана. Автомобиль накренился в сторону. Казалось я падаю, не упав. Вскоре после этого, колёса начали грохотать.

- Вон там, посмотри, там растёт несколько деревьев перед зданием! Ей нужно в тень, - показала Джианна Паулю.

Как она собралась вытаскивать меня из машины? У меня больше не имелось контуров и прочности. Я была уверенна, что ко мне нельзя прикоснуться. Соблазнительное пение фальцетом и жалобы гитары растворили меня. Когда они открыли дверь, вытащили моё тело и отнесли к деревьям, я ничего не почувствовала. Позволила поднять себя, как фарфоровую куклу, неподвижную и одеревеневшую. Даже мои внутренности отказывались работать.

Горло больше не могло и не хотело глотать, когда Пауль прижал бутылку к губам. Единственное, что ещё выполняло свою работу, это уши. Высокое, кричащие пение, закрепилось в них и всё ещё сопровождало меня, хотя Джианна давно выключила музыку.

Я сверху смотрела на то, как моё тело поднялось и стало делать то, что приказывали ему звуки. Негнущимися, неуклюжими шагами марионетки на невидимых нитках, я шла, по совершенно прямой линии, навстречу покинутому, полуразрушенному дому. Его тёмные впадины окон, смотрели на меня, словно глаза. Он хотел, чтобы я пришла к нему.

- Эли, не двигайся, ты только что была без сознания, а ну-ка сядь ...

Джианна и Пауль побежали за мной, чтобы остановить. Я пошла быстрее. Мои колени хрустели при каждом движении, плечи отрывисто крутились, вправо и влево, когда ноги делали шаг вперёд. Кровь исчезла, мышцы тоже. Но они не смогли остановить меня, слишком большим было стремление увидеть, что скрывает этот дом. Он звал меня. Там внутри есть что-то, что мне нужно найти. Что я искала всю мою жизнь.

Я не сводила взгляда с остатков ставень, криво свисающих на заржавевших петлях и скрипящих на сухом ветре. Механически мои ресницы опустились вниз, потому что в глаза завеяло песком, и сразу же я опять их открыла, с едва слышимым щелчком. Трава становилась гуще и выше, чем ближе я подходила к зданию. Задняя часть дома стала уже разваливающейся руиной. Колючие кусты разрослись по камням, как будто поглотили стены.

Прогнившая входная дверь, стояла открытой и позволяла видеть черноту внутри. Зияющее жерло, из которого в послеобеденную жару, рябя, вытекал холодный, спёртый воздух. Нет, теперь это уже не песня наполняла мои уши. Это, угрожающе и красиво, пел воздух. Так красиво ...

Осталось ещё только несколько шагов. Нитки дёрнули за мои локти, приподнимая руки, вытягивая их вперёд. Как лунатик, я направилась в сторону двери. Потом стало тихо. Стрекотание сверчков внезапно оборвалось, тёплый ветер затих, также предупреждающие крики других умолкли. Они затаили дыхание. Они испугались.

Я же, напротив, была спокойна и собрана, почти что нетерпеливо ожидала, когда высохшая трава разделится, и змея, с поднятой головой и широко раскрытой челюстью, бросится на меня. Я хотела встать на колени и протянуть ей запястье, чтобы она могла обвиться своим тонким туловищем с рисунком вокруг моей руки. Стало видно её белые зубы, когда яд высвободился из своего резервуара.

- Эли! Чёрт тебя побери, Эли, беги! Беги, - орали другие. Кто-то дёргал меня за руку.

- Позвольте мне, - защищалась я жестяным голосом, в восторге от того, что страх не приходил, хотя дрожь, ледяной хваткой, легла на мой затылок. Челюсти змеи захлопнулись в воздухе, когда я в последнюю секунду отдёрнула руку.

- Пока нет, - сказала я успокаивающе. С сожалением я отвела взгляд, и как только он оторвался от змеи и дома, тело отвоевало меня назад, подчиняясь своим собственным больным законам и вселяя в меня страх, как знакомое лекарство.

Теперь и я бежала. Сухие стебли травы врезались в босые ноги, когда я, словно стометровый бегун, летела к машине. На бегу Пауль подобрал полотенце, на которое они меня клали; свою обувь я подняла сама. Джианна громко всхлипывала.

- Открывай! - воскликнули мы одновременно и безрассудно затрясли закрытыми дверями. Пауль нажал на кнопку дистанционного управления. Наконец замки отворились. Тильманн вытянулся на заднем сиденье и глубоко спал. Он спал? Средь бела дня?

Машина завилась только при четвёртой попытке. Камни и сухая глина летели в разные стороны, когда Пауль гнал её по узкой просёлочной дороге, тянущейся вдоль автобана. Однако незадолго до заставы, где взимается сбор - брошенный дом уже далеко позади нас - он свернул на обочину дороги и снова остановился.

- Ты, - сказал он строго и указал на плачущую Джианну, - соберись с силами, хорошо? И ты, - он указал на меня, - выпей что-нибудь, не то я остановлюсь возле следующей придорожной зоны обслуживания, высажу тебя и позвоню маме, чтобы она забрала тебя! Я серьёзно! Вы сводите меня с ума, и это, из-за какой-то ничтожной медяницы!

- Это была гадюка, - слабо возразила Джианна. - А я, если хочешь знать, ужасно боюсь змей.

- Ах ..., - фыркнул Пауль пренебрежительно. - Самое большее, это была маленькая гадюка. Всё же нет никаких причин гладить её. Змей не гладят Эли! Им не нравиться, когда касаешься их кожи. Это приводит их в стрессовое состояние. Вы все, совершенно перевозбуждены. Я часами сижу за рулём, сегодня ночью не сомкнул глаз, а вы мотаете мне нервы. Я тоже не в особо хорошей форме, если вы ещё этого не заметили!

О да, я заметила. Я даже была первой, кто заметил и не колеблясь рисковала из-за него своей жизнью. Но это, к сожалению, не освободило его от хронической склонности к флегматизму. Всё же я сделала глоток воды, чтобы успокоить брата. Я не хотела, чтобы он волновался из-за меня. У него ведь порок сердца, благодаря Францёзу.

- Мне очень жаль, я думала там что-то есть, я ... я должна была ... не знаю. Я не знаю, что со мной случилось, - заикалась я, мои глаза наполнились слезами. Сейчас я тоже начну плакать. Выражение лица Пауля немного смягчилось.

- Нарушилось твоё кровообращение. В такой момент могут случиться самые сумасшедшие вещи. Всё хорошо сестрёнка.

Нет, это не так. Я не хотела утверждать, что у меня не было проблемы с кровообращением. Но там случилось что-то ещё. Словно предчувствие. Всё имело смысл, но какой? Что хотело сказать мне это предчувствие? Связанно ли оно как-то с Тессой? Может это она пыталась заманить меня в тот дом? Пока я пила маленькими глотками, пытаясь дышать спокойно и глубоко в живот, Тильманн постепенно пришёл в себя.

- Что такое? - Он зевнул и потёр глаза. - Почему мы стоим? - Но ни у кого не было настроения отвечать. То, что мы только что пережили, сложно выразить словами. Я похитила других в мой собственный кошмар. Да, это сценарий из психологического триллера: одинокий, заброшенный дом в нигде, манящее пение, внезапная тишина ... Единственная разница, моё бесстрашие. Я хотела зайти в этот дом. Я знала, что там меня ожидало что-то ужасное, но встретиться с ним было бы для меня радостью.

- Вот, поешь. - Джинна почистила на коленях яблоко и протянула назад дольку.

- Нет, спасибо. – Ранее она использовала этот ужасный туалет и даже если помыла после него руки, это не значило, что ...

- Съешь его Елизавета! - прогремел Пауль. В нём проснулся бык. Даже Тильманн испугался. Я взяла кусок яблока кончиками пальцев из рук Джианны, вытерла его незаметно о футболку и засунула в рот. Когда мои вкусовые рецепторы, не смотря на насморк, распознали фруктовую кислоту, слюни снова потекли и заполнили сладостью язык. С удивлением я поняла, что снова могу дышать. Мой нос освободился. Я приняла охотно и три следующих куска.

Тильманн нервно оглядывался на чиновников, собирающих дорожную пошлину. Они наблюдали за нами. Возможно они заметили нашу напряжённую ссору. Возможно думали, что

мы не сможем оплатить билеты. Но как всегда, деньги, эта наша самая наименьшая проблема. Пауль, вздыхая, завёл двигатель.

- Начиная с Модены вести буду я, - заворковала ободряюще Джианна, слёзы которой, между тем уже высохли. - Кроме того, мы уже почти приехали.

Да. Скоро мы доедем. До моря. До Адриатики. Адриатическое побережье казалось переполнено массовым туризмом, но также лёгкостью и жизненной радостью. В Адриатики нет никаких заброшенных домов, никаких змей в траве и уж точно никаких переполненных, грязных придорожных зон обслуживания.

Я отклонила демократию, как устаревшую систему, которая не выдержала реальности и без лишних церемоний, ввела диктатуру. Теперь разрешалось слушать только мою музыку, даже если на самом деле, ещё не настала моя очередь. Вместо диска с Моби, я выбрала мой любимый чилл-аут сборник и протянула его вперёд Джианне. Под Fatal Fatal от Ди Джей Пиппи, с полным мочевым пузырём и пустым животом, я направилась навстречу моей самой первой, итальянской, летней ночи.

Фатально, фатально

Когда мы приблизились к побережью, Джианна стала заметно растерянной, меня же снедало желание, наконец увидеть кусочек моря. Я почти не могла вынести то, что нахожусь уже в течение нескольких часов в Италии и всё ещё не увидела его. Мы не должны ожидать слишком много и быть готовыми ко всему, снова напомнила нам Джианна и в конце концов вообще перестала что-либо говорить. Она только ещё кивала, когда Палуь спрашивал, правильно ли ведёт его навигационная система. Однако я была убеждена в том, что она заблуждается. Она просто должна заблуждаться. Мы опять удалялись от побережья в сторону горной цепи. А это точно не то, чего я ожидала.

- Неправильное направление! - воскликнула я и склонилась вперёд, чтобы посмотреть на дисплей навигационной системы. - Оно не может быть правильным.

- Почему по-твоему оно неправильное? - начала вспыльчиво защищаться Джианна. - Что тебе не подходит?

- Здесь нет моря, - ответила я неубедительно и поняла, что прозвучала, как избалованный ребёнок. Но именно так я себя и чувствовала. Маленькой девочкой, которой вместо обещанного мороженного принесли крошечный леденец, да к тому же ещё с совершенно не тем вкусом. Здесь даже не будет пахнуть морем! Побережье, по меньшей мере, в двадцати километрах. Вместо этого, машина ползла вверх по узкой улице к своего рода крепости, почти угрожающе возвышающейся над нами.

- Что это за замок? - спросила я теперь немного вежливее, так как напряжение Джианны росло с каждой секундой. Её шея почти пропала между поднятыми вверх плечами. Что её беспокоит? Я уже всегда могла чувствовать страх других людей и была абсолютно уверенна, что она боится. Но чего? Сегодня нас ведь ещё не ждало никаких приключений.

- Это не замок, Эли. Это место, где живёт мой отец. Веруккьо. - Тон Джианны, дал мне недвусмысленно понять, что не следует больше задавать глупых вопросов. Нервно она протянула руку вперёд и увеличила громкость CD-плеера.

Может быть за это была ответственна песня Twist In My Sobriety в исполнение Таниты Тикарам, что городок-крепость, чьи дома приклеены к авантюрно крутым склонам, показался мне угнетающим, когда Вольво медленно проезжала мимо, а жители преследовали нас своими взглядами. Под эти меланхоличные звуки, не одно место в мире, не сможет повергнуть кого-либо в жизнерадостный оптимизм.

Последние сто километров Джианна, в отношение музыки, оказала честь своей репутации. Если сформулировать это благосклонно, она, словно всеядное существо. Радоваться моей диктатуре пришлось не долго. У Джианны было передо мной преимущество, ведь она сидела впереди. Она, не стесняясь, засунула в щель один из своих записанных компакт-дисков со сборником, копия старой кассеты, преобразованная на компьютере в цифровую форму. Всё это время играла дикая смесь всех направлений и стилей, записанная с радио. Большинство песен заканчивались посередине, потому что Джинна решила, что чтобы знать их, достаточно половины, или же прерывались передачей сообщений о ситуации на дорогах. Её цифровая лента была совершенно непредсказуема и таким образом мы заехали на заправку, когда на полную громкость играла Please Don’t Go в исполнение Eurobeats-Gassenhauer и выехали с неё под Give In To Me от Майкл Джексона.

- Я просто ребёнок девяностых, - дерзко заткнула Джианна нам рты, когда мы начали смеяться над её музыкальным вкусом. В конце концов, она собирала исключительно те песни, которые каким-то образом будили чувства, даже если эти чувства были не всегда желательны и тем более не подходили к нашем замыслам и атмосфере вокруг. Как сейчас. Уже когда мы ехали через городок, я чувствовала себя запертой и совершенно не испытывала желания

выходить из машины. Хотя Верукkио, это живописное скопление стен, арок, переулочков и ниш, у меня появилось такое чувство, что здесь невозможно не от кого и не от чего спрятаться.

- Очень клёво, - пробормотал Тильманн ободряюще. Ему удалось избежать музыки Джианны, засунув в уши наушники своего айпода и увеличив звук до самого нехочу. Возможно под женоненавистный хип-хоп, Верукkио можно было воспринять по-другому, не так, как я.

Моё разочарование получило новую пищу, когда мы добрались до узкой улочки и Джианна показала Паулю, где припарковаться. Настоящих парковочных мест здесь нет, но всё же возможность приткнуть Вольво так близко к стене, что нам всем пришлось выходить с левой стороны. Но ещё сильнее, чем разочарование, я чувствовала страх Джинны. Я увидела, как она с трудом сглатывает, как будто ей станет сейчас плохо.

- Это здесь, - подавленно объявила она. Ой-ой. Дом её отца несомненно самый жалкий, захудалый домишко на этой и без того страшной улочки. Фасад покрошился, оставив пятна, крыша казалась обветшалой, а петли закрытых ставень покрыты толстым слоем ржавчины.

- Выглядит довольно красиво, - сказала я оптимистично, хотя подумала совершенно противоположное. Я так остро чувствовала страх Джианны, как будто это мои собственные чувства и у него уже появилась компания из очень нездорового гнева, поднимающегося во мне как цунами. Я чувствовала себя так, будто мои ожидания обманули.

- Может мне лучше зайти в дом одной и спросить ...

Слишком поздно. Джианна остановилась как вкопанная, когда маленький, жилистый мужчина с фиолетовыми глазами и лохматыми чёрными волосами, выскочил из двери на улицу и причитая и шатаясь, пошёл навстречу. Да, он действительно шатался. Либо он разрешил себе щедрый аперитив, либо страдал от травмы ноги. Я склонялась к аперитиву, потому что мой внезапно исцелённый нос унюхал алкоголь.

Джинна безропотно прошла через странно-драматичную церемонию приветствия, хотя он поочерёдно то орал на неё, то потом снова, в избытке чувств, прижимал к своему сердцу и называл плаксивым голосом «mia piccola bambina». Моя маленькая девочка. При этом, высокая Джианна, возвышалась над ним по крайней мере на целую голову.

- Это Энцо, - растерянно представила она, после того, как его эмоциональная буря утихла, и он дал ей возможность, тоже что-то сказать. Он, одному за другим, пожал нам руки, сопровождая это громкими словами, из которых мы ничего не поняли, но казалось, будто он всё в нас критикует.

- Что с ним? - спросила я неуверенно Джианну.

- Вы для него недостаточно загорелые.

Удивлённо мы посмотрели друг на друга. Значит вот в чём его проблема? Отсутствие летнего загара?

- Итальянцем на юге это очень важно, - объяснила Джианна смущённо. - Для него мы бледнолицые. - По крайней мере она включила в этот список и себя тоже. Она и в правду казалась бледной, в отличие от своего отца, чей загар из-за множества лопнувших капилляров на щеках и носу, казался ещё сильнее. Без вопросов, он пьяница. Я не могла представить себе, что его состояние просто совпадение. Видно, что Джианне его выход неприятен. Она не в первый раз видела его в таком положение.

Мне же пришлось похоронить мои надежды, получить от него ценную информацию или ссылки. Вот и опять одним следом меньше. Ещё одна тревожная дрожь, сопровождаемая чёрной злобой, проползла вверх по позвоночнику. Не потому, что мне было стыдно, как Джианне, а потому, что я осознала, что у меня ничего нет в руках. Мои распечатки с компьютера я оставила дома, точно так же, как ноутбук и папины записи о пациентах. Они, в любом случае, никак мне не помогли. Всё, чем я владела, эта потрёпанная карта Европы из

сейфа. Наш с Джианной кошмар сбылся, даже если мы оба полностью одеты. Мы собирались пробежать голыми через огонь. Должно быть мы сошли с ума.

Снова Энцо схватил Джианну и начал мять ей щёки. Я думала, что мы не сможем просто забрать ключ и улизнуть, так как Джианна уже очень давно не видела своего отца. Я же рассчитывала на то, что смогу хорошо использовать время и возможно, помимо встречи с её отцом, приму в Адриатики освежающую ванную. Но не ожидала встретить бедность и алкоголизм. Я не знала, что будет дальше.

После того, как Энцо понял, что Пауль новый парень Джианны - достаточная причина отругать свою дочь ещё раз, перед глазами сидящих на улице соседей, он настоял на том, чтобы он и она, переночевали у него. Видимо, даже его пристрастие к алкоголю не мешало ему лелеять высокие моральные требования. Я считала его способным, занять позицию рядом с кроватью своей дочки-отступницы и следить как ястреб, чтобы Пауль и близко к ней не подходил.

- Вам, наверное, будет лучше взять комнату в пенсионе, - прошептала Джианна Тильманну и мне, после того, как Энцо утащил Пауля за рукав внутрь. – Здесь слишком мало места.

Я попыталась улыбнуться и сказать, что всё хорошо, но не смогла. После того, как мы вышли из машины, вместе с гневом вернулась и головная боль, такая же сильная, как всегда. У меня закружилась голова и я почувствовала себя вялой. Собственно, я больше не с кем не хотела говорить, а только ещё лечь в прохладной комнате и вытянуть ноги. В тоже время я боялась, что начну снова размышлять и пойму, что все исследования по поводу Италии, пока были совершенно напрасны.

Это не та страна, что они представили мне в интернете. Это совершенно что-то иное. Как будто у Италии есть другая идентичность, которую её жители и сторонники, искусственно держат в секрете. Так должно быть чувствуешь себя, когда хочешь сдать экзамен и при первом же вопросе замечаешь, что подготовился не к той теме. Кстати, тоже один из моих повторяющихся кошмаров, с момента окончания школы.

Прохладная пенсионная комната оказалась несбыточной мечтой. Пол часа спустя Тильманн и я открыли дверь в перегретую каморку с большим окном, выходящим на улицу. Она воняла нафталином и порадовала нас одной скрипящей, односпальной кроватью и одной раскладной. На стенах висели безвкусные картины; пёстрая цветочная композиция и ухмыляющийся арлекин в полосатых панталонах. Я ненавидела клоунов с детства и попыталась его снять, но арлекина невозможно было оторвать от гвоздя. Немного подумав, я выбрала раскладную кровать, потому что она находилась ближе к окну, а у меня, как только я зашла в комнату, началась клаустрофобия. Но прежде всего, с этой кровати, мне не нужно будет смотреть на клоуна.

Тильманн настоял на том, чтобы взять с собой в комнату свой угловатый, громоздкий чемодан, хотя мы специально для ночёвки, упаковали на полпути лёгкие рюкзаки. Постепенно его одержимость багажом, начинала надоедать Джианны и Паулю. Мне же она не только действовала на нервы, но и тревожила. Снова я подумала о том, что недостаток серотонина, может вызвать желание принимать кокаин. Но кокаин не занимает много места; чтобы перевезти его, чемодан не нужен. Это не может быть причиной.

Когда Тильманн пошёл принимать душ, я осторожно приподняла открытую крышку, а другой рукой ощупала содержимое. Всё совершенно обычное - вещи, шлёпанцы, носки и - ага, а это что? Картонная коробка размером с обувную. Я приподняла футболки, закрывающие её, чтобы разглядеть получше.

- Это что будет? Почему ты роешься в моих вещах?

- Ты каналья! - зашипела я на Тильманна. Иногда нападение, это лучшая защита, а мой гнев, в любом случае, искал вентиль. - Оставляешь душ включённым и подкрадываешься ко мне? Что в коробке?

- Собственно, это тебя вообще не касается, - ответил Тильманн холодно. – Но, если ты так уж хочешь знать, пожалуйста. - Он освободил обзор на крышку картонной коробки. Содержание: большая упаковка биологического шоколада, купленного у фермеров по справедливой цене. Господин Щютц посылает приветы. Я сразу же поняла, почему Тильманн возил с собой эту массу шоколада. Тёмный шоколад увеличивал выброс серотонина. Наверное, поэтому он постоянно перекладывал багаж - боялся, что шоколад растает на жаре. Тем не менее мне было не совсем понятно его поведение. Это ведь только шоколад, а не большая упаковка антидепрессантов. Ничего такого, из-за чего могло бы быть стыдно. Кроме того, это не похоже на Тильманна, чтобы он стыдился чего-либо. Стыд совершенно точно не та причина, по которой он отклонил терапию с антидепрессантами.

Тем не менее всё, что я сделала, это милостиво кивнула и позволила ему закрыть чемодан.

- Не ройся в моих вещах, Эли, я это ненавижу, - предупредил он меня с таким взглядом, который ясно дал понять, что он не шутит такими вещами. Послушно я отступила к свой раскладной кровати, которая, если её разложить, блокировала половину комнаты, ожидая, пока Тильманн закончит со своей личной гигиеной. По крайней мере у нас есть ванная комната (покрытая розовой плиткой и с запотевшим шкафчиком с зеркалом), и возможность принять душ. Тильманн сделал это одним мигом, я же стояла под душем целую вечность, хотя вода текла из забитой кальцием насадке лишь тонкой струёй.

Потом я попыталась вздремнут и успокоиться, но голова была переполнена. Как в бесконечном слайд-шоу она показывала мне все новые образы, с которыми мне пришлось сегодня столкнуться и тревожно часто вставляла при этом снимок заброшенного дома, который так магически притягивал меня к себе. И змея тоже опять набросилась.

Медяница, сказал Пауль. Джиннна предположила, что это гадюка. Но по словам обоих, змея была маленькой. Я не могла сказать, была ли она большой или маленькой - прежде всего, это её агрессивная поза, осталась в моей памяти. Что-то подобное, я ещё никогда не видела. На самом деле это должно было сразу заставить меня убежать. Я же наоборот, хотела подобраться к ней поближе. Коснуться её красиво разрисованной чешуи. Я жаждала её укуса. Казалось нуждалась в нём. Но действительно ли она хотела меня укусить? Для меня это выглядело скорее так, будто она хотела показать мне, на что способна. Демонстрация её гибкой силы и быстроты. Но для чего? В отличие от Джианны, я никогда не боялась змей, однако также не особо ими интересовалась. И я не могла вспомнить, что когда-либо раньше мне снились сны о змеях.

На одно мгновение я обрадовалась, что папа не с нами. Смущённо я поняла, как бы он истолковал этот случай. В этом пункте он безнадёжный приверженец Фрейда. Змеи, это пенисы. Я прикусила костяшки пальцев, чтобы не рассмеяться. Извини папа, при всей твоей любви к психологическому толкованию, с пенисами этот эпизод ничего общего не имеет. Ни секс, ни любовь не играли здесь никакой роли. За этим скрывалось более сильное и важное стремление - но существовало ли такое вообще?

Разгорячённая, я стянула тонкую простынь с верхней части тела, пытаясь себя урезонить. Чувства, которые я переживала во сне, бывали часто интенсивнее и сильнее, чем в реальной жизни. Всё же - или именно поэтому? - мне не нужно придавать им слишком много значения. Вероятно, это только неудачное наложение бессознательного состояния на сон. В конце концов однажды, я даже в виде оленя, бежала вдоль ручья и чувствовала себя великолепнее и

сильнее, чем испытывала когда-либо подобное, будучи человеком. Значит только ложный выпад моего сознания? Игра чувств?

У меня больше не осталось времен размышлять, так как Джианна приказала нам по телефону, прийти в ресторан Ла Рокка, находящийся поблизости от крепости, где Энцо собирался пригласить нас на ужин. Да уж, будет весело.

Я, на всякий случай, взяла с собой кофту с капюшоном и одела джинсы, так как, наверное, будет прохладно сидеть после заходи солнца без движений. Но когда мы покинули отель и шли по узким улочкам к крепости, я не могла поверить в то, каким тёплым был воздух, ласкающий нашу кожу. На насколько секунд даже моя головная боль отодвинулась на второй план, потому что ощущение, что здесь невозможно замёрзнуть, переместило меня в бодрый, освежающий делирий.

Энцо тоже всё ещё находился в состояние опьянения. Джианна с траурным выражением лица сидела рядом с ним, как раз выслушивая его сальные словоизлияния. Пауль тем временем, умно использовал сложную ситуацию. Перед его столовыми приборами стоял полный стакан вина, из которого он иногда блаженно попивал. Тильманн воодушевленно присоединился к нему. Казалось, даже Джианна пила для храбрости. Только я воздержалась. Если я сейчас выпью алкоголь, то моя головная боль станет невыносимой. Красное вино при этом особенно опасно. Я выбрала оранжад, который оказался обыкновенной фантой. Её сервировали в банке рядом со стаканом. Почему-то она была на вкус другой, чем в Германии, более фруктовой и терпкой. Или так казалось из-за тёплого, южного ветерка?

Энцо мог говорить по-немецки, это я знала от Джианны. Он, в течение многих лет, работал в Германии на фирме, где производят мерседесы. Но по отношению к нам он не собирался использовать даже один единственный немецкий слог. Поэтому Джинне выпала трудная задача, сортировать бурю его слов, выбирать важное и переводить. В первую очередь Энцо занимали две темы: еда и bambini (итал. дети). В еде он разбирался так хорошо, как никто другой и конечно же сделал бы всё лучше, на месте владельца этого ресторана, если бы ресторан был его. Тема bambini тоже интересовала его, потому что он считал, что с планированием детей Джианна уже давно запоздала. Чем позже женщины рожают bambini, тем быстрее увядают, а он не хочет иметь вялую розу в качестве дочери. В следующий момент он решительно засомневался в способности продолжения рода Пауля. Пауль принимал всё спокойно, с его типичным, грубым юмором, и это заставляло Энцо всё чаще глумливо смеяться. Смех, о котором мы никогда точно не знали, служит ли он для того, чтобы поиздеваться над Паулем или же порадоваться вместе с ним.

Меня же напряг уже даже выбор еды. Меню, точно также, могло бы быть составлено и на китайском языке. Я не могла перевести ни одной строчки. Возможно было бы больше пользы выучить итальянский, вместо того, чтобы, лазая в интернете, постоянно обращать внимание на неважные рекламные сайты. Ища помощи, я посмотрела на Джианну. Она сразу же спросила отца и, хотя Энцо не экономил на своей сокрушительной критики, всё же засвидетельствовал ресторану самую лучшую лапшу провинции Римини. Я решила довериться ему, в конце концов, дети и пьяницы, обычно говорят правду и заказала лапшу с зуго, чем бы это ни было.

- Хорошо, лапша, а потом? - перевела Джианна.

- Потом ничего. Лапша, - ответила я жеманно и показалась себе ужасно глупой. Неужели я до сих пор не поняла, что оба хотят мне сказать? Энцо возбуждённо заговорил дальше и жестикулируя, чуть не опрокинул свой наполненный до краёв бокал вина.

- Он хочет знать, что ты будешь есть потом? Зайца? Голубя?

- Голубя? Вы едите голубей? - спросила я с нескрываемым ужасом и сразу же прикусила язык. Хотя Энцо и не хотел говорить по-немецки, но уж точно не пропустил мимо ушей то, что я сказала. - Нет, лучше не надо, спасибо. Я буду только лапшу. Этого хватит.

Джианна решительно махнула рукой, как настоящая итальянка, что немного отдалило меня от неё, потому что, после этого долгого дня, я в сотый раз задавалась вопросом, почему собственно Италию хвалят за её красоту и гармонию, как едва какую другую цель для отпуска. Италия - страна любви, страна, в который цветут лимоны, страна искусства, архитектуры и моды и по-видимому также страна чревоугодия. Лапша, в качестве закуски, да это просто покушение на меня, для Пауля же, сказочная страна изобилия и праздности. Я сразу же поняла, что не смогу съесть моё первое блюдо, гору, приукрашено названную тальятелле. Соус, хотя и оказался откровением, но оставлял озеро из оливкового масла. Я уже всегда испытывала отвращение к избытку жира. Он блокировал мой желудок.

Энцо, однако, принял мой отказ от голубей на свой счёт и не переставал атаковать меня новыми потоками слов. Джианна сдалась и перестала переводить, а моё положение все ухудшалось, так как я не могла ответить ему и сказать, что довольна моей лапшой и что не хотела его обежать. У меня появилось не хорошее чувство, что меня поносили на чём свет стоит. Почему мне никто не поможет? Я, с умоляющим взглядом, хотела заручиться поддержкой Пауля, но он, с тяжёлыми веками, смотрел в никуда, в то время, как Тильманн, не стесняясь, таращил глаза на порядочных итальянок. Все мужчины за этим столом были пьяны.

Прежде чем я смогла заговорить с Джианной, которая как раз болтала с официантом, Энцо схватил меня за запястье и затряс. Чего он хочет? Я догадывалась, что случиться, если я потеряю контроль над моим гневом. В моей голове уже складывались фантазии, в которых я полностью стягивала скатерть со стола и кричала … Посуда с грохотом разбивалась о каменный пол, везде летели брызги от соуса и разлетались кости от зайца. Нет, мне нельзя этого делать. Я сжала левую руку в кулак, так что ногти впились в кожу, а правой, не смотря на хватку Энцо, направила ещё одну вилку с макаронами в рот.

С трудом сглотнула, но особенно цепкая лапша прилипла к нёбу, потому что в глотке собрались слёзы, властно угрожая вырваться наружу, как случалось всегда, когда я не позволяла выйти гневу. Тогда его сопровождала непреодолимая печаль. Хотя ситуация была всего лишь неприятной; я жалела не только себя. Энцо мне тоже было жаль. Казалось, будто его счастье зависело от того, что я съем. Внезапно у меня в голове появилась ошибочная мысль, что он лишь тогда сможет преодолеть своё пьянство, если я закажу ещё одного голубя и жареного кролика.

Но мне и так уже плохо. А если в жизни Пауля, Джианны и Тильманна ничего не изменится, они тоже начнут пить. И всё только из-за меня. Я натравила на них Маров.

Мне нужно уйти отсюда, немедленно. Я вытерла рот салфеткой, встала, опустошила, стакан лимонада, запивая упрямою лапшу и дрожа отсалютовала, покидая ресторан, прежде чем вконец потеряю над собой контроль.

Мой разум переполнен. Я больше не могу ничего из того, что здесь предлагают, вместить, не говоря уже о том, чтобы переварить. Вид Тильманна и Пауля, пытающихся изо всех сил обогнать в выпивке Энцо. Вид несчастной Джианны, старающейся замять причуды своего отца и кажущаяся мне совершенно чужой, когда она говаривала с ним обо мне на итальянском. Усидчивость официантов, непрошеное сочувствие ко всему, что я сделала и прежде всего к тому, что не сделала.

Я не могу подстроиться под всех. Для этого мне нужно стать другим человеком. О, как часто меня уже заставляло плакать это парализующее, подавляющее чувство, не угодить другим, быть для них недостаточно весёлой, смешной, сильной и легкомысленной. А всегда мудрёной, чувствительной и сложной. Прежде всего сложной. Занудой.

Но я ведь Елизавета Штурм и не могу изменить этого. Внезапно мне захотелось вернуться в ледяную полярную ночь, где семья Штурм, могла быть семьёй Штурм, где её не оценивали и

не обсуждали. Потому что там мы проводили время одни. Здесь же, у меня было такое чувство, что такая, какая я есть, я для всех камень преткновения.

Как уже часто, когда я искала уединения, мой гнев пропал, но впечатление того, что я всегда поддаюсь своим чувствам, осталось. Изменится ли это когда-нибудь? Когда Колин и я померились в лесу, среди волков, я была твёрдо убеждена в том, что стала более выносливой и крепкой. Что больше ничего не сможет так быстро вывести меня из равновесия. Какого к чёрту равновесия?

Нет никакого равновесия. Даже когда я нахожусь с собой в мире, меня всё ещё могут внезапно расстроить проблемы других людей. Я не могла держать дистанцию к ним. Я чувствовала жгучую тоску Тильманна по Тессе, страх и стыд Джианны, болезненную тяжесть Пауля. И это слишком для меня.

Как же можно так жить, со всей этой печалью и гневом, и этим чёртовым состраданием? Я даже не могу его разумно использовать! Вместо этого просто сбежала.

В то время, как я приводила про себя аргументы, с помощью которых хотела позже оправдать внезапный уход, чтобы никого не обидеть, я, скорее вслепую, чем что-то различая, шла в сторону крепостного двора. Крепостной двор очень хорошо вписывался в средневековый, городской пейзаж. Лишь когда добралась до парапета, решила разглядеть окружение и была вознаграждена панорамным видом, который чуть не остановил моё дыхание.

Я смотрела вниз на просторную местность, с мягко-округлыми холмами, в плоских долинах которых, поля и луга, соединяются друг с другом, как части античной мозаики. Воодушевляющая симфония из голубых и зелёных тонов, которые не казались морскими и холодными, а тёплыми и игривыми. Очень далеко, где холмы уступали место равнине, я подумала, что вижу полосу моря.

Не смотря на ту прелесть, которую таил в себе этот вид, это место нельзя было назвать миловидным. Слева и справа от меня, перед стеной, возвышались две чёрные пушки, стабилизированные древними, деревянными балками. Пушки казались целыми и готовыми к стрельбе, как будто стоит лишь накормить их боеприпасами и выстрелить, чтобы начать новую войну. Да, я хорошо могла себе представить, что отсюда можно плести интриги и вести сражения и не сомневаться, что выиграешь их. Чего бы это не стоило. Пузатые цветочные горшки, которые обрамляли двор замка и стояли перед окнами жителей, почти не смягчали воинственные притязания этой крепости, нет, кроваво-красные цветы, даже подчёркивали их.

Внезапно мне даже захотелось забыть о том, что мы собирались сделать и что планировали. А именно как раз это: развязать войну. Мне достаточно быть здесь, смотреть на красоту этого мира и отказаться от ответственности в жизни. Мне захотелось, чтобы существовала такая сила, которая бы направляла меня и подробно говорила, что я должна делать, а чего нет. Существование под диктатурой стало сложно переносить. Я, чтобы успокоиться, снова направила взгляд на сине-зелёный цвет передо мной. Это помогло.

- Это действительно море? - прошептала я, как во сне.

- Да, это оно. - Джианна шагнула рядом и твёрдо направила свои желтоватые глаза на полоску берега на горизонте. Глаза, которые всегда напоминали мне мокрый, блестящий янтарь. Солнце уже село, но небо ещё не хотело утрачивать яркость. Оно по-прежнему светилось.

- На самом деле, я люблю эту землю, - продолжила Джианна. - Она прекрасна. Но это не всегда видно, и часто можно обмануться, поэтому ... Эли ... мне очень жаль, я надеялась, что мой отец перестал пить или что я ошибалась и это только одна из его фаз, но ... - Она так сильно затрясла головой, что её шелковистые волосы закружились вихрем в воздухе, как вороньи

перья. - Неоправданные надежды. Он всё ещё продолжает. Извини. Он не хотел тебя обидеть, когда предлагал еду, но ...

- Я знаю, Джианна. - Вдруг я так сильно пожалела о моём поспешном уходе, что не могла посмотреть Джианни в глаза. Моё поведение было грубым, не только по отношению к отцу Джианны, но и по отношению к ней. Потому что именно этого она и боялась. Испытывала страх. Страх перед нашей реакцией. Кроме того, я не смогла скрыть, что её родина, стала для меня огромным разочарованием, начиная с придорожной зоны обслуживания, безвкусных бутербродов, которые мы съели по дороге, темперамента людей и кончая качеством нашей гостиницы для сегодняшней ночи и вони нафталина в комнате. Как только я могла так дать волю своим чувствам?

- Я тоже не знаю, что со ...

- Нет, Эли, позволь мне высказаться, - попросила Джианна. Я осмелилась взглянуть на неё. Слеза стекала с её щеки. - Ты ведь ничего не можешь сделать с алкогольной проблемой моего отца. Кроме того, я хорошо знаю эту землю. Она может сразить тебя на повал. Италия незаурядна. Лучше я не могу выразиться. Это необычная страна. Она может ошеломить и заставляет полагаться на самого себя. Некоторые люди справляются с этим, прежде всего те, которые хотят только повеселится и смотрят на всё поверхностно. Но, есть такие, как ты или я, они могут впасть в шоковое состояние. У меня тоже всякий раз, когда я приезжаю сюда, шок. Ты должна покориться этой стране, не то она выплюнет тебя, как гнилой фрукт.

Да, так я себя и чувствовала. Это могли бы быть мои слова, если бы я обладала языковым талантом Джианны. Она много размышляла о моём состояние, поразилась я - даже понимала меня. Тем сильнее я почувствовала вину. Но она всё ещё не хотела позволить мне покаяться в этом.

- Я знаю, что придорожные зоны обслуживания, между Миланом и Моденой, иногда просто невозможны, а долины По, что же, это не то, что себе представляешь, не так ли? – Поймана с поличным. Она криво мне улыбнулась. - Я также поняла, что ты полагала, мы поедем сегодня к морю. Но я ... я не могла сказать, что нет, точно также, как не могла сказать, что мой отец ... - Слёзы помешали ей продолжить.

- Ах, Джианна ... - Я ещё никогда не обладала даром утешать и оценила Джианну не как женщину, которой хотелось бы, чтобы её обняла более молодая. Поэтому решила мягко подтолкнуть её, радуясь, что она говорит о себе, вместо того, чтобы выспрашивать меня. - Родителей выбирать не приходится.

Хотелось ли мне, чтобы у меня был другой отец? Просто человек? Была ли это папина кровь Мара, что делала его для меня таким особенным? Или наши отношение стали бы ещё более задушевными, если бы его не атаковали? Что я на самом деле действительно о нём знала?

- Он любит меня, больше всего на свете. Я его самое дорогое сокровище, его ангелочек, - сказала Джианна задыхаясь. - Но он не может понять, что я хочу жить по-другому, чем если бы это было возможно для меня в Италии. Он не может и не хочет этого понять. Я не смогла бы жить здесь, просто не смогла ... хотя каждый раз, когда приезжаю сюда, думаю, что должна, потому что в Германии нет не одной улицы, по которой я могу ходить так самоуверенно, как по этим улочкам. Это довольно странно, да?

Я покачала головой.

- Нет, совсем нет.

Джианна глубоко вздохнула.

- Знаешь, ему ещё ребёнком, пришлось пробиваться самому. Он вырос в чистой бедности, потом переехал в Германию, работал там до посинения, ничего себе не позволял, всё время экономил, построил себе дом на юге, чтобы показать другим, что может это сделать. И никто не

хочет туда переехать. Моя мама отказалась. Я, уже в течение многих лет, не была там внизу; он большую часть времени стоит пустой. Все его сбережения вложены туда. Он не хочет туда въезжать, потому что ждёт, что это сделаю я, вместе с мужем-итальянцем, и живёт поэтому здесь, на севере, в хибаре своей покойной тёти, где все смотрят на него с высока и никто не уважает ... Джианна всхлипнула и вытерла нос. - Это не справедливо, но я не могу ему помочь. Просто не могу!

Мои руки вспотели от стыда. Возможно у Энцо средневековые представления о морали и планировании семьи, но, наверное, я оскорбила его моим сдержанным поведением. Я вела себя, как увалень, так, как часто называют моих соотечественников за границей. Собственно, теперь не доставало ещё жирных бёдер и солнечно ожога.

- Джианна, мне ужасно жаль, просто я больше не могла всё это фильтровать, всё как-то сразу навалилось и я потерялась.

- Перестань, Эли, всё в порядке ... Блин, сегодня в обед ты была, по меньшей мере, четверть часа без сознания. Собственно, нам нужно было отвезти тебя в больницу! - Джианна похлопала меня по плечу; я начала дрожать, хотя воздух нисколько не утратил своего ласкового тепла.

- Четверть часа?

- Да. Возможно даже двадцать минут, я не смотрела на часы, но оказалось по-настоящему сложно, привести тебя в сознание ... Эли, всё в порядке?

- Нет, - прошептала я и села на парапет. - Я думала, что лежала на земле всего несколько секунд и сразу же опять встала, потому что дом ... - Я замолчала. Потому что дом позвал меня к себе? Джианна села рядом, пытливо на меня смотря.

- Такое может случиться, когда находишься в бессознательном состояние, то теряешь счёт времени. Тоже самое происходит во время наркоза. В этом нет ничего необычного, не так ли?

- Нет, но ... - Снова я не знала, как сформулировать то, что у меня на уме. Может быть потому, что конкретная мысль прозвучала бы слишком неуклюже. - Я задаюсь вопросом, жил ... жил ли, возможно, в том доме Мар.

Джианна громко рассмеялась.

- Эли, речь идёт о сеновале! Фермеру бы бросилось в глаза, если бы там кто-то жил.

- Это не сеновал, это был ... ах, не имеет значения. - Наверное мои перевозбуждённые чувства сыграли со мной злую шутку. Представление о том, что Мар или даже сама Тесса, будут жить в ста метрах от автобана в крестьянском сарае, казалось мне абсурдным и смешным. И моё поведение, тоже смешно. Я перестала пить, только чтобы не писать, потому что не хотела заходить в туалеты. Это просто ребячество.

- Возможно это случилось из-за музыки. Keane. Песня, которая как раз играла, - попыталась я нерешительно всё объяснить.

- Да, она оставляет сильные впечатления. Ты знала, что певец, был сильно зависимым наркоманом? - Джианна использовала любую возможность, чтобы продвинуть моё музыкальное образование, и я только что, предложила ей такую. Она набросилась на неё, как хищная птица. – Предположительно, он лишь потому стал зависимым от кокаина, что страдал, так как многие коллеги-музыканты высмеивали его как мягкотелого нытика. Собственно, Keane считается не клёвым, потому что его музыка просто не мужская.

Я проглотила каверзный комментарий. Вначале я думала аналогично. Но эта одна песня покорила меня. Её гармония всё ещё жужжала у меня в ушах, хотя мы прослушали после неё много других.

- Иногда я думаю, что он написал Broken Toy под воздействием наркотиков ... - Джианна встряхнулась, как будто хотела закончить наш обмен мнениями этой гипотезой. Она залезла в карман своей авантюрно короткой юбки и вытащила маленькую, неприметную связку ключей. -

Посмотри, что у меня здесь. Наш ключ к счастью, - проворковала она с сарказмом, и мы оба ухмыльнулись. Ей удалось заполучить коттедж без всяких обещаний выйти замуж и жаркого в духовке. Завтра мы сможем продолжить наше путешествие. - Давай вернёмся к остальным. Мужчины напились и ждут своих женщин.

Джианна оказалась права. Энцо, Пауль и Тильманн, в доску пьяные, мирно свисали со своего столика на террасе и когда увидели нас, разразились эмоциональным сетованием. Наверно мужчин ничего так сильно не сплачивает друг с другом, как совместное перечисление и обсуждение женских недостатков. Пусть спокойно себе занимаются этим ещё какое-то время. Для меня вечер закончился, не смотря на наш с Джианной разговор возле крепостной стены, и мой утихший гнев. Я хотела побыстрее лечь спать, чтобы завтра снова, на пол пути, не потерять сознание. Когда прощалась с Энцо, я поцеловала его в разгорячённую щёку, надеясь, что он примет эту робкую нежность как извинение. Он блаженно просиял. Про мой скудный аппетит он уже забыл. Джианна ещё проводила меня до отеля, где мы пожелали друг другу спокойной ночи.

- Будь ко всему готова, Эли. Что случилось сегодня, это только начало, - накаркала она. - Южная Италия - это совершенно другой калибр. Здесь тепло. Там внизу жарко.

Мы договорились выехать уже на рассвете; первый этап могла взять на себя Джианна, пока Пауль достаточно протрезвеет. Таким образом, возможно сможем избежать палящего, послеобеденного солнца, если не будет пробок на дороге.

Я почувствовала себя как на седьмом небе, когда освободилась от слишком тёплых вещей и вытянулась на скрипящей и шатающейся раскладной кровати. Натёрла виски мятным маслом, что сразу же приятно их остудило, но сон, не смотря на мою усталость, никак не шёл. С закрытыми окнами я не могла дышать, а открытое окно становилось словно усилителем того, что происходило снаружи, на площади и улочках. Жители превратили ночь в день. Всегда, когда казалось, что ситуация как раз успокаивается, а мои нервы расслабляются, взвывала Веспа и тарахтя, неслась за угол, как будто хотела врезаться в стены отеля. Почти всегда эта Веспа, не отключая двигатель, останавливалась на площади, потому что водитель увидел кого-то, с кем он (или же она) обязательно должны были поговорить, крича на всю площадь. Это было просто пыткой.

Тем не менее, я наслаждалась одиночеством и покоем. Моё тело даже уже заснуло; я заметила это вследствие того, что не могла уговорить себя поднять руку и взять бутылку с водой, которую поставила на пол рядом с кроватью.

Однако жажда и шум долго не давали покориться сну моему разуму, поэтому сновидения оставались загадочными и не ясными, пока я наконец не проснулась именно из-за того, что стало тихо. Жители Верукkьо наконец-то отправились спать. Наверное, и Тильманн уже лежал в другом углу комнаты, отключившись от вина и огромного количества еды. Если бы он был в сознание, я бы это почувствовала. Воздух в нашей комнате стал свежее - всё ещё тёплый, но ароматный и пряный.

Теперь я наконец могла дать давно запоздавшую команду руке - поднять бутылку с водой. Я приподняла её и повернула в строну, опустила вниз и пальцами ощупала пол. Я вздрогнула, как будто меня кто-то ужалил, хотя то, что я почувствовала было мягким и бархатистым. Паук с мехом? А куда подевалась бутылка? Сердце сердито забилось, когда я снова протянула пальцы вниз. С ужасом я обнаружила, что чувство осязания не обмануло. Я ощущала мех и мягкие округлости нежно выгнутых рёбер, которые прощупывались сквозь тонкую, упругую кожу.

Затаив дыхание, я открыла глаза. Надо мной протянулось чёрное, ночное небо, чьи тысячи звёзд мигая, поприветствовали меня. Я, как и ранее, лежала на спине, вытянув ноги, но находилась на улице. Слева кончики пальцев касались нагретых солнцем камней и ... меха. Но

что с другой стороны? Я позволила правой руке соскользнуть вниз, но она нащупала лишь пустоту. Там ничего нет. Очень медленно, стараясь при каждом миллиметре контролировать равновесие, я приподнялась. Всё же у меня было такое чувство, будто я падаю, когда увидела рядом пропасть. Любое суетливое, несогласованное движение, могло означать мою смерть.

Я осмелилась вздохнуть лишь тогда, когда села, подальше от стены, на мостовую переулка. Дрожа, я облокотилась спиной о низкую стену позади и согнула ноги в коленях, обхватив их руками. Сидела так какое-то время, пока уверенность в том, что избежала падение в никуда, не дошла и до моего сумасшедше стучащего сердца.

Теперь я увидела, к чему прикоснулась, когда хотела взять бутылку: к кошке. По меньшей мере с десяток, собрались вокруг и смотрели на меня; бесконечное число блестящих глаз, в которых отражался свет звёзд и древних фонарей, матовым, кажущимся искусственным, зелёным цветом. Они подкарауливали меня. Чего они ждали? Они смотрели на меня так, как будто я пришла, чтобы доверить им секрет. Не подозрительно или собираясь атаковать, а терпеливо, спокойно, знакомо. Смотрели ли они на меня, как на одну из них, как на существо ночи? Они наблюдали за каждым моим движением. Даже то, как я моргала и как моя грудь поднималась и опускалась, не ускользало от них.

Недоверчиво я отметила, что на мне одето тонкое, летнее платье с большим вырезом - платье, которое лежало в самом низу чемодана, потому что, когда я собирала вещи, вытащила его первым из шкафа. Мягкий, как шёлк, подол касался моих коленей.

- Я должна снова оставить вас, - прошептала я. - Я не одна из вас. - Когда я встала и побежала вдоль вымощенной улочки, кошки остались тихо сидеть. Мои босые ноги не вызывали ни малейшего звука. Я проходила мимо арок, сокращала дорогу, выбирая смехотворно узкие улочки, пересекла покинутый двор, перелезла через стену и в конце концов оставила позади заросший сухой травой внутренний двор замка и оказалась возле отеля. Ни одного раза я не свернула не в ту сторону, как будто хорошо знала этот город. Вот что это было. То, что показалось мне таким угрожающим, когда мы въехали в него. Я уже была здесь однажды, даже если это происходило только во сне. На этих улочках я никогда не заблужусь. Рядом кто-то присутствует, ведёт меня и направляет мой взгляд. Он приходил ко мне во сне, и сейчас тоже здесь. Вчера это тоже был он, он позвал меня в пустой дом. С ним я чувствовала себя легко и безопасно. Я остановилась. Прислушалась. Никакого звука, кроме моего свободного дыхания. Но он присутствовал здесь. Находился позади. Совсем рядом. Медленно я повернулась, желая взглянуть на него, но ничего не увидела. Площадь лежала передо мной пустая. Когда он наконец покажется? Я тосковала по нему. Но время ещё не пришло.

Я снова повернулась в сторону отеля, в моей голове промелькнула мысль, вскарабкаться по стене до нашего широко открытого окна, но в тот же момент отбросила это соображение. Можно всё сделать проще. Не колеблясь, я нажала на звонок портье. Это скорее всего владелец, потому что содержатель гостиницы точно не может позволить себе нанять сторожа. Через несколько минут он появился в халате возле стеклянной двери и нажал на кнопку, чтобы открыть дверь. Загудев, она распахнулась.

- Извините пожалуйста, что побеспокоила вас так поздно, я заблудилась, - объяснила я дружелюбно и указала на стену с ключами над стойкой администратора. - Восьмой номер. Будьте так любезны?

С сонным кивком он проковылял за стойку и протянул мне ключ.

- Большое спасибо! И спокойной ночи.

- Спокойной ночи, синьорина.

Когда я открыла дверь и зашла в комнату, то увидела Тильманна. Он сидел на кровати прямо, глаза покраснели, волосы взлохмаченные.

- Эли, наконец-то! Где ты была? Я жду тебя уже в течение нескольких часов. Я думал ты пошла спать раньше нас!

Я села на свой матрас. На губах всё ещё блуждала улыбка, с которой я попросила портье дать мне ключ. Она так легко мне далась, поэтому я хотела сохранить её.

- Я и пошла. Я была здесь. Во всяком случае думала, что была. - Восторженно я прислушалась к звуку моего голоса. Он звучал прекрасно. Немного хрипло, но также очень женственно. - Потом внезапно проснулась и лежала на городской стене. Странно, не правда ли?

Тильманн нахмурил свои густые брови.

- Что с тобой такое, Эли? Ты что-то выпила? - спросил он заплетающимся языком.

Я засмеялась.

- Ни глотка. Как я уже сказала – собственно, я уже спала.

- Но как тогда ты вышла из комнаты? Дверь была заперта. А твой ключ ведь только что висел внизу, в противном случае, ты не смогла бы открыть её, не так ли? - Тильманн остановился, проверяя логику своих слов, но она была правильной. Нам обеим, выдали по одному ключу.

- Может быть через окно, - предположила я спокойно. Можно без проблем спрыгнуть с подоконника на улицу и не поранится. Во всяком случае я не пострадала. Лишь босые ступни горели от быстрого бега.

- Ты что, только что позвонила внизу в дверь? - Тильманн провёл себе по затылку, типичный признак того, что он нервничает.

- Да, - ответила я, пожимая плечами. - Конечно. Я вытащила владельца из постели и вежливо попросила его дать мне ключ. А что ещё по твоему?

- Эли ... - Тильманн подвинулся немного к голой стене позади себя, как будто искал у неё защиты. - Как же тогда ключ попал на полку, если ты вылезла из окна? Кто повесил его туда? Кроме того, ты не могла попросить об этом портье. Ты не знаешь итальянского.

Это последнее предложение было словно ведро холодной воды, которое опрокинули мне на голову. Я опять начала дрожать, надеясь, что в этот раз дрожь не пройдёт. Она сможет помочь мне оставаться бодрой и в своём уме. Прежде чем Тильманн смог запретить мне, я бросилась на его кровать и вцепилась в него, как утопающая. Но он и сам боялся. Он ответил на мои объятия, будто я могла спасти его от всякого зла. Я почувствовала, что у него на руках и шее появились мурашки. Он дрожал.

- Дурацкое спиртное, - пробормотал он, источая при этом пикантный запах вина, лука и чеснока изо рта. - Я не переношу это дерьмо. Я не должен был столько пить ...

- Как только портье смог меня понять? - хныкала я. Мы легли рядом друг с другом на жёсткий матрас и натянули простынь до самого подбородка. - И потом этот случай с ключом ... Тильманн, здесь вообще больше ничего не сходится ... Я только что думала, что там внизу, на улице, находится кто-то рядом со мной, я была уверенна в том, что не одна. Я чувствовала его, он был там.

- Может ты ударилась головой? - спросил Тильманн заплетаясь языком. - Я однажды читал, что ... - Он прервал себя, отрыгнув, и перед моими глазами появилось небольшое видение о бедном зажаренном зайце, которого нам подали на стол. - ... - что одна американка внезапно заговорила на китайском диалекте, после того, как перенесла амнезию. Никто не мог объяснить себе, откуда это появилось.

- Возможно, но сейчас я не смогу сказать ни одного предложения на итальянском. О боже ... что вообще со мной происходит? Как я выглядела, когда зашла только что в комнату? - спросила я умоляюще, хотя боялась ответа.

- Привлекательно. Не такая бледная и помятая, как в машине. Ты расцвела, как будто пришла с лучшей вечеринки в своей жизни. Ты выглядела как ... ну ... не пойми меня неправильно, но некоторые люди выглядят так после того, как позанимаются сексом.

- У меня не было секса. Я ведь не могла заниматься сексом с кошками! - воскликнула я в негодовании.

- С кошками? С кошками!? Вот блин, зачем я только пил столько много?

- Ты всё правильно расслышал, - заверила я. - Вокруг сидели одни кошки и смотрели на меня. По меньшей мере двенадцать штук. Но человека рядом не было. Ну и ..., и Мара тоже. - Я внезапно подумала о Грише и как будто сразу протрезвела. Но конечно - у меня часто бывали сны о чужих, незнакомых местах или городах, в которых я в конце концов встречалась с Гришей. И хотя я не знала эти места, я хорошо в них ориентировалась. Не раздумывая знала, куда нужно идти, чтобы найти его. Наверное, это опять один из этих снов о Грише. Сон о Грише, без Гриши, потому что я проснулась раньше. На городской стене. И умела говорить по-итальянски ...

- Ладно, ладно, подожди. - Тильманн выполз из под простыни и сел. - Подожди, я знаю, что случилось. - Он хотел вытянуть указательный палец, но ткнул им себе в нос. Тем не менее он крепко задумался. Его глаза сузились. - Всё это можно объяснить. Живущие на свободе кошки, любят ночью проводить конференции, это известно. Может быть они подумали, что ты принесла им что-то поесть. Это первый пункт. Пункт второй: ты бродила во сне. Такое случается, не так ли? С тобой такое уже было?

Я кивнула. Ничто так сильно не утишало, как его объективность и я хотела услышать больше.

- Тогда ты, наверное, отдала ключ внизу во сне, вышла на улицу, и никто не заметил, что ты на самом деле ещё спала.

Я ничего не ответила, хотя сомневалась в версии Тильманна. Как бы я это сделала? Но я также одела платье, которое лежало в самом низу чемодана.

- Пункт третий. Портье. Говорила ты или он?

- Говорила я. Он сказал мне только спокойной ночи.

- Как по-итальянски будет спокойной ночи? - На слове по-итальянски, Тильманн немного споткнулся, но тут же снова овладел языком.

- Buona notte. - По крайней мере это мне известно.

- Хорошо. Это доказательство, что тебе не нужно знать итальянский лучше, чем ты знаешь, чтобы понять, что он сказал. - Тильманн прижал кулак к губам, чтобы подавить ещё одну отрыжку. И всё же до меня дошёл слабый аромат зайца. - Наверное, ты по привычке заговорила с ним по-немецки, а он понял тебя только потому, что это типичная просьба туристов, не так ли? И даже если не понял, ему всё равно было ясно, что ты хочешь получить ключ и конечно же он тебя вспомнил. Твоё лицо не возможно быстро забыть, Эли.

Логика в словах Тильманна была убедительной, и в этот момент я хотела поверить в неё, чтобы можно было лечь и немного поспать. Но мой страх сомневался в его конструкции. Для этого, разговор с портье был слишком естественным, а я сама слишком уверенная и обаятельная. Собственно, это не мой стиль, даже если я часто хотела быть такой. Ко мне скорее подошло бы сесть где-то возле отеля и ждать всю ночь, пока не проснётся Тильманн или начнёт меня искать. Но бесполезно ломать голову в этот поздний час, потому что не смотря на страх, я не чувствовала себя в опасности, а рядом с Тильманном пережила уже и совершенно другие невзгоды.

Мы потушили свет, чтобы не привлекать ещё больше мотыльков, чем уже сейчас порхало в комнате, и спина к спине заснули, готовые в любую секунду напасть на привидения, кружащих вокруг нас и прогнать их.

Мёртвая зона

- Пауль, внимание, грузовик! Пауль!!

- Блин, Пауль, да сделай что-нибудь ....

- Пауль, проснись! Пауль!

Не двигаясь и не присоединяясь к крикам Джианны и Тильманна, я со странным спокойствием смотрела на то, как наша машина всё больше приближалась к тяжёлому грузовику рядом, с другой стороны нас тоже теснили. Грязная стена грузовика находилась теперь в нескольких миллиметрах от кузова Вольво. Она раздавит нас, как нога слона крошечного жучка. Водитель даже, наверное, нас не видит. Я наблюдала за ситуацией, как будто речь шла о научном эксперименте, с интересом и уместным напряжением, но не особо взволнованно, пока не проснулся Пауль и начал сигналить, спасая наши жизни. Понадобилось несколько секунд, прежде чем водитель грузовика понял, что там на трассе, есть кто-то ещё, а он на грани того, чтобы переехать наше Вольво. Бесконечно долгие секунды, во время которых мы молились, чтобы всё закончилось быстро или же случилось чудо.

Судьба выбрала чудо.

Сигналя, как и мы, обе грузовые машины разъехались в стороны и освободили нам дорогу. Однако Джианна перестала кричать только тогда, когда Пауль свернул на обочину и выключил двигатель. Какое-то время он просто сидел, словно окаменев, положил свои красивые, большие руки на нагретый руль. Потом он открыл дверь и вышел из машины, перелез через ограждение и спустился несколько метров вниз в колючий кустарник, который стелился возле автобана. Мы находились вблизи от Бари и конечно же не смогли избежать полуденного зноя, потому что, когда проезжали мимо Рима, как раз попали в час пик, каждый спешил на работу. Чем дальше мы двигались на юг, тем более криминальным становилось вождение водителей, а теперь Пауль ещё и заснул за рулём.

Джианна, Тильманн и я тоже вышли, посматривая на Пауля. Кустарник вёл к высохшему руслу реки, в сторону которого Пауль теперь шагал, приглушённо ругаясь. Вокруг нас всё выглядело также, как ландшафт в вестернах. Можно было встретить даже кактусы высотой с человека, мясистые, матово-зелёные растения, с опасно выглядящими колючками, на отростках которых росли, похожие на инжир, фрукты.

Мы, по камням и валунам, последовали за Паулем. Приходилось быть осторожными, чтобы не вывихнуть лодыжку. Русло реки настолько пересохло, что каждый шаг поднимал пыль. Пауль перестал ругаться и смотрел на нас уставшим взглядом.

- Успокоились? - спросил он коротко. Мы кивнули. - Знаете, что сейчас занимает мои мысли? - Мы испуганно сказали нет. Нервы Пауля были до предела напряжены и в таких ситуациях лучше ограничится всего парой слов или вообще ничего не говорить и позволить спокойно расслабиться. Весной он набросился на меня, потому что я не хотела отступать в одной из наших дискуссий. Позже я обосновала его агрессивность, следствием того, что его атаковали, но не знала, улеглась ли уже полностью скрытая готовность к насилию. Если процитировать мою любимую поговорку: берегитесь бед, пока их нет.

- Мы предприняли эту поездку, чтобы убить Мара и освободить отца из когтей Маров. Правильно?

- Правильно, - пробормотали мы хором.

- А вы сходите с ума уже только из-за того, что слишком приблизились к грузовику?

Джианна покусывала внутреннюю сторону губы, я обстоятельно разглядывала большой, обточенный водой камень, лежащий прямо перед ногами, Тильманн уставился в небо, где ничего не было, кроме яркого, солнечного света. Небо было даже не голубым, а белым.

Мы все трое не осмеливались сказать, что Пауль только что заснул за рулём и сложившаяся ситуация — его вина.

- Ах ..., - пренебрежительно воскликнул Пауль и ушёл, волоча ноги по земле и не выпуская Вольво из вида. Джианна какое-то время стояла, потом последовала за ним на безопасном расстоянии. Слова Пауля попали в самую цель, но по другой причине, чем он рассчитывал. Он думал, что мы не можем справится со всей этой историей. Я же думала, что эта история не вписывается в то, как развивалось наше путешествие. Мы всё больше вели себя, как самые обыкновенные, немного уставшие туристы, которые ехали отдохнуть в летний отпуск. И виновата в этом эта страна. Италия не оставляла нам никакого шанса заняться нашим непосредственным замыслом. Она овладела всем нашим вниманием, как в положительном, но чаще всего в отрицательном смысле. В одиноком доме на фьорде, может и можно спланировать убийство, но не здесь, не на этой жаре и ни с этими крайностями, с которыми нас постоянно сталкивала страна. Для меня было загадкой, почему именно на этом кусочке земли проявились и могли развиваться дальше, такие криминальные энергии, как Калабрийская мафия.

Где-то с одиннадцати утра мы находились словно в инкубаторе. Когда температура поднялась до 50 градусов, внутренний термометр Вольво вышел из строя и показывал теперь лишь разорванные, бессмысленные цифры. Наши немногие, тонкие вещи прилипли к коже, волосы стали мокрыми от пота. Поведение итальянских водителей требовало от навыков вождения Пауля последних сил, а зоны обслуживания на дорогах, были не только очагами эпидемий, но и очень опасны, потому что там творили бесчинства банды. (Всегда, когда у меня возникали эти мысли, я не могла поверить в то, о чём думала. Но так и было.)

Когда мы в первый раз сделали остановку после Рима, Джианна твердила нам, чтобы мы никогда не оставляли стоять автомобиль без присмотра и не успела она договорить, как к Тильманну подошёл молодой, нескладный итальянец и попытался уговорить купить DVD-рекордер, в то время как другой ждал, что мы примем участие в торге. По словам Джианны, это и есть их план: посильнее отвлечь, чтобы за нашими спинами, можно было утащить из машины важные, ценные вещи. Особенно туристов с севера, благодаря жаре и их усталости, было легко одурачить. Поэтому они набрасывались на них как стервятники.

Скорее забавным я считала осознание того, что итальянцы с юга считали меня блондинкой, хотя цвет моих волос явно попадал в категорию брюнетки. Но всё, что находилось на голове женщины и было светлее, чем чёрный, заставляло их гормоны бурлить, и просыпались охотничьи инстинкты. Ещё никогда по пути от машины к бензоколонке мне не свистели и не кричали так часто вслед, как здесь. Когда это случилось, Джианна научила меня одному предложению, которое должно было помочь не подпускать близко поклонников. В переводе оно означало ничто иное как «Чего тебе надо, сюнька?» и точно формулировало то, о чём здесь шла речь, сводя похотливого итальянца к тому, что в нём заявляло о себе.

Это предложение, звучащее также вульгарно, как и то, что оно имело ввиду, я решила использовать лишь в крайних случаях. Не смотря на весь мой скептицизм по отношению к итальянским уверениям в любви, я считала его очень оскорбительным. Но после этих флиртовых нападений, даже Тильманн стал относится к своей роли защитника более серьёзно. При нашей следующей остановки он, как телохранитель, занял позицию рядом, защищая от дальнейших гнусных словесных атак. И действительно, альфонсы держали себя в руках, однако прекратились только словесные атаки, взгляды остались.

Меня отвлекали не только окружение и люди. Также мои различные функции тела не допускали, чтобы я занялась нашими планами или даже смогла понять их масштаб. После того, как моё ускоренное пищеварение (макароны!), уже перед Тильманном, выгнало меня из постели, а кровообращение обеспечивало только самое необходимое, я отнеслась ко второму этапу путешествия, как однажды к национальным юношеским играм в школе. К сожалению, от них нельзя было уклониться, однако хотелось закончить прилично и с дисциплиной, потому что

ещё хуже, чем национальные юношеские игры - это национальные юношеские игры, с которыми не справился. Я пила достаточно воды, ходила по-маленькому, только в кусты, а не в туалет и надеялась, что мой минимальный рацион питания удержит пищеварение в узде.

Но как только что указал на недостатки Пауль, даже мелочи выводили нас из себя. Например, короед, который во время обеда, упал мне за шиворот с одной из образующих тень сосен. Однако в то время я ещё не знала, что речь идёт о короеде, а, извиваясь и крича, предполагала самое худшее. Но была слишком возбуждена, чтобы посмотреть. Боялась, что у меня сдадут нервы, если загляну за вырез футболки и увижу волосатые ноги огромного паука. Поэтому я схватила тварь через материю и раздавила пальцами. На рубашке распространилось жирное, коричневое пятно, от которого исходил строгий, смолистый запах. С тех пор я воняла короедом и выглядела так, будто намазала себя экскрементами.

Все эти большие и маленькие события привели к тому, что я чувствовала себя настолько трезвой, как никогда в жизни, не принимая в расчёт нашу общую чувствительность. У меня, как и у остальных, был сильный стресс, и мы все жутко устали, но мой лунатизм и странное видение перед заброшенным домом, казались сном из давно прошедших времён. Сегодня, в этот день, не существовало даже унции магии, и мне казалось бестактным то, что Пауль вообще упомянул о Тессе. Разве мы не могли сначала просто приехать на место, прежде чем начнём думать о том, почему мы на самом деле здесь?

Выжидая, Тильманн и я оставались стоять на палящем солнце и смотрели вслед Джинны, которая догнала Пауля и начала уговаривать его.

- Он хромает, - сказала я с тревогой. - На правую ногу. Кажется, у него болит колено.

- Это точно от секса, - сказал Тильманн. - Миссионерская поза отражается на суставах.

- Знаешь, что-то в последнее время ты слишком зациклен на сексе?

- Что значит зациклен на сексе? Оба ещё не так долго вместе и трахаются до тошноты.

Ясно ведь, что это в какой-то момент скажется на костях.

Я позволила Тильманну остаться при своём мнении, потому что Джианна как раз возвращалась назад, в то время как Пауль пинал камешки.

- Дайте ему ещё пять минут, - выступила Джинна посредником между моим братом и нами. - Он нехорошо себя чувствует.

- Чёрт, - прошептала я, как и вчера, меня мучила совесть. Я слишком много ожидала от брата. Ему совсем недавно удалось сбежать от своего Мара, у него блокада сердца, он страдает от остеоартроза в коленях и спине и почти постоянно борется с мокротой в бронхах. Кур на северном море, был бы куда более подходящим для него отпуском. - Нам нельзя было брать его с собой, - произнесла я то, о чём думала.

Джианна решительно покачала головой.

- Он никогда не позволил бы тебе поехать одной. Он чувствует себя ответственным за тебя, а также в отношении твоего отца. Кроме того, он хочет дать что-то взамен за то, что ты, ради него, взяла на себя. - Она изогнула губы в полную понимания ухмылку. – Также речь идёт немного о мужском достоинстве. Поверь мне, он смотрит на всё так, будто это его личный долг помочь тебе найти вашего отца. Ведь он так много лет обвинял его во лжи.

С нехорошим чувством в животе я наблюдала за тем, как Пауль, хромая, ходил туда-сюда, пинал камни и в конце концов вернулся к нам.

- Поехали дальше, - бесцеремонно призвал он нас лезть снова в машину.

Последние 200 километров тянулись бесконечно, потому что мы ехали преимущественно по серпантинной дороге, прямо возле моря. Между тем разрыв между нашими общими чувствами и тем, что мы намеревались сделать в этой стране, казался мне всё более непреодолимым. Я была теперь действительно только отдыхающая, которой хотелось наконец приехать на место и привести себя в порядок. Может быть дом в горах направит меня снова на

правильный путь и донесёт до моего сознания наш замысел. Я представляла себе имение, в виде традиционного земельного владения, такого, как мама фотографировала на Ибице. Отремонтированный фермерский дом, с большим садом и древними деревьями, взобравшись на которые, можно окинуть взором весь пейзаж. А также увидеть Мара, высотой в метр пятьдесят, приближающегося крошечными шашками и пытающегося разрушить счастье Колина. Дом должен быть крепостью, как Верукккьо, только меньше, с толстыми стенами, за которыми мы сможем спрятаться.

Лишь когда автомобиль затормозил, это вырвало меня из мечтаний. Моя правая ягодица замлела, нижняя сторона бёдер прилипла к сиденью, а ноги казалось опухли. Я приподняла волосы, чтобы ветер смог охладить затылок, но не смотря на широко открытое окно сквозняка не было. Первое, на что я обратила внимание в новом окружение, это рёв цикад. Не осторожное, сдержанное стрекотание, а громкое и агрессивное, так что почти нельзя было разобрать своих собственных слов. Я высунула голову из окна и огляделась. Пауль уже выходил.

- Где мы? - крикнула я скептически. Море находилась справа, наполовину скрытое за рядом домов, но так близко, что был слышан мелкий прибой. Слева тоже тянулся ряд домов. Пыльная не асфальтированная улица, с домами справа и слева. Хорошо, и что дальше?

- Мы приехали, Эли, - сказала Джианна. - Ты не хочешь вылезти из машины?

Нет, я не хотела. Нет! И другим тоже не советовала. Это не то место, которое нам нужно. И никогда им не будет. Должно быть произошла огромная ошибка. Но когда никто не вернулся в машину, и они оставили сидеть меня одну, я открыла дверь, вышла и последовала за ними. Джианна как раз открывала низкие, железные ворота, ведущие во двор, где несколько каменных ступенек поднимались на террасу, к которой примыкал небольшой, ничем не примечательный дом. Терраса, выходящая на улицу. Что же, просто замечательно. Витрина торгового центра более уединённое место, чем этот дом.

Великолепным был также решётчатый ящик несколькими метрами дальше, куда жители складывали мешки с мусором. Только благодаря шуму цикад не было слышно, как жужжат мухи. Но всё-таки существовало кое-что, что могло заглушить цикад: итальянская железная дорога. Оглушительно шумя, за домом прогремел поезд.

Нерешительно, но в тоже время полная гнева, я зашла в ворота и поднялась по небольшой лесенке к остальным. Они как раз ждали, что Джианна откроет входную дверь. Я взяла её за руку и оттолкнула в сторону.

- Тебе даже не стоит открывать, Джианна, - заворчала я. - Этот дом не подходит. Он находится возле моря!

- И что с того? - спросила она беспомощно. - Это проблема?

- Конечно же это проблема! - заорала я. У меня больше не осталось сил контролировать себя. Лишь совсем недавно я переварила разочарование вчерашнего вечера. Для того, что происходит сейчас, у меня просто их не хватит. Несколько детей, катающихся на своих ярких велосипедах туда-сюда, остановились рядом с Вольво и с любопытством взирали на вверх нас. Я проигнорировала их, хотя мне хотелось наорать на них. Джианна скрестила руки на груди и отошла на шаг.

- Тесса ненавидит море, она его боится! А мы останавливаемся в доме возле моря, чтобы заманить её? Теперь то ты понимаешь?

Рот Джианны свело судорогой.

- Может тебе следовало сказать мне об этом раньше! Как по-твоему, куда ты думала мы едим?

- Туда, что ты так нахваливала - в уединённую усадьбу в горах!

- Я ничего не нахваливала и никогда не упоминала горы! - заругалась Джианна в ответ. - Тебе следует научиться слушать, тогда ты поняла бы, что Верукккьо не курорт, как ты себе представляла. Тебе невозможно угодить, Эли. Сначала строение для мадам слишком далеко от моря, теперь слишком близко – чего ты на самом деле хочешь? Боже, ты не можешь просто расслабиться и быть немного более снисходительной.

- Речь идёт не о том, чего хочу я, речь идёт о том, что привлечёт Тессу, а море к этому точно не относиться! Оно удерживает её на расстояние! Разве я тебе этого не говорила?

- Ты сказала, что Колин сбежал на корабли и острова! Это не остров! Это самый обыкновенный пляж и совершенно безобидный!

Да, такой безобидный, что здесь даже нет настоящих волн. Прибой, капитулирующий перед не особо идиллическим берегом с галькой, даже не заслуживал такого названия. В немецком, искусственно выкопанном озере, существует больше волн, чем в этом супе. И всё же это море, вода простирается до самого горизонта, и я серьёзно задавалась вопросом, как нам привлечь на эту территорию Тессу.

- Успокойся, Эли, - вмешался Тильманн, используя одно из своих затасканных стандартных изречений. - Тесса где-то здесь внизу, я не думаю, что этот пляж помешает её прийти, если Колин и ты ... ну, да. - Он воздержался от того, чтобы закончить предложение. Наверное, ему казалось невозможным, что кто-то может быть счастлив со мной. В любом случае моё внимание больше уже не принадлежало ему, потому что в доме рядом, который между прочим был красивее и больше, а заросли пышнее, чем у нашего, молодой парень в плавках встал в саду под душ, громко при этом напевая.

- Кто это? - Я, сверкая глазами, угрожающе посмотрела на Джианну. Значит мы находимся не только прямо возле моря, но ещё и окружены другими людьми. Даже детьми, которые всё ещё разглядывали нас большими глазами, не желая отказываться от этого тевтонского зрелища.

- Андреа, - ответила Джианна вынуждая себе говорить спокойно. - Это Андреа. И ...

- Андреа? Ты шутишь? Это же мужчина! - Это явно мужчина. Он как раз намыливал свои, до самых плеч, разросшиеся волосы на груди, сопровождая всё это новой арией, которая вывела из такта даже галдёж цикад. Но уже после короткой паузы они продолжили своё скверное пение, ещё боле амбициозно, чем раньше.

- Андреа это мужское имя, Эли! - Она права. Андреа. Андреа Бочелли, например. В конце концов он попадался мне постоянно при моём исследование. Мой мозг превратился в месиво. - И не нужно сразу взрываться, чаще всего он здесь только по выходным.

- Что же, тогда будем надеяться, что Тесса нападёт в рабочий день, - ответила я язвительно.

- Я думала она не придёт, потому что мы слишком близко к морю? - Джианна выпрямилась в полный рост воительницы. От её глаз остались одни щели, и она посылала в моём направление одну ядовитую стрелу за другой.

- Мне что, обрызгать вас из шланга водой? Или же вы утихомиритесь сами? - вмешался Пауль. Решительно он забрал из рук Джианны ключи, нашёл подходящий и открыл деревянную дверь. - Советую сейчас же успокоиться, не то я закрою вас в машине. Эй, ребята, мы возле моря и, наверное, первые люди в мире, кто сердиться по этому поводу. Да, такое встретишь только в комиксах.

Ворча, мы подчинились. Внутри этого дома тоже воняло нафталином. Так как в каждой комнате окна были закрыты ставнями, нам пришлось включить свет, чтобы что-то увидеть. Люстр не было. Без всяких украшений с потолка свисали лампочки, подвешенные к кабелю. Мы быстро всё осмотрели, не говоря друг с другом ни слова, да и не нужны были слова, чтобы сигнализировать мне и Тильманну, что Джианна и Пауль поселяться в единственной настоящей

спальне в доме, большой комнате со старомодной кроватью с балдахином. Окно этой комнаты, выходило в сад, она находилась прямо за ванной и кухней, одна дверь которой вила на улицу.

Сначала я осмотрела всё снаружи и мне стало немного легче. По крайней мере сад достаточно большой, чтобы дать Луису временное жильё. Пустой сарай мы выложим соломой и переделаем его в конюшню. На квадратном кусочке газона он сможет стоять и немного размять ноги. Потому что это единственное условие Колина, не считая моего обещания, которое я мужественно пыталась забыть, а именно: Луис должен поехать вместе. Хотя этот участок и не предназначается для лошади, но для Луиса самым важным является то, чтобы Колин находился поблизости. Колин, можно сказать, это его стадо.

В первый раз за несколько часов я снова сознательно подумала о Колине, что сразу же удручило меня. Наверное, он посмеётся над нами, когда увидит этот дом. Или же, его наоборот устроит, что для нашего плана мы выбрали такое скверное положение, потому что таким образом, мы даже не поддадимся искушению реализовать его. Колин уедет, и мы не сможем вновь сблизиться. Мой вздох потонул в рёве цикад. Колину здесь не место, даже ещё меньше, чем мне самой. А мне так его не хватало; со вчерашнего дня даже ещё больше, чем когда-либо. В его присутствие мои чувства редко становились мне собственным врагом. При условии конечно, если он как раз не похищал мои воспоминания или нам не нужно было победить в схватке перевёртыша.

Но Колина здесь нет и теперь мне нужно найти место, где я буду спать. Не раздумывая, я поднялась по лестнице, по которой чуть ранее, уверено зашагал вверх Тильманн. И добралась до жилого чердака со скошенными до самого пола стенами, к которому присоединялся небольшой балкон и полностью оборудованная ванная комната. Две раскладные кровати стояли рядом друг с другом и ожидали, что их заправят. Жара здесь застоялась, но чердак казался личным царством и был как будто создан для нас двоих.

- Эй, что ты здесь делаешь? - спросил Тильманн, который как раз, с бросающейся в глаза осторожностью, поднимал на свою кровать чемодан. Может быть он начал любовные отношение со своим шоколадом. Да он растает у него в руках, подумала я насмешливо.

- Я ложусь. Или по-твоему я не могу этого сделать?

- Можешь. Но на своей кровати.

- Это моя кровать, - сказала я и засунула мягкую подушку себе под голову, движение, из-за которого по моим вискам опять полился пот.

- Заблуждаешься. Это моя кровать. А другая для моего чемодана. Не принимай это на свой счёт, Эли, но внизу есть ещё две комнаты, а здесь наверху я хочу спать один.

В своей жизни я ещё никогда не была отвергнута настолько унизительно, как только что. Даже отказы Колина в начале наших отношений, было легче перенести. Я исходила из того, что мы будем жить и спать с Тильманном в одной комнате; так же, как в последнюю ночь, так же, как в парильне и прежде всего так же, как несколько недель в Гамбурге. И как же могло быть иначе?

Теперь я поняла, что единственная, кто так думал. Случилось ли это из-за моего поведения вчера вечером? Или же в парильне я слишком приблизилась к нему? Должно быть я его утомляла, в этом всё дело. Кровь бросилась мне в голову, и я не смогла больше сказать ни слова. Но прежде всего, меня переполнял гнев, смешанный со слезами и стыдом. Я попыталась сохранить самообладание и гордость, когда садилась. Очень сложно казаться гордой, когда ты так обижен, весь потный и растрёпанный, как я.

- Как же мне не принимать это на своё счёт? - О Боже, теперь я ещё и умолять начала.

- Потому что это не относится лично к тебе. Мне хочется уединения, разве я прошу о многом? В прошедшие месяцы мы были постоянно вместе. В Гамбурге, день и ночь, жили в этой маленькой комнатушке. Иногда мне нужно свободно вздохнуть.

- Ага. Значит в моём присутствие ты не можешь свободно дышать. Хорошо об этом знать. Тогда наслаждайся мастурбацией.

Тильманн ничего не ответил, а я воздержалась от того, чтобы посмотреть ему в лицо, потому что дерзкой ухмылки, в стиле Шютц юниор, я бы не пережила. Склонив голову, я обошла вокруг кровати, чтобы не удариться о скошенную стену и держалась рукой за перила, когда спускалась вниз по лестнице. Тильманн Щютц, ты огромная задница, думала я в бешенстве. Совершенно никакого такта, никакой предупредительности, никакого инстинкта в отношении эмоций других.

Кровь всё ещё стуча, бурлила в моих щеках, когда я выбрала «свою» комнату. Выбирать осталось только из двух: тёмный, со спёртым воздухом салон, с раскладывающейся кроватью и длинным столом, включая стулья и огромную витрину и побеленная комната, в которой стояли только шкаф и кровать. Как и везде в доме, пол был выложен прохладными терракотовыми плитками. Напротив кровати две застеклённые двери вели на террасу с крышей. Я открыла их, а ставни оттолкнула в сторону. Прямо передо мной стоял круглый стол с пластиковыми стульями; подходящие подушки были сложены на кровати позади меня. В салоне мне не хотелось ночевать, он слишком мрачный и мне от него жутко. Здесь же я была у всех на виду. Тессе требуется лишь зайти, поднять меня с кровати и высосать. Потому что при закрытых дверях я просто погибну от жары. Для кондиционера, очевидно, у Энцо не хватило денег. Фактически я буду спать на улице.

Как в трансе я осталась стоять на террасе и наблюдала за игрой листьев на белых тополях, которые возвышались прямо рядом с забором дома. Да, поднялся лёгкий солоноватый ветер. Осторожно я взглянула на соседний дом. Андреа закончил душ-оргию и с полотенцем за спиной и шлёпанцах на загорелых ногах замаршировал по тропинке своего сада.

- Buona sera! (итал. добрый вечер) - громко закричал он и весело мне помахал. - E benvenuti in Italia! (и добро пожаловать в Италию)

Я тоже подняла руку и, хотя солнце ещё стояло высоко в небе, попыталась сказать «Buona sera», что получилось у меня совершенно не мелодично. Потом закрыла ставни, освободилась от влажных вещей, одела бикини, а сверху набросила лёгкое пляжное платье - и это лишь потому, что мне казалось не подходящим ходить по дому в одном лишь бикини. Насамом деле, совершенно голой, было бы более подходящим вариантом в этой бесчеловечной жаре. Я взяла с кровати подушку, положила её на каменные ступеньки, ведущие в палисадник - не для того, чтобы защитить зад от холода, а чтобы избежать ожогов - и села. Устало я опёрлась локтями о колени и положила голову на руки.

Я слышала, как гудя, приблизились несколько велосипедов, притормозили и поехали дальше. Да, детям есть на что посмотреть в эту вторую половину дня. Я стала центром большого итальянского паноптикума, неожиданный экзот, в манеже летнего места проживания.

- Вот, выпей, ты старая ведьма. - Джианна села рядом и протянула мне стакан воды, в которой шипучая таблетка всплыла на поверхность. - Витамины и минералы. Может быть тогда ты снова вспомнишь манеры поведения.

Ничего не ответив, я сделала глоток. Лопающиеся пузырики на языке были приятны. Да, магний поможет моим нервам. Нам всем нужна порция побольше.

- Grazie (итал. спасибо), - пробормотала я. Мой итальянский звучал ужасно.

- Кстати воду из под крана не стоит пить, а также делать из неё кубики льда. Лучше всего чисти зубы с питьевой водой из бутылки. И, ну, в течение дня воду часто отключают. Нам

следует наполнять утром несколько вёдер, чтобы иметь немного в наличии. Для туалетов и всё такое.

Этот отпуск всё больше становился настоящим курортом. Наверное, нас ожидали также ядовитые животные и болезни, которое на самом деле считались уже давно уничтоженными.

- Кроме того, вам стоит проверять матрасы, прежде чем ложитесь в кровать. На всякий случай. В доме долго не жили и в нём могла поселиться ... кое-какая нечисть.

- Нечисть?

- О, лишь крошечные скорпионы или змеи, но по-настоящему опасны, здесь на юге, только чёрные вдовы, а они встречаются исключительно в Апулии. - И, не стоит забывать, на моём чердаке в Вестервальде. - Скорпионы не особо ядовиты; тем не менее не хочется спать с ними в одной кровати, верно?

Нет, не хочется. Я задавалась вопросом, что собственно мы будем делать здесь весь день. Дом покрывал наши основные потребности. Плита и холодильник для пропитания, кровати, чтобы спать и две, покрытые плитками в постельных тонах ванные, для ухода за телом. Больше ничего нет. Ни телевизора, ни компьютера, ни книг, ни музыкальной системы, не считая крошечного радио на кухне. Большими, жаждущими глотками я опустошила стакан и поставила рядом с собой на ступеньку.

- Нет, - сказала Джианна и забрала его у меня, положив мне в обмен на колени полотенце. - Это привлечёт термитов. - Прекрасно. Значит термиты тоже принадлежат к нашей новой семье.

Джианна отнесла стакан на кухню и сразу же снова вернулась ко мне. Деревянная подошва её шлепок стучала по гладким плиткам.

- Что делает Тильманн?

Так как Джианна больше не села рядом, я застонав встала. Если сегодня вечером не станет по крайней мере на пару градусов прохладнее, то я не переживу этот день.

- Мастурбирует, - ответила я ядовито. Джианна подавила усмешку.

- Пауль тоже прилёг. Надеюсь чтобы поспать. Тогда мы оба пойдём сейчас купаться.

Я думала это смехотворно, сделать что-то такое невежественное, как пойти поплескаться в Средиземном море, но Джианна не допустила никаких возражений. Случилось то, на что она намекнула вчера: здесь, глубоко на юге, она казалась более суверенной и уверенной в себе. Я бледнела по сравнению с ней, не только из-за моей бледной кожи. Джианна быстро освоилась, в то время как меня мучило каждое новое ощущение. Здесь всё такое яркое! Калитка захлопнулась за нами, и мы пошли по узкой тропинке, ведущей между двумя большими и явно более роскошными особняками к пляжу. Ящерицы принимали солнечные ванные, притаившись в щелях стен и беззвучно исчезали, как только чувствовали наши шаги.

Когда мы дошли до песочной гальки, мне нужно было сделать паузу. Я выдохлась. Тяжело дыша, я смотрела на море. Я не знала, что на юге существуют такие вытянутые в длину, пустынные пляжи. Да, некоторые люди сидели группами на ярких простынях, засунув в грубую землю зонтики, но между их лежанок оставалось достаточно места, чтобы построить дом, а в отдаление от улицы, из которой состояло наше крошечное селение, ничего не было видно, кроме жёлтых, засохших кустов дрока, да серости раскалённого грунта. Никаких пляжных баров, душа или раздевалок. Здесь купался только тот, кто жил в одном из домов, расположенных в двух рядах и у кого был пляжный душ в саду, как у Андреа.

Джианна ждала, пока я отдохну, но я чувствовала её нетерпение. Она хотела окунуться в воду. И внезапно мне тоже захотелось, да побыстрее. Две минуты спустя, мы стояли по живот в воде, покачиваясь на нежных волнах и от неожиданности я весело рассмеялась.

- Да она совсем не холодная! - воскликнула я и провела пальцами по прозрачной синеве. Я могла видеть свои ноги. С наслаждением мои пальцы ног врезались в мягкий песок, прежде чем я оттолкнулась и медленно погрузилась в воду, так что она заключила меня в объятья. Я с удовольствием осталась бы на дне моря несколько минут, чтобы охладить тело, но мои плохо натренированные лёгкие, уже после нескольких секунд, заставили меня подняться на поверхность. Да, здесь я должна дышать сама. Здесь нет по близости Камбиона, который позволял бы мне пить свой воздух.

Чтобы отвлечь себя от Колина, я посмотрела на пляж, к которому приближались Пауль и Тильманн. Всё-таки они не остались в постелях. Без нас не выдержали. Пауль всё ещё хромал, а быстро поставленный ранее диагноз Тильманна, напомнил мне о ночи перед нашим отъездом.

- Кстати мне очень жаль, что я помешала вам позавчера в вашем ... э ...

- О, ничего страшного! - великодушно заверила меня Джианна. - Пауль всё-равно как раз не мог продолжать. Он был в замешательстве.

- Никаких подробностей, - запретила я дальнейшие описания. Джианна, которая уже открыла рот, снова его закрыла и сглотнула.

- Ну ладно. Красивые парни, правда?

Да, красивые, хотя Пауль как раз преувеличенно имитировал походку от бедра, притягивая на себя взгляды всех купающихся. Это было одним из его коньков. Таким способом он обращался с сексуальным заблуждением, в которое вверг его Францёз и мы все охотно принимали это. Тильманн смеясь и немного задумчиво, провёл по животу рукой.

- У тебя иногда не появляется искушения? - спросила Джианна заговорщицки и пнула меня под водой коленом.

- Не сегодня, - ответила я сухо. - Нет, серьёзно, на самом деле никогда. Мне он очень нравиться, во всяком случае в большинстве случаев, но Колин ... Колин неповторим. Во всём. Я так думаю.

Джианна подставила руки под волны и смочила свои тёмные волосы.

- Мне он нравится, знаешь?

- Кто - Тильманн? - Я снова рассмеялась. Большую часть времени Джианна его игнорировала, а если обращалась, тогда скорее по-матерински строго, а не дружелюбно или даже ласково.

- Нет. Он тоже, но он не воспитанный, дерзкий хам. Нет, я имею в виду Колина. Он мне нравится. Я его боюсь, но ... уважаю. Я считаю его выдающимся. Он наш трагичный герой.

Слова Джианны вызвали во мне глубокую, болезненную меланхолию, сделавшую меня беспомощной и маленькой.

- Джианна, что нам теперь делать? - вырвалось у меня. - Что вообще мы здесь делаем?

Пауль и Тильманн добрались до прибоя, вылезая из своих футболок.

- Очень просто, Эли. Сегодня мы не будем ничего делать. И завтра тоже. Колин даст нам время, чтобы мы привыкли, и мы его используем. Пока его здесь нет, Тесса не придёт. Это ведь так, не так ли?

Я кивнула. Да, это обещание я могла дать Джианне. Я бы почувствовала, если бы она была по-близости. Но её не было. В этот момент, когда волны так мягко и играючи накатывали на мой живот, я совсем не была уверенна в том, существовала ли она вообще.

- Ладно, тогда я скажу тебе, что мы будем делать, - продолжила Джианна. - После, мы спокойно пойдём и купим продукты, приготовим себе что-нибудь поесть, сядем на террасе и выпьем красного вина, пока температура не понизиться ниже 25 градусов. Мы не будем делать ничего другого, а именно это. А завтра, а возможно лишь послезавтра, подумаем ещё раз о формуле. Не раньше.

Ничего не делать. Это звучало банально, слишком желанно. Действительно ли Джианна хотела подождать, дать пройти времени, прежде чем мы заговорим о формуле? Разве это не слишком рискованно? Но у меня наготове не имелось идеи получше. И разве она не предлагала именно то, к чему я так стремилась всю весну? Купаться в море, наслаждаться солнцем, отдыхать? Больше не думать, лучшего всего вообще ничего не чувствовать? Не стоит ли мне отведать немного всего этого, прежде чем ужас возьмёт своё?

И я попыталась отведать, сначала рассеянно, не могла наслаждаться, но после двух продолжительных схваток на воде с Паулем и Тильманном, во время которых я подавилась смехом, выплёвывая солёную воду, горячей битве за два душа в доме и молниеносного обеда, который Джианна приготовила нам, меня, во второй раз после Гамбурга, охватила успокаивающая уверенность в том, что я смогу проспать всю ночь и возможно даже увидеть сны.

Молча мы сидели на террасе и прислушивались ко всем звукам в темноте - постоянному стрекотанию сверчков, хрусту шин велосипедов на писке улицы, мелодичным крикам на итальянском языке, которые я не понимала - пока свет в других домах не потух, а моя таблетка от головы наконец начала действовать. Я последняя легла спать, успокоившись из-за уверенности в том, что мы, с самого прибытия, больше не ругались. Они были ещё здесь, рядом со мной, и я не хотела делить этот маленький дом ни с кем другим, а только с Паулем, Тильманном и Джианной. Мы составляли одно целое. Не хватало только Колина.

Не проверив, есть ли там скорпионы, термиты или змеи, я голая, легла на узкую койку, ставни закрыты, стеклянные двери террасы на распашку и позволила непрекращающемуся шелесту белых тополей и шуму моря убаюкать себя, впав в смеренный, целительный сон.

Потому что я была не одна. У меня есть друзья.

Часть вторая - Мания

Сердечные дела

- Что именно, ты на самом деле знаешь о Тессе - ну, я имею в виду о её привычках?

Сначала я почистила ещё один лысый персик и тщательно разрезала его на небольшие кусочки, прежде чем ответила. В течение многих дней мы обходили тему Тесса стороной, а теперь Джианна подняла её, как раз во время нашего скорее молчаливого ритуала приёма пищи. Мы все вместе сидели на кухне и готовили большую миску «Макидония». Это фруктовый салат из всего, что можно найти в саду южной Италии и что предлагает торговец, который каждый второй день, грубо крича через громкоговоритель, мчится по нашей пыльной улице, чтобы обеспечить её жителей витаминами. Итальянцы любят громкоговорители, эта одна из тех вещей, которые я выучила после нашего прибытия. А жару выносить легче всего, когда ешь много фруктов.

Наши обеды состояли из макарон, овощей, рыбы и фруктовых салатов, потому что Джианна придерживалась мнения, что если уж мы направляемся навстречу смерти, то должны, по крайней мере, сделать это здоровыми и откормленными. Пока мы ещё не заходили дальше неправдоподобных вялых замечаний, когда кружили вокруг темы Тесса, так как ещё никому из нас не пришла в голову идея, как осуществить загадочную формулу. А если кому-то и пришла, то это держали в тайне. Хотя мы, из-за Тессы, приехали на её родину, всё же объявили её негласным запретом. Как и все другие запреты, этот тоже был очень опасным.

- Я знаю не особо много, - призналась я со вздохом. С размаху забросив кусочки очищенного персика в чашку. Джианна подлила немного лимонного сока, чтобы затем энергично помешать салат, в то время как я размышляла над тем, как мне лучше всего преподнести мои знания о Тессе, не оскорбив при этом Колина. - О её жизненных привычках я собственно, почти ничего не знаю. Только о её привычках охотиться. Но возможно это тоже самое.

Мои встречи с Тессой были скорее односторонними. Я видела её, а она меня нет. Я считала её неприятной, глупой и злобной. Почти невозможно описать её безграничную жадность, которая особенно тогда определяла её действия, когда она находилась рядом с Колином. Охмелев от желания совокупиться, она становилась непредсказуемой. В остальном она вероятно, следовала одним и тем же законам, как и любой другой Мар: днём отдыхала, ночью охотилась.

- Может быть, Тильманн сможет сказать больше, - предложила я, после того как несколькими предложениями представила Джианне мои теории. В конце концов Тильманн воспринял её иначе, чем я. У Колина мы не могли спросить совета. Его здесь ещё не было.

- Да, возможно он и сможет, - пробурчала Джианна и начала резать на куски импортированный банан. - Если граф Кокс снизойдёт до того, чтобы поговорить с нами, а не будет появляться только во время трапез.

- Хм, - сказала я. Мы все были не особо общительны, потому что жара не позволяла, слишком много думать и говорить, но Тильманн, с нашего прибытия, держался на расстояние, не принимал участие в разговорах и ничего с нами не предпринимал; занимался своими делами. Часами он сидел наверху, на своём чердаке, углубившись в книги, или же лежал на небольшом балконе в тени. Иногда он покидал своё убежище, но только для того, чтобы сходить в туалет или же на террасе набить живот. Иногда нам удавалось уговорить его пойти с нами поплавать, чаще всего в конце дня, когда жара немного спадала, но он никогда не выдерживал на пляже долго и вскоре снова возвращался в свою каморку. Мы не могли понять ни то, что его волновало, ни то, почему он так решительно исключал себя из всех наших

мероприятий и почему именно уединялся. Ведь это он был так одержим тем, чтобы приманить Тессу и предстать перед её лицом - больше, чем кто-либо другой из нас.

- Я думаю, он не способен играть в команде, Эли. - Джианна опустила нож, твёрдо на меня посмотрев. Хватило всего несколько дней, и её оливкового цвета кожа покрылась более тёмным бронзовым тоном, в то время как я боролась с ужасной майорковой акне. У меня появились первые волдыри с обратной стороны колен и локтей и начали чесаться, а после того, как я их расчесала, гореть, как огонь. Но постепенно расчёсанные места начали заживать, и я больше не выглядела, как прокажённый краб.

- Я знаю, что он тебе нравится, - продолжила Джианна, жестикулируя ножом опасно близко пред моим носом. - Но моё первое впечатление подтвердилось: он избалованный, незрелый хам, который пытается увильнуть от всего, что может повлечь за собой работу.

Это правда. Паулю пришлось самому подготавливать конюшню; кроме того, он с помощью Джианны, которая исполняла обязанности переводчицы, организовал доставку тюков сена и соломы. Тильманн даже не пошевелил пальцем, чтобы подсобить ему, хотя Пауль так же страдал от жары, как и он.

Тем не менее, я должна была возразить.

- В действительно рискованных ситуациях, пока что, я всегда могла положиться на Тильманна. Он всегда был лоялен и свою собственную безопасность ставил на последнее место. Он даже предложил себя Францёзу, чтобы проверить, в состояние ли тот ещё похищать!

- Возможно, но люди меняются. У меня такое впечатление, что он хотел улизнуть от школы и своих обязательств, чтобы спокойно возвеличить своё эго. А этого я не потерплю. Джианна ударила ладонью по столу.

Я подошла к раковине и подставила липкие пальцы под кран, чтобы Джианна не увидела мой ухмылку. Меня снова и снова забавляла её чуть ли не властная самоуверенность, которую она проявляла с того момента, как мы оказались в Клабрии. «Матрёна», нежно называл её иногда Пауль, когда она исправляла наш итальянский, вела жаркие дискуссии с мясником при покупке продуктов или выгоняла нас из кухни. Кухня - это её территория и даже мне позволялось заходить в эти священные залы только для того, чтобы нарезать фруктовый салат. Пауль принимал спокойно её обновлённый темперамент, потому что существовало ещё достаточно моментов, когда Джианна нуждаясь в защите, прислоняясь к нему, словно маленький ребёнок, и зависть съедала моё сердце.

Я чувствовала себя одиноко, хотя едва, даже минуту, проводила одна. И чем больше проходило дней, а Колин не появлялся, тем хуже я могла выносить беспокойство. Часто у меня не было аппетита, и я лишь с трудом заставляла себя поесть хоть немного. Сон стал чистой удачей и не только из-за жары, из-за которой потел даже тогда, когда ничего не делал. Из-за неё было сложно дышать. Снова и снова моё сердце начинало неистово биться, потому что казалось, что я не могу вдохнуть в лёгкие достаточно воздуха. Кроме того, мне начало не хватать Тильманна.

Без него я часто чувствовала себя как пятое колесо на телеге. Я не могла смотреть на Пауля и Джианну и не задаваться вопросом, когда наконец приедет Колин. В тоже время меня сверлила тревога о Пауле, потому что по нему всё ещё были видны следы атаки. Теперь, когда мы были так далеко на юге и от Гамбурга, я надеялась, что он в течение нескольких дней оживёт и вернётся к своей прежней форме. Я знала, что он постоянно мучил себя вопросом, как это вообще могло зайти настолько далеко, как он мог дать Францёзу столько власти над собой, хотя тот не заставлял его и не угрожал. Пауль, в свою очередь, наблюдал за мной, пытался прочесть мои мысли и выяснить, что заставляет меня, быть вместе с Маром, хотя тот принадлежит к тем существам, которые принесли нашей семье столько страданий. Мне хотелось чаще говорить с Паулем, проводить с ним больше времени вдвоём, но я слишком

хорошо знала, чем это закончиться: изнурительными дискуссиями о выборе моего партнера и вопросе, не стоит ли нам лучше упаковать чемоданы и сбежать, пока у нас ещё есть шанс сделать это. Таких споров мне не хотелось, ни с Паулем, ни с Джианной. Поэтому я старалась обособиться и допускала лишь поверхностные разговоры, а это, в свою очередь, усиливало моё ощущение внутреннего одиночества. Но теперь нам нужно серьёзно обменяться соображениями, не о Францёзе, не о Колине и не обо мне, а о Тессе.

Снова я повернулась к Джианне, которая критическим взглядом разглядывала фруктовый салат.

- Нам нужно наконец поговорить об этом, не так ли?

Она медленно кивнула.

- Но вместе с Тильманном. Без него не стоит. Он хотел поехать сюда, значит должен принимать участие. Ты позаботишься об этом?

- Я попытаюсь. – Это будет нелегко, всегда, когда я хотела проведать его, чаще всего уже на лестнице, Тильманн отделывался от меня. Он защищал своё маленькое царство яростнее, чем Джианна кухню. И в этот раз тоже, поджидал меня на верху лестницы, прежде чем я смогла зайти на чердак.

- Что надо?

Я подозрительно его разглядывала. Глаза казались стеклянными, а щёки покраснели. Он что, только что спал? Или ... ой-ой, наверное, я действительно поймала его на том, как он занимается любовью с самим собой. Потому что его стеклянный взгляд только что получил компанию в виде идиотской, удовлетворённой улыбки.

- Сегодня вечером мы хотим поговорить о Тессе и нашем плане. Нам нужно найти решение. Мы хотим сделать это с тобой. Ты присоединишься?

- Да, меня устраивает. Чао.

И вот он уже исчез и хлопнул перед моим носом дверью. «Меня устраивает.» Что это вообще за ответ - и почему всё прошло так просто? Он всё-таки не забыл, почему мы здесь?

В то время как я спускалась вниз по крутым ступенькам, собираясь накрыть на стол, я призналась себе, что у меня самой была склонность вычёркивать из памяти то дело, по которому мы находились здесь. Потому что, как только на поверхность моего сознания всплывал наш замысел, я боялась, что в следующую секунду сойду с ума или лопну от напряжения.

Но эта страна была милостивой. Здесь легко обо всём забыть. Благодаря Джианнианым урокам просвещения, я между тем, уже многому научилась об Италии. Я знала, что с двух часов обеда нужно уже говорить добрый вечер, хотя солнце как раз только набирало силу. Я знала, что после обеда итальянцы уединяются на несколько часов и впадают в летаргический ступор, и к этой сиесте они относились очень серьёзно. Я знала, что у них была потребность бродить вечерами по улицам и представать друг перед другом как победоносные герои, после того, как днём, во время купания на пляже, они даже не осмеливались переступить через прибой. Итальянцы с юга не плавают. Они покачиваются на воде. Ведь могла подплыть медуза, одна из ядовитых, которые иногда нечаянно приближаются к берегу. Если такое случалось, кто-то начинал панически визжать «Una medusa, una medusa» и в считанные секунды море совершенно пустело. Итальянцы находились на пляже для того, чтобы загореть, а не для того, чтобы покупаться или даже поплавать. Когда я в первый раз уплыла далеко, Джианне пришлось отговаривать Андреа ехать за мной на своей маленькой моторной лодке, потому что тот думал, что я попала в беду и тону. И как я уже говорила - итальянцы любят громкоговорители. Не только торговец фруктами заботился об оглушительном шуме, мучая свои колонки радиостанцией, где почти только и делали, что крутили рекламу, и в тоже время орал в мегафон. Так же мужчина, развозящий хлеб и торговец металлоломом орали, на чём свет

стоит, как только поворачивали к нашему селению. На берегу громко становилось только два раза в день. Когда диско-катер направлялся с Мандаториччо в Калопеццати и под гудящие басы расхваливал для нас развлекательные заведения в следующем городке. Кроме того, дети итальянцев любят игрушки с громкоговорителями. На улице живёт не так много людей, но они превосходно знают, как обратить на себя внимание.

К счастью, я теперь так же знала, что большинство жителей, это богатые бизнесмены, врачи или адвокаты, которые приезжали в Пиано делл Ерба только на выходные. В течение недели становилось тихо, потому что классический итальянский месяц отпусков - это август, а календарь показывал только середину июня.

Я воспринимала эту кучу новых впечатлений, как фильм, который иногда перенапрягал меня эмоционально. Я не могла просто расслабиться, пока не появится Колин. После нашей адской поездки я могла себе представить, какие тяготы скрывает путешествие, если тянешь за собой прицеп с лошадью и не можешь ехать быстрее, чем сто километров в час. Из-за Луиса, ему вероятно, пришлось включать намного больше остановок, чем делали мы.

Но я считала, что Колину пора бы уже и объявиться. Нет, ради Бога, пока нет, исправила я себя и попыталась глубоко вздохнуть, чтобы изгнать ощущение тошноты в желудке. Мы ещё не говорили о формуле. Если он прибудет сюда сегодня после обеда, то может так случиться, что Тесса возьмёт наш след, а у нас нет ни малейшего представления о том, как нам - я сделала небольшую паузу, прежде чем сформулировала слова в мыслях - убить её.

- Так вот ..., - взяла я на себя трудное начало, после того, как мы, помыв посуду, собрались вокруг стола, стоящего на террасе. Оба геккона цеплялись над нашими головами к потолку и ожидали насекомых. Как уже каждый вечер, они составили нам компанию. Пауль поставил на балюстраду перил несколько свечей в садовых подсвечниках, а рёв послеполуденных цикад уступил место более умеренному пению ночных сверчков. В саду, в мягком воздухе, летали летучие мыши и мотыльки. В целом, это была бы замечательная, романтическая обстановка, если бы нам не нужно было обсуждать такую ужасную тему. - Джианна спросила меня, что я знаю о Тессе. И как я уже сказала ей, я знаю не много. Тесса живёт где-то на юге, возможно на Сицилии, всегда голодна и как только начинает чуять, что Колин счастлив, отправляется в путь.

- Что это значит - отправляется в путь? - переспросила Джианна объективно, но её пальцы дрожали. - Она садится в машину? Или в поезд?

Я невесело рассмеялась.

- Она семенит.

- Семенит? - повторили Пауль и Джианна.

- Да, семенит. Прошлым летом она шла пешком от Италии до Вестервальда. Кажется, будто она видит перед собой точную, прямую линию, по которой следует - как если бы её тянула прозрачная нить. Она очень маленькая, у неё крошечные ступни. Она семенит. Вероятно, не делает ни одной остановки, пока не доберётся до цели.

Джианна пожала плечами от дискомфорта.

- Как по-твоему, сколько ей понадобится времени, чтобы добраться сюда, как только она учует ваше счастье?

- Пару часов? - пробормотала я. - Более точно не могу сказать, но думаю, если бы она была в непосредственной близости, я бы это заметила. Или Тильманн?

Тильманн поднял веки. Всё это время он смотрел, молча, на стол. Но его глаза потеряли свою стеклянность, которая была в них сегодня в обед.

- Тебя что, это совсем не интересует? - добавила я раздражённо, когда он ответил не сразу.

- Интересует. Я, как и ты, тоже не думаю, что она где-то поблизости. Я бы почувствовал. - Он сжал губы, складывая картонную подставку для пива, на котором стоял его стакан с такой силой, что картон начал крошиться.

- Вы уверенны? Эли, разве ты не говорила, что использовала животных в качестве радара?

- Да, по воле случая, чёрная вдова воспринимала вибрацию Тессы. Точно. Я, по её поведению, смогла определить, что она идёт. Но с Францёзом такое не сработало. - Не считая того факта, что Берта, в одну прекрасную ночь, исчезла из своего террариума – и это стало её смертным приговором. Я до сих пор не уверенна в том, что случилось на самом деле, либо я нечаянно не до конца закрыл крышку, либо Францёз постарался. Перед нашим выездом в Италию, я размышляла над тем, чтобы начать снова наблюдать за животными, однако в кругу волков смогла почувствовать Тессу и без помощи животных. У меня развилось на неё чутьё. У Колина тем более. Не только она чуяла нас, мы тоже её чуяли. По крайней мере хоть небольшое преимущество.

- А что насчёт крыс? - возразила Джианна. - Францёза всегда сопровождали крысы!

- Я думаю, крысы следовали за ним по пятам, потому что он любил пребывать в своих отходах. Они чуяли разложение в его теле. Я не думаю, что в этом есть какой-то смысл, без разбора наблюдать за животными. И мне не хочется, чтобы на моём столе снова оказался паук. Я почувствую, когда она направится к нам, поверь мне, а если Тильманн и я не заметим, то Колин обязательно. Он также сможет сказать, сколько ещё остаётся времени до её появления.

Несколько мгновений меня мучила совесть, потому что я скрыла от остальных, что случилось сегодня ночью. Почти не слышное потрескивание на грубой штукатурке стены разбудило меня - потрескивание покрытых хитином ног, которые прокладывали себе путь, осторожно, но всё же неудержимо. Я не включила свет, а ждала, когда мои глаза привыкнут и начнут видеть в темноте. Когда потрескивание исчезло, время пришло. Удлинённая тень, прямо возле моего лица, которая так элегантно и полная сил, прижималась к стене, с каждой секундой её контуры становились всё чётче. Это был всего лишь маленький скорпион, не больше, чем мой большой палец, отмеченный бросающимся в глаза чёрно-жёлтом узором, но само по себе совершенное, идеальное, устрашающее творение, созданное мастером.

Я осталась тихо лежать и благодарила за то, что он пришёл, что мне было позволено увидеть его, быть рядом. Мне хотелось погладить его переполненный пузырь с ядом, внутри которого переливалась горчичного цвета сыворотка, хотелось коснуться его клешней и положить кончики пальцев на его прохладный панцирь. Но я не хотела нарушать его покой. Он не причинит мне никакого вреда, если я не причиню ему. Он всего лишь заблудился и собирался с силами, пока его инстинкты не скажут снова, куда ему идти.

Нет, скорпион ничего общего не имеет с Тессой. Джианна предупреждала нас насчёт этих зверюшек, их укус не опаснее укуса осы, и прежде всего, он вёл себя естественно, и совсем не вредоносно. Я не хотела предавать его. Я даже надеялась, что он придёт опять. Если я упомяну мою встречу с ним, то только вызову чрезмерную истерию.

И насколько я знала Пауля, он сразу же почувствует себя обязанным поиграть в уничтожителя насекомых и отравит весть дом.

- Allora (итал. значит), - вернул меня в настоящее голос Джианны. Образ скорпиона медленно померк. - Вы почувствуете это. По крайней мере хоть что-то. Но как мы её убьём?

- Может, более уместен вопрос, кто её убьёт, - возразил Тильманн.

- Не начинай опять ...

- Именно этот вопрос и является ключевым! - воскликнул Тильманн и смёл остатки картонной подставки на пол. - Именно этот. Колин её не любит и не сможет убить. Радуйся, что это так, Эли! Другого Мара мы не сможем найти. Так что только я смогу сделать это и хочу.

Несколько минут царило молчание. Я не знала, что делать. Предложение Тильманна не так сильно удивило меня, как других, но с другой стороны, моя дилемма стала болезненно-очевидной: я надеялась и в тоже время боялась, что он сделает это.

Пауль угрожающе прокашлялся.

- Собственно я думал, что самое позднее сегодня вечером мы поймём, что всё бесполезно и уедим домой, прежде чем Тесса вообще сможет приблизиться.

- Да ты с ума сошёл, - рассердилась я, хотя знала, что именно это Пауль и скажет. - Я не собираюсь сбегать. Мы сражались за твоё счастье, так что у меня есть право сражаться и за моё. И я хочу найти папу. - Против этих аргументов Пауль бессилен. Вздыхая, он откинулся назад и скрестил руки на широкой груди, но не стал спорить. Мне жаль загонять его таким образом в угол, даже очень. Потому что для него, это снова значило подчиниться решениям других и остаться пассивным. Но никакого другого способа нет.

- Я хочу сделать это, - наседая, повторил Тильманн. - Я убью её.

- Нет. Исключено. Я этого не допущу. Ты несовершеннолетний и ...

- Не начинай нести подобную чушь, Джианна! Несовершеннолетний! - Тильманн пренебрежительно рассмеялся. - Какая вообще разница? Здесь речь идёт о Марах, им тоже наплевать на дату рождения!

- Да, но мне на тебя не наплевать! Я несу за тебя ответственность! Это мой дом, ты живёшь у меня, я не хочу, чтобы твой труп лежал у меня в гостиной, capisci (итал. ясно)?

- Давай по крайней мере подумаем об этом, дорогая, - сказал Пауль спокойным голосом. Удивлённо я подняла на него взгляд. - Только подумаем. Потому что если Колину не удастся покончить с ней, и она нас атакует, то может случиться бойня. Тильманн единственный, кто её любит.

Снова на нас обрушилось ощущение, что нужно помолчать. Единственный, кто её любит. Тильманн не возразил Паулю. Значит, было так, как он утверждал: он любит её.

- Таким образом, мы выяснили только кто сделает это, - покончила я с гнетущей тишиной. - А не как.

- Боль открывает душу ..., - размышляла Джианна, заиграв ногтями по столу, словно на пианино, изнуряющий звук. Я потянулась и прижала её руку к столу, чтобы она прекратила. Этот звук мешал мне думать.

- Но ведь намного важнее подумать над тем, как уберечь Тильманна от превращения! - отвлекла я, потому что та часть формулы, которую процитировала Джианна, с самого начала озадачивала меня.

- Я уже подумал, - ответил Тильманн спокойно. - И у меня есть идея. Только я пока ещё не могу рассказать о ней.

- Тильманн, мы говорим о жизни и смерти, о какой скрытности здесь может идти речь! - Пауль склонился вперёд и предупреждающе посмотрел на Тильманна. - Если уж собираемся ввязаться в это безумие, то каждый из нас должен знать, что делает другой.

- В Гамбурге мы тоже ничего не знали. И что? Ты всё ещё жив, - ответил Тильманн холодно.

Я глубоко вздохнула. Чёрт, он прав. Мы оба не знали, что планировал Колин. Но Колин - Мар. Тильманн же, всего человек, да к тому же очень молодой. Несколько месяцев назад он ещё забрасывал в наши окна камни, с закреплёнными на них картами Таро, чтобы рассказать мне о своём видении, а ночью подстерегал в Гренцбахе Колина, думая, что тот выполняет смелое родео, а не похищает сны у рогатого скота.

- Могу я говорить откровенно? - Пауль коротко прокашлялся. Так как никто ничего не возразил, он продолжил:

- Весной я почти погиб, а моя сестра рисковала своей жизнью, чтобы спасти меня. В это же время я познакомился с моей девушкой, с которой хочу оставаться вместе так долго, как только возможно. Эти оба человека важны для меня. Важнее, чем ты Тильманн. Поэтому для меня лучше, если ты попытаешься убить её, чем если никто ничего не сделает, и Тесса отомстит одной из моих девочек, возможно даже обоим.

Это было очень смело, и наш разговор снова оборвался. Пауль избрал оружие Тильманна. Беспощадную правду. Вообще-то, Тильманн должен быть в состояние справляться с этим. Но заглянуть в свою душу он нам не позволил. Он сидел перед нами с опущенными ресницами и размышлял. Нельзя было сказать, причинили ли слова Пауля ему боль или же поощрили. Возможно, что Пауль только потому так провоцировал его, чтобы тот сдался. Но я знаю Тильманн лучше, чем он. Тильманн не сдаётся.

- Так что я за, - взял Пауль на себя ещё раз командование. - Эли? А что думаешь ты?

Я не стала долго думать. Если я поддержу его затею, то он, возможно, снова будет смотреть на меня как на друга, поделится своими размышлениями, и не будет дольше закрываться на чердаке. Я больше не знала, могу ли ему доверять, но мне очень хотелось. Если не ему, тогда кому?

- Тоже за.

- Я против, без компромиссов, - сказала Джианна. - Я не позволю семнадцатилетнему безрассудно погибнуть.

- Тогда у нас три голоса против одного и решение принято. Спасибо. - Тельманн всё ещё не позволял нам заглянуть себе в глаза, но попытка Пауля напугать его, была напрасной. Мой брат принял своё поражение, молча. Наверное, он между тем уже привык проигрывать. Джианна встала и отвернулась, опершись руками о балюстраду, она смотрела в ночь. Видимо ей требуется один момент, чтобы восстановить самообладание. Нельзя, чтобы мы потеряли сейчас над собой контроль. Пока мы выяснили только начало, а не решающие моменты. Поэтому я решила использовать моё «да» в качестве давления.

- Однако при условии, что ты скажешь нам, что именно ты планируешь и как хочешь защитить себя.

- Ещё пока не могу, но думаю, что моя идея сработает. Нет, Эли, не смотри так на меня, я не могу рассказать! Ещё пока нет! Я поделюсь с тобой, как только буду знать точно. Тебя я во всё посвящу, обещаю.

- А нас? - спросила Джианна, не поворачиваясь. - Что с нами?

- Вас нет.

Джианна рассерженно ударила кулаком по балюстраде. Фонарь упал на керамические плитки и, зазвенев, потух. Джианна заругалась на итальянском, это прозвучало очень грубо и неприлично. Мы ей не мешали. Лучше уж пусть ругается, чем плачет. Как только Джианна начинала плакать, с ней больше было невозможно разумно говорить. Это мне известно ещё с Гамбурга.

- Насчёт темы «безрассудно погибнуть»: как конкретно мы это сделаем? С помощью пистолета? Ножа? Яда? - Тильманн выжидательно на нас смотрел. - Какие-нибудь предложения?

- Никаких пистолетов! - воскликнула я быстро, не понимая, что заставило меня сделать это. Мои мысли не поспевали за интуицией. - От него будет много шума и всё пройдёт слишком быстро, чтобы вызвать боль. Боль открывает душу. О яде можешь забыть, на неё он не подействует. Она сама сильно ядовитая.

Джианна снова подсела к нам за стол, прижав тыльную сторону правой руки ко рту. В страшных ситуациях ей всегда становилось дурно. Я надеялась, что ужин останется внутри, и

она сможет слушать дальше. Вопреки ожиданию, однако, она тут же снова вмешалась в разговор.

- Пистолет я возможно даже смогу достать, но по правде говоря ...

- Где ты хочешь достать пистолет? - Тильманн был поражён. Пауль тоже смотрел на Джианну, как будто в первый раз видит её настоящее лицо.

- У мафии. Ндрангета, самая опасная мафиозная организация в Европе - и прямо перед нашим носом. Один из них живёт вон там впереди, в доме с дубовыми колоннами в саду. Добро пожаловать в Калабрии.

- Ага. - У меня пересохло во рту. - Как успокаивает.

- Ах, не беспокойся, если мы не собираемся зарабатывать здесь деньги, они оставят нас в покое. Но если одолжим у них пистолет, это будет благоприятной возможностью предложить нам свою защиту. Так что лучше всё-таки без пистолета. Кроме того, насчёт боли я думаю, не следует понимать буквально. Здесь, скорее всего, имеется в виду также и переносное значение.

- Конечно, - слабо согласилась я. Я чувствовала себя словно нахожусь в школе. На начальном курсе немецкого. Анализ стихотворений.

- На всякий случай нам следует причинить ей физическую боль, и дополнительно столкнуть с чем-нибудь, что вызовет душевную.

- Тессе ничего не причиняет боль, - ответила я с горечью.

- Возможно, всё-таки что-то есть ..., - сказал Тильманн задумчиво. - Возможно будет достаточно боли из-за того, что в последний момент ей не удастся заполучить меня?

- Скорее это её разозлит. - Невыразимо разозлит ...

- А если мы сделаем что-то плохое с Колином? - размышлял Пауль. Да, это ему как раз на руку.

Я снова покачала головой.

– Ещё хуже, чем то, что он уже пережил? Нет, это безнадёжно.

Только Джианна знала, на что я намекала: дни Колина в концлагере. Кроме того, Тесса не воспринимала страдания других; даже находясь там, Колину пришлось позвать её, чтобы она его спасла. Страдания её не волновали, что её приводило в смятение, так это счастье других, а не их горе.

- Тесса не способна сопереживать, - сделала я вывод. - Нам придётся ограничиться физической болью. Удар ножом в сердце причинит боль, не так ли Пауль?

- Удар ножом в сердце прежде всего требует изрядной силы и острого лезвия. У Тессы вообще есть сердце? Я имею в виду, у неё есть орган под названием сердце? А у Колина оно есть?

Научный подход Пауля безусловно необходим, но его вопрос показался мне слишком интимным, таким интимным, что мне хотелось убежать, и не отвечать на него. Но я заставила себя остаться сидеть.

- Биения сердца я у него не слышала, но ... своего рода рокот в груди, как раз там, где у нас находится сердце. Он казался энергичным. Так что если воткнуть туда нож, это может сработать, хотя ... - Хотя порез заживал у Колина в течение короткого времени, не оставляя никаких шрамов. Но ему ещё никто, тот кто любил, не раздирал кожу, задумав его убить. Когда я на Тришене укусила его в плечо, я не хотела его убивать. Мне хотелось держать его возле себя вечно, чувствовать в себе, гладить кожу руками, хотя мои мысли умирали маленькой смертью, а ощущение было такое, будто я растворяюсь.

- Нам просто следует попробовать, - пролепетала я, надеясь на то, что Джианна, Пауль и Тильманн не заметят нахлынувшую на моё тело волну жара, которая на одно мгновение

значительно отвлекла меня от размышлений об убийстве. - Всё равно я больше не могу думать ясно.

Джианна умоляюще посмотрела на Тильманна. - Не наделай какой-нибудь дряни малец, ладно? Не спеша подумай об этом ещё раз и, если в последний момент решишь иначе, никто не будет тебя за это упрекать. Тогда мы сядем в машину и свалим, хорошо?

- Да, мама. - Тильманн презрительно ей усмехнулся. Рука Джианны вздрогнула. Я хорошо могла её понять. Иногда просто хотелось дать ему пощёчину, даже если это не совсем соответствовало методам современного воспитания строптивых подростков.

Мы объявили нашу конференцию закрытой - временно закрытой - включили айпод Пауля, который тот подключил к двум колонкам. Он обеспечивал нас звуками чили музыки. И стали молча ждать, когда темнота подарит нам немного прохлады.

Тильманн убрался первым на свой чердак, Джианна и Пауль вскоре последовали за ним. Только я ещё сидела до поздней ночи на террасе, слушала игру белых тополей и надеялась услышать мотор тяжёлого, американского внедорожника, который заворачивает на улицу и подъезжает к дому. Но всё вокруг оставалось тихо.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Чужие в обращение

Когда звук мотора раздался в тишине ночи, я сразу же пришла в себя, мысли были ясными, и всё же, я неподвижно осталась лежать на мокрой от пота простыне. По-настоящему тихо здесь никогда не бывает: время от времени, проезжает поезд и от него такой гул, что приходится прерывать все разговоры, цикады постоянно скрипят, море шумит, белые тополя шелестят на ветру. Но как только люди ложатся спать и прекращают говорить, петь и кричать, ночью или в жаркие часы полудня, эта страна кажется мне тихой.

Поэтому я уверенна в том, что уши не обманули меня. Тарахтение автомобиля просто характерно, чтобы считать его воображением. Опять в висках начало стучать и пульсировать, но этот вариант я могу выносить лучше, чем железное давление вокруг затылка, которое образовалось сегодня после обеда и вывело меня из строя. Пауль, в какой-то момент, уговорил меня выпить сильную болеутоляющую таблетку и потом давление на череп немного утихло и в конце концов уступило место обычной пульсации в висках. Я винила в этом погоду. Солнце, хотя и светило каждый день, не ослабевая, чаще всего с безоблачного неба - по словам Паоло, нашего торговца овощами, настоящего дождя не было уже с марта - но жара скрывала в себе много граней. Сегодня почти не было волн, ветер дул со стороны суши и воздух стал душным. Даже самые закалённые местные жители спрятались под своими зонтиками и продлили сиесту до предела. Самодельное поле для волейбола на пляже осталось пустым.

Я прислушивалась к ночи, в то время как сердце гнало кровь в стучащем ритме через вены и виски. Теперь машина завернула на нашу подъездную дорогу, которую мы, на всякий случай, всегда держали свободной, и проехала мимо дома в заднюю часть сада. Потом я услышала, как открылась металлическая дверь, и застучали тяжёлые копыта по тонкому деревянному полу.

Они приехали.

Я запретила себе, вскакивать и проверять. Это слишком рискованно. Сначала я должна посмотреть, сделает ли это меня счастливой - настолько счастливой, что мы привлечём Тессу ещё прежде, чем по-настоящему поприветствуем друг друга. Надо мной на чердаке, заскрипели пружины кровати Тильманна, но шагов не послышалось, и дверь не хлопнула. В доме всё оставалось тихо. Может другие хотели уступить церемонию приветствия мне. Я, однако, не знала, как она должна выглядеть. Я не могла просто так, размахивая флажками и с приветственными напитками, пройти в сад и сказать привет или даже броситься ему на шею. Это было бы легкомысленно.

Собственно, насколько хорошо я себя знаю? - спросила я недоверчиво. Какие именно чувства волнуют меня - не считая досады из-за того, что моя головная боль всё ещё не прошла полностью? Я попыталась анализировать себя настолько трезво, насколько сделала бы это с незнакомым человеком. Я была взволнованна, это в любом случае, возможно даже радостно взволнованна. Всё во мне умоляло встретить Колина. Если я сейчас не пойду посмотреть, то всю ночь не сомкну глаз, а мой живот мутирует в посадочную полосу для самолётов. Но счастье, чистое счастье, ощущается намного легче, и оно более бурлящее, заставляет мысли о будущем, отойти на второй план. Я, однако, не могу пойти к Колину, не думая о будущем – и о прошлом тоже, прошлом, которое в отдельных пунктах, весит почти даже больше, чем то, что ожидает нас впереди.

Я тихо встала и надела сорочку на лямочках. Как всегда, я спала голая. Чтобы найти нижнее бельё, нужно открыть плохо смазанные двери шкафа, а я не хотела привлечь чьё-то внимание. Я должна справиться с этой ситуацией сама.

На коротком пути через коридор к кухне, я снова и снова останавливалась и прислушивалась к себе, но покалывание в животе и почти что боязливо бьющееся сердце, хотя и давали о себе знать сильнее, но не менялись. Тем не менее, я не спустилась в сад сразу, как

только открыла кухонную дверь, ведущую на улицу. Я встала на похожую на балкон, верхнюю часть ступенек - здесь на широкие перила мы вешали полотенца, чтобы просушивать их - и стала наблюдать за тем, что происходит передо мной.

«Да, это действительно ты», думала я, когда увидела длинную, стройную фигуру Колина, скользящую в ночи. Конечно же он меня заметил, но его внимание было направленно на Луиса. Он уже подключил садовый шланг к уличному душу и наполнил корыто водой, прежде чем направить струю на опутанные верёвками копыта Луиса, помогая ему охладиться.

Не только проклятье Тессы, но и лошадь тоже, не давали мне броситься навстречу Колину. Как всегда, когда я видела Луиса, первый раз после длительного времени, во мне вскипела фобия к лошадям, хотя я должна была признать его красоту и элегантность и даже восхищалась им. Но Луис казался мне высоким забором. Благодаря ему, не сложно оставаться здесь наверху. С другой стороны, чёрный жеребец возможно именно та подстраховка, в которой я нуждаюсь. Страх и счастье противоречат друг другу.

Поэтому я решительно опрокинула воображаемый забор и зашагала по сухому гравию навстречу мужчине и лошади, хотя Колин всё ещё держал Луиса на верёвке и успокаивающе похлопывал по мускулистой шее. Его гриву Колин заплёл в длинные, тонкие косички; возможно для того, чтобы жара, в закрытом прицепе, была терпимой.

Я не имела понятия, что мне ему сказать. Любая формула приветствия казалась мне неуместной. Так же я не могла смотреть прямо на Колина. Я сделала мой взгляд мягким и расплывчатым, когда шагнула к нему и остановилась перед ним с опущенными веками.

Колин тоже ничего не сказал; оставил свою правую руку лежать на блестящей шерсти Луиса. Жеребец, когда узнал меня, тихо фыркнул. Я легонько прикоснулась лбом к плечу Колина, только лбом, а не полным весом. Среди скорее коренастых итальянцев с юга - Пауль и Тильманн тоже не особо высокие - я совершенно забыла, какой высокий он.

Он подождал несколько секунд, прежде чем поднял левую руку, обняв ей, как будто случайно, мои плечи, он погладил меня большим пальцем по щеке. Одна единственная, короткая ласка, ничего больше, но её было достаточно, чтобы подхлестнуть мою беспомощность. Мы уже переспали друг с другом - почему я вела себя так, будто это наше самое первое свидание? И почему он отвечал на мою сдержанность сдержанностью? Неужели это то, чего он хочет? Не смотря на моё бешено стучащее сердце и овладевшие мной сомнения, я чувствовала близость, объединяющую нас. Мы не подвижно стояли в ночи, как две лошади, которые прикасаются друг к другу только носами, защищая одни другого, пока бдительно дремлют.

- Ты рассыплешься в пыль, если посмотришь на меня, Лесси? - Колин едва повысил голос, но его тон и мягкий акцент заставили вскипеть мою кровь. Покалывание в животе сдвинулось на этаж ниже.

На самом деле, взглянуть ему в лицо, меня удерживала необъяснимая робость. Может я боялась увидеть что-то, что заставит затихнуть покалывание или что оно выйдет из-под контроля, и тогда я забуду себя и таким образом Тессу тоже? Нет, это на меня не похоже. Или всё-таки похоже?

Вопреки моей парализующей застенчивости, я медленно подняла взгляд. Колин должно быть, по дороги сюда, делал остановки, чтобы поохотится, потому что он не выглядел голодным. Его светлая кожа казалось светится, а чёрные глаза искрятся, но хотя кто-то, вроде Колина, не нуждается во сне, он казался мне уставшим.

- Может я и рассыплюсь в пыль, если посмотрю на тебя, - прошептала я двусмысленно. Я улыбнулась ему, а он улыбнулся в ответ. Болезненная улыбка, но очень любящая. Я всё ещё не могла говорить. Колин спокойно меня разглядывал. Потом он взял одну прядь волос, которая вились над моей грудью между пальцев и мягко потянул.

- У тебя уже всегда были такие длинные волосы?

- Нет, - ответила я хрипло от напряжения. - Это море, - процитировала я его иронично, и его улыбка стала шире, превратившись в усмешку. Внезапно я больше не могла справиться с ситуацией и потеряла контроль над тем, что говорю и думаю.

- О Боже, Колин, я ничего не знаю о тебе, ничего, я имею в виду, я не знаю, какой у тебя рост и сколько ты весишь, я даже не знаю твой знак зодиака, совсем ничего! Я не знаю твой день рождения ... - Я закрыла рот рукой, чтобы прекратить эту жалкую болтовню, но детские вопросы возникли в голове без предупреждения и казались более неотложными, чем всё остальное.

- О, это действительно очень важные пункты, - ответил Колин со своей обычной насмешкой и отпустил мои волосы. Он встал в позу, для этого даже отпустил Луиса, представ передо мной как модель в конце подиума. Он посмеивался надо мной - старая и уже полюбившаяся игра.

- Метр девяносто два, боевой вес 86 килограммов, стрелец, цвет глаз и волос меняющийся, любимая еда - вишнёвый пирог твоей мамы, любимый цвет – чёрный. Нет подожди, подожди. Конечно же это цвет твоих глаз, для которых ещё пока нет названия, но ...

- Ты забыл его, - прервала я его с упрёком.

- Для него нет названия, Эли. Поверь мне.

Мне нужно с этим справиться. Да побыстрее. С горящими щеками я указала на сарай, который Пауль поделил пополам - одна сторона была предназначалась для Луиса, другая, на небольшом возвышение, образовывала временный лагерь Колина.

- Тебе это подойдёт? Я имею в виду мы ... мы ... - У нас в доме имелось ещё две кровати, одна из них даже в салоне, напротив моей комнаты, но Колин не любит закрытые пространства, и я поняла из слов Пауля, что тот хочет спать в среде свободной от Маров, учитывая свои интересы и в интересы Джианны. Колин, во времена, когда ещё был конюхом, всегда спал на сене и соломе; ему это знакомо. Тем не менее я чувствовала себе жалкой, потому что не пускала его в дом. По крайней мере не сейчас, посреди ночи.

- Вы мне не доверяете, - закончил равнодушно Колин мои мысли. - Я всё равно не сплю, и не буду проводить здесь много времени. Мне не важно, где лежать. Между прочим, Эли ... - Он поднял руку, чтобы указать на улицу. Поднявшийся от него великолепный запах, ещё усилил покалывание. Мои чувства нашли подходящее место для своих эскапад, и я боялась потерять равновесие, поэтому быстро схватилась за пояс Колина, чтобы не упасть. - Дом возле моря? Вы остановились в доме возле моря?

- Да, я, э, мы ... - Заикалась я, потом замолчала. Правильно ли я истолковала выражение его лица? Его это забавляло? - Что? - набросилась я. - Я знаю, это не то, что нужно, но я неправильно поняла Джианну, а Джианна неправильно поняла меня и мы ... ах вот дерьмо.

- Не переживай, Эли. Собственно, это совсем не плохо. Если она придёт, то из-за моря ей понадобится больше времени, а это, в свою очередь, даст больше времени вам. Но оно её не удержит. - Он принял это логистическое недоразумение так спокойно? Тогда я напрасно волновалась. - Это странно, не так ли? - продолжил он небрежно. - Люди здесь боятся своего самого важного богатства - моря. Все старые городишки расположены возле гор. Почти никто раньше не решался строиться возле берега.

- Поэтому она боится воды?

- Я не знаю. Возможно. Может быть это ещё пережиток с того времени, когда она была человеком и который метаморфоза не уничтожила полностью. Сарацины чаще всего прибывали с моря и совершали такие жестокие набеги, что иногда кровь текла ручьями через городские ворота.

- По сравнению с ними, Мар в саду, действительно безобидное событие, - прокомментировала я сухо небольшой исторический урок Колина, прежде чем он заставит меня зевать. И всё же, я люблю слушать, когда он рассказывает что-то подобное. - Могу я сегодня ночью остаться с тобой? - Я ненавижу спрашивать об этом. Джианна никогда не спрашивает что-то подобное у Пауля. Это само собой разумеющимся, что оба делят одну кровать на двоих, даже если она была бы совсем узкой. Колин и я должны обсуждать этот вопрос каждую ночь заново.

- Это слишком опасно, не так ли? - ответила я сама на свой вопрос, когда он не отреагировал. Он смотрел на меня, как сфинкс, абсолютно непостижимо, что, говоря мягко, привело меня в ярость. - Ясно, понимаю, это опасно. Хотя у нас и есть идея, как нам - ну ты знаешь. - О Боже. Это как в Гарри Поттере. Я даже не осмеливаюсь произнести её имя. - Но мы ещё не готовы. Тильманн сказал, ему ещё нужно что-то сделать ... ну, а что именно, я не знаю, - закончила я раздражённо.

Колин попытался скрыть свою ухмылку, но ему не удалось, и, к моему стыду, я поняла, что тоже ухмыляюсь, хотя для улыбки нет разумной причины. Это улыбка от отчаяния.

- Ты снова болела ветрянкой? - Он прикоснулся своими прохладными пальцами к моей третированной, внутренней стороне локтя и немного подождав, провёл ладонью вниз и засунул её под мою ночную рубашку. Как завоеватель, который наконец-то нашёл обетованную землю, он собственнически обхватил ей мою левую ягодицу.

- Солнце ..., - сказала я слабо и вздохнула. Постоянная смена темы разговора начала меня напрягать (а также его рука на моей заднице). В то время как он, был само спокойствие, я не могла сформулировать даже одно единственное, грамматически верное, предложение.

- Я бы с удовольствием посмотрел лично на твои трудности с акклиматизацией, но мне нужно было ещё кое-что сделать. - Внезапно Колин отпустил меня. Его улыбка исчезла. - Мы не в опасности, Эли. Или ты счастлива?

- Я ... – Пыхтя, я оборвала себя, прежде чем у меня появится искушение соврать. Ещё никогда не имело смысла обманывать Колина по поводу моего эмоционального состояния. Он может заглянуть в меня, способность, которую я уже часто проклинала. - Нет, - ответила я упрямо. - Нет, я не назвала бы себя счастливой. Но я хочу быть рядом с тобой, разговаривать, касаться тебя и ... ты не мог бы снять свою рубашку?

Я была без трусов, и мне хотелось, чтобы он тоже освободиться от своей рубашки. Я считала это честной сделкой. Рассмеявшись, Колин взял меня за руку и пошёл к открытой стороне сарая, где Джианна и я соорудили его лагерь. Он шёл прогулочным шагом, а я шатаясь. Луис уже стоял возле стога сена и жевал. Когда мы проходили возле его тяжёлых задних копыт, моя шея напряглась, но в виде исключения, я хотела, чтобы он находился поблизости.

- На самом деле, пока годзилла рядом, ничего не случиться. Я слишком боюсь Луиса, чтобы ...

- Ты не Луиса боишься, - возразил Колин. - Не морочь мне голову, Эли.

- Да нет же, у меня фобия перед лошадьми!

- Он тебе не нравится, потому что кажется непредсказуемым. Тебе хочется всё контролировать. Всё, чем ты не можешь управлять, и что не можешь сама определять, тебе больше всего хочется убрать со своего пути. Ты стала властной барышней.

- Тссс, - сказала я, потому что не придумала ничего лучшего. Опять он начал заниматься психоанализом, точно так же, как в самом начале нашего знакомства. Мне это ещё никогда не нравилось.

- Нам не нужен Луис, чтобы держать счастье на расстояние. - Колин облокотился на один из стогов сена и показал мне знаком сесть рядом. Когда я это сделала, он взял меня за руку и поднёс костяшки пальцев к губам. Они легли именно на то место, где совсем недавно зажил

перелом, образовавшийся под давлением его каблука. - Я сам позаботился об этом. Вершить зло для меня очень легко.

- Прекрати говорить всякое дерьмо! - прошипела я и выдернула руку. Решительно, я начала возиться с пуговицами его полинявшей рубашки. Большинство, так или иначе, были уже расстёгнуты. Колин не сопротивлялся, когда я стянула рубашку с его мускулистых плеч. Хотя из-за слёз я почти ничего не видела, всё же легла рядом с ним на одеяло, которое Джианна и я, пару дней назад, расстелили на свежем сене. Я смотрела на него, положив руку ему на бедро. Через какое-то время я достаточно успокоилась и смогла подвинуться поближе. Мои пальцы нашли чрезвычайно заманчивое место между поясом брюк и его бархатистой, безволосой кожи.

- Сегодня ночью я не буду с тобой спать, Лесси. Ты ещё не готова.

Я вскочила, как будто кто-то уколол меня острой иглой в спину.

- Ты ещё не готова? Что это значит? Мы что, проводим здесь сеанс терапии? Кем ты себя возомнил, если думаешь, что можешь диктовать мне, когда я буду заниматься сексом, а когда нет?

- Что же ... возможно твой покорный слуга тоже имеет при этом право голоса? - Не смотря на юмор в его голосе, Колин не улыбался, когда углубил свой чёрный взгляд в мои горящие от гнева глаза.

- Значит, это ты ещё не готов, - вскипела я, хорошо зная, что это сущий вздор. Мары готовы всегда.

- Нет. Не готова ты, - повторил Колин и притянул меня к груди, хотя я сопротивлялась. - Это не означает, что я не хочу. С того момента, как твой восхитительный зад оказался в моей руке, я не могу думать ни о чём другом. – Я не поверила и бойко прикоснулась к ширинке его брюк. Опля. Нужно было лучше всё-таки поверить.

- О Боже, Эли, нет ... пожалуйста ... - С тихим вздохом он взял мои пальцы и положил себе на грудь, в которой раздавался пульсирующий рокот, звук, напоминающий игру ветра в белых тополях. Я попыталась навести порядок в моих разлетающихся мыслях, прижав висок к его холодной коже, и чуть не отшатнулась. Я совсем забыла, какой она может быть ледяной. В тепле итальянской ночи, её контраст к воздуху, чувствовался в тысячу раз сильнее, чем я испытала это возле Северного и Балтийских морей. На Тришене было даже такое ощущение, будто у Колина опасная для жизни температура, после того, как он похитил мечты у китов.

И порядок в мыслях, его прохлада тоже не внесла. Поэтому я ограничилась тем, что слушала, что он тут выговаривает, даже если мне это не нравилось.

- Любое вторжение связано с насилием. Это всегда небольшая война.

Я покраснела.

- Что за фигня, - парировала я. Что двигало им, когда он говорил это - шовинизм или может сопереживание? Нужно ли нам вообще дискутировать об этом? Прямота Колина растрогала меня, но также я ужасно смутилась.

- Нет, не фигня. Ты пережила достаточно сражений, и я не хочу причинять тебе снова насилие. Не сейчас.

- Это не насилие, - возразила я и прижала губы к нежной коже ниже сосков. - С любым другим, возможно, это было бы насилие, но не с тобой.

- Возможно, сейчас ты так чувствуешь, да, и это для меня большая честь, моё сердечко. Однако если мы этим займёмся, может всё измениться, и, если я чего-то ни в коем случае не хочу, так это того, чтобы ты отреагировала как другие женщины, с которыми я спал. Ты не должна испытывать страха.

Теперь я заплакала. Я не знала, что мне делать - просто встать и исчезнуть в свою комнату или же остаться рядом, можно ли мне прикасаться к нему или нет, насколько далеко я могу

зайти, не пробуждая подозрений, что мне не терпится или даже навязать себя ему. Это совсем не то, чего я хочу. Колин принял решение за меня, притянув меня на свои колени и положив руку между моих голых ног. Кончиком языка я коснулась уголка его губ, не больше, но он ответил на моё несмелое сближение недвусмысленным и очень мужественным поцелуем.

- Да ты маленький, мокрый биотоп, - пробормотал он прямо возле моего уха и имел в виду не мой рот. Мы не двигались и приглушили дыхание - его холодное, моё горячее – лежали так, пока он с сожалением не убрал руку, а я крайне возбуждённая и с вибрирующими нервами, откатилась на солому рядом. Если он так, по-собачьи подло, специально, привёл меня в такое неловкое положение, только чтобы не сделать счастливой, то ему это прекрасно удалось.

- Что собственно тебе нужно было ещё сделать? - спросила я, после того, как нашла путь к разуму и таким образом к центру мышления.

- Усыпить моего кота и похоронить его.

- Что? - Ошеломлённая я села. - Ты ведь не имеешь в виду ...

- Имею. Мистера Икс. Моего хорошего, старого чудака. У него был инсульт. Однажды вечером он лежал перед домом, больше не мог двигать своими задними ногами и кричал от боли. Час спустя я держал его в руках и помог умереть.

Только что, от возбуждения, я не знала куда деться, теперь же, меня трясли рыдания, как будто под нами дрожала земля. Мистер Икс был не только котом Колина, но и моим котом. Когда Колина не было рядом, его присутствие утешало меня, - а Колина, большую часть времени, не было рядом. Мистер Икс, благодаря своей надменной элегантности, снова и снова радовал, и отвлекал меня, особенно тогда, когда смешивал её с той забавной неуклюжестью, которая свойственна даже самым гордым кошкам. Я не могла представить себе, что его больше нет в живых, что он никогда больше не будет лазать по маминым цветочным клумбам, спать у меня на коленях, гоняться за пробками от бутылок вина по плиткам пола и в панике убегать от запаха своего собственного говна. Теперь он, холодный и неподвижный, навеки лежал под землёй. Но прежде всего, мне было жаль Колина. У обоих были симбиотические отношения.

Колин долго на меня смотрел, разделяя мою печаль, но не рыдания. Он не умеет плакать. Я задавалась вопросом, перед каким домом это случилось. Перед нашим или перед его? Вероятно, перед его, потому что я не могу себе представить, чтобы Мистер Икс добровольно находился у нас, когда его, горячо любимый хозяин, был в лесу. Тогда это Тесса, подумала я спонтанно, и мою печаль перекрыла чистая ненависть. Её влияние прикончило кота.

- У него был порок сердца, уже всё это время. Несмотря на это, он мужественно себя вёл. Никто не виноват, Эли. Случилось тоже, что случалось пока всегда, со всеми моими котами и кошками. Как ты думаешь, почему его звали Мистер Икс? А маленькую, чёрную мадам Мисс Икс?

Я вытерла слёзы.

- Потому что они не первые, да?

- У меня всегда были кошки, всю мою жизнь. В основном они не живут дольше двадцати лет, на дикой природе не доживают даже до пятнадцати. По счёту он был тринадцатым Мистером Икс. Красивее и высокомернее, чем другие, да, но в какой-то момент мне надоело придумывать новые имена, поэтому - Мистер Икс или Мисс Икс для тех кошек, которые заметно сильно ищут мою близость. У других вообще нет имён.

- Где ты его закапал?

Колин обхватил меня за закостеневшую шею и осторожно притянул к себе. Теперь я могу прижаться к нему, не боясь показаться навязчивой. Мысль о том, что я никогда больше не увижу Мистера Икс душила любое желание в зародыше.

- Он лежит у вас в саду, в хорошем, тенистом месте, между двумя кустами роз. У меня бы он не нашёл покоя.

Ледяная дрожь пробежала по моим рукам. Никто не найдёт покоя в этом доме, ни мёртвые, ни живые. Он проклят. Только ради Колина я не сказала то, в чём была твёрдо убеждена всё это время - Мистер Икс был бы ещё жив, если бы Тесса не входила в этот дом.

- Ты был у нас? Ты видел мою ...? - Я не смогла закончить предложение. Мою мать ... Мы, после того как прибыли, позвонили ей и сказали, что всё в порядке. С тех пор, большую часть времени, наши мобильные оставались выключенными, потому что связь в любом случае плохая, и мы не хотели вступать в какие-либо дискуссии.

- Не только твою мать. Также ... - Колин сделал небольшую паузу, и я почувствовала, что он ухмыляется. - ... я встретил старого знакомого, который очевидно хочет заслужить себе звание доверенного лица в вашем доме. Я однажды дал ему титул мудак.

- О, да. Он не только мудак, но и преследователь.

- Никакого сочувствия, Эли. В этом виноват только твой язык без костей. Зачем ты вообще намекнула ему на что-то? Он прямо-таки влюбился в тебя. Был на грани того, чтобы начать обыскивать всю Италию в поисках тебя. А именно, вместе с твоей матерью.

Я застонала от негодования. Ларс всё ещё находится с моей мамой? Это не может быть правдой.

- Мы справедливо договорились, - продолжил Колин. - Показательная битва в вашем саду закончилась три ноль в мою пользу, а ваши соседи, наверное, больше не осмелятся сказать даже хоть одно злое слово против твоей мамы или вашей семьи. Но Ларс умеет проигрывать. Он не приедет.

- Хорошо. Очень хорошо. Спасибо. Ты разбил его начисто? Ладно, я знаю, это не суть каратэ. Если конечно только не применять его в борьбе против Маров. Тогда всё позволено, да? - добавила я так вызывающе, так что была в шоке от самой себя. Я не хотела задевать эту тему и заткнула Колину рот, когда он сделал это. А теперь? Я сама нанесла удар ниже пояса.

Колин молчал несколько минут, а его мышцы под моей щекой напряглись, пока не стали твёрдыми, как сталь.

- Ты можешь в любое время уйти, - в конце концов сказал он приглушённо. Он убрал руки и скрестил их за головой. - Это было бы самое простое решение для всех заинтересованных сторон.

- Спасибо, я останусь. - Так я и сделала. Сегодня ночью я буду спать здесь, рядом с ним, каким бы порочным он себя не считал. Нам не нужно разговаривать или что-то делать. Таким образом я хотела показать ему пример, хотя на самом деле он должен был бы знать лучше, чем кто-либо другой, что меня невозможно так быстро отпугнуть. Однако оказалось довольно сложно, найти подходящую позицию, в которой я буду близко к Колину и всё же не получу обмораживания. Рокот равномерно тёк по его телу, поэтому я знала, что он не голоден, но его кожа всё ещё казалась болезненно холодной. Тем не менее, я хотела чувствовать его и поддерживать контакт, даже во сне. Суетливо, я пробовала разные позиции и снова отказывалась от них.

- Ну и скоро мы закончим? - спросил он в кокой-то момент с такой насмешливой, но в тоже время интимной нежностью, что я расслабилась и выбрала нишу под его мышкой, в качестве подходящего места. С кончиком носа рядом с его кожей и пальцами в петлях пояса, я, в конце концов, задремала, в то время как он, с опущенными веками и неподвижным лицом, послал свои мысли путешествовать.

Спала я неспокойно, поэтому услышала приближающиеся шаги Джианны и не испугалась, когда она, при первых лучах солнца и с озабоченным выражением лица, встала перед нашим

лагерем на колени. Удивлённо я поняла, что Колин сидел, в то время пока я спала. Одеяло он засунул мне под голову, так что я лежала на его бёдрах, и мне было мягко и тепло.

- Доброе утро, - пролепетала я спросонья.

- Вы счастливы? - спросила Джианна, шепелявя из-за напряжения. Её нервозность сразу передалась Луису, который выступил из тени сарая и возбуждённо зафыркал. Встревожено Джианна повернулась в его сторону. - Мама мия, какой он красивый ..., - прошептала она с благоговением.

- Красивый и большой, - согласилась я с ней без какого-либо энтузиазма. - Прежде всего большой. - Я опёрлась на колено Колина и, оттолкнувшись, села и скрестила ноги.

Джианна с трудом оторвала взгляд от Луиса и перевела на нас. Она пыталась смотреть дружелюбно, но её страх бросался в глаза.

- Ну и - вы счастливы? Вы счастливы, да?

- Нет, - призналась я, чувствуя себя неудачницей.

- Так быстро не получится, - спокойно подтвердил Колин. Звучало так, будто он говорил только обо мне, не включая себя. Но что с ним? Счастлив ли он? В конце концов, мы провели ночь вместе. Пытливо я посмотрела на него, но он с сожалением покачал головой. Джианна заворожено следовала за нашим обменом взглядами. Мне казалось, будто я прохожу терапию для пар и меня это рассердило.

- Нужно ли нам обоим быть счастливыми, чтобы она пришла? Разве недостаточно, если счастливым будешь только ты? - спросила я с негодованием, потому что тяготеющее надо мной давление, что я должна, как можно быстрее, лопнуть от счастья, обременяло меня больше, чем когда-либо.

- Я не остров, Эли, - ответил Колин резко. - Нет, этого будет недостаточно. Счастье - это то, что может расцвести только тогда, когда его разделяют.

- Это верно, - испуганно согласилась с ним Джианна. - Значит Тесса ...?

- Нет, она ещё не отправилась в путь, - сказал Колин немного спокойнее. - Не волнуйся, Джианна.

- Слава Богу. - Джианна схватилась за грудь и пробормотала короткую молитву. Потом протянула руку Колину. – Привет, Колин, рада тебя видеть.

Когда он обхватил её нежные пальцы своими, Джинна сильно вздрогнула. Конечно, его холодная кожа. Но она не отобрала руку, оставив в его. Смело, она посмотрела ему в глаза, чья чернота, с первым светом дня, поменялась в зеленовато-коричневый цвет. Сейчас её это утомит.

- Доброе утро, Джианна, - ответил Колин вежливо и изогнул свой рот в очаровательной улыбке. Потом отпустил её руку. Они действительно уважают друг друга. Нравится мне этот или нет, нужно ещё подумать, но для начала, это лучше, чем дальнейшие ссоры.

- Если бы она была уже в пути ... - Джинна набрала в лёгкие воздуха и невольно провела по руке, на которой образовались мурашки. - Тильманн только что сказал нам, что он ... в крайнем случае, будет готов. Так что мы можем отважиться сделать это. - Увидев предупреждающий взгляд Колина, а к нему ещё мой возмущённый - так как я не могла понять, почему Тильманн сообщил об этом Джианне и Паулю, а не мне - она быстро продолжила. - Я думала, что сегодня вечером мы сможем поехать поужинать в Калопеццати, наверху в горах. Я имею в виду все вместе. - Она села рядом с нами в солому, но снова и снова смотрела в сторону Луиса.

- О, я не очень хороший едок, - заметил Колин лаконично.

- А что же с вишнёвым пирогом? - Джианна смотрела на него вопрошающе. - Ты съел вишнёвый пирог! Я видела! Ты проглотил кусок.

- Я хотел произвести впечатление на вашу мать.

Я усмехнулась, потому что тон Колина и его слова, не могли быть ещё более противоположными, но выражение лица Джианны стало мягким и ранимым.

- Ваша мать, - повторила она тихо. Только теперь я поняла, что сказал Колин. Точно, на самом деле мама только моя и Пауля, а не Джианны. Он одним предложением объявил её также матерью Джианны. Мог ли он заглядывать в её душу так же, как в мою? Чувствовал, что у неё плохие отношения с её матерью – если вообще есть?

- Я в любом случае поеду сейчас на Луисе верхом в горы, ему нужно размяться, а мне поохотиться, - объяснил Колин как бы между прочим. - Мы можем встретиться сегодня вечером там наверху. Скажем в девять?

Джианна поспешно кивнула. Я ошарашено присоединилась к ней. Так легко можно уговорить Колина вместе поужинать?

- Тогда идите в дом и поспите ещё немного. Вам нечего бояться, через пять минут меня уже не будет. А у нас ..., - он притянул меня за мочку уха к себе и осторожно укусил в губы, хотя его голос был полон иронии, - будет сегодня вечером наш первый ужин при свечах.

Теории о Фертильности

- Что с ней? Эли, скажи хоть что-нибудь, пожалуйста! О Пауль, она ведь не ...

Джианна протянула руку. Сейчас она ко мне прикоснётся. Нет, подумала я. Не делай этого. Ты пожалеешь.

В последний момент она отдёрнула руку. Мои веки ещё не слушались, но я видела очертания Джианны. Они обрисовывались перед моими закрытыми глазами, как в тепловизионной камере. Её щёки были горячими от испуга.

- Она дышит довольно медленно, но дышит, - установил Пауль. - Я не понимаю ... Эли? Эли, ты слышишь?

Теперь я уже могла моргать, хотя в замедленном темпе. Мои хрусталики фокусировались, как только веки поднимались вверх, и сразу же теряли желание смотреть, когда снова закрывались. То, что я видела в себе, было, в любом случае, более заманчиво, чем реальность. Я хотела сохранить это ещё на несколько минут. Странным образом миролюбиво я приняла то, что не могу двигаться. Моё тело было жёстким, как доска.

Я проснулась уже как насколько минут, вначале смотря на сны, как на фильм, на чьи события не могу повлиять. Потом сны исчезли, но пьянящие чувство, вызванное ими, пропадёт полностью лишь тогда, когда я пошевелюсь.

Джианне и Паулю нельзя прикасаться ко мне. Не только потому, что они вытащат меня из этих чувств. Они не должны прикасаться, потому что она испугается. Она укусит. Моя душа блаженно упивалась чувством её прохлады возле ног, её гладкой, покрытой чешуёй кожей, которая прижималась к обратной стороне моих коленей и почти неощутимым весом её овальной головы, которую она положила мне на бедро. Я видела её ярко-оранжевые глаза и равномерный, серо-чёрный узор вдоль позвоночника, подарок природы, гармоничнее, чем мы когда-либо сможем стать.

- Эли, проснись! - крикнула Джианна. Теперь её голос звучал не только обеспокоенно, в нём также слышались паника и беспомощность. - Она не просыпается ... Такого не может быть, она проспала с двух часов обеда. Пять часов! Эли ...

Как бы я не хотела насладиться этими чувствами, лежать здесь и не шевелится: Джианне нельзя ко мне прикасаться. Настало время вернуть власть над этой докучливой оболочкой, окружающей меня и так редко делающей то, что я хочу. Теперь она должна повиноваться. В последний раз я погрузилась в прохладные кровотоки существа, которое изящно обвилось вокруг моих ног, и вобрала его силу. Потом, в самый последний момент, за долю секунды до того, как Джианна хотела схватить меня за плечо, мой позвоночник отреагировал.

Голова взлетела вверх, а изо рта вырвалось предупреждающее шипение, агрессивное и ядовитое. «Отойдите от меня!» Джинна отпрянула с такой силой, что врезалась локтями в живот Пауля. О, какие же мы уродливые конструкции. Не одно животное не споткнулось бы, если бы испугалось, и тем более не гордая охотница, с которой я делила постель и мою душу. Она всегда оставалась гибкой и элегантной, и холодной ... такой холодной ...

Но она учуяла чужаков вокруг. Она чувствовала себя потревоженной ими, как и я. Она скрутилась между моих коленей, слегка приподняла голову и тоже зашипела.

- Что это было? - прошептала Джианна. - Это прозвучало как ... о нет ...

- Змея, - закончила я равнодушно её мысли, хотя мне казалось кощунством использовать язык, чтобы издавать человеческие звуки. Я обхватила голову гадюки - ласково, интимно и медленно вытащила её из-под тонкой простыни. Когда я встала и прошествовала к террасе, я казалась себе неловкой, не хорошо отлаженной, с головы до ног плохо продуманной и собранной. Я перенесла змею через перила и опустила в сад. Джианна и Пауль следовали за моими движениями, широко раскрыв глаза и рты.

- Мадонна! - Джинна быстро перекрестилась. - К счастью я не прикоснулась к тебе ... Поэтому ты лежала так оцепенело и неподвижно! Казалось, будто ты парализована!

- Я тоже так подумал, - вмешался Пауль более живо, чем обычно, очевидно чувствуя облегчение от того, что во всём можно найти естественное объяснение. - Сонный паралич. Ты видела сон, не так ли? Твои веки вздрагивали, а когда твои глаза в промежутке открылись, ты ничего не видела, правильно? Это дерьмовое чувство, но случается довольно часто. У меня тоже уже было.

Глупец, подумала я с лёгкой и для меня самой странной насмешкой. Я видела всё - и даже ещё больше. Да, я была парализована, когда проснулась и, когда Джианна и Пауль минуты спустя зашли в комнату. Но чтобы бояться? Испытывать страх? Или чувство ужаса? Ни одного момента. Самое большее я удивилась, прежде чем покориться своей другой сущности, и этой другой сущности мне не хватало уже сейчас. Мне хотелось насладиться нежными, освежающими последствиями в одиночку, и я почувствовала, как во мне проснулся гнев; гнев из-за того, что мне помешали. Но Пауль и Джианна не собирались оставлять меня в покое. Чем дольше они находились рядом и смотрели, тем бодрее я становилась. Бодрее, а голова более ясной.

- Интересно, она ядовитая? - Джианна подняла простынь и скептически посмотрела на мой матрас, как будто там могли прятаться ещё другие змеи.

- Да, ядовитая, - ответила я спокойно и в тоже время начала дрожать. Где был мой страх? Боже мой, под моим одеялом лежала гадюка. Я должна была испугаться! - Она кусает только тогда, когда на неё нападают или, если чувствует себя побеспокоенной. - Моя интуиция диктовала мне эти слова. Что-то, глубоко внутри говорило, что эта змея не хотела меня кусать. Никогда.

- Откуда ты знаешь ...? - Джианна остановилась. - Почему ты не кричала? Ты не могла, да? Что тебе вообще снилось?

- Вас это не касается. - Нет, мой сон действительно ни их ума дело, однако собственное поведение всё больше казалось мне пугающим - да к тому же неловким. Что только что со мной случилось? Прежде всего мне нужно сдержать гнев. Он уже вырывался наружу.

- Ладно, ладно. - Джианна успокаивающе подняла руки вверх. Пауль покачал головой. Он начал что-то говорить, но сам себя остановил. Мой взгляд, так или иначе, заставил его оставить свои мысли при себе. Сопротивляясь в последний раз, моё чувство отчуждённости, ещё несколько минут назад полностью владевшее мной, внезапно прошипело внутри: не беспокойте меня в моём мире. Однако Джианна и Пауль, сразу бы истолковали мой сон неверно, потому что не могли понять, что со мной случилось. Никто не сможет этого понять, поэтому не имеет смысла рассказывать им. Кроме того, всё, что со мной только что произошло, я хотела, по непонятным причинам, сохранить в секрете, как драгоценность, сокровище, мой дар. Гадюка несколько мгновений была моим спутником, её магию могла понять только я. И я хорошо себя с ней чувствовала.

- Сколько время? - спросила я, чтобы отвлечь Джианну и Пауля от своей персоны, снова садясь на кровать. Джианна чуть ранее сказала об этом, но цифры и факты на тот момент были не интересны и не важны для меня.

- Чуть больше семи вечера, - ответил Пауаль. Я всё ещё читала скепсис и научный интерес в его стального цвета глазах. Но я не его объект исследования. Пусть свою тягу к медицине реализует где-то в другом месте.

- Мы переживали, потому что ты не пришла на пляж. Поэтому решили посмотреть, что ты делаешь. А тут - вот это.

Чуть больше семи. У меня осталось всего ещё три часа, потом я должна встретиться с Колином возле моря. Но Джианна подсчитала правильно: я проспала слишком долго и не

знала, смогла бы проснуться самостоятельно. На одно мгновение мне стало жутко. Я испугалась саму себя. Всё чаще, в прошедшие дни во время сиесты, у меня были тяжёлые, гипнотические сны, так крепко овладевающие мной, что приходилось бороться за то, чтобы снова проснуться. И когда это наконец-то удавалось, мне тут же хотелось снова уснуть. Теперь тоже, мне совсем не хотелось вставать.

- Я думаю, я ещё полежу немного. Моя голова ..., - пробормотала я извиняющимся тоном. Мне хотелось побыть одной, чтобы не рассердить Джианну и Паулья из-за моего внезапно вновь вспыхнувшего гнева. Хватало уже и того, что они беспокоились.

Пауль положил мне на лоб руку, проверяя есть ли температура.

- Может быть ты слишком долго находилась под солнцем?

- Может быть. - Я смущённо пожала плечами. - Только что я была не совсем в сознании. - Зато змея была рядом. Так близко ... Как она вообще попала в комнату? Через щели в ставнях?

- Тогда отдыхай, сестрёнка. Я принесу тебе что-нибудь попить. А потом найду эту проклятую тварь ...

«Прячься, быстрее!», подумала я страстно, ещё раз коротко увидев перед собой гадюку, как она беззвучно уползала через сухую зелень сада. Она должна спрятаться. Я не хочу, чтобы ей пришлось из-за меня умереть. Она ничего мне не сделала.

После того, как Пауль принёс стакан воды, я вновь растянулась на кровати и повернулась к стене, направив взгляд на то место, на котором ночь за ночью, показывался скорпион. Я была частью его территории. Его посещения стали любимым ритуалом. Я не боялась его, так же как не боялась змеи.

В мыслях я вернулась к моим снам. Я видела два, и они переплелись друг с другом, подвела я итог с закрытыми веками. Первый ... о. Да, это действительно никого не касалось. Теперь я снова могла сложить фрагменты. Гриша. Опять. Я прорычала от досады, когда вспомнила. В этот раз моё подсознание постаралось ещё больше. Я хотела переспать с ним. Очевидно и он со мной тоже. То, что мы оба этого хотели, даже не обсуждалось и не стоило ни одного нашего слова. Это было настолько явно и естественно и предопределено нашей судьбой, что мы забыли обо всём на свете, существовали ещё только мы. Никакой семьи, никаких друзей, никаких обязательств. Только мы и наши тела, которые не могли жить друг без друга. Я кое-что ожидала от этого акта, даже всё, казалось, будто таким образом я смогу стать другим человеком ...

И этот сон снился мне как раз тогда, когда в моей кровати лежала змея. Фрейд бы сильно порадовался такому сну.

Но змея не вселяла в меня страха, даже на одно мгновение, и никакого желания. Когда я почувствовала её, Гриша сразу же испарился, не оставив ноющей тоски, которая обычно портила мне день, после сновидения с его участием. Потому что я знала, что смогу в любой момент вернуться к нему, если только позволю случиться тому, что требовал от меня сон.

Нет, Фрейд, ты не прав, подумала я победоносно. Я сама была змеёй. Во втором сне моего тела больше не существовало. Я покинула его, моя душа заняла тело змеи. Меня переплела чистая гармония. Гармония, которую я никогда не смогу испытать, являясь человеком.

Один раз мне уже снилось, будто я превратилась в животное. Тогда это тоже показалось мне более желанным. Когда я проснулась, то сразу же осознала, что я человек, даже если пыталась сохранить в себе энергию животного. Но сейчас я несколько минут лежала в кровати и не могла двигаться, потому что что-то от меня, всё ещё находилось под чешуёй змеи и не хотело уходить. Я зашипела на Джианну ... Если бы она подошла ещё ближе, я бы цапнула её ... Но действительно ли я хотела укусить Джианну? Или же что-то другое, угрожающую, тёмную тень, которая была готова опуститься на меня? Тессу?

Вздыхая, я перевернулась на спину и смотрела на мерцающие тени на потолке, отражение постоянной игры ветра в белых тополях.

Уже прошло несколько дней с тех пор, как Колин присоединился к нам, и в течение всего этого времени я видела его только несколько часов. Ужин при свечах хотя и не стал катастрофой, но в нём не содержалось даже искры романтики.

Я не могла винить в этом Колина, хотя настойчивый, шепчущий, действующий на нервы голос в голове, с удовольствием бы это сделал. Прежде всего это мой брат испортил всю атмосферу. По-другому нельзя было сказать, как бы мне не хотелось. Пауль не мог принять Колина. А мы - не считая Тильманна – были слишком восприимчивы, чтобы проигнорировать его и всё же провести приятный вечер. Пауль, хотя и прилагал усилия, но было заметно, что он следил за каждым движением Колина и чувствовал себя неуютно в его присутствие. Кстати, это относилось не только к Паулю, но и ко всем людям, приближающимся к нам. Больше всего им хотелось выгнать нас из ресторана, хотя мы вели себя примерно, оплатили счёт, оставили щедрые чаевые и хвалили еду, из которой Колин, с трудом проглотил лишь несколько кусочков. Атмосфера была напряженной: постоянный лай собак - в Италии очень много собак - хныканье и рёв детей и кажущаяся чуть ли не похотливой навязчивость деревенских кошек, трущихся о ноги Колина и снова и снова пытающихся запрыгнуть на стол. Конечно люди не моли идентифицировать источник этого волнения, но одно было ясно: мы мешали.

Я уже лишилась иллюзий, когда мы добрались до места. Я представляла себе живописную, горную деревушку, наподобие Веруккьо, который между тем казался мне священным городом. Но бедность Калопеццати кричала с каждой улочки, каждой ниши, с каждого входа в дом. Фасады домов казались грязными, стены осыпались, улицы нуждались в ремонте. Я задавалась вопросом, имелась ли вообще в этих забавно узких улочках функционирующая система канализации.

И всё-таки, даже здесь наверху, перед нами представал удивительный вид на море и вечная игра цветов из серого пляжа, сухой поросли дрока и спокойной, бесконечной лазурной воды, которую я постепенно начала принимать, и которая мне даже начинала нравиться. На пиццерию тоже нельзя было пожаловаться. Пластиковые стулья и столы, как везде, но чистые, и вначале ещё очень вежливое обслуживание.

Я старалась видеть положительные аспекты и наслаждаться тем, что Колин сидит с нами. Но то, как за ним наблюдал Пауль и его неодобрение, а также пугливо-враждебная реакция других людей - всё испортили. Возможно Джианна была права, предполагая, что совместный ужин в приятной атмосфере делает счастливым. Но это не соответствует действительности, когда рядом находится Мар.

Вскоре Колин ушёл. Между нами не возникло никакой нежности, потому что Колин держал руки при себе, чтобы не раздражать брата (во всяком случае я надеялась, что причина в этом), а мне не хотелось никакой близости, пока официанты мрачно на нас смотрели, а детки мутировали в орущие яростные свёртки. Я чувствовала себя виноватой. Как должно быть тогда чувствовал себя Колин?

Он ушёл в самый разгар ужина, лишь коротко коснувшись рукой виска. Прошёл небрежно, но как всегда неприступно вниз по улице, чтобы забрать Луиса, привязанного возле заброшенной конюшни, в стороне от города, и поскакал охотится в горы.

Потом Колин не показывался полных два дня и две ночи. Лишь на третий день, во время заката, он внезапно появился с Луисом на пляже. Мы как раз играли в волейбол и в этот раз, люди отреагировали хотя и сдержанно, но дружелюбно. Наблюдать за тем, как Колин уговаривает Луиса переступить через прибой и пойти с ним искупаться, было желанным спектаклем, а расстояние между демоном и людьми настолько большим, что они не замечали его ауры, или возможно просто не хотели замечать. Кроме того, Колин выглядел сытым.

И это было действительно зрелищем! Хотелось записать эту сцену, Андреа даже попытался, но - о какой сюрприз - его камера на мобильном устроила забастовку. При всей интуитивной сдержанности и возможно страха, было невозможно упустить из виду, какой бескомпромиссный диалог связывал друг с другом мужчину и лошадь, а также каким фантастическим наездником являлся Колин. Когда ему наконец удалось заставить Луиса проскакать в контролируемом галопе по накатывающему прибою, некоторые поклонники солнца даже захлопали в ладоши. Джианна разглядывала его с невинным очарованием и громко размышляла над тем, даст ли он ей уроки верховой езды на Луисе.

Я же тихо стояла, держа в руках волейбольный мяч, покрытый писком, и не смотря на страх перед лошадьми, мне хотелось быть частью этой игры. Колин лишь коротко остановился возле нас, после того, как закончил свой урок плаванья с лошадью и спросил меня, смогу ли я завтра, примерно в 10 вечера, встретиться с ним на пляже. Это был настолько обычный вопрос, что я озадачено сказала «да» и позволила ему проехать мимо, в направлении нашего дома. Он должен ещё кое-что со мной обсудить, добавил он, прежде чем вдавить пятками в бока Луиса. Наверное, речь пойдёт о Тессе, о формуле и о том, что мы планируем сделать. Он вновь хочет узнать, разработали ли мы уже план действий. Должно быть так и есть. Но в этом вопросе я не смогу ему помочь. Я сама ничего не знаю. Пока что Тильманн не посвятил меня в свои планы, и это иногда просто доводило меня до кипения. Но на самом деле необходимости в этом-то не было, потому что счастья нам с Колином не светит. Меня ужасно раздражало, признаться себе в этом, но моей вины здесь нет. Если он пропадает где-то целыми днями, то понятно, что это скорее контрпродуктивно, и собственно он должен об этом знать. Почему же тогда отсутствовал? Почему избегал меня?

Нет, мне не стоит стыдится моего сна с Гришой, решила я упрямо. Такие сны меня точно не посещали бы, если бы Колин обращал на меня больше внимания. Действительно ли его голод такой сильный, что он постоянно должен торчать в горах?

Но об этом я смогу спросить у него прямо сейчас. Наедине, без посторонних зрителей, потому что как только наступят сумерки и подойдёт время ужина, пляж опустеет. Есть ещё вопросы, которые отягощают мою душу. Уже в течение нескольких дней они не дают мне покоя, когда у меня появляется слишком много времени для раздумий. А значит довольно часто.

Моё чувство одиночества с приездом Колина ещё усилилось. Его отсутствие я осознавала слишком явно, а моя ненасытная тоска совсем не убавилась, ведь перед моими глазами, с утра до вечера, маячила влюблённая парочка. Часто я чувствовала себя совершенно излишней. Да, пришло время что-то изменить.

Я встала, приняла душ, одела короткую, джинсовую юбку и маячку и прошла на кухню. В то время, как Джианна стучала горшками и сковородками - в бочонке моллюски из моря, переживали как раз свои последние минуты, прежде чем их бросят в кипящую воду - я взяла холодный кусок пиццы из холодильника, быстро его съела и запила парой глотков пива. (Итальянское пиво настолько разбавлено, что даже я, выпив его, почти ничего не чувствовала.) Потом я, коротко кивнув, вышла из дома. Может быть Джианна и Пауль даже радовались, что смогут провести один вечер без меня. Тильманн в любом случае опять сидел на чердаке, наказывая нас своим отсутствием.

Когда я увидела Колина, одиноко стоящего ко мне спиной в прибое, моё сердце забилось быстрее, но это был беспокойный стук, а не равномерный и бодрящий. Предчувствие? Я остановилась и нахмурившись проверила, не стоит ли мне лучше вернуться домой. Нет, ни в коем случае, поэтому я подошла к нему.

- Эй, - поприветствовала я. Закат солнца окрасил его красноватым цветом. Всё в нём казалось пылает, но вскоре его волосы и глаза вернут обычный чёрный цвет. Веснушек на коже

уже почти не видно. Однако заглянуть в глаза он мне не позволил, направив взгляд на воду, но я всё же могла представить, как они, в запутанном калейдоскопе из зелёного, бирюзового и коричневого, отражали уходящую голубизну моря.

- И о чём же ты хотел поговорить со мной? - спросила я холодно, чтобы он перестал сдерживаться. Пусть не думает, что я ожидаю большего, но я, в свою очередь, надеялась, что он хочет не только поговорить.

Колин всё ещё смотрел на горизонт, когда ответил.

- Я хотел напомнить тебе о твоём обещании.

Мне стало одновременно жарко и холодно. Я правильно поняла? Из-за этого он пригласил меня сюда?

- Ты хотел - что? Но ...

Наконец- то он повернулся. Нет, он не шутил. Невыносимая серьёзность лежала в его взгляде и одновременно предостережение, которое я хотела растоптать.

- Я сдержал моё обещание, Эли. А что с твоим?

- Я не могу поверить в то, что ты говоришь об этом здесь и сейчас, Колин! Я не могу в это поверить! - воскликнула я. Мой голос звучал сдавленно, потому что гнев и беспомощность сжали мне горло.

- Поверь. Это так. Что с твоим обещанием? - повторил он без эмоций, хотя его глаза коротко вспыхнули, как будто в них тлел убийственный гнев. Я сделала шаг назад, не из-за того, что испугалась, а потому что не хотела начать его бить и пинать.

- Я должна была только подумать, таким было моё обещание, и я подумала! Только подумала!

- Не ври, Эли. - Колин сократил расстояние между нами, но не прикоснулся ко мне. Я чувствовала его холодное дыхание на лице. Его волосы играючи, потянулись к моим. Снова я хотела отступить, но упёрлась пятками в песок, пусть не думает, что я его боюсь. - Ты не размышляла, ни одной секунды. Ты отодвигаешь это на позже.

- Потому что бесполезно думать над этим сейчас! Совершенно бесполезно! - крикнула я. Я проклинала отчаяние, прозвучавшее в моём высоком крике. Оно стучало в моей голове и напирало на тонкие стенки вен. И всё же, я казалась себе бессильной. Он ведь не может иметь это ввиду. То, как он это сказал - должно быть это только тест, возможно даже шутка, какой-то дурацкий, самурайский экзамен, о котором я забыла. - Это бесполезно, пока не пришла Тесса, а до тех пор я не буду над этим думать! Я не буду! Потому что потом, ты больше не захочешь умирать, так как будешь свободен!

- Ах, значит ты одна решаешь, когда собираешься выполнить своё обещание? Значит вот как? - издевался Колин. - Ты ошибаешься. Я никогда не буду свободен. Я пойман в себе.

- Прекрати болтать так пафосно, пожалуйста, Колин! Я этого не вынесу! Скоро придёт Тесса, и тогда ты пожалеешь о том, что вообще думал о смерти ...

- Что же, пока что она не пришла, или я что-то пропустил? - О, как я его ненавижу, этот надменный взгляд, похожие на маску, угловатые черты лица, высокомерную улыбку.

- Нет, не пришла, но разве тебя это удивляет, если ты отсутствуешь целыми днями, а как только мы встречаемся, даже не прикасаешься ко мне? Разве по-твоему это привлечёт её?

- Такова наша повседневная жизнь, Элизавета. Так выглядит наша повседневная жизнь. Я ухожу, ты ждёшь меня, а когда я рядом, тебе нужно отсылать других людей прочь, если уж они не уйдут по собственному желанию, потому что чувствуют себя в моём присутствие не комфортно. Но скорее всего они уйду самостоятельно. Постепенно, ты станешь одинокой, возможно не сможешь работать, потому что будешь страдать из-за изоляции, заболеешь и заработаешь депрессию. Будешь пытаться остановить старение, чтобы я и дальше желал тебя, станешь не уверенной, будешь сомневаться в себе, как ты уже сейчас часто делаешь. Люди

перенесут отвращенные, которое испытывают ко мне, на тебя, даже не поняв этого, а когда мы будем вместе, ты будешь со мной ссориться, вместо того, чтобы спать. Без меня тебе будет ...

- Прекрати! Колин, пожалуйста прекрати! - Я зажала руками уши, но его слова повторялись в моей голове, как бесконечное эхо. - Прекрати, я не хочу этого слышать.

- Это не справедливо, Эли, - прошептал Колин и я не знала, имел ли он ввиду себя - или нас обоих?

- Прекрати. - Теперь я захныкала, потому что у меня больше не было сил кричать. Он вымотал меня. Я опустилась на колени и не двигалась, когда волна накатила и намочила мою юбку.

- Перестань, Эли. Мне не нравится, когда ты встаёшь передо мной на колени. - Колин потянул меня за локоть наверх. Как всегда, он не причинил мне боли, но его хватка была однозначной. Он не терпел моей слабости. Он настаивал на том, чтобы я выполнила обещание.

- Ты не даёшь мне ни одного шанса, - пожаловалась я, когда смогла снова говорить. Я не всхлипывала, хотя каждый слог причинял боль в горле. - Ты не даёшь мне ни одного шанса доказать, что мы можем быть вместе счастливы, чтобы Тесса пришла, и чтобы мы показали, что ты ... - Слишком много «что» в одном предложение. Он всё равно не верил мне. - Кроме того, я не могу об этом думать, пока не узнаю некоторые вещи о тебе, которые не понимаю. У меня есть ещё несколько вопросов. - Мои аргументы - это чисто тактические переговоры, и я уверена в том, что Колин разгадал это. С другой стороны, они звучали логично, а ведь он использовал любую предложенную ему возможность, чтобы объяснить, что не совместим с людьми. Пусть сделает это и сейчас.

- Тогда начинай, - ответил он сухо.

- Ладно. Ладно ... - Я не торопилась, собралась с мыслями и вздохнула. Я не хотела казаться истеричной, когда буду говорить о таких интимных вещах. Они для меня достаточно неприятны, но не дают покоя, с тех пор, как мы в последний раз расстались на побережье Балтийского моря. Тем не менее, мне всё же не удалось упаковать их красиво. Прежде чем я смогла остановить себя, у мня вырвалось грубое обобщение мыслей, сплетённое в неуклюжий, чудаковатый вопрос.

- Почему ты не спишь со мной по-настоящему?

Колин удивлённо приподнял брови, а его левый уголок рта дрогнул.

- По-настоящему? Что по твоему богатому опыту по-настоящему, Эли?

- Да, хорошо, на Тришене было всё ... э ... так, как обычно себе это представляешь, - пыталась я избежать деталей. - Но потом ... настоящее, половое сношение было всего лишь один раз, понимаешь? Весной, когда я приехала к тебе на Тришен. Потом ... потом было только ... - Сдавшись я закончила моё заикание. Я раз и навсегда должна признать, что не могу говорить о сексе. А слово «только» на самом деле не подходило к тому, что я тогда ощутила. «Только» не могло описать пережитые мною множество чувств. - Разве ты не понимаешь, что я имею в виду? - спросила я неуверенно, когда Колин, слегка забавляясь, лишь смотрел на меня. Он не предпринимал никаких попыток вмешаться, чтобы помочь.

- Половое сношение, - передразнил он меня качая головой. - Эли, ты в самом деле понимаешь, как насладиться общими воспоминаниями. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. Да, точно, это было так, как ты сказала.

- И почему это так? Хорошо, то что мы, здесь в Италии, ещё не занимались сексом, ты обосновал, даже если я считаю твою аргументацию глупой, но да ладно, пусть будет так. А на Тришене, после тренировки каратэ, ну, наверное, это была предварительная стадия к аскетизму, да? - Я подняла взгляд, а он небрежно замахал рукой, чтобы показать, что я могу продолжать. - Хорошо, аскетизм. Но в лесу с волками, там мы могли заняться им. Нам было

ясно, что мы привлечём Тессу, мы даже говорили об этом, а я была ещё опьянена воспоминаниями и никогда бы не испугалась тебя!

Колин сел на песок, скрестив ноги. Я последовала его примеру. Наши колени касались друг друга, когда он нежно погладил меня по голому плечу.

- Есть две причины. Одну ты знаешь. Это та, по которой я к тебе сейчас тоже ещё не прикоснулся, хотя ты, в своей короткой юбке, очень осложняешь мне эту задачу. Но есть и другая. Я не хотел, чтобы ты беспокоилась о том, что можешь забеременеть.

- Что я - что? - Внезапно у меня перехватило дыхание - не потому, что меня удивили его слова, а потому, что во время нашего прощания возле моря, именно это опасение крутилось у меня в голове. Я смогла вычеркнуть его из памяти лишь благодаря успокаивающему знанию о том, что Колин бесплоден. Я попыталась избежать взгляд Колина, когда он наклонился вперёд и испытующе на меня посмотрел, но мои плечи не подчинились приказу. Краснея, я опустила вниз веки.

- У тебя ещё идёт кровь, Эли? - тихо спросил Колин.

Потребовались несколько напряжённых вздохов, только потом мне удалось вскочить на ноги, и я так взбесилась, как этого требовала моя встревоженная душа.

- Это не твоего ума дела, Колин Блекбёрн!

Я повернулась на босых пятках и зашагала мимо него вдоль пляжа. Лёгкий вечерний ветерок, едва мог охладить моё пылающее лицо. Через несколько шагов я поняла, почему так сильно расстроилась. Причиной была не только пикантная тема, но и формулировка Колина, заставившая меня так вылезти из кожи. Такая прямая, такая меткая и такая ... бестактная! Никто не имел права спрашивать у меня такие вещи, используя такие откровенные слова.

- Ой! - Я не видела, куда иду и фронтально врезалась в его твёрдую грудь. Конечно. Он быстрее меня, более бесшумный и ловкий. Этим он сводит меня с ума.

- Лесси ... это всего лишь вопрос. Да к тому же обоснованный. Если мне нельзя спрашивать тебя об этом, тогда кому? Я думал ты менее скованная.

- Это ничего общего не имеет со скованностью! - возразила я бурно. - Совсем ничего! Это никого не касается, никого, кроме меня, это моё личное дело, я не с кем об этом не говорю, не говорила даже с моими подругами, ни с мамой, ни с папой, потому что это принадлежит только мне, это мой перерыв, время для моего тела и меня! - Я так сильно скрестила руки на груди, что мышцы свело судорогой. - Никому в эти дни нельзя прикасаться ко мне или приближаться и у меня никогда не было потребности дискутировать об этом, никогда!

Я не преувеличивала. Это правда, даже если мама, во время моего переходного возраста, принимала такое поведение на свой счёт. Мои подруги то же, никогда не могли понять, почему я последовательно не принимаю участия в их женских разговорах. Но Колин внимательно выслушал меня, продолжая смотреть всё так же открыто, как будто понял, что я пыталась объяснить.

- Твой перерыв, говоришь?

Я кивнула и немного расслабила руки.

- А теперь тебе его не хватает, этого перерыва. Сколько уже?

- С ... вскоре после Тришена у меня в последний раз были месячные, но совсем слабые, а потом ... больше не было. - Я не знала, почему вдруг заплакала. В этой ситуации нет ничего прискорбного, я даже считала это практично, если бы не подсознательный страх, что я беременна или заболела. Но то, что я теперь чувствовала, была скорбь и мучительный страх из-за того, что скажет мне Колин.

- Знаешь, Эли ... - Колин не пытался прикоснуться, но я почувствовала, как он мысленно снова приблизился, осторожно подобрался ко мне. - Мы Мары, сами по себе, не бесплодны. Ты конечно знаешь, что случается с самками крыс, когда у них бывает сильный стресс?

- Ты что, хочешь сравнить меня с самкой крысы?

- Я подумал, что тебе будет легче говорить об этом, если окунуться в знакомые сферы науки, - ответил Колин с утончённой и очень изощрённой иронией. - Они становятся бесплодными, разумная, естественная реакция, если посмотреть на это более внимательно, потому что при постоянном стрессе нельзя родить здоровый приплод или даже вырастить его. Боюсь, что наше влияние на человеческих женщин похоже, своего рода милость природы. Это не так, что мои бесполезные штуки, как ты однажды назвала их, не производят сперму.

О Боже, теперь он опять стал таким откровенным. С одной стороны, мне это нравилось, но с другой я так же теряла дар речи и смущалась.

- Вместо этого, цикл женщины прерывается, у них больше не происходит овуляции или, что ещё намного хуже, но якобы возможно только, если занимаешься сексом с полукровкой, происходит зачатие ребёнка, но в течение первых недель женщина его теряет.

Я начала дрожать. Получить выкидыша - это один из моих постоянных кошмаров, потому что я пережила, как подобное перенесла мама. После атаки на папу. Конечно же после атаки на папу - перед атакой, меня ещё не было на свете. О Боже, после атаки на папу ... Почему я раньше никогда об этом не думала, никогда не связывала с тем, что случилось с папой? Только теперь я снова вспомнила эти мрачные дни; мамино осунувшееся, заплаканное лицо, отсутствие аппетита и душащая печаль, которая окутала весь дом; капли крови на коврике в ванной, на которые я смотрела, после того, как папа повёз маму в больницу, а Паулю и мне дал указание быть послушными, они скоро снова вернуться. Много часов я сидела там, на холодном полу ванной комнаты, и не могла сдвинуться с места. Мне было пять лет, но теперь я снова вспомнила каждую деталь, как будто это произошло только вчера. Хотя я старалась, на протяжение многих лет, забыть эту тёмную главу нашей семьи.

Колин не лгал. То, что он говорил - это правда. С моей мамой такое случилось. Или может произошло что-то ещё? Есть много причин для выкидыша. Но мой инстинкт подсказывал, что в случае мамы была только эта одна.

- Возможно у тела существует своего рода интеллект, который чувствует, что растущий в нём ребёнок - не нормальный, и поэтому отторгает его. Или может быть это просто стресс, который мы Мары или полукровки, вызываем у людей, когда приближаемся к ним. Но это случается очень редко, и со мной ничего не произойдёт. Я ведь камбион. На Тришене не было ни малейшей опасности. После того, как ты скользнула в мои воспоминания, твоё тело совершенно вышло из ритма. Моё воздействие на женский цикл чаще всего в действие вступает немедленно. Ты никогда не сможешь зачать от меня ребёнка, никогда.

- Кто говорит, что я хочу иметь детей? - спросила я глухо, всё ещё слишком испуганная, чтобы переварить то, что только что услышала. Я прокашлялась, чтобы восстановить голос. - Я не хочу детей, ещё никогда не хотела.

- Ты опять лжёшь, - сказал Колин сурово и схватил меня за запястье, прежде чем я смогла снова сбежать. - Эли, не забывай, кто я и какие у меня есть способности! Все те чувства, что сейчас бушуют в тебе, противоречат твоим словам. Не считай меня дураком!

Мой озноб превратился в дрожь, когда я поняла, какие чувства Колин только что прочитал во мне.

- Да, это верно, я однажды думала, что беременна, после того, как переспала с Энди, а когда заметила, что всё же не беременна, узнала наверняка, то на одно мгновение почувствовала что-то вроде ... разочарования? Грусти? - Я вопрошающе посмотрела на Колина. Его глаза теперь, когда солнце зашло, снова стали глубоко-чёрными, но им не хватало мерцающего блеска. Также небольшие, знакомые складки, выражающие беспокойство, образовались в уголках его губ.

В то время я тоже, посмотрев в зеркало, обнаружила морщинку между глаз. Я не понимала, почему почувствовала разочарование, когда неделями ранее, не могла прожить спокойно ни одной минуты, а мои мысли кружились лишь вокруг предполагаемой беременности.

- Да, может быть, это была грусть, и я чувствую эту грусть каждый раз, когда вспоминаю. На один короткий момент. Но это не значит ... - Мне не хватило воздуха, и я вздохнула, после чего продолжила говорить. - Это не значит, что я автоматически хочу иметь детей или хотела одного от Энди. Я не хочу детей, Колин, уже только потому, что буду любить их так сильно, что не смогу прожить и дня, не беспокоясь, что с ним может что-то случиться, а это сведёт меня с ума ... Я не смогу вынести эту любовь. Я это знаю, Колин. Я чувствую слишком много. Со мной так всегда, и в этом случае, чувства лишат меня жизнерадостности. Я больше не смогу сделать ни шага без страха. - Устало я замолчала. Я ещё никогда не делилась ни с кем этими мыслями, а теперь поделилась с существом, которое никогда не испытывало любви матери. Причинила ли я ему этими словами боль?

Из-за этого он смотрел на меня теперь чуть ли не с горьким выражением лица?

- Колин я ...

Прежде чем я смогла найти предложение, которое выразило бы то, что я чувствовала, он развернулся и исчез в мягкой, шелковистой темноте юга.

Я опустилась на песок и оставалась сидеть там, хотя прибой приближался и как голодное животное лизал мои ноги, но здесь нет ни отлива, ни прилива. Он не может утянуть меня с собой.

Когда стало настолько темно, что я больше не могла различить, где встречаются вода и небо, я тоже встала и вернулась в дом.

Пауль и Джианна сидели вместе на террасе, слушали музыку и пили вино.

- Короткое было свидание, - заметила небрежно Джианна, но я ничего не ответила. Она представления не имела, каким ужасным может быть свидание, если делишь его с камбионом. Вместо того, чтобы любить друг друга, ты говоришь о смерти, выкидышах и бесплодии.

Как парализованная, я лежала на кровати, пока Пауль и Джианна, перешёптываясь, не уединились в своей комнате, а террасу оставили сверчкам, ящерицам и гекконам.

Только когда скорпион, треща, спустился по стене вниз и остался сидеть рядом с моим лицом, я смогла повернуться на бок и наконец-то уснуть.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Интермеццо

- На помощь ... на помощь! - Этот писклявый, ничтожный крик, совершенно непригодный для того, чтобы разбудить или даже насторожить какого-нибудь человека. Скорпион рядом, беззвучно шмыгнул под кровать. Он, как и я, чувствовал, что здесь кто-то есть. Задыхаясь, я наполнила мои от страха затвердевшие лёгкие воздухом, чтобы вновь позвать на помощь, в этот раз громче и сильнее. Но не успела.

- Тихо, это я, не бойся ... Лесси, это я ...

- Блин, вот напугал. - Всё моё тело дрожало, и, хотя я теперь знала, что нет причин для такой реакции, мои нервы ещё несколько секунд сходили с ума, прежде чем и они приняли, что мужчина в моей комнате, на самом деле знакомый человек. - О Боже, как я испугалась ..., - сказала я ещё раз, чтобы объяснить моё странное поведение. Я, наверное, в эти поздние, ночные часы, ожидала всё что угодно, только не того мужчину, который как тёмная тень, больше фантазия, чем реальность, стоял возле моей кровати.

- Один раз я зашёл к тебе, как обыкновенный смертный, то есть через дверь, а ты наложила в свои несуществующие трусики. Я даже постучал.

Это действительно он. Несомненно, Колин. Я действительно напугалась бы меньше, если бы он повис надо мной на потолке. Я думала это грабитель или нападение, может быть даже чужой Мар ... только не он. Что я только что увидела во сне? Я не могла вспомнить. И разве мы несколько часов назад не разошлись, поругавшись? Да или нет?

Раздосадовано я поняла, что знала совсем мало, поэтому не могу суверенно владеть ситуацией, в частности потому, что Колин, если меня не обмануло зрение, был совершенно голый. Голый, не считая кожаного браслета на запястье. И он уже сел ко мне на кровать. Я всё ещё видела его как неясный силуэт, лишь глаза иногда посылали искры сквозь темноту моей комнаты. Я нерешительно протянула руку и коснулась его колена.

- На тебе ничего нет, - заметила я укоризненно. Колин и голый - это не хорошая основа для объективного разговора. Но возможно он вовсе и не хочет вести его со мной.

- На тебе тоже, Эли. Я подумал, что после того, когда я приехал, ты объявила, что моя рубашка излишняя, тебе будет легче выносить моё присутствие, если я сниму всю одежду.

Да, конечно. Им управляла только милосердная самоотверженность, что же ещё?

- Легче это не то слово ..., - закапризничала я. - И я ... я должна тебя увидеть. Так не пойдёт.

Я должна его увидеть, и мне нужен свежий воздух, но прежде всего мне нужно сделать что-то, в чём я была бы уверенна, что не потерплю неудачу или скажу какую-нибудь чепуху. Я откатилась в подножие кровати, встала, неуклюже прошагала к высоким ставням, ведущим на террасу и оттолкнула их от себя, так что в комнату проник скудный, но достаточный свет - свет луны, которая наконец-то взошла и бросала свои серебристые лучи на море. Они отражались даже от листьев тополей. Лёгкое дуновение солоновато-тёплого и всё же бодрящего воздуха ударило мне в грудь. Меня охватила приятная дрожь.

- Постой так, Лесси. Только одно мгновение.

Я чувствовала, как его взгляд ласкает мою голую кожу; я даже воображала, что могу сказать, где он находится именно сейчас. На моём заде. Или всё же на руках. Впадинах колен? Снова подул лёгкий ветерок и охлаждая, высушил крошечные капельки пота на висках и лбу. Мои волосы зашуршали, как тонкая бумага. Медленно я повернулась к Колину. О да, он точно голый. Ещё какой голый. Его кожа светилась в свете луны, как будто состояла из лепестков цветка - редкого, голубоватого-белого растения, которое показывается лишь тогда, когда все люди спят. Я единственная, кому позволено смотреть на него и прикасаться.

Покраснев, я всё же завороженно изучала небольшие выпуклости мышц на верхней части его туловища, выделяющиеся в сумерках. Мышцы не культуриста, а атлета. Другие вещи тоже

выделялись. Ещё более чётче. Волосы трещали, как и мои, они пленили меня. Меня успокаивало лишь то, что он смотрит на меня не менее завороженно, чем я на него. Мы стали друг для друга восьмым чудом света. Может мне остаться стоять ещё какое-то время, потому что здесь у меня лучшая и более могущественная позиция для сложных дискуссий, чем если бы я лежала рядом с ним на кровати.

- Я не хочу спорить, Эли, - опередил меня Колин. - Это может разбудить остальных, что будет досадно, не так ли?

Возможно это действительно будет досадно. В этом он прав.

- Но я ... когда мы недавно ...

- Мне очень жаль, что я оставил тебя стоять на пляже, - избавил он меня от трудностей в поиске слов. - Иногда и я дохожу до крайности и не знаю, что делать дальше. Я забыл, какая ты невыразимо упрямая и твердолобая женщина.

- Ах, - глуповато ответила я. - Значит ты извиняешься?

- Нет. Не думаю, что в том, что я сказал, беру всю вину на себя. Но я сожалею о том, что расстроил тебя и заставил плакать. Некоторые вещи даже я не понимал.

- Сожалеешь? - спросила я с нежной строгостью. - Сожаления для меня немного маловато.

- О, сожаление - это намного больше, чем ты можешь ожидать от демона Мара, моё сердечко. Прежде всего тогда, когда он с эрекцией сидит на краю твоей кровати.

В моём горле поднялось глупое хихиканье. Может стоит сегодня ночью настроиться на перемирие. В конце концов Колин больше не затрагивал тему Тесса, а также тему о его собственной смерти. Никаких теорий фертильности, никаких женских разговоров. Только мы вдвоём, при свете луны, без одежды. Это более благоприятные условия, позволяющие забыть обо всём, чем были до сих пор в этом смехотворном отпуске.

Было не просто вернуться прямым и твёрдым шагом назад и лечь к нему в кровать настолько мягко, насколько мне это хотелось, но, когда наши губы встретились, тянущее покалывание внизу живота в любом случае показало, что ходьба не принадлежит к моим излюбленным действиям и совершенно излишняя. Колин должно быть поохотился; его кожа была теплее, чем обычно, а запах соблазнительней. Мне приходилось держать себя в руках, чтобы не укусить его. В какой-то момент я всё-таки укусила. Из-за чистой самозащиты.

- Боже мой, сколько же у тебя рук? Семнадцать? - вздохнула я, спустя несколько тихих деятельных минут.

- Только две, однако две очень опытные и умелые.

- Очень умелые, ты старый хвастун, - похвалила я милостиво и прислушалась к рокоту в его груди. Он пульсировал в том же ритме, как и мой мчащийся пульс.

- Я чувствую, как бьётся твоё сердце, Лесси.

- Это не сердце, - исправила я его. Нет, это не сердце, но самые интимные регионы моего тела объединились вместе с его ударами. Колин тихо рассмеялся, не убирая своей руки. Я повернулась на бок, чтобы упереться лбом, так, как мне нравилось делать, в его плечо, которое постепенно становилось холоднее. У меня определённо только две руки, но и они тоже, не такие уж неумелые и неопытные - и они жаждали завоевания.

Я думала, оставить ли мне глаза открытыми или закрыть их, и приняла решение закрыть, чтобы мужество не покинуло меня на пол пути. Хотя я уже один раз исследовала тело Колина, исследовала с открытыми глазами, и о любви ещё не было и речи - мы даже не поцеловались. Но тогда я думала, что передо мной лежит только его оболочка и быстренько принялась её тщательно исследовать и проверять, есть ли волосы на теле. К счастью меня прервал его очень даже присутствующий дух, прежде чем я стала слишком смелой. Тем не менее, пока я думала, что его духа там нет, было легче. Теперь же он здесь, и, когда я проводила пальцами по его груди и животу, меня охватила девичья застенчивость, но ещё сильнее было любопытство.

Двадцать сантиметров дальше на юг, я немного приостановила пальцы. Хм. Я всегда задавалась вопросом, о чём вообще думал Бог, когда создавал нижние регионы наших тел. Может он просто устал от всех своих других дел и схалтурил. Во всяком случае, они не стали красивыми, ни у мужчины, ни у женщины - не то, что понимаешь под традиционной эстетикой. Я считала, что они не подходят к остальной человеческой анатомии. Только у нас у женщин есть явное преимущество, так что мы можем лучше скрыть наш шедевр создания. У голого мужчины его невозможно не заметить. Должно быть это странное чувство, когда между ног постоянно что-то болтается, и у тебя, по большей части, нет возможности контролировать его. С другой стороны ... Я блаженно погладила бархатистое место, на котором у других мужчин росла по крайней мере щетина, а потом смело опустила руку ниже, чтобы продолжить исследования.

Верхняя часть тела Колина задрожала. Я удивлённо остановилась. Этой малости хватило, чтобы повергнуть его в экстаз? Я ведь ещё совсем ничего не сделала. Его приглушённый стон перешёл в сердечный смех. Он смеялся надо мной!

- Боже, Эли ...

- Не можешь объяснить, что здесь такого смешного?

- Твои мысли ... - Колин прижал руку к своему животу, который всё ещё трясся от смеха. - У любого другого, если бы он смог их прочитать, была бы острая проблема с потенцией...

- Тогда хорошо, что я не сплю с любым другим, - парировала я и начала придумывать искусные стратегии защиты. - Я только считаю, что это очень странная конструкция.

- Это? Это он.

- Он? - Я снова захихикала. - Твоя вторая личность, да? Нет это она.

- Почему она?

- Часть.

- Очень мило, Эли. Не советую тебе писать любовные романы.

- Я и не собираюсь, - ответила я холодно. - Во всяком случае ... она ведёт самостоятельную жизнь. Совершенно независимую от всего остального, как мне кажется ... – Так как веселье Колина совершенно не сбило её с толку.

- О, в этот момент мы оба на одной волне, она и я, поверь мне, - опровергнул Колин мои полунаучные объяснения.

- Хмммм ... кстати сегодня в обед мне приснилось, что я ядовитая змея, - рассказала я сонно, потому что это, по словам Фрейда, как раз подходило к теме.

- Да, иногда самопознание начинается во сне, - подразнил Колин. Я открыла один глаз, чтобы посмотреть на него. Он откровенно ухмылялся, волосы спутанные и извивающиеся, глаза пылают чёрным огнём. Я занимаюсь сексом с Мефисто. Удовлетворённо я снова закрыла веко.

- Ах, Колин, Иеремия Блекбёрн ..., - пробормотала я, растягивая каждый слог, потому что мне так нравилось говорить его имя. Тем не менее, казалось очень сложно использовать голос или даже строить предложения. - Такие моменты я люблю больше всего. Рядом с тобой ... мы голые и ... говорим о глупых вещах ... и всё-таки ... - У меня больше не было контроля над тем, что я говорю и что хочу сказать. Слава слетали с языка, как будто я под гипнозом. - Тем не менее, мне покажется предательством, если мы сейчас ... продолжим, и ... - На нескольких секунд я совершенно вырубилась, потом постаралась прийти в себя. Я ведь должна закончить предложение. А то он не поймёт, что я имею ввиду. - Но предательство против кого? - спросила я - или только подумала? - Против кого?

- Против себя самой, Лесси. - Колин осторожно убрал от себя мою руку и положил мне на лоно. Я ничего не могла сделать, и при следующем глубоком вздохе впала в ласковою, мягкую темноту и покорилась сну.

Дискредитация

- Ну и как? Ты счастлива? - О нет. Только не Джианна. И прежде всего не сейчас. Но она уже стоит в моей комнате. Сдавшись, я открыла глаза. - Она придёт? Колин сегодня ночью был у тебя, не так ли? Я слышала вас и ... э-э ... – С обоих сторон носа Джианны появились крошечные морщинки. - Я видела, как он стоит на террасе. Голый. Поэтому спрашиваю ... вы счастливы, да? Что-то подобное делают только счастливые мужчины, выходя голыми на террасу. Несчастливый мужчина такого не сделает. Никогда в жизни!

Я ничего не ответила, ещё слишком шокирована тем, что только что пережила и увидела. То, что это был только сон, не имело значения. Нервно я провела языком по ряду зубов и вздрогнула, когда чуть не порезала его своими острыми, коренными зубами. Но боль принесла облегчение. Они у меня ещё есть, все на месте. Несколько минут назад мой рот был мёртвой, чёрной дырой. Нет, мои зубы ещё здесь, и они не шатаются.

Были ли мы с Колином счастливы? Мне не удалось вызвать в памяти последнюю ночь. Слишком уж сильным был призрак страха из моего сновидения. Я уже в течение нескольких минут сидела, выпрямившись на кровати, но не могла избавиться от него. Выстрел всё ещё звенел у меня в голове.

- Значит несчастливы? Элиза, честно - так не может продолжаться. Я больше не могу так! Я вот-вот сойду с ума. Это ожидание изводит меня. Мне постоянно плохо, я больше не могу спать, у меня всё время панические атаки и ... Что вообще с тобой такое? Эли? Ой-ой, она идёт. Конечно, она отправилась в путь, и ты это как раз почувствовала ...

- Нет. Джианна, пожалуйста, успокойся. Она никуда не отправилась.

- Ты плакала? - Джианна подошла к кровати и у меня сразу же начали пульсировать и болеть виски, но на этот раз меня это не удивило. Только что мне в голову загнали пулю.

- Нет, но ... - Несмотря на боль, я снова покачала головой. Я не могла поверить в то, что только что увидела во сне. Как только моё подсознание могло придумать что-то подобное? До сих пор я всегда каким-то образом могла истолковать мои сны, связать с реальностью, даже если связь и была странной, но всегда существовала. Но в этом, она совершенно отсутствовала. Надеюсь, что отсутствовала.

Я не могла оставаться дольше наедине с этим сном. Я должна рассказать о нём.

- Мне приснилось, что моя мать ... она ... о Боже ...

- Не мучай меня так, Эли. Я становлюсь невыносимой, когда мои нервы перевозбуждены, а они уже перевозбуждены. Больше вряд ли возможно.

- Я была больна. Смертельно больна, - начала я запинаясь обобщать то, что пережила. - Опухоль головного мозга, злокачественная и скорее всего смертельная. Диагноз меня не удивил, но я была полна решимости бороться, по крайней мере попытаться. Даже если шанс выздороветь, был крайне маленьким. После того, как врачи сообщили мне, что со мной такое, я легла в кровать ... Кстати, это было дома в Кёльне, в бывшем доме, и я была моложе, думаю мне было шестнадцать ...

Я сглотнула, потому что появилось такое чувство, что меня сейчас вырвет. Джианна взяла меня за вспотевшую руку и гладила её.

- Продолжай, Эли. Тебе не полегчает, если будешь молчать.

Я посмотрела на неё.

- Нет ничего, что сможет сделать этот сон лучше. Ничего. - Дрожа я выдохнула. – Значит, я лежала в кровати и пыталась подготовиться к тому, что меня ожидает, как вдруг в мою комнату вошла мать и встала рядом, упёрла руки в бока, с холодным, недружелюбным выражением лица. В этом всё равно нет никакого смысла, сказала она, лечение слишком дорогое, да к тому же бесполезное, я стану для неё лишь обузой, а потом всё равно умру, а она не может себе этого позволить. Я хотела возразить, сказать, что хочу бороться, но не смогла ничего сказать,

потому что у меня внезапно больше не стало зубов. Они все выпали! - Снова я сглотнула. - А потом ... потом ... она вытащила из кармана пистолет, приставила его к моему виску и выстрелила. Она просто выстрелила! Моя собственная мать убила меня!

- Мадонна ... - Пальцы Джианны обхватили мою руку намного крепче, чем можно было бы списать на желание утешить меня, но я не сопротивлялась. Я радовалась, что чувствую кого-то, кто без сомнения не собирается меня убивать. - Эли, твоя мать никогда в жизни не сделает такого, никогда. И ты не больна. Ты совершенно здорова. И зубы у тебя ещё все на месте ...

- Здесь не только это, Джианна. Я не сразу проснулась. Я почувствовала, как эта пуля пробуравила мне голову, и я умерла. Всё вдруг отдалилось, мысли, чувства, всё ... а потом наступила темнота и моё сознание исчезло, навсегда ... Навсегда! Я была мертва!

- Нет! Нет. Ты лишь пробудилась ото сна, иногда, когда просыпаешься, испытываешь что-то подобное и ... - Джианна боялась, как и я. Я видела это по мерцанию её жёлтых глаз. Она больше ничего не хотела слышать. Теперь она изо всех сил будет пытаться отвлечь меня, и я решила позволить сделать ей это. О конце моего сна нечего сказать. Я могу только надеяться, что моё подсознание ошиблось в своём представление о смерти, и за этим всепоглощающим небытием что-то следует. Что-то, где я ещё смогу думать и чувствовать, вместо того чтобы полностью и навсегда, быть стёртой с лица земли.

- Мне тоже иногда снятся странные сны. Знаешь, на что специализируюсь я? На снах о знаменитостях, - без разбора лепетала Джианна. - Да, мне снятся знаменитости и странным образом, чаще всего речь идёт о знаменитостях, которые раньше меня совсем не интересовали. Например, братья Кличко. Они оба уже снились мне, и не раз! Каждый раз я помолвлена с одним из них, но не знаю с кем. Потом, такая же прекрасная, моя чисто-платоническая ночь с Ричардом Гиром. Или то, что я не могу себе объяснить - мои поцелуи с Гэри Барлоу. У него были ужасно сухие губы, и когда мы целовались, он казался таким печальным. Я никогда не была фанатом Take-That, но с тех пор, как встретила Гэри во сне, я смотрю внимательнее, когда он появляется по телевизору ... Кажется, будто между нами существует связь, только благодаря этому сну. Хотя на самом деле считаю Робби Уильямса намного более увлекательным.

- Джианна ...

- Я уже молчу. Ты точно знаешь, что Тесса не отправилась в путь? Полностью уверенна? - Это не давало эй покоя. С подозрением она положила руку себе на живот. - Я уже давно должна была начать готовить завтрак, но мне так плохо от напряжения, потому что я постоянно думаю: может быть сегодня она придёт. Сегодня она придёт! Эли, я начинаю постепенно сходить с ума ...

- Колин вряд ли бы оставил меня одну, если бы мы приманили её. Кроме того, я не чувствую, что она приближается. Всё, как всегда.

- Но вы сегодня ночью уже ... э ... бух, бух? - Бух, бух. Чего бы там Джианна под этим не подразумевала.

- Мы были вместе, - ответила я сдержанно.

- И он был голый! - Джианна состроила такое лицо, как будто требовалось выяснить криминальное дело. – И всё же вы друг с другом не спа ...

- Я не знаю, почему тебя должно это заботить, - остановила я её и встала, обмотав простынь вокруг голых бёдер, собираясь исчезнуть в ванной, но Джианна оборонительно загородила дверь. Как только я подниму руки вверх, чтобы прогнать её, останусь голой, а я в этот момент не хотела оголяться перед Джианной. Я уже и так чувствовала себя обнажённой и униженной, уже только из-за её настойчивых вопросов.

- Меня это заботит, потому что может привлечь демона, который по желанию способен либо превратить в демонов и нас тоже, либо прикончить! Эли, я серьёзно: так не может

продолжаться! Если вскоре что-нибудь не случится, то Пауль и я уедим. Пауль тоже чувствует себя не хорошо, а он только совсем недавно чудом сбежал от своего Мара.

- Ты что, призываешь меня переспать с Колином, чтобы Тесса наконец пришла? - набросилась я на неё. Оказывается, чувство унижения может стать ещё сильнее.

- Нет, ради Бога! - парировала Джианна, подняв руки вверх. – Скорее я хочу, чтобы ты поняла, что возможно это больше не получится ...

- Что не получится? - Я вызывающе на неё смотрела, хотя сердце сжалось от обиды.

- Стать с ним счастливой, - ответила Джианна удивительно твёрдым голосом. - Может ты больше не сможешь стать с ним счастливой, и тогда нам лучше уехать или по крайней мере начать искать твоего отца. Всё лучше, чем это жалкое ожидание чего-то, что возможно никогда не случится.

От негодования я больше ничего не могла сказать. Зато в голове возникла сцена, которую я не могла вспомнить, когда проснулась. Теперь же она казалась намного более конкретной и живой. Колин ещё раз разбудил меня. Или он встретился со мной во сне? Я открыла глаза и посмотрела на него, рука всё ещё лежала на лоне, чувства, пойманы в бушующем водовороте из желания, тоски и меланхолии.

- Моё существование кажется мне бессмысленным и одержимым, Лесси. Пожалуйста попробуй это понять. Я хочу, чтобы оно закончилось чем-то прекрасным. Я не хочу, чтобы с тобой повторилось тоже, что снова и снова случалось с другими. Ты не должна меня бояться.

Почему я вспомнила это именно сейчас? Теперь я не могла сосредоточится на ответной атаке. А что ещё хуже: мои глаза стали подозрительно горячими, и я почувствовала, что за лбом назревает целый поток слёз. Против них я редко выигрываю.

- Как ты можешь утверждать, что этого никогда не случится? - Я боролась, как могла, за самообладание и достоинство.

- Потому что мне это знакомо. Я знаю, через что ты проходишь. - Глаза Джианны потеряли свой блеск, когда она, взяв меня за локоть, провела к кровати, побуждая сесть. Я осталась стоять не поддавшись. - Я же тебе однажды рассказывала, что была вместе с этим манипулятивным мудаком, Рольфом. Вначале было всё замечательно, он ухаживал за мной, присылал открытки с романтическими признаниями, разглагольствовал о бабочках в животе и большой любви ...

- ... всё вещи, которых Колин никогда не делал и никогда не сделает! - вмешалась я холодно.

- Здесь важен принцип, Эли. Дело в том, что я думала, что пылаю от любви и что наконец-то нашла мою вторую половинку. Я хотела в это верить, изо всех сил. И поэтому продолжала верить и тогда, когда он начал плохо ко мне относиться. Я хотела удержать эту мечту. Мечту, что мы предназначены друг для друга, что всё станет хорошо, если только мы создадим правильные условия, получше узнаем друг друга, убедим всех наших скептиков ... Но стало поздно уже в тот момент, когда он впервые причинил мне насилие. С этим нельзя справится. Конечно ты пытаешься, я тоже пыталась, два битых года. Но твоя душа отказывается слушать. Всё это время, я ни разу не была счастлива, не могла расслабится, не испытывала удовлетворения, всегда присутствовал страх и недоверие, хотя я думала, что могу игнорировать эти чувства, что должна их игнорировать, как будто это был мой долг. В конечном счёте, они оказались сильнее. Они всё отравили. Я насиловала саму себя, оставаясь рядом с ним.

- Ты прочитала об этом в энциклопедии? - Речь Джианны прозвучала в моих ушах стерильно и скопировано, как будто она где-то подхватила её и выучила наизусть - да, как будто она ничего общего не имели с ней самой.

- Я не могу сформулировать по-другому, Эли. Мне нужна эта дистанция. Если её нет, тогда это ранит. Понимаешь? Тогда я воспринимаю это слишком близко к сердцу ... Мне ещё каждую ночь снятся о нём сны. Каждую чёртову ночь!

Я сразу же поверила ей. Мне было знакомо проклятие постоянно возвращающихся снов.

- И почему твой Рольф сделал это с тобой? Почему так плохо с тобой обращался и манипулировал? Почему?

Джианна печально рассмеялась.

- Очевидно он наслаждался, превращая людей в своё орудие. В этом мире просто встречаются мудаки, Эли. Он даже не замечал этого по-настоящему. Недавно он написал мне, что иногда вспоминает старые, добрые времена. Какие добрые времена, спрашиваю я себя? Не было никаких добрых времён.

- Видишь - в этом то вся и разница. Он мудак. Он просто делал это, не размышляя. - Каждое слово давалось мне с трудом, поэтому я говорила необычайно медленно и с ударением, почти как перегруженная учительница. - У Колина же была необходимость. Он дал мне пощёчину, чтобы спасти жизнь; и он раздавил мне руку и почти утопил, чтобы спасти Пауля - твоего собственного парня! Я попросила его сделать всё возможное, рисковала своей собственной жизнью! Или ты предпочла бы, чтобы Пауль отдал концы?

Тяжело вздыхая, Джианна опустилась на кровать.

- Если бы в то время мне кто-то сказал всё это, как сейчас я тебе, я бы отреагировала точно также. Я бы оборонялась, объявив всё вздором. Но оглядываясь назад, я бы радовалась, если бы у кого-то было мужество объяснить мне мою ошибку. Так что если хочешь, можешь с этого дня ненавидеть меня, я всё равно скажу. Он пнул тебя в живот, Эли, и ...

- Я задаюсь вопросом, как вы вообще увидели это! Как смогли увидеть? - На террасе внезапно раздался шум от передвигаемых стульев, и звон посуды. Пауль добровольно взялся за приготовления завтрака. С размаха я захлопнула, стоящую на распашку, стеклянную дверь. Пусть мы даже задохнёмся - Пауль не должен ничего услышать из этого разговора. Тогда это будет так, как если подольёшь в огонь бензина.

- Даже если вы это видели, Колин пнул меня в живот только чтобы умножить мой гнев и таким образом отравить Францёза ...

- Я это знаю, Элиза. Тебе не нужно оправдывать поведение Колина. Я же тебе сказала, он мне нравится, и здесь ничего не изменилось, совсем наоборот. Я убеждена в том, что ему не нравилось делать это с тобой, он не действовал легкомысленно. Но всё-таки он совершил это, и для твоей души не имеет значения, были ли это меры для спасения жизни или нет. В этом-то и вся трагедия. Насилие остаётся насилием.

Теперь она снова впала в этот обучающий, психотерапевтический жаргон. Да, она точно хорошо поговорила с моим отцом на том конгрессе, где они познакомились. Папа тоже мог отлично говорить так, будто цитирует из учебника.

- Возможно вы найдёте способ жить с этим, но счастье ..., - продолжила Джианна немного мягче, когда я ничего не ответила, так как мне не хватало аргументов. Потому что, не смотря не на что, она права. Насилие остаётся насилием. - Уже сейчас, так скоро после того, как всё случилось ... не знаю ...

- Я считаю, что с твоей стороны довольно нечестно то, что ты тут вытворяешь, Джианна. - Я не могла по-другому, как опять наброситься на неё. То, что она сказала, выбило у меня почву из-под ног. Я должна отбиваться, чтобы не пойти ко дну. - Знаешь, в какой на самом деле ситуации застряли Колин и я? Каждый здесь ожидает, что мы станем счастливы, а ведь именно тогда часто случиться что-то ужасное - даже у самой довольной, нормальной, свободной от насилия пары появились бы проблемы! Осчастливить Пауля было ещё достаточно легко, он ведь ничего не знал о наших планах и позволил себя увлечь, но с Колином и со мной ...

Чёрт. Теперь я, не желая этого, даже с ней согласилась. Мы не можем заставить счастье прийти силой, не для самих себя. Не тогда, когда знаем, что пытаемся сделать это.

- Элиза, ты же рассказывала, что Колин был в концлагере, и Тесса вытащила его оттуда...

- Нет, я тебе этого не рассказывала. Я не говорила, что это Тесса освободила его. - Откуда Джианна знает? Я была убеждена в том, что не упоминала в связи с этим о Тессе.

Джианна смущённо посмотрела на пол.

- Ладно, признаюсь, он сам рассказал мне. Сегодня ночью. Мы коротко поговорили ...

- ... когда он был голый? - недоверчиво прервала я её.

- Он встал в тень, так что я только видела, как сверкают его глаза, ничего больше. - Что же, всё остальное не светиться, подумала я устало. - Не беспокойся, я ничего не видела. Я спросила его об этом, потому что мне было интересно и из его описания поняла, что она спасла его.

Колин добровольно рассказал Джианне о своих самых травматических, пережитых в жизни событиях? Одно мгновение я даже не могла больше думать из-за ревности.

- Он сказал не много, Эли, я быстро поняла, что он не хочет об этом говорить, желает поскорее вернуться к тебе. – Где, однако, не появился. По крайней мере он отделался от Джианны. - Только ... если Тесса вытащила его оттуда, то я задаюсь вопросом, как она узнала, где он. Ведь там он точно не был счастлив. Так что должен быть ещё один способ приманить её ... может, если ему становится совсем плохо? Тогда она тоже приходит?

- Нет, - прошептала я, хорошо зная, что я сейчас действительно совершу предательство, потому что этого Колин стыдился больше всего на свете. - Он позвал её.

- Уф, - сказала Джианна после небольшой паузы, сдув несколько тёмных прядей со лба, которые сегодня ещё не знакомились с расчёской. - Он позвал её. Это конечно было очень унизительно, но с другой стороны ... такая возможность есть. Он может позвать её, - размышляла она. - И она не закончила метаморфозу?

Об этом я ещё не думала. Как Колин с ней справился? Или ей снова удалось что-то на него перенести? Был ли он раньше менее демоническим, чем сегодня?

- Он может позвать её, - повторила Джианна громко. - Не так ли, Эли? - Мои беспокойные мысли рассеялись.

- Он может. Но не сделает. Никогда. Джианна, пожалуйста, не требуй этого от него, он не должен знать, что ты в курсе, собственно даже я не должна знать! Вот блин, зачем я тебе только рассказала? Не причиняй ему такой боли ...

Если он узнает, что я предала его, рассказав кому-то другому о его слабости, его самом большом поражении, это будет означать конец наших с Колином отношений.

- Ты не хочешь по крайней мере спросить его?

- Нет. Нет, я не могу. Джианна, не проси, да он и не согласится, в этом отношении я достаточно хорошо его знаю.

- Завтрак готов! - крикнул Пауль с улицы. Интересно сколько он услышал из нашего разговора? Достаточно, чтобы узнать, каким образом освободился Колин? Почему я не могу держать рот на замке? Может моё слишком часто упомянутое подсознание хотело наказать Колина? Но за что? За то, что он хотел спасти меня и моего брата? Никто не должен наказывать его, даже я, кому пришлось пройти через ад, чтобы выполнить этот план.

- Завтрак готов ... Ты слышала, Эли? - прошептала Джианна. Она выглядела слегка взвинчено, а её ресницы дрожали. - Сейчас мы позавтракаем. Поедим булочки, мёд, варенье, свежую, нарезанную дыню, выпьем, кофе. Потом пойдём на пляж, будем купаться, играть в волейбол, пообедаем, поспим во время сиесты, вернёмся на пляж ... и всё это время будем ждать, что она внезапно решит прийти ... Я ещё сойду с ума!

- Тогда возвращайтесь домой, - сказала я холодно. - Уезжайте! Я не хочу никого принуждать оставаться здесь. - Это то, о чём вчера вечером говорил Колин? Я прогоню друзей,

потому что они не справляются с глубоко укоренившимся отвращением и страхом и переносят его на меня? Это уже происходит?

- Ах, Эли ... Это не решение, я это знаю, но ... - Нет, это не может случиться так быстро. Я должна бороться за них, не только за Джианну, но и за Пауля и Тильманна. Хотя Тильманн тоже любит читать лекции, но он, по крайней мере, не придирается постоянно к Колину. Всякий раз, когда Джианна ставила под сомнения мои отношение с Колином, у меня появлялось такое чувство, что она ставит под сомнение меня. Тем не менее я не хотела потерять никого из них. У меня ещё никогда не было таких друзей как они.

- Следующие дни Колин всё равно будет на Силе, - начала я вести переговоры, прежде чем станет поздно.

Джианна прислушалась. Конечно же ей был знаком термин Сила; наверное, она знала обширный, дикий, горный лес Калабрии и поэтому понимала, что эта область должна быть для Колина идеальным охотничьем угодьем.

- Колин сказал, что там есть волки, - быстро продолжила я, когда увидела, что вызвала её интерес. - Они там есть, не так ли?

- Да, по крайней мере об этом говорят ..., - нерешительно подтвердила Джианна.

- Он хочет найти их. Когда мы бываем так близки, как сегодня ночью, сначала он должен хорошо поохотится. До тех пор, с нами ничего не случиться, это я обещаю. Я не хочу сейчас возвращаться домой, Джианна. Я хочу ещё провести время с вами, здесь в Италии. Пожалуйста.

Мои слёзы закапали на простынь и голые колени. Я всегда им проигрывала. Иногда я себя за это ненавидела.

- Согласна. Не реви, Эли, всё хорошо, мы не уедем. Тогда я просто буду рассматривать мою тошноту, как диету. Хотя она мне и не нужна, ну что же ... Джианна убрала мои волосы за плечи, заглянув в лицо. - Эй, малышка, не плачь ...

- О чём ты ещё говорила с Колином? - спросила я, всхлипывая, потому что хотела избежать дальнейших психологических диалогов.

- Ни о чём особенном. О том, о чём можно поговорить, когда встречаешь голого Мара на террасе. О том о сём, без всякого смысла. Но, ах да ... он сказал, что дом плесневеет. Он что-то учуял, что не смог классифицировать и что его насторожило. Не понимаю. Это будет первый дом, который заплесневеет в такой сухоте.

- У Колина нос, как у собаки. Он чует всё. - Но и я не имела представление, чтобы это могло быть.

- Честно говоря, он так меня запутал, что я даже не подумала спросить его насчёт вашего счастья. Я даже не вспомнила об этом. В голову приходили исключительно мрачные темы. Поэтому-то я и упомянула о концентрационном лагере ... На нём ведь был одет только его браслет. Ну давай, идём теперь завтракать. Ты разбудишь Тильманна?

Джианна открыла двери, ведущие на террасу, прежде чем мы пострадаем от теплового удара. Ещё даже нет десяти утра, а термометр на моей прикроватной тумбочке показывал 32 градуса.

- Конечно. - С недавних времён Тильманна приходилось заставлять покидать свой чердак, а это лучше всего получалось, если завлекал его едой. Может быть мне действительно стоит пока оставить без внимания тему Колина и Тессы и позаботиться о моём (бывшем?) лучшем друге. После пространных психологизаций Джианны его молчаливость казалась желательной, даже если всё могло без предупреждения изменится и Тильманн тоже начинал читать не менее пространные лекции. Но мне и то и другое нравилось.

Мне будет достаточно просто молча посидеть рядом с ним, если я только смогу почувствовать, что нас связывает.

Колин ни в коем случае не должен оказаться прав. Мои друзья должны остаться моими друзьями. Мне нельзя потерять их.

Мы ведь только совсем недавно нашли друг друга.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Плоть бога

Я хотела подождать ещё несколько минут, прежде чем оденусь и пойду к Тильманну и прислушивалась к звукам на террасе, где мирно сидели и завтракали Джианна и Пауль. Меня удивляло то, как хорошо они понимали друг друга, потому что я считала, что Джианна довольно сложная в общении. В её благих намерениях я почти никогда не сомневалась, но она могла быть беспокойной и настойчивой. К тому же, в ней замечалось сверлящее любопытство и неожиданная властность, прорывающаяся в некоторых областях жизни, а всех остальных она деградировала до своих домашних рабов. Когда я размышляла об этом, то всегда чувствовала себя уличённой, потому что Колин тоже винил меня в подобных качествах. Кроме беспокойства. Беспокойной я больше не была. Для беспокойства было слишком жарко.

Пауль принимал причуды Джианны с ангельским терпением, так же, как Джианна компенсировала юмором и странными житейскими премудростями проблемы Палуя в его физическом состояние и определяемое Марами прошлое. Сказать, что Пауль брюзга было бы слишком, но его серьёзность и подсознательная меланхолия, которые раньше не приличествовали его характеру, никогда не отступали. Я обеспокоенно вспомнила наш короткий разговор вчера вечером, когда встревоженно спросила его, всё ли в порядке, потому что он, с осанкой семидесятилетнего, который слишком перегнул палку с газонокосилкой, свисал со стула и задыхался. И это только из-за того, что повесил одну поклажу белья в саду. Пауль попытался успокоить меня, сказал, что всё не так ужасно, но я знала, он преуменьшал плохое состояние своего здоровья. Поэтому не отступала, пока он не дал мне отеческий совет, не всегда так сильно идентифицировать себя со страданием других. Так сильно идентифицировать! Как будто я это планирую. Я ведь не могу смотреть на него и ничего не чувствовать, как это возможно? Он же мой брат! И действительно ли это так желательно? Почему люди всегда думают, что я могу принять решение и впредь больше не быть такой чувствительной? Будто мне не хватает лишь доброй воли? Если бы я могла принять такое решение, я бы уже давно это сделала.

Но я не стала ругаться. В этом не было смысла. Просто он отличается от меня. Я попыталась утешиться тем, что выздоровление требует время и в мыслях пожелала, чтобы Колин был рядом. Он ещё никогда не обвинял меня в том, что я чувствую слишком много.

Когда моя забота о Пауле становилась слишком обременительной, я кроме того, пыталась успокоить себя тем, что его склонность к грубым шуткам, не смотря на атаку, прекрасно сохранилась. Я продолжала считать, что у него есть харизма. Независимо от всего этого, я была уверенна, что он станет хорошим врачом. Может быть он воплотит в жизнь свои осторожные соображения и снова возобновит медицинское образование. Тогда он сможет исправить испорченную осанку Джианны и позаботится о её синдроме раздражённого кишечника.

То, что она была психически истощена и ей приходилось постоянно бороться со связанными с нервным состоянием недугами, подпитывало мою нечистую совесть. Я уже в Гамбурге заметила, что её желудок сразу же реагирует на любой стресс, и да, в последнее время у меня тоже часто пропадал аппетит. Тем не менее Джианна не производила впечатления, будто ослабла. Когда она шла по улице, то держалась более прямо и гордо, чем раньше. Так же я считала, что её смелые черты лица смягчились. Италия ей подходила.

Подходила ли она и мне? Для меня всё ещё было непривычно, что не нужно одевать больше, чем максимум три вещи и часами ходить в бикини; моя кожа загорала очень медленно, а волосы изо всех сил сопротивлялись ветру, солёной воде и безжалостному солнцу.

Были ещё другие аспекты, мешающие мне чувствовать себя здесь как дома. Например, итальянский хлеб. Поэтому я решила пока отказаться от завтрака. После кошмара и разговора с Джианной, у меня всё равно не было аппетита, а постоянный белый хлеб постепенно опостылел. Итальянцы не знают, что такое чёрный хлеб. Купить можно только продолговатый,

плоский белый хлеб, у которого уже спустя один день, корочка становилась чёрствой, и вообще, он был вкусным, лишь сразу вытащенным из печи - а именно тогда, когда на него что-то положишь (лучше всего толстый слой варенья или мёда). В противном случае тесто не имело никакого вкуса. Меня удивляло, что мы ещё не маемся хроническим запором. Собственно хлеб, должен был нарушить нашу пищеварительную систему.

Нет, завтракать я не хочу. И если Тильманн всё ещё не собирается поговорить со мной, то я могу сесть у него на балконе и успокоиться; здесь он не сможет возразить ничего против, это балкон, а не его комната, и он, в любом случае, спустится вниз. Уже когда я поднималась по лестнице, ведущий на чердак, я услышала шум душа из его крошечной ванной. Тем лучше. Тогда он не сможет услышать мои шаги и преждевременно прогнать.

В его комнате царил хаос; вещи были разбросаны по полу, MP3-плеер лежал на подушке, две пустые бутылки стояли рядом с прикроватной тумбочкой, книги, выстроенные стопками, валялись там и сям, кровать не заправлена, а пол в песке. Я прошла мимо беспорядка и сразу же уединилась на балконе, всё ещё находящегося в тени, и на плитки которого, Тильманн положил матрас. Простое, но очень уютное место. Кроме того, отсюда хорошо видно море.

Сначала я только села на матрас, но потом моя голова стала настолько тяжёлой, что я поддалась силе притяжения и вытянулась. С Гамбурга, я больше не могла спать так долго, как раньше, но как только в первой половине дня впадала в бездействие, то очень быстро уставала, прежде всего, когда ночью не особо хорошо отдохнула. Моё тело редко было таким податливым и расслабленным, как по утрам. Это было чистой роскошью, подремать в такое время, когда раньше приходилось сидеть в школе, а все остальные люди шли на работу.

Эта мысль даже в отпуске завораживала меня. Я как раз собиралась закрыть глаза, лишь на одно мгновение и подождать, пока Тильманн будет готов выйти из ванной, как вдруг заметила коробку с биологическим шоколадом. Она стояла в пределах досягаемости под карнизом. Тильманн хранил свой шоколад на улице? Он что, захотел приготовить себе шоколадное фондю? Или температура на балконе действительно ниже, чем в комнате, где жара никогда не отступала и даже ночью ещё опускалась с крыши, потому что деревянные балки и камни вбирали её в себя?

Внезапно у меня потекли слюнки. Шоколад ... Я уже на протяжение многих дней не ела шоколад. Может быть это именно то, чего мне не хватает. Когда так жарко, как здесь, даже не думаешь о шоколаде, но дома в Кёльне и Вестервальде не проходило ни одного дня без шоколада. Шоколад – это мой эликсир жизни. Когда в доме не было шоколада, я нервничала.

Было ли решение настолько очевидное и простое? Мне нужен шоколад? Иногда самые простые решения - самые гениальные. Ведь никто даже не думал, что пенициллин растёт на заплесневелом хлебе. Возможно мне нужен шоколад, чтобы стать счастливой, да, возможно он поможет произвести выброс той унции серотонина, которого мне срочно не хватало.

Во всяком случае, вреда он мне не принесёт, а Тильманн справиться с потерей, если ему не будет хвать одного двух кусочков. Не поднимаясь, я вытянула руку вперёд и придвинула коробку. Потом тихо радуясь опёрлась на локти и приподняла крышку.

- Фу, - вырвалось у меня. Что это за запах? Землистый и влажный, и очень горький - намного более горький, чем может быть чёрный шоколад. Он заплесневел или испортился? Нет, шоколад не плесневеет. Он, самое больше, бледнеет и теряет свой аромат. Я убрала крышку в сторону и заглянула в коробку.

- Грибы? - спросила я испуганно. - Тильманн разводит грибы? - От террасы наверх доносился тихий смех, видимо Джианна вернула равновесие и всё-таки не потеряла рассудка. У меня же напротив, появилось такое впечатление, что мой сыграл со мной шутку. В коробке росли грибы. Маленькие, уродливые грибы на тонких ножках, которые своими, похожими на паутину, корневыми переплетениями, обвивали светлый субстрат, выглядящий влажным и

скользким. Тильманн что, подался в микологи? И почему, ради Бога, он прятал грибы в коробке от шоколада - и не только, он ещё и скрыл это от нас. Может его смущало новое хобби? Нет, это не логично. Только одно стало совершенно ясно: должно быть это те грибы, которые учуял Колин сегодня ночью. От них шёл затхлый запах.

- Грибы ..., - пробормотала я растерянно. - Что он собирается делать с грибами?

- Обмануть Тессу, - раздался позади звучащий так часто бесчувственно голос Тильманна. Однако в этот раз в нём явно слышался недовольный тембр. Я вздрогнула и быстро накрыла крышкой вонючие растения. Тильманн осторожно, но решительно выбил коробку из моих рук носком ноги. - Разве я не говорил, чтобы ты держалась подальше от моих вещей?

- Возможно. Ты тоже не выполнил уже многое, о чём я тебя просила. Это только грибы! Почему ты разводишь грибы? Я не понимаю. Или мне снится сон?

Я села, подняв на него взгляд. Его волосы были ещё мокрые, но он уже оделся.

- Не сон и это не только грибы. Блин, Эли, у тебя и вправду нет терпения, да? Я же сказал, что посвящу тебя в детали, когда придёт время. Ты не можешь просто подождать.

- Послушай, то, что я обнаружила их, было чистым совпадением, я собиралась съесть кусочек шоколада, честно! Если хочешь знать более точно, то я в прошедшие дни не особо много о тебе думала. Что, скорее всего, как раз то, что ты и замышлял, не так ли? Кроме того, есть и другие вещи, о которых мне нужно было подумать.

Например, о Тессе. Подожди, что сейчас сказал Тильманн? Он хочет с помощью грибов обмануть Тессу? Как, скажи не милость, это сделать? Может это вонючки, которые собьют с толку её чутьё? Тогда им нужно ещё подрасти. Хотя они и не очень хорошо пахли, но Тесса, определённо, воняла намного хуже. Я не могла представить себе, что Тесса позволит сбить себя с толку чем-то, что пахло более приятно, чем вонь её затхлых одеяний. Кроме того, мы хотим заманить её, а не прогнать.

Тильманн начал ухмыляться. Двумя пальцами он указал на свой лоб, а потом на мой.

- У тебя появляются морщины, Эли. Ещё никогда не слышала о магических грибах?

- Магические грибы? Магические грибы, - повторяла я, роясь в мозгах и ища скрытые, отложенные знания. Встречалось ли мне уже где-то это понятие? Магические грибы. Что в них такого магического? Их вид точно нет. Или может быть вкус? Их действие? О, их действие ... конечно ... - Это психогенные грибы! Это психогенные грибы, да? - Как в школе, я нечаянно подняла руку вверх, как будто хотела ответить на вопрос учителя, что дало дурацкой ухмылки Тильманна ещё больше запала.

- Правильно. Галлюциногенные грибы. Моя первая культура. Я хотел рассказать тебе о них, когда буду уверен в том, что они действительно действуют, но ... они действуют, - заключил он объективно. Они действуют. Значит он их попробовал. Я в недоумении покачала головой.

- Ты здесь наверху выращиваешь наркотики? Что ещё растёт в этих четырёх стенах? Конопля? Мак? Может ты ещё и набор для химии с собой прихватил? Тильманн, ты вообще знаешь, как это для нас опасно? Итальянские копы в таких вещах точно не особо щепетильны и кроме того на этой улице живёт мафия ...

- О, Эли, не играй снова в блюстителя добродетели. Из других вещей я привёз сюда совсем немного, а грибы вырастил сам, потому что надеюсь, что от них будет самый лучший эффект, но только в том случае, если не применять химического удобрения и добавок и ...

- Подожди. Другие вещи? Какие другие вещи? И что общего они имеют с Тессой?

Если это всё-таки сон, то он начинал утомлять.

- Тогда позволь мне закончить, не перебивай постоянно своим кваканьем и не ставь всё под вопрос относительно морали, хорошо? И прежде всего, давай поговорим в комнате, а не

здесь снаружи; я не доверяю в таких вещах ни Джианне, ни Паулю. Они начнут размахивать ещё большими, моральными дубинами, чем ты.

- Ну ладно. - Я встала и не смотря на растущую жару, смерилась с тем, что Тильманн закрыл балконную дверь, оставив лишь узкую щель. Мы сели рядом на прохладные плитки, облокотившись о стену, в которой тихо потрескивало тепло.

- Тогда рассказывай. Что за другие вещи? И почему?

- ЛСД, экстази, амфетамин ... самое обычное, то, что принимают, для расширения границ восприятия.

- Самое обычное? Но тебе ведь ясно, что есть люди, которые не принимают что-то подобное и которым это не нужно?

- Эли ... если ты сейчас же не замолчишь, я больше ничего не скажу.

- Я не могу молчать! Я и так была достаточно слепа, я должна была знать ... - Я прижала руки к щекам, а потом напряжённо провела по влажным от пота волосам. - Блин, Тильманн, я пообещала твоему отцу, что мы присмотрим за тобой. Что он скажет, когда ты вернёшься наркоманом?

- Тьфу, да он никогда не поймёт ..., - прорычал Тильманн, положив голову на колени. Глубоко вздохнув, он снова вернул свою рассудительность. - Я не наркоман. Я попробовал все эти вещи всего лишь один раз и ...

- Как пару дней назад, когда у тебя был такой стеклянный взгляд, да? Ты вовсе не мастур ... э ... - Я подчёркнуто безучастно смотрела в балконную дверь. Опля. Проговорилась.

- Ты думала я дрочил? Ты так обо мне думаешь? Что я захотел занять комнату здесь наверху, чтобы спокойно - ей, Эли, да это становится всё более экстремальным ...

- Ну, ты ведь мужчина! Без девушки! Ты хотел избавиться от меня, тебе нужна была свобода действий, что по-твоему мне ещё думать?

- Значит мужчины для тебя — вот это, машины для мастурбации? - Тильманн явно серьёзно обиделся; такое случалось с ним примерно так же часто, как комета Галлея кружила на небосводе.

- Нееет, - возразила я, растягивая слово. - Конечно же ты ещё читал и спал - хотя ты не можешь спать - размышлял ... размышлял? И пробовал наркотики.

- Пробовал наркотики, чтобы узнать, как они действуют. Об этом ведь нельзя где-то прочитать. Синтетические наркотики - это дерьмо, я так и полагал. У них хоть и есть хорошие эффекты, но я думаю они не слишком ненастоящие, сильно нарушают химию нашего тела. Это может озадачить Тессу. А вот грибы ... с грибами всё может сработать...

- Что? - спросила я обессиленно. - Что может сработать?

- Искусственные мечты. Твоя идея! Это ты навела меня на такую мысль, не помнишь?

О да. Я помнила. День, когда мы принимали сауну в лесу. Я громко размышляла, есть ли возможность, создать мечты, и в тот же миг отвергла эту идею.

- Но я ничего не говорила о наркотиках, - строго наставила я Тильманна.

- Не. Это придумал я, когда смотрел, как ты, прислонившись к дереву, гладила его ствол. Это было почти что видением. Именно это и является решением. Именно это я и хочу сделать. Я хочу создать искусственные мечты. - Тильманн повернулся и взглянул на меня, огонь в карих глазах и лёгкий триумф в улыбке. - Я обману Тессу. Если она отберёт у меня опьянение, тогда я ведь ничего не потеряю, потому что без наркотика его бы не было, так ведь? Она похитит то, что я вовсе не могу потерять, потому что как правило, у меня бы его не было. Поэтому она не сможет меня превратить. Если всё пойдёт так, как надо, то в тот момент я смогу снова ясно думать и сделать то, что должен, захватив её врасплох. Таким образом мы сможем её обмануть.

Моя челюсть отвисла, когда я поняла, что он имеет ввиду. Это было необычно, нелегально и рискованно - но во всём скрывалась убедительная логика. Его план был прямо-таки гениальным.

- Ты чертовски умненький паренёк, знаешь? - прошептала я, хотя похвала на самом деле наполовину приходилась мне. Ухмылка Тильманна передалась мне. Уголки моих губ поползли вверх, в то время как мозг каждую секунду приводил доводы против.

- Парень, а не паренёк. И между прочим, без мозолей на руках. У меня была другая работа. Не так уж и просто вырастить эти грибы, мне нужно было раздобыть семя в Голландии, невредимо перевести его через границу, вместе с другими вещами. И всё это, с моим отцом за рулём.

- Значит, вот для чего вы ездили в Голландию ... ты тюк ...

- Ах, возле моря, тоже не плохо. Хуже всего оказалась поездка сюда. Я боялся, что сеянцы подвергнуться слишком высокой температуре, этого они не переносят. А они уже проросли. При такой жаре, это происходит быстро. Кроме того, вы непременно хотели ехать через Швейцарию ... где на границах любят контролировать...

- И мы все угодили бы в кутузку, если бы они проконтролировали. Блин, Тильманн, ты действительно заслужил трёпку. Тебе нужно было рассказать нам! Я считаю, что то, как ты действуешь, совсем не коллегиально. Сначала молчишь, потом читаешь лекции. Мне это не нравиться, нет правда!

Тильманн рассмеялся.

- Рассказать? Разве бы вы согласились? Да никогда в жизни. Ты может быть, Джианна и Пауль, не за что. Но и в тебе я был не особо уверен.

Когда я аккуратно соединила кусочки головоломки и наконец увидела полную картину, на моё лицо, несмотря на раздражение, снова вернулась ухмылка. То, что Тильманн перекладывал вещи, его постоянное отсутствие, его желание остаться одному, его стеклянные глаза - он, чтобы найти решение для нашей проблемы, превратил себя в экспериментального кролика. Хотя меня и раздражало то, что он в очередной раз всё сделал сам, но в то же время я радовалась, потому что теперь знала, что его поведение не имеет ничего общего со мной. Или по крайней мере ничего общего с нашей дружбой. Он хотел только спокойно поработать в своей ведьмовской кухне.

- Но разве это всё же не слишком рискованно? Как именно действуют грибы? Что ты о них знаешь?

- Во всяком случае, это менее рискованно, чем вообще ничего не делать и позволить Тессе взять что-то от меня. Что-то она захочет забрать, потому что в последний раз не получила. Но я не знаю, смогу ли ещё раз сдержаться и ..., и она должна думать, что я её люблю. Да так оно и есть. Какая-то часть меня любит, об этом я уже говорил, но мой разум противится. А у меня очень сильный разум.

- Да, я знаю, - ответила я спокойно.

- Это словно шпагат, но может сработать. Это будет делом нескольких секунд, я должен нанести удар, прежде чем эффект полностью исчезнет, ведь это должен сделать кто-то, кто её любит. Но ей не в коем случае нельзя прежде превратить меня. Поэтому опьянение. Существуют разные сорта психогенных грибов, но их действие похоже. Мексиканские индейцы называют свои грибы плотью бога и принимают их в религиозных ритуалах, почитают, как подарок природы и рассматривают, как святыню, так же, как североамериканские индейцы галлюциногенные кактусы. Мне сложно описать, что они вызывают, но это ... фантастика. Мистика. Как будто мечты становятся реальностью, мечты, в которых всё возможно. Они должны быть неотразимыми на вкус для Мара. Я не думаю, что Тесса обнаружит разницу. В конце концов, ведь то, что мы в себя закинем - это чистая природа ...

- Мы? Ты только что сказал мы?

- Да. Мне нужен второй пилот, Эли. - Тильманн серьёзно на меня смотрел. - Я хочу, чтобы ты была моим вторым пилотом.

- Вторым пилотом? Ты можешь говорить по-немецки? Я не разбираюсь в жаргоне наркоманов! - И я всё равно не приму грибы. Ни в коем случае не приму. Путь Тильманн, если хочет, сам телепортируется в другие сферы и предаётся плоти бога. Я с самого детства испытывала огромный страх перед наркотиками. Представление о том, что из-за них со мной случиться что-то непредсказуемое, что они заберут у меня ясность мыслей, было жутким. Для меня всегда было загадкой, почему люди добровольно подвергают себя этому, к тому же рискуя стать зависимыми. Расширение границ восприятия? Моё восприятие и так достаточно расширенно. Больше и не надо. Больше я не смогу вынести. Я бы предпочла ограничить его, вместо того, чтобы расширять.

- Второй пилот означает, когда ты в трип отправляешься с кем-то вместе. Это лучше, чем в одиночку. В нашей ситуации - это будет правильным двукратно и трёхкратно.

- Почему? - Я задавалась вопросом, для чего вообще слушаю всё это. Я не буду играть второго пилота.

- Хорошо, послушай ... Я хочу вызвать искусственное и всё же естественное опьянение. Если я один в этом опьянение, то я изолирован. Все трезвые люди находятся вне моего радиуса. Хотя я и воспринимаю их, но они больше не могут достучаться до меня. Никакой общей базы. И так, как я оцениваю тебя, твоё опьянение будет слабее, чем моё, потому что твой разум намного сложнее отключить. Кроме того, ты не любишь Тессу и никогда не любила. Ты вспомнишь вовремя, что мы на самом деле собираемся с ней сделать и в крайнем случае напомнишь об этом мне. Тебе это уже однажды удалось...

Да, но в совершенно другой ситуации. В последнюю секунду Тильманн понял, что человеческий мир тоже имеет в себе что-то стоящее и послушал.

- А не может это сделать кто-нибудь другой, поиграть во второго пилота?

Тильманн пренебрежительно фыркнул.

- И кто по-твоему это будет? Джианна? Или может быть Пауль? Исключено. Джианна или Пауль не подходят в качестве второго пилота. А у нас больше никого нет. На Колина наркотики не подействуют.

- Но я боюсь! - попыталась я остановить неизбежное. - Я не могу принять наркотики!

- Но ты ведь уже принимала. Добровольно.

Удивлённо я подняла голову. Тильманн кивнул.

- Да, ты принимала, Эли. Перед схваткой Колина с Тессой, в лесу. У тебя потом даже были галлюцинации!

Чёрт, он прав. Я раздавила цветки семейства паслёновых, перемешала из с водой и землёй и выпила, отвратительное пойло. Тем не менее это нельзя сравнивать с тем, к чему меня хотел принудить Тильманн.

- Это не считается. Я сделала так, чтобы Тесса меня не заметила, а не для того, чтобы захмелеть. Я ведь даже не знала, что опьянению из-за цветов! Кроме того, меня сильно тошнило. Я действительно не могу понять, почему тебе нужна именно я.

- Потому что иногда мы достигаем общий духовный уровень. Есть моменты, когда мы видим и чувствуем тоже самое, Эли. И это случается чаще всего тогда, когда ты перестаёшь непрерывно думать и размышлять. Ты сможешь почувствовать, если я вдруг чрезвычайно сильно попаду под влияние её власти, прежде чем это увидят другие. Я доверяю в этом только тебе. Никому другому. Помнишь ещё, ночь в Гамбурге, когда мы танцевали? У нас было одинаковое видение. Между нами больше не существовало разницы - не считая одной, твоя усталость была сильнее моей. Вероятно из-за того, что твой транс выпал слабее. Или же возьми

вечер в лесу, в моей парильне ... тот момент, когда Францёз полз вверх по стене ... нашу панику, после того, как мы наблюдали за Колином во время его хищения...

- Я поняла, - угрюмо прервала я. Мне даже польстило то, что он сказал. Я ненавидела лишь последствия, которые вытекут. – А какие собственно побочные эффекты имеет эта штука?

- Никаких побочных эффектов. Есть только эффекты. Термин «побочные эффекты» выдумка фармацевтической промышленности. Я не скажу тебе, как именно они действуют и что может случиться, потому что в таком случае, ты больше не сможешь насладиться опьянением, - поучал меня Тильманн. - Тогда ты начнёшь представлять себе какие-нибудь сопутствующие явления, прежде чем всё вообще начнётся.

- Я в любом случае не смогу им насладиться. Тогда я ведь буду не в состояние контролировать себя! - Термин «пилот» - это нелепая шутка. Никто из нас не сможет задавать маршрут, не говоря уже о том, чтобы следовать ему.

- Ты сама себе противоречишь. Наслаждаться означает, когда ты уже больше не можешь чем-то управлять. Как ты это делаешь, когда занимаешься сексом - там ты тоже тысячу раз обо всём размышляешь?

Я смущённо молчала. Раньше я действительно так делала. Я просто не могла прекратить думать. Мне даже казалось, что я размышляю ещё даже больше, чем без всяких обжиманий.

- Эли, я действительно не могу себе представить, что Колин занимается сексом с женщиной, которая не может даже хоть немного расслабиться. Да это полностью испортило бы ему аппетит. Кстати, я бы себя так чувствовал.

- Да, ладно, - прошепелявила я. - С ним я могу. – Хотя мы сегодня ночью и не спали друг с другом, но были очень близки. Его предполагаемых семнадцать опытных рук, обеспечили мне то или иное приятное возбуждение. И мои две неопытные, ему видимо тоже. И я не начала сразу же всё это анализировать и оценивать.

- Тогда смотри на это, как на секс. Окунись в него. Мы присмотрим друг за другом, доверься мне. Это натуральная вещь, и ничто иное. Не какое-то там синтетическое говно. Тебе только нужно будет отдаться ему. Хорошее и в тоже время плохое в опьянение то, что оно в какой-то момент рассевается. Может быть это тебя успокоит. Я не требую от тебя этого, но ... так будет безопаснее. Для всех нас. Я не хочу стать Маром, Эли.

- Я тоже не хочу стать им, - ответила я тоненьким голоском, хотя это многое бы упростило.

- Мы можем слушать во время опьянения музыку. Когда принял грибы, музыка - это что-то замечательное. Иногда она даже окрашивается в цвета...

В цвета? Это звучало авантюрно. Об этом феномене я уже слышала. Есть люди, которые без всяких наркотиков, могут сопоставить звуки, которые слышат, с цветами. Мысль о том, что мы будем слушать знакомую музыку, в то время, как я отправлюсь с Тильманном в трип, немного меня успокоила.

- Моби? Мы можем поставить Моби?

Тильманн страдальчески поморщился.

- Если ты так хочешь. Возможно в этом случае, она будет даже не так плоха. Музыка должна быть не громкой и не беспокойной.

Нет, альбом, который я имела в виду, не беспокойный - Моби, каким я его знала и каким он, на мой взгляд, должен быть.

В любом случае, всё это, было пока ещё не осязаемо. Если Джианна окажется права, то Тесса не придёт. Тогда мы подождём ещё пару дней и поедем домой. Или же я останусь здесь одна, с Колином. Чего Колин, однако, не потерпит ... Но об этом я сейчас не хотела размышлять.

Для начала, я радовалась тому, что Тильманн всё ещё мой друг и посвятил меня в свои планы, как и обещал. Пусть даже и после того, как я на него надавила.

Я вытянула ноги, так что прикоснулась к полу поджилками коленей. Во время всех этих размышлений и дискуссий, я сильно напрягла икры. Сама по себе моя голова скользнула на плечо Тилльманна. Он не отодвинулся.

- Мне тебя не хватало, - призналась я неохотно.

- Так было нужно. Я не праздновал здесь на верху вечеринки, Эли. Но вы никогда не позволили бы мне попробовать эти вещи. Ты уже набросилась на меня, когда речь зашла о кокаине ... ах, даже уже когда узнала о гашише ...

- А теперь ты попробовал всё, да? Существует ли наркотик, который делает счастливым? - спросила я, как бы между прочим.

- Нет. Если ты не счастлив и не удовлетворён, то и наркотики не могут сделать тебя счастливым. Это моё мнение. Во всяком случае, со мной это так не работает, - сказал Тильманн трезвым тоном. – Счастливым нужно стать самим.

Да, видимо так и есть. Я не могу заставить счастье прийти. На самом деле я даже не знала точно, что такое счастье. Из чего оно состоит, какие компоненты должны обязательно в нём присутствовать.

Сейчас, например, если смотреть на это объективно, нет никаких причин быть счастливой. Мы опять не переспали с Колином, он сбежал ночью из моей постели. Джианна видела его голым и больше не верила в наши отношения. У меня вновь заболела голова. Тильманн весь, проведённый до сих пор отпуск, принимал наркотики. Мне придётся даже вместе с ним принять наркотик, хотя я боялась этого, как ни что другое ... Длинный список, блокирующий счастье.

И всё же, на мгновение, я почувствовала себя такой довольной и расслабленной, как уже давно не была. Это ещё не счастье. Но внезапно меня снова ожидало будущее.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Золотой момент

- Fuori!(итал. за линией) - закричала Джианна, торжествуя, и бросилась за катящимся мячом. - Он улетел за линию!

Я показала Паулю и Тильманну язык. Так им и надо. Следующий пункт будет нашим. Пусть не думают, что своими срезающими ударами и беспощадными, кручёными подачами, могут произвести на нас впечатление. Пауль лишь похотливо подёргал бёдрами, в то время как Тильманн привычно широко ухмыльнулся.

- Совещание между членами команды, - прошептала я Джианне, когда она хотела сунуть мне в руки испачканный песком мяч. - Нам нужна новая тактика.

Мы повернули парням наши задницы. Я точно знала, что они уставились на них; на нас были одеты лишь открытые бикини. Это я уже и считала новой тактикой. С помощью техники мы видимо не сможем выиграть. Так что нужно попробовать сделать это с помощью других трюков.

Обычно Тильманн и я играли против Пауля и Джианны. Это хорошо работало, мы были уравновешенными командами, потому что я играла лучше Джианны, а Палуь лучше Тильманна.

Пауль, хотя и был в плохой физической форме, но невероятно хорошо чувствовал мяч. Именно поэтому мы с Джианной вот-вот опозоримся. Мы не сможем одолеть обоих. Не обычными методами.

- Что ты предлагаешь? - спросила Джианна шёпотом.

- Яйцебол, вместо волейбола.

- Чтооо? Яйцебол? - Джианна захихикала, и я тоже опять рассмеялась. Моя диафрагма уже болела. Я не знала точно почему, но я вела себя так, будто пьяная. Мы все вели себя так. Может это связано как-то с погодой.

Воздух был более ясным и чистым, чем обычно и прежде всего ветер стал намного сильнее. В первый раз Ионическое море баловало нас бурным прибоем, и я полюбила его за это, потому что покрытые пеной волны освободили меня утром от головной боли. Я постояла на волнах всего лишь десять минут и этого хватило, чтобы почувствовать себя так, будто заново родилась, потому что волны помассировали всё тело. Мне болезненно не хватало Колина, но пока его нет, никто не ожидает, что я стану счастливой, а ещё меньше мы ждали Тессу. Я не хотела отягощать себя этими мыслями, не сегодня, когда остальные чуть не взрываются от хорошего настроения и энергии. Кроме того, море принадлежало лишь нам одним. Те немногие итальянцы, которые отважились в такое бурное время выйти на пляж, даже маленького пальца ноги не засовывали в прибой. Волны ведь могут прибить к берегу медуз.

И их действительно прибило. Несмотря на морской вал, я заплыла далеко и обнаружила большой экземпляр в нескольких метрах от себя. Я сразу же нырнула, чтобы понаблюдать за медузой. Между тем я уже привыкла открывать глаза в солёной воде, хотя первые секунды чувствовала каждый раз рефлекс заморгать или подняться снова на поверхность. Но медуза была такой красивой, что мне хотелось рассмотреть её. Снова и снова я всплывала, набирала воздуха и снова скользила вниз, чтобы побыть с ней, совсем близко. Её щупальца вызывали уродливые, воспалённые ожоги, которые в течение нескольких дней затрудняли жизнь, но зачем ей ими меня касаться? Для этого нет причин. Кроме того, моё тело сегодня такое гибкое и полное сил, что я уверенна, что смогу вовремя увернуться.

Её призрачно-элегантная эстетика тронула меня. На пляже, когда шторм по ошибке выбрасывал их на берег, медузы были неприглядными, студенистыми, слизистыми кучками. Но здесь, в своём элементе, медузы показывали себя, как чудо эволюции, которое наполняло меня завистью и благоговением. Она в лучах солнца, которые преломлялись на поверхности воды, переливалась красным, сиреневым и голубым цветами, а её движения всегда оставались изящными и нежными, никогда не становились неконтролируемыми или даже агрессивными.

У меня появилось даже такое ощущение, будто она, посмотрев на меня, зафиксировала в моих кровотоках свою танцующую, неспешную пульсацию, умиротворённая, благодаря вечным силам океана.

После того, как я с ней попрощалась, позволив волнам вынести себя обратно на пляж, Пауль, Тильманн, Джианна и я начали по-детски дурачиться и лишь во время сиесты ненадолго утихли. Этот день был подарком, который нужно использовать. Уже вечером ветер должен перемениться и стать горячее, принести с собой мелкий, красный песок – пустынный ветер Сирокко. Мне нравилось слушать это название и выговаривать его. Сирокко. Оно звучало немного опасно, захватывающе, стильно. По словам Джианны, потом будет невозможно, играть в волейбол. Во время Сирокко даже вязание – это уже слишком много движения. Но сейчас мы ещё можем позаниматься спортом – или по крайней мере чем-то похожим на спорт.

- Именно. Поиграем в яйцебол. Даже не будем больше пытаться сделать реальные очки, - объяснила я гордо Джианне мою новую тактику. - Будем ещё только целиться в их половые органы. Тогда, по крайней мере, ещё повеселимся, в то время как проигрываем. Или даже возможно выиграем!

Джианна хохотнула и восторженно мне подмигнула.

- Может сработать ... Ладно, продолжим!

Мы выпрямились и дразняще-медленно стряхнули с ягодиц песок. Только потом снова повернулись к парням, которые смотрели на нас, как коровы во время грозы.

- Эли подаёт!

Я встала в позицию, размышляя, в кого бы кинуть мяч в первую очередь, и быстро приняла решение. В Тильманна. Да, Тильманна нужно наказать. За его бахвальство, его бестактное хайло, его лекции. За всё. Я замерла, пытаясь не рассмеяться. Потом снова стала серьёзной и угрожающе уставилась на его плавки. Тильманн начал беспокойно гарцевать, как будто догадывался, что я планировала. Но мой бросок оказался метким. Прежде чем Тильманн смог выставить руки вперёд, чтобы защитить своё добро, мяч попал, издав звучный хлопок, между его ног и откатился за линию. Завизжав, Джианна и я отбили пять. Теперь Джианна, как ястреб обратила свой взор, на интимное место Пауля.

Но лишь несколько минут спустя - после трёх следующих ударов ниже пояса - до парней наконец-то дошло, и Пауль внезапно развернулся и бросился к нашим мокрым полотенцам.

- Что он теперь собирается сделать? - спросила Джианна, задыхаясь, потому что она, как и я, как раз заходилась смехом. Это выглядело просто комично, то, как Тильманни и Пауль пытались увернуться от наших мячей. - О нет ... нет ... беги, Эли!

Слишком поздно. Влажное, всё в песке полотенце уже попало мне в икру. Я ущипнула Пауля в его жирок на животе, но он не переставал избивать меня полотенцем, что заставляло меня либо ещё сильнее смеяться, либо протестующе и пронзительно кричать. Рядом с нами забулькал Тильманн, которому Джинна, в целях самозащиты, как раз засунула заряд влажного писка в рот. Я же тем временем нашла место, где Пауль боится щекотки, не под мышками, а в подколенной впадине и освободилась, чтобы в свою очередь взять полотенце и, вопя, начать его им избить. Какое-то время так продолжалось, то я нападала на него, то он на меня, пока я не заметила, что Пауль берёт верх. В благоприятный момент я быстро увернулась, и Джианна и я бросились бежать. Пауль последовал за нами, в то время как Тильманн ругаясь и плюясь, остался лежать на берегу. У него пока что были другие заботы.

Но Джианне и мне не удалось оторваться от Пауля. Он гнался за нами, как кровожадный бык. Снова и снова горячий воздух выстреливал мне в затылок, потому что он пытался на бегу, попасть в меня полотенцем. А было чертовски тяжело бежать зигзагами, когда задыхаешься из-за приступов смеха.

Дом казался мне спасительной крепостью. Если я скоро не перестану смеяться, то начну икать, а это может длиться часами. Хватая ртом воздух, я открыла дверь, в то время как Пауль начал щекотать Джианну.

- Мама мия! Остановись, давай сделаем перерыв ... - Тяжело дыша, Джианна в узком коридоре опёрлась правой рукой о стену, а левую защищаясь, подняла вверх. - Не то можешь забыть про секс, Пауль, я серьёзно! Я больше не могу!

Пауль заметно замешкался. Возможно Джианна и сдалась, но я ещё не готова к перемирию. Угрожающе я подняла моё влажное полотенце вверх, сделав вид, будто хочу начать крутить им над головой. Мокрый песок, который застрял везде между тонких петель махрового полотенца, превращая их в снаряды, шелестя, посыпался на плитки.

- Сестрёнка, я предупреждаю тебя. - Стальной взгляд Пауля озорно вперился в мой. - У тебя нет ни малейшего шанса против меня. Кроме того, мне всё равно нужно посрать.

Двумя преувеличено жеманными прыжками, он доскакал до двери ванной. Я бросила ему вслед полотенце, но оно ещё только задело его зад.

- О Бооооже ..., - вздохнула Джианна. - Посмотри, как я выгляжу! Ой-ой! И почему Пауль всегда такой грубый? Разве он не может сказать, что ему нужно в уборную, как другие люди? Или в туалет?

- Пауль не знает слова «туалет». Я думаю, он ещё никогда его не использовал.

Хихикая, мы смотрели друг на друга. Песочные полотенца оставили красные полосы на наших бёдрах и руках, да и Пауль скорее всего выглядел не лучше. Но больше всего меня радовало то, что он пока что не выбился из сил. Его дыхание, только что, даже не дребезжало. Наконец-то он начал чувствовать себя лучше!

- Что же, давай прыгнем под душ. А потом придумаем план мести.

Я только кивнула, неспособная говорить. Да, этот день ещё далеко не закончился. Пусть парни узнают нас получше. Вместе, Джианна и я, пошли под душ в саду, чьей струйки после обеда едва хватало на то, чтобы смыть песок с тела. Надеюсь, воду скоро снова включат. Потом я развесила полотенца, чтобы подсушить их, а Джианна шмыгнула на кухню, собираясь сделать нам коктейли.

Сад уже в значительной степени находился в тени, но это не остановило цикад в их непрерывном стрекотании. До вечера будет ещё громче, прежде чем их время концерта закончится и настанет пора сверчков. Поэтому я не сразу услышала, что у нас появилась компания. Я как раз стояла на маленькой ступеньке перед дверью, ведущей в кухню, прислонившись бедром к перилам, и выжимала мои длинные, мокрые волосы.

- Мадам ... - Колин почтительно, но не менее насмешливо коснулся своего лба и провёл Луиса в конюшню, где привязал его и взялся подсоединять садовый шланг к канистре с водой, которую заполнил в ночные часы, чтобы в любое время можно было напоить и охладить лошадь.

- У нас гости! - защебетала я Джианне на кухне, которая как раз включала громче небольшую MP3-стереоустановку. Играла Welcome Home von Radical Face, песня из рекламы, в которую мы все влюбились. В эти дни она всегда приходила на ум, когда я ложилась спать. Джианна громко подпевала припев и сама, не желая этого, я присоединилась к ней. Джианна уже долгое время не пела. Мне нравилась её слушать.

Качая бёдрами, она вышла ко мне, в руке два пустых стакана, желая посмотреть, кто удостоил нас своим присутствием.

- Оооо, наш конюх здесь! - Захохотав, Джианна облокотилась рядом со мной на перила, где мы, с неистовым биением сердца, остались стоять и наблюдали за Колином. Он взял шланг и, включив воду, начал обливать Луиса - церемония, к которой Луис всё ещё относился

скептично, но на которой Колин настаивал, потому что Фризская лошадь, по его мнению, не предназначена для таких высоких температур.

Нервно, Луис пританцовывал на месте, раскачивая своим огромным задом туда-сюда и тряс длинной, волнистой гривой, в то время, как Колин спокойно направлял струю воды на его мускулистые путовые суставы. Одно мгновение это выглядело так, будто обильная струя воды течёт не из шланга, а из самого Колина, и Джианна и я завизжали, словно подростки. Колин почти незаметно покачал головой. Да, да, глупые бабы.

- Знаешь, что мне напоминает эта сцена? - спросила Джианна. - Эту глупую рекламу, в которой две расфуфыренные фифы сидят на террасе своего особняка, пьют шампанское и наблюдают за скользким типом, который как раз чистит свою лошадь ... Знаешь, какой ролик я имею в виду? Это точно так же, как здесь у нас! Нам нужно шампанское, Элиза! - И вот она уже, стуча подошвами, помчалась назад в кухню. - Просекко!

- Нет, от него у меня болит голова! Что-нибудь другое!

- Хммм ... Кампари? С ободком из сахара? - Это изобретение Пауля. Он смачивал края стаканов лимонным соком и окунал их в сахар. Мне нравились ободки из сахара. Нам всем нравились. Тем не менее алкоголь был бы сейчас для меня ядом.

- Для меня что-то без алкоголя ... У нас есть ещё биттерино?

Биттерино - это маленькие бутылочки с красной жидкостью, в которых на вкус кажется есть алкоголь, но на самом деле его там нет. Своего рода аперитив для трезвенников.

- Allora, due bitterino (итал. тогда два биттерино)!

Минуту спустя, Джианна и я, чокнулись, зазвенев стаканами. Биттерино с ободком из сахара. Жизнь хороша.

- Ты, насколько я помню, - заметила Джианна подчёркнуто громко, хотя Колин точно сможет услышать всё даже в том случае, если мы будем шептаться, - у конюха в рекламе нет рубашки.

Колин равнодушно повернулся к нам спиной. Как всегда, на нём были одеты тёмные, узкие штаны и одна из его обветшалых, льняных рубах. В конце концов, жара ведь его не беспокоит. Видимо ему нравится прикрывать тело. На наш вкус, слишком сильно прикрывать.

Сними её, подумала я требовательно и триумфально ухмыльнулась, когда Колин с пленительно благородным, но мужественным движением повернулся к нам и небрежно потянул за воротник рубашки, так что пуговицы вылезли из петель и он смог снять застиранную ткань со своих голых плеч. Насмешка в его зелёно-коричневом, сверкающем взгляде не сделала наши приглушённые, восторженные крики менее счастливыми. Он играл с нами. Луис с негодованием зафыркал, как будто приревновал. Скорее всего он действительно ревновал. Колин снова повернулся к нему, взял в руки щётку и начал водить ей опытными, сильными движениями по его насквозь промокшей шерсти цвета чёрного дерева. Фонтаны из тысячи крошечных капелек поднялись вверх и заблестели в убывающем солнечном свете, потом опустились на голую спину Колина и сразу же испарились. Хотя его кожа и прохладная, вода никогда долго не задерживается на нём.

Моё и Джианнено дурачество уступило место восхищению. Это идеальный момент - золотой момент. Я не осмеливалась пошевелиться, и казалось, Джианна чувствует тоже самое. Мы неподвижно стояли возле перил, направив наши широко открытые глаза на этого мужчину и его лошадь. Они оба такие красивые и одновременно необыкновенные. Капризный, несчастный случай природы, в своём собственном ограниченном космосе без какого-либо изъяна, устрашающий, но также такой неотразимый и безупречный, что мы затаили дыхание, чтобы помешать времени беспрерывно двигаться вперёд, только бы ничего не менялось. Всё должно оставаться так, как есть.

Я люблю тебя, подумала я. Я не испугалась и не испытала ревности, когда почувствовала, что думаю так не одна. Мы обе так подумали, Джианна и я, каждая любила его по-своему. Ведь это единственная мысль, которую допускали эти зачарованные секунды. Колин пустил нас в свой мир. Он на одно мгновение замер, потом снова продолжил водить по мокрой шкуре Луиса, в этот раз однако, настойчивее и деликатнее.

«Я тоже люблю вас, вы жалкие девки», - раздался его бархатный голос в моей голове.

В одно мгновение, в своём постоянно-одинаковом, монотонном движении, цикады умолкли, как будто их унесла эпидемия. Луис пронзительно заржал, панический крик во внезапной, парализующей тишине. Загремев, щётка упала на булыжник. Ветер переменился с одной секунды на другую и закрутил солому в горячем, нездоровом потоке воздуха. Луис закатил глаза, так что остались видны лишь белки. Даже Колину пришлось наклониться, чтобы увернуться от его тяжёлых копыт, когда жеребец встал на дыбы, и задёргал передними конечностями в воздухе. Его привязь натянулась до предела, при этом глубоко врезавшись в шею, но боль не смогла умерить его неистовство.

У Джианны стакан выскользнул из рук и разбился перед её босыми ногами. Пенящейся, красной лужей, напиток вылился на каменный пол. Сразу же из щелей выбежали термиты, чтобы полакомиться кровавой, переливающейся жидкостью, чёрная армия, которая копошилась по нашим ногам, оставляя на коже колючее покалывание.

Цикады продолжили своё песнопение, тише и более призрачно, в неправильной, диссонирующий гармонии, как будто пели не для себя, а для кого-то другого. Они заиграли наш танец смерти.

В то время как Колин ожесточённо сражался с Луисом и пытался его успокоить, Джианна повернулась ко мне, прижав руку к животу, лицо мертвенно-бледное. Она пыталась что-то сказать, может быть думала, что если мы поговорим друг с другом, то этот кошмар исчезнет и всё опять будет так, как раньше.

Но у неё не получилось. Давясь, она склонилась через балюстраду, и её вырвало на грядку с розами. Энергичными шагами к нам подошёл Колин и отвёл меня в сторону, не обращая внимания на блюющую Джианну.

- Так, моя барышня, теперь ты добилась того, чего хотела. Поздравляю. Вы оба идите в дом и ждите там, ясно? Как только я забаррикадирую конюшню, и Луис будет в безопасности, я увезу вас отсюда, а потом ...

- Ты этого не сделаешь! Колин, нет ...

Я вырвала руку одним строптивым движением из его холодных пальцев, которые на ощупь казались когтями. Колин сделал беззвучный шаг в мою сторону, так что моё лицо оказалось в его тени. Мне показалось, будто мир потемнел. Возможно, даже так и случилось.

- Елизавета, ты ведь не веришь в то, что я позволю тебе и твоим друзьям выступить против Тессы? Я пообещал твоей матери, отвести тебя домой, как только тебе начнёт угрожать опасность, и теперь это время пришло.

- Моей матери? Я взрослая, моя мать больше не может мне ничего приказывать, и ты тоже! - Он договорился с моей матерью? Да это возмутительно. И это объясняет, почему она отпустила нас, не слишком сильно сопротивляясь. Оказывается, в этом замешан Колин!

- Ты страдаешь высокомерием, об этом я тебе уже говорил не один раз. Тесса - это моя судьба, моё проклятие, и я не потерплю, чтобы другие умерли, вмешавшись во всё это.

- Ах, значит вот в чём дело? - прошипела я. - Твоя мужская гордость, да? Если ты забыл: у меня тоже есть своя гордость!

Проворно я забралась на перила, спрыгнула вниз и побежала к танцующему и встающему на дыбы Луису. Конечно же Колин мог остановить меня, реакция у него намного лучше моей, а

сила гравитации и время над ним не властны, но он не остановил, потому что я могла упасть или сделать себе больно. В этом моё преимущество. И я должна его использовать.

Хотя мой старый страх перед Луисом, учитывая его взлетающие копыта и дикий танец вокруг своей оси, невообразимо вырос, я пробежала мимо и втиснулась в небольшую щель между ним и конюшней. Я сама поймала себя в ловушку. Я подняла руки вверх и скорчила пальцы в когти хищника, которыми угрожающе закружила в воздухе. Лошади боятся хищников, но Луис любит Колина и чувствует себя рядом с ним и в своей конюшне в безопасности. Кроме того, он хочет защитить Колина и продолжит сходит с ума, а его копыта будут угрожать моей жизни, если Колин попытается вытащить меня из этого угла. Во всяком случае, я на это надеялась.

Колин приближался к нам беззвучно и неторопливо, но я видела бушующий гнев в его глазах. Хотя было ещё светло, их радужная оболочка окрасилась в чёрный. Таким сердитым я редко его встречала, возможно даже ещё никогда.

Луис отреагировал, как я и ожидала. Он хотел защитить от меня своего хозяина и в тоже время боялся меня, так что совсем не заметил моё собственное внутреннее смятение. Или же оно дополнительно его подстёгивало. Он так сильно прижал уши к голове, что их больше не было видно. Снова и снова он вытягивал голову вперёд, странно изгибая шею, и щёлкал зубами в воздухе, при этом напоминая мне скорее гиену, чем лошадь. От его копыт дрожала земля. В быстром порядке он использовал те стратеги, которые дала ему природа для защиты, и результат не заставил себя долго ждать. Мой инстинкт самосохранения вынуждал отступить, но хотя я и была твёрдо убеждена в том, что в следующую секунду его копыта достигнут цели, я не подчинилась.

- Выходи оттуда, Елизавета Штурм. Немедленно.

- Нет! - закричала я. - У Тильманна и у меня есть одна идея, и мы осуществим её, потому что она может сработать, и ты ...

- Иди сейчас же ко мне или ... - Колин поднял руку вверх, но сразу же опустил, потому что Луис опять поднялся на дыбы. Колин выглядел не только сердито, но также беспомощно и казался отчаявшимся. Так и надо. – Эли, выходи оттуда, ради Бога, я поклялся себе, что больше никогда не причиню тебе насилия, я и не собираюсь причинять, поэтому ты должна теперь, в виде исключения, послушать меня! Если я подойду, он укусит тебя или ударит копытом!

Колин вложил в свой голос всю гипнотическую силу, которая была ему присуща, как Мару, и магия была мощной. Но и я тоже не слабачка. Так близко к цели, я не позволю забрать у меня победу, даже если соблазн очень велик. Тесса придёт, останемся мы здесь в доме или нет. Она найдёт его. Разве только ему снова придётся бежать. Но ему надоело постоянное бегство. Поэтому Колин сделает то, что сделал уже один раз. Будет с ней сражаться. Сражаться без какой-либо надежды победить, так как он слабее, даже его каратэ и медитативная энергия ему не помогут. Или же он сразу позволит ей убить себя. Ни то, ни другое, я не смогу принять.

Но Колин тоже упрям. Ловко увернувшись, он нырнул под вертящееся ноги Луиса, проскользнул мимо и попытался, мелодично бурча, остановить его. Луис не сразу отреагировал. Его копыта ударили Колина в плечо, спину, живот. Как тогда копыта Алиши. Луис не мог оставить шрамы, как она, и всё же это должно быть причиняло душевную боль, его собственная лошадь пинала его. Но я не могла позволить себе сейчас сентиментальность.

Не касаясь, Колин встал передо мной, так близко, что я видела свои светящиеся глаза в чёрном зеркале его сверкающего взгляда, и мне пришлось прижаться спиной к сараю. Ожесточённо я сопротивлялась желанию зевнуть, закрыть глаза и опуститься на плечо Колина, чтобы долго и крепко поспать.

- Не делай этого, Колин. Это тоже насилие. Или душевное насилие для тебя не считается? Вообще-то я думаю, что считается. Контролируй себя. - Усталость немного отступила. - Если ты будешь с ней сражаться, то я вмешаюсь. В таком случае я умру, ты это знаешь.

- Я заманю её в лес, Эли, я не буду сражаться с ней здесь ...

- Да, но надеюсь, ты понимаешь, что она придёт сначала туда, где ты был счастлив. А это здесь, в этом саду, не так ли? Где стоит Луис. Твоя лошадь. Которая находилась рядом, когда мы были счастливы. Она набросится на всё, на Луиса тоже ..., и я буду здесь ... Только с помощью грубого насилия ты сможешь удержать меня.

- Елизавета ...

- Нет, Колин. В этот раз у тебя нет шансов. Чтобы остановить, тебе нужно либо убить меня, либо избить, кстати и остальных тоже.

Это наглая ложь. Джианна просто слишком слаба, чтобы бежать, иначе она давно в панике сбежала бы. Её всё ещё трясло из-за спазм в желудке. Но Пауль ...

- И у моего брата тоже есть своя гордость. Он страдает от того, что впал в пассивность и не смог сам побороть своего демона. Он захочет помочь и уж точно не пожелает, чтобы ты отнял у него всё этого, когда ведь именно ты так плохо обращался со мной ... Если ты позволишь убить себя, я всю жизнь буду несчастна, и он будет точно так же ненавидеть тебя, как если бы я, выступив против Тессы, погибла, все будут ненавидеть тебя и ...

- Хватит! - Гневно Колин ударил кулаком в сарай прямо возле моего уха. Я даже не моргнула. - Ты победила, ты маленькая змея-шантажистка. Боже, Эли, ты совсем не боишься, да? Ты не боишься ... Ты должно быть совсем рехнулась.

На одно мгновение удивление вытеснило гнев Колина, когда он почувствовал то, что и мне казалось немного странным. Я не испытывала страха. А это, в свою очередь, должно было напугать меня ... Но не пугало. Я не радовалась тому, что должно было случиться, но также не хотела, чтобы у меня это отобрали. Меня только удивляло то, что мне действительно удалось убедить Мара изменить своё мнение.

- Я рада, что ты всё понял. Если ты не будешь сражаться, тогда мне не придётся вмешиваться и тогда она, возможно, даже не увидит меня. Пообещай мне, что ты не будешь сражаться. Таким образом, ты нас защитишь!

Колин застонав, покачал головой, но это не выглядело как отрицание, а скорее, как покорность судьбе. Я истолковала его молчание как «да».

- Сколько ещё? - спросила я спокойно. - Сколько у нас есть ещё время?

- Несколько часов. Она идёт быстро. Быстрее, чем обычно. Я думаю, она будет здесь сразу после заката солнца.

Колин властно меня поцеловал, почти наказывая, но не без тревоги и нежности. Внезапно я почувствовала себя слабой и маленькой.

- Всё же не оставляй нас одних, не уходи!

- Я останусь, конечно же я останусь. Ведь это из-за меня у вас неприятности. Я пойду в сарай к Луису, чтобы медитировать. Я вовремя присоединюсь к вам, как только она приблизится. Но если что-то пойдёт не так, я засуну вас всех в машину и увезу, этого ты не можешь мне запретить.

Он ещё раз поцеловал меня, потом потянул Луиса за гриву в сторону и освободил мне дорогу. Луис во время нашего разговора стал спокойнее. На дрожащих ногах я направилась назад к Джианне, подгоняемая огненно-горячим ветром. Она всё ещё цеплялась за перила, но прекратила блевать. Прежде чем я дошла до лестницы, из кухонной двери вышел Пауль. Он тоже был бледным.

- Что с Джианной? Джианна, с тобой всё в порядке? Может быть, мы съели что-то не то или солнечный удар, у меня тоже вдруг образовались спазмы в животе, когда я сидел на туалете...

- Нет! - хрипло прокаркала Джианна. – Нет, Пауль, Тесса идёт! Она идёт! Я приманила её! Я приманила её, потому что ... потому что я ... о Боже, я подумала, что люблю Колина, не как ты думаешь, Пауль, по-другому ... как друга, клянусь. Так, как обычно любишь свою кошку или особенно прекрасный вечер или луну, или ...

- Джианна, успокойся, - умоляюще прервала я её. - Я тоже так подумала, и Колин. Для Тессы это было слишком, такого она не терпит. Это была передозировка. Да, она идёт, она уже в пути.

- Padre nostro (итал. наш отец), - плача прошептала Джианна и опустилась на пол, прямо в лужу из биттерино и в кучу из термитов, которые казалось умножаются каждую секунду. - Она нас всех убьёт ... Мы ведь совсем не знаем, что нам делать.

Её обычно такие живые глаза оцепенело блестели, а губы окрасились в синий цвет, в то время, как всё тело сотрясалось от конвульсий. Я взяла её за руку, чтобы вместе с Паулем вытащить из кучи термитов. Холодный пот покрывал её кожу, источающий резкий, едкий запах. Казалось, она весит тонны. Она не переставая хныкала, в то время как Пауль и я общими усилиями тащили её в спальню.

- Шок, - обобщил Пауль её симптомы и, хотя и он тоже слегка дрожал и, как и прежде был очень бледным, но казался мне на удивление хладнокровным. - Я дам ей успокоительное. Я привёз с собой валиум.

- Нет! Нет, никакого валиума!

Пауль вопросительно поднял голову, в то время как по привычке мерил Джианне пульс. Её голова откинулась в сторону, и она ревела без слёз. Бессвязно она что-то бормотала, ужасная смесь итальянского и немецкого. Я слышала, что у неё во рту больше нет слюней. Слоги от сухости прилипали друг к другу, из-за чего ещё больше казалась, что она душевно больная и будто из неё только что, с помощью безжалостного экзотизма, изгнали беса.

Было бы очень легко позволить ей заразить себя. Мне тоже хотелось бросится на пол и дать другим решать, что со мной случиться. Но я не могла себе этого позволить, потому что моя роль слишком важна.

- Почему никакого валиума? - спросил Пауль и подложил ей под ноги подушку. - Он действует надёжно и сначала избавит её от самого большого страха...

- Потому что она потом не сможет думать ясно! Она должна оставаться в своём уме, нам всем нужен ясный ум! Пауль, пожалуйста ... – Я снизила голос до шёпота. - Если хочешь, можешь сказать, что даёшь ей валиум, но возьми вместо него плацебо. Валерьянку или что-то в этом роде. Что-то безобидное. Слишком опасно, если она будет не в себе.

Хотя мои слова казались лицемерными аргументами, я знала, что мои тезы верны. Намного легче превратить или убить кого-то, кто не совсем в себе и находится под действием медикаментов. Джианна, хотя и сейчас тоже не в себе, но я надеялась, что до прихода Тессы она возьмёт себя в руки - по крайней мере настолько, чтобы могла логически думать. Наш разум – это единственное превосходство над Тессой.

- Ну ладно, как скажешь. Я попробую, - согласился Пауль.

Так, а теперь вернёмся ко мне. Грибы. О нет, грибы.

- Где Тильманн? Он что, ещё на пляже?

- Я так думаю. Он, наверное, залез в воду ...

Чёрт. Почувствовал ли он, как и мы, что что-то случилось? Но я не могу ждать, пока он придёт. Я прижала кулаки к вискам и заставила себя навести порядок в голове. Колин знает, что у Тильманна и у меня есть идея, как мы возможно сможем обмануть и убить Тессу. Он

пообещал ему не манипулировать нами и не стоять на пути - он сам пообещал, ещё даже прежде, чем я узнала, как на самом деле выглядит эта идея. Видимо потому, что он всё равно полагал, что посадит нас в машину и увезёт прочь.

Джианна и Пауль не имеют представления, что мы замышляем, но им не в коем случае нельзя вмешиваться. Тильманн настоятельно говорил, какие пункты важны и чего им нельзя будет делать.

- Пауль, пожалуйста послушай меня одну минутку. - Я отвела его в коридор, чтобы спокойно поговорить. Страдания Джианны слишком пленили меня; они отвлекали от главного. - Тильманн и я возьмёт дело с Тессой в свои руки. У нас есть план и он действительно хороший, я долго об этом думала. Он возможно покажется странным, но вам ни в коем случае нельзя вмешиваться, пока ... пока Тильманн не проткнёт её ножом. Что случиться потом - я не знаю.

Говори дальше, Эли. Не думай слишком много. Как на автомате.

- Одна важная вещь, не то всё может обернуться против нас, и мы больше не будем знать, что делать: когда Тильманн и я позже спустимся с чердака – наверное, сразу после захода солнца, - вычислила я, - мы включим музыку. Пожалуйста, ни в коем случае не меняйте громкость и тем более не ставьте другой альбом, хорошо? И пожалуйста, никаких громких слов и беспокойных движений.

Пауль повернул голову и с сомнением посмотрел в сторону Джианны, которая лежала на кровати словно труп, глаза закрыты, негнущиеся руки вытянуты по бокам. Да, пока что от Джианны можно не ожидать беспокойных движений. Но это может в любую минуту измениться. Джианна сама изобрела беспокойство. Я доверяла успокаивающему влиянию Пауля, да у меня и выбора-то нет.

Тильманн сказал, что шум и стресс, да, иногда даже единственный быстрый жест, могут негативно повлиять на эффект грибов. Есть ещё один пункт, которой нужно прояснить.

- Нам требуется острый нож, чтобы ... ну ты знаешь. Ты можешь выбрать один и при случае наточить? - В первый раз я сказала слова «при случае», холодно отметила я. Раньше я в лучшем случае использовала его в письменном виде и в сокращённой форме. Может быть это слово зарезервировано только для планирования преступлений.

- Что именно вы задумали, Эли? И что об этом говорит Колин? Он позволит тебя просто так выступить против Тессы? Он что, такой трус?

- Он не трус! - А жертва шантажа. Я не слишком серьёзно верила в эту роль жертвы, но я не произнесла пустых фраз, когда угрожала вмешаться. Я вмешаюсь. Я не позволю ему умереть, не в сражение против Тессы. Он заслуживает более достойной смерти.

- Колин будет рядом, и он согласен с нашим планом, - соврала я. - Но он не сработает, если мы расскажем о нём вам. Пожалуйста, доверьтесь мне в этом. - Он не сработает, потому что вы не дадите нам его выполнить. - Тесса такая глупая, это её единственная слабость, и именно таким способом нам удастся её заполучить. Нас троих она возможно даже не увидит, только Колина и Тильманна. Мы для неё не интересны. Кроме того, Тильманн действительно любит её. – Мой рот скривился сам по себе, когда я говорила это. В моих глазах Тесса не то существо, которое можно полюбить. Ни частично, ни полностью. - Оставайтесь поблизости, наблюдайте за нами, пока мы не закончим. Что случиться потом, писано лишь на небесах. - Даже они, скорее всего, ничего об этом не знают.

Я убрала кулаки с висков и погладила Пауля по щекам.

- Приготовь всё, - попросила я. - Возможно, ты нам понадобишься. - Как врач и спаситель. Я надеялась, что до этого не дойдёт, но, по всей вероятности, эта та причина, по которой Колин попросил его, взять с собой краденое добро из клиники. В конце концов, его первым импульсом только что, было обследовать Джианну и оказать ей медицинскую помощь. Он не убежал прочь, не испытал чувства отвращения, а если и испытал, то подавил. Начало сделано.

И скорее всего оно легче, чем для меня начать карьеру наркомана, через которую я никогда не хотела проходить, даже в своих самых смелых мечтах. Так как Тильманн всё ещё не прибыл, я, недолго думая, бросилась на чердак и начала рыться в его книгах. Может быть, найду здесь полезную информацию, которой смогу вооружиться. Нельзя прекращать чем-то заниматься, не то я свалюсь с ног, как Джианна ... или сяду в Вольво и уеду.

Из сада раздавались угрожающие удары - копыта Луиса, ударяющие о стену сарая и вбиваемые в доски гвозди, которые предусмотрительно запрут лошадь. Я не знала, необходимо ли это, потому что прошлым летом Тесса не замечала Луиса точно так же, как и меня. Но это не значило, что она не причинила бы ему вреда. Мы прервали её разбойничий набег.

Я нервно листала в куче распечаток, которые нашла между книг Тильманна - вот, досье под названием «Разведение и использование волшебных грибов». Выращивание меня не интересует, мне нужна информация о том, как они действую и как их употреблять. Возможно, я смогу уже что-то приготовить. Как вообще нужно принимать эти штуки? Курить? Или съедать в чистом виде?

Вот - вот здесь что-то об этом написано ... Указание по дозированию. Я опустилась на пол на колени, чтобы внимательно прочитать строчки.

«Сначала должно быть ясно следующее: прежде чем вы употребите грибы, вы должны быть уверенны в том, что имеете здоровую порцию уверенности в себе и хорошо к себе относитесь.»

- О нет ..., - застонала я и спрятала лицо в плотно исписанных бумагах. Это что, шутка? Здоровая порция уверенности в себе? Хорошее к себе отношение? Я подняла голову и продолжила читать. *«В вашей жизни не должно быть больших неприятностей.»*

Я начала истерически смеяться. Это шутка. Один из тех известных случаев, когда жизнь состоит только ещё из иронии. Как в песне Аланис Мориссетты. Мне, Елизаветы Штурм, никогда в жизни нельзя принимать галлюциногенные грибы, потому что я ещё никогда не была в таких больших неприятностях, как сегодня, не говоря уже о критике, сомнениях и ограничениях, которые имела по отношению к себе.

- Она идёт, не так ли?

Я повернулась слишком быстро, так что затрещала шея и я чуть не ударилась головой о край кровати. Тильманн стоял позади, совершенно мокрый, в плавках и с красными полосами на ногах. Мы что, так сильно избили его? Нет, это что-то другое ... раны кровоточили.

- Медузы, - объяснил он и снял шорты. До его зада они тоже добрались. - Они внезапно напали на меня, целый рой. Так быстро я ещё никогда в жизни не плавал. - Он задыхался и закашлял, когда наклонился, чтобы подобрать с пола свежие трусы и футболку.

- Быстрый номер, хм? - спросил он с посредственным любопытством, в то время как встряхивал шорты.

- Никакого быстрого номера. Я даже не прикоснулась к нему. О чём ты думаешь... Один секс не делает человека счастливым, - процитировала я Джианну. Я укоризненно замахала в душном воздухе листком, на котором была записана инструкция по дозированию. Ещё никогда тот факт, что передо мной стоял голый мужчина, не был таким второстепенный, как сейчас.

- Ты хоть прочитал, что там написано? Какая уж там уверенность в себе, и по-твоему никаких проблем в жизни? Мне ни в коем случае нельзя принимать эти штуки! Они меня убьют!

- Ах, какая ерунда, Эли! - Тильманн вырвал у меня буклет из рук и забросил в угол, чтобы я не могла читать дальше. Кто знает, какие ещё мудрые советы в нём содержатся. - Автор только хочет защитить себя, если кто-то ... если что-то случиться, - расплывчато закончил он предложение, прежде чем выболтал слишком много. А я с удовольствием бы узнала, что

подразумевало это зловещее «если что-то случиться». И я вовсе не была такой уж невеждой в вопросах о наркотиках.

- Он имеет в виду, что можно испытать ужасный трип? Недостаточность кровообращения, коллапс, психоз? - Снова во мне возродился истерический смех, как уже чуть раньше. - Тильманн, это не для меня, вообще не один из наркотиков ...

- А ну закрой рот, Эли! У нас нет времени, придумывать новый план, мы можем выполнить только этот один - или сбежать. Ты этого хочешь? Сбежать?

Я позволила себе одну минуту поразмышлять. О как же это заманчиво, так бесконечно соблазнительно. Но ничего не изменит в основе ситуации. А только отсрочит столкновение. Поэтому я покачала головой.

- Нет. Нет, не хочу. Но как же я смогу стать другим человеком до её прибытия? Как?

- Тебе и не нужно. Я пережил с тобой моменты, когда ты была очень даже самоуверенной, возможно даже самовлюблённой. Это в тебе, Эли.

- Но не сейчас! Не сейчас! - запротестовала я. - Тесса идёт сюда!

- Да, Тесса идёт. Именно так. Если мы победим, тогда избавимся от неё навсегда. Тогда ты наконец сможешь быть вместе с Колином и не бояться. Разве это не то, чего ты всегда хотела? Это в пределах досягаемости! Перед тем, как наступит ночь, мы возможно уже будем свободны. Мы ещё никогда не были так близко к цели, как сейчас.

Пастор была бы тоже не плохая профессия для Тильманна, подумала я сердито. Возможно даже лучше, чем учитель. Да, он говорил о том, что я хотела и чего жаждала. Но шанс достигнуть этого, казался незначительно маленьким. Даже нереально маленьким. Колин прав. Я не боялась, во всяком случае, не испытывала панику. Тем не менее, меня не распирало от уверенности в себе. Также не получалось забыть на какое-то время о проблемах в моей жизни. Они существуют.

- Попытайся представить себе это, Эли. Ты ведь можешь мечтать, не так ли? Тогда начинай мечтать, прямо сейчас! Немедленно и тогда мы будем в подходящем настроении, чтобы принять грибы, когда придёт время. Я обо всём позабочусь. Ты получишь более низкую дозу, меньше, чем моя, потому что в твоём случае, они будут действовать сильнее. Эффект начнётся плавно, это я обещаю ... Я всё точно рассчитал. Эли, просто представь себе, что ты мечтаешь ...

- Ты должен мне помочь.

- Но как? Как мне тебе помочь? - Тильманн смотрел на меня вопрошающе. Что же, как помочь? Я тоже не знала. Пока что своим мечтам я придавалась всегда одна, но сейчас всё во мне сопротивлялось против того, чтобы отпустить его от себя даже на два метра. Если я останусь одна, то до моего разума начнёт доходить, какой манией величия мы страдаем.

Нахмурившись и не зная куда деть руки, мы размышляли, молча искали возможности и идеи, трюки, как перехитрить себя, мостики и пути – и вдруг до меня дошло, мы не сможем найти их в одиночку.

- Ты должен быть моей подводной лодкой, - в конце концов, задумчиво пробормотала я.

- Твоей подводной лодкой? У тебя что, уже начался трип? Почему подводной лодкой?

- Я ... у меня была такая фаза в школе, когда мне было плохо. – Фаза - это ещё хорошо.

Эта чёртова фаза длилась годами. Не фаза, а просто мученичество. - Я каждый день боялась того, что меня ожидает. В то же время я знала, что не смогу убежать, что это часть моей жизни, должна быть ей. Разве это не извращение? Каждый ребёнок должен ходить в школу, не имеет значения, как сильно его это обременяет?

- Я думал, ты всегда была отличницей.

- Я и была. Тем не менее посещение школы всё равно было для меня ужасным. И таким неизбежным ... Когда я вечером не могла заснуть, потому что боялась того, что неизбежно

наступит, чьи тёмные стороны я уже так хорошо знала, то представляла себе, что плыву в подводной лодке в глубинах моря. Подводная лодка, только для меня одной. Там было тепло и комфортно и меня окружали толстые бронированные стены из стекла. Я могла наблюдать за большим количеством разноцветных рыб и спать, когда захочу. Никто не мог добраться до меня там внизу. У меня были с собой еда и питье …

- Хм, - недоверчиво сказал Тильманн. - Фильм «Подводная лодка» ты никогда не видела, ведь так? Уютная подводная лодочка ... блин, Эли ...

- Мне было девять или десять, не будь со мной так строг! Эта подводная лодка защищала меня, разве ты не можешь понять? - Даже теперь, когда я в два раза старше, этот образ имел что-то неотразимое. Я вспомнила мою встречу с медузой. Да, эта мирная встреча под водой не так уж сильно отличалась от моих фантазий о подводной лодке. Я чувствовала себя словно в объятьях, защищённой, когда наблюдала за ней. В конце концов вода - это тот элемент, которого боится Тесса.

- Ты уединялась на этой лодке? Никаких других людей?

- Да. Я была совсем одна. Ко мне мог проникнуть только тот, кто действительно понимал и принимал меня, без какой-либо лжи. Любил такой, какой я есть, именно такой, но...

- Я и люблю, Эли. - В то время как я рассказывала, я смотрела на мои ладони и водила пальцами по линиям, но теперь подняла глаза. Тильманн ответил на мой взгляд с почти скрупулёзной серьёзностью. Как будто это цель его жизни, принимать меня и уважать. И снова оно появилось, это всеобъемлющее «я тебя люблю»- чувство. Чувство, находящееся в моей голове и сердце. Я состояла ещё лишь только из этих трёх слов. Я тебя люблю. Возможно, мне не понадобиться подводная лодка. Возможно, будет достаточно знать, что эти слова не только у меня одной на сердце, что на них отвечают. Нет, мне больше не понадобится подводная лодка.

- Пойдём, - сказал Тильманн так нежно, как ещё никогда со мной не разговаривал, вышел на балкон, где лёг на надувной матрас и притянул к себе. Я засунула руки под его футболку и положила пальцы на сердце, желая ощутить, как оно бьется, и позволить ритму убаюкать меня. Вскоре в моей голове к этому ритму возникла музыка - сферические, успокаивающие звуки, которые позволили струиться моему дыханию. Так мне было легче потерять себя в своих желаниях, для исполнения которых долгое время не было никакой надежды.

Я почувствовала, что мысли Тильманна рассеялись и стали податливыми, возможно моё нежное прикосновение напомнило ему что-то, что он потерял давным-давно. Его первую любовь, девушку, которая однажды разбила это сердце. Но моя рука на его голой коже была ключом к золотому царству, которое должно открыться, чтобы мы смогли пережить то, для чего никогда не хватит наших собственных сил.

Тессу.

- Пугающе красиво, не так ли?

Я не знала, что ответить. Тильманн и я пробудились прямо в один и тот же момент из нашей мечтательной дремоты, потому что вокруг нас что-то изменилось. Теперь мы стояли рядом друг с другом на балконе чердака, блуждая глазами по окрестностям.

Сирокко уже в первые минуты, после того, как мы направили Тессу на наш след, и погода переменилась, загнал большинство людей в дома. Теперь Пиано делл Ерба лежал перед нами, как вымерший. Даже дети, которые обычно проводили свой день, катаясь до самой ночи туда сюда на велосипедах, как будто провалились сквозь землю.

Природа же напротив, сошла с ума. Солнце, которое в вечерние часы всегда светило с безоблачного неба, заслонила красно-жёлтая пелена, оно напоминало мне восполненную гематому и больше не было круглым, стало овальным. Никогда раньше в вечерние часы не было таких туманных облаков. Хотя было ещё светло - яркость тусклого бара, а не нормального заката - в горячем, песочном воздухе уже роились летучие мыши. В дорожной пыли, поднятой вверх крошечными ножками, постоянно что-то шуршало; я не знала, убегали ли животные или их что-то привлекало сюда. Море лежало перед нами - серое и свинцово-тяжёлое. На поверхности не образовывалось даже крошечных волн. Гребень горной цепи позади нас слабо светился - первый лесной пожар, с тех пор, как мы приехали, достаточно далеко, чтобы наблюдать за ним со спокойным сердцем.

Это лишь лесной пожар, а не Тесса.

Но и мысль о Тессе была как необходимое зло, которое хотелось оставить позади, наконец-то с ним разделавшись. Я всё ещё не чувствовала паники, а скорее гложущее нетерпение и желание, чтобы всё поскорее началось. Больше всего беспокойства мне доставляло не её прибытие, а трип, в который мы сейчас окунёмся. Но в целом я была спокойна.

Также положение на первом этаже больше не было таким напряжённым. Иногда я слышала шаги и бормотание, не больше. Удары копыт Луиса и стук молотка Колина умолкли. Я оторвала взгляд от моря и перевела его на Тильманна. Необычно мягкая улыбка играла на его всегда таком энергичном рте.

- Ты радуешься ... это возможно? Ты радуешься, не так ли? - спросила я недоверчиво. Я сама была спокойной, но радость меня уж точно не переполняла. Тильманн, слегка раздражённый, нахмурил тёмные брови, но не перестал улыбаться.

- Эли, что-то во мне любит её, а другая часть хочет отомстить ... И то и другое возможно только тогда, когда она придёт. Конечно же я радуюсь тому, что увижу её. Это то, чего я всё это время ждал.

- И почему ты так уверен в том, что отреагирует правильная часть, когда она будет здесь? Та, которая хочет отомстить, а не та, которая её любит? - ответила я более сурово, чем намеревалась. Но мой вопрос справедлив. Возможно Тильманн будет состоять только ещё из любви и преданности, когда старая карга засеменит по улице.

- Потому что я тренировал этот шаг в мыслях каждый день и каждый час. Я почти больше ничего другого не делал. И у меня было много времени. Я едва ещё могу спать.

Этим я должна была довольствоваться. Я верила, что он тренировался. И всё же хотел, чтобы я была вторым пилотом, пытаясь таким образом подстраховаться ... Значит сам сомневался. Моё настроение вот-вот должно было перемениться к худшему, как вдруг зазвонил мобильный. Я чуть раньше, когда бежала к Тильманну наверх, включила его, потому что, как говорится, бережёного Бог бережёт. Возможно произойдёт такая ситуация, что придётся звонить в скорую помощь или полицию – какую бы там помощь не смогли оказать нам врачи и копы против Тессы.

Однако сейчас мне звонок не нужен. Это определённо не подходящее время для телефонных звонков.

Но Тильманн кивнул.

- Возьми трубку, мне нужно принести ещё пару вещей снизу. - Ага, пару вещей. Наркотики и нож? Как, ради всего святого, я должна при таких обстоятельствах сосредоточиться на разговоре - прежде всего, если это звонит мама?

Или это Гриша? Эта идея пронеслась без предупреждения через мой измученный разум и сразу же взволновала. По крайней мере это правдоподобно - в моём неописуемом письме я оставила ему номер мобильного; что-то, что я обычно никогда не делаю с незнакомцами, но Гриша для меня не чужой, он в течение многих лет был постоянным гостем в моих мечтах. Может быть ему понадобилось немного время, чтобы побороть себя и позвонить, что он теперь и сделал, потому что любопытство стало слишком сильным ...

- Алло? - сказала я приглушённо в трубку, после того, как Тильманн исчез внизу.

- О, Елизавета, я понятия не имел, я ничего не знал ... ничего не знал!

Нет. Это не Гриша. Это господин Шютц. Отец Тильманна! И именно сейчас! И о чём он вообще говорит?

- Здравствуйте, господин Щютц, - воспитано ответила я, заставив себя говорить вежливо и дружелюбно, хотя больше всего хотелось съязвить и спросить, что это ему пришло на ум звонить сейчас.

- Елизавета, если бы я знал обо всём, тогда ... тогда ... ты очень храбрая девушка. Очень храбрая.

- Эм ... да. Пойдёт. - Ой, ой. Я догадывалась, что случилось. Мама рассказала ему что-то о Марах. Но что? Всю историю? Нет, она не могла, потому что сама не знала всей истории. Она думала, мы хотим провести в Италии отпуск и поискать немного папу. Он полукровка и пропал. Рассказала ли она об этом господину Шютц? Если да, то это на неё не похоже. Должно быть у неё был очень слабый момент.

- То, что случилось с твоим отцом ... не знаю, что сказать.

Я тоже не знала и выбрала «хмхм».

- У меня нет слов! Это горько, очень горько и в то же время так непостижимо. - Тут господин Шютц говорил правду. Но мне не понравился сострадательный тон, который сопровождал его слова. - Вы должно быть пережили тяжёлые времена. Или всё ещё переживаете ...

- О, всё нормально, - повторила я неубедительно. - Мы ведь теперь здесь в Италии и ... - И ждём самого ужасного из всех Маров, о котором даже мама почти ничего не знает. Прекрасный отпуск.

- Да, отдыхайте там, возможно тогда всё снова на ... э, придёт в норму, так ведь? - Придёт в норму? Это не звучало так, будто он хоть немножко верил в то, что рассказала ему мама. Значит вот откуда жалость в его голосе. Я лишь ещё один человек в компании бедной, помешанной семьи Штурм. Безумная семья, один хуже другого.

- Как там мой сын? Ему тоже выпала не особо лёгкая доля из-за недостатка серотонина. Пауль хорошо приглядывает за ним? - То, как господин Шютц сказал «Пауль», я поняла, что он, по крайней мере, Паулю, аттестовал ясный рассудок. Паулю, нашему вечному скептику, который только что наточил нож, перебрал украденные медикаменты, и кое-что выбрал из них, если я правильно истолковала звуки, доносящиеся снизу.

- Елизавета, ты ещё там?

- Да.

- Что делает Тильманн? Он в порядке?

Я огляделась. Тильманн вернулся наверх с двумя напитками в руках и большим ножом для мяса под мышкой. Сейчас он запрограммирует небольшую музыкальную установку для психоделического музыкального фона нашего трипа.

- Чувствует себя прекрасно. Он как раз приготовил для нас коктейли, сегодня вечером у нас будут гости.

Тильманн вопросительно на меня посмотрел и сдержал смешок. Я пожала плечами.

- Твой отец, - сказала я одними губами. Его ухмылка стала шире. Без всякой спешки он взял у меня из рук мобильный.

- Привет, пап. Да, всё хорошо, я в порядке. Да, у нас прекрасная погода, здесь хорошо. Много солнца. Немного лучше. Ах, то что делают все, купаюсь, ем, отдыхаю. - Убиваю. - Да, я дам тебе её ещё раз ...

Я закатила глаза, но всё-таки взяла мобильный.

- Елизавета! Я только хотел тебе сказать, что я поддерживаю вас! Я на вашей стороне.

- Спасибо, господин Шютц, мне нужно заканчивать, наша гостья придёт сейчас. Тогда до скорого! Пока! - Я положила трубку и измучено посмотрела на Тильманна. - Так, теперь он думает мама, папа и я сошли с ума. Она должно быть что-то ему рассказала! Зачем она рассказала? Как она могла?

Может речь здесь шла об интимном разговоре в постели? Я вспомнила, что по отношению к Колину была очень разговорчивой, после того, как мы переспали друг с другом. Моя мать и господин Шютц в постели - нет, не буду об этом думать сейчас, может быть подожду до завтра или ещё дольше, потому что такие размышления всё испортят. Ясно было то, что он нам не верит и считает психопатами, в противном случае не говорил бы так высокомерно и напыщенно. «Я поддерживаю вас. Я на вашей стороне.» Что это значит - я навещу вас в клинике и принесу цветочки, когда придёт время и вас наконец-то запрут? Но почему он тогда допустил, чтобы сумасшедшая Елизавета проводила отпуск с его сыном? Так он мог поступить только в том случае, если исключил меня из союза сумасшедших, так же, как и Пауля. Что же, возможно даже исключил и лишь маму считал безумной. Да, так картина становилась целостной. Все остальные соображения я отложу на позже. Если это позже наступит.

- Только что ты ещё выглядела более расслабленно, Эли. - Тильманн смотрел на меня с критикой. Он запрограммировал MP3-установку - Pale Horses от Моби в бесконечном цикле, как я и приказала, и одел длинные штаны, будто хотел выглядеть для Тессы особенно красиво. На мне всё ещё был одет бикини, но времени не было, чтобы искать внизу что-то, во что можно нарядится. Без лишних слов я взяла одну из футболок Тильманна, одела её, схватила ремень с постели и обвязала им талию, образуя своего рода платье. Для Тессы мне не нужно наряжаться, но и полуголой я тоже не хочу перед ней предстать. Однако я не особо расслабилась. Она лишь едва закрывала мою попу.

Грибы что в напитках, которые Тильманн поставил между нами на пол? Я хотела встать на колени и понюхать, как внезапно через балконную дверь в комнату залетело несколько летучих мышей, щелкая и чирикая, они увернулись от стен и сразу же снова исчезли.

- Ничего себе, - пробормотал Тильманн. – Послушай, Эли, если ты не уверенна и боишься, тогда оставь это. Всё в порядке. Я сам справлюсь.

- Нет, я не боюсь. Я хочу, чтобы это случилось. Только не могу как раз сейчас расслабиться. Это своего рода ... такое чувство, как будто мне нельзя расслабляться или даже смеяться ...

- Ты должна представить себе, что трип - это твоя защитная оболочка. Твоя подводная лодка. - О, теперь он снова особенно сообразителен. - Он позволит пережить тебе всё в другом свете, более увлекательно и менее опасно, скорее всего это даже вообще не будет опасно - если ты захочешь его принять и вообще, почувствуешь себя хорошо.

Трип в качестве защитной оболочки? Увидеть Тессу в другом свете, не как в последние разы? О да, я хочу. Это привлекательная идея, перенестись в такое состояние, которое прогонит весь ужас. В котором будешь испытывать всё, как будто смотришь фильм, ничего общего не имеющий с реальностью. Я почувствовала, как меня начало сверлить любопытство. Да, чёрт, я хочу принять эти грибы. Я хочу иметь свою наркотическую, подводную лодку. Но ...

- Подожди, у меня есть идея. - Тильманн ещё раз начал возиться с MP3-установкой. - Хорошо, вот нашёл. Облокотись назад и слушай ...

Удивлённо я услышала потрескивание пластинки, которую оцифровали без каких-либо технических тонкостей. За потрескиванием сразу же последовали первые медленные такты старой душещипательной песни. Тильманн и душещипательная песня?

- Что это? Звучит как песня из пятидесятых, или что-то в этом роде, почему у тебя есть нечто подобное в сборнике?

- Это не из моего сборника, а из Джианенного.

Ага, коллекция Джианны. То, что Джианна, в моменты влюблённости, даже не брезгала шлягерами, я уже знала самое позднее с Гамбурга. Но у этого певца был глубокий, звучный голос, который казался мне немного знакомым. Где-то я его уже слышала.

- Я думаю, я его знаю ... Разве это не тот толстый американец, который уже давно умер? Почему ты слушаешь нечто подобное?

- Эли, если ты сейчас же не замолчишь, я засуну тебе в рот носок! - Я преувеличенно поджала губы, чтобы продемонстрировать Тильманну, что буду держать рот на замке.

- Большое спасибо, - вздыхая прокомментировал он. - Это Эльвис Пресли, Are You Lonesome Tonight, смешная версия. Он пел песню на концерте и при этом спонтанно изменил текст. Вместо оригинальных слов он спел «Do you gaze at your bald head and wish you had hair?» и в тот момент увидел лысого мужчину в публике и разразился приступом смеха. Ты поняла, что он сказал, не так ли?

Конечно поняла. «Уставился на свою лысину и желаешь, чтобы у тебя были волосы?» Да, очень смешно, это показывало его остроумие и креативность, но я сомневалась в том, что меня сможет развеселить только это и несколько смешков умершего образа душещипательных баллад (по словам Джианны кстати, атакованного или полукровки). Тем не менее я подчинилась. Тильманн снова включил песню.

Теперь зазвучала та часть, которую цитировал Тильманн, и Элвис начал смеяться, в то время как группа продолжала тупо играть дальше, а бэк-вокалистка пела трелью на высоких тонах и совершенно серьёзно. Элвис тоже пытался продолжить петь, но терпел неудачу при каждой новой попытке. Всё это конечно смешно и не спланировано и для публики очень забавно, но что меня глубоко тронуло и захватило (кое-что, чего я не ожидала), так это то, как он смеялся. Так искренне, самый прекрасный мужской смех, который я когда-либо слышала. По его смеху - такому открытому, спонтанному, молодому - можно было услышать, что он музыкальный, но прежде всего я слышала, что он смеялся не часто, что у него редко были причины для смеха, что он на самом деле был узником меланхолии и печали. Тем смелее он теперь проложил себе путь, как будто распознал возможность на один момент вырваться из бастиона одиночества.

Тебе просто хотелось присоединиться к нему, порадоваться вместе, подарить ему этот драгоценный момент, когда юмор всё преодолел и связал его с чужими людьми в зале сильнее, чем это случалось когда-либо в его настоящей жизни.

Внезапно он стал мне так близок, как будто стоял рядом, хотя уже был мёртв несколько десятилетий и его смех давно угас. Мы послушали песню три раза, так, что на наших лицах распространилась блаженная, постоянна ухмылка. Смех расслабил мышцы живота и все напряжённые лини вокруг глаз. Я готова. Можно начинать.

- Да здравствует король. Прост, Эли. Хорошего полёта! - Тильманн взял свой стакан и мы чокнулись. Потом, как будто уже давно приняли соглашение, мы скрестили наши руки и выпили на брудершафт, запечатлев поцелуй в уголок рта.

Пойло было на вкус ужасным, но вместо того, чтобы испытывать отвращение, это заставило меня улыбнуться. Тильманн попытался смягчить навязчивый вкус апельсиновым соком и большим количеством колотого льда, но он пристал к нашим языкам, строгий и землистый. Один момент мы чувствовали себя как дети, которые, чтобы показать свою смелость, едят насекомых. Мы опустошили стаканы, хихикая и дурачась, а потом разжевали полный рот льда.

- И что теперь? - спросила я. Мой живот был холодным, щёки и руки горячими.

- Теперь будем ждать. Может пройти какое-то время, пока начнёт действовать. Устраивайся поудобнее.

Внезапно на память пришли мрачные дни, после того, как Колин похитил мои воспоминания, когда я позволяла Паулю накачивать себя сильными успокаивающими, чтобы забыть обо всём и стереть из памяти. Тогда я страстно ждала, когда медикамент начнёт действовать. Поэтому в сущности, ситуация была не новой, только теперь ничего не нужно было стирать из памяти, даже страх, привлечь к нам внимание Тессы. В этот раз мы бросили ей вызов с целью, спланировав её прибытие. Мы на несколько шагов впереди. И не только это: я между тем стала такой смелой, что плескалась вместе с медузами, спала рядом с скорпионом и наслаждалась прикосновениями ядовитой змеи. Кто сказал, что у меня нет никакой уверенности в себе. Моё тело часто подводило меня и казалось несовершенным и слабым, но в этой схватке речь идёт о моём разуме, а он очень сильный.

Я, как и Тильманн, облокотилась спиной о стену и закрыла глаза. Довольно долгое время я не чувствовала вообще ничего и уже разочаровано подумала, что этот вывод грибов испорчен и не действуют, как вдруг перед моими закрытыми глазами образовались точно выведенные зелёные и голубые круги, которые соединились друг с другом, создали новый рисунок, снова разделились, чтобы опять затанцевать друг к другу - фестиваль геометрической эстетики и только для меня, фильм в моей собственной голове. Мне очень хотелось рассказать об этом Тильманну, но не было желания говорить. Язык ещё никогда не лежал так отлично на моём тёплом, мягком нёбе. Задвигать им, было бы расточительством.

- Позволь мне заглянуть в твои глаза, Эли. - О, его голос ... он трещал, как огонь. Я не только слышала его, но и чувствовала, каждый слог, каждое слово. Звуки летали по воздуху, словно искры. Неохотно я рассталась с вертящимися кругами и посмотрела на него.

- Да, - определил он. - Хорошая штука.

Твои глаза, подумала я. О Тильманн, твои глаза. Он тоже смотрел на меня зачарованно. Его красного дерева ирис пульсировал, я видела, как в нём бьётся его сердце. При каждой пульсации взрывались цветные пигменты и гасли, затем воскресали, становясь ещё сильнее и интенсивнее.

Какими же красивыми и совершенными созданиями являемся мы люди! Только одни уже наши глаза достойны сотни святынь и произведений искусств. Мы состоим только из них, наших глаз, всё остальное лишь декорация, ненужный балласт. Я была убеждена в том, что мы можем отрезать остальную часть нашего тела и чувствовать, думать, существовать только нашими глазами. Глаза - это наша душа, исток того, кем мы являемся и что делаем. Больше нам ничего не нужно.

Но наших четырёх глаз, моих, как море, Тильманна, как огонь, недостаточно. Ещё два ожидают нас, чёрные зеркала, они надеются на то, что получат подобие себя и начнут блестеть и сверкать, если мы вдохнём в них жизнь.

- Давай спустимся вниз, - сказала я медленно. Мои слова я тоже чувствовала, лёгкие как пёрышки, эфирные и грациозные, они парили в горячем воздухе. Мы позволили решать нашим телам, как и когда они захотят встать; они сделали это без какой-либо спешки, для чего создавать суматоху? Для чего неугомонность? Наши мысли должны сначала развить свои бутоны и цветы, когда мы дадим телам достаточно времени и места, а здесь наверху - между голыми стенами чердака - тесно.

Лестница стала приключением - приключение без возбуждения и напряжения, но более пьянящее, чем самые отважные предприятия, которые я когда-либо пережила. Перила прижались ко мне волнами, когда я положила ладонь на гладкое, отшлифованное дерево, смола в нём пахла, а также листья, которые оно когда-то производило. Оно никогда не умирало. Ступеньки меняли свою величину, как будто хотели подразнить нас, но я никогда не подвергалась опасности упасть, потому что у меня была способность предвидеть, вырастут они или уменьшаться, или передвинуться, образуя угол. Я смогла бы идти и по тонкой верёвке, сто метров над землёй.

Мы наслаждались ощущением гладкого, терракотового пола, под босыми ногами, после того, как преодолели лестницу, не упав, не споткнувшись или даже пошатнувшись. Мы стали акробатами. Когда Тильманн вставил вилку музыкальной системы в розетку на стене, я увидела, как камни под штукатуркой отреагировали, коротко задрожав. Да, вся стена начала дышать, в то время как заиграла музыка, она отступала от нас и снова приближалась.

Позади, даже не поворачиваясь, я заметила две тени. Но они не интересовали меня, они всего лишь зрители, тихо сидящие на плитках и наблюдающие за нами. Они не были частью нашего мира.

У Тильманна и у меня есть теперь лишь одна потребность: слушать музыку, смотреть на неё, пробовать на вкус и встретиться с чёрными зеркалами там снаружи. Мы существовали для этих зеркал, в то время, как космос существовал для нас и позволил нам погрузиться в свои тайны.

Может быть так будет после смерти. Будешь состоять из одних глаз, которые видят больше, чем это было когда-либо возможно в жизни. Как маленький, в жёлтую точечку жук, который деловито карабкался вверх по столбу веранды. Раньше таких существ, как он, я могла лишь разглядывать, его пропорции, телосложение, окраску. Но теперь я его видела, узнавала, я знала, какие у него способности, а также, откуда они происходят, что общего имеет со всем тем, что нас окружает. С горячим ветром, с игрой белых тополей, с гекконами, покоящимися между камнями и ожидающими того, чтобы проснуться, с летучими мышами, чьи ультразвуковые тона рисовали фиолетовые закорючки в воздухе. С морем, рыб которого я чувствовала, как они мечутся в тяжёлой, солёной воде. В отдельности этого жука невозможно постичь. У кого только могла появиться идея убить его, пронзить иглой и положить в раму под стеклом? Без нас он ведь вовсе не существовал, точно так же, как мы не существовали без него. Я связана с ним. Я важна для него. Я могу его остановить или поторопить, если захочу, но намного восхитительнее просто его оставить. Так, как он есть.

В течение нескольких часов, как мне казалось, я погрузилась в его организм, пока меня снова не коснулась музыка и я захотела посвятить себя ей, не покидая полностью жука.

Я уже всегда догадывалась, что песни Моби – это не только то, что слышишь. Когда я ставила их перед сном, их гармонии начинали течь по моим венам и переплетённым сосудам и формировались в глубокую, успокаивающую песню, которая порождала всё больше граней и наслоений. Теперь я видела эти наслоения перед собой, прикасалась к ним, и когда дула на них, они рябили. На низких слоях они звучали голубым - лазурным, кобальтовым, чёрно-синим, серо-голубым, бирюзовым цветами, тысячью оттенков, которые сливались друг с другом и снова разделялись. На высоких слоях они раздавались серебряным и светлым цветами, как

туман, освещаемый луной. Между ними золотые нити. Я скользила по цветам, как будто парила в воздухе, и взяла с собой Тильманна. Зеркала ... нам нужно найти зеркала ... Рука об руку мы подошли к перилам лестницы.

На лестнице сидел Колин, свободно опираясь правой рукой о колено, левая нога вытянута вперёд, плечи расслаблены. Волосы спадают шёлковыми прядями на его затылок и пульсируют, также, как и природа вокруг нас. Его кожа светится ярче, чем застиранная рубашка; резко и чётко под ней очерчиваются скулы - должно быть его создал скульптор, самый одарённый во всех тысячелетиях. Когда он направил на нас свои глаза, чёрные, мёртвые зеркала превратились в алмазы, а черты его лица ожили и стали одушевлёнными. Он так невероятно красив. Нам нужно прикоснуться к нему. Обоим. Мы подошли, прижались.

Улыбаясь, я смотрела на то, как мужские руки Тильманна ощупывают волосы Колина и его щёки. Колин тоже заулыбаться, расслабленный и счастливый. Он ничего не говорил, но предоставил нам без слов свободу действий, наблюдая за тем, как мы медленно пытаемся постичь его и понять.

Я захватила его длинные, загнутые ресницы губами, на вкус они были как пудра и немного горькими и хотела попробовать блеск в пигментах его белой кожи. При этом наши с Тильманном рты коснулись друг к другу, так как он тоже целовал его, потом Тильманн опустил голову на плечо Колина, руки всё ещё обхватывали его шею, где рокот, исходящий из груди смешивался с голубым и серебряным цветами музыки ... музыка была написана для него, она ему подходила ... Я испытала глубокое умиротворение, зная, что он крепко держит Тильманна в руках, в то время как я всё ещё пыталась вникнуть в магию его лица и погрузиться в глубину его чёрных глаз, которые отталкивали меня, как трамплин.

Но потом голубой цвет музыки отступил к кружащим листьям тополей и остался там между ними, уступив место другой, большей, более сладкой и желанной силе. Мы одновременно повернули наши головы в сторону улицы, где ветер, закручивая пыль спиралью, поднимал её вверх. Ветер и её семенящие шаги, изящные и ловкие, при этом полные сил и воодушевлённые решительностью, которой мне самой так часто не хватало. Я едва могла дождаться того, что увижу её, встану напротив, хотя уже сейчас угадывала её очертания. Бархатная накидка волочилась по улице, как тело змеи, а лохматые, рыжие волосы развивались до бёдер, играли сами с собой, цеплялись друг за друга и снова разъединялись, но всё время сияли, как будто солнце никогда не заходило.

Мне хотелось увидеть её глаза. Пожалуйста. Пожалуйста приди к нам. Приди и спаси нас, возьми нас с собой в своё царство.

Когда она появилась перед нашими воротами, я не встала. Для этого нет причин. Я покажу ей своё почтение не тем, что бодрствую, а тем что сплю. Почему я никогда не видела, какая она захватывающе-безупречная и совершенная, почему никогда не хотела осознать того, что она может мне дать, если я только передам ей свои мечты? Конечно же Тильманн хотел увидеть её. Я тоже хотела. Весь страх, боль, заботы и неприятности, которые когда-либо меня умчали, ушли и больше не могли причинить вреда. На один сумасшедший момент я подумала, что снова лежу в животе мамы, свернувшись в клубок, защищённая от духов и демонов снаружи. В утробе матери, где могла быть сама собой, и никому ничего не была должна. Никаких ожиданий, никаких проблем, моя единственная задача - это спать и доверить себя её защите. Зачем мы вообще рождаемся? Почему не можем оставаться там, где чувствуем себя лучше всего? Что или кто может меня удержать от того, чтобы вернуться назад? Мне нужно только посмотреть ей глаза, в этот сладкий, манящие-зелёный цвет, начало всего живого и конец всего существующего, всего человеческого бремени ...

Я опёрлась рукой о ступеньку, желая завершить это и на коленях просить её прийти ко мне, но мои зрачки, словно сами по себе, двинулись в сторону и через застиранную ткань

рубашки Колина заметили что-то, чего там не должно быть. Нет, этого не должно там быть и это не часть нас! Это неправильно!

Внезапно меня охватило беспокойство. Голубые полосы развеялись. Музыка больше не была мелодией, а сформировалась в визжащие, пронзительные высоты, которые начали спиливать мне кожу с плоти тонкими слоями.

Я правильно разглядела. У Колина под рубашкой оружие, острый, серебреный кинжал, с украшениями на ручке, азиатскими символами. Что это значит? Колин сидит слева от меня, и у него кинжал. Тильманн сидит справа, и у него нож. Здесь речь идёт вовсе не о Тессе. Не о том, чтобы убить её. Речь идёт о том, чтобы убить меня, меня! Колин хочет воткнуть мне в сердце кинжал, а Тильманн вынуть глаза и органы и пересадить их Тессе, они хотят забить меня, потому что я больше не нужна им, также, как и моей матери во сне, я больше ни для чего не пригодна, только ещё бремя и зло, потерявшая своё право жить. У них есть всё права сделать это со мной. Они должны! Они наконец поняли, что я такое. Я фурия, монстр, Эринии, движимая завистливым гневом и бесконечной яростью, они хотят избавиться от меня, меня! Музыка продолжала спиливать мне кожу с тела и с ужасом я увидела, что из-под неё проступают не кости, а чешуя, блестящий, серый слой чешуи, который покрывал меня от головы до ног и моя кровь застыла. Язык сам по себе раздвоился по середине. Он расщепился. Я больше не смогу говорить, позвать на помощь. Потому что, хотя я и злая, плохая, даже ядовитая, но хочу жить, я хочу жить вечно...

Я пронзительно закричала, когда Тильманн поднял нож, чтобы воткнуть его мне в грудь, но смогла в последний момент увернуться, потому что извивалась как змея. Моя упругая, чешуйчатая кожа свернулась на сухой листве, но потом снова вернулся страх за жизнь и крики, эти пронзительные, визгливые крики, которые я не чувствовала ни в моих лёгких, ни в горле, но которые заставили трястись всё моё удлинённое, подвижное тело пресмыкающегося.

Я больше не могла остановиться, хотя мне не хватало воздуха и мои раскосые глаза с их удлинёнными зрачками уже вылазили из орбит. В моей панике я откинула голову в сторону и посмотрела, шевеля языком, на Колина, который тоже вытащил кинжал из-за пояса и в свою очередь взял на себя командование над резнёй. Я обнажила ядовитые клыки, всё ещё крича и визжа, но он встал и выпрямился во весь рост. Его тень упала на меня, я смотрела на него, пытаясь спасти криками жизнь. Когда он вытянул кинжал высоко над головой, на его лице не проявилось не одной эмоции. Последний вечерний свет отразился на лезвие кроваво красным блеском. Но почему он замахнулся уже сейчас? Он ведь ещё не подошёл! Он хочет метнуть кинжал? Нет, его пальцы крепко держат рукоятку, в то время, как лезвие элегантной дугой двигается вниз, беззвучно и точно в цель, вниз, к собственному телу ... чтобы попасть в сердце, себе в сердце!

Снова я закричала, громче и пронзительней, чем кричала когда-либо в своей жизни, но он не отреагировал, он чуть ли не с удовлетворением смотрел на свою грудь, туда, где лезвие должно было погрузиться в его тело. Он хотел убить не меня. И не её. Он хотел убить самого себя!

Я бросилась вперёд, чтобы обвиться вокруг клинка и замедлить его скорость, даже если это будет последнем, что мне удастся сделать в моём сумасшедшем крике, но Колин опередил меня. Без малейшего звука острый наконечник проник в грудь. Голубоватая кровь хлынула бурлящим фонтаном в воздух и обрызгала мою чешую, я вдохнула её, глубоко вдохнула. Крик заглушило клокотание в горле. Кровь была ледяной. Моё тело мгновенно обмякло. Во мне распространилась тишина. Я безжизненно упала на землю и больше не двигалась. Только что я ещё не хотела умирать, теперь же это было единственным моим желанием. Быть мёртвой. Потому что Колин вонзил себе кинжал в сердце.

Но мне нельзя оставаться лежать здесь, даже если во мне вообще больше нет никакого желания двигаться, я хотела продолжать кричать так долго, пока из моих лёгких не вырвется последнее дыхание жизни. Мне нужно добраться до него. Я не была уверенна в том, есть ли у меня руки, удастся ли мне схватить оружие, чтобы догнать его и уйти вместе, воткнув кинжал себе в сердце, но я хотела попытаться. Кряхтя, я повернулась на бок и поползла вперёд, но кто-то схватил меня за ноги и оттащил. У меня не было сил сопротивляться. Всё, что я могла, это кричать и только по этой причине незнакомому существу, которое держало меня и не давало умереть, удалось засунуть мне в рот маленькую таблетку. Я прикусила его палец, который он поспешно вытащил, но мои острые зубы начали жевать таблетку. На вкус она была кисловатой. Мой крик стих в течение нескольких, мучительных ударов сердца, и мысли стали ясными. Что со мной произошло? Я вообще ещё человек? Почему не могу ходить, не могу даже больше ползать? Моргая я посмотрела вниз, разглядывая себя. У меня есть и руки, и ноги, я только не могу ими двигать, я парализована, а моя кожа ... моя кожа ... Дрожа, я провела по моей голой руке. Кончики пальцев почти что онемели, но не почувствовали никакой чешуи, а мягкую, тёплую кожу, которая была покрыта холодным потом. И язык тоже больше не раздвоен. Абсолютно человеческий, он лежал у меня во рту.

А что с Колином? Неужели мне всё это приснилось - то, что он воткнул кинжал в своё собственное тело? Пожалуйста, пожалуйста пусть это будет только сон, пожалуйста, думала я умоляюще, когда подняла голову и хныкая, посмотрела в его сторону.

- О нет ... нет ..., - прошептала я, мой голос был похож больше на скрип. Его левая рука прижата к груди, из которой всё ещё торчал кинжал, не фантазия, а безжалостная реальность, он смотрел мимо меня. Так же Пауль, Джианна и Тильманн, который крепко держал меня за плечи, смотрели в ту сторону. Автоматически я последовала за их взглядами и уставилась, как и они, на вздрагивающий, маленький свёрток, лежащий позади меня на плитках.

Тесса ... Она всё ещё здесь! Её волосы покрывали почти весь пол. Я видела, как в них что-то кишит. Её лицо исказилось в переродившуюся, уродливую гримасу. Только посмотрев более внимательнее, я увидела нож, торчащий из её одеяний. Тильманн должно быть воткнул его до самой рукоятки. Но кровь не текла. Гортанные стенания срывались с её сильно накрашенных, покрытых крошкой губ и мы увидели, как злобное мерцание в её топких глазах побледнело и уступило место безграничной, тупой пустоте. Не знаю, убили ли мы её, но что-то в ней изменялось прямо сейчас, как будто отступало и растворялось в горячем, вечернем воздухе.

- Мама ..., - прошептал Колин, в то время, как его голубая кровь всё ещё капала на колени. Его взгляд стал тусклым, а руки тряслись. Услышав, как он говорит, я полностью пришла в себя, хотя его голос в моих ушах прозвучал неестественно чуждо и по-детски.

- Возьми себя в руки, чёрт возьми! - прошипела я, наклонилась вперёд и хотела вытащить кинжал из его тела. Но моя рука промахнулась. Я ещё не полностью восстановила контроль над телом, хотя умственные способности становились всё более ясными - мне придётся бессильно смотреть на то, как он умирает. Зачем он это сделал? Зачем? И что происходит с Тессой? Она ещё опасна? Поэтому никто ничего не предпринимает? Нужно сначала подождать, пока она умрёт, прежде чем мы сможем помочь Колину?

Мои глаза метались в панике туда-сюда, то к Колину, то к ней. Пауль и Джианна молчали, будто окаменев, будучи не в состояние оторвать взгляд от Тессы. Только Тильманн глубоко и мучительно стонал при каждом вздохе, как будто на его сердце давил стальной кулак - и как будто он дышал именно тогда, когда это делала Тесса. Постепенно дрожь её хрупкого и всё же опухшего тела утихла. Рыжие волосы на тыльной стороне рук в один миг выпали. Её черты лица разгладились, потеряли всё демоническое, как будто его никогда и не было. В конце концов, спустя бесконечно длинные секунды, её вики опустились вниз. Последний вздох потряс её грудь и грудь Тильманна. Всё кончено. Наконец-то всё закончилось.

Перед нами лежала только ещё мёртвая, уродливая, древняя, маленькая женщина. Надеюсь навсегда мёртвая, уродливая, древняя, маленькая женщина. Но я не могу ждать подтверждения, что она действительно останется на веки мёртвой. Колин важнее. Он ещё жив, и, как и другие, не может оторвать глаз от Тессы. Разве его рана не болит?

- Пауль! Сделай что-нибудь! Ты врач, ты должен его спасти! Спаси его, он умирает! - закричала я хрипло. Почему никто ничего не делает?

- Ему не нужно, - возразил Колин глухим голосом, не отрывая своего внимания от Тессы. - Это не работает, я имею в виду самоубийство. Я не люблю себя.

Быстрым движением он вытащил кинжал из груди и сорвал рубашку с тела. За считанные секунды зияющая рана начала закрываться. Колин горько рассмеялся. Он не ожидал ничего другого.

- Но зачем - зачем ты делаешь что-то подобное? Зачем!? - Я хотела ударить его, чтобы образумить, но даже не смогла сжать руки в кулаки.

Полный отвращения к себе, Колин посмотрел на меня и усталая, невесёлая улыбка скривила его рот.

- Вы забыли один пункт, Елизавета. Боль открывает душу. Где была боль? Где она?

Не думаю, что это подходящий момент, чтобы упрекать меня. Ещё совсем недавно они все хотели меня убить. По крайней мере я так думала. Я была в этом уверенна! Почему - я не могла объяснить себе рационально.

Но я боялась за свою жизнь и этот страх был реален. Никто не сможет убедить меня в обратном. Только кинжал в сердце Колина и маленькая таблетка отогнали это чувство страха. Колин даже не стал ждать разумного ответа.

- Для матери самое ужасное, когда она теряет своего ребёнка, не так ли? - Он небрежно выбросил кинжал. - Она должна была поверить в то, что с ней случилось именно это. Что её ребёнок умер.

Её ребёнок. Колин. Я содрогаясь застонала. Он хотел убить себя, чтобы убить Тессу. Для нас ... и для себя. Но он не умер. Слава Богу, он не умер. Колин ещё здесь.

А Тесса? Что случилось с ней? Действительно ли она мертва? Удалось ли нам убить её, хотя Колин вовсе не умер? Было ли достаточно того, что она думала, будто потеряла своего ребёнка?

Я на коленях пододвинулась к ней, чтобы заглянуть в лицо. Позади меня Джианна начала тихо и порывисто всхлипывать и как будто этот звук снова пробудил её к жизни, Тесса внезапно открыла глаза.

Мы замерли. Никто из нас не осмеливался сказать хоть что-то. Только Джианна продолжала всхлипывать, хотя пыталась сдержаться. Я пододвинулась ещё ближе к Тессе. По тени над её телом я видела, что Тильманн встал позади и тоже смотрит на неё. Может движение её век – это всего лишь запоздалая реакция нервов, так как вздрагивают ноги паука, которого только что раздавили. Но я смотрела в другие глаза, не в те, что раньше. Они всё ещё были болотисто-зелёные, но глуповатые и тусклые, без какой-либо сверхъестественной злобы. И одно я знала с убийственной точностью: эти глаза живые. Потому что они смотрели прямо на меня.

Звуки вырвались из заложенного слизистой мокротой горла Тессы; я не могла разобрать слово это или возможно даже предложение, прозвучало скорее, как катаральное воспаление, но могло быть и иностранным языком.

- Что она сказала? - мой голос, тоненький и скрипучей, нарушил наше растерянное молчание. Джианна перестала всхлипывать. Она судорожно сглотнула, прежде чем прокашляться и перевести то, что только что произнес убитый Мар перед нами. Первые слова Тессы за сотни лет.

- Где я?

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Чума

- Ой! - Укус восстановил мою моторику. Я удивлённо смотрела на то, как моя рука замахнулась и помчалась к икре ноги, но гадина уже закончила своё дело. Несколько миллиметров, прежде чем мои вытянутые пальцы смогли её ударить, блоха, высоко подпрыгнув, навсегда ускакала прочь. Блоха?

- Внимание, тут их ещё много! - предупреждающе закричал Пауль. Испытывая чувство отвращения, я отпрянула. Джианна и Тильманн тоже отползли. Тесса лежала неподвижно на спине и смотрела с открытым ртом и моргающими глазами на потолок, но из её волос и одежды начало сбегать всё живое. Я видела, как блохи, в по-настоящему радостном танце, прыгают в воздухе, но прежде всего это были клещи, маленькие, серые мокрицы и крошечные клопы и тараканы, которые высвобождались из её слипшихся прядей волос и затхлых слоёв одежды и ползли по терракотовой плитке.

- Назад! Не прикасайтесь к ней! - приказал Пауль, хотя никто из нас не чувствовал такой потребности, потому что теперь мы так же учуяли зверскую вонь, которая веяла от тела Тессы к нам навстречу. Больше не тот знойный, пронизанный плесенью мускус, который бил мне в нос во время моих предыдущих встреч с ней, а застарелый пот, ферментирующие дрожжи, а также неопределимо-сладковатое, прелое испарение. Она пахла так, будто столетиями не мылась. Что скорее всего так и есть.

Прежде чем я поняла, где мы находимся - не снаружи на террасе, как я думала, а в нашем узком коридоре - Пауль побрызгал укус блохи на икре ноги дезинфекционным средством и грубо протёр то место. Мокрицы и тараканы уже ползли вверх по стенам. Пауль бросил ткань, которой обработал укус и побежал на кухню, вернулся, вооружившись инсектицидом, который мы купили для термитов и начал опрыскивать стены. Несколько насекомых умерло сразу, остальные упали вниз и попытались влезть в щели между плитками.

Растерянно я наблюдала за поведением Пауля. Я его не узнавала. Он никогда не боялся насекомых. Да, на самом деле он должен скорее переживать о том, что делать с этим воняющем человеком, что лежал перед нами и с умеренным интересом оглядывался, но всё ещё не шевелился.

- Раздевайтесь! - Пауль сделал нетерпеливый жест в нашем направлении. - Давайте, снимайте одежду, быстро!

- Но ... зачем ...? - жалобно спросила Джианна.

- Раздевайтесь! - повторил Пауль и в этот раз трудно было проигнорировать то, что он больше не потерпит вопросов. - Ты тоже! - Он указал на Колина. - Твари могут быть в вашей одежде, нам нужно всё сжечь.

Сжечь? Он не пригибает палку? Джианна завредничала и хотела улизнуть в спальню, но предупреждающий взгляд Пауля заставил её замереть. Я как раз собиралась расспросить брата, что значит весь этот театр, как вдруг Тесса начала кашлять. Её лёгкие хрипели, потом она с влажным бульканьем изрыгнула кровавую слизь, которая комками приземлилась на её волосы и одежду.

- Дерьмо, - пробормотал Пауль. - Разве я не сказал, что вам нужно раздеться? - добавил он угрожающе. Когда мы продолжили молча на него смотреть, он взорвался. - Скажите, вы что не понимаете? Этой женщине здесь несколько сотен лет, и она полна паразитов и разносчиков болезней! Блохи кусаются, и кто знает, что у них там в крови! Они могут перенести чуму, если всё пойдёт совсем плохо! Вы хотите умереть?

Чума. Чума! Теперь я внезапно поняла, что им движет. А меня уже укусили. Для этой блохи я была первым человеческим контактом с очень давнего времени. Или же она потомок того средневекового блошиного выводка, который когда-то поразил Тессу. Ища помощи, я повернулась. Джианна уже беспощадно хлопала себя по рукам и ногам, хотя я больше не

видела, чтобы блохи прыгали в воздухе. Но и у меня было такое ощущение, будто они поразили всё моё тело. Поспешно Тильманн и я выскользнули из наших немногих вещей; с наготой у нас обоих нет проблем. Колин, который в любом случае никогда не одевает нижнего белья и не знает, что такое стыд - может быть, потому что думает, что люди считают его уродливым - тоже освободился от своих штанов и бросил их в кучу нашей одежды. Джианна следовала последней, медленно и постоянно беспокоясь о том, чтобы закрыть руками грудь и срамную часть. Пауль не разделся; почему, не знаю, но подумала, что лучше не спрашивать. Веником он сдвинул кучу одежды мимо Тессы в сторону входной двери.

Судорожный кашель Тессы утих. Она повернула голову в сторону и покосилась на Колина, который прислонившись к стене, стоял голый. Воркование вырвалось из её горла - то воркование, которое я так сильно в ней ненавидела, теперь скорее безобидное и без злобных намерений, но всё ещё похотливое. Она что-то сказала и захихикала.

Я посмотрела вопросительно на Джианну, которая напряжённо стояла в углу под лестницей и не могла спокойно держать руки на месте.

- Он ей нравится, - перевела она шёпотом.

- Неудивительно, она ведь сама его создала, - ответила я ворчливо. Пауль прогнал нас на другой конец коридора, только Колина он оставил там, где тот стоял. Вытянутой рукой он сдерживал нас, в то время как повернулся к Колину.

- Ты можешь мне помочь раздеть её? Нам надо отнести её в салон и помыть, но её одеяния нужно обязательно уничтожить. Кто знает, что там ещё обитает.

- Он не может! – заблеяла я перебив. - Не требуй этого от него!

- Если кто и может, то я, - ответил Колин ледяным тоном. - Микробы мне не вредят, а вот вам…

- Но если ты не можешь заболеть, тогда и она не может, значит и заразить нас тоже ...

- Эли, она больше не демон! И у неё везде на теле разносчики. Блохи - это не Мары, так ведь?

- Нет, - согласилась я не хотя. - Скорее всего нет.

Теперь команду на себя вновь взял Пауль.

- Вы идите, примите душ, хорошо потрите тела, а потом поднимайтесь наверх, в комнату Тильманна, там будете ждать меня, все трое. Давайте, поторапливайтесь!

Тесса опять начала кашлять. Маленькие, водяные капельки крови полетели по воздуху. Я последняя оторвала взгляд от ужасного зрелища задыхающейся женщины. Джианна уже забаррикадировалась в нашей ванной, поэтому я последовала за Тильманном наверх. С каждым шагом, каждой ступенькой, в моём сознание становилось всё более явным то, что случилось что-то ужасное. И за этим ужасным возможно последует ещё что-то более страшное. Сердце бешено стучало, а на лбу из пор снова и снова просачивались едко-холодные капли пота. Мозг не спрашивая, перечислял мне то, что пытался переработать и понять, хотя каждый вывод ускорял бешеный темп сердца. Одна из блох укусила меня. Блоха, которая жила в волосах и одежде женщины из средневековья. В средневековье свирепствовала чума. Она массами уносила жизни людей, уничтожала целые деревни, оставляла детей сиротами, прежде чем и они становились жертвами чёрной смерти, в руках своих разлагающихся родителей. Я точно не знала, какие там симптомы, а только то, что это была быстрая, беспощадная смерть. Самое большее три дня болезни, потом наступал конец. Люди испытывали ужасную боль с судорогами от высокой температуры.

Шатаясь я зашла в ванную, прижав руку ко рту, чтобы не разреветься как ребёнок. Тильманн уже встал под душ и намылился. Мне не удалось сразу поднять ноги и зайти к нему. Мышцы все ещё реагировали с опозданием. Но укус блохи я чувствовала очень чётко. Он горел как огонь. Мы молча мылись, быстро и безжалостно тёрли тело, пока внезапно струя не

иссякла. Мы слышали, как снизу шумит по трубам вода. Джианна. Вероятно, она довела мытьё до крайности, но и я тоже не хотела прекращать тереть себя. Пемзой я проводила по предплечьям, хотя они уже начали высыхать.

- Прекращай, Эли. Ты раздираешь кожу.

Сохраняя присутствие духа, но заметно неуклюже, Тильманн забрал у меня пемзу и положил на самую верхнюю полку. Потом обернул полотенцем плечи и наклонившись, вылез из душевого поддона. Его движения казались замедленными, почти что апатичными, а лицо бледным. Каждые несколько секунд он прокашливался, чтобы потом, как в спастическом спазме сглотнуть.

Он сел на плитки, облокотившись спиной о стену, закрыл глаза. Я тоже взяла полотенце, хотя Сирокко так сильно нагрел чердак, что у меня уже сейчас выступил пот из всех пор. Но мне хотелось закрыть себя.

- Я думаю всё время, что меня сейчас вырвет, но это не так. Я читал, что такое бывает, когда кого-то убиваешь. - Голос Тильманна звучал сломлено. Тем не менее его слова отвлекли меня немного от своей собственной паники. В конце концов он тот, с кем я могу обо всём поговорить. Я сразу же немного успокоилась.

- Ты никого не убивал. Она не мертва. - Она даже настолько живая, что делает Колину комплименты. И мимоходом кашляет кровью.

- Нет, демона я убил, я что-то убил, Эли, и это было так просто! Сначала я думал, что не смогу проткнуть кожу ножом, он отскочил от кости, у меня ещё сейчас болит запястье ... Но потом, когда мне это удалось, показалось, словно я воткнул нож в воздушный пузырь. Он просто проскользнул, как будто там ... как будто там ничего не было? Как сквозь пустую оболочку!

- Что на самом деле произошло? Я только знаю, что внезапно подумала, будто вы хотите меня убить. - Продолжай говорить, Эли. Когда говоришь, не нужно слишком много думать.

- Ты испытала бэд трип, Эли, совершенная паранойя. Блин, тебе действительно нельзя принимать наркотики. Всё же спасибо. Я серьёзно. Спасибо.

- За что спасибо? - спросила я сбитая с толку. До этого у меня скорее сложилось впечатление, что я всё перепутала.

- Потому что твой бэд трип разбудил меня. Я всё время был с тобой на одной волне, следовал за тобой. В конце концов я ведь тренировался этому в течение нескольких недель. Быть под кайфом и всё-таки оставаться сосредоточенным. Это сработало, даже когда ты влюбилась в этого дурацкого жука. А также с ... - Тильманн от неловкости замолчал, но потом быстро продолжил. - С Колином. Ты злишься из-за того, что я прикасался к нему?

- Ерунда. - Не смотря на наши страдания, я рассмеялась. – Я ведь знаю твою сексуальную ориентацию. Он был красивым, невероятно красивым, поэтому просто хотелось прикасаться к нему, другого нельзя было себе представить. Ему понравилось. Думаю, так и было. То, как мы там втроём сидели на ступеньках и наслаждались близостью, точно выглядело замечательно.

- Да. Я тоже так думал и чувствовал. Я всегда уважал и восхищался Колином. Больше, чем любым другим человеком в моей жизни. Но то что случилось, там ... там я что-то ему дал. Я! Мы были на равных. Никаких больше границ, понимаешь? Ну да ладно. Во всяком случае я заметил, что ты покорилась Тессе, именно это и представляло опасность. Ты забыла себя. Ты ползла ей навстречу, Эли, хотела позволить ей взять себя, и я хотел то же самое, вместе с тобой. Мы были словно её дети, до того момента, когда ты заметила оружие Колина и тогда начался твой бэд трип. Иногда самые маленькие, непредвиденные повороты могут вызвать психоделический кризис. Я тоже ничего не знал о его плане ... Но хорошо, что он об этом подумал, не так ли?

Я кивнула. С ужасом я вспоминала тот момент, когда Колин воткнул кинжал себе в грудь. Он надеялся, что умрёт, и, если бы его надежда осуществилась, мы ничего бы не смогли сделать. И потом его слова: «Я не люблю себя.» У меня по спине прошла холодная дрожь. Как будто он мог меня защитить, я села рядом с Тильманном, но, когда он продолжил говорить, он сильно задрожал.

- Понимаешь теперь, почему я так стремился к ней? Почему не мог её забыть? Теперь она ушла, навсегда ... Я убил её. Я знаю, что она погубила бы меня, но хотел ещё раз пережить это чувство, хотя бы ещё одни раз...

Да, я понимала. Это чувство эйфории, защищённости, которое я испытала рядом с Тессой во время кайфа, имело в себе что-то магическое, божественное. Но возможно я испытала такое сильное чувство только благодаря грибам. Или же его и вовсе вызвали грибы. В конце концов, при нашей первой встрече, я видела Тессу такой, какой она есть на самом деле - маленькая, уродливая, грязная.

Или она была и то, и другое, красивая и в одно и тоже время ужасная.

Я тосковала не по Тессе, а по тому чувству, которым она меня одарила. Может мы были все заражены какой-нибудь смертельной болезнью, из-за которой медленно зачахнем и против которой ни у кого нет лекарств. Идея, которая всё сильнее овладевала моим разумом; скоро не смогу подавлять её, даже с помощью разговора. Тогда меня охватит необоснованная паника и больше не отпустит. Когда Тесса находилась рядом, страха больше не было.

Я незаметно заглянула в отделения полочки и встала. Есть ли у Тильманна ещё наркотики? Может что-то другое вместо грибов? Что-то более сильное? Вот, эта маленькая, квадратная коробочка за бритвой выглядит подозрительно ...

Я не заметила, как Тильманн встал позади и испугалась, когда он смёл коробку с полки, ловко её поймал и высыпал содержимое в туалет. Из смывного бачка потекла лишь тонкая струйка, но её хватило, чтобы покончить с маленькими свёртками и таблетками.

- Даже не думай, Эли! - набросился он на меня. - Эти вещи для тебя яд! Я дал тебе настолько крошечную порцию грибов, что уже боялся, что ничего не случится. А у тебя был такой мега сильный трип, с синестезиеями и другими атрибутами. Ты настолько чувствительна, что это просто безумие!

Просто безумие. Да, возможно немного такого безумия может пригодиться, мягкое, красивое, разноцветное безумие, а не паника и ужас, которые теперь придут и завладеют мной.

Вода всё ещё шумела в трубах. Всё же мы услышали, как внизу что-то волочиться по полу и гортанное хихиканье. Пауль и Колин несли Тессу в гостиную. Гостиная всегда казалась мне жуткой, теперь у неё есть подходящий житель. Послышалось, как передвигают стулья и закрывают ставни. Они подготавливали ей ложе.

Тильманн снова сел на пол. Я обернула полотенце потуже вокруг плеч, когда садилась рядом, так как дрожь Тильманна передалась и мне.

- О Боже, чёрт ... чёрт ..., - шептал он. - Что же мы сделали? Что сделал я?

Прошло несколько минут, пока до меня наконец дошло, что он плачет. Я ещё никогда не видела, чтобы он плакал. Но это и нельзя назвать обычным плачем. Иногда по его телу пробегала дрожь, как волна, и он коротко всхлипывал. Он не морщился, опустил глаза вниз, прижав сжатые кулаки к дрожащему подбородку.

Я не знала, что делать. Внезапно я увидела в нём снова того, кем он в принципе и является: семнадцатилетнего парня, далеко от дома, родители которого разругались, а будущее не ясно. Он слишком молод! Тесса постаралась, чтобы этого не было видно и не чувствовалось. Он казался намного старше, особенно тогда, когда как уже часто бывало, рассуждал умно не по годам. Но ему всего семнадцать, даже ещё не совершеннолетний.

Семнадцать! Куда мы только его втянули? Он совершил убийство, по крайней мере так думал, и да, это убийство мы как таковое спланировали. Его руки, чьи костяшки теперь выделялись светлыми пятнами, направляли нож и воткнули его в грудь Тессы. Я считала это единственно верной альтернативой, даже ещё более верной, чем позволить Колину выступить против Францёза, но теперь я в отчаяние задавалась вопросом, не существовало ли какого-нибудь другого выхода. Потому что настоящий ужас ещё ждал нас впереди. Если мы заболеем чумой, тогда этот вечер всего лишь безобидное вступление.

Я положила левую руку на затылок Тильманна и водила по шее, когда сухое всхлипывание вновь сотрясало его. Я не могла себе представить, что он захочет, чтобы его обняли или даже прижали к себе. Может быть Колин был бы лучшим утешителем со своей последовательностью и жизненным опытом, но он занять внизу, снимая у своей худшей напасти затхлую одежду с тела. Какое сильное чувство отвращения должно быть он испытывает.

А Джианна? По трубам всё ещё шумит вода. Чем она там занимается? Внезапно она стала моей самой большой заботой. Если по прибытии Тессы она всё ещё находилась в шоке, то должно быть сейчас её состояние просто катастрофическое.

- Тильманн, мне нужно проверить Джианну. Я сейчас вернусь.

Да, мне нужно позаботится о ней, так же, как сбежать от собственных страхов, которые становились всё ощутимее и беспощаднее. Галлюциногены окончательно покинули мою кровь. Когда я стану снова совершенно трезвой, то из-за чистой паники полезу на стены. Уже сейчас коротенькое слово «чума» нависало надо моей головой, как дамоклов меч. Чума – это не демон, которого можно изгнать. А бактерия. Бедствие, против которого у нас нет ничего в руках, ни магии, ни каких-либо там символических формул.

Я провела Тильману указательным пальцем по щекам, но почти не почувствовала слёз. Возможно та немногая влага, что я нащупала, это пот и душевая вода. Его всхлипывания утихли. Надеюсь он успокоиться, а я уговорю Джианну как можно быстрее пойти со мной наверх, тогда смогу позаботиться об обеих, и нам удастся отвлечь друга-друга. Никому из нас нельзя сейчас оставаться одному.

Мои опасения подтвердились. Джианна предстала перед моим взглядом, ревя белугой, после того, как замок, после двух метко направленных пинков, поддался. Ссутулившись и с напряжёнными плечами, она сидела в ванной, в которую как раз снова наливала кипяток, сотрясаясь от плача и страха. Её кожа покраснела, как у рака и как у меня. В мыльной воде плавали различные пустые банки от геля для душа, её волосы были ещё мыльными. Я вскрикнула, когда хотела выловить банки из воды. Я чуть не ошпарилась.

- Джианна вылезай, то, что ты тут делаешь, точно не полезно для здоровья ...

Она оттолкнула мою руку.

- Не прикасайся ко мне! Тебя укусили, у тебя это, наверное, уже в крови! - Теперь она начала кричать, не так громко, но зато агрессивно. - Знаете, что вы сделали? Вы убили человека!

- Нет, не убили, - повторила я как мантру то, что уже сказала ранее на чердаке Тильманну. - Человек жив. Демон умер. Случилось именно то, что мы хотели ...

- Именно то, что мы хотели? Нет, Элиза! Нет! Вон там лежит очень старая женщина, знаешь, что это значит? Она ничего не знает, не знает, что такое автомобили, что такое водопровод, что такое электричество ...

- В самом деле. – Вздыхая, я закрыла воду. Теперь и Джианна это услышала. Клик-кляк. Я уже раньше заметила, когда спускалась вниз. Пауль и Колин как раз громко возились на кухне. И всё-таки там было так же это ритмичное щёлканье: клик-кляк, клик-кляк. Тесса включала и выключала свет, как маленький ребёнок, который в первый раз понимает, для чего

предназначена эта кнопка на стене. Казалось это её очаровало. Теперь она также начала трясти дверь. Пауль запер её, но ей хотелось немного оглядеться в доме.

- Это так жутко, Эли. - Джианна смотрела на свои покрытые пеной колени. - Я никогда больше не смогу купаться, не думая об этой ситуации, никогда.

- Купание в любом случае переоценивают, - попыталась я разредить нашу катастрофическую ситуацию шуткой, но Джианна не была настроена слушать забавные комментарии, только не сейчас. Я хорошо её понимала. Всё же мне нельзя позволить ей увязнуть в своей паранойи. Кожа на её пальцах и локтях уже сморщилась, а с висков пот бежал ручьями, но она даже не собиралась вылазить из ванной. У меня больше не было сил смотреть на это. То, что она с собой делала, вредно, очень вредно. Я сунула руку в горячую воду и вытащила затычку, чтобы потом сразу же провести ей по голой груди. Заразила. Джианна больше не захочет взять её в руки.

- Извини, - пробормотала я. Она только обвиняюще всхлипнула. В считанные минуты вода утекла. Джианна оставалась сидеть, от неё исходил пар, она потела и дрожала, всё ещё покрытая блестящей пеной.

- Джианна, ты не можешь оставаться вечно в ванной. Здесь не безопасно для тебя. Нам следует пойти наверх. Эту ванную комнату скорее всего захочет использовать Тесса ... Использовать? Как это будет выглядеть? Она не знает, что такое туалет. Насрёт ли просто в угол? От неё вполне можно такого ожидать. Возможно это даже уже случилось. В гостиной есть старый дымоход, который, если ты пришёл из средневековья, можно объявить уборной. Как вообще она может представить себе, что есть и другая альтернатива? Она ничего не знает о туалетах.

Джианна не шелохнулась, а просто беззвучно молилась.

- Кроме того, нужно поговорить с ней, как только тебе станет лучше. Может быть она что-то помнит и сможет дать информацию о папином местонахождении.

- Поговорить с ней? - Джианна нарисовала рукой ещё один крест на груди. - Я?

- Ты единственная, кто её понимает.

- Я почти ничего не понимаю! Она говорит на старом итальянском, с ужасным, грубым акцентом, я могу только догадываться, что она имеет в виду. Кроме того, я не думаю, что она что-то знает. Она даже не понимала, где находится!

- Всё же нам нужно это проверить.

- Я не могу поверить в то, что ты сейчас, в этот момент, можешь думать о поисках своего отца! - Наконец-то Джианна встала и схватила полотенце, прежде чем стекающая пена обнажила её тело.

Я ничего не ответила. Как же я могу не думать об отце? Мне казалось, что он единственный, кто может спасти нас от этого кошмара. Он закончил медицинское образование. Он возглавлял свою собственную клинику. Он бы точно знал, что нужно делать.

- Отойди немного в сторону, Эли, пожалуйста.

На мой взгляд Джианна преувеличивала в своём желание держаться от меня на расстояние. У меня на теле пока ещё нет чумных бубонов. Всё же я подчинилась и встала возле маленького окна, в то время, как она вытиралась и что-то на себя накидывала.

Стало темно, ночь уже давно наступила. В саду Колин принялся сжигать одежду. Его резкие движения казались сердитыми. Когда материал запылал, до нас дошёл едкий и в то же время сладковатых запах. Я быстро закрыла окно, хотя в пропаренном воздухе слишком нагретой ванной комнаты почти невозможно было дышать.

Когда Пауль без предупреждения распахнул дверь, пар рассеялся, чтобы тут же потянуться перед глазами новыми полосами.

- Что я вам сказал? Чтобы вы исчезли наверху! Ни к чему не прикасайтесь, Эли, держитесь подальше от лестничных перил, я всё только что продезинфицировал.

В коридоре пахло как в больнице. Я ненавидела этот запах. Сразу начинаешь чувствовать себя больным, когда вдыхаешь его. Дыша поверхностно, я шагала вверх по лестнице позади Джианны.

- Я сейчас поднимусь к вам, мне нужно ещё уложить её в постель и дать успокоительные.

Да, пожалуйста сделай это, подумала я страдальчески поморщившись. Щёлканье выключателя и стук в дверь чередовались каждую секунду. Это просто сводит с ума.

Тильманн лежал, растянувшись на кровати под скосом, лицо всё ещё бледное, глаза закрыты. Джианна смущённо села на другую кровать. Я, очевидно прокажённая между нами троими, пододвинула надувной матрас к стене, настолько далеко от Тильманна и Джианны, насколько возможно, однако тоже предпочла сесть. У меня было такое чувство, что моя иммунная система откажет, как только я лягу и предоставлю телу передышку.

- Это вообще кто-нибудь заметил? - спросила я осторожно. - Мой крик? И всё такое? - Я кричала, как сумасшедшая. Как раз сейчас, когда никто не хотел говорить, предпочитая молчать, он снова свистящим эхом отдавался в моём слуховом проходе.

- Ты не кричала, Эли, - исправил меня Тильманн. Он звучал, как робот. - Это Тесса. Она не сразу ... умерла.

- Но никто ничего не заметил, - прошептала Джианна. - Футбол. Чемпионат по футболу. Сегодня как раз была игра. Они в это время сами орали как дураки.

Чемпионат по футболу. Правильно, этим летом состоялся чемпионат мира. Как же далеко находилась нормальная жизнь! Мы не имели с ней больше ничего общего. Значит я совсем не кричала?

- Что же я тогда делала, если не кричала? Я больше не видела себя, во всяком случае не такой, какая я на самом деле. - Я была змеёй, чешуйчатой рептилией.

- Ты хотела заползти на неё. Нам кое как удалось стянуть тебя. А потом ...

- Замолчи Тильманн, я больше не хочу ничего слышать! - завопила Джианна. - Я не выдержу! - Рассерженно, она уставилась на меня. - Это касается и тебя, Эли! Больше ничего не говори!

Мы сделали ей это одолжение, хотя мне так хотелось поговорить с Джианной и Тильманном, чтобы не прислушиваться к собственным мыслям. Поэтому мы молчали, когда на лестнице раздались тяжёлые шаги Пауля. Когда он вошёл в дверь, я почувствовала себя так, будто нахожусь в плохой серии про врачей. На нём был одет полный, зелёный, операционный костюм, включая колпак и тапочки. Свои большие руки хирурга он втиснул в резиновые перчатки. Мы видели только его глаза, потому что на рот с носом он нацепил белую маску. При других обстоятельствах я, увидев его, рассмеялась бы. Сейчас же мой брат казался мне приносящим бедствие духом, который сообщит, сколько дней нам ещё осталось жить. Он встал перед стеной, ни к чему не прикасаясь. Дверь тоже закрыл локтем.

- Теперь вам следует хорошо меня выслушать. Чем внимательнее, тем выше вероятность того, что мы выйдем из этой передряги невредимыми. Хорошо?

Джианна и я кивнули, Тильманн не показывая никакой реакции, оставался молча лежать, его открытые глаза были направлены в потолок.

- Хорошо. Кроме Эли ещё кого-то укусили?

- Я не знаю, - ответила Джианна с вибрирующими голосовыми связками. - У меня такое ощущение, что они везде, ползают по всему телу ...

- Это нормально, всего лишь твой страх, - ответил Пауль с убедительным спокойствием. - Как бы там ни было: не прикасайтесь друг к другу. Используйте только ванную комнату здесь наверху, затем тщательно мойте руки. Не покидайте эту комнату. Отныне дом под карантином.

Мы не знаем, может ли Тесса передавать микробы, а если да, то какие. Тогда существовали некоторые интересные болезни, не только чума, но также холера, оспа, дизентерия, проказа ... Не нужно паниковать! - воскликнул Пауль, когда Джианна начала хныкать. - Также может быть, что она не болеет ни одной из этих болезней. Кроме того, иммунная система и гигиена играют важную роль при защите от таких инфекций. Раньше люди выливали свои горшки на улицу и совсем не мылись или же встречались вместе в банях, где микробы могли распространится в рекордное время. Именно поэтому вам нужно как можно лучше изолировать себя. Я поставил в коридоре дезинфицирующий спрей. У нас есть ещё только две бутылки, поэтому обходитесь с ним не так расточительно.

Пауль сделал глубокий вдох, как будто ему нужно было набраться храбрости, чтобы продолжить говорить. Видимо эта часть выступления была ещё самая безобидная.

- Если эти блохи переносчики чумы - я говорю если! - то скорее всего это бубонная чума.

Теперь и у меня вырвался вздох. Бубонная чума. Ах, если только чума, тогда желаю повеселиться!

- Вам нужно обратить внимание на то, опухают ли ваши лимфатические узлы и становятся большими и жёсткими. Если да, сразу же предупредите меня. - Он показал нам, где нужно проверять. Шею, подмышки, пах. - То же самое касается температуры, сильного поноса или поноса с кровью, рвоты, кашля с кровью. Туберкулёз тогда тоже был широко распространён, но у него очень долгий период инкубации. И он хорошо лечится. Если будете поносить не сильно, то из-за этого не стоит переживать. Понос может начаться из-за напряжения.

- А чума? Какой у неё период инкубации? - Я заставила себя представить, что сижу на очень интересной медицинской лекции, которую уже давно хотела послушать. В противном случае взорвусь. Совершенно потеряю контроль над собой.

- От трёх дней до недели, как и другие эпидемии. Так долго вам придётся выдержать здесь. Я принесу вам поесть и попить. Кроме того, сейчас вколю антибиотик для профилактики.

Какое же благословение, что Пауль тогда в клинике, без всякого стеснения, занимался клептоманией. Всё же не каждый антибиотик помогает против каждой болезни, существуют разные возбудители, они мутировали на протяжение веков, некоторые из них даже устойчивы к пенициллину и ни один современный ученый никогда не имел под своим микроскопом живую чумную бактерию из средневековья.

Пауль подошёл к постелям, повернул нас на бок и бес какого-либо колебания сделал уколы в голые задницы.

- А что с тобой? - спросила Джианна с тревогой, в то время, как Тильманн всё ещё лежал на своей простыне, в похожей на смерть летаргии. Когда Пауль делал ему укол, он не издал ни единого звука и скользнул назад на матрас, словно кукла, после того, как Пауль отпустил его.

- Я позабочусь и о себе, не волнуйся, - ответил Пауль. В его глазах я увидеть улыбку - неотразимую плутовскую улыбку, которой я никогда не могла сопротивляться. Потом они снова стали серьёзными. - Ты можешь ненадолго выйти со мной, Эли?

Я последовала за ним в крошечный коридор, где он, закрыв дверь в комнату, направил меня в ванную. Из гостиной доносились стук и грохот.

- Она переставляет мебель? - спросила я спокойно.

Пауль разглядывал меня несколько секунд загадочным взглядом, прежде чем ответил.

- Ты сильная, сестрёнка. Сумасшедшая, но сильная. Что конкретно вы там приняли?

- Галлюциногенные грибы. Они должны были вызывать искусственные мечты, чтобы Тесса не смогла похитить у нас настоящие, и мы сохранили ясность. Видимо это сработало. Тильманн только что был уже трезв. Что ...? - Я указала вниз. - Что с ней? Как она себя чувствует? - Ах ты Боже мой, что за вопрос. Но с Тессой у меня не хватает слов.

- Я точно не знаю, - признался Пауль. - У неё температура, которая как раз сейчас поднимается вверх, её лёгкие сильно забиты слизью, она кашляет кровью, лимфатические узлы опухают ... я не могу сказать. Это может быть всё что угодно. Пока что она только помочилась - между прочим рядом с камином – моча немного коричневая, но у меня нет с собой тест полосок. Я не могу ни исследовать вашу кровь, ни сделать другие лабораторные анализы. Мы практикуем здесь медицину, как в средневековье. Не считая медикаментов. И тут мы как раз подошли к моей просьбе.

- Твоей просьбе?

- Да. - Пауль твёрдо на меня посмотрел. Он всё ещё казался мне немного диковинным в своей шапочке и защитной маске на лице и мне причиняло боль то, что нельзя к нему прикоснуться. Мне так хотелось броситься в его объятья, особенно ещё потому, другие с удовольствием выставили бы меня из комнаты. Но контакт запрещён.

- Я не хочу делать себе укол с пенициллином самостоятельно. Может не получиться. Его ведь нужно вколоть в мягкое место, а я чуть раньше надорвался, когда мы тащили Тессу в гостиную. Хочу, чтобы его сделала ты. Так же нам следует решить ещё кое-что вместе. У меня осталось шесть шприцов. Я хочу три приберечь для вас, по меньшей мере три. Два для Тессы. Следовательно - это уже пять. Остаётся ещё один. Могу я взять его для себя?

- И ты ещё раздумываешь? - спросила я с возмущением. - Конечно же ты должен взять его для себя, для кого же ещё!

- Меня не укусили, Эли. И ты уже однажды пожертвовала собой ради меня. Кроме того, может так случиться, что он понадобится Тессе ...

- О, ты не должен думать о Тессе. Почему он ей вообще должен понадобиться? - рассердилась я.

- Ну, она ведь не здорова, так ведь? А я врач. Мой долг помогать больным людям.

Осознал ли Пауль то, что только что сказал? «Я врач.» Не смотря на ужас, окружающий нас, это был особенный, да, почти что торжественный момент. Он наконец-то снова признал то, что хочет стать врачом. Раньше это было его мечтой, которую украл Францёз. Он желает вылечить Тессу точно так же, как лечит нас. Только у нас нет для этого достаточно антибиотика. Я снова начала потеть, в одно и тоже время меня бросало в холод и в жар.

- Эли, не думай, что я оставлю тебя здесь, если ты заблеешь. Конечно же я отвезу вас в больницу, если у вас появятся симптомы! Это только мера предосторожности...

- Пауль, ты не можешь отвезти нас в клинику! Если мы поедем, нам придётся сообщать и о ней, а что потом? Как нам объяснить, кто она такая и откуда? Как нам объяснить чуму? Не говоря уже об опасности, что мы её распространим, если покинем дом. А что с раной в её груди и ножом с её ДНК на лезвие! - ДНК, которая будет находкой для учёных. Становилось всё сложнее дискутировать шёпотом. Моя гортань сопротивлялась шипению, а голова казалось больше не выдержит давления голоса.

- Ещё никто не заболел чумой. Попытайся сохранять спокойствие; пока что ты держишься лучше всех, и я буду гордиться тобой, если ты останешься спокойной. Ну так как, ты хочешь сделать мне укол?

На этот вопрос отвечать было не нужно, хотя у меня появилось подозрение, что Пауль скорее всего заботится о трудотерапии, чтобы у меня не случилось нервного срыва. В экстренном случае он смог бы и самостоятельно вколоть себе инъекцию.

Я заставила его объяснить мне всё два раза, что нужно делать и на что обращать внимание. Потом продезинфицировала руки, одела стерильные перчатки, которые Пауль депонировал в коридоре и приставила конец иглы к коже Пауля.

- Только не пукни сейчас, хорошо?

Зад Пауля коротко затрясся от смеха. Я не имела понятия, откуда брался наш юмор, но лучше посмеяться, чем потерять рассудок. Только я не знала, как долго ещё смогу выдерживать это.

Мне пришлось приложить больше силы, чем я ожидала, чтобы воткнуть тонкую иглу в кожу. Я представляла себе это намного проще. Теперь я имела представление о том, какую силу пришлось затратить Тильманну на то, чтобы воткнуть Тессе нож в грудь, и как бесцеремонно обошёлся Колин с самим собой. Но я попыталась сосредоточиться на том, что нужно сделать, а не на том, что уже случилось.

- Значит Тесса больна, - обобщила я отчёт Пауля, после того, как он подтянул свои штаны вверх. - Тяжело больна? Ты думаешь она была больна уже прежде или заболела только сейчас ... из-за того, что мы сделали? - Может быть Тильманн попал ей в лёгкие, а не в сердце.

- Нет, не из-за пореза. Это странно, на ноже почти не было крови. Рана поверхностная, а её сердце бьётся быстро, но в нормальном, энергичном ритме. Может быть она не выносит современного мира, и экологические токсины и электросмог вредят ей. Но я думаю, что скорее всего она была больна уже прежде, и что всё это как-то связано.

- Как-то связано? - Это прозвучало слишком загадочно.

- Подумай, Эли. Разве можно найти более вескую причину позволить себя превратить и получить в подарок вечную жизнь, чем ту, когда ты смертельно болен? Скорее всего она с благодарностью приняла метаморфозу или даже вожделела её. Она кажется мне жадной. Жадной и глупой. Кроме того, у неё на шее знак Каина. На него моё внимание обратил Колин.

- Знак Каина? Что это такое?

- Клеймо, которым отмечали в средневековье проституток, так что каждый мог видеть, кто они такие. Иногда его ставили на шее, иногда прямо на лице. Я не хочу сказать, что из-за этого она плохая, скорее всего просто происходит из неблагополучных слоёв общества и была нищей. - Пауль извиняясь пожал плечами. - Мы имеем дело с человеком, а не с демоном. Но всё равно она мне не симпатична.

Значит Тесса проститутка ... Хотя я знала, что это несправедливо и что теория Пауля о том, что она происходила из самых бедных слоёв общества должна быть верной, эта мысль только усилила моё отвращение по отношению к ней. Колин однажды сказал, что люди, которых ведут низкие мотивы, как только превращаются, становятся самыми губительными Марами. Тесса возможно, будучи человеком, никого не убила, как Францёз, но жадность и похоть уже всегда были в её природе. В этом я уверенна. Может быть ей даже нравилось её профессия проститутки? Возможно ли вообще такое?

- Уже только из-за знака Каина мы не можем отвести её в больницу, Пауль. Его может заметить кто-нибудь другой. Мы должны остаться здесь!

Это была единственная альтернатива: нам придётся остаться здесь. А я отдала инъекцию Паулю, вместо того, чтобы оставить себе. Но это правильный выбор, даже если он подвергнет меня опасности. Мой брат должен защитить себя точно так же, как защищает нас. Снова в гостиной что-то ударилось о пол, и я услышала восхищённый смешок, который перешёл в уродливый смех, а потом в бульканье.

- Позаботься о том, чтобы это прекратилось, пожалуйста, - умоляла я.

Пауль кивнул.

- Она не хочет ложиться, но у меня ведь есть достаточно валиума. Он вам понадобиться?

- Я не знаю. Думаю, мне нет. - Я боялась проспать, если мои лимфатические узлы опухнут или что не замечу других симптомов. Предпочитала оставаться бодрой.

- Постучи, если вам что-нибудь понадобиться. Колин и я позаботимся обо всём. Будь сильной, сестрёнка, хорошо?

Я больше ничего не смогла сказать. Моё лишь с трудом сохраняемое самообладание развалится, как куски мяса в соляной кислоте, как только Пауль спустится вниз по лестнице. Но он должен идти. Его ожидает работа.

Когда я, чуть не плача, шагнула назад в комнату, Джианна и Тильманн всё ещё неподвижно лежали на своих койках.

- Эй. С вами всё в порядке? - спросила я осторожно. - Как вы тут?

Никакого ответа. Джианна даже отвернулась, как будто боялась моего дыхания.

- Тильманн, ты не хочешь поговорить ещё немного? - попыталась я ещё раз. - Мне бы хотелось знать, каким был твой трип и что ты видел. - Никакой реакции. Он вообще слышит меня? Я чувствовала, как во мне растёт отчаяние.

Снова я попыталась с Джианной.

- Джианна, может быть ты почувствуешь себя лучше, если мы поговорим. Нет? Я бы тоже почувствовала себя лучше. - Намного лучше. Разве она не замечает, что я умоляю её? Одна единственная горячая слеза потекла по моей щеке. - Мы ведь не можем лежать здесь всю ночь и молчать, не так ли?

Джианна глухо застонала, возможно она даже плакала, но не предприняла никаких попыток повернуться в мою сторону. Теперь и Тильманн отвернул свою голову к стене. Они меня боялись. Они боялись моего дыхания, моих рук и моей кожи. Моя близость вызывала в них отвращение.

Я должна справиться со всем в одиночку. У меня больше никого нет. Мои лучшие друзья лежат всего лишь в нескольких метрах и делают вид, будто меня нет. А мужчина, которого я люблю, не желает ничего другого, кроме как убить себя. Всё стало так, как было раньше в школе, когда я плакала, и ни один человек не обращал на это внимание, потому что все думали, что я хочу лишь порисоваться. Но теперь я действительно стала аутсайдером, а то что меня делало им, может убить.

Я пододвинула матрас поближе к балконной двери, так что слышала бушующее из-за горячего ветра Сирокко море, это единственное, что мне ещё оставалось. С широко распахнутыми глазами я ждала, когда звуки снизу стихнут.

В саду всё ещё полыхал огонь.

В моих снах он стал нашим адским пламенем.

Мы все умрём.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Милосердие

«Разве можно найти более вескую причину позволить себя превратить и получить в подарок вечную жизнь, чем ту, когда ты смертельно болен?»

Риторический вопрос Пауля больше не выходил из головы и словно гарпун опять зацепился за мои мысли, когда я после короткого, беспокойного сна пробудилась поздней ночью от кошмара. Какими бы ужасными мои кошмары не были до сих пор - в большинстве случаев я могла успокоить себя тем, что они никогда не исполнятся или, если немного повезёт исполняться по крайней мере не сразу.

В этот раз эти фразы были совершенно бесполезны. Потому что то, что мне приснилось, было очень вероятно, даже если то, что касается визуальных тонкостей, в реальности произойдёт менее драматично. Боль, однако, будет гораздо хуже, а финал тем же. Смерть. Боли во сне я почти не испытывала, мной овладела лишь тупая слабость, но я хорошо знала, что это только начало. Потому что была уже изуродована. Чумные бубоны, в величину с кулак, красовались на моём истощённом теле, переливаясь фиолетовым цветом, и так сильно набухли, что пульсировали в такт с моим сердцем. Иногда один прорывало и тогда из него вытекали не только вонючий гной и вязкая кровь, но также бесконечное количество тараканов и мокриц, которые поспешно ползли к моему рту и глазам, чтобы найти там укрытие. Кошмар, созданный Фрнацёзом и Тессой.

Пауль, Джианна и Тильманн в этом сне приняли мою болезнь к сведению лишь пожатием плеч, ничего не сделав. Я сама виновата, зачем нужно было подходить так близко к Тессе. Неудивительно, что меня укусили, а теперь думай сама, как с этим справится. Никакой жалости, никакого милосердия.

«Разве можно найти более вескую причину позволить себя превратить и получить в подарок вечную жизнь, чем ту, когда ты смертельно болен?»

Нет, я не ожидала, что насекомые гнездятся под моей кожей, а потом вырвутся наружу. Но с сегодняшнего утра мои лимфатические узлы увеличились в размерах. Я заметила это уже в полусне, потому что болело лицо, когда я сглатывала, а в ушах испытывала небольшое давление. Я сразу же ощупала горло и пах, а моё сердце забилось так быстро, что я несколько минут при выдохе чуть ли не свистела. Не было никаких сомнений: они опухли. Кроме того у меня была температура. Не очень высокая, так как голова ещё слишком ясная, но в конечностях гнездилась не сильная, но обширная боль, которую я не могла игнорировать. Именно так я чувствовала себя, когда заболевала. Или, когда много часов подряд плакала. Но я не плакала, не проронила ни одной слезинки. Я с удовольствием бы поплакала, чтобы стало немного легче, но боялась, что это слишком утомит меня.

Всё уже начиналось? Это начало? Я ничего не сказала Паулю. Когда он поднялся рано утром на перегретый чердак, чтобы проведать нас и расспросить о нашем состоянии, я солгала. Всё пока что хорошо, меня не нужно обследовать. Я знала, что это беспечно и по-детски, но не могла рассказать ему, никому не могла рассказать, хотя мой здравый смысл протестовал, отдаваясь постоянным гулом в голове. Разум кричал мне наконец-то открыть рот. Но я боялась, что, если произнесу эти слова, всё тогда действительно станет правдой. Что таким образом дам делу ход и спровоцирую цепную реакцию, которую больше нельзя будет остановить и которая закончиться моей смертью. Пока я молчу об опухших лимфатических узлах и чувстве лихорадки, то возможно всё закончиться хорошо, так, как будто ничего никогда и не было. Но как только кто-то займётся ими, как только кто-то разделит со мной это знание, болезнь почувствует себя обязанной в полную силу последовать по этому варварскому пути уничтожения. Тогда дороги назад больше не будет.

Кроме того, я боялась того, что сделает Пауль, если я расскажу ему. Он отвезёт меня в клинику, здесь на юге Италии, чей язык я не понимаю и где буду чувствовать себя одинокой и

всеми покинутой, далеко от тех людей, которые что-то для меня значат. Далеко от Колина. Тогда здесь немедленно появиться и мама, конечно же Пауль проинформирует её. Она заберёт умирать меня домой, и я ничего не смогу предпринять, потому что буду слишком слабой. Возможно тогда я никогда больше не увижу Колина, потому что мама запретит мне общение с ним, а он будет чувствовать себя виноватым.

Джианне и Тильманну легко говорить. Их лимфатические узлы не изменились, температура не поднялась. Им в течение ночи стало дурно, сначала Тильманну, наверное, запоздалое последствие из-за убийства и нашего трипа, потом, ближе к утру, Джианне, со схватками и поносом, но они оба быстро отошли. У Джианны появился здоровый аппетит, который удивил даже её саму, но меня не особо. Джианна постоянно колебалась между этими двумя крайностями, голодом и тошнотой. Её желудок - это сейсмограф по определению настроения, а такого меняющегося настроение как у неё, у меня не было даже в самые худшие фазы моей жизни. Она стала непредсказуемой. Да, мы все находились под большим давлением, но разговор с Джианной был похож на поездку на пороховой бочке.

Кроме того, когда я разговаривала с ней, то должна была поворачиваться к ней спиной, потому что она боялась моего дыхания. Тильманн почти всё время молчал, углубившись в себя, не особо обращая на нас внимание. Он всё ещё был в шоковом состоянии. Во всяком случае я убеждала себя в этом, потому что иначе не смогла бы вынести его постоянного неприятия. Но Джианну я не понимала. Когда я рассказала ей о моей травме, полученной из-за кражи воспоминаний Колином, она выслушала и поддержала, хотя за ночь до этого, из-за чистой паники, обрызгала нас перечным спрейем. Она довольно быстро пришла в себя и даже приготовила мне поесть. Теперь же, иногда, я почти её не узнавала. Игнорировать тоже не могла, потому что слишком явно чувствовала её страх от моего присутствия. Она обиделась из-за того, что мы втянули её в это дело? Или это действительно всего лишь страх перед моими возможными микробами?

Теперь Тильманн и Джианна спали, только я бодрствовала. Я ненавидела это занятие, но вновь высвободила руки из-под влажной от пота простыни, в которую завернулась, и ощупала шею. Без изменений. Увеличенные лимфатические узлы, причиняющие при давлении на них пальцами боль.

Хотя мне так хотелось громко заорать, я попыталась оставаться объективной. Ещё я могу думать, значит нужно подумать. Лимфатические узлы могут увеличиться по множеству причин, даже по пустяковым. Они лишь показывают, что сработала иммунная система организма. Причина может быть очень простая: это может быть легко протекающий гингивит, лёгкая простуда или какой-то процесс, который мы вовсе не замечаем. Укус насекомого. Укус блохи? Укус блохи без последствий? Речь может идти так же о следствии, иногда лимфатические узлы остаются увеличенными, потому что организм как раз что-то поборол. У меня была инфекция гриппа, когда мы ехали сюда.

Но увеличение лимфатических узлов было новым симптомом, это случилось только прошлой ночью - возможно именно поэтому мой организм боролся с удвоенной силой, потому что ещё ослаблен из-за простуды. Что в свою очередь означало, что я более подвержена заболеваниям, чем другие? Кто может сказать это с уверенностью? Существует тысяча возможностей. Во всяком случае я единственная, кого укусили, и кто в последнее время болел. У Пауля есть ряд всяких болячек, которые действуют ему на нервы, но он не болеет.

А другие симптомы? Странным образом мне одной не стало плохо; однако я ела как воробей, потому что не хотела нагружать организм процессом пищеварения. Я пила прежде всего воду и чай, не много, но и не мало. Конечно меня подташнивало, а в животе бурчало из-за нервозности и голода, но тошноту, при заболевании чумой, я представляла себя намного хуже.

Дальше по каталогу симптомов: тяжёлое ощущение болезни. Что к чёрту такое тяжёлое ощущение болезни? Разве медики не могут выражаться немного конкретнее? Иногда я чувствую себя тяжело больной, хотя вовсе не больна. Означает ли тяжёлое ощущение болезни, если думаешь, что в следующую секунду отбросишь коньки, или же это примерно так, как если заболеешь гриппом с ломотой в теле и ознобом?

Это тоже что-то, что меня беспокоит (ах, какой там беспокоит - я чуть не схожу с ума от страха!): снова и снова меня бросает в холодную дрожь и я так трясусь, что не могу подавить стук зубов. Потом начинаю потеть, так быстро, что в течение секунд моё лицо покрывалось потом, и дрожь прекращается. Да, моё тело борется, но против чего? Имеет ли это что-то общее с трипом, последствия моего дурмана или во мне начинала распространяться чума?

«Разве можно найти более вескую причину позволить себя превратить и получить в подарок вечную жизнь, чем ту, когда ты смертельно болен?»

Хотя Джианна храпела и в ушах шумела кровь, я попыталась направить всё внимание на звуки снаружи. Сегодня ночью мне нельзя пропустить его. В какой-то момент ему придётся предоставить Луису паузу, в какой-то момент он насытится. Согласно жёстким правилам карантина Пауля, мне нельзя покидать чердак, но в сущности Джианна и Тильманн должны обрадоваться, если я выйду и больше не буду беспокоить их моим чумным дыханием. Я ни к чему не прикоснусь в доме, а снаружи на улице в это время никого нет. Я в любом случае останусь на нашем участке. И лишь хочу провести переговоры, это они должны будут позволить мне сделать. Речь идёт уже вовсе не о моей тоске или ощущение одиночества. Теперь речь идёт только о выживании.

Лишь к утру, когда я уже ожесточённо боролась против усталости и сна, не потерявших свою силу даже из-за огромного страха, я внезапно услышала топот тяжёлых копыт Луиса на пыльной улице.

Тихо, словно призрак, я встала с постели, прокралась через дверь и неуклюже зашагала босиком вниз по лестнице. Когда я проходила мимо гостиной, я отвернулась. Не знаю, что происходит внутри, и не хочу знать. Всё ещё навязчиво пахло дезинфицирующим средством и больницей. Врачебная сумка Пауля стояла в коридоре, но он сам казалось спит. Всё оставалось спокойным.

С облегчением я выбежала на улицу, где Колин хотел как раз завести Луиса через ворота в сад.

- Привет! - крикнула я не громко. Мне было не до романтического приветствия. Здесь речь идёт не о романтики, а о простом выживании. Всё же меня охватил гнев, когда Колин хлопнул ладонью по заду Луиса, давая ему таким образом понять, чтобы он шёл вперёд, сам же неторопливо зашагал в мою сторону.

- Разве ты не должна оставаться наверху, в вашей комнате, Эли? - поприветствовал он.

- А ты, разве не должен беспокоиться обо мне, Колин? - прошипела я. - Тебе что, совсем наплевать на то, как я себя чувствую? Ты просто сбегаешь, чтобы поохотиться, как будто ничего не случилось, даже не спросил про меня, а ведь может быть так, что я умираю ...

- Твой мозг уже по-видимому пострадал, - спокойно прервал он меня. Его сатанинское спокойствие снова заставило бешено стучать сердце. Ему правда всё равно, что с нами случилось? - Ты забыла, что Мары подрывают иммунный систему людей? Для всех вас будет лучше, если я буду последовательно держаться от вас подальше.

- Для остальных возможно. Но не для меня, - возразила я дрожа. - У меня есть к тебе просьба. Если я заболею чумой, если будет совершенно ясно, что это она, чума или другая смертельная болезнь, тогда я хочу, чтобы ты превратил меня. Я хочу метаморфозу.

Колин встал передо мной, как статуя, но смотрел прямо в глаза, и его взгляд был такой неодобрительный, что я сжала руки в кулаки. Ясно ли ему, что, когда он так на меня смотрит, мне хочется его ударить?

- Ты опять не знаешь, что говоришь, Елизавета.

- О, нет, знаю, я знаю это лучше, чем кто-либо другой, возможно даже лучше, чем ты. Ты не болел, когда она пришла и превратила тебя, я же ...

- Ты тоже не болеешь. Во всяком случае пока ещё нет.

- Хорошо, что ты обладаешь такими обширными медицинскими знаниями, чтобы один раз взглянув на меня, объявить здоровой, но моё решение принято, я лучше буду жить вечно и стану одной из вас, чем жалко подохнуть. Пожалуйста, Колин, ты должен пообещать мне, пожалуйста ...

- Опять обещание, хотя своё ты всё ещё не хочешь выполнять? Нет, Эли.

Колин хотел развернуться, но в моём бедственном положении, я ухватилась за угол рукава его рубашки и вцепилась в него. Нехотя он вырвался, очень человеческий жест, который ещё больше усилил моё отчаяние.

- Ты у меня в долгу! Без тебя всего этого не случилось бы! Кроме того, таким образом все проблемы решаться, и мне больше не нужно будет размышлять над обещанием, потому что тогда мы будем на одной ступени, возраст больше не будет играть роли ... Блин, я совсем не понимаю, почему ты всё ещё хочешь, чтобы я подумала о моём обещании! Как ты можешь теперь всё ещё хотеть умереть!?

Снова я попыталась ухватится за него, потому что из-за страха, что он просто уйдёт и оставит меня беспомощной в этой тюрьме, я превратилась в банный лист. Колин элегантно увернулся. Мои пальцы схватили воздух.

- Если не брать в расчёт Тессу и обещание, проблему таким образом всё равно не решить. А теперь возвращайся наверх и побереги себя.

- Как я могу беречь себя, если ты такой холодный и бесчувственный? Нет, Колин, не уходи, останься ... - Снова мне удалось поймать лишь воздух. Я чувствовала себя как девушка, с который в первый раз порвали отношения, и которая пытается сделать всё на свете, чтобы удержать своего парня. Я дискутировала и причитала, чтобы выиграть время, вела себя не зрело, и знала это, но не видела другого выхода. Если нужно умолять, значит буду умолять. Всё лучше, чем зачахнуть без сопротивления. - Почему проблему таким образом не решить? Мы будем на одной ступени! Сможем быть вместе на веки, навсегда ...

- Потому что, если ты станешь Маром, я не буду тебя любить. Я люблю тебя, как человека, а не как Мара. Ты станешь самым мерзким Маром, который будет порождать только зло!

Это подействовало. Его слова причинили такую боль, что я отшатнулась.

- Ты чёртов мудак, Колин. - Во мне вспыхнула чистая ненависть. - Как только можешь такое говорить, теперь в такой ситуации?

- Потому что это правда.

- Тогда я просто найду кого-нибудь другого, того, кто это сделает. Ты не единственный Мар в этом мире! - Хотя и единственный, кого я знаю. Двух других мы на выбор, либо свели с ума, либо убили. Но должны существовать и другие Мары, возможно даже здесь поблизости. В конце концов папа отметил южный конец Италии на своей карте Европы жирным крестом, может быть я смогу вовремя найти кого-нибудь ...

- Нет, не ты не будешь искать. Конец дискуссии. Иди сейчас же назад в дом и ...

- Как ты вообще со мной разговариваешь? - закричала я. Мне всё равно, проснуться остальные или нет. - У тебя что, вовсе нет сострадания? Я возможно умру, а ты ...

- Елизавета, иди в дом и отдыхай.

Я скрестила руки на груди и затрясла головой, так что волосы разлетелись в разные стороны.

- Нет. Ты не можешь заставить меня умереть.

Теперь и у него закончилось терпение. Колин распахнул калитку, за которой всё это время стоял и резко шагнул в мою сторону, но не прикоснулся, а показал на входную дверь, возмущённый хозяин, ругающий свою собаку.

- Иди в дом, немедленно! - заорал он. Я ещё никогда не слышала, чтобы он так орал. Он орал не как демон, а как обыкновенный, человеческий мужчина, хорошо слышимый всеми и без каких-либо телепатических тонкостей. Я слышала его шотландский акцент намного сльнее, чем во время всех наших разговорах раньше. Хотела проскользнуть мимо него через калитку, но споткнулась о свои собственные ноги и чуть не упала на колени. Позади меня раздались шаги.

- Эли, что ты делаешь снаружи? Давай заходи внутрь, ради Бога, ты что, хочешь заразить всю улицу?

Теперь они вдвоём. Слишком сильные, слишком неумолимые. Я сдалась. Временно. Пауль в перчатке, взял меня за руку и отвёл в дом, где тут же послал наверх. Чужой врач, а не мой брат. От Колина я больше не услышала ни слова.

- Мне очень жаль, я хотела его увидеть ... Мне его не хватает ...

- Иди спать, Эли. Нам всем нужен сон.

Я подчинилась. На данный момент я проиграла. А ведь всего лишь хотела заставить его дать мне обещание. Обещание, которое успокоило бы меня и разрядило немного безнадёжную ситуацию. Не знаю, что в этом такого предосудительного. Мне было бы легче лежать здесь и знать, что я смогу избежать смерь и болезнь, когда они приблизятся. Это ведь понятно! Любой захочет иметь такое обещание, если сможет его заполучить. Да ведь это сам Пауль навёл меня на эту мысль, раньше я никогда обо этом не думала.

Колин прямо таки произвёл такое впечатление, будто ненавидит меня. Он не будет меня любить, если я стану Маром. Я же люблю его даже как демона ... Он мерит двойным стандартом? Что я не могу терпеть, так это нечто подбное. Несправедливость. Да, это не справедливо, несправедливо и подло. Это пренебрежительно по отношению к людям.

Полная гнева и унижения, я вертелась туда сюда на скрипучем, надувном матрасе, пока не отдалась сну, потому что в какой-то момент понадеялась, что он подарит мне прекрасное сновидение, которое придаст новых силы и надежды.

Но прекрасные сновидения не явились. Сны о Грише я больше не считала прекрасными, даже в этой ситуации. Они были очень короткими и не реальными, так что в них невозможно было забыться. Даже он не мог дать мне утешение. Часы тягостно тянулись; утро, время пере обедом, полдень, полуденная жара, жара после полудня, вечер. Потом непостижимо долгая, тихая ночь. Снова и снова я была на грани того, чтобы тайком ускользнуть из дома. В этот раз покинуть также и сад, в поисках голодного и жадного Мара, который захочет забрать всё, спасая меня таким образом от смерти. Но именно мысль о Пауле, который подал мне эту идею, каждый раз удерживала меня в последнюю секунду.

- Ты хочешь заразить всю улицу? - спросил он. Я уже в школе ненавидела, когда мои одноклассники, кашляя и сморкаясь, появлялись на уроках и щедро награждали всех остальных вирусом гриппа, я считала это безответственно и глупо. Как же безответственно и глупо было бы блуждать от одного селения к другому, когда ты нашпигован вирусами чумы и холеры, и совершенно бесцельно искать Мара? Есть ли у меня право сделать такое?

Кроме того время ещё не настало. Мои лимфатические узлы и последующие два дня оставались опухшими, и я думала, у меня есть не большая температура. Но другие симптомы не появились. Инкубационный периода от трёх до восьми дней. Моё тело сопротивлялось. Я не

знала, сможет ли оно победить, но оно боролось. Я молила о победе, молила о том, что Колин передумает, если я проиграю.

На третью ночь, к моему удивлению, именно Пауль освободил меня из тюрьмы. Не сказав ни слова, он осторожно потряс меня за плечо, показывая жестом пойти с ним. Ему не обязательно нужно было трясти, я лежала без сна и прислушивалась к звукам на улице.

На цыпочках мы спустились вниз по лестнице и оказались возле двери гостиной. Пауль положил руку на ручку двери, но не надавил на неё.

- Что такое? - спросила я нетерпеливо. Если он заметил, что со мной и какие у меня симптомы, то пусть не заставляет трепетать в ожидании. Здесь речь идёт о моей жизни.

Пауль убрал руку с ручки и указал большим пальцем на дверь - нет на Тессу, которая лежала за ней на своей больничной койке. В последние два дня она уже больше не дебоширила. Мы лишь иногда слышали её булькающий кашель и хрип, чего вполне было достаточно, чтобы усовершенствовать нашу пытку, потому что они напоминали о том, что возможно ожидает и нас. Никто из нас не спрашивал о ней.

- Я хочу только быстро поговорить с тобой, - сказал тихо Пауль. Он залез в карман своего халата. - Это последняя инъекция. Пенициллин. И я не знаю, поможет ли она.

Другие инъекции он отдал нам, как утверждал, чисто для профилактики. Теперь у него осталась только эта одна.

- Но - почему ...? - Внезапный приступ тошноты не дал мне договорить. Чего он от меня хочет?

- Она очень больна. Всё серьёзно. - Пауль говорил, как о самой обыкновенной пациентки, что ещё больше напугало меня. - Тесса можно сказать твоё дело, твоё и Колина и ... - Пауль тяжело выдохнул. - Эли, когда Колин вступил в схватку с Францёзом, я был без сознания. Потом я по крайней мере мог наблюдать, но не мог двигаться. У меня не было возможности действовать и как все предыдущие месяцы, мою судьбу определили другие. Поэтому ... - Он колебался. - Если ты хочешь ещё раз увидеть её живой, то сейчас как раз подходящее время. Она больше не опасна. Тебе нечего бояться. Возможно ты хочешь ещё кое-что сказать ей или ... ну не знаю.

Пауль говорил, проглатывая слоги. Он настолько устал, что каждое слово было для него препятствием. Снова и снова ему приходилось моргать, чтобы увлажнить глаза.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - добавил он вяло, когда я не отреагировала.

- Да, - соврала я. - Всё хорошо. - По крайней мере не стало хуже. Лучше тоже не стало, но и хуже.

- Это тонкая грань, между эвтаназией и лечением. - Пауль вновь указал на дверь. - Я понятия не имею, спасёт ли её эта инъекция или было бы лучше вверить её судьбе, а медикамент сохранить для вас. С медицинской точки зрения дело ясно. Я должен лечить всех пациентов, которые больны, всеми находящимися в моём распоряжении средствами. Может быть существует ещё другая точка зрения. И я думаю, что ...

Он не договорил. Но мне было ясно, как Пауль поступит. Он сохранит инъекцию для нас, и таким образом поступит против медицинского кодекса. Поэтому он хочет, чтобы я теперь попрощалась с Тессой? Рассчиталась с ней - и как же это сделать? Снова у меня было такое ощущение, что меня сейчас вырвет.

- Я не хочу заходить туда.

- Тебе и не нужно! Я только хотел дать тебе эту возможность, прежде чем станет поздно. Конечно же я дам тебе чистый халат, медицинскую маску и перчатки, так что ты не подвергнешься опасности. - Слабым, медленным жестом Пауль указал по диагонали назад в сторону кухни. - И я ... я ... - На короткий момент у него закрылись глаза, потом он вздрогнул, просыпаясь, и опустился на одну из нижних ступенек лестницы, где прислонился головой к

грубо заштукатуренной стене. – Ах, Эли, я всегда хотел дать клятву Гиппократа, это было моей самой большой мечтой. Я не хочу нарушить её, прежде чем даже ещё поклялся ...

Пауль был в беде, я это видела. Он хотел что-то сделать правильно, после того, как в прошедшие годы, сделал столько неправильно и в тоже время боялся совершить самую большую ошибку в своей жизни. Но какой мне дать ему совет? Если я упомяну мои опухшие лимфатические узлы, будет ясно, какое он примет решение. Смогу ли я ему помочь таким образом?

- Пауль, мне нужно тебе кое-что сказать. У меня ...

Озадаченно я замолчала и посмотрела в его сторону. Но я правильно расслышала. Пауль храпел. С открытым ртом и прислонившись к стене, он спал. Наверное, до сих пор не смыкал глаз. Я подумала о его блокаде сердца, о постоянной усталости. Об одышке, которой он неоднократно страдал. Нужно дать ему поспать, по крайней мере несколько минут, чтобы он смог держаться и дальше.

Озабоченно я разглядывала его. Шприц с пенициллином немного высунулся из его кармана. Если он ещё и дальше наклонится в сторону, шприц выпадет и разобьётся о твёрдый пол. Кончиками пальцев я вытащила инъекцию из кармана его халата и стояла, словно студентка медицинского, которая в первый раз в своей жизни должна сделать укол и боится. Я проковыляла на кухню и положила его там. На освобождённом столе Пауль разложил свежий халат, медицинскую маску и перчатки. Для меня. Если я захочу ещё раз увидеть Тессу.

И чёрт, я хочу. Не для того, чтобы рассчитаться с ней и тем более не для того, чтобы решить её судьбу. Нет, я должна выяснить, кто она. Маленькая уродливая, старая карга, с лицом куклы, чья извращённая жадность омрачила мою жизнь или та успокаивающе-красивая, нежная женщина, в чьи объятья я хотела упасть. Или существо, которое я никогда не видела? Могла ли я только сейчас увидеть её истинное лицо?

Механически и не веря по-настоящему в то, что делаю, я продезинфицировала руки и оделась: халат, перчатки, медицинская маска, потом, как будто он был последним необходимым снаряжением, я засунула шприц в карман. Все это казалось мне знакомым, как будто я уже часто делала такое, как будто эти принадлежности ждали меня. Одно мгновение я действовала не как пациентка, а как коллега Пауля, которая заменяла его в его смене. Профессионально и спокойно.

Что, однако, точно было не профессионально – это мой подавленный крик, который вырвался, когда я закрыла за собой дверь гостиной и посмотрела на Тессу. Я её не узнала. То, что лежало передо мной, было ни похотливым демоном, ни обещанием. Пауль обрезал ей волосы, нет побрил. Конечно ему пришлось это сделать, уже только по причинам гигиены. Тесса без волос ... Кожа головы не выглядела так, будто корни волос собираются производить новые волосы. Она была совершенно лысой, без пушка, без щетины, гладкий череп, под которым слабо пульсируют голубые вены.

Глаза Тесса были закрыты. Они находились глубоко во впадинах, окружённых коричневыми синяками. Со странно растопыренными руками, её истощённое тело лежало на белой простыне, покрытое от груди то колен тканью. Пауль поставил ей капельницу, чтобы снабдить жидкостью, но это тело хочет умереть. Это то, что оно однозначно мне говорит; об этом говорит запах, а также восковая кожа и тонкие кости, выделяющиеся под тканью, под саваном, а не одеялом. Я сделаю ему одолжение, если оставлю лежать шприц в кармане, если разрешу сделать то, что оно тщетно пытается сделать сотни лет.

Но мы люди состоим не только из тел. Иногда дух хочет жить, хотя тело решило умереть. Как в моём случае. Я хочу жить, жить всеми фибрами души, я хочу прожить долго, стать древней старухой, я хочу ещё так много увидеть и открыть для себя и многим насладиться. И это чувство было интенсивнее, чем когда-либо. В этот момент, когда я смотрела на неё, мне

даже хотелось иметь потомство, не только одного ребёнка, а по меньшей мере троих, ах что там, пятерых! К ним ещё не большой зоопарк с садом, о котором я могла бы заботится - вообще, сад с растениями и кустами. С овощами и фруктами, с которых смогу собирать урожай. Как мама.

Может быть душа Тессы тоже мечтает об этом. Именно в этот момент она мечтает о будущем, не осознавая, что теперь должно всё закончиться. С другой стороны, что ей делать в этом мире? Этот мир её обременит. У Тессы нет воспоминаний о её жизни в облике Мара; для неё как будто никогда не было хищного существования в обличии демона. Все те годы, когда она похищала сны, мечты и воспоминания, были словно стёрты из памяти.

Пауль расспрашивал её с помощью письменного перевода, который составила для него Джианна. Тесса ничего не знала. Она говорила что-то о рыбном рынке и крови, по крайней мере Джинна перевела это так (если Пауль правильно понял и повторил); никто из нас не смог понять, что это значит. Может быть всё случилось на рыбном рынке и это были её последние воспоминания о метаморфозе. Рыба и кровь. Ведь кровь течёт, когда Мары превращают людей. Или это случилось на море, возможно под водой и поэтому она боялась его ...

Мои мысли кружились в голове, и я не мгла прийти к решению. Дыхание Тессы стало заметно поверхностным. Иногда проходили секунды, прежде чем её грудь вновь поднималась, и я слышала едва заметный, влажный хрип, большего её лёгкие не могли для неё сделать.

И я тоже ничего не могла для неё сделать. Соответствует ли это клятве Гиппократа, высадить глупого, ограниченного человека из средневековья в современный мир? Я даже могу себе представить, что она, если выздоровеет, будет бродить по улицам и вновь искать кого-то, кто подарит ей вечную жизнь. Вспомнит ли она тогда Колина? Начнёт снова преследовать его?

Или же будет связана с нами всю жизнь, потому что мы, чтобы не выдать себя, не осмелимся представить её общественности? Своего рода член семьи, которому при любом занятии нужна будет наша помощь и за которым нам нужно будет приглядывать, как за малым ребёнком? Хочу ли я этого? Нет, ни один из нас не захочет такого.

Снова её дыхание приостановилось. Не приняв осознанного решения или даже испытав желание сделать это, я положила руку на её лоб, проверяя температуру. Она должно быть была уже в бреду ... Тихий вздох высвободился из её горла. Я отпрянула, но она не открыла глаз. И всё таки она заметила меня.

- Дерьмо, - прошептала я. - Чёртово дерьмо ... - Она знала, что я здесь! Кто-то стоял возле её койки и думал о ней. Она надеялась, что я помогу ей, даже возможно исходила из этого, потому что Пауль не делал ничего другого уже в течение пары дней.

Следуй за своим сердце, сказала мама, когда обняла на прощание. Да, я должна послушать сердце, даже если никто не просил меня принимать решения, которое я сейчас приму. Я единственная, кто может его принять. Если я заболею чумой и лежа в лихорадке, почувствую, что кто-то стоит рядом и прикасался ко мне, то буду надеяться и желать, чтобы он помог мне. Как это было ужасно, когда мама не сделала этого в моём сне, а приставила к виску пистолет ... и выстрелила ...

Умело я оторвала кусок марли от свёртка рядом с кроватью, отодвинула покрывало немного в сторону, побрызгала бедро Тессы алкоголем и вытерла. Потом воткнула иглу и ввела раствор, который возможно смог бы спасти мою жизнь. Когда я закончила, то начала дрожать с головы до ног, только лишь несколько секунд, но так сильно, что чуть не опрокинула капельницу.

Я могла бы уйти, делать было больше нечего, я могла бы сразу же лечь в постель и начать сожалеть о том, что приняла такое решение. Но я осталась стоять и смотрела на неё, смотрела на то, как её лицо начало немного расслабляться, всё ещё глупое и уродливое, но более

довольное, чем раньше. Мне казалось, будто её душа и тело приблизились, начали вести переговоры, кружа вокруг друг друга, а потом соединились. Её рот вздрогнул.

Я наклонилась вперёд, хотя испытывала отвращение.

- Да? - спросила я шёпотом. - Что такое?

У неё всё-таки ещё есть что сказать мне? Информация о Колине или моём отце? Последнее известие, стоимость которого больше, чем инъекция пенициллина? Что-нибудь, что вознаградит меня?

Но это было лишь одно единственное слово, слово, которое я без проблем смогла перевести, потому что оно было первым, которое я выучила на итальянском и поняла сказанное даже с ужасным акцентом и в глубокой болезни.

- Спасибо.

Спасибо за что? Спасибо за то, что я дала ей медикамент? Что нахожусь рядом? Что прикоснулась к ней? Хотела выслушать её? Спасибо за то, что мы убили в ней демона?

Или спасибо за то, что ей позволено умереть? Потому что внезапно я поняла, что всё бесполезно. Этот пенициллин не поможет. Она больше не выздоровеет. Мы подарили ей не жизнь, а смертность.

Я, спотыкаясь, попятилась из комнаты, пустой шприц в руке, закрыла дверь и села рядом с Паулем на лестнице, измученная и смертельно уставшая. Как врач, который только что закончил длинную, но неудачную операцию, я сняла защитную маску с лица.

- Пауль. - Я осторожно толкнула его. - Пауль проснись пожалуйста.

Понадобилось несколько секунд, пока его глаза открылись, а взгляд стал ясным, но потом он быстро понял, что случилось и предусмотрительно забрал шприц из моих рук, чтобы я не поранилась о него, потому что меня опять охватила сильная дрожь.

- Ты отдала её ... ей? Ты отдала инъекцию ей?

Я только кивнула, хотя мне хотелось громко плакать и умолять его крепко меня обнять. Пауль посмотрела на меня, устало покачав головой, недоверчиво, но также одобрительно.

- Спасибо, - прошептал он. - Это было правильно.

Да, возможно я приняла правильное решение. Чувства, которые я испытывала, казались правильными. Но Пауль опять был лишён возможности решать сам. И это только сейчас дошло до моего сознания. О, как же сложно, как ужасно сложно, принимать правильные решения, когда жизнь такая короткая и опасная, как у нас людей. Несколько часов Пауль и я сидели бок о бок на ступеньках, молча ожидая того, что неизбежно наступит, её смерть или моя болезнь, возможно даже и то и другое. Но ничего не случилось.

Только когда на рассвете через кухонное окно подул влажный, солёный ветерок, ночные сверчки закончили свою песню, и я почувствовала, что Сирокко выпустил нас из своих пламенных объятий, на меня опустилось усталое, обманчивое спокойствие. На данный момент его было достаточно. Я поднялась, используя перила, потому что не особо доверяла своим дрожащим коленям. Пауль заснул, положив лицо на руки. И прошаркала, казалось постарев на годы, по ступенькам наверх.

Тильманн и Джианна ещё спали, отбросив в сторону простыни и с несчастным выражением лица. Другого мне и не нужно. Они всё равно не захотят взглянуть или прикоснуться ко мне, так путь лучше спят.

Я лежала без сна, пока не взошло солнце. Плитки на балконе согревшись, начали пахнуть камнем и морем. Я представила себе, что опять стала змеёй, позволив нагреть лучам солнца мою холодную кровь, пока не почувствовала себя живой.

Потом и я заснула. Возможно навсегда.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Часть 3 - Эрос

Исход

Тесса умерла тем же утром. Это случилось, пока мы все спали, не знаю, было ли это случайностью или судьбой. Пауль проснулся первым и попытался переписать её историю с помощью массажа сердца. Я пробудилась, услышав беспокойные, ритмичные звуки в тишине. Такая тишина, словно холодный туман. Я знала о её смерти, прежде чем открыла глаза, не испытывая ни радости, ни сожаления. Мы должны принять это; здесь мы просто исчерпали все наши силы. У нас больше нет голоса, мы должны преклониться перед более сильными обстоятельствами.

Джианна и Тильманн сделали вид, будто продолжают спать, даже когда я встала и во второй раз без разрешения нарушила наше карантинное заключение, чтобы по крайней мере выйти на первые ступеньки и посмотреть вниз. Из гостиной раздавались приглушённые, почти отчаянные проклятия, упал стул, затем в тишине дома опять разнеслось ещё одно проклятие, в этот раз уже более слабое.

Потом, после передышки для нас обоих, дверь открылась, и Пауль, вытянув руки в стороны, опёрся о стену, посмотрел наверх ко мне, усталый и отмеченный прошедшими днями, с кругами под глазами и лохматыми волосами.

Одного взгляда хватило, чтобы сказать мне, что я уже и так знала. Я вернулась назад в комнату, где Джианна и Тильманн всё ещё изображали из себя глубоко спящих и ничего не подозревающих, начали шевелиться лишь тогда, когда шаги внизу стали громкими. В этот раз они были деятельными и целенаправленными и не только шаги Пауля, но и Колина. Они приглушённо разговаривали друг с другом, как будто что-то обсуждали, двое мужчин, не боящиеся ни смерти, ни чёрта. Один, потому что по-другому не мог, другой, потому что это была его работа.

Когда вновь раздались звуки, сиеста уже началась, было жарко и стрекотали цикады. Теперь уже и Тильманн с Джианной больше не могли продолжать разыгрывать свой глубокий сон. Пауль не зашёл к нам, как обычно, не принёс еду с чаем и не обследовал; им тоже было ясно, что должно что-то случиться - что-то, что требует действий. У нас в доме находится труп. А было слишком жарко, чтобы оставлять лежать его здесь. Все обычные способы, как с ним поступить, отпадали. Сжечь во дворе вещи - можно ещё более или менее беспрепятственно. Сжечь труп, однако, нет. Мясо, когда обугливается, воняет, это привлечёт к нам подозрение.

Избавиться от неё - это задача её сына.

Мы стояли на маленьком балконе, Тильманн и Джианна подальше справа, я зажата в левом углу, потому что они всё ещё избегали меня. Мы смотрели вниз на улицу, когда Колин, в самую полуденную жару, выехал на Луисе со двора, положив на ноги закутанный, безвольный свёрток, который заметно пугал Луиса. Снова и снова жеребец начинал вставать на дыбы и хотел, танцуя и крутясь, избавиться от разлагающегося груза, но Колин, со стоическим выражением лица, добился своего и погнал его вдоль улицы и в горы. Его волосы в огне, глаза леденяще-зелёные и далёкие.

Несмотря на то, что Джианна ругаясь, запротестовала, а Тильманн смотрел на меня с укоризной, я несколько часов спустя спустилась вниз, после того, как Пауль, снова один, вымыл весь дом. Мой брат сидел на пороге входной двери, там, где вылил грязную воду из своего последнего ведра. Перчатки он положил рядом, а локтями упёрся в колени. Я отбросила перчатки пальцами ног в сторону и села рядом.

Когда он посмотрел на меня, голубые глаза Пауля были тёмными от усталости. Он выглядел не только измотанным, но и удручённым.

- Моя первая пациентка, Эли ..., и я ничего не смог сделать. Ничего.

- Это не правда, Пауль. Ты сделал всё, что мог. Кроме того, она не была твоей первой пациенткой. Я была твоей первой пациенткой! - напомнила я ему о Гамбурге, где он, после того, как Колин похитил мои воспоминания, заботился обо мне.

- Да, и что случилось? Я дал тебе слишком сильные лекарства и чуть не сделал тебя зависимой. Хороший врач. - Он задрал нос вверх, как упрямый мальчик.

- Я другого и не хотела, и я пережила, - попыталась я его подбодрить, хотя догадывалась, что это не в моих силах. Редко случалось так, что кто-то из папиных пациентов кончал жизнь самоубийством, но, когда это происходило, с ним, в течение многих дней, нельзя было поговорить. Он прятался в своём кабинете и злился на себя. Ночью я слышала его шаги, потому что он беспокойно ходил туда-сюда и беспрерывно ставил себя под сомнение - точно так же, как это делал сейчас Пауль. Но Тесса не покончила жизнь самоубийством. Случилось то, что должно было случиться уже несколько сотен лет назад.

- Не пойми меня неправильно, Эли, я знаю, что она вам причинила. Она не нравилась мне ни одной секунды, но она была моей пациенткой. Я был за неё в ответе. Это была моя работа, уберечь её от самого худшего, и я потерпел неудачу ...

Он намекал на то, что я должна была разбудить его? Что не должна была принимать то решение сама?

- Возможно это не самое худшее, а самое лучшее. Ты сам сказал, это словно ходить по острию ножа. Пауль, ты блестяще справился с ситуацией! - Я казалась себе странным образом взрослой, используя такие слова как «блестяще», но они как раз подходили, хотя я не знала, помогли они ему или нет. Пауль закончил лишь основы медицины и долгое время не посещал лекции или даже работал санитаром. Другие, если бы столкнулись с такой тяжёлой ситуацией, с криком убежали бы прочь. Пауль же напротив, сразу начал действовать, как машина, и перестал лишь тогда, когда больше нечего было делать. Наверное, он спал всего лишь пару часов. Это была банальная фраза, как из американских серий, тысячу раз сказанная паршивыми актёрами, но в этом случае я должна сама сказать её. Я поморщилась, потому что знала, что Пауль считает её точно такой же глупой, как и я.

- Папа гордился бы тобой.

- Пфф, - сказал Пауль и провёл ладонями по бледным, щетинистым щекам. Его трёхдневная щетина делала его похожим на авантюриста, который в течение нескольких недель шёл через дикую местность. - Эли ... Я не знаю, стоит ли мне тебе об этом рассказывать, но мне нужно кому-то рассказать, а я не думаю, что Джианна подойдёт ...

- Да? - спросила я без особого интереса. Рассказать об этом Колину для Пауля очевидно не вариант, хотя Колин возможно смог бы выдержать пикантные истории болезней лучше, чем я. Пауль слишком любит вдаваться в отвратительные детали. Или за этим скрывается всё-таки что-то другое?

- Тесса ... Я же ведь в самом начале помыл её и обследовал, чтобы выяснить, что с ней могло произойти и почему она больна. Я обследовал всё её тело, если ты понимаешь о чём я говорю.

Да, я поняла и считала очень неприятным, но кивнула, как кивнул бы умный медицинский коллега, и понадеялась, что мой пустой желудок сможет справиться с описаниями Пауля.

- У неё ... между её бёдер прилипла высохшая кровь, много крови, но я не думаю, что её изнасиловали, а ... - Пауль сделал небольшую паузу, чтобы собраться с мыслями. - Изнасиловали её скорее всего тоже. Вполне вероятно это было ежедневной частью её профессии, и я обнаружил бледнеющие синяки на бёдрах, но что касается новых повреждений ... я думаю, что она сделала аборт и поэтому заболела. Или же у неё был выкидыш. Потому что груди давали молоко.

Я вздрогнула. Ни одну из этих медицинских деталей мне не хотелось знать. Но теперь я их услышала, и моя голова начала автоматически перерабатывать информацию. Аборт. Да, каким-то образом это подходило ей, дать сделать себе детей, а потом больше не хотеть их, подумала я и в то же момент поняла, что мои поспешные выводы несправедливы и незрелы, возможно даже совершенно неверны. Она работала проституткой, видимо эти дети были от кавалеров; она никогда не могла и подумать о том, чтобы родить их, потому что тогда, не смогла бы больше продолжать заниматься своим делом - или мужчинам в то время было всё равно, беременна женщина или нет? Были ли у неё дети, возможно даже она потеряла не родившегося во время изнасилования? Пауль предположил, что так и есть. Она была матерью.

Его голос хрипел, когда он продолжил говорить.

- Я подумал, что мне возможно стоит вскрыть её труп, чтобы увидеть, в каком состоянии её органы после всего этого времени, но ... я не смог. Я просто не смог. Не смог и всё. Её тело и так уже изнасиловано. Это было бы неправильно. Понимаешь?

Я вспомнила наш короткий, сонный разговор, состоявшийся между нами в апреле, по дороге к Балтийскому морю. Пауль сказал, что ему очень хотелось бы заглянуть в Тессу. И это была не шутка, а совершенно серьёзное замечание. Теперь у него была такая возможность и всё же он сам запретил себе делать это - к счастью. Мне бы тоже этого не хотелось, только не в нашем доме, даже если совершенно из других соображений.

Тем не менее я начала смотреть на эту женщину по-другому, чем смотрела раньше. Колин недавно, с мрачным взглядом и на мчащейся лошади увёз и зарыл её труп где-то наверху в горах. Теперь я смотрела на неё не как на демонический, ужасный образ, а как на жадную, глупую женщину, своего рода жертву обстоятельств, жертву тех времён, в которые она родилась. У неё было намного меньше альтернатив решать, кто она и кем хотела стать, чем у нас. Не было слишком много вариантов, одним из которых являлась проституция со всеми её последствиями.

Одного ребёнка она всё же произвела. Колина. Как бы эта мысль не оскорбляла меня и сколько бы не приносила отвращения: благодаря её решению, дать себя превратить, я получила мужчину, которого люблю. Незаметно я провела большим пальцем по правому лимфатическому узлу на шее. Никаких изменений.

- Как долго нам ещё нужно оставаться наверху?

Пауль вздрогнул. Он снова заснул в сидячем положение рядом со мной.

- Что? Ах да, наверху. Ещё три дня. Даже лучше четыре. Потом мы будем совершенно уверены, - сказал он, растягивая слова от усталости. Теперь я пощупала его лимфатические узлы. Едва заметные. Здоров. Усталый, но здоровый. Да, Пауль выполнил все предписания гигиены и знал лучше, чем кто-либо из нас, что ему можно делать, а чего нельзя. Однако то, что он остался таким выносливым, я считала небольшим чудом. Это была победа над Францёзом, победа в ретроспективе, но прежде всего она была его собственной - самолично достигнутой победой. Когда-нибудь я скажу ему об этом, но сейчас ему срочно нужно в постель.

Последние дни в нашей тюрьме стали невыносимыми. Хотя нам всем стало легче на сердце, после того, как Тесса умерла и её закопали, потому что на улице этого никто не заметил. Прежде всего этим мы были обязаны Колину; когда он появлялся, люди сами заходили в дома. Мы впали в ощутимую лихорадку от закрытого пространства.

Как и раньше, мне нельзя было приближаться к Джианне и Тильманну, хотя это не объединило их. Они регулярно выходили из себя и кричали друг на друга, а потом вставляли в уши наушники своих MP3-плееров и начинали крыть друг друга смачными ругательствами. При этом Тильманн всегда проигрывал, потому что Джианна в какой-то момент переходила на

итальянский, а против итальянских матов даже самое радикальное немецкое оскорбление звучало смехотворно безобидным.

Чтобы ещё проявлять к ним симпатию, мне приходилось хорошо себя уговаривать. Джианна мутировала в сварливую бабу, которая попеременно, то ревела, то ругалась; Тильманн построил вокруг себя непроницаемую стену из молчания и иногда бросался через свои бойницы камнями, чтобы доказать, что он ещё здесь. А его присутствие собственно невозможно было пропустить мимо ушей или ни учуять запаха, потому что ему нравилось провоцировать Джианну, несдержанно пердя и отрыгивая. Что-то, о чём я никогда бы не подумала, что он на такое способен. Но после пяти дней тюрьмы видимо любой человек начинает пренебрегать правилами приличия. Снова и снова Паулю приходилось взывать к нашему разуму и уговаривать, чтобы мы не поубивали друг друга.

Когда мне в какой-то момент всё осточертело, и я хотела вырвать у обоих наушники из рук, Джианна начала на высоких тонах невротически кричать, зовя Пауля.

- Она хотела ко мне прикоснуться, твоя сестра хотела ко мне прикоснуться!

- Ууу! - сказала я пренебрежительно и подняла обе руки вверх, как будто хотела наброситься на неё, но рёв Пауля изгнал из всех нас дьявола. Когда в нём просыпался бык, было лучше посторониться и держать рот на замке.

В какой-то момент наступил последний день карантина, и я с нетерпением ждала вечера и тот избавительный час, когда все, кроме меня будут спать. Но в этот раз я тоже не смогла остаться бодрой и заснула. Я пришла в себя лишь тогда, когда отвратительный, красочный кошмар пробудил меня из дремоты - гнойные бубоны видимо отныне принадлежали к резервуару ужасов моего подсознания, а теперь на них выросли ещё и рыжие волосы. Как всегда, когда просыпалась, я прощупала лимфатические узлы и громко вздохнула от облегчения. Опухлость заметно уменьшилось. Так же тупая боль в ногах и руках ослабела. Я оставалась лежать ещё несколько минут, не двигаясь и наслаждалась утешительным чувством, что освободилась от этого ужаса, благодаря выносливости моего иногда такого ненавистного тела. Теперь я смогу вернуться в свою комнату, к моему скорпиону, которого в прошедшую неделю, не смотря на страх, мне так не хватало.

Придёт ли скорпион вообще ещё раз ко мне? И смогу ли я наконец оправиться от тяжёлых испытаний? Отпустить их и забыть обо всём? О, я так скучала по морю, по его освежающей, лазурной прохладе. По ящерицам, которые принимали солнечные ванны на камнях, по невесомо плавающим медузам, по серой гадюке, которая пред прибытием Тессы всё чаще показывалась мне, когда я после сиесты приходила в сад. Она любила спать на не большой ступеньке за душевым поддоном. При нашей первой встречи, после её визита в мою кровать, она ещё пугливо шмыгнула прочь, но я спокойно осталась стоять и некоторое время спустя она снова выползла и расслабленно вытянулась, чтобы принять солнечную ванну. Тогда я смогла сесть рядом и рассмотреть её так же, как рассматривала скорпиона: с мечтательным восхищением и спокойной, тихой отвагой в сердце.

Я верила в то, что скорпион и змея не сбегут от меня и мой долгожданный отдых тоже, потому что сначала были важны другие дела. Нет, сегодня ночью было собственно только одно дело, но оно в моих глазах внезапно стало большей проблемой, чем то, с которым я только что справилась с грехом пополам. Я должна помириться с Колином. Я хотела - но не знала, как.

Меня всё ещё раздражало его заявление о том, что он не будет любить меня, если я стану Маром. Я всё ещё считала, что его позиция похожа на фанатизм. С другой стороны, Тесса мертва, и возможно, учитывая этот новаторский успех, которому, однако, ещё никто не порадовался, мне не стоит быть мелочной. Наш путь стал свободным; у нас есть достаточно времени, чтобы выяснить всё то, что мы хотели выяснить, хотя сейчас, в первую ночь свободы, мне не хотелось дискутировать и оправдываться.

Не проверив, я знала, что он здесь. Чаще всего он приходил ночью, чтобы Луис мог отдохнуть в своём укрытие и поесть сена, чистил сарай, а потом под утро снова уезжал на один два дня, поднимаясь наверх на плато Сила. Со смерти Тессы он появился в первый раз; так что сможет остаться здесь на насколько часов.

Поэтому я не торопилась и основательно помылась под душем в саду, прежде чем одеть тонкое, пляжное платье, завязать на скорую руку волосы и пройти в сторону сарая. Колин сидел на своём ложе, как всегда согнув ногу в колене и положив на него локоть. Так как посадил бы художник свою модель, если бы захотел нарисовать молодого воина. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы убедится в том, что это действительно он.

Как во время бронзовых, вечерних часов, когда Колин выходил на пляж с Луисом купаться, он обмотал вокруг головы чёрный пиратский платок, но не только из-за него он казался мне чужим. Это его одежда: серая, облегающая футболка с короткой планкой с пуговицами на воротнике (конечно же расстёгнутая) и выцветшие, потёртые джинсы. Он что, сжёг все свои вещи? Свои старые рубашки и эти элегантно выкроенные, узкие и всё же свободные брюки? Неужели так же и свои сапоги? Или просто не одел их, потому что они были ещё пропитаны мертвецким запахом Тессы?

Я не ожидала боли, которую вызвала мысль о том, что Колин полностью уничтожил свою одежду, и я никогда больше не увижу его в ней. Инстинктивно я положила руку на сердце, потому что его стук причинил боль. Ой-ой, как я могу быть такой легкомысленной? Это всего лишь вещи, не больше. Когда-то, они всё равно стали бы жертвой времени.

Я успокоила себя и стала ждать, чтобы он поднял свой тёмный взгляд и посмотрел на меня. Но и это не улучшило ситуацию. Его глаза поразили меня. Я не ожидала такого беспокойства и усталости, какие обнаружила в них, а скорее дьявольское озорство, за которым последовала бы высокомерная шутка. Но это выражение было слишком близким, близким к моим собственным чувствам, а также к ожесточённым восьми дням в постоянной попытке сдержать слёзы, не в коем случае не заплакать, потому что тогда тело распознает мою слабость. Колин ничего не говорил, в то время, как его глаза бродили по моему лицу и фигуре. Поэтому заговорить было нужно мне.

- Похоже, что мы выжили. Я здорова.

В тот момент, когда я это сказала, мысль о том, что я могла заболеть чумой, показалась мне внезапно нелепой и сказочной, но реакция Колина показала, что она таковой не являлась. Он пробормотал короткое предложение на гэльском, которое прозвучало как молитва благодарности и на одно мгновение спрятал своё бледное лицо в руках, выражение глубокого облегчения, которое выбило у меня почву из-под ног. Я повалилась вперёд и рухнула в его объятья, он сразу же обхватил меня и притянул к груди, где меня, без всякого предупреждения, охватила неконтролируемая дрожь, не панический озноб, как в предыдущие дни, а новаторское избавление после долгой битвы. Только теперь я поняла, что после убийства напрягала мышцы почти беспрерывно, наверное, отсюда и появилась боль в ногах и руках и возможно также и чувство лихорадки. Мои зубы стучали, колени дрожали, будто меня трясли, у меня не получалась удержать руки на груди Колина или даже поднять их, чтобы погладить его по щекам, наконец-то прикоснуться к нему и простить его.

- Это мне кое-что напоминает ..., - прошептал он с неприличной, но любящей насмешкой, и я непроизвольно рассмеялась, потому что он наконец снова показал себя таким, каким я его знала, никогда не стесняющийся сделать сексуальный намёк, даже если он кажется не подходящим, и его сравнение было не так далеко от истины.

Моё рискованное предприятие, толкнуть его локтем, провалилось, но каким-то образом мне удалось залезть руками под его футболку и снять её через голову, при этом с ним распрощался и его пиратский платок. Уже в следующую секунду наши волосы зацепились друг

за друга, хотя мои были ещё мокрыми и собственно их сдерживала резинка. Его джинсы, однако, в сравнение с обычными тёмными штанами, имели явное преимущество, как я с радостью отметила - они не слишком сильно обтягивали и их можно было снять с бёдер, не поднимая много шума и не слишком брыкаясь.

- Подожди, - тихо попросил Колин задыхаясь, взял и высвободил ремень из петель джинсов. Потом вытянул руки над головой, положив их на деревянную балку, на которую облокачивался, и призывно мне кивнул.

- Но ... но она ведь ..., - возразила я растерянно.

- Тесса мертва, да, но я всё ещё Мар, всё ещё голоден, или ты об этом забыла? Всё, что изменилось, так это то, что у нас теперь появилось больше времени действовать друг другу на нервы. Не на много больше, чем раньше, но достаточно.

Для шутливого комментария это прозвучало не язвительно, а слишком серьёзно.

- Об этом я не хочу говорить. Не сейчас, хорошо? - Я хотела вложить в голос укоризненную резкость, но мне это совершенно не удалось. Мои слова прозвучали умоляюще, а не продуманно. Грубым движением я натянула платье на заднее место, которое при нашей небольшой, ласковой схватки задралось наверх. Всё же, благодаря нашим своенравным волосам, мои губы были достаточно близко ото рта Колина, так что он смог прикоснуться к ним кончиком языка. А моим губам было всё равно, что случится с моей гордостью и упрямством. Они желали целовать его. Они поцеловали его, не спрашивая и не умоляя о разрешении. Я укусила его, но это ему совсем не помешало. Он снова опустил руки вниз, скользнул ими под моё платье, пока его сильные кончики пальцев не впились в мягкую кожу моей спины.

- Ладно, не сейчас, - прошептал он, высвободил руки из платья - действие, которое стоило ему заметного усилия - и сунул мне ремень в правую руку, потому что левая уже наметила себе другие цели. Они не могли прийти к соглашению. Я хотела бросить ремень. Мне было всё равно.

- Лесси, спаси себя от меня, пожалуйста ...

Я разочарованно оторвала губы от его рта и попыталась сосредоточиться. Рассеянно я подняла ремень вверх, привязала его руки к балке и связала концы.

- Этого недостаточно. - Длинные пальцы Колина двинулись в сторону, чтобы затянуть полоску кожи ещё сильнее.

Без его рук на моей коже мне вдруг стало холодно и внезапно я почувствовала себя преданной и обманутой. Снова всё, что сейчас случиться, было в моих руках и при всей нашей близости и привязанности, я недостаточно опытная, чтобы мне давалось это так легко, не после такого тяжёлого испытание, не после кошмаров о чумных бубонах и нескольких дней смертельного страха. Возможно это никогда не будет даваться мне легко, но другого выбора нет. Как же это по-идиотски, только что выжить, и в следующую минуту бездумно призывать смерть - или вечность, с той ценой, что Колин больше не будет меня любить. Поэтому это должна сделать я, именно так, как судьба требовала от нас, если мы хотим и дальше быть вместе. Он связанный, я свободная. И всё-таки в ловушке.

- Чёрт, - прошептала я со слезами на глазах, когда наконец снова почувствовала Колина внутри, и при этом, была такой чертовски одинокой. Неистово я ударила правым кулаком по его груди. Всё же я не хотела уходить, хотела быть здесь, рядом, два существа в одном теле, потому что это ведь то, чего я добивалась и чего заслужила ...

«Тебе не нужно ничего делать. Просто оставайся со мной.» Прозвучавший бархатно голос Колина у меня в голове, который освободил от ответственности и взял руководство на себя, немного меня смягчил. Нет, нам не обязательно двигаться или что-то решать, совершенно достаточно находиться тут вместе.

Я безудержно плакала, не находя утешения, без объятий, как бы я не старалась прижаться к нему и как бы не прислушивалась к рокоту в груди, который стал сильнее, пока не начал пульсировать в ритме с моим сердцем, быстро и возбуждённо. Я со слезами на глазах улыбнулась, потому что Колин сказал мне что-то по-гэльски, чего я не поняла, но почувствовала. Я вздохнула, как никогда не посмела бы раньше - но стыда в эти секунды не существовало, точно так же, как уверенности, что мы сможем заполнить пустоту в наших душах тем, что здесь делаем.

Тем не менее я не сожалела ни об одном из наших прикосновений, потому что вся жалкая победа ничего не значит, если её нельзя закрепить вот этим. Мы стали трофеями друг для друга, он для меня, я для него. Мы для нас.

Когда всё закончилось, и Колин позволил мне развязать ремень, после чего крепко обнял, его голод вернулся так быстро, что мы оба отпрянули друг от друга, испугавшись его силы и интенсивности. Под глазами Колина уже начали образовываться голубоватые тени, полыхающие опасным холодом, а его кожа покрыла мою морозной дрожью.

- Вот та причина, из-за которой я никогда не прощу её. Она продолжает на меня влиять, всегда и везде, - прорычал Колин.

- Что ты имеешь в виду? Она ведь мертва!

- Она продолжает влиять, потому что создала меня, как демона! Я её выродок! - Одним движением он встал, стряхнув меня при этом, как надоедливую муху, оделся, взял Луиса из сада, запрыгнул на его спину без седла и уздечки и ускакал в ночь.

- Мне это ненавистно. Знакомо, но так ненавистно. Так ненавистно, - прошептала я, потому что, оказавшись в полном одиночестве подумала, что не смогу вынести этот беспощадный провал нашей согласованной близости. На одно мгновение всё стало бессмысленно, наша любовь, наша близость, всё наше существование. Бессмысленно и ничтожно. А я думала, что смогу прийти в себя? Как же у меня получиться, когда мой парень Мар?

Я приняла душ, одела через голову платье и вбежала в дом, потом по лестнице наверх на чердак, где Тильманн лежал теперь один, потому что Джианна последовала моему примеру и прокралась к Паулю. Возможно у них не было секса, но он мог обнимать её, всю ночь прижимать к себе, и чёрт, мне тоже этого хочется. Я не смогу спать в одиночестве. Теперь, когда Тесса мертва, я по крайней мере, могу вернуть моих друзей. Я не вынесу того, чтобы ещё одну ночь оставаться помойной в себе, без всякого шанса почувствовать близость другого существа. Не спросив, я залезла к Тильманну под одеяло, но когда он проснулся и узнал меня, то так быстро отпихнул, что я потеряла устойчивость и упала на пол.

- Что это будет, Эли?

- Я больше не заразна! Всё хорошо. Мы выжили! Ты можешь снова говорить со мной...

- Я не это имею ввиду. У тебя только что был секс, и ты после этого заползаешь в мою постель? Я не твоя тряпка для вытирания ног!!

- Но я...

- Никаких но! Разве никто из вас не думает, как я себя чувствую между двух парочек? Женщина, которую я любил умерла из-за меня! Я её убил! А потом ты спишь со своим парнем, после того, как я одну неделю, без какого-либо уединения, должен был обитать в одной комнате с двумя сумасшедшими, пахнешь ещё его спермой и залезаешь ко мне в кровать?

- Закрой свой придурковатый рот! - закричала я в ответ. Беспощадная откровенность Тильманна была хуже, чем любая пощёчина. Мои щёки горели от смущения. - Это тебя совсем не касается!

- Верно, Эли! - Верно. Я презрительно фыркнула. Верно, он уже звучал, как его отец. Господин Щютц тоже всегда так говорит. Верно. - Это меня не касается, поэтому я не хочу,

чтобы ты была здесь! Ты не можешь использовать меня в качестве замены будущего любовника, так, как тебе подходит! Ты не в моём вкусе, уже забыла? - Сердито он бросил свою подушку в стену.

- Я никогда на это так не смотрела, никогда! - взвыла я рассерженно. - Я думала, что мы друзья! - О Боже, ещё одно такое банальное изречение. Я могу выразиться и получше и должна сделать это. - Только что я просто хотела ... я должна была, я ... - Нет, я не могу подобрать слова. И пламенный взгляд Тильманна сказал, что не стоит даже и пытаться. - Тогда поцелуй меня в зад, - фыркнула я и выскочила из комнаты, снова вниз по лестнице и в моё собственное царство, обособленное от других, где дрожа, стала ждать скорпиона и смогла заснуть лишь тогда, когда он на рассвете подполз ко мне и начал переливаться жёлто-ядовитым цветом в свете заходящей луны.

Мне казалось, будто он единственное существо на этой земле, которое меня ещё понимает.

Он укусит лишь в том случае, если я этого захочу.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Красноречивые речи

Я жива, было моей первой мыслью, когда я проснулась на следующее утро. Слава Богу я жива. И буду ещё долго жить.

Я открыла глаза. По диагональной позиции, с которой солнце светило через ставни, я поняла, что должно быть уже позднее утро, но остальные казалось ещё спят. Не было слышно человеческих звуков, только приглушённый рокот моря, шелест белых тополей, и как всегда, пение цикад.

Я сама соблюдала тишину. Моё дыхание текло бесшумно и мягко через вздувающиеся лёгкие. Сердце билось со спокойной регулярностью, чтобы сохранить то, за что я про себя, всё ещё как в молитве благодарила: мою жизнь. Не щупая, я знала, что мои лимфатические узлы окончательно приобрели свою нормальную, здоровую величину. И не только это: мои мышцы были готовы к работе, но расслаблены, разум ясен, все органы находились на нужном месте и делали, без лишнего труда, свою работу; совершенное взаимодействие, чьи процессы я почувствую лишь тогда, когда они будут нарушены. Я ощущала небольшой голод, но это мне вполне нравилось по утрам, потому что тогда есть хороший повод встать и начать день.

Я вспомнила, что случилось ночью, а также моё мучительное одиночество. Но потом я заснула, плача и с подушкой в руках, чтобы по крайней мере представить себе, что кто-то меня обнимает, и ещё прежде чем совсем отключилась, перед моими глазами появился Гриша, и в этот раз всё было по-другому. Уже последние сны о нём не причиняли такой боли, как раньше, как будто моё подсознание стало более снисходительным. Этот сон даже сделал меня счастливой, потому что я чувствовала успокаивающую уверенность в том, что кто-то, кто меня знает, находится рядом, постоянно с улыбкой охраняет, почти как ангел-хранитель. Страж над моей душой, который следит за тем, чтобы никто меня слишком сильно не обежал. Я отдалась этому чувству, пока слёзы медленно не высохли и была награждена сладким, спокойным сном. Я не обманывала себя: здесь никого не было. Потому что кому бы здесь быть? Колин отпадал, он не смог бы так быстро насытиться, чтобы ещё в течение ночи вернуться. Другие тоже отпадали. Наверное, это всего лишь таинственные чары, которые для нас готовит сон; я сталкивалась с этим явлением не в первый раз. Однако таким благотворным оно ещё никогда не было.

Я переключила внимание с живота и конечностей на лицо. Никакого чувства напряжения между и над глазами. Оно было таким гладким, как озеро, губы расслаблены, кожа мягкая. Несмотря на слёзы, которые я пролила сегодня ночью или именно благодаря им. Мне было это знакомо из прошлого. Иногда я чувствовала себя как заново рождённой, после того, как плача, засыпала, как будто рыдания отсортировывали старый, безотрадный балласт и освобождали место для нового, которое начнётся прямо сейчас и сможет сделать меня другим, лучшим и более уравновешенным человеком.

Да, это был бы хороший момент для зелёной кнопки, подумала я улыбаясь. Раньше, когда школа была для меня ещё мучением, и я просыпалась с тошнотой, внутренне замерзая, то часто представляла себе, что ношу в кармане маленький, чёрный аппарат, с одной единственной зелёной кнопкой, состоящей в прямой связи с моим организмом. И в случае, если наступит момент, когда я почувствую себя в мире с собой - это случалось редко и чаще всего неожиданно - тогда я смогу нажать на зелёную кнопку и аппарат законсервирует это состояние навсегда.

Потому что, если я смогу себя так чувствовать и дальше, всегда, то всё станет намного проще. Я смогу играючи, преодолеть любое препятствие, не загораживая самой себе дорогу, из-за того, что постоянно прислушиваюсь к себе и к моим чувствам. Сейчас был один из таких моментов. Даже моя встревоженная душа капитулировала перед магией тела и доверилась тому, что оно всё исправит. Так должно быть чувствуют себя другие люди, подумала я с

завистью. Когда чувствуешь себя так, то даже нет соблазна слишком много о чём-то размышлять.

Это состояние улетучится через несколько часов. Я не смогу его удержать. Потому что аппарата с зелёной кнопкой не существует, и я знаю, что скоро должны всплыть последствия последних дней, и меня нагонит потребность в отдыхе. Со вздохом, между приятным чувством и разочарованием, я опустила ноги на пол и встала, чтобы открыть ставни и встретить день, потому что услышала шаги и тихое дребезжание посуды. Видимо Джианна тоже проснулась.

Чистой одежды у меня почти не осталась; почти всю нужно срочно стирать, а другую сожгли. Но я ещё нашла в шкафу чёрный, открытый бикини, обрезанные джинсы и слегка прозрачную майку. Проворно я влезла в бикини, а остальное надела сверху. Я не могла дождаться, хотела поскорее пойти поплавать. Я бы искупалась и голая, но открытую грудь и зад не одобряют в южной Италии. ФКК пляжей здесь нет, а мы не хотели оскорблять других людей на пляже - как бы мало их не было - тем что без всякого уважения нарушаем их неписаные правила.

Через двери моей комнаты, ведущие на террасу, я вышла босиком на улицу, глубоко вдохнула и села на туже ступеньку, на которой Тильманн, Колин и я, в дурмане, ожидали Тессу. Уже спустя несколько секунд мимо проехали на своих велосипедах дети с конца улицы. Они помахали, а я помахала в ответ. Где-то раздавалась взволнованная, но радостная итальянская болтовня, потом мимо проехал поезд, а с пляжа я услышала звуки мяча волейбола, ударяющий о голые руки. Пока что я была молчаливым зрителем, но в первый раз готова дать полностью себя увлечь.

Спустя несколько минут ко мне подошла Джианна и села рядом - всё ещё на подобающем расстояние и настолько далеко, как это позволяла широкая лестница.

- Ну и как, теперь ты счастлива? - спросила она осторожно, и не смотря на её сдержанность, вопрос прозвучал неприятно двусмысленно. Моё внутреннее спокойствие было нарушено.

- Что ты имеешь в виду?

- Ничего плохого, Эли, правда! - Джианна подняла руки вверх, чтобы успокоить меня. - Нам удалось это сделать и путь для вас теперь свободен и ... да, теперь нам нужно только найти твоего отца, и мы сможем поехать домой.

- Поехать домой? - Я не могла поверить в то, что услышала. - Ты хочешь сейчас поехать домой?

- Я сказала, что мы будем искать твоего отца, и потом поедем домой. - То, как Джианна это произнесла, прозвучало так, будто мы быстренько поищем сейчас пасхальные яйца, которые находятся за следующим углом и упакуем их в корзиночку. Это прозвучало даже так, будто она говорит не серьёзно.

Гораздо большее ударение она поставила на поехать домой. Я не чувствовала, что смогу сделать хоть что-то из этого. С сомнением я посмотрела на неё, но она избегала моего прямого взгляда.

- Да, Эли, я хочу поехать домой.

- Ты расторгла договор на свою квартиру, - напомнила я. - У тебя больше нет работы ...

- Ну и что? Тогда я присмотрю себе новое место жительства и новую роботу. Это ведь не проблема. Итак, нам нужно как можно быстрее подумать, где может находиться твой отец, а потом ... да, как я уже сказала. Поедим домой.

Домой - и как это будет выглядеть? Пауль и Джианна вернуться в Гамбург, где Джианна начнёт работать, а Пауль учиться в университете? А Тильманн? Что будет делать он? Снова прятаться, пока не почувствует, что может поделиться со мной своими мыслями? Не говоря уже о Колине, который подчеркнул, что не сможет вернуться в свой дом в лесу. Дома больше не

существует, по крайней мере для меня. Но точно так же я не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы быстренько расследовать, где бы мог находиться мой отец. У меня по-прежнему не было ни малейшей зацепки. Сначало нужно отдохнуть, по крайней мере несколько дней.

- Пойми, Эли, после всего этого ужаса, мне не хватает знакомой обстановки. - Джианна начала играть с застёжкой своих деревянных башмаков.

- Я думала, что Италия, это твоя знакомая обстановка, - проворчала я, но уже догадалась, что она говорит мне не всю правду. То, что я чувствовала, было совсем другим ощущением. Лёгкое отвращение и пламенное желание быть подальше от меня, вот, что двигало Джианной. Она хотела поскорее избавится от моего присутствия. Это мысль не только возмутила меня, оно так же причинила сильную боль. Я была снова здорова, нет причин бояться меня.

- Ещё кое-что, Эли. - Джианна расстегнула застёжку своих башмачков и снова закрыла её. - Я хотела извиниться за моё поведение в последние дни по отношению к тебе.

- Хм, - сказала я. Это почти ничего не изменило, она только лучше переиграла своё чувство отвращения. Я всё равно почувствовала его. И я считала, что не только Джианна должна извиниться, но и Колин. Я понимала, что голод заставил его быстро уйти, но какое-нибудь прикосновение или жест, или предложение, он мог бы ещё мне подарить. И тем более Тильманн ...

- Я знаю, было неправильно избегать тебя, - продолжила Джианна поспешно и растопырила тонкие пальцы, как будто могла таким образом придать больше веса своим словам. - Но во мне что-то такое было, и оно требовало держаться на этом безопасном расстояние, изо всех сил, и оно ... - Она посмотрела на меня с чувством раскаяния. – И оно всё ещё требует. Я ничего не могу поделать. Я не хочу прикасаться к тебе или находится рядом. Я понимаю, насколько это жалко, но ... я совершенно беспомощна в отношении этого знания! Всё во мне говорит, что так правильно, чтобы я не прикасалась к тебе, поэтому ...

- Поэтому ты не прикасаешься, - закончила я этот несчастный монолог. Да его почти невозможно было слушать. - Без проблем. Мне в любом случае не нравится дружба с прикосновениями. – И это было даже очень близко к правде. Эти постоянные поцелуйчики справа и слева, прогулки под ручку, которые Дженни и Николь практиковали на мне, часто действовали мне на нервы. Мне больше нравилось, когда я не была ограниченна в движениях и мне нужно время, чтобы привыкнуть к присутствию другого человека и захотеть прикоснуться к нему. Поцелуйчики в знак приветствия противоречили тому, что сигнализировало мне моё тело. Самое большее можно поцеловаться на прощание. Всё же я обиделась. Я думала, что Джианна моя подруга. Разве Пауль не смог разъяснить ей, что от меня больше не исходит опасности заразиться? Кроме того, к нему она прикасалась, а он ведь лечил Тессу.

- Ах, Эли ... - Джианна посмотрела, качая головой, на свои загорелые пальцы ног. - Я ведь сама не понимаю, что со мной. И это касается не только тебя, но и Колина, хотя вы мне оба нравитесь. Я не могу с этим справиться.

Я разрешила себе осведомлённо усмехнуться. Конечно ей хочется избегать Колина. Как и всем другим людям. А теперь меня причислили к его клану, делая ответственной, потому что чума для этого больше не годится? Джианна уже всегда чувствовала себя так плохо в моём присутствие? Джианна оставила свои пальцы ног в покое и попыталась заглянуть мне в глаза, но я уклонилась. Может быть мои глаза тоже вредны для её здоровья, подумала я с сарказмом.

- Я искренне сожалею, Эли. Возможно я образованнее и у меня больше опыта, но я не сильнее тебя.

- О, я не такая сильная, - возразила я, забавляясь, хотя мне нравилась эта мысль. Возможно я действительно сильнее. Я встала, уперев руки в бока. Джианна подняла взгляд, как маленький ребёнок, которого сейчас будут ругать. - Пауль уже проснулся?

Джианна кивнула.

- Хорошо, я хотела кое-что с ним обсудить - или ... - Я замешкалась. Не хотела застать Пауля во второй раз голым и тем более в какой-нибудь пикантной ситуации. Хотя Джианна находится здесь, но ...

- Ну правда, Эли! - вскипела она, когда поняла, почему я прекратила говорить. - Ты серьёзно думаешь, что после всего этого стресса, я захочу заниматься сексом? Это спальня, а не берлога для любовных потех. - Я больше ничего не сказала, молча оставила её сидеть на ступеньках и зашла в дом. Да и что мне ответить? Что я, грешница Елизавета, ещё сегодня ночью отдалась похоти, хотя смерть целую неделю подкарауливала меня возле кровати? Стала ли я из-за этого плохим человеком?

Джианна не обманула. Их с Паулем комната была спальней, а не берлогой для любовных утех - спальня для пары, которая серьёзно хочет быть вместе. Безусловно, они заполучили самую красивую комнату в доме, вновь констатировала я, когда вошла. Большая, с высокими окнами, балдахином над кроватью, массивными, тёмными шкафами и белоснежным бельём. В этой комнате можно провести свою первую брачную ночь и лишить девственности девушку. В южной Италии скорее всего и то, и другое ещё совмещалось. Любой сможет увидеть кровь на простыне.

Я отогнала эту тревожную мысль и села рядом с Паулем, который всё ещё просыпался. Тяжело стеная, он перекатился на спину, волосы торчат во все стороны, а лицо помятое от сна.

- Доброе утро, сестрёнка. Что нового?

- Доброе утро. В этот раз у меня к тебе просьба.

Пауль закашлял и сел, чтобы быть со мной на одной высоте.

- И что за просьба?

Я попыталась пригладить торчащие на его макушке пряди, но потерпела неудачу. Здесь поможет только душ. По крайней мере он не отпрянул, а зевая позволил мне дотронуться до него.

- Знаешь ..., - начала я неловко. - Мне ... нам ... нам в самом деле нужно теперь сразу начать искать отца, не так ли? Тесса мертва, больше никакой опасности нет, не нужны никакие меры предосторожности, но ... я ... - «Я не имею представления, как искать», подумала я в отчаяние. «И прежде всего у меня нет сил. Пока ещё нет.» - Мне нужен отдых, Пауль, только несколько дней, самое большее одна неделя. Всё было настолько напряжённым и изнурительным, этот страх, что я больна, всё, что случилось с Тессой. А я ещё не оправилась после схватки с Францёзом. К тому же, это сложное решение с пенициллином ...

- Ах да. Это решение. - Лицо Пауля ожесточилось.

- Оно ведь было правильным, не так ли? - Чёрт, неужели я и это сделала неправильно? Остальные что, в прошедшие дни объединились против меня?

- Да. Оно было правильным. Об этом я тебе уже говорил. Но я хотел принять его сам.

- Ты заснул, Пауль ...

- Ты могла бы разбудить меня!

Мне ничего не пришло в голову, что можно было сказать в свою защиту - кроме тех вещей, которые Пауль не хотел слышать. Что в принципе, только я могла принять это решение, потому что это у меня опухли лимфатические узлы и была высокая температура. Что он возможно обдумывал бы ситуацию слишком долго. Что это было моим личным делом. Но в своих глазах он опять потерпел неудачу. Ещё раз. Он был пассивным, в то время как другие действовали.

- Мне очень жаль, - в конце концов пробормотала я. - Но она в любом случае умерла бы. А теперь ... теперь мне нужно немного времени. Пожалуйста. Уже Гамбург я пережила с трудом. - Я пожалела об этих словах уже когда говорила их. Гамбург только потому было так сложно

пережить, потому что уже тогда мне приходилось действовать, в то время, как Пауль бездействовал. А я ещё и напомнила ему об этом ...

Но он положил руку на моё колено и коротко сжал его.

- Всё хорошо, Эли. Собственно, нам всем нужно отдохнуть в санатории. И я думаю, не повредит несколько дней побездельничать. Больше всего мне хочется сразу начать искать папу, но ... я один, скорее всего, всё равно не смогу ничего выяснить. Для этого нам нужен Колин, не так ли?

Я кивнула и сухо сглотнула. Да, я представляла себе это точно также, хотя понятия не имела, в состояние ли Колин что-то выяснить. Он всегда умалчивал свои контакты в мире Маров и лишь упомянул, что у него не хорошая репутация. Его структура жизни - так похожая на людскую, как только возможно, а похищение снов и мечтаний исключительно у животных - ставила существование его собственного вида под вопрос. А теперь он ещё убил и свою собственную мать. Мы убили её все вместе. Хотя Мары и не заключают дружбы и скорее всего по ней никто не будет скучать, тем не менее для него вести следствие по делу папы - это деликатная тема. Возможно таким образом он навлечёт на себя, а также на нас большую опасность, а опасности с меня пока достаточно.

Кроме того, сейчас, когда я только-только выжила, я не чувствовала, что смогу выполнить наш замысел. Я даже не знала, где начать. Нам нужно найти одного из революционеров, с которыми папа работал вместе, но где и как? Это не то дело, которое можно сделать на скорую руку. Нам нужно хорошо всё продумать. А в этот момент я хотела лишь существовать, не раздумывать слишком много, хотела ещё немного сохранить состояние сегодняшнего утра, чтобы снова набраться сил. И вернуть во сне это чувство защищённости, которое появилось у меня сегодня ночью ...

- Ты расскажешь об этом остальным? - тихо попросила я Пауля. - Я ведь стала не особо популярна в прошедшие дни. - С тех пор мало что изменилось. Хотя я никому не причинила никакого вреда. Ладно, возможно я что-то и сделала Тильманну, скользнув к нему под одеяло, но я не хотела ни обижать его, ни ранить, и в сущности, он должен об этом знать.

Пауль выполнил моё желание. Несколькими предложениями он за завтраком объяснил Джианне и Тильманну, что мы следующие восемь дней будем только отдыхать. Я отметила удивлённый взгляд Тильманна, которым тот одарил меня, когда Пауль произносил эти слова. Да, возможно он не ожидал этого от меня. Но он ведь и не имел дела с опухшими лимфатическими узлами и сердитыми Марами. Я нуждалась в отдыхе. Он был мне нужен ещё даже прежде, чем мы поехали сюда. А решение, когда нам начинать искать нашего отца, должны принимать лишь Пауль и я.

Джианна сначала неохотно согласилась, но потом почти что с облегчением. С неё было довольно недобровольной работёнки в качестве искателя опасности и одну неделю у неё будет от неё отпуск. Это ей подходило. Всё же я пыталась оправдать себя, потому что Тильманна не отводил от меня глаз.

- Если что-то выясниться, или у Колин будет какая-нибудь информация, конечно мы сразу отреагируем, не вопрос. Но сначала ... сначала мне нужно отдышаться.

- Я думаю, нам всем не повредит это, - сказала Джианна и непроизвольно положила руку на свой живот. Её в последние дни не тошнило, но видимо она боялась, что тошнота вернётся, если мы ринемся в новое приключение. - Поэтому я предлагаю поехать всем вместе сегодня вечером в Пьетрапаола и немного отпраздновать нашу победу в баре «Пьяно». Согласны?

Хотя я уже отпраздновала мою победу сегодня ночью - даже если она в некоторых местах была скорее похожа на похороны - но и я считала, что пришло время, посвятить себя прекрасным сторонам Италии. У меня было такое чувство, что остальные стали всего лишь

моими знакомыми, они больше не были друзьями. Даже мой брат таил на меня обиду, хотя пытался подавить. Но ребята согласились, Пауль, кивнув, Тильманн что-то пробурчав.

Несколько часов спустя я почти не могла поверить своим глазам, когда Колин появился на закате с Луисом на пляже. Я как раз далеко заплыла, так далеко, что могла видеть цепь холмов, в чьих высохших лесах то тут, то там, вспыхивал красный свет. Пожары. Ищет ли Колин меня, возможно даже беспокоится? Или его мысли только с Луисом? Я поспешно поплыла назад, но он исчез вместе с лошадью, прежде чем я добралась до берега. Джианна сообщила мне, пряча глаза за своими тёмными стёклами очков, что он сегодня вечером будет нас сопровождать. И в это я тоже почти не могла поверить.

Незадолго до нашего отъезда, он внезапно оказался в дверях, в то время как я сидела на кровати, занимаясь моими непокорными волосами. Я позволила ему наблюдать, как я с ними сражаюсь, не проронив ни слова.

Уже весь день был молчаливым. Никаких общих волейбольных матчей. Никаких шуток. Никакой болтовни на пляже. Тильманн наказывал меня молчанием, Джианна оставалась немногословной, Пауль размышлял. И всё это время у меня было такое чувство, будто это моя вина. Теперь и я молчала. Но с Колином это был не ответный ход; я просто не знала, какую тему затронуть, без того, чтобы наш разговор превратился в ссору, и мы сердито, а возможно даже с жадностью набросились друг на друга, в схватке или в любви. И то, и другое было бы сейчас не к месту.

По выражению его лица я не могла прочесть, ни что он думает, ни что чувствует. Если вообще что-то чувствует. Когда я в конце концов, после того, как в очередной раз плюнула на мои капризные волосы и прошествовала мимо него с высоко поднятой головой, он хлопнул меня по заднице. Один из его изобилующих самоуверенностью жестов мачо. И я не смогла по-другому, в уголки моих губ закралась усмешка.

Колин повёз нас на своей машине. Джианна указывала ему дорогу, сильно жестикулируя, вдоль прибрежной дороги, но казалось он знал, куда ехать. Название Пьетрапаола показалось мне не особо захватывающим и скорее местом паломничества, чем таким, где можно забыться, помириться и подзарядить себя. Поэтому я была удивлена, что в Клабрии действительно прикладывались усилия, чтобы привлечь туристов, хотя атмосфера была скорее похожа на ярмарку, чем итальянскую площадь. Джианна направила нас мимо аттракционов, торговых палаток и марширующих парадом местных жителей к обширному открытому бару посреди сада одного из отелей, который был щедро украшен цветущими вьющимися растениями и пальмами.

У меня было такое чувство, будто мы после долгого марша через пустыню, наконец нашли спасательный оазис. Сразу же я ощутила разногласия между Джианной, Тильманном, Паулем и мной намного меньше драматичными. Спонтанно мне всё здесь понравилось, вопреки моей тяги ко всему придраться - да, мне нравились круглые столики с их неудобными плетёными стульями, полукруглый бар, дешёвое освещение, свечи, сентиментальная музыка, раздающаяся из динамиков, а также белая рояль, возвышающаяся на пьедестале посередине комплекса. Хотя, это была даже не настоящая рояль. Она просто выглядела, как рояль, в которой был спрятан самостоятельно играющий синтезатор. В виде исключения мне понравились даже снующее туда-сюда, деятельные официанты, которые делали вид, будто им нужно обслужить сотню клиентов, однако, не смотря на свою демонстративную суету они выглядели расслабленно. Это итальянцы могут делать в совершенстве - расслабляться в суете. Хотя, не считая нас, здесь было не так много клиентов. Видимо ещё слишком рано.

С любопытством я заглянула в фонтан, в котором плавали настоящие рыбы и в который без прерывно писал мраморный херувим.

Остальные уже выбрали столик в укромном, окружённом пальмами углу, и, жестикулируя, звали меня к нему. Раньше мне нравились скрытые места, и в ресторане я занимала место, которое защищало меня от почти всех взглядов. Но сегодня мне это не подходит. Я хочу видеть всё, позволить всему произвести на меня впечатление, так чтобы каждая деталь отвлекала меня. Я отодвинула немного в сторону последний свободный стул, чтобы через листья пальмы можно было видеть рояль, но разговор, который зародился между Колином и Джианной во время моего отсутствия, отвлёк меня.

Они говорили друг с другом на итальянском, и это раздражало. Колин понимающе улыбнулся, когда сказал что-то Джианне, что сразу заставило её, слегка смутившись, захихикать.

- Эй, я тоже ещё здесь.

- О, это невозможно пропустить, Лесси, - ответил Колин, не переставая вызывающе и самодовольно ухмыляться. Джианна теперь хихикала, прикрыв рот рукой - совершенно излишне, её в любом случае было слышно - в то время как Тильманн непроницаемым взглядом поглядывал на мои голые ноги, которые я вытянула рядом со столом. Я не стала переодевать мои обрезанные джинсы, но не понимала, что в этом такого предосудительного. Джианна ведь тоже всегда носила самые короткие юбки - даже сегодня на ней была одета одна из таких.

- Что опять не так? - спросила я негодующе. Внезапно я больше не была готова безропотно терпеть постоянное отчуждение. - Если я как раз не заражаю чумой, то вам не подходит моя одежда? У вас по этому поводу проблемы?

- Разве мы не хотели расслабиться? - прервал Пауль нашу словесную резню. - Кто-нибудь подойдёт к столу или нам нужно самим идти в бар?

Колин встал. В первый раз, с тех пор, как он появился, я позволила себе взглянуть поближе на его внешний вид. Дьявол носит чёрный цвет, подумал я иронически. Чёрная футболка, чёрный тонкий шарф, чёрные узкие брюки. Значить он их всё-таки сохранил. К ним чёрные волосы, чёрные глаза - он что, хотел специально подчеркнуть, какая белая у него кожа? Сколько времени это займёт сегодня, пока мы прогоним всех людей вокруг нас?

- Я пойду, чаще всего меня быстро обслуживают, - сказал он, но в тоже момент насторожился и поднял голову, как будто хотел прислушаться к шуму. Подожди, этот взгляд мне знаком, он что-то учуял ... незаметное подергиванье ноздрей и внезапно застывшие зрачки. Что он почувствовал? Но в следующую секунду его лицо вновь расслабилось, став, как обычно, неприступным, и он отвернулся от нас одним плавным движением и прошёл к бару, чтобы взять для нас несколько напитков.

Едва он пропал из поля зрения, как почти все лампы отключились, а музыка, исходящая из динамиков, утихла. Я сразу подумала, что это должно быть связано с аурой Колина - мне было это знакомо, он выводил технику из стоя, хотя сегодня это произошло так быстро, как ещё никогда раньше. Но потом я с удивлением поняла, что всё это не имеет ничего общего с ним. Это было сделано намеренно. Южно-итальянская инсценировка! Теперь видимо начиналась романтическая часть вечера, потому что искусственную музыку из динамиков заменили на настоящую, живую. Калабрия поднимала настроение. Я сразу же повелась на это. Как во сне, я повернула голову к подиуму с роялем, на чьи фальшивые клавиши нажимали элегантные, длинные пальцы.

Да, должно быть это сон. Это мог быть только сон. Наверное, я всё же заболела чумой и давно лежу в бреду. Потому что Гриша никогда не играл на пианино. Я не смогла выяснить о нём слишком много, но по крайней мере достаточно, чтобы знать, что по урокам музыки у него были самые плохие оценки, и в старших классах он сразу же отказался от неё. Если Гриша играл в калабрийском баре пианино, то речь здесь может идти только о сне. Лихорадочном сне. А это многое объясняет.

- О нет, - пробормотала я поражённо. - Значит я всё-таки умру ...

- О чём ты говоришь, Эли? Не настолько уж он и красив, - ответила Джианна весело. - Ладно, я признаюсь, он красив, возможно даже красивее, чем любой мужчина, которых я видела до сих пор - извини Пауль - но не одна женщина не должна умирать из-за красивого мужчины. По меньшей мере через пять лет у него будет лысина и живот. Блондины быстро лысеют.

- Спасибо, Джианна, - съязвил Тильманн, но мы оба не обратили на него внимания.

Блондины? Моё замешательство выросло безмерно. В этом сне ничего не сходится. Гриша ведь не блондин. У него тёмные волосы. Тёмные волосы и карие глаза, собственно ничего особенного, если бы не ...

- О, - попыталась я дать моему удивлению подходящее восклицание, когда взгляд начал проясняться. Нет, это всё-таки не сон. А этот молодой пианист не Гриша. Просто было такое чувство, будто это Гриша, а на данный момент мой мозг просто не мог справиться с этим. Его осанка, обаяние, его манера, при игре, двигать головой, его глаза - которые вообще-то я не могла хорошо разглядеть из далека - всё это похоже на Грушу, как будто бы у обоих было по меньшей мере 80 процентов одинакового генетического материала.

И всё же он был таким другим. Блондином, как метко пометила Джианна. Пшеничного оттенка. Я часто читала о таком цвете волос, но никогда не видела – это скорее термин из романов. Здесь он подходил. Пшеничные, мягкие локоны, коротко подстриженные на затылке, наверху немного длиннее, но в общем, мальчишеская причёска, не подвластная времени и в тоже время модная. Обычно такие причёски носят модели. Как и у Гриши, она идеально сидела, хотя в ней было два выделяющихся вихря. Она идеально сидела, потому что это голова не допускала несогласованности. Изящно изогнутый затылок, над сильной, но стройной шеей, к тому же лоб, который был не слишком высоким и не слишком низким ... при таких предпосылках, никакая причёска не может сидеть плохо. Ни одна обесцвеченная прядь не будет искусственной, они все созданы природой, вероятно ту же причёску он носит даже зимой.

Его возраст - тоже совместим с возрастом Гриши. Около двадцати, предположила я. При этом, он производил впечатление совсем молодого человека, но не казался незрелым. Смесь, которая уже всегда притягивала меня в Грише. Значит в этом мире существует больше, чем только одни королевский ребёнок, отважно сказала я себе, в надежде, что Колин скоро принесёт напитки, чтобы я могла смыть ими горькую боль в сердце.

Она всё-таки ещё не покинула меня, моя старая, плохо зарубцевавшаяся тоска по Грише, и именно здесь, в южно-итальянском баре, далеко от дома и моей прежней жизни, я должна была встретиться с одним из его двойников. Так как напитки ещё не подоспели, я взывала к моему здравому разуму. Тянущее чувство в животе успокоиться, как только я преодолею первый шок. Мне нужно только осознать, что я стала жертвой наваждения, в принципе тоже самое, как и в моих снах, а их я тоже переваривала самое позднее через три дня. Пока не видела следующий ... Я ухватилась за слова Джианны - через пять лет живот и начинающаяся лысина. У Гриши вероятно уже сейчас появилась начинающаяся лысина. Или седые волосы. Кто знает? Юношеская красота может быстро увянуть. И если бы мне, во время нашего карантина, неоднократно не снился Гриша, то я, скорее всего, даже не заметила бы его сходства с этим пианистом. Я даже не думала, что оба родственники. Это чистая случайность.

Я казалась себе дурочкой, когда продолжила глазеть на этого молодого человека, не смотря на мою затею оставаться объективной, потому что теперь он начал петь. Боже мой, зачем он ещё и запел? Разве было недостаточно того, что он играет эти меланхолично-красивые аккорды? Один из официантов прошёл мимо него, как петух и коротко покачал в такт

бёдрами, а две женщины, которые только что ещё разговаривали друг с другом, повернули головы и затихли.

- Ричард Клайдерман для бедных, да? - Издевался Тильманн.

- Ну, по крайней мере он играет Паоло Конте, а не Love Story! - защищала его Джианна. - И к тому же совсем не плохо.

- Паоло Конте? - спросила я, после того, как мне удалось открыть рот. Моё лицо, не смотря на жар на щеках, казалось превратилось в камень. Камень, который часами пролежал на палящем солнце юга.

- О, Эли, ты действительно ничего не знаешь ... Паоло Конте, спарринг-партнёр. Так сказать, смягчённая версия для мальчишек. Джианна поджала губы и склонила голову на бок, чтобы получше разглядеть пианиста, в то время как Пауль, забавляясь, наблюдал за нами. Он никогда не беспокоился о верности Джианны. С ней ревность была ему чужда. Я восхищалась этим. Мне вовсе не нравилось, когда Джианна и Колин флиртовали друг с другом, хотя Джианна, ещё сегодня утром сказала, что не хотела бы к нему прикасаться.

- Хммм ..., - задумчиво напевала Джиана. - Его здесь не было, когда я приходила сюда в последний раз. Что же, тогда он, наверное, ещё посещал школу. Белокурый итальянец ... норманнская кровь. Ужасно, правда? - Она посмотрела на меня дурачась. - Он действительно существует, мистер совершенство. Точно, наверное, полный зануда. И плох в постели. Потому что думает, что ему не нужно прикладывать никаких усилий.

- Существует даже несколько мистеров совершенство, - сказала я, как будто себе самой и встала, потому что внезапно больше не могла справиться с ситуацией. Плох в постели - что Джианна подразумевает под плох в постели? Касается ли это и Колниа? Означает ли для неё, что мужчина плох в постели, если тот всегда недостаточно сыт, чтобы обнимать свою собственную девушку? Всё что она говорила, казалось было направлено на меня лично. Я должна выйти и успокоиться, только на несколько минут.

- Пойду осмотрюсь, - сказала я небрежно, хотя мои губы дрожали. Я обошла пальмы, чтобы как можно скорее сбежать из этого проклятого бара. Через обычный выход я не хотела проходить, потому что там находилась стойка, возле которой стоял Колин и заказывал напитки, а как мне объяснить ему разумно, что со мной происходит? Поэтому я выбрала немного более необычный путь к отступлению, между двумя большими цветочными горшками и через невысокую стену, приведшую меня в узкий переулок, где я сразу же опустилась на порог кажущегося покинутым дома.

Почему этому парню обязательно нужно было играть эту песню? Он не мог выбрать что-то более быстрое, легкомысленное? Почему именно эту? По крайней мере не Love Story, сказала Джианна, но для меня она звучала как Love Story. Это тоска по Грише должна прекратиться, раз и навсегда. Я проклинала мою душу за её глупость, да, в этом пункте она была невыразимо глупой, ещё глупее, чем Тесса, потому что она не понимала, что Гриша - это незнакомец, который даже не побеспокоился бы обо мне, если бы перед его глазами моей жизни угрожала опасность. Он, самое большее, вызвал бы полицию или скорую помощь. Если бы вообще вызвал.

Сухой носик толкнул меня в руку, и я невольно улыбнулась. Кошка. В Италии полно кошек, каждая из них небольшое утешение. Здесь меня утешал целый выводок. Они не могли быть старше пары месяцев. Когда я гладила их, то чувствовала рёбра, такими они были худыми. Они играли дерзко с моими голыми пальцами ног и ремешками сандалий, кусали друг друга за шею в показной битве, а потом снова мурлыча, залезали ко мне на ноги, чтобы я почесала их. Я останусь сидеть здесь и подожду, пока пианино не умолкнет. О, когда я наконец покончу с этим ...

Но потом, я совсем этого не ожидала, кошки вдруг разбежались. Я ведь не вздрагивала и не слышала никакого громкого звука. Что их испугало? Они убежали не далеко, всего лишь спрятались; в этом переулке есть достаточно укрытий. Пустые цветочные горшки, дыры в рушащихся стенах, ниши и углы - настоящий рай для кошек. Я чувствовала, что они ещё тут и обмениваются мнениями с помощью секретного диалога, стоит ли им вернуться ко мне.

- Тссс, - раздалось прямо возле меня, очень человеческое тссс, но для меня, как выстрел пушки. - Не двигайся.

Я чуть не подавилась, хватая ртом воздух, и на одно мгновение моё горло полностью закрылось. Всё же я послушно осталась сидеть. Встать было бы сейчас грехом, потому что таким образом, мне пришлось бы расстаться с глазами, которые смотрели на меня сквозь мягко покачивающиеся на ветру листья пальм, полные радости и лёгкости и всё же наполненные мальчишеским тщеславием, потому что не хотели принимать то, что кошки от них спрятались. Видимо животных ослепила их интенсивность, как и меня. Они были не голубыми, они были бирюзовыми. Не тот ледяной бирюзовый, который показывался в глазах Колина, когда на небе святило солнце, а естественный и всё же уникальный в силе своей лучезарности.

«Закрой рот, Елизавета», строго призвала я себя. «И не смотри так! Возьми себя в руки!»

Ничего не помогало. Как будто связанная, я сидела в переулке и позволила незнакомцу подойти ближе. Он казался мне таким знакомым, как будто мы выросли вместе, и всё же таким примечательным и удивительным, что я не знала, как себя вести.

На животе, не заботясь ни о своей рубашке, ни о штанах (а то и другое выглядели не дёшево), он полз ко мне. Он вытянул руку и оставил её лежать возле моих ног. Только его указательный палец слегка царапал по каменному полу, чтобы выманить кошек из их укрытий. Да, это тот пианист. Я узнала его не только по длинным пальцам, но и по всему тому, что уже чуть раньше расстроило меня.

Полосатый котёнок оказался самым смелым и отважился выйти из своего убежища первым. С дрожащими усами и в настороженной позе, он приближался к вытянутой руке, чтобы осторожно понюхать, а потом скорее напевая, чем мурлыча, потереться о неё. Теперь последовали и другие, постепенно они выбирались из своих нор и в течение короткого времени снова вернули всю лёгкость; мне даже показалось, что они особенно смелые и хотят показать, что умеют. Хотя в этом больше не было нужды, молодой человек остался лежать на земле, опёрся подбородком на руки и поднял на меня взгляд.

- О нет ..., - прошептала я. Джианна ошиблась. Он не мистер совершенство. А его лицо, как я уже предположила, не лицо Гриши. У него, возле левого глаза, был хорошо заметный шрам, старый и заживший, но дерзкий, а ещё один на подбородке, оставшиеся видимо после велосипедной аварии. Несколько веснушек – не красные, а как молочный кофе - танцевали у него на носе, щёки слегка загорелые, и когда он снова улыбнулся, я не могла по-другому, как закрыть рот рукой, потому что его улыбка была такая же озорная и притягательная, как улыбка Греши, да к тому же с ямочками, что делало её красивее и в то же время всё, ещё намного хуже.

- Всё хорошо? - спросил он продолжая улыбаться.

- Да, хорошо, - ответила я медленно, потому что, как бы это не было парадоксально, именно так я себя и чувствовала, теперь, когда мы заговорили, чего Гриша никогда не делал добровольно. - Просто ... ты ... ты мне кое-кого напоминаешь. - Могу ли я обращаться к нему на ты? Мы ведь совсем не знаем друг друга.

- Это плохо или хорошо? - осторожно спросил он.

- Каким-то образом и то и другое. - Я убрала руку со рта, потому что звучало так, будто я шепелявлю.

- Он плохо с тобой обращался?

- Нет. - Я покачала головой, при этом моя шея приглушённо затрещала. - Он вообще никак со мной не обращался.

- Да, иногда это может быть даже хуже. - Молодой человек сел и протянул мне свою руку. - Я Анжело.

Автоматически я взяла её в свою. На ощупь она была приятной, сухой, тёплой и гибкой, пожатие не слишком сильное, но и не слишком слабое, как раз в самый раз.

- Меня зовут ... - Я колебалась. - Анжело? - переспросила я и внезапно рассмеялась, чувство было настолько освобождающем, что я немного расслабилась. - Ой ой ... - Это было чуть ли не скучно и банально. Лицо ангела, которого звали Анжело. Мы находились ещё в реальности или уже в сентиментальном романе?

Он равнодушно пожал плечами.

- Ну, так они меня называют. Конечно, большинство думает, что меня так зовут из-за внешности, но это не первоначальная причина.

- И какая же была первоначальная? - Мои губы всё ещё вздрагивали.

- Полное имя Микеланджело. Якобы я похож на статую Давида. Тебе знакома статуя Давида?

- Да. Проходили по уроку искусства. - Я хорошо её помнила: голый, каменный юноша, чьё левое яичко свисало немного ниже, чем правое, что, гогоча, установили Николь и Дженни (к большому неудовольствию нашего учителя искусства). Меня занимало кое-что другое. Статуя изображала Давида перед его нападением на Голиафа. Как, спрашивала я себя, можно излучать такую спокойную невозмутимость и любовь к себе, как этот юноша, ведь он как раз смотрел в лицо смерти?

Но люди, которые дали прозвище мужчине передо мной, правы: Анжело похож на статую. Он тоже безупречно создан, но совсем не выглядит жестоким, но также не кажется боязливым, а полностью расслабленным и самозабвенным. Он знал, что Голиаф ничего ему не сделает. В своей цветущей юности он намного превосходил его.

- Да, это правда ..., - пробормотала я задумчиво. Даже если в этом случае они должны были назвать его Давидом. Но имя Давид мне не нравилось. Микеланджело звучало намного красивее и мелодичнее.

- Таким образом возникло прозвище Микеланжело, сокращённо Анжело ..., - объяснил весело Анежло. - Ну как это обычно бывает у людей.

Как это обычно бывает у людей. Вдруг мне стало холодно. Так не говорят, если ты один из них. Только, если исключаешь себя из их числа или тебя исключили. Смех в считанную секунду сошёл с моего лица. Бежать или остаться? Но его рука тёплая, он появляется на людях, играет посреди них в баре на пианино, всё это говорит о том, что он не Мар и всё же - эти невероятные, сине-бирюзовые глаза ... человеческой или демонической природы? Я, при всём желание, не видела в них ничего демонического.

Теперь вновь раздалась игра на пианино и доносилась до нас то тише, то громче. Почему игра на пианино? Анжело ведь здесь, сидит прямо передо мной. Так, решила я, теперь нужно наконец-то проснуться. Этот сон очень творческий и необычайно долгий, но мне хотелось очнуться. Игра на пианино и пианист, сидящий передо мной на карточках, вместо того, чтобы сидеть за пианино - это слишком сюрреалистический сон. Но я не просыпалась. Я всё ещё находясь перед этим незнакомцем, который продолжал смотреть на меня с невинным любопытством. Видимо я его заинтересовала.

- Я думала ... - Я облизнула губы. - Я думала, что ты играешь на пианино, а теперь ...

- И? - Улыбка Анжело стала шире. Красивые, белые зубы, клыки немного выпирают, что выглядит мило, а не злобно. Как маленький вампир. Но чем больше работал мой мозг,

сортировал и оценивал, тем невероятнее становилась ситуация. Она подрывала мои мыслительные способности.

- Почему я тебя понимаю? - прошептала я. Это мы уже проходили. В Верукkьо.

- А почему бы тебе меня не понимать?

- Я - я думала, ты говоришь по-итальянски ...

- Я и говорю.

Я хотела встать и убежать, подальше отсюда, чтобы проснуться, иногда это помогает, но Анжело разразился громким, сердечным смехом упал назад на голый асфальт, хотя Веспе, которая появилась из неоткуда, пришлось тарахтя, объехать его. Он остановил меня ногой. Мой взгляд упал на его сандалии. Первые, модные, красивые, мужские сандалии, которые я когда-либо видела, благородные и небрежные, возможно даже сексуальные. Ещё одни положительный пункт для Италии.

- Эй, останься здесь ... Я говорю по-немецки, а музыка раздаётся из динамиков, моя официальная работа начинается только через пол часа. Сядь пожалуйста. Всё в порядке. Ты бы видела своё лицо ... - Он всё ещё смеялся, мальчик радующийся своей удавшейся шутке. Я не могла на него злиться. Его вспышка веселья была обезоруживающей.

- Хорошо, значит ты не ... - В последний момент я остановилась. Закрой рот, Эли, подумала я нервно. Что я собиралась сказать? Значит ты не Мар? Как нормальный человек воспримет это? Нормальные люди не имеют ничего общего с Марами, ничего о них не знают. Я слишком долго не общалась с нормальными людьми. Когда-нибудь я сболтну чего-нибудь лишнего и ужасно облажаюсь.

Сияющая улыбка Анжело исчезла, когда он наблюдал за тем, как я снова сажусь, таким образом выигрывая время, но в его глазах осталась озорная искра. Всё же в них так же можно было прочесть и серьёзность, которая мне не понравилась.

- Да, я один из них, - открыто признался он. - Я Мар.

Его откровенное признание, которое даже не пришлось выведывать, парализовало меня. Я не могла, нет, не хотела в это верить и почувствовала поднимающееся во мне желчное разочарование, потому что слишком хорошо знала, что это правда. Его взгляд не допускал никаких других интерпретаций или альтернатив. Он не врал и не важничал. Он говорил правду.

- Только не это ..., - вздохнула я глубоко опечаленная и опустила голову на колени, хотя мне казалось кощунством то, что я отвела от него взгляд. Он Мар. Не человек. Опять Мар ... Теперь всегда, каждый обворожительный (или как посмотреть: ужасный) мужчина, будет оказываться демоном? Разве я много требую? Я всего лишь хочу, чтобы существовал экземпляр похожий на Гришу, был по природе человеком, и обратил на меня внимание?

Слишком поздно мой мозг просигнализировал тревогу и предупредил обо опасности, в которой я находилась прямо сейчас. Мы обезвредили Францёза, убили Тессу и я встречалась с камбионом, который помогал нам - и сидела тут, с незнакомым Маром в узком переулке и болтала! В здравом ли я ещё уме?

Снова я предприняла попытку встать и убежать, но полосатый котёнок вцепился когтями в мою голую ногу, что намного больнее, чем можно предположить, глядя на его нежные лапки. Не прикасаясь ко мне, Анжело нежно ухватившись за маленького тигрёнка, уверенно оторвал его и посадил себе на колени.

- Тебе не нужно меня бояться. Звучит глупо, но это так. Ты видимо не особо высокого мнения о нас, да?

- Ну, я ... нет правда, - ответила я заикаясь. Чтобы ответить на этот вопрос правдиво, мне пришлось бы написать несколько продолжительных сочинений. И как мне иметь о Марах высокое мнение после всего того, что я пережила. В то же время я любила одного из них. Это

невозможно объяснить одним или двумя предложениями. Но если бы мне пришлось отвечать просто, то мой ответ действительно вышел бы не особо позитивным.

Но ещё более важно: ясно ли ему, с кем он имеет дело? Или существование Маров в этой стране считается известным и допускающимся злом? Нет, последнее можно тоже отнести к очень нереальному сну. Я без всяких сомнений бодрствовала. А это в свою очередь означало, что ...

- Я знаю, кто ты, - угадал Анжело мои мысли. - Ты ...

- И я тоже знаю, - прозвучал очень знакомый, тёмно-бархатистый голос из-за пальм. Как мрачное видение ада, Колин вышел к нам из зелени, показывая мне вытянутой рукой, чтобы я позволила ему поднять себя на ноги. Не было похоже на то, чтобы он ревновал или рассердился, но также на то, чтобы я могла обсудить с ним его решение. К тому же, это не подходящий момент для споров.

Я понятия не имела, что произойдёт дальше. Я в первый раз присутствовала на встречи двух Маров без всякой военной подоплеки, но не могла себе представить, что они пригласят друг друга на пиво и выпьют его на брудершафт. Анжело и я стояли рядом друг с другом, после того, как я встала, не принимая помощь Колина и смотрели на этого, одетого во всё чёрное, богатыря перед нами; я с кулаками в карманах брюк, Анжело расслабленный и дружелюбный.

- Привет, Колин, - сказал он вежливо и хотел протянуть ему руку, но Колин её не принял. Вместо этого он легонько тронул меня за локоть, мимоходный жест, который, однако, должен был показать, что я его ревир.

- Спокойной ночи, Анжело. - Тон Колина всё ещё не был агрессивным, но окончательным. Спокойной ночи Анжело, прощай навсегда, ты никогда больше не увидишь мою девушку. – Давай, Эли, мы уходим.

- Мы уходим? Но ведь вечер только начался!

- Мы уходим, - повторил Колин с отчётливо приглушённой громкостью и это было именно то, что придало его словам гипнотическую настойчивость. - Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

У меня больше не появилось возможности повернуться к Анжело, потому что ледяной ветер погнал меня вперёд. Такие трюки Колин уже давно не применял; когда мы только познакомились они были обычным явлением. Нападение пауков, потеря сознания, амнезия.

- Чао! - крикнула я Анжело заплетающимся языком.

- Чао, вы оба. Кстати завтра я снова буду здесь, если ...

Его последние слова утонули в шуме, звучащем в моей голове, безболезненном шуме, и всё же я упрямо сопротивлялась. Завтра снова здесь. Анжело будет завтра снова здесь ... завтра снова здесь ...

Я пришла в себя только тогда, когда Колин открывал дверь своей машины.

- Где остальные? - укоризненно пролепетала я.

- Они возьмут такси. Залезай!

- Послушай, ты не можешь вести себя, как властный муж. Возможно так было принято в твоём столетие, но я это не признаю! Я сама решаю, когда пойду домой, а когда нет, ясно? - пролаяла я, и не смотря на мою воинственность голос прозвучал вяло и сонно.

Колин сделал вид, будто не услышал. Выжидательно и со сверкающими глазами, он оставался стоять рядом с открытой дверью машины. Тяжело дыша, я взбиралась на пассажирское сиденье, которое казалось мне горой Вацманн, крутым и неприступным, но при третьей попытке мне наконец-то это удалось. Для того, чтобы вступить в спор, я была слишком уставшей, хотя на апатичном языке крутилось несколько грубых ругательств. Я знала, что проиграю. Руки и ноги уже не реагировали на мои желания.

Как только Колин поехал, моя щека скользнула к прохладному ремню безопасности, и я впала в глубокий, пустой сон.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Ради дружбы

- Это похищение!

После того, как проснулась, я подождала несколько минут и тщательно смочила слюной язык, чтобы мой голос прозвучал абсолютно возмущённо. Результат был удовлетворительным, но для Колина мои чувства и мысли не заслуживали упоминания. Он сидел за рулём, знакомая поза, так он сидел уже и раньше, молчаливый, взгляд направлен на дорогу, одна рука на руле, другая на колене, на своём колене, не на моём.

- Куда ты меня везёшь? Что это значит? Я хочу выйти. Могу я выйти?

Я не знала, где мы находимся, но это должно быть была такая местность, где великодушно отказались от уличного освящения, защитного ограждения и дорожных знаков. У меня было такое впечатление, что мы покинули побережье и двигались вверх; больше я ничего не могла распознать из-за ночной темноты. Гораздо более сомнительными, чем чувство ехать в никуда, были, однако, крутые повороты, жертвой которых я стала; повороты, настолько узкие, что Колину приходилось иногда сигналить, чтобы предупредить едущие навстречу машины, но мы были в значительной степени одни на этой узкой, плохо асфальтированной дороге. Я ещё никогда никому не блевала в машине, но в этот раз я испугалась, что такое может случиться. Если бы я по крайней мере хоть что-то видела, за что смогли бы уцепиться мои глаза! Повороты следовали слишком быстро друг за другом, чтобы можно было выбрать постоянную точку и таким образом разгрузить чувство равновесия.

- Колин, остановись пожалуйста. Меня тошнит, - объявила я о моём бедственном положении взрослым, спокойным тоном, чтобы он осознал серьёзность ситуации. Может быть он услышит меня, если я буду говорить с ним разумно.

После двух следующих поворотов он остановил машину. Щёлкнув, центральная блокировка открыла двери. Он и в правду запер их, пока мы ехали. Чтобы Анжело не смог проникнуть внутрь, если прицепился к машине или чтобы я не смогла сбежать?

- Хорошо, давай пройдём несколько шагов.

Он встретил меня возле моей двери и дал время глубоко вздохнуть, прежде чем я на шатких ногах заковыляла рядом с ним. Только теперь я заметила, что мы припарковались на краю деревни - или это был городок? По крайней мере здесь наверху ещё есть цивилизация. Но деревня казалась забытой и покинутой, хотя я видела парочку убогих кафе и магазинчиков, а в некоторых домах ещё горел свет. Одна больная чесоткой, худая собака пересекла нашу дорогу и исчезла в крутом переулке. Здесь тоже каждому из зданий не помешал бы основательный ремонт. Место выглядело ещё более захудалым, чем Калопеццати.

- Понаблюдай за тем, что случится, - потребовал Колин, когда мы шли в сторону площади. Я была ещё слишком занята моим желудком, чтобы спросить, что собственно всё это значит. Поэтому молча подчинилась, так как была благодарна любому развлечению.

Не нужно иметь слишком развитый талант наблюдательности, чтобы понять, что имел в виду Колин. Те немногие люди, которые сидели на шатких стульях снаружи, перед своими домами, и наслаждались ночным воздухом, уходили в дом, после того, как мы проходили мимо. Свет тух, магазины закрывались, посетители уходили, официанты сдвигали столы в сторону - не все сразу, нет, а постепенно. Но я уже слишком долго была зрителем в мире Маров, чтобы рассматривать это как случайность.

Четверть часа спустя мы двигались по безлюдной, тихой, словно вымершей деревни. Чтобы там не загнало жителей в дома, за оберегающие их стены - это было сильнее, чем желание насладиться ночью и встретиться друг с другом. Но завтра утром они скорее всего уже забудут об этом.

«Это я», раздался голос Колина в моей голове. Я хотела возразить, но что это даст? Да, скорее всего это случилось из-за него. Он появлялся, люди исчезали. Или чувствовали себя

неуютно. Или начинали ссориться. Дети плакали, а собаки лаяли. В конце концов я переживала такое не в первый раз. Это никогда не было настолько экстремально, как только что, но он мог бы и не показывать мне это театральное представление.

Тем не менее я испуганно молчала, когда мы прошли назад к машине и Колин завёл мотор. Мы преодолели следующие четыре или пять опасных поворотов, потом свернули в густой лес. Колин съехал с дороги и направил машину на ухабистую тропу, пока и та не закончилась и невозможно было ехать дальше. Снова мы вышли из машины, но теперь Колин протянул мне свою руку, и я взяла её, потому что была рада иметь что-то, за что я смогу держаться, в то время как мы тащились по темноте. Этот лес пах по-другому, чем наш - высохшей травой и огнём. Наверное, где-то поблизости пожар. Пламени я не видела, но всё пронизывающая вонь пепла и обгоревшего дерева была более доминирующей, чем любой другой аромат.

Через пол часа ходьбы Колин внезапно остановился, наклонился и потянул меня, заставив пролезть под двумя елями к скале, за чьей крутой стеной находилась пещера, вход высотой как раз для ребёнка. В недоумение я увидела, что внутри пещеры находится одеяло, тюк сена и свёрток одежды.

Колин сел под низким скалистым потолком и стал ждать, пока и я не заняла место напротив него. Здесь внутри было прохладно, не влажный холод, но всё равно холодно, чтобы чувствовать себя комфортно в коротких джинсах и тонкой кофточке. От неловкости я провела рукой по моим голым ногам.

- Здесь я живу, когда не рядом с вами. А значит большую часть времени, - объяснил Колин, его лицо опять совершенная загадка. Я ещё никогда не встречала человека, который мог так последовательно прятать свои эмоции. Во мне самой чередовались гнев и равнодушнее, но прежде всего я хотела знать, почему он притащил меня в это унылое место. Я решила вызывающе посмотреть на него, вместо того, чтобы заговорить; может быть таким образом достигну большего результата.

- Он Мар, Эли.

- Я это знаю! - вскрикнула я от облегчения из-за того, что мы заговорили об Анжело. - Он сказал мне, и я в любом случае догадалась уже сама. Он даже не пытался скрыть это. Кроме того, он сказал, что мне не нужно его бояться.

- Как мило, - издевался Колин. - Я ожидал от тебя больше интеллекта, Елизавета. Он Мар, с удовольствием скажу это ещё раз. В отношение Маров, самое лучшее, вообще принципиально ничему не верить из того, что они говорят. Вводить людей в заблуждение, лежит у них в природе.

- Да, возможно это правда, если они отрицают свою истинную природу, но он не отрицал!

Колин застонал.

- Что мне сделать, чтобы до тебя дошло? Ты не можешь доверять Мару, совершено всё равно, что он говорит, делает или кем притворяется! Мары всегда опасны, всегда!

- Ах да? Ты хоть понимаешь, что говоришь? - набросилась я на него. - Я уже знаю эту шарманку, мой отец хотел вдолбить это в меня. Не доверяй ни одному Мару. Если бы я поверила, мы никогда не стали бы парой. Ты рубишь сук, на котором сидишь. Или ты обманывал меня всё это время, хм?

- Нет, но ты всё равно в опасности рядом со мной, напомню, если ты этого не заметила в прошедшие месяцы. - Колни, в то время, как отвечал, направил свои глаза на улицу в тёмный лес - он снова голоден?

- Я вовсе не хочу утверждать, что Анжело не опасен, - немного смягчилась я. - Но он Мар, он признаёт себя им и возможно может дать нам важную информацию о том, куда исчез мой

отец. Он произвёл впечатление разговорчивого чувака. Во всяком случае я хочу снова с ним встретиться и ...

- Нет. Нет, ты этого не сделаешь.

- Это решаю всё ещё я сама, - зашипела я.

- Эли, как далеко ты ещё собираешься зайти? Как? Что должно случиться, чтобы ты поняла, с кем связалась? Ты хочешь, чтобы кто-то из вас умер, прежде чем ты поймёшь?

- Нет, но ... - Я увидела, как мои аргументы разлетелись в разные стороны. Пора сменить тему разговора. - Зачем ты привёз меня в это захолустье?

- Потому что здесь я могу пойти на охоту, если голод вернётся, и таким образом у нас есть возможность поговорить друг с другом дольше, чем обычно. Кроме того, я хотел показать тебе, как я живу.

- Я знаю, как ты живёшь, Колин, - сказала я недружелюбно.

- Нет, я думаю, ты этого не знаешь. Ты не хочешь знать. Эли, моё сердечко ... - Он протянул руки и взял мои в свои, наше первое ласковое прикосновение за эту ночь. - Ты можешь лишь на одно мгновение представить, что мы друзья и ты послушаешь меня как друга, попытаешься понять, как друга?

Над нами закричала птица, алчно и с желанием поохотится. Она была рада убить. Снова я почуяла запах гари. Я молчала, в то время как мои мысли образовали тугой узел. Я не ожидала такую просьбу от Колина. Послушать его как друга? Только как друга? На что он намекал - и как я смогу забыть о моей любви к нему?

- Я ... я не знаю, - призналась я. - Не думаю, что смогу. Я буду испытывать постоянное желание прикоснуться к тебе, быть рядом, а если действительно буду всего лишь другом, тогда каждую секунду буду задаваться вопросом, почему не влюбилась в тебя.

- Ах, Лесси ... - Голос Колина был словно ласка. Он наклонился вперёд осторожно обнял меня за шею и притянул немного к себе, так что смог прислонить свою щёку к моей. Я не знала, как долго мы так сидели, прижав лица друг к другу, холодное и тёплое. Я видела, как он иногда стоял так с Луисом - выражение большого уважения и любви. Я старалась подавить слёзы. Когда мне это в некоторой степени удалось, он вновь меня отпустил.

- Ты можешь всё же попробовать? - спросил он умоляюще. Я кивнула, хотя знала, что мне не удастся. Даже когда он, после сражения с Францёзом, был уродливым, изуродованным свёртком, я всё ещё любила его. Когда он заговорил, то смотрел на свои руки, слова, которые я никогда не хотела слышать и от которых я уже в течение нескольких недель бежала прочь.

- Мне так хочется, чтобы ты поняла, на что похожа моя жизнь. Я кажусь себе Прометеем, каждый день прилетает орёл и выклёвывает кусок моей печени, в то время, как я связан и не могу сопротивляться, а ночью она снова отрастает, чтобы он мог опять взять её себе ... и это мучение никогда не прекращается ... Оно предназначено для вечности и становится всё хуже. Мой голод становится всё сильнее. Или ты этого не заметила?

Я смотрела на него сквозь пелену слёз, белая, расплывчатая маска с двумя чёрными, зияюще-глубокими дырами, которые затягивали меня в глубину.

- Она ведь теперь мертва ... мы свободны ..., - прошептала я.

- Я никогда не буду свободен. В Вестервальде я, по крайней мере, что-то создал, что, если сильно захотеть, можно было назвать жизнью. У меня был дом, хотя он мне и не нужен, но всё же дом был. Моя собственность, и я всё устроил в нём сам. Дом для моих кошек и Луиса и даже для посетителей, если до этого доходило дело. Я купил мебель и приборы для кухни, а комнаты оборудовал так, как представлял себе для достойного человеческого существования. У меня была работа, которая приносила удовольствие и учёба в университете, с хорошими шансами, что я её закончу. Один из множества ...

Мои глаза наполнились слезами, и они закапали тёплыми каплями на голые колени. Да, я тоже полюбила этот дом и нашла в нём защиту ... Как фотографии из давно прошедшего времени, меня коснулись воспоминания: фотографии на каминной полке, кошки на диване, кильт на стене. Кровать с бархатным, бордовым покрывалом. Что же с нами случилось?

- Я даже вступил в клуб. - Колин беззвучно засмеялся. - Я давал подросткам уроки каратэ. Многим я не нравился, ах, почти что всем, но иногда я мог находиться среди них. Я участвовал с Луисом на турнирах и добился признания за мои успехи. Всё так хорошо получалось, как ещё никогда.

- А потом появилась я.

- Да, потом появилась ты и казалось моя жизнь стала совершенной, - подтвердил Колин без какого-либо упрёка. Я услышала даже благодарность в его голосе. - После всех этих долгих, жалких лет, из которых я почти каждый провёл в бегстве, меня обнаружила девушка и заставила забыть о том, кто я такой. Я испытал счастье на несколько секунд. Секунды, которые были лучше, чем все 158 лет прежде. Прекрасный конец для романа, не так ли? - он грустно мне улыбнулся.

- Нет, начало ..., - прошептала я плача. Колин покачал головой.

- Что начнётся теперь, никто не захочет читать. Никто не захочет купить такую книгу, посмотреть такой фильм. Мне ничего не осталось, лишь один голод, охота и моя лошадь, которая в конце концов умрёт. А я не хочу, чтобы с тобой повторилось то, что произошло со всеми другими. Для этого я слишком сильно тебя люблю, как моего лучшего друга и как женщину. Я уже тебе однажды говорил это, Эли. Я не хочу, чтобы ты меня боялась ...

- Я захочу прочитать такую книгу, больше, чем любую сентиментальщину этого мира и я не буду тебя бояться!

- Ты уже боялась, неоднократно.

- Но это не значит, что я не люблю тебя!

Снова Колин улыбнулся, так печально. Такой уверенный, что всё, что он говорит, это правда.

- Другим женщинам я тоже нравился, Лесси. Ты не первая. Но в какой-то момент страх преодолевает привязанность. Поверь мне, я это пережил. Это естественный путь. Только ты можешь помочь мне, помочь нам, не пойти по нему. Может быть это самонадеянно и эгоистично, но я хочу быть кем-то, кого ты будешь вспоминать с любовью, а не с ненавистью и страхом. Ненависть и страх сопровождают меня с тех пор, как я родился.

Я прижала руку ко рту, чтобы не закричать. Я ещё никогда не отдавала себе отчёта в том, что наша любовь разрушила жизнь Колина - даже если это была лишь мимикрия, всего лишь имитация. Ни в какое другое время он не сближался с людьми так сильно и не жил такой похожей на них жизнью.

- Почему ты больше не ешь мои слёзы? - Я должна была задать этот вопрос, потому что в первый раз это случилось в его доме, а в последнее время вообще больше не происходило.

- Потому что это я вызываю их. Ты плачешь из-за меня.

Я открыла рот и позволила одной из них упасть на кончик моего языка. Она была солёной на вкус, как все слёзы, и тяжелее воды. Теперь и Колин отказывался от них. Никто больше ничего не имел с того, что я плакала.

- Я хочу только попросить тебя, подумать об этом, искренне и всем сердцем, так, как ты мне пообещала. Ничего больше.

Ничего больше? Уже даже требовать от меня такое - это слишком. Я мимолётно думала над этим, после того, как мне стало ясно, что я не заразилась чумой. Сначала даже с робкой надеждой, потому что в случае с Тессой от неё, по крайней мере, кое-что осталось. Жалкий, больной, старый человек. Но Колин никогда не был человеком. Он камбион, с самого начала

демон и создан для того, чтобы похищать. Когда я поняла это, то сразу же прогнала все размышления прочь. Но теперь они настигли меня. Что случиться в таком случае с ним? От него ничего не останется? И сейчас тоже невозможно думать об этом. Я не смогу оправиться в течение всей жизни, если даже не останется тела, которое можно похоронить.

- То, что от Тессы, после всего, остался человек не значит, что у тебя тоже останется, - всё же возразила я. - Потому что ты ... ты никогда им не был, не так ли? Это слишком большой риск!

- Нет, не большой. Потому что я никогда не захочу иметь такой конец, как она. Жалко сдохнуть, не понимая, что происходит. Со мной такого не случится. Я видел её, когда она болела ... Она была лишь человеком. А я не был им ни один момент моей жизни. Было бы хорошо, если ничего не останется.

Он оценивал это точно так же, как и я ... Ничего не останется? Совсем ничего? Разве он был даже перед визитом Тессы настолько демоническим? Она атаковала его в утробе матери и в первые двадцать лет своей жизни он не знал, какое у него предназначение. Но все вокруг отвергали его и боялись, потому что чувствовали в нём демоническое начало. Я вспомнила мои видения, в которых видела его младенцем. Эти сверкающие жемчужные глаза ... У человеческих младенцев нет таких смышлёных, знающих глаз. А теперь эта мысль даже предавала ему смелости. Он совсем не хочет, чтобы от него что-то осталось. Почему нет? Почему он не хочет остаться?

- Сделай это, пока ещё любишь меня, Лесси, потому что потом будет бесполезно, - ворвался голос Колина в мои панические размышления, давая им новую пищу. - Ты же ещё помнишь формулу, не так ли?

Нужно выиграть время, чтобы придумать другое решение, и я должна сделать это честно и уважительно, другого он не потерпит. Я совершила страшную ошибку, дав ему так легкомысленно это обещание. Он поймал меня на слове. Мне нужно было лучше торговаться.

- Колин, пожалуйста послушай меня, как я выслушала тебя. Как друг, - начала я, и у меня сразу же закончился воздух, так что пришлось глубоко вдохнуть, чтобы слова не прозвучали слабо, сказанные тоненьким голоском. Но я не могла подавить рыдания. - Я сегодня утром попросила моего брата дать мне немного времени, прежде чем отправиться на поиски моего отца. Потому что я больше не могу. Я истощена. У меня были опухшие лимфатические узлы и температура почти одну неделю, я думала, что умру. Это отняло у меня всю мою силу, потому что я никому не рассказала, я не могла ... а другие избегали меня, как будто я уже болела чумой. Мне требуется немного время, в которое не нужно думать, решать, планировать и снова рисковать моей жизнью и жизнью моих друзей. Время, когда не нужно делать никаких экспериментов с моим телом или замышлять убийство. Это касается и тебя тоже.

Морщинки в уголках губ Колина стали глубже, намёк на улыбку, но его глаза отражали мой страх и предчувствие глубокого, всё поглощающего траура.

- И после этого ты болтаешь с совершенно незнакомым Маром?

- Это было чистой случайностью! Я уединилась на той улице, потому что ... потому что Джианна действовала мне на нервы, - соврала я, полагаясь на то, что Колин не угадает настоящую причину. Я всегда чувствовала себя немного неловко по отношению к нему из-за моей истории с Гришей. - А потом внезапно появился он, но мы говорили друг с другом только несколько секунд - и кстати я очень испугалась! - а потом появился ты. Даже если бы он сказал мне сразу, где папа, я сейчас не отправилась бы в путь или начала поиски. Но разве не было бы опрометчиво, совсем не спросить его об этом?

- Я считаю, будет безрассудно спросить, - ответил Колин, подняв брови. - Возможно это лишь наведёт его на мысль, реализация которой была бы противоположностью того, чего желаешь достичь ты. Я не хочу, чтобы ты встречалась с ним ещё раз.

- Я не позволю тебе запрещать, - пояснила я грубо. - Колин, здесь по близости живёт Мар, который открыто показал мне себя, на что ещё мне наедятся? Я ведь даже не знаю, где начать поиски ... Ты не можешь ожидать от меня, что я проигнорирую его, так не пойдёт! Может быть он один из хороших парней!

- Хороших нет, - ответил Колин резко. - Есть революционеры, это всё.

- Тогда ты спроси его. Тебе ведь на всё наплевать, не так ли? Главное, что ты сможешь умереть смертью мученика. - Это было не справедливо, отпустить такое злобное замечание, но Колин требовал от меня невыполнимое для человека.

- Он ничего мне не скажет. Даже если у него есть информация. Так как мы знаем, какие мы, никто из нас не доверяет другому. А что касается интереса: как ты думаешь, что я делаю, с тех пор, как узнал об исчезновение твоего отца? Конечно же я стараюсь что-то выяснить, но это как ходьба по канату и рискованно для всех нас.

- Я не понимаю. - Мой план, больше не думать напряжённо, снова подвергся испытанию. Я едва могла следовать за мыслями Колина. - У вас ведь есть способность заглянуть в головы других людей?

- Да, в головы людей. А не в головы Маров. Мары закрываются. Их нельзя прочитать. О мыслях и планах Тессы я узнал только потому, что она пыталась меня превратить и наши разумы объединились, а с Францёзом это случилось во время битвы, в то время, когда я отравил его. Я не могу сказать, что задумает Анжело, с другими Марами тоже самое. Однако мой разум предупреждает, что я должен остерегаться. Возможно меня бояться некоторые, вероятно более молодые, но скорее я могу представить себе, что они хотят меня наказать. На нашей совести уже двое из них, Эли ... Одна из них была своего рода легендой. Во всяком случае я так предполагаю.

- Как тебе вообще удалось сделать так, чтобы Тесса, после освобождения из концлагеря, не превратила тебя полностью?

Лицо Колино окаменело.

- Лучше не спрашивай ..., - посоветовал он мне недружелюбно.

- Но я хочу знать.

- Для протокола пойми следующее: я полный Мар, более полный, чем когда-либо хотел быть. Предрасположение у меня уже было всегда. Тессе лишь не удалось изгнать из меня добрые намерения. Для спасения из лагеря: немедленная совместная охота на большую семью, которую предложил ей я, что ещё больше разгорячило её. Потом я сломал ей кости, в то время как она кормилась, оторвал её от полумёртвых детей, погрузил малышей в транс, чтобы они забыли и смогли выздороветь, хорошо выспавшись, во второй раз атаковал их мать, чтобы была возможность защититься от Тессы и сбежать ... хочешь ещё больше деталей?

- Нет, спасибо, - отклонила я. Я должно быть побледнела; было такое ощущение, будто моё лицо заледенело. Мне нравилось забывать, что Колин тоже когда-то питался человеческими снами и мечтами. Но теперь меня больше уже не удивляло, почему Тесса так ожесточённо преследовала его. Он неоднократно обхитрил её.

- Разве Мары не должны были уже давно убить меня? - вернулась я к первоначальной теме разговора, потому что не хотела ни секундой дольше занимать голову этой экскурсией в прошлое Колина. - В конце концов я была там, даже продвигала это дело.

Изогнутый рот Колина затвердел. У меня тоже было такое ощущение, будто я окаменела, когда поразмыслила над моими словами. Они принадлежали к тем вещам, о которых я, в прошедшие недели, решительно старалась не думать. Они отомстят? Для Мара было бы пустяком убить меня.

- Да, на самом деле они должны были убить. Даже уже после Францёза. Ты не поверишь, что я чувствовал, после того, как мне пришлось сбежать. Я никогда не смог бы себя простить,

если бы меня не было рядом, чтобы предотвратить твоё убийство. Но они этого не делают, какая бы там не была причина. Я не понимаю. Кажется, у тебя есть своего рода неприкосновенность, которую я не могу объяснить себе.

- Анжело тоже давно мог бы убить меня. Ты ведь говорил, что достаточно нескольких секунд, - высказала я мысль для размышления. - И по отношению к тебе он не вёл себя так, будто наброситься в следующую секунду. - Встреча Колина и моего отца вышла гораздо более агрессивной и угрожающей, в воздухе даже начало потрескивать. - Вы знаете друг друга, не так ли? - Это было утверждение, а не вопрос.

- Я встречался с ним однажды в Германии, да. Он, время от времени, как и все Мары, меняет свою точку проживания. Его аура такая слабая и диффузная, что могла бы принадлежать и человеку, поэтому я не узнал его сразу.

Слабая аура. Это прозвучало безобиднее, чем Анжело и без того показался мне, но Колин был прав, когда утверждал, что Мары могут хорошо вводить в заблуждение. Францёз исполнил почти идеальный спектакль, разыгрывая гея, владельца галереи, но не настолько идеальный, чтобы с моей стороны не появилось никакого замешательства. Я всегда чувствовала, что с ним что-то не так. Однако в присутствие Анжело я чувствовала себя даже расслабленной.

- Правильно ли я тебя поняла: ты не говоришь с другими Марами о моём отце, потому что боишься, что тебя убьют? Это не совсем подходит к тому, чего ты хочешь потребовать от меня.

- О, значит теперь ты хочешь клеймить меня трусом? - Колин издал гортанное рычание, скорее веселье, чем гнев. - Если тебе так нравится, говори, но я даже не успеваю спросить их. Они отступают. Мне кажется, что я их учуял, но, когда приближаюсь к ним, они уже исчезли. Я не знаю, убегают ли они, или что-то замышляют. В любом случае, их было не так много. Кроме того, я никогда бы не сделал так, чтобы один из них закончил моё существование, а у тебя не было никакого шанса узнать об этом. Я хочу, чтобы ты присутствовала и выполнила это сама, чтобы у тебя была возможность попрощаться. Чтобы у нас была возможность попрощаться. Я не хочу, чтобы меня прикончили. Это должно стать актом любви, а не ненависти.

Чёрт. Именно эту тему я больше не хотела затрагивать, а то что сказал Колин, было больше, чем просто выстрелом, задевшим кожу. Это был выстрел в самое сердце. Я ненавидела прощания, тем более прощания на всегда.

- Я не трус, Эли. Чтобы выполнить обещание, которое я дал тебе, я подверг себя самой большой опасности. Я умыкнул формулу у самого старшего из нас, в то время, как он похищал сны. И это не в первый раз, когда я был у него. Давным-давно я уже раз пытался. Тогда он заметил меня, схватил, прежде чем я смог закончить и швырнул в стену. - Колин поднял руку и провёл большим пальцем по моему затылку, как раз там, где находился тонкий, изогнутый шрам. - Посмотри здесь.

Он наклонился вперёд, так что слабый свет луны упал на его блестящие волосы. Когда я их раздвигала, казалось они слегка ударяют меня током и обнаружила плохо заметный, тонкий, поверхностный шрам, с точно таким же изгибом, как у меня.

- Вот почему ты был ко мне так ... так мерзок, когда передавал формулу?

- Да, именно поэтому. Я предполагал, что старая травма может перейти на тебя, потому что моя тоже снова раскрылась, когда я приблизился к нему вновь.

- Я думала, что на тебе не остаётся шрамов, - возразила я. Если Колин был ранен, то кровь в течение нескольких секунд всегда исчезала, а на том месте ничего не оставалось.

- Он такой могущественный, Эли ... Он может наносить мне шрамы. Я не знал, как это отразиться на тебе, если ты будешь испытывать слишком много, в то время как я внушаю тебе формулу, поэтому хотел сократить твои чувства до самых плохих. Так как даже в твоём сне о Тессе, что-то перешло на тебя ...

О да. Так и было. Хотя и не нападение Мара, а только лишь удар копытом в живот, но это случилось, потому что Колин и я были связаны друг с другом мысленно. Всегда, когда так случалось, это ослабляло меня или ранило. Отпечаток копыта между тем полностью побледнел, но шрам на голове остался. Не только у него, но и у меня.

- К счастью, это только слегка тебя коснулось, я сделал всё быстро и достаточно подло. В то время эта атака, чуть меня не убила. Он мог бы убить меня, если бы я сразу не сбежал. Всё, что я выяснил во время этой первой попытки — это то, что формула связана с любовью. Что любовь является условием, и тогда я понял, что она не сработает на мне и Тессе.

Правильно - поэтому Колин, когда мы прощались, сказал, что второй метод для Тессы неприемлем. И умолчал о том, что чтобы выяснить больше об этом методе, он будет рисковать жизнью.

- Ты действительно пошёл к нему во второй раз? Хотя он чуть тебя не убил? - спросила я, разрываясь между благоговением и желанием задать ему взбучку. Колин действительно не трус, но и особенно умным его назвать нельзя.

- Разве у меня был выбор? - Он слабо улыбнулся. - Я дал тебе обещание. И я сам хотел наконец выяснить, о чём идёт речь. Надежда умирает последней, не так ли?

- Но ты мог погибнуть?

- Да, мог. Только благодаря моей концентрации и быстроте, я вышел сухим из воды, после атаки на его мысли - и тому факту, что он как раз насыщался. Когда мы сыты, наши реакции замедляются. Плюс огромный самоконтроль, который мне пришлось проявить, чтобы не попробовать самому этот сон ... Невольно Колин облизал губы.
- Он был таким вкусным ... - Его глаза вспыхнули. Голод проснулся уже только из-за воспоминания. Вскоре ему придётся пойти на охоту, скорее всего уже через несколько минут.

- Этот Мар ... он был один из старших или самый старый? - направила я его внимание снова на себя.

- Самый старый. По крайней мере я так полагаю. От него я узнал всё, что знаю о Марах. Он с готовностью рассказал мне, в самом начале, после моего превращения, но я не знаю, на чьей он стороне. Как я уже упомянул: мы не можем заглядывать друг другу в головы.

- Он будет тебя преследовать? – спросила я испугавшись. Было похоже на чудо, что Колин пережил это смелое предприятие. Когда Мары, во время наслаждения трапезой, встают друг у друга на пути, не объединившись сначала для совершения общего набега – а это делают лишь не многие – чаще всего всё заканчивалось жестоким убийством. Не имеет значения, как они относились друг к другу до этого. Жертва может тоже погибнуть.

- Надеюсь, нет. До сих пор он этого не сделал. Может он ждёт, что я снова вернусь сам, потому что захочу узнать ещё больше, но я не такой дурак. Или ты предпочитаешь, чтобы меня убил Мар? – Он всерьёз задавал этот вопрос.

- Нет! Нет, я хочу, чтобы ты в любом случае жил!

- А я хочу жить достаточно долго, чтобы можно было защитить тебя в нынешней ситуации. Было бы глупо теперь провоцировать Маров. Лучше оставить это дело, если мы хотим найти твоего отца. – Колин замолчал, закрывая глаза и впадая в медитативное оцепенение. Он пытался обуздать свой голод. Я уже чувствовала соблазнительный аромат, исходящий от его кожи, как только его недра начинали требовать пищу, а рокот хлестал по венам. Я напряжённо ждала, пока он снова поднимет свои длинные ресницы. Ироническая улыбка лежала в его взгляде. - У нас с тобой не совсем карнавальная вечерка, да?

- Мне ещё никогда не нравился карнавал. Колин, я хочу немного понаблюдать за Анжело и возможно поговорить с ним, спрашивать насчёт отца я вовсе не собираюсь. Не так быстро. По крайней мере, он не сбежал, он даже поприветствовал тебя! Если хочешь, можешь пойти вместе со мной, в любое время защитить и увести, если станет опасно, пусть будет по-твоему.

Хотя мне это не нравиться, но ... – Я пожала плечами. – Я никогда не прощу себя, если не рассмотрю его как возможный источник информации. Ведь речь идёт о моём отце!

Колин становился заметно неспокойным. Снова и снова его взгляды уклонялись на улицу, где в зарослях хрустело и шелестело. Может быть он больше не в состояние говорить со мной, поэтому я снова приняла его молчание за согласие. Он будет сопровождать меня завтра вечером в Пьетрапаола. После того, как оставит одну, в эту непроглядную ночь, в крошечной, каменной пещере, окружённой очагами пожарищ и дикими животными. Это больше, чем я могу вынести в этот момент.

- Колин ... сделай так, чтобы я почувствовала усталость. Усыпи меня, прежде чем уйдёшь, - попросила я его тихо. Прежде я всегда противилась, когда он так делал, мне казалось, что это посягательство, вмешательство в мою жизнь. Теперь же я жаждала этого. - Подари мне сон, пожалуйста.

Это было лишь едва заметное прикосновение его прохладных губ к моему лбу, словно пёрышко, даже не поцелуй, но его хватило, чтобы в течение доли секунды лишить меня сознания и ввести в глубокий сон.

Если бы мой дух ещё бодрствовал, как любил это делать, когда тело отдавалось естественному сну, тогда я поняла бы, какая чудовищная сила таится в этом существе рядом со мной и запретила бы себе когда-либо снова отважиться приблизиться к нему.

Амур и Психея

- Ха! - Джианна энергичными движениями черпала измельчённый лук в сковороду, где жарился фарш, источающий такой аромат, который заставил потечь слюнки во рту. - Я вспомнила! Теперь я вспомнила! - Когда она повернулась ко мне, подняв вверх ложку, которой готовила, её ястребиный взгляд вспыхнул триумфом. - Месут Озиль!

- Месут Озиль? - повторила я вопросительно и при мысли о футболе сразу же начала зевать. Какую теорию Джианна выставит в этот раз?

Такое иногда случалось, Джианна ни с того, ни с сего, выкрикивала имя знаменитости и присоединяла его к чему-то из мира Маров (к полукровке, атаке, перевёртышу) или же следовало краткое изложение её малопонятных снов, которые очевидно подпитывались большим, ярким миром средств массовой информации. Однако я ничего не мгла связать с Месут Озилем.

- Вот! - Джианна поспешила ко мне, вытащила вчерашнюю газету из-под кожуры лука и начала её листать, пока не нашла соответствующую страницу. Костяшками пальцев она постучала по репортажу о футболе с огромной фотографией. Скучно. - Это он. У него тоже такие же странные глаза. Как у Анжело.

- Нууу, - сказала я, не соглашаясь, после того, как она подсунула мне газету под нос. Джианна всё ещё держалась в стороне. Хотя мы и возобновили наш ритуал с фруктовым салатом, но она позволяла мне лишь сидеть рядом и смотреть, а не резать. Мне это подходило, я ещё никогда не было падка на выполнение домашнего хозяйства, но её поведение по-прежнему меня обижало. Между нами образовалась непреодолимая дистанция. Видимо я только вообразила, что мы подруги. А что другого ей оставалось, кроме как более-менее нормально относиться ко мне? Она ведь партнер моего брата. Она должна хорошо ко мне относиться, хочет того или нет.

Всё же мы собрались здесь, чтобы обсудить события прошлой ночи. Колин, незадолго до восхода солнца, вернул меня домой. Когда я проснулась из моего, похожего на кому сна, туповатая и дезориентированная, как после наркоза, мы уже находились на обратном пути. Не смотря на мой ступор, в голове крутилась лишь одна мысль: будет ли скорпион ещё там? Или он уже опять куда-то уполз, как любил делать на рассвете? Меня успокаивало то, что я сосредоточилась лишь на этой мелочи. Но я опоздала. Его уже и след простыл. Всё же я сразу легла в постель, где чувствовала себя хотя и одиноко, но могла до некоторой степени оправиться от мытарств ночи и ждала, пока другие проснуться.

В нашем уговоре с Колином, к счастью, ничего не изменилось; сегодня вечером мы вместе поедем в Пьетрапаолу, чтобы лучше присмотреться к Анжело. Но мой вчерашний взгляд был уже достаточно точным, чтобы знать, что между Анжело и Месут Озилем столько же общего, сколько между сметаной и огурцом.

- Да! - настаивала Джианна, касаясь пальцем его глаз. - Я же не говорю, что он такой же красивый, как Анжело, хотя и красивый - да, да, Эли! Во всяком случае для футболиста! Но его глаза выглядят так, будто нарисованные. Так же, как у Анжело.

- У Озиля выпученные глаза, - ответила я критично. - Настоящие выпученные глаза. А глаза Анжело не выпученные.

- О, Эли, - вздохнула Джианна и сдалась. - Абстракция это не для тебя, верно? Конечно у Анжело не выпученные глаза, но с ним тоже самое что и с Озилем. Мне всё время хочется посмотреть в них, потому что в этих глазах что-то по-другому, они привязывают. И я считаю, что у обоих они выглядят так, будто их кто-то нарисовал ... У людей на самом деле глаза не такие ...

- Анжело и не человек. Он Мар.

- Правильно. - Джианна вздохнула ещё раз. Моё разоблачение за завтраком она приняла спокойно, по крайней мере внешне. Но можно было отчётливо прочитать облегчение в её

глазах, когда я на одном дыхание объявила, что Колин и я поедим в Пиано-бар одни, чтобы поближе рассмотреть Анжело. Это были условия Колина. Он не хотел втягивать в это остальных.

Паулю это совсем не понравилось. Он не хотел, чтобы его снова осудили на бездействие, а ещё меньше он хотел, чтобы я ехала одна с Маром, встречаться с другим Маром. Тильманн тоже громко проворчал, хотя у него было назначено свидание с итальянкой. Они собирались на дискотеку. А также он всё ещё таил на меня злобу. Но оба быстро успокоились, когда я предложила им обговорить это лично с Колином. Им не хотелось дискутировать с ним, точно так же, как и мне.

Моё похищение никого не заинтересовало; Колин видимо рассказал им, что хочет провести одну ночь со мной наедине, что, по моему мнению, было очень приукрашенное описание того, что случилось в лесу, но по сути верное. То, что я увижу вечером Анжело, было для меня соломинкой, в которой я отчаянно нуждалась и за которую ухвачусь. Он делал всё проще, я чувствовала себя даже почти окрылённой, когда думала об этом и не чувствовала страха. Колин ведь будет рядом.

Я снова подняла взгляд на Джианну, задумчиво мешающую фарш, её взгляд где-то далеко.

- Он вовсе не кажется мне Маром. Я имею в виду, да, он красив, исключительно красив, юношеская красота, но ... - Она постучала ложкой по краю сковороды. - Я не хочу обидеть тебя и тем более Колина, но рядом с Колином я чувствую себя более жутко, чем, когда Анжело бренчит на пианино. Может быть это цвета? Голубоглазый блондин? - размышляла она. - Нет, Францёз тоже голубоглазый блондин. Или это музыка? Музыка может на многое повлиять. Я-то это знаю. Во всяком случае будьте осторожны, хорошо?

Я послушно кивнула.

Время до вечера тянулось в два раза дольше, чем обычно. Во время сиесты я не находила покоя и ворочались туда-сюда. Я не знала, что больше вводило меня в радостное возбуждение - мысль о том, что я иду на свидание с Колином, как и должна делать настоящая парочка или представление о том, что снова увижу Анжело и наконец-то выясню что-то о местонахождение отца. Что бы это не было, об этом я не хотела сейчас фантазировать. Но я чувствовала себя ближе к нему, чем на протяжение всех этих месяцев. Да, я чувствовала оптимизм, стакан был, в виде исключения, наполовину полным, а не наполовину пустым, для меня совершенно незнакомая перспектива. Но благодарность за то, что я выжила, всё ещё наполняла меня позитивной энергией, даже если ночной разговор снедал изнутри. Но он дал мне время, так же, как вчера другие. Это даже в его интересах, чтобы я не слишком торопилась.

После сиесты я несколько раз далеко заплывала, как всегда единственный человек, плавающий за пределами береговой зоны, потому что я всегда подкарауливала благоприятную возможность, окунуться без других в глубины. Только так я могла спокойно наблюдать за медузами или полежать на воде, руки и ноги в прохладе, лицо в тепле, яркий свет на моих закрытых веках. Это подпитывало меня.

Когда наконец пришёл тот момент, когда Колин и я, после молчаливой поездки, зашли в пиано-бар - немного позже, чем вчера вечером, но как обычная пара, а именно держась за руки - я почувствовала себя, как будто пришла домой. Колин был сыт, а я голодная, потому что от волнения не могла ничего съесть. Мне нравилось это место, оно понравилось мне даже ещё больше, чем вчера. Почти все столики были заняты, царила всеобщая суматоха, возможно приехала группа туристов, я слышала английское кудахтанье и громкий смех, у кого вообще может быть здесь плохое настроение?

Мой желудок подпрыгнул, когда я обнаружила Анжело. Он сидел спиной к нам за пианино, на коленях стопка листов с нотами, которые он пролистывал. Его левое колено

покачивалось в такт с музыкой, гремящей из динамиков. Снова что-то скучное на итальянском, что я даже смогу выдержать в этой расслабляющей обстановки вокруг.

В этот раз Колин и я не смогли уединится в укромном уголке, потому что свободными были всего лишь несколько столиков. Нам ничего другого не осталось, как осесть посреди бара, у всех на виду, и, к сожалению, без прямого взгляда на Анжело. Поднятая вверх крышка пианино скрывала его.

Я села в своё плетёное кресло, но Колин остался стоять и блуждал по бару глазами, как будто что-то почувствовал или услышал. Не то, чтобы что-то унюхал, а скорее замешательство, очень похожее на человеческое, что в свою очередь сбило с толку меня.

- Что такое? - приглушённо спросила я. - Ещё один Мар?

Он сел рядом и покачал головой.

- Нет. Это скорее ... - Снова он прислушался. Я встревожено огляделась. В паре метрах от нас встали две женщины и смотрели в нашу сторону. Нет, они не только смотрели в нашу сторону - они глазели на нас. Неужели это уже началось? Как бы я не любила одиночество и как бы ненавидела толпы, в этот вечер они должны остаться, пожалуйста. Никаких новых бегств из-за нас. Колин был сыт, даже Джианна, чуть ранее, осмелилась подойти ближе, чем обычно. Нет причин убегать от него. Но обе женщины не удрали, они даже подошли ближе, перешёптываясь и жестикулируя, одна из них успокаивающе, другая заметно взволнованно.

- Oh my god ... (О Боже мой), - пробормотал Колин, его взгляд, не менее ошеломлённый, чем выражение лица одной из женщин; я предположила, что ей около сорока пяти, возможно даже ещё старше, в общем - скорее незаметная. Чёрные, короткие волосы с проседью, фигура немного располневшая, выделяющиеся, тёмные глаза. Что меня в этой ситуации больше всего поразило, так это то, что Колин заговорил на английском. То, что он говорит по-гэльски, да, это я знала, а также его постоянное подтрунивание с Джианной на итальянском. Но я ещё никогда не слышала, чтобы он говорил по-английски. Должно быть это было как-то связано с этой женщиной, которая подошла ещё ближе, без своей подруги, нерешительными, маленьким шагами, её тёмный взгляд направлен на затылок Колина. Ещё раз Колин пробормотал что-то на английском. Это прозвучало почти что отчаянно.

Я больше ничего не понимала. Уверена я была только в одном: эта женщина не Мар. Она была совершенно обычной женщиной, у которой вот-вот наступит климакс. В ней не было ничего мистического. Наверняка она была милым и патентным человеком, но ничего такого, что могло бы заставить молиться на английском. Теперь она остановилась возле нашего столика и осторожно прикоснулась к плечу Колина. В то время, как он поворачивался к ней, его лицо приняло ни к чему не обязывающую вежливость.

- Извините пожалуйста, - заговорила с ним женщина на культурном английском, который я поняла без труда. - Я хотела только ... - Она замолчала. - Oh my god, - прошептала теперь и она тоже.

Из-за нетерпения я начала злиться. Скажет ли мне наконец кто-нибудь, что здесь происходит? Да, Колин выглядит по-другому, чем большинство людей, но разве это причина, чтобы так на него уставиться, да ещё заговорить? У людей что, вообще нет никаких манер? И почему это так сильно затронуло его? Он не должен выходить из себя, ему ведь это знакомо.

Я хотела уже разнести женщину в пух и прах и послать назад на своё место, но, когда посмотрела в её распахнутые глаза, воспоминания вернулись, как боги мести. Эти глаза были мне знакомы ... Они были мне знакомы! И не только глаза, но также её мягкие губы, тогда ещё девические и полные, теперь окружённые маленькими морщинками и немного тоньше, но это были те губы, которые я хотела поцеловать, когда скользнула в воспоминания Колина на дискотеке в стиле восьмидесятых. Это была она. Она была тем молодым панком, в которую влюбился Колин, в Лондоне, в восьмидесятых, когда ещё играл на ударниках и жил в шахтах

метро. Уличный подросток, которому дух времени создал своего рода средство к существованию. Он был на грани того, чтобы стать счастливым, потому что имел друзей, друзей и эту девушку, а Тесса опять всё ему разрушила.

Теперь она встретила его вновь, в другом месте, в другое время, а его лицо совсем не изменилось. Лишь волосы и вещи были подогнаны под современный стиль, во всяком случае частично. Что же она подумала?

- Да, пожалуйста? - ответил Колин с дружелюбной дистанцией, но она была не в состояние сформулировать полное предложение. Она заикалась.

- Вы ... Вы напоминаете мне ... Вы ... это невероятно! - Мне было её жаль, но её не имеющее конца замешательство также выбило меня из колеи. Должно быть это была большая любовь, если она вела себя так. - Извините пожалуйста, но ... но мне просто нужно это спросить. Вы случайно не связаны родственными узами с Иеремией Лафайетом?

Иеремия Лафайет, подумала я кисло. Как креативно! Зависть и ревность разъели моё горло, потому что это имя было зарезервировано для неё, а не для меня.

Колин опустил веки, когда ответил.

- Это мой отец. Вы его знали?

- Да! Да, я его знала, даже очень хорошо ...

«Не так хорошо, как я, барышня!», хотелось мне больше всего крикнуть, но я заставила себя обязывающе улыбнуться.

- Прекрасно, тогда дело прояснилось, - сказала я и повернулась к Колину, чтобы показать женщине, что она может удалиться, но Колин не подыграл. Для него было не так просто подыграть, потому что её чёрные, мягкие глаза всё ещё бродили по его лицу и не могли оторваться. Её губы неконтролируемо дёргались, то улыбаясь, то выражая замешательство и от меня не ускользнула печаль, которая исходила от неё в этот момент. Я сама её чувствовала, как будто она возникла во мне самой. От Колина она тоже не ускользнула.

- Он ещё жив? - спросила женщина. Её пальцы беспрестанно дрожали.

- К сожалению, нет. Мой отец умер несколько лет назад.

- Ладно. Ладно ... - Женщина закрыла лицо руками, тщетная попытка обуздать эмоции. Она надеялась, что он ещё жив! (Что на самом деле так и есть, сейчас и на всю вечность.) На ней одето обручальное кольцо. Вероятно, у неё есть трое милых детишек, а она чуть не свалилась здесь, потому что узнала, что её юношеская любовь умерла. Я посчитала это невыносимым.

- Мне вас жаль, то есть я хотела сказать, мне очень жаль, - заикалась она. - Я ... я тогда снова пойду ... желаю ещё хорошего вечера вам двоим ...

Пятясь, она отошла от нашего стола, глаза всё ещё устремлены на Колина, как будто падёт замертво, если оторвёт их от его фигуры. Её подруга заботливо встретила её, но она отмахнулась от прикосновений и села в стороне на низкий заборчик, голова опущена, а руки всё ещё трясутся.

Колин потёр лоб, и когда он поднял голову, его прямой взгляд ударил меня словно плеть.

- Превосходно наше бессмертие, да? - спросил он цинично. Мне хотелось надавать ему пощёчин.

- Всплыли старые чувства? Мне уйти?

- Не глупи, Эли. Она больше не тот тип женщин, из-за которой я мог бы забыться. Но она был ей когда-то. И она встретилась с кем-то, кто выглядит точно так же, как я в то время ...

- Потому что это ты и есть. И что дальше?

Колин резко встал.

- Мне очень жаль, Эли, я должен поговорить с ней. Я не могу оставить её стоять вот так, она этого не вынесет ...

- Что ты хочешь? - Мне удалось заговорить тихо и улыбнуться, хотя на самом деле я была в ярости, но эта сорока пяти летняя пусть не думает, что мы ругаемся. Хотя она и не знает, что её Иеремия - это мой Колин, но для моих чувств это не играет никакой роли.

- Мне нужно недолго поговорить с Шарлотой, я должен объяснить ей, почему тогда так внезапно исчез, сказать что-нибудь, с чем она сможет жить ...

- Ты хочешь ей соврать, - ухватилась я за суть.

- Да, именно. Я совру ей. Потому что ложь иногда легче вынести, чем правду. Ты должна это знать, Эли. Твоя жизнь долгое время состояла только из самообмана и в некоторых вещах ты вновь находишься на этой же дорожке.

Теперь я не смогла сохранить моё равнодушно-расслабленное выражение. Я чувствовала, как жгучая ревность превратила моё лицо в гримасу, а слёзы, которые катились по покрасневшим щекам Шарлоты, размазывая её макияж, не только глубоко тронули меня, но также разозлили ещё больше, чем я и так уже была.

- Я не думаю, что это подходящий момент для реванша, дорогой Иеремия Лафайет, - довольно сдержанно вышла я из себя, так что Шарлотта не сможет нас услышать, но достаточно громко, чтобы привлечь внимание посетителей за соседнем столиком. С любопытством они поглядывали в нашу сторону. На ссорящуюся пару всегда стоит взглянуть.

- Эли, я когда-то любил её, я в долгу перед ней, так же, как буду в долгу перед тобой, когда мы встретимся вновь через тридцать лет. Я хочу дать ей историю, с которой она сможет жить ... Тогда я просто исчез, не смог даже попрощаться ...

- Тебе не нужно объяснять мне, я знаю, как это, - прервала я его, хотя Колин оба раза почтил меня прощанием. По крайней мере в этом у меня перед ней преимущество. Я знала, в чём здесь дело, и ещё никогда не испытывала большей ненависти, чем сейчас. - Тогда иди, манипулируй и ври, это у вас хорошо получается.

Я оскорбила его. То, что я сказала, было несправедливо, но он сам лично вдалбливал в меня эти слова только вчера вечером. В своих способностях обманывать других, Мары были непревзойдёнными мастерами. Пусть тогда бежит за ней и подогревает старые чувства. Колин никогда не скрывал, что до меня у него в жизни были другие женщины, и у меня не было с этим проблем. Я даже ценила его опытность. Однако увидеть и пережить последствия в живую, было чем-то совершенно другим, чем просто послушать истории или прикоснуться к его воспоминаниям, тем более, что тогда я даже не смогла толком понять, что это было. То, что происходило здесь, потрясло меня до мозга костей. Я тяжело и напряжённо дышала, как после бега на длинные дистанции. Но Колин уже повернулся ко мне спиной и энергично шёл навстречу Шарлотты.

Одно мгновение мне хотелось вытащить мобильный из кармана, чтобы позвонить Тильманну и рассказать обо всём, но ведь он не хочет быть моей тряпкой, о которую я вытираю ноги, да это и неправильно. Беспомощно я осталась сидеть на стуле, будто прилипла к нему. Я не могла поверить в то, что Колни сделал, что оставил меня сидеть в десяти метрах от Мара, чтобы поболтать со старой любовью. Хорошо, я не одна, а окружена множеством других людей. Анжело не атакует и не высосет меня в общественном месте. Кроем того, он уже играет на пианино, снова слишком красиво и меланхолично, где же жизнерадостные номера? Или итальянцам нравится это сентиментальное дерьмо? Да, должно быть так и есть. Парочка детей сияя, подбежала к подиуму и начала танцевать. Собственно, очень мило, мне стоило им даже, наверное, улыбнуться, но я посмотрела на них так злобно, что они опять ушли и продолжили танцевать на почтительном расстояние. То, что я находилась в безопасности совсем меня не умиротворило.

Нет, я не останусь сидеть здесь и ждать, пока господин, со своим лицом Мюнхгаузена, закончит. С моего места мне ничего другого не оставалось, лишь смотреть, как Колин, стоя

перед Шарлоттой, иногда что-то говорит. Теперь, его руки находились в карманах брюк, но совсем недавно он протянул ей носовой платок. Возможно когда-то он и у неё собирал слёзы со щёк ... как тогда у меня ... Это он тот, кто сегодня вечером подвергает меня опасности, а не Анжело. Всё это причиняло мне ужасную боль.

Я встала, развернулась и позволила музыке привести себя к Анжело; пока он играет, он ничего не сможет мне сделать, поэтому я могу понаблюдать за тем, как он играет. Я считала тех женщин, которые вились, словно мотыльки, вокруг музыкантов - глупыми, а поклонниц, которые в первых рядах на концертах виляли бёдрами и бросались трусами - тем более. Прежде всего после того, как мы встретились с женщиной, которая именно так и поступала в своём подростковом возрасте, с моим собственным парнем, но сегодня я решила закрыть на это глаза. Лучше стоять с Анжело возле пианино, чем наблюдать дальше за Колином, как он пытается исправить ошибки своего прошлого.

К сожалению песня закончилась уже после нескольких тактов. Люди захлопали, а я разочарованно прислонилась к роялю, занятая сортировкой впечатлений, которыми снабдил меня Анжело. Да, его глаза были словно нарисованными и всё же такими живыми, что светились даже в полутьме. Этот невероятно бирюзовый цвет ... Его выбор одежды: отличный. Я не могла точно сказать, что на нём одето, так сильно гармонировало его стройное тело с тем, что его прикрывало. Он был совершенным произведением искусства, но слишком небрежный и естественный, чтобы это выглядело показным.

- Неприятности? - спросил он на немецком - чистый, без всякого акцента немецкий - и посмотрел на меня. Заметил он меня, наверное, уже давно.

- Ах, самое обычное, - ответила я сухо. - Бессмертие, старые невыясненные отношения и так далее и тому подобное. Ну то, что Мары приносят с собой.

Он сдержал усмешку, но ему вовсе не стоило этого делать. Его улыбка, как прохладный глоток воды в жаркий день, мне хотелось отведать от неё ещё больше.

- Эй, мне нужно играть здесь ещё пару часов, сегодня вечером у меня нет времени для болтовни.

Ой. Его первое предложение в стиле Гриши. Как я могла предположить, что у него в наличие нет таких предложений? Пока Эли, у меня для тебя нет времени, что скорее всего означало что-то в этом роде: меня не интересуют ни ты, ни твои проблемы.

- Понятно, тогда ладно. - По крайней мере мне удалось предать фрагменту моего предложения безразличный тон. Мне всё-таки придётся позвонить Тильманну и надеяться на то, что он наконец простил мне мою ночную бестактность. В противном случае я не переживу этот вечер, не убив кого-нибудь. Я уже хотела отвернуться от Анжело, как он внезапно заговорил снова.

- Ты знаешь, где находится бензоколонка выше «Пиано дель Эрба», на автостраде?

- Ты имеешь в виду меня? - на всякий случай переспросила я. Он кивнул и теперь всё-таки улыбнулся. Я сразу же почувствовала себя лучше.

- Да, тебя, кого же ещё? Знаешь, где она? - Я тоже кивнула. - В таком случае слева за заправкой узкая дорожка ведёт с горы к моему дому. Он уже немного староватый и лежит за небольшой оливковой рощей. Завтра вечером я не работаю. Если хочешь, можешь прийти. А также спокойно привести Колина с собой.

- Ладно, - ответила я сдержанно. - Посмотрим.

Мысли Анжело уже снова вернулись к пианино и работе, и он, с опущенной головой, пролистывал несколько листков с нотами. Тема закрыта. По покалывающей дрожи на затылке, я поняла, что Колин вернулся за наш столик и наблюдает за мной. Но я ещё не хотела возвращаться к нему. Вместо этого я поздравила себя. Это однозначно не предложение в стиле Гриши, даже если предложение Анжело прозвучало не особенно заманчиво. Старый дом за

заправкой на скоростной трассе. Если уж итальянец признавал, что его дом стар, то должно быть он древний, больше руина, чем жилой дом. Но это приглашение стало ещё одной соломинкой в моей руке, нет даже целым пучком. Он догадывался, что я хочу поговорить, и был к этому готов.

Помутневшим взглядом я смотрела на то, как к нам, в прекрасном настроение, приблизился официант. Сразу между ним и Анжело состоялся короткий, дружеский диалог. Если я правильно перевела, Анжело только что заказал себе эспрессо.

- Эспрессо? - высказала я вслух свои мысли. - Ты пьёшь эспрессо? - Я считала это как-то странно. Мар, заказывающий себе стимулирующий напиток. - Он ведь тебе вовсе не нужен.

- Но он очень вкусный. - Анжело игриво мне подмигнул, потом взял микрофон и притянул к себе. Я поняла не всё, что он протараторил в него, но видимо это было довольно забавно, потому что время от времени люди смеялись, пока его тон не стал серьёзнее и мягче и он, после короткой паузы, кое-что добавил, что и я, без проблем, смогла перевести. - Следующая песня для Бетти.

Да, это тоже каким-то образом ясно. Мужчина, вроде Анжело, не может быть одиноким. Я желала ему всех благ с его девушкой, даже почти бы сожалела, если бы всё было по-другому; просто я снова завидовала, так как казалось, что у него всё так легко получается, а я, словно слон, в посудной лавке. Когда я повернулась и зашагала назад к Колину, у меня даже появилось такое чувство, будто у меня толстая задница. А у меня не толстая задница. Это я точно знала. Но моё тело, тяжело и неуклюже, свисало с переполненной головы.

- Я встречусь с ней.

- Я встречусь с ним.

Наши предложения соединились в одно, потому что мы сказали их в одновременно. Мы с сомнением смотрели друг на друга несколько секунд, пока поняли, что имеет ввиду другой. Колин встретится с Шарлоттой? Ещё раз? Он ведь только что разговаривал с ней!

- Ты этого не сделаешь, Эли. Ты не встретишься с ним. Это очень опасно.

- Это ты устал от жизни, если встретишься с ней, - ответила я угрожающе. - Чего ты ещё хочешь? Ты поговорил с ней здесь, этого достаточно. Или тебе, с недавних пор, стали нравится англичанки в возрасте и с избыточным весом?

- Так, с меня хватит. - Колин бросил банкноту на стол, хотя я даже не пригубила мой оранжад и взял меня за руку, потянув за собой. Я вырвала её, упрямый жест, который снова привлёк внимание гостей. Со свисающими вниз руками, я проследовала за Колином несколько шагов, потом вновь остановилась. Колин глубоко вздохнул.

- Дорогая Елизавета, я ещё никогда не делал женщине публичной сцены, но ты вот-вот её переживёшь, - предупредил он тихим, но из-за этого ещё более умоляющим тоном.

- Я хочу только послушать музыку, пожалуйста. - Я действительно хотела. No need to run and hide, it’s a wonderful, wonderful life … Что это за песня? Почему я никогда не слышала её раньше? Она подходила мне. Красивый, тоскливый текст, печальная мелодия - как только Колин мог от меня требовать уйти сейчас? Он мог. У него имелись в кармане трюки получше. Я во второй раз трусила за ним, как ягнёнок его стада и зевая, пыталась запомнить текст, чтобы когда-нибудь потом погуглить песню и купить. Я должна её приобрести.

Мы ссорились всю дорогу домой. Это была силовая игра. Мы оба хотели одно и тоже, и никто не был готов дать это другому. В конце концов я сдалась по тактическим соображениям, хотя очень сильно боялась, что может случиться с Колином на этой встрече. Шарлотта была всё ещё красивой женщиной, а воспоминания могут быть могущественными. Взять хотя бы Гришу. Я знала, о чём говорю. У Колина и Шарлотты в игре была даже любовь, а не одностороннее подростковое увлечение и мечты ...

В свою очередь, у меня не было ни одного хорошего аргумента, с помощью которого я могла бы убедить Колина, отпустить меня одну к Анжело, зато у него их было бесчисленное количество, почему я должна разрешить ему встречу с Шарлоттой - если не считать того факта, что он даже не собирался просить меня о разрешении. Я должна была сдаться. И сделала это так же потому, что ненавидела с ним ссориться.

- Мы ведём себя ужасно. За такую пару обычно мне стало бы стыдно, - в конце концов сказала я, вымотавшись, когда заметила, что ссора не имеет смысла. Мы всё ещё сидели рядом в машине Колина, которую он уже десять минут назад припарковал на подъездной дороге нашего дома.

- Ты можешь пойти вместе, если хочешь, Эли. Ты моя девушка, а я для неё сын Иеремии. Ничего в этом плохого нет.

- Спасибо, нет, - категорически отклонила я. - Мне не хочется причинять себе такое.

- А как я могу быть уверенным в том, что ты не пойдёшь к Анжело и не подвергнешь опасности свою жизнь?

Я раздосадовано молчала. Потому что у меня возможно ещё есть остаток интеллекта? Я спонтанно порадовалась приглашению Анжело – но потом поразмышляла насчёт дома позади заправки. Описание его почитаемой собственности отбило у меня желание посетить его. В то же время я знала, что если не сходить, то я упущу важный шанс. Что сказал мне тогда Тильманн, когда я спросила у него совета по поводу Колина? Что мне нельзя позволять другим диктовать себе, какие принимать решения.

Колин обязан только этому совету, что я посетила его однажды после обеда, тоже в его доме, посреди леса, вдали от других людей. Опять здесь мерилось двойными стандартами - однако с существенным отличием, я теперь знала, на что подписываюсь. Тогда я надеялась, что Колин безобиден. Пошла бы я к нему, если бы знала, что он камбион? Нет, мне нельзя принимать предложение Анжело.

- Я хочу ещё пожить, - закончила я моё упорное молчание твёрдым голосом. Колин почувствовал, что это правда, и ледяная стена, образовавшаяся между нами во время ссоры, начала рушиться. Он протянул руку и вложил мою в свою, не только с нежностью, но также предостерегая, как будто этим пожатием мы скрепили соглашение.

Но его голод не позволил нам сблизиться. Луис беспокойно пританцовывал в саду; он не понимал, почему его хозяин оставил его так надолго одного и требовал движения. Колин и я увидимся вновь после его встречи с Шарлоттой. Я должна бездеятельно ждать, в то время как он копается в прошлом и придумывает ложь, чтобы утешить женщину, которой его всё ещё не хватало. Я не знала, как найти спокойствие с этими образами в голове.

Но к моему удивлению, я получила его быстрее, чем ожидала. Джианна, Пауль и Тильманн тоже вышли сегодня погулять и ещё не вернулись. Дом встретил меня пустой тишиной, но это не испугало. Лучше побыть одной, чем постоянно чувствовать необоснованный страх Джианны и дурное настроение Тильманна по отношению ко мне. Какое-то время я мечтательно слушала гудение холодильника, в то время, как подогревала лапшу, оставшуюся от сегодняшнего обеда, только небольшая полуночная закуска.

Мне не требовалось много еды в такую жару. Джианна и другие, с того времени, как закончился наш карантин, ели словно борцы Сумо - у Джианны даже стало более круглое лицо, что очень ей шло - но я ограничивалась фруктами, салатами и множеством воды, и горячим обедом между ними, самое большее итальянским печеньем, а иногда кофе. Дряхлой из-за этого я не стала; обильное плаванье подтянуло мои мышцы, а спину сделало гибкой и сильной.

Эта лапша, в такой поздний час, была чисто едой для удовольствия, а не из-за голода. Тем больше я ей наслаждалась. Я даже зажгла свечу и выключила искусственный свет, чтобы не привлекать насекомых.

Потом я приняла охлаждающий душ на улице, мокрая легла в кровать, широко распахнув ставни и смотрела в чёрное, звёздное небо, пока по стене ко мне не подполз скорпион, и песня в голове убаюкала меня.

No need to laugh and cry. It’s a wonderful, wonderful life.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Короткий визит

The same procedure as every year (англ. Та же процедура, что и каждый год), думала я, когда после обеда выбралась из дома, в то время как остальные ещё отдыхали. Вместо страха одно мгновение перевешивало веселье. Снова я летним днём, без разрешения, навещала Мара. По крайней мере у меня есть опыт в том, что я делала, и по сравнению с прошлым годом я уже сейчас могла бы поклясться, что Анжело не будет свисать с потолка головой вниз, как это было с Колином.

Когда я проснулась утром, несмотря на мою ревность, отдохнувшая и с лёгким, ясным чувством в голове, то вспомнила небольшое дополнение, добавленное Анжело. «Можешь спокойно привести с собой Колина.» Я слишком сильно тормозила из-за заправки, чтобы придать значения этим словам, но теперь они стали для меня именно тем ободрением, в котором я нуждалась, чтобы всё-таки навестить Анжело. Если бы он намеревался сделать что-то злое, то не сказал бы ничего подобного. Что же - сначала я хотела рассмотреть дом, а потом посмотрим, что будет дальше. В качестве дополнительной меры предосторожности я не стала придерживаться назначенного времени.

Я долго размышляла, в какое время суток было бы опаснее всего появиться у Мара: утром, после обеда или вечером. Взять Колина в качестве примера я не могла, потому что он питался нерегулярно. Когда ему везло в охоте, он похищал как можно больше снов, чтобы они как можно дольше насыщали его. Постоянная череда обжорства и голода. Но самые рискованные ситуации возникали между нами вечером, когда он днём и ночью ранее не принимал ничего или ничего питательного. Это был слабый пример, который возможно вообще не годится, но другого у меня нет. Кроме того, жара казалось мне защитой, именно потому, что она была такой безжалостной и делала людей апатичными. Мне самой она начала нравиться, с ней я чувствовала себя хорошо. В конце концов роль играет не только то, в каком состояние будет Анжело, но также, какие силы окрыляют меня.

Я не чувствовала ни слабости, ни бессилия, когда отправилась в путь. Что казалось вначале кощунством - а именно нарушить наше с Колином соглашение - было теперь необходимым шагом, который я не могла пропустить на моём пути. Я должна сделать его. На сердце было тяжело, но разве я в прошедшие недели уже не пережила намного более опасные ситуации? Колин говорил о неприкосновенности. Неприкосновенности, которую никто из нас не мог убедительно объяснить, но если она существует - а всё выглядит именно так - то мне нечего бояться. Если неприкосновенности нет, то есть ещё моя интуиция, которая пока никогда не оставляла меня в беде. Я почувствую, стоит ли мне зайти в этот дом или нет.

Когда в прошлом году я пошла в лес к Колину, то казалась себе намного более сумасшедшей, чем теперь. Теперь я делала только то, что сделал бы любой, кто ищет своего отца.

Тем не менее я оставила Колину записку на его ложе. «Прости меня, я не могла по-другому.» Больше нечего было сказать, если он придёт раньше домой и правильно поймёт моё отсутствие (во чём я сомневалась, хотя предпочла бы сильную ссору из-за моего предприятия в одиночку, чем мысль о том, что он проведёт весь вечер с Шарлоттой).

До заправки можно было без проблем добраться пешком, уже через десять минут я дошла. Какое совпадение, что по близости обитает Мар, и мы до сих пор не замечали его, даже Колин. Но он упомянул, что у Анжело очень слабая аура. Мы не смогли бы его заметить.

За мной по горячему асфальту неслись ревущие автомобили, в то же время мимо прогремел поезд, оглушительный шум, который заглушил даже щебетание цикад. Я сразу же обнаружила «узкую дорожку». Анжело её сильно преуменьшил. В конце концов это была проезжая дорога, хотя не асфальтированная, но в хорошем состояние. Я шла не спеша, чтобы сохранить силы и прислушиваясь к интуиции. Да у меня гудело в области желудка, и я ничего

не смогла бы съесть, но у слепой паники или предчувствии чего-то плохого совсем другое свойство.

Когда я добралась до корявых оливковых деревьев, я в последний раз остановилась. На самом деле это было бессмысленно. Мары могут учуять добычу издалека. Если бы он хотел похитить мои мечты или убить, то уже давно обнаружил бы меня, и тогда ничего не даст даже то, что я развернусь и убегу. Он был бы быстрее. Моё любопытство, которое уже давно превзошло сознание вины по отношению к Колину, в любом случае гнало меня к дому, который, как и сказал Анжело хотя и был старым, но не развалился. Каменный забор в рост человека, заросший тёмно-красными, цветущими цветами, защищал усадьбу от любопытных глаз, так что я могла видеть только верхний этаж, но мне понравилось то, что я увидела, даже если бы ему не помешало покрасить фасад. Этот дом прекрасно бы подошёл для голливудских кулис, для снятия разумных романсов и фильмов самопознания, но не для ужасов. В нём чувствовалось очарование. Я усмехнулась, когда разглядела, что на перилах веранды сушится большое, разноцветное полотенце с Гарфилдом, которое медленно то поднималось, то опускалось на тёплом, морском ветре.

Ворота из кованного железа были не заперты, мне нужно было только открыть их. Я ожидала, что они заскрипят, но они бесшумно поддались давлению.

- Ничего себе, - вырвалось у меня, когда я зашла в сад и огляделась. - Не плохо. - Не плохо? Это был маленький рай. Рай на мой вкус, не обязательно на вкус всего мира, потому что царил непринужденный хаос. Горшки с пальмами и олеандром, без какого-либо порядка, были выставлены вряд или образовывали небольшие группы. На полу лежали завядшие листья и тихо шуршали, когда мягкие порывы ветерка веяли по саду. Добавим ещё шелест листьев пальм, запах дикого базилика, кустов помидор, вытянувшихся возле стен и хлорки? Да, хлорки.

Я последовала за запахом и когда обошла два дерева и поднялась по лестнице, передо мной развернулся вытянутый, ухоженный бассейн; ничего особенного, никакой мозаики на дне и никаких позолоченных горгулий, как это обычно бывает у богатых и знаменитых, но всё же бассейн, который был достаточно большим, чтобы поплавать, понырять и посмотреть на море, пока купаешься в нём. Надувной матрас бесцельно плавал на поверхности. Я сопротивлялась внезапной потребности лечь на тёплые камни на краю бассейна и погрузить одну руку в воду. Солнце на затылке и в тоже время мокрая прохлада на коже - мне так это нравилось ... А ещё этот рябящий голубой цвет, чьё мерцание отражается на стенах и даже на листьях растений, голубой везде ...

Я оставила позади разъеденную солью и солнцем статую голого, сидящего на льве и играющего на флейте ангелочка, немного безвкусную, но подходящую к этой атмосфере и по вытоптанным, каменным ступенькам поднялась наверх, пока не добралась до расточительно просторной террасы, по середине которой стоял чёрный рояль - настоящий рояль! - окружённый объёмными диванами и креслами с мягкой обивкой и подушками. Из-за того, что я так долго размышляла, я пропустила сиесту и лишь коротко полежала на кровати, но теперь я с удовольствием наверстала бы упущенное на этом месте: освежающее купание в бассейне, а потом подремать, пока не наступит вечер. Лучше всего на широкой, плоской лежанке под навесом.

Если бы это был не дом Мара. В чужих домах и с незнакомыми Марами не спят. Если так сделаешь, то можно сразу нарисовать на лбу «возьми меня».

Что же, всё было так, как я и опасалась: я подстраховалась, пришла после обеда, вместо вечера и никого не встретила. Для Маров слишком светло; как я знала от Колина, они переносят солнце, но не любят его. В течение дня они прячутся. А дальше я не пойду. Я не зайду в дом, это слишком легкомысленно, хотя двери террасы открыты нараспашку и мне навстречу приглашающе, развиваются длинные, белые занавески.

Я, только вздыхая, собралась развернуться, как вдруг услышала изнутри дома голос, только обрывок разговора, весёлый и расслабленный. Анжело с кем-то разговаривает? Это его голос? Или там внутри меня ожидает целая толпа Маров, которые, потирая руки, уже радуются тому, что поглотят мои сны и мечты, а потом казнят?

Я решила, со всей необходимой осторожностью, удалиться, направив взгляд на дом, чтобы от меня ничего не ускользнуло, а потом, как только выйду за ворота побежать, так быстро, как смогу. Бегать я могу, если нужно, быстро. А теперь ... что это было? Снова голос Анжело, громче, чем только что, да он приближается, о небо, что мне делать? Рука обхватила развевающуюся занавесь и отодвинула в сторону. Слишком поздно. Я оказалась в ловушке.

- Чао, Бэлла, - прервал Анжело на одно короткое мгновение свой телефонный разговор и поднял в приветствие руку, прежде чем приложить телефон снова к уху и продолжить говорить, наполовину от меня отвернувшись, поза, ну прям как у Гриши: спина прямая, зад подтянут, голова гордая и всё-таки завидно беспечная. Когда я так стояла, все мои мышцы напрягались ... или всё-таки нет? Чтобы проверить, я выпрямила плечи и потянула позвонки шеи. О, хорошее ощущение. Так я намного лучше могу дышать. И ...

Дышать легче всего, когда ты жив, вернула я себя в реальность. В опасности ли я? Нужно ли мне бежать? Я напрягла слух, чтобы услышать, с кем и о чём говорит Анжело, но видимо сейчас он не договаривался с другим Маром убить кого-нибудь. Его голос звучал по-деловому, а не жестоко и с ненавистью. Но больше всего меня удивляло то, что он вообще мог разговаривать по мобильному и связь не прерывалась. Тогда он видимо очень сыт; самые лучшие условия для меня и моих исследований. Хотя сытые Мары также сильны, могут хорошо себя контролировать и скрывать, что планируют ...

Я встала рядом с роялем и положила руку на гладкое, отполированное дерево, в то время, как Анжело ходил по саду и очаровательно жестикулировал своей правой рукой. Я позволила себе одно мгновение, чтобы эта сцена произвела на меня впечатление и насладилась ей всеми чувствами ... Елизавета Штурм в усадьбе королевского ребёнка, принята и не отослана прочь, принята и замечена.

Тайком я оглядывалась. Анжело стоял теперь возле летнего душа и возился с душевой насадкой, разговаривая по телефону, повернул её вправо, а потом проверяя, влево. Несколько капель стекли на его голые руки и блестели на солнце.

Он был занят; итальянцы любят чрезмерно много говорить по телефону, это может занять несколько минут. Я скользнула взглядом по роялю. Ах, как мило, откушенная плитка детского шоколада лежала на небольшом выступе рядом с низко-звучащими клавишами и уже начала таять. Я не поддалась искушению схватить её и запихнуть в рот. Я люблю наполовину расплавленный, детский шоколад, такой мягкий, что остатки потом нужно слизывать с фольги. Вообще-то свинство, но для меня кулинарное искушение.

Рядом с детским шоколадом два карандаша, с пожёванным верхом, а на самом рояле ... листки с нотами, несколько дисков, записная книжка ... Записная книжка.

Засунуть в карман и взять с собой? Нет, это было бы подло, я не хочу обворовывать его; он заметит и сразу поймёт, кто взял. Но может можно бросить один взгляд? Коротко? Анежело присел на корточки, что-то в его разговоре казалось развеселило его, смех стал громче, потом последовало шутливое замечание и снова смех, замечательно, он отвлёкся, а я, я быстренько ... ага. Линии нотного стана, музыкальные записи, больше ничего? Только идеи для песен? Я быстро пролистала книжонку (плотная бумага ручной работы). Ноты, ещё ноты, небольшой эскиз - каракули, ничего в чём можно было бы предположить большой талант, всё совершенно нормально - номер телефона рядом с именем, вот, здесь есть кое-что на немецком! Стихотворение? Но у меня нет достаточно времени, чтобы прочитать его. Страница была почти вырвана, она могла потеряться и случайно. Я быстро выдернула её из книжонки, сложила и

засунула в вырез. Дальше. Осталось всего несколько страниц, которые нужно просмотреть. Анжело сел, спиной ко мне и вытянув ноги на землю, опираясь на одну руку, всё ещё продолжая болтать. Возможно он заметил, что я здесь делю, но в воровстве стихотворения нет ничего зазорного, а он достаточно далеко, так что ясновидение - если оно у него есть, не все Мары одарены им - вполне может быть затуманенным или совсем не присутствует. Я бесшумно перелистнула последние страницы. Ноты, ноты, ноты ... не ноты. Несколько строчек на итальянском. Мысли? Своего рода запись в дневник? Мне намного легче перевести итальянский, когда он находится передо мной в письменном виде; мой французский и знания латыни помогают. Не смотря на жару и то, что я спешила, мой мозг работал надёжно.

«Она пробудила во мне любопытство ... Я знаю, что не должен, но я чувствую себя в её присутствие застенчиво. Застенчиво! Как глупо!»

О Боже мой. Я бесшумно захлопнула книгу и положила на место. Застенчиво? Анжело и застенчиво? И кого он имел в виду под «она»? Неужели меня? Существует ли причина стесняться в моём присутствие? Или я неправильно перевела слово? Означало ли оно ещё что-то другое? Во всяком случае строчки не звучали вот так: о, как вкусно, человеческая девушка, её-то я сейчас и схвачу. Если он вообще имел ввиду меня. Ещё вчера он пел для Бетти - Бетти, это должна быть женщина, а не девушка - как мне только могло прийти в голову, что он имеет ввиду меня? Всё же эти строки тронули меня. Секрет, который мы теперь разделяли, хотя он и не знал.

- Извини пожалуйста. - Анжело встал и подошёл ко мне. - Иногда в этой стране разговор по телефону занимает много времени. Здорово, что ты пришла. Хочешь чего-нибудь выпить?

- Я, э ... - С сомнением я посмотрела на него, и немного польщённая, но прежде всего с сомнением.

- Что-то не так? - спросил он, когда заметил мой изучающий взгляд.

- Ты ... хм. Ты выглядишь точно так же, как вчера вечером! У тебя нет других цветов ... ну, я имею в виду ...

- А разве они должны быть?

Нет, не должны, подумала я, прошу не надо, не хочу ничего другого, кроме этого захватывающего дух бирюзового, который прямо сейчас затеял оживлённое соревнование с водой бассейна. Но всё же, я считала это странным. Кожа, волосы и глаза казалось не изменяются при свете дня. Хотя с Фрнацёзом этого тоже не происходило ...

- Я принесу тебе что-нибудь выпить, - суверенно Анжело нашёл выход из неловкой ситуации или потому, что был слишком застенчив, чтобы выдержать мои взгляды? Я его смутила? Едва ли. Всё же мне стоит перестать так на него таращиться.

Когда он вернулся с двумя стаканами в руке - чай со льдом - я снова взяла себя в руки. Я сделала маленький глоток, чтобы смочить пересохшее от волнения горло.

- Итак, - сказала я спокойно. - Ты ... ты сказал, что знаешь, кто я такая?

Анжело кивнул и тоже сделал глоток.

- Да, знаю, по крайней мере исхожу из того, что знаю ... Эли Штурм, не так ли?

- Да. На самом деле Елизавета или Эли, иногда так же Элиза, Лизхен, Лесси ... - Я замолчала. Стоит ли мне выдавать ему это ласкательное имя? Это неправильно? Но мои подруги раньше тоже называли меня так. Я оставляла на усмотрение других людей, как меня называть. Так что у каждого были свои идеи.

- Элиза ..., - повторил Анжело задумчиво, как будто размышлял над тем, подходит мне это имя или нет.

- Да, так меня называет Джианна. Там что-то связано с Homo Фабер. В этой книге тоже есть Елизавета. Отец зовёт её Сабет, а мать Элиза ... - Я снова замолчала, потому что песочного

цвета брови Анжело сошлись на переносице. Задумчиво он покачал головой, прислушиваясь к себе.

- Нет? - спросила я пытливо.

- Нет, думаю нет. Она зовёт её Элзбес.

- Элзбес! О, как ужасно ... Ты уверен?

- Вполне. Я прочитал эту книгу примерно двадцать раз, она просто грандиозная. Ну, не так важно. Элиза тоже красивое имя. А как мне называть тебя?

А я считала, что это важно. Именно Джианна, наш папа Римский по литературе, не правильно процитировала Homo Фабер. Само по себе, это можно ещё простить, хотя каким-то образом я винила её в небрежности; но что меня беспокоило, так это то, что так меня называл ещё только папа. Папа и Джианна встречались. Джианна отрицала, что у них были какие-то другие дела, кроме этой одной, профессиональной встречи на конференции, и я ей поверила. Но теперь меня снова съедали сомнения ... Были ли они обоснованными? Или она просто ошиблась?

- Эй. Ты ещё здесь? Как мне тебя называть?

Улыбка Анжело освободила меня от моей внезапной паранойи.

- Не знаю. Наверное, Эли. Да я и пришла сюда не для того, чтобы выбрать себе идеальное имя. - Это прозвучало нахально? Но мне действовал на нервы этот поиск имени. Я чувствовала себя неудовлетворённо, так было уже всегда. Ни в коем случае ему нельзя называть меня Лесси, это было разрешено Колину, больше никому другому.

- Ладно, если хочешь, значит Эли, - согласился Анжело, видимо не обидевшись и не рассердившись. Он всё ещё улыбался. Мне хотелось лишь смотреть на него, вместо того, чтобы говорить, но у меня есть важное дело.

- Значит ты знаешь, что мой парень Мар и ... ты знаешь так же, кто мой отец? - Внезапно меня охватил неистовый страх узнать что-то ужасное, что-то, что навсегда омрачит мою жизнь. Я так крепко вцепилась в мой чай со льдом, что стакан тихо хрустнул. Сейчас он лопнет. Анжело вскользь и не прикасаясь ко мне, высвободил его из моих пальцев. Точно так же, как сделал это с кошкой. Больше чем пожатие рук между нами видимо никогда не будет.

- Да, это я тоже знаю, я даже встречался с ним.

- Ты с ним встречался? - Отдам королевство за другой голос, более твёрдый и взрослый. Я проклинала мой испуганный и в то же время полный надежды писк. - Ты знаешь, где он? Он уже как несколько месяцев исчез ... Мы не знаем, что с ним случилось. А я не имею представления, где начать поиск.

- Эли ... - Анжело быстро посмотрел на землю и покачал головой, прежде чем с сожалением взглянуть мне в глаза. - Я бы с удовольствием сказал тебе что-то другое, но ... я ничего не знаю о его местонахождение. Боюсь я ничем не могу тебе помочь.

Я не отрывала взгляда от губ Анжело, в надежде, что каждый новый слог приведёт к перемене, но теперь невозможно опровергнуть то, что он сказал. Всю ту неуязвимость и уверенность в себе, которые я только что ещё испытывала, улетучились. Я, чтобы не упасть на пол, хотела ухватиться за пианино, но мои пальцы соскользнули. Равновесия больше не было. Снова я ожидала слишком многого. Он мог бы поделиться со мной гораздо боле скверными новостями, да, но то, что он ничего не знает - к этому я не была готова. Я спрятала лицо в руках, потому что не хотела, чтобы он видел мою беспомощность.

- Эли ... - Я чувствовала его присутствие, как яркое мерцание, он подсел ко мне на пол. - Ах дерьмо, я знал, что ты спросишь у меня об этом и я не смогу дать тебе тот ответ, который ты хочешь ...

Я убрала руки от глаз; рот я всё ещё продолжала прикрывать, потому что мои губы дрожали.

- Ты знаешь, что он делает? О чём шла речь во время вашей встречи? Вы скорее всего встретились не случайно, не так ли?

- Нет, - ответил Анжело честно. - Нет, но ... вот блин. Дерьмо ... Он пытался вовлечь меня в свои планы.

- И? - Я находилась в опасных водах, это ясно. Теперь решалось, какое направление возьмёт мой поход и переживу ли я его.

- Я понимаю, что он задумал и почему. Что он стоит на стороне людей, хотя я вовсе не так сильно разделяю между людьми и Марами, но ... сейчас будет неловко. Во всяком случае я понимаю его планы. Только ... ой ой, ты возненавидишь меня ...

- Возможно я возненавижу тебя, если ты не расскажешь, - ответила я требовательно. - Что ты ему сделал?

Анжело удивлённо рассмеялся.

- Ничего. Я только попросил время подумать и больше на дал о себе знать, потому что ... ах, я боялся. Да, признаю, я боюсь сознательно отравить себя человеческими эмоциями и возможно стать таким, как многие другие Мары, которые влачат ещё только жалкое существование и охотятся, больше ничего. Я знаю, это не особенно героический поступок, но в тот момент страх был сильнее и ...

- Эй, мне не нужно объяснять, каким сильным может быть страх. - Я хотела показать ему, что сочувствую, я и сочувствовала, больше, чем он мог подумать, потому что пережила то, что могут причинить плохие воспоминания, даже если они не твои собственные. Из-за них я чуть не сошла с ума. Но мой голос был лишь уставшим и разочарованным. - Максимум я удивляюсь, что ты вообще можешь испытывать страх.

Улыбка Анжело превратилась в тихое изумление.

- Почему нет? У меня есть то, что мне нравится - моя жизнь, такая, какая есть. И может случиться так, что из-за этого я её потеряю. А это порождает страх. Логично, не так ли?

Конечно я не боюсь болезней или смерти, или потерю работы, такие вещи не причиняют мне страха, но даже когда ты Мар, тебе может быть хорошо или плохо. Кроме того, я не окончательно отказал, а только попросил о времени.

Я, чтобы остановить его, предупреждающе подняла руку, хотя меня пылко интересовало то, что расскажет Анжело, мне хотелось узнать об этом побольше. Но я услышала знакомый звук мотора. Вот, он опять раздался, громче и ближе. Машина Колина и бряцанье прицепа для лошади. Он уже возвращается, слишком рано! Разве он не хотел сразу с Силы поехать к Шарлотте? Я вскочила.

- Я должна идти, - сказала я коротко. - Спасибо за приглашение.

Анжело вопросительно на меня посмотрел, но не предпринял попытки остановить.

- Ладно, тогда до скорого или до встречи когда-нибудь ...

Когда-нибудь, подумала я с горечью, когда поспешила к воротам, распахнула их и побежала вдоль дороги. Когда-нибудь или никогда. Больше нет причин навещать Анжело, он не смог мне помочь. У меня не осталось ни одного аргумента, чтобы увидеть его. Всё закончилось. Баста. Мне не будет представлено немного больше фактора Гриша, и я справлюсь с этим, ведь жила же и раньше без королевских детей и сейчас смогу. Потребуется немного время, чтобы привыкнуть. К хорошему привыкаешь так быстро ... Этот сад и бассейн - никогда снова? Позже нужно будет самой построить себе бассейн, когда-нибудь, когда заработаю денег. Сразу же дома зарисую участок Анжело и сохраню его, пока не придёт время, а потом найду себе домик, в котором смогу его реализовать, а потом ...

- Ты была там.

Голос Колина парализовал мои ноги с одной секунды на другую. Пошатываясь, я попыталась восстановить равновесие. От него тоже никакого прикосновения.

- Колин, я должна была! По-другому не смогла! Я размышляла над этим всё время обеда, ведь я должна знать, что случилось с моим отцом ...

- И что? Теперь знаешь? - Его высокомерие было как разъедающая сера, дышать больше не хотелось.

- Нет. Нет, не знаю, но таким образом вопрос теперь решён, и как видишь, я ещё жива, и у меня ничего не похитили. Всё хорошо.

- Я бы не хотел поменяться местами с твоим ангелом-хранителем, Эли, - неодобрительно прорычал Колин. - Никогда вновь ты не сделаешь шага в этом направлении, ты поняла? А теперь залезай. - Грубо он указал на автомобиль. Как будто подтверждая его слова, в прицепе застучали копыта Луиса.

- Спасибо я пройду пешком.

- Ты залезешь внутрь! - Так как мне всё больше становилось неприятно из-за этой сцены, я фыркнув согласилась - только поэтому, а не по какой-то другой причине. Колин держал свои руки при себе, он не прикоснётся ко мне и пальцем или заставит что-то сделать, в этом он поклялся себе. Я не боялась.

Когда мы добрались до подземного перехода перед Пиано делл Эрба, он остановился. Тень моста немного приглушала ледяной, зелёный цвет его глаз, а волосы, благодаря ей, приняли немного более тёмный тон.

- Разве ты не хотел поехать к Шарлотте?

- Да, хотел, сначала обстоятельно поохотиться, потом к ней, но у меня были не хорошие предчувствия. Странно, не правда ли? - Я избегала его арктического взгляда. - Теперь можно забыть об этом. Она опять проклянёт меня и моего предполагаемого сына в придачу. Большое спасибо, Эли.

- Но ...

- Разве ты не понимаешь, что только что натворила? - перебил он меня. - У меня был шанс загладить вину в жизни другого человека! Вместо этого станет всё ещё намного хуже ... как всегда ...

- Почему это? Ты ведь ещё можешь поехать!

- Не могу! Потому что с этого момента ты будешь рядом со мной, всегда, когда это возможно. Я возьму тебя с собой в лес и не позволю больше сделать ни шага одной! - Бушевал Коли. - Видимо ты не в состояние позаботится о себе сама!

Кулаком он ударил по рулю. Сразу же образовалась трещина на чёрной пластике. Если так пойдёт дальше, он разгромит его. Всё же я должна возразить.

- Колин, прекрати, относиться ко мне, как к маленькому ребёнку! Я взрослая! Не начинай контролировать меня, я этого не вынесу. Моя любовь этого не вынесет. Я не хочу сидеть в твоей пещере, ничего не видя и не в состояние повлиять на то, что твориться вокруг. Я всё могу стерпеть, всё, твой голод, твоё отсутствие, твою холодную кожу, я могу вынести то, что каждый раз, когда мы занимаемся сексом, я должна связывать тебя, а затем ты убегаешь, я могу выдержать то, что меня отвергают другие люди - но не смогу вынести, если ты отберёшь у меня мою свободу! Пожалуйста, оставь мне мою свободу!

Колин нецензурно выругался на гэльском, распахнул дверь и вышел на улицу, чтобы жестоко ударить головой о каменную стену подземного перехода. Я вздрогнула. Он испугал меня. Я боялась за него, а не за себя. Он хотел привести себя в чувство, сделать себе больно, но ему не удастся. Сигналя и громко крича в громкоговоритель, мимо нас проехал торговец фруктами. Я вспомнила, что хотела купить ещё дыню и лысых персиков, одна из этих дурацкий, неподходящих мыслей, которые появляются из неоткуда, когда они никому не нужны. Это казалось мне важнее, чем всё остальное - реализовать моё намерение, но меня слишком сильно тошнило, чтобы встать.

Спустя несколько минут, во время которых торговец фруктами беззаботно крича, восхвалял свои дары, Колин снова залез в машину.

- Ради нашей любви ..., - начал он хриплым голосом. Его голос казался древним. - Ради нашей любви я оставлю тебе твою свободу и молюсь, чтобы никогда не пожалеть об этом. Делай, что считаешь нужным.

- Да я больше ничего не хочу делать, - ответила я. Мой голос тоже хрипел. - Лишь немного пожить, не размышляя обо всём и каждом, без тюрем. Несколько дней. А что касается папы, это всё равно пока что закончилось.

- Ты замечаешь, что они становятся всё короче, Лесси? Те моменты, когда мы можем побыть вместе? С тех пор, как она умерла, мне кажется, будто я ношу в себе её жадность. - Затравленно его глаза метнулись к сухой траве рядом с подземным переходом. Хотя здесь точно дичи нет. Это просто чистый рефлекс. Я почувствовала, как все его мысли, касающиеся меня, относило прочь, а голод с силой взбунтовался. Если мы подождём ещё дольше, то он обернётся против меня. - Мне нужно идти, Эли. Мне нужно снова идти ...

- Тогда иди, Колин. Я это понимаю. - Я понимала, хотя мои чувства восставали, не хотели этого принимать. Не могло ведь всё быть напрасно! Надеюсь он наконец найдёт стаю волков и будет несколько дней сыт.

Я не осмелилась поцеловать его; здесь, в его машине, мне нужно бояться за мою жизнь больше, чем только что на территории Анжело. Я молча вышла и пошла пешком к нашему дому, в то время, как Колин развернул машину и поехал на Силу, чтобы утолить свой голод, в то время, как Шарлота сидела где-то там в баре и напрасно его ждала. Смехотворную секунду я думала поехать к ней и всё рассказать. Но что это даст? Ничего. Мне самой помогало лишь то, что я понимала Колина, но это ничего не изменит в его изнуряющем голоде. Он всё затмевал.

После того, как солнце зашло, я села рядом с душем в саду и вытащила украденную страницу из выреза, чтобы в исчезающем свете дня прочитать строчки Анжело. Да, это стихотворение, я не ошиблась - «Лунная ночь» Эйхендорфа. Я знала только его произведение «Из жизни бездельника». Мы проходили его в школе, и оно больше раздражало, чем вдохновляло, но этот стих был более ясным, структурированным, искусным. Если имеешь его, то больше не нужна книга. Я перечитывала его снова и снова, пока слова не нашли прочное, незыблемое место внутри меня.

Душа моя широко
Раскинула крыла,
И словно в дом далекий
По небу поплыла.

В эту ночь я преодолела мою застенчивость и в первый раз осмелилась поддастся желанию и прикоснуться к скорпиону. Он был на ощупь другим, чем я ожидала, гладким, тёплым и всё-таки грубоватым, но он стерпел моё нежное поглаживание и остался неподвижно сидеть, пока я не убрала от него пальцы. Потом он коротко пошевелил своими щупальцами в заговорщическом приветствии. Он понял меня.

Гордая тем, что преодолела свой страх, и со мной ничего не случилось, я погрузилась в благотворный сон, который с самой первой секунды подарил мне красивые, дикие сновидения.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Большие надежды

- Больше, - прошептала я, после того, как свет выиграл сражение и изгнал меня из царства ночи. - Пожалуйста хочу больше ... - Я всё ещё улыбалась, так как делала во время всего сна. Бесконечно длинный сон? Или несколько снов, которые переходили один в другой? Я не знала, но это и не важно, потому что в нём не было логического действия; да оно и не нужно. Речь шла о том, чтобы что-то пережить, а не действовать. Я находилась возле моря. Возле моря на юге. Сверкающее солнце, голубой небесный купол, ласковый ветер, вода тёплая и мягкая, белые гребни на волнах ... Сон, который сопровождал меня уже почти всю жизнь, наполняя неожиданным чувством радости, в то время, как я погружалась в него. Тем более жестокой была встреча с серой реальностью, как только он извергал меня обратно. Ещё никогда он не был таким ясным и настоящим, как в эту ночь.

Я могла бы закричать от радости, когда открыла глаза и мерцание света за ставнями напомнило о том, что сегодня вовсе не будет встречи с реальностью. Я нахожусь на юге. Всё то, где я только что ещё передвигалась, лежит перед моим окном. Мне только нужно встать, открыть ставни и пройти вниз к морю. Никогда ещё сон и реальность не были так близки, как в эти освежающие секунды. Я не буду разочарована, даже пустотой и однообразием здешнего пляжа. В моём сне тоже не было пальм, баров или мелкого, светлого, кораллового писка. Да они и не нужны.

Та свобода, которую я почувствовала в нём - это она заставляла струиться по моим венам энергию, в паре с точным знанием, что я переживу всё, что приготовит для меня жизнь, если только останусь здесь, возле воды и поверну лицо к солнцу. Мрачные сны о Северном море, которые мучили меня зимой и в которых меня снова и снова затягивало в ледяной холод, закончились.

Солнце встало, оно светило. Я могла различить это по ярким полосам, просвечивающим через щели в ставнях и отражающиеся на потолке, оно такое надёжное и верное. Будет прекрасный день. Даже если появятся облака, как иногда случалось во время сиесты, до вечера они уже снова исчезнут. И в любом случае будет тепло.

Как только я могла быть такой слепой, спрашивала я себя, когда встала и открыла ставни, чтобы так интенсивно, как ещё никогда, порадоваться запаху моря и увядшей зелени. Качая головой, я вспомнила о моих первых днях в Италии. Во всём я находила недостатки и на всё жаловалась. Эта страна была для меня слишком громкой, грязной, суматошной, скудной. Да, Калабрия скудна, но разве это что-то плохое? Это последствия солнца, а ведь его мне не хватало в течение многих лет. Никаких шансов замёрзнуть. Каждый день босиком. Почти никакой материи на коже, никакого балласта, никаких ненужных обязательств, потому что люди, не смотря на их симпатичную спешку, выделяли время. Время, для жизни. Только в холоде ты становишься занятым.

Я должна была погрузиться в это намного раньше, потому что может быть скоро у меня больше не будет возможности. Я злилась на себя; я противилась всему этому и из-за моего сконцентрированного неудовольствия не поняла, какой получила подарок. Но теперь я знала какой и надеялась, что это даст мне необходимую силу, чтобы выполнить сегодняшнюю мою затею. Потому что сегодня был день действий, а не безделья. Это будет самая последняя попытка, изменить что-то в моей судьбе.

Остальные подгоняли меня, наконец что-то предпринять или же уехать. Теперь прошла уже неделя, что нам ещё тут делать? Тесса мертва, и никаких следов моего отца. Они давили на меня. Тильманн перешёл на то, что теперь наблюдал за мной с холодным молчанием, вместо того, чтобы поговорить. И это было мне неприятно. Никогда бы не подумала, что он может быть таким мстительным. А понимание Пауля в отношение меня убывало с каждым новым днём. В хорошие моменты он хотел отправиться со мной, чтобы найти папу, но это, в свою

очередь, было недостаточно продуманно для Джианны, она сдерживала его, в то время, как Пауль медленно погибал из-за того, что видимо всё ещё был обречён на пассивность.

Я хотела им что-нибудь предложить, что заставит их дать мне больше времени. Какую-нибудь улику, след, подозрение. В случае с Колином нам в любом случае требовалось время. Ему приходилось всё дольше отсутствовать, чтобы насытится. Нам нужно будет подождать, чтобы поговорить с ним о папе и если я до того момента уже смогу что-нибудь выяснить, то другие будут в этом участвовать. Они просто должны!

Поэтому я вчера вечером вытащила папину карту с крестами, отмечающими те места, где живут Мары, из чемодана и в последний раз подробно её изучила. Между тем она была помятой, но крест на Италии папа поставил так отчётливо, что мне вовсе не нужно было его искать. Потом я схватила карту побольше с дорогами Калабрии. Может быть крест означал не только область, а конкретное место - деревню или городок, которые не указаны на карте Европы, но зато на нашей карте с дорогами.

Но мой указательный палец снова и снова приземлялся между несколькими деревнями и городами в горах, выше Калопеццати. А значит в негде - при условии, что мой способ правильный. В этом я тоже сомневалась, в конце концов карта Европы была скорее маленькой и неточной. Но надежда что-то выяснить и доказать другим, что я пробую всё возможное, заставила меня по крайней мере поехать к этому пункту.

Пауль и Джианна вчера уже угрожали собраться и поехать домой. Я не хотела уезжать, ещё нет. Это было моё первое настоящее лето, они не должны отбирать его у меня, независимо от того, как плачевно оно проходило до сих пор. Да, меня тоже обременяла безысходность ситуации, если я об этом размышляла. Эта страна была намного больше и обширнее, чем я предполагала. Мой отец мог быть везде и в тоже время нигде. Но всё могло ещё хорошо закончиться. Во всяком случае мое решение принято.

Я хотела поехать одна, во время сиесты, когда другие будут спать. Они ничего не знали о моих размышлениях. Колина я тоже не смогла посвятить, он уже в течение нескольких дней бродил по Силе, но я боялась, что он, скорее всего, попытался бы запретить мне отправится туда. Паулю, однако, пошло бы на пользу стать активным. Но он поехал бы только с Джианной (Джианна не позволяла ему больше делать ни шага без неё, она прицепилась к нему, словно банный лист), а человека, который избегает моё присутствие, я не хотела иметь в машине. Это вселяло в меня неуверенность. Здесь в доме или на пляже я, более-менее, могла принять навязчивое поведение Джианны, то, как она отделялась, потому что существовало достаточно альтернатив, куда можно было отступить, но даже просторная Вольво слишком маленькая, чтобы игнорировать это. Мы бы дышали тем же воздухом, находились бы в нескольких сантиметрах друг от друга. Если Джианна будет рядом, это заставит меня нервничать, а мысль о том, что я собиралась сделать, и так уже достаточно разволновала меня.

Поэтому я решила пока делать вид, что сегодня совершенно нормальный день отпуска, приготовила завтрак, как и остальные - я сама ограничилась кафе и фруктами - и пошла вниз к морю, чтобы отвлечься. Мне удавалась сделать это, если только я с открытыми глазами переносила себя назад в сон или далеко уплывала, и когда наконец отправилась в путь, мой живот свело от беспокойства. Вольво после поездки в магазин был припаркован ещё на улице, так что я никого не разбужу. Мне предстояла моя первая поездка в одиночку в этой стране. У меня была только одна карта, никакой навигационной системы; Пауль запер её в маленьком сейфе в своей спальне и насторожился бы, если бы я спросила код. Всё-таки мне удалось через мобильный войти в интернет и посмотреть гугл мапс. Греховно-дорогое предприятие, но дело не должно провалиться из-за денег.

Оно провалилось из-за связи. Нужно было догадаться, подумала я, ругаясь, когда после третьего крутого поворота вверх в гору пропал интернет, а мой мобильный пища, сообщил, что

больше не находит сети. И что теперь? Повернуть назад? Нет, для этого я не слишком далеко продвинулась вперёд, море ещё совсем близко, отмеченная точка слишком далеко. Так быстро я не могу сдаться. Всё ведь очень просто: пока я вижу море, то смогу найти дорогу назад, как-нибудь. Я буду ехать до тех пор, пока оно не исчезнет из поля зрения. Потом я всё ещё смогу повернуть назад. До этого пункта я ничем не рискую.

Но вскоре у меня уже не было времени ориентироваться на море. В то время, как температура снаружи упала, а в машине повысилась - взаимосвязь, которую я не могла полностью объяснить - улица стала опасной для жизни гравийной трассой, без боковых укреплений и разделительной полосы и часто настолько узкой, что я задавалась вопросом, как мне уворачиваться от встречных автомобилей за пределами маленьких бухт, которые иногда были выдолблены в утёсе. Снова и снова большие валуны мешали проехать. Когда я их объезжала, то опасно близко приближалась к пропасти или мне приходилось складывать боковое зеркало, чтобы не протаранить скалу. Видимо на эту область, осенью и весной, обрушивались оползни. В некоторых местах дорога возле склона просто обрушилась, так что мне приходилось собрать всё мужество, чтобы ехать дальше. Другой возможности у меня всё равно нет; для разворота не хватало места, а как только мне удавалось подавить страх перед падением в пропасть и преодолеть узкие пассажи, это так сильно окрыляло меня, что я хотела ехать дальше.

Здесь наверху находились лишь единичные деревни и вид у них был не притягательный. Коровы дремали, пережёвывая траву, в тени на краю улицы. Иногда также прямо посередине дырявого асфальта и тупо на меня смотрели, когда я напрасно пыталась отогнать их гудком. Лес становился гуще. Я не могла сказать, был ли это тот же лес, в который меня похитил Колин; я ничего не узнавала. Ели почти напоминали мне Шварцвальд. Они устрашающе мрачно росли в высоту и ширину, но земля под ними была сухой. Хватит одной искры, чтобы поджечь. Всё же я думала, что на одном повороте слышу, как бьёт ключом источник.

Людей я почти не встречала. Один раз передо мной появился, словно галлюцинация, старик, который сидел на краю дороги на камне, опёршись руками на свою палку, пыльная, синяя шапка на голове. Что он здесь делает? Охраняет улицу? Было сильно на это похоже, и я уже ожидала, что он остановит меня и пошлёт назад. Я решила дружественно поприветствовать его. Вопреки ожиданиям, его лицо просияло, когда он меня увидел, и поднял свою узловатую руку, чтобы ответить на моё чао взмахом. Но в зеркало заднего вида я увидела, что как только оставила его позади, он тут же снова впал в свой ожидающий ступор.

На карту мне больше не нужно было смотреть; я знала, что потеряла ориентацию, в этом для меня не было ничего нового. Я даже не встревожилась. Так происходит всегда, когда Эли Штурм самостоятельно предпринимает что-то на машине. Жаль лишь, что здесь нет ни гаражей, ни такси.

Всё же я продолжала подниматься в гору, пока температура снаружи стала лишь 28 градусов, на десять градусов меньше, чем при моём отъезде внизу у моря. Зато стрелка показателя температуры двигателя непрерывно ползла вверх до красной зоны, чего я не понимала, потому что как может мотор перегреться, если становится всё прохладнее? Мне пришлось объехать двух следующих коров, лишь после этого я смогла вновь, сощурив глаза, посмотреть на приборную панель. «Высокая температура», светилось мне красными буквами навстречу. Какая помощь! Не может эта дурацкая машина любезно подсказать, почему она высокая?

Должна ли я, на всякий случай, отключить двигатель и дать автомобилю остыть? Но что, если он потом больше не заведётся? Я не имела представления, где находится следующая деревня и смогу ли я вообще объяснить тамошним людям, какая у меня проблема. Мой итальянский стал лучше, но это положение дел выходит за рамки моего словарного запаса.

Поэтому напрягшись, я ехала дальше, игнорируя мигание, пока внезапно из капота не повалил белый дым, не только немножко, а небольшой адский огонь. Сразу же я подумала о взрывающихся машинах и до неузнаваемости обгоревших пассажирах, припарковала машину на краю дороги, выключила двигатель и выбежала наружу. Только после нескольких метров, которые я проделала, наклонившись вперёд и закрыв уши руками, я осмелилась оглянуться. Вольво всё ещё дымился, как старый дракон, который только что проснулся, чтобы потом вернуть себе лучшую форму и сжечь всё вокруг себя огненным дыханием. Мне нужно убираться отсюда. Либо машина действительно взорвётся, либо кошмар закончиться, когда я вернусь к ней через пол часа, и я смогу продолжить мой путь. Если что-то нагревается, то теоретически, может снова охладиться. Нужно на это надеяться.

Я немного удивлялась, что ни реву и ни дрожу, не испытываю ни малейшего беспокойства, но, если посмотреть на это рационально, у меня для этого нет причин. Да, с машиной что-то не так, и я не знаю, где нахожусь, но здесь наверху нет диких животных, и я не на грани того, чтобы умереть от жажды или голода. Я чувствовала себя даже достаточно сильной, чтобы пойти дальше пешком, вверх по дороге. Так я и сделала, лишь бы уйти подальше от дымящего монстра позади. За следующим поворотом я обнаружила обветшалую вывеску, которую почти невозможно было прочитать, и которая указывала на ещё более узкую гравийную дорожку. Знак, указывающий на деревню? К людям, которые смогут мне помочь - или возможно даже к месту, которое имел ввиду папа? Две хорошие причины пойти в этом направлении.

Уже спустя несколько метров своеобразный лесной мир Калабрии поглотил меня. Деревья не стояли здесь близко друг к другу, для этого было слишком много скал; лишь самые сильные смогли укрепиться в этой бесплодной почве. Узкая тропа вилась наверх, к желтоватой поляне - свежую зелень здесь почти больше невозможно встретить - на которой паслись, выглядящие неухоженными козы. Пастуха нигде не было видно. Возможно это даже дикие козы. Я насладилась их спокойствием и терпким запахом, сделав короткий перерыв, потом пошла дальше.

При почти каждом шаге в траве, рядом с гравийной дорожкой, что-то шуршало; скорее всего змеи или насекомые. Стрекот сверчков звучал менее пиликающе и громко, чем внизу возле моря, но и здесь тоже он сопровождал меня. Между тем он стал для меня музыкой тишины. Уже давно я не воспринимало его как шум.

Когда предполагаемая деревня наконец-то появилась, я, тяжело дыша, остановилась. Как и в большинстве деревень, расположенных на склоне, дома, стояли рядом друг с другом, без какого-либо промежутка между ними. И она была совершенно покинутой. Я заметила это уже при первом взгляде. Здесь никто не жил; это деревня-призрак. Ни один человек не дышал, даже не было собак и кошек, а только пение цикад и шелест ветра в елях, поднимающихся словно пикеты за руинами.

Что заставило людей покинуть свой дом? Что здесь не так? Они эмигрировали, чтобы найти лучшую жизнь? Дома выглядели примитивно, некоторые даже убого и захудало. Но одно это не могло быть причиной. Эта деревня производила на меня такое впечатление, будто внезапно из неё вытянули всю жизнь. Теперь она оказывала этому противодействие. Ничего не двигалось, никаких голосов не звучало, в узких переулках не раздавалось никаких шагов, но души людей всё ещё цеплялись за развалившиеся стены и отказывались уходить. Боящиеся, беспокойные души.

Кто захотел их изгнать?

Ветер продувал через щели и трещины в доме рядом, в умножающимся, пустом пении, из-за которого у меня по рукам прошла дрожь, и в тоже время, это пение сделало меня сонной.

Были ли это Мары, что уничтожили деревню? Чтобы потом самим занять её? Они напали на неё как саранча, ночью, когда все спали, а люди потом убежали, не понимая почему?

Слегка крадущимся шагом я шла по бывшей главной улице в сторону деревенской церкви. Справа от меня появилась старая мясная лавка, «Macelleria» стояло потускневшими голубыми буквами на осыпающейся стене. Окна большинства домов были заколочены, не деревом, а металлическими пластинами. Попытка защититься от ночных незваных гостей? Ни одного Мара не удержат металлическая пластина, но люди должно быть чего-то боялись.

Перед церковью я остановилась, чтобы перевести дух, потому что воздух казался несвежим и плохо насыщенный кислородом, хотя здесь в горах, было намного прохладнее, чем внизу на нашей улице. Море я уже давно не видела. Никакой больше точки опоры. Только эта деревня и церковь, которая просила о том, чтобы я вошла в неё. Её сгнившие органные трубы тихо пожаловались, когда ветер задул в дыры на крыше и заставил траву рядом с моими ногами затрещать. Ветер или змеи.

Я не боялась ни того, ни другого и зашагала к двери. Она была очень тяжёлой, также обита железом и толщиной в руку. Мне пришлось навалиться на неё всем весом, чтобы открыть. Внутри на каменном полу полосами лежала пыль. Скамейки перевёрнуты, и частично даже сломаны, как будто в церковь вломилась армия, чтобы забрать также и тех, кто искал защиты у Бога.

Снова зазвучал орган, в этот раз почти что мелодичный аккорд, печальный, но также немного тоскующий. Я подняла на него взгляд. Галерея была целой, хотя ступени уже рассыпались. Глубокие трещины тянулись по стенам всего здания, но я лёгкая, что с ней станет? Я даже не держалась, когда взбиралась наверх, в то время, как ступени подо мной угрожающе скрипели, а камешки, тонкой лавиной, сыпались на пол церкви.

Клавиатура органа казалось была ещё целой, педали тоже выглядели неповреждёнными. Только трубки отделились от стены, торчали во все стороны в воздухе. Они напоминали мне терновый венец. С благоговением я положила руку на клавиши. Играл ли здесь кто-то, когда это случилось? Я не смогла по-другому, просто должна была нажать на них, проиграть лишь один аккорд, чтобы эти стены сумели найти новую жизнь, и чтобы привлечь сюда все души, пусть покажутся мне и наконец расскажут, что тут случилось ... Как будто кем-то управляемая, я растопыренными пальцами ударила по клавишам. Трубы органа тут же начали кричать, глубоко и пронзительно, в одно и тоже время, и пол подо мной провалился. Заскрипев, дерево раскололось, валуны с грохотом упали на пол, пыль везде, в моих волосах, глазах и во рту. Я дико размахивала руками, ища опоры, и хватала лишь воздух, но потом, при падении, мне удалось ухватиться за балку, к сожалению, лишь одной рукой, другая была мне нужна, чтобы сбалансировать равновесие, в то время как я висела на высоте нескольких метров над каменным полом церкви. Я попыталась поднять вверх и левую, чтобы ухватиться обоими руками за балку, но, когда задвигалась, она угрожающе заскрипела, как будто в следующую секунду оторвётся и утащит меня за собой в глубины. Вообще, как долго я смогу ещё держаться одной рукой за гнилой кусок дерева, которое медленно раскачивался туда-сюда?

В фильмах героям удавалось делать это невероятно долго, содрогалась ли земля или нападал тираннозавр, при этом они могли ещё и двигаться, вести дискуссии, иногда даже целоваться или признаваться в любви. Но моя сила начала иссякать уже спустя несколько секунд. Мои потные пальцы соскальзывали миллиметр за миллиметром с ломкого дерева. Сейчас я рухну вниз ...

Я запрокинула голову и посмотрела наверх, может быть там есть что-то, что даст мне больше стабильности, чем эта дерьмовая, разъеденная червями балка в моей правой руке, но солнце, светящие в дыру на крыше, так внезапно ослепило меня, что я вздрогнула. Мои пальцы раскрылись. Я сорвалась.

Я упала и к моему огромному удивлению приземлилась мягко и безопасно. Вполне приятная смерть. Значит это происходит так быстро? Ты вовсе не видишь, как перед внутренним взором пробегает вся твоя жизнь?

Никакого яркого света? Что ж, яркий свет я только что видела, собственно говоря именно он меня и убил, но это ...

- Опля. - Я ничего не имела бы против, если бы он ещё немного подержал меня, но он осторожно посадил меня на пол, и сразу же убрал руки. Образцовый джентльмен. - Что это за выходка?

- Боюсь довольно глупая, - пробормотала я смущённо и ахнула, когда распрямила пальцы. Длинная заноза вонзилась в подушечку моего большого пальца. Целенаправленным рывком я удалила её. Кровь почти не пошла.

Я не могла скрыть радость от того, что вновь увидела Анжело; мой рот самостоятельно изогнулся в восхищённом смехе. В то же время я всё ещё чувствовала страх, и внезапная спасательная операция Анжело была для меня уж очень судьбоносной, чтобы не насторожиться.

- Спасибо, - всё-таки воспитанно произнесла я.

Анжело ухмыляясь, покачал головой, а потом, почти с таким же жестом, как это сделал Гриша, когда один единственный раз заметил меня, склонил её в бок. Всё же Гриша в этот момент был намного дальше, чем во все прошедшие годы. Освобождающее чувство.

- Эли ... что во имя Бога ты здесь делаешь?

- Тоже самое я могла бы спросить и тебя, - ответила я немного вызывающе - лишь совсем чуточку, в конце концов я не хотела его прогнать.

- Что ж ... я увидел на дороге дымящийся автомобиль с немецкими номерами. С такими, которые не из района Хохзауэрланд.

- Э? - сказала я, ничего не понимая. - Хохзауэрланд?

- Если тебе встречается здесь немецкая машина, то как правило, из района Хохзауэрланд. Целые деревни переселились туда, а летом некоторые жители приезжают навестить старую родину. Но номер машины был необычным. Плюс твои сандалии на пассажирском сиденье ...

Я удивлённо посмотрела вниз, где мои пыльные, тёмные пальцы ног выделялись на светлом полу - тёмные потому, что между тем, они уже загорели на солнце. Мягкая кожа между пальцев светилась белым цветом, когда я растопыривала их. Да, правильно, я ехала босиком, чтобы не соскользнуть гладкими подошвами с педалей, а до этого на мне были одеты те же сандалии, что и во время моего визита в заколдованный, райский сад Анжело. До сих пор понятно - не считая того факта, что я шла босиком по дороге с щебёночным покрытием и даже не заметила этого.

- Но это ещё не объясняет, что ты делаешь здесь наверху!

- Даю уроки игры на фортепьяно. В Козенце.

«Молодой девушке по имени Бетти?» подумала я, но не осмелилась спросить. Анжело коротко скривил рот. Этого хватило, чтобы на его щеке образовалась ямочка.

- Ты ... ты ведь не думала, что найдёшь здесь своего отца? Не так ли? Ты искала Маров?

Да, примерно так и было, а теперь, когда меня кто-то об этом спросил, я поняла, какой наивной и смелой была моя поездка на Силу.

- Я ... я только хотела посмотреть, есть ли ... Признайся Анжело, эта деревня странная, что-то здесь не так! - защищалась я. Я в первый раз обратилась к нему по имени, и ощущение было хорошим. Каким-то образом я сразу же почувствовала себя более уверенной и зрелой.

- Да, здесь и правда что-то не так, ты права. И это не то место, где красивой, молодой женщине стоит бродить одной.

- Значит, всё-таки Мары ...

- Нет. Ндрангета.

Ндрангета. Калабрийская мафия, якобы самая ужасная и жестокая мафиозная организация в мире. Анжело сказал это слово мягче, чем Джианна, когда не спрашивая, терялась в жутких рассказах о мафии, но как всегда я посчитала это слово устрашающим. Как я между тем уже знала, Ндрангета была вездесущей. Если истребить её, будет так, словно обрежешь Калабрии важную для её жизни вену, через которую неизбежно бежал так же её яд.

- Поверь мне, здесь на много миль вокруг нет никаких Маров. Ты рискуешь больше нарваться на мафиози, который складывает своё оружие в одном из домов, и тогда это может стать опасно. Вся деревня была взята после полицейской облавы. Те немногие, что остались, мигрировали. Разве ты не видела, что окна сделали пуленепробиваемыми?

Да. Это я видела, но совершенно неправильно истолковала.

- А Мары не имеют ничего общего с мафией? - Так быстро я не собиралась отказываться от моей теории.

- Нет. Мы не любим подчиняться какой-нибудь организации, не имеет значения, криминальная они или нет. Кстати, смешная идея ... - Уголки губ Анжело слегка приподнялись вверх, что придало его сдержанной улыбке мечтательное выражение. Если бы у меня с собой был фотоаппарат, то я именно сейчас нажала бы на кнопку. - Как у тебя вообще появилась идея искать здесь, именно в этом уголке земли?

- Я ... ах, плевать, - пробормотала я. Теперь я могла похоронить и мою последнюю надежду. – Разве это настолько невозможно, чтобы здесь жили Мары, которые рассказали бы мне что-нибудь или мой отец ... - Я не могла продолжать. Мои мысли играли в догонялки, и не одна из них не могла победить. То, что я пыталась сказать, звучало действительно очень абсурдно.

- Чем они по-твоему будут здесь питаться? - спросил Анжело - справедливый вопрос, который меня совершенно обескуражил. Даже если бы здесь ещё жили люди: я не могла представить себе, чтобы их сны были особенно питательны. Бедность в горных деревнях была ощутима; я до этого лета на знала, что в Европе вообще существуют ещё люди, которые вдали от современного мира обходятся тем, что даёт им природа, и практически отрезаны от внешнего мира. Есть не так много возможностей, чтобы выжить: разведение домашнего скота, кропотливый сельскохозяйственный труд и старая ремесленническая деятельность, которая скоро исчезнет. Я хорошо могла понять, что с карты исчезали целые деревни, потому что жители пытались найти удачу на севере.

- Пошли, давай уйдём отсюда, прежде чем на нас обрушиться остаток крыши, - предложил Анжело. - Я не могу обещать, что буду стоять и во второй раз в нужном месте, чтобы поймать тебя.

Чтобы открыть тяжёлую дверь, ему не пришлось прикладывать никаких усилий. Снаружи я закрыла лицо рукой, чтобы отгородиться от яркого, послеполуденного света, пока снова не привыкла к нему и смогла видеть.

- Значит здесь наверху Маров нет? - Я всё ещё никак не могла сдаться. Что мне делать, когда я вернусь домой, вновь ничего не выяснив? Я не хочу, чтобы другие отказались от поисков и начали планировать нашу обратную дорогу.

- Возможно в южной Италии ещё есть парочка других Маров, но они точно не напишут это на своей входной двери, и даже если ты найдёшь их, это не значит, что у них имеется информация о твоём отце или что они захотят поделиться ей. Эли... я знаю, это меня не касается, но я чувствовал бы себя лучше, если бы в будущем, ты оставила эту затею и не ходила гулять одна по вымершим деревням. - К счастью его голос не прозвучал, как голос старшего учителя, а лишь слегка обеспокоенно, не то я выпустила бы коготки.

- Но мне ведь нужно что-то делать! - всё же защищалась я.

Анжело молчал, руки в задних карманах брюк, взгляд опущен, это опечалило меня, как будто кто-то вырвал из рук что-то ценное. Казалось он размышляет над тем, как преподнести мягче то, что он собирается сказать, да, приукрасить это, но он не сможет. Такое нельзя преподнести в розовом свете. Мой поиск бесполезен, да к тому же опасен. Здесь я не продвинусь дальше ни на шаг. Видимо существует намного меньше Маров, чем я полагала.

- А список? Что со списком? - выдала я мой самый последний козырь. Анжело удивлённо поднял свою белокурую голову.

- Список? - Теперь он оказался тем, чьи глаза распахнулись от удивления.

- Список полукровок, - объяснила я нетерпеливо. - У кого есть доступ к этому списку?

- Эли, я ... я ничего не знаю о списке. Написанный список? Листок бумаги с именами полукровок?

- Нет, список, который передаётся устно, от Мара к Мару. То есть коллективное знание.

- Ну, это правда, что полукровки для некоторых Маров словно бельмо на глазу и что их не сильно привечают, но о списке я ничего не знаю. Чаще всего, дела с полукровками, решаются сами собой... - Анжело замолчал, как будто сказал слишком много.

- Что ты имеешь в виду?

- Ничего. Не так важно, - парировал он. Он только что хотел намекнуть на то, что полукровки, в отличие от Маров, в какой-то момент умирают - или что их линчуют? - Эли, я кое-что предложу тебе: в Лонгобукко подают лучшую пиццу во всей округе. Ты голодна? - Ошарашенно я кивнула. Да, я проголодалась, даже очень сильно проголодалась, в конце концов я ведь не пообедала. Теперь мне не помешает съесть что-нибудь из-за разочарования, а пицца хорошо для этого подойдёт.

- Тогда мы возьмём мою машину, и я организую тебе в Лонгобукко службу эвакуации автомобилей. Скорее всего лопнул шланг радиатора, это можно быстро устранить.

- Хорошо, договорились. - Это даже лучше, чем я думала. У меня есть время задать другие вопросы.

Но сначала я больше не хотела разговорить. Молча мы вышли из деревни и дальше по гравийной дороге на шоссе, где машина Анжело светилась уже из далека - стильная Альфа Ромео. Красная и открытая. Да, крышу Вольво я проклинала здесь уже не раз. Я схватила мои сандалии с пассажирского сиденья и бутылку с тёплой водой, которую хранила в нише для ног и залезла к Анжело в машину.

Он как раз поднимал пачку листов с нотами и метроном с кожаной обивки сиденья, чтобы освободить для меня место, и убрал их в бардачок, где кроме дисков, я увидела также и несколько мятных, сосательных конфет. Я с удовольствием перерыла бы эту машину сверху до низу.

Серебристо-зелёный Ситроен Гриши - был шикарной машинкой, но вот эта, переплюнула её. Я едва могла дождаться, когда Анжело заведёт двигатель и поедет. Когда он наконец это сделал - он ещё проверил радиатор Вольво - я настороженно вытянула шею. Двигатель тарахтел звучно и пламенно, но я была уверенна, что услышала колокола церкви. Да, звон колоколов разносился в воздухе, но кроме деревни по близости, здесь нет никаких населённых пунктов, а я так отчётливо слышала шум колоколов, как будто церковь стояла прямо позади нас.

К тому же щебетание птиц и жужжание пчелы ... Где находится эта пчела? Подозрительно я огляделась.

Анжело тихо рассмеялся.

- Всё в порядке, это музыка. - Он указал на CD плеер, который начал играть сам, когда он завёл мотор. Успокоившись, я выдохнула, но уже при следующем ударе сердца, всё моё тело заболело. Звон колоколов, старый и мощный. А потом эта хорошо запоминающаяся

последовательность нот, три фортепианных аккорда, каждый раз сыгранных два раза. Снова и снова друг за другом. Таммтамм, таммтамм, таммтамм. У меня не когда не было этой песни, но я знала её наизусть. High Hopes от Pink Floyd, любимая группа моего отца. Он часто ставил её, когда Пауль и я в очередной раз выходили из-под контроля, чтобы она успокоила нас, или же, чтобы ободрить меня, когда я возвращалась из школы бледная и заплаканная. Как раз подходит, подумала я с горечью, в то время как пыталась проглотить ком в горле. Это чрезмерные надежды, из-за которых я снова и снова разочаровывалась и которые загнали меня сюда ... А теперь мне ничего другого не остаётся, как чувствовать себя маленькой девочкой, которая скучает по отцу, папе, с его непоколебимым, харизматичным обонянием, твёрдым, как скала, плюс эта божественно-прекрасная музыка. Как я смогу жить без него?

- О, извини ... плохие воспоминания, не так ли? Воспоминания об этом типе? - Анжело протянул руку вперёд и хотел нажать на кнопку, но я вмешалась. Наши руки коротко прикоснулись друг к другу. Обе тёплые и здоровые.

- Нет, оставь, всё в порядке, - возразила я отважно. Лучше я послушаю её, и она меня уничтожит, чем прерывать. В следующей зоне, в которой можно уступить дорогу, Анжело остановил машину и выключил двигатель. Никакой шум больше не мешал играть музыке, и ничто не мешало моей скорби. Тактично он вышел из Альфы, отошёл на несколько шагов, чтобы оставить меня с моими мыслями наедине, жест вежливости, а не отсутствие интереса.

Я оставалась сидеть в течение нескольких вдохов и выдохов, когда с обвинением, но также переполненная любовью, вспоминала о том, что мой отец дал мне и чем одарил. Жизнь в стороне от других, в которой меня постоянно сопровождало чувство, что со мной что-то не так. Мне никогда не приходила в голову мысль, что что-то не так с моим отцом. Он казался мне непогрешимым. А теперь он ушёл.

Я сделал глубокий вдох, вытерла солёную влагу со щёк и тоже вышла. Анжело стоял возле обрыва, направив взгляд в даль, руки, как и раньше в задних карманах брюк. Его тонкая футболка колышется на стройном теле.

Это утешает, видеть кого-то вроде него и иметь возможность подойти, без робости и страха, что тебя отвергнут. Он меня не обнимет и не высушит слёз; я в любом случае знала, как это предотвратить. Но всё-таки, я могла стоять рядом, разделить с ним этот вид на долины и море вдалеке, вокруг нас стрекот сверчков и музыка, от которой я больше не смогу убежать. Нет, я хотела создать к ней новые воспоминания. Теперь я буду думать не только о папе, когда услышу её, но также о том, как я стояла с Анежло в горах и приблизилось к тому, что всегда казалось недостижимым. На данный момент этого достаточно. Большего и не нужно. Мы ничего не говорили, только слушали, пока не закончилась последняя нота.

Наступил ранний вечер, когда мы добрались до Лонгобукко, деревня немного побольше, примыкающая к скале. Поездка туда была целым приключением: слева от нас находилось гигантское пересохшее русло реки, которое позволяло предположить, как грандиозно водные массы прокладывают себе дорогу осенью и весной. Следы от массивных оползней между деревьев, чьи корни были частично оголены, свисая в воздухе, держали вес ствола из последних сил. Выглядело так, будто здесь бушевал великан. Анжело рассказал, что деревни, такие как Лонгубокко, часто заносит зимой снегом. Здесь наверху может быть очень холодно. Даже сейчас было заметно холоднее, чем в это время суток возле моря. Я с благодарностью приняла мягкий, лёгкий пуловер, который протянул мне Анжело, чтобы положить его себе на голые плечи, когда мы заняли место в пиццерии.

Анжело не преувеличил; пицца была лобовой атакой на мои вкусовые рецепторы, казалось они взорвутся от блаженства, когда я откусила кусок. Салфеткой я вытерла каплю оливкового масла с подбородка. Я знала, что снова уставилась на него, но невозможно было не смотреть на то, как Анжело режет пиццу и с наслаждением засовывает себе куски в рот.

Теперь он опустил вилку.

- Эли, я не могу так есть. Ты заставляешь меня нервничать.

- Извини, - пробормотала я и сглотнула. - Просто ... я ... как вообще ты перевариваешь пиццу? - спросила я с любопытством. Мне нужно наконец узнать. Колин никогда не хотел посвятить меня в секреты своего пищеварения. Может быть это сделает Анжело. Ему не нужна человеческая еда, поэтому, как это работает?

Анжело сглотнул и отодвинул тарелку немного в сторону. Я привела его в смущение. Теперь он выглядит не как двадцатилетний, а как максимально восемнадцатилетний.

- Я бы сказал, точно так же, как и вы люди. Что заходит внутрь, должно так же снова выйти, не так ли? По обычному пути. Я не страдаю булимией. О Боже мой ... Что я такое говорю? - Мой допрос явно был ему неприятен. Я покраснела, а если бы и он мог, то составил бы мне конкуренцию. Всё же он сохранил свою улыбку. - Думаю, я больше не буду есть, - добавил он укоризненно. - Я не могу, когда ты задаёшь такие вопросы.

- Нет, ешь! - поощрила я. – Пожалуйста, ешь. Я больше не буду смотреть. Я просто удивлялась, что ты вообще делаешь это.

- Я люблю пиццу, что в этом такого особенного? - Анжело снова взял в руку нож и посмотрел на пиццу с подозрением и в тоже время с вожделением. Потом верх взял аппетит, и он начал есть.

- Ну, она ведь тебе не нужна, - возразила я. - Тебе вообще не нужна человеческая еда. Она не насыщает!

- Тебя насыщает шоколад? Ты ешь шоколад, чтобы питаться им? Что тебя заставляет есть шоколад, прежде чем ты ложишься спать, хм?

О небо, какая же острая салями. Я сделал большой глоток красного вина и блаженно закрыла глаза, когда ароматы смешались друг с другом.

- Откуда ты знаешь, что я ем по вечерам шоколад? - Дома я действительно так делала.

- Ах, все женщины такие! - ответил Анжедло ухмыляясь. - Вы не можете жить без шоколада.

Тебе бы говорить, подумала я, тихо забавляясь. Детский шоколад на пианино, а потом хвастается, будто так хорошо понимает женщин.

- Ага. Значит ты знаешь так много женщин, что можешь говорить обо всех в общем? - подразнила я.

- Не многих. Некоторых. Э ... ну. Я думаю, независимо от того, что я сейчас скажу, всё будет не верно, так ведь? - Он усмехнулся мне, как мальчик, который точно знает, что накосячил. Очень неотразимая эта улыбка, и чертовски тяжёлая основа для дальнейших споров. Или может быть исключительно хорошая?

Мы ещё какое-то время дурачились, бросаясь намёками и рассказывая всякую ерунду, пока официант не принёс нам два Рамазотти, и мы заметили, что наступила ночь. Это был Анжело, внезапно с его лица ушло всё веселье, и я поняла, что услышу теперь что-то, что мне не особо понравиться. Смогу ли я это отложить этот разговор? Но Анжело оказался быстрее.

- Знаешь, Эли... о, чёрт, как же мне начать ...

- Просто начни. - Я выпила Рамозотти и отставила стакан в сторону, чтобы показать, что готова, к чему бы там ни было.

- Ты ещё никогда не задумывалась над тем, что твой отец возможно ... что он возможно сменил сторону?

- Что он - что? - Я не хотела кричать и намеревалась сдержать себя, но такого вопроса не ожидала. - Никогда в жизни! Никогда!

Губы Анжело стали немного тоньше, чем обычно, но это ему шло. Мои нервы перестали дрожать, когда я посмотрела на него, но я всё ещё считала вопрос наглым и бестактным.

- Один раз я уже намекал, - сказал он приглушённо. - Ты о нас не высокого мнения.

Я испуганно молчала. Я не понимала, как, во имя Бога, у меня должно быть высокое мнение о Марах. И всё-таки я ела с одним из них пиццу. Я вела себя не слишком последовательно.

- Я не хотел утверждать, что твой отец теперь твой противник. Я не это имел в виду. Но очень тяжело постоянно находиться между двух сторон и большинство полукровок в какой-то момент решают закончить то, что было для них предназначено, прежде чем измучаются и обессилят. Дороги назад больше нет. Я имел в виду именно это, когда говорил раньше, что такое почти всегда решается само по себе. И разве это было бы так ужасно?

- Да, ужасно! - вскрикнула я, в этот раз немного потише. - Папа всегда хотел сделать из того, что с ним случилось, что-то хорошее, это была его цель - а не стать чем-то плохим!

- Значит, вот как для тебя всё просто: Мары плохие, люди хорошие? Правда? Эли, я не хочу отрицать, что среди нас есть абсолютно паршивые типы, но они есть также и среди людей и возможно твой отец верил, что может стать причиной чего-то более лучшего, если выберет одну сторону. Что ему не нужно будет постоянно тратить силы и бороться против самого себя. Может быть он только ждёт того момента, когда ты сможешь это принять. Нет, поразмышляй над этим, прежде чем выцарапать мне глаза. Я не хотел тебя оскорблять или обижать, это только одна мысль, идея. И она ещё не значит, что он так сделал. Я просто знаю, что некоторые полукровки сделали этот шаг. Вот дерьмо, что я теперь опять натворил ...

- Ничего, - сказала я холодно, хотя во мне пылал огонь. Никогда в жизни мне не пришла бы эта идея самостоятельно, но его логика была подкупающей. Папа постоянно боролся с собой, снова и снова ему приходилось уходить, чтобы ничего не причинить своей собственной жене. Плюс его постоянные конституционные трудности, «мигрень», его светочувствительность, невозможность предпринять с нами что-то нормальное. Это абсурдно, но Анжело казался мне гораздо более нормальным, чем когда-либо мой собственный отец. Возможно это несправедливо, но правда. И в тоже время эта мысль была желанной. Что папа ждёт меня и надеется, что я смогу понять его поступок, потому что сама вместе с одним из них.

Возможно я действительно видела только чёрное и белое. О да, люди могут быть злыми, даже очень. То, что Колин пережил в лагере, было создано человеческими руками; механизированное, массовое убийство, хладнокровное и расчётливое до непостижимости. Они называли это конечным решением. Разве это ненамного более жестоко, чем похищать у людей сны и мечты?

- Одно зло не исправляет другого, - сказала я, что пришло мне на ум, когда я сравнивала обе стороны друг с другом. - Только потому, что люди могут быть плохими, не значит, что это хорошо, похищать сны и мечты.

- Да, я с тобой согласен, - ответил Анжело спокойно и почти даже немного грустно. - Но мы ведь зависим от них.

Это не должны быть обязательно человеческие сны, подумала я дерзко. Я могла бы спорить с ним и дальше, много часов подряд, но Анжело встал и прошёл к прилавку, чтобы заплатить. Он хотел отвезти меня домой, прежде чем остальные начнут беспокоиться. Может быть в действительности ему нужно идти на охоту, ведь этот механизм мне прекрасно знаком.

Не смотря на пиццу в моём животе и тирамису, который мы с наслаждением разделили после пиццы, как две сладкоежки, мне на стало плохо в поездке через горы к морю. Я откинула голову назад, закрыла глаза и тихо радовалась хорошему самочувствию, когда после нескольких минут нежной, итальянской музыки, заиграла та английская песня, которую Анжело играл в Пиано-баре.

«Here I go out to sea again, the sunshine fills my hair and dreams hang in the air …»

Я увидела его за пианино, голова опущена, руки на клавишах ... такой самозабвенный ... Как хорошо, что он сидит рядом, в то время, как образы вернулись, даже если он только что ужасно меня разозлил. Но он не хотел этого делать.

«*Gulls in the sky and in my blue eyes. You know it feels unfair, there's magic everywhere.»*

Новые, незнакомые картины появились перед закрытыми глазами ... и снова Анжело ... а ещё море ... такое голубое.

- Ты занимаешься серфингом? Ты серфингист, не так ли? - спросила я высоким и хриплым голосом.

- Иногда да. Да, я занимаюсь серфингом ... мне это очень нравится ...

- Я могу тебя видеть. Я вижу тебя. Ты танцуешь на воде ... - Он играл с волнами, спрыгнул с доски, руки всё ещё на парусе, а босые ноги скользят по пенящимся волнам, снова запрыгнул на доску, подпрыгнул вместе с парусом в воздух, перекрутился вокруг себя. Невесомый.

- До скорого, - сказал он, когда я выходила.

- До скорого, - сказала так же и я, хотя боялась, что этого не будет. Но пока что у меня достаточно идей для грёз, чтобы заполнить ими один или два дня. Их они должны мне ещё предоставить.

Они тоже отлучились, дом встретил меня пустотой. Я не имела ничего против. Хотела, чтобы моё царство было во всех комнатах. Я села на террасе, передо мной стакан красного вина и положила голые ноги на перила, чувствуя, как медленно расслабляюсь. Всё возможно. Даже то, что папа стал Маром. Я ещё не верила, но это возможно.

Мне нужно время, чтобы поразмышлять над этим. Подумать, какими могут быть следующие шаги. Но сначала разумнее ничего не делать.

Я совсем не утомилась. Легла в кровать только потому, что с нетерпением ждала сны. Потому что теперь больше не причиняло боли, когда я просыпалась из них.

Расстройство желудка.

- Что там происходит? - Я не могла сдержать немного раздражённый нотки в моем голосе. Я только что села на балконе чердака, как делала каждый вечер, так как поняла, какое мирное это место, если сидеть, облокотившись о перила в углу, совершенно тихо и не двигаясь и смотреть на деятельность летучих мышей вокруг. В начале я ещё слушала при этом музыку, теперь больше не нуждалась в ней, ультразвуковой радар животных производил намного более красивую мелодию. Иногда их крылья почти что касались меня. Я ждала того момента, когда это действительно случиться.

Но летучим мышам не нравились шум и суматоха, точно так же, как и мне. Как только голоса в саду стали громкими, они разлетелись в разные стороны, и теперь были видны лишь как маленькие, похожие на ласточек тени высоко надо мной. Но мне хотелось, чтобы они были рядом.

- Спустись вниз, Элиза, пожалуйста! - крикнула Джианна. - Это срочно!

Срочно. Что могло сейчас, в это время и после такого расточительно-длинного, жаркого дня, быть срочным? Мытьё посуды? Термиты? Снова змея в душевом поддоне? Джианна обнаружила её однажды в обед и потребовала от Пауля, чтобы тот разрубил её лопатой на две части, но к счастью Пауль отказался. Я в любом случае запретила бы ему. Змея никому ничего не делала. Кроме того, она уползала, если захлопать в ладоши, а с этим Джианна надеюсь ещё справиться.

Но если змея была там, то мне нужно вмешаться, прежде чем Джианна сама размахнётся лопатой. Она вполне могла это сделать. Вздыхая, я встала и шмыгнула вниз по лестнице. Я нашла Джианну на выступе перед дверью, ведущей из кухни в сад. Она вцепилась руками в перила, как в тот день, кода пришла Тесса. И выглядела почти такой же уничтоженной, как тогда. Что-то сильно её встревожило.

Но настоящие события происходили в саду.

- Как долго он здесь? - удивлённо спросила я.

- О, Эли, это ведь сейчас не имеет значения ..., - вспыльчиво сказала Джианна. Её голос дрожал. - Луис болен! У него колики и ...

- И? - Я осмелилась посмотреть более внимательно. Луис, с тусклым взглядом и склонив голову вниз, стоял в тени, выражение безнадёжной агонии. Я ещё никогда не видела его в таком жалком состоянии. Обычно казалось его мех вибрировал от подавляемой энергии. Теперь же он был очень печальным зрелищем. Колин как раз ощупывал его вздутый живот и снова и снова прикладывал ухо к меху и слушал.

- Ты разве не видишь? - воскликнула Джианна, указывая на Колина. Казалось у неё скрытая истерика, но я воздержалась от того, чтобы успокаивающе положить на неё руку; она ведь этого не хочет. - С ним почти невозможно общаться, к тому же его глаза, его глаза! Он зол из-за страха, и я не могу подойти к нему, я не могу, я знаю, это трусость, но у меня не получается ... - Она говорит о Луисе или о Колине? Я не совсем её поняла.

- Колин! - закричала Джианна. Почему она так орёт? Ей не нужно кричать, он понимает каждое слово, которое она говорит. - Колин, мне очень жаль, я не могу подойти к тебе, но Эли теперь здесь.

- Чего ты собственно хочешь? - объективно спросила я Джианну. Видимо она боится Колина, а не Луиса. Почему она не может подойти к нему? Он выглядит напряжённым, но спокойным. Нет причин ни бояться его, ни чрезмерно беспокоится. - Ты ведь совсем не можешь помочь Луису.

- Луису нет, но возможно Колину, - захныкала она. - О, я такая трусиха ...

Колин оставил Луиса, чтобы сделать несколько шагов в нашу сторону. Ладно, мне стоит поправить себя. Джианна не ошиблась. Свои движения он сдерживал, но глаза приняли почти

что болезненную мутность. Болотную, истощённую черноту, которая словно затягивала тебя в пучину. Мои волосы на затылке тоже встали дыбом, когда я увидела его.

- Ты давала ему что-нибудь поесть, Джианна? Что-то, что он обычно не получает? - пролаял он.

Джианна сгорбилась. Её жёлтый взгляд избегал встречи с ним.

- Только вчера лакомство и, ах да, сегодня в обед я положила ему в кормушку кожуру от картофеля, но ...

- Кожуру от картофеля!? - заорал Колин. Джианна начала реветь. - Это лошадь, а не свинья!

- Но я ... я ... я думала, это не проблема, это ведь только кожура от картофеля, я не знала, что ...

Колин сердито отмахнулся, что ещё усилило рыдания Джианны. Она оторвалась от перил и предприняла попытку подойти к нему, но спустившись до середины лестницы развернулась и побежала снова ко мне.

- О Боже, я не могу, мне так хочется помочь ему и утешить и ...

- Было бы лучше, если бы ты не давала ему отходов, тогда не было бы всей этой неприятности! - загремел Колин. Снова Джианна уговорила себя пойти к нему, и снова потерпела неудачу, как будто там внизу стоял кто-то, кто силой оружия заставлял её возвращаться назад. В этот раз Колни это тоже заметил.

- Оставайся наверху, Джианна. Оставайся там наверху, ясно? – предупреждающе сказал он, чуть тише, чем только что. - Не подходи ко мне близко, если не хочешь. - У меня уже гремело в ушах от рёва Джианны. Разве она не может немножечко сдерживаться? - Эли, отправь её в дом ...

- Нет, если я сейчас уйду, то буду последний задницей! - сопротивлялась Джианна и отбросила мои руки в сторону. - Я ведь люблю Луиса, и я люблю тебя, Колин, я не понимаю, почему не могу подойти ...

- Успокойтесь оба! - вмешалась я, звучно закричав. Здесь у лошади колики, возможно это проблема, но всё-таки не настолько драматичная, чтобы она оправдывала поведение Джианны и Колина. - Вы не можете немного умерить свой пыл? Да с вами с ума сойти можно! Джианна иди в дом, если Колин говорит. Таким образом ты только возбуждаешь Луиса, а это точно не поправит его здоровье. Ну, иди уже ...

Так как она не хотела, чтобы я прикасалась к ней, мне нужно было только поднять руки и сделать вид, будто я собираюсь коснуться её, и вот она уже всхлипывая, ушла на кухню. Я спустилась в сад, чтобы подойти к Колину и Луису и остановилась на безопасном расстояние примерно в полтора метра.

- Где Пауль, он не может помочь?

- Пауля здесь нет. Кроме того, он не ветеринар. - Колин хотел заставить Луиса пройти несколько шагов. Он передвигал свои копыта неохотно и медленно, голова всё ещё опущена, как будто потерял всю свою волю к жизни.

- Почему бы тебе тогда не вызвать ветеринара? - спросила я удивлённо. - Кто-то ведь должен дежурить. Здесь тоже есть животные.

- Потому что он мне не поможет! Мне уже знакомы такие ситуации, Эли, я переживаю их не в первый раз. Когда я в беде и нуждаюсь в людях, они бояться меня ещё больше, чем и так уже! Лучшее доказательство мы только что видели! Они придумают тысячи отговорок, почему не хотят приехать, они это чувствуют уже даже по телефону ... - Колин сделал уничижительный жест и призывно защёлкал языком, чтобы уговорить Луиса сделать ещё несколько шагов. Его копыта ещё только шаркали по земле. После двух кругов Колин позволил ему остановиться, опустился на колени и схватился за волосы, как будто хотел повыдёргивать их пучками. В этот

момент я сама была в растерянности. Пауля нет, звонить врачу, по словам Колина, не имеет смысла, но ведь должно же быть какое-то решение. Размышляя, я смотрела на то, как Колин внутренне терзается. Внезапно он поднял голову и посмотрел на меня, лицо искажено беспокойством, агрессией и горем. Да, он может напугать и держать на расстояние, когда находится в таком настроении. Мне тоже было тяжело сглатывать, а мои ноги вздрагивали во внезапном импульсе бежать. Но я заставила себя остаться. Я должна помочь ему.

- Эли, если он умрёт ... если Луис умрёт, тогда я поеду к Мару, у которого выведал формулу, и позволю ему убить себя, я клянусь ... Тогда больше не будет иметь никакого смысла находиться здесь ...

- Ты этого не сделаешь, - решительно сказала я и подошла к нему, чтобы провести по тёмным, спутанным волосам. Рыча, он уклонился от моей руки.

- Ты гладишь меня, словно собаку! - прогремел он. Он был вне себя. Я на всякий случай сделала шаг назад.

- Извини пожалуйста, этот жест подразумевал ободрение, - ответила я сдержанно. Он что, тоже начнёт теперь избегать моей близости? Что всё это значит? - Весь этот театр начинает действовать мне на нервы. Во всяком случае ты не дашь убить себя. У Луиса колики, это болезнь, а не конец света ...

- Елизавета, разве ты не понимаешь? Я не могу жить без Луиса, просто не могу. Он моё единственное сокровище, без него я не смогу жить!

Я знала, что Колин любит своего жеребца, но теперь он преувеличивал. Скорее всего (надеюсь, что так!) это был его гнев на фиаско Джианны, что заставлял говорить такие вещи. Но я больше не хотела слушать эти сладкие речи. То, что мы здесь устроили, никому не поможет. И утешения Колин видимо тоже не хочет.

Я развернулась и зашла в кухню, где бледная Джианна сидела за столом и грызла ногти.

- Послушай, Джианна, ты можешь спуститься вниз к Луису и отослать Колина, как только придёт врач? И быть рядом, когда его будут лечить? Деньги ты найдёшь в моей прикроватной тумбочке.

- Какой врач? - подавленно спросила Джианна, но я была уже в коридоре и на ходу одевала сандалии. Ключ мне был не нужен, в крайнем случае я могу залезть в дом через окно. Сейчас нельзя терять ни минуты. Я бежала вдоль улицы, не сделав ни одной паузы, мимо заправки и наверх к старым оливковым деревьям.

Пожалуйста будь дома ... будь дома ..., настоятельно думала я, в то время, как открывала ворота и бежала к бассейну. Слава небесам, мои молитвы были услышаны. Он сидел за пианино, рядом откушенная плитка детского шоколада, а перед собой листок с нотами, на котором он как раз делал карандашом заметки. Удивлённо он поднял на меня взгляд.

- Эли, что - что-то случилось? - Несмотря на то, что я спешила, я улыбнулась, потому что крошечный кусочек шоколада прилип к уголку его рта. Я вытерла его суставом моего мизинца.

- Да. У Луиса колики и мы не можем найти врача. Ему действительно очень плохо. Может быть ты знаешь ветеринара, который сможет прийти?

- Ветеринар ... - Анежело отложил карандаш в сторону и нахмурившись размышлял. Даже с этим выражением его лицо казалось безоблачным. - Подожди минутку. Сейчас вернусь.

Обрадовавшись, что он сразу отреагировал, не задавая тысячу вопросов, я опустилась на табурет для фортепиано и прислушалась к грому грозы, которая собралась во второй половине дня над морем, но до вечера так и не приблизилась. Теперь она казалась мне более тёмной и мощной. Возможно, что за боли в животе Луиса, также ответственен душный воздух. Сегодня даже мне трудно дышать и не потеть. Такую духоту я ещё никогда здесь не испытывала. В том, что ночью над морем вспыхивали вспышки молний, не было ничего необычного. Но теперь

казалось, будто гроза находится прямо над нами. Удары грома звучали несколько секунд и становились громче, а потом снова тише - монстр, делающий глубокий вдох.

Несмотря на гром, я слышала, как внутри говорит по телефону Анжело; это был теперь уже второй или третий звонок - что мне делать, если он никого не найдёт, кто захочет работать в такой жаркий вечер? Я повернула вспотевшее лицо в сторону поднимающегося ветра. Он был всё ещё тёплым, не холодным и влажным, как шквалы ветра в Вестервальде. Надеюсь, что погода и останется такой, какой была до сих пор, очень надеюсь ...

- Он будет у вас через десять минут. А мне придётся на свадьбе его дочери изображать из себя пианиста.

Я вздрогнула и при этом задела нечаянно локтем клавиши низких тонов, поощрение для грозы повторить за мной и снова прогреметь. Анжело расслабленно усмехнулся.

- Ну да ладно, ничего страшного. Я всё равно это планировал. Теперь придётся сделать без оплаты.

- Блин, спасибо ... большое спасибо ...

- Не за что. Это мне и нравится в Италии. Кто-то всегда знаком с кем-то, кто может сделать то, что нужно тебе, и почти каждый раз они сразу же знают, как ты можешь вернуть им услугу, которую теперь задолжал. Это основной принцип мафии, но он сплачивает людей. Мне это нравится. Не обязательно же ведь, чтобы это сразу превратилось в преступление.

Я со всем согласна, ветеринар может носить с собой под жилетом заряженный Калашников, только пусть поскорее приедет и поможет Луису. Я не разбиралась в коликах, но знала, что их можно вылечить, во всяком случае чаще всего. Иногда, это я должна была признать, лошади умирали от колик, но Луись выносливый. Он выстоит. Джианне он нравится больше, чем мне, так сильно, что она осмелится спуститься в сад и отослать Колина, чтобы ветеринар не попал в беду.

Сама я лучше буду держаться в стороне. Лишь одно моё присутствие разжигает голод Колина, а в ситуациях как эта, скорее всего, он станет ещё более неумолим, чем обычно. Колин, однако, должен оставаться поблизости, потому что он понадобиться Луису. Нет, лучше, если Джианна и ветеринар позаботятся о лошади, а потом дело в руки возьмёт Колин. Мне нечего там делать.

Я встала и прошла к бассейну, села на край, на ещё тёплые от солнца каменные плиты и погрузила ноги в прохладную воду. О, как приятно ... Мои икры горели от бега сюда. Я опёрлась на руки, поставив их на плиты позади и откинула голову назад, так что волосы касались пола. Но этого недостаточно. Это освежило меня да, но было не тем, чего я хотела.

Я покосилась в сторону. Анжело стоял рядом со мной. Его сандалии точно дорогие. Ну что ж, подумала я спонтанно. Эту потерю ему придётся пережить. Прежде чем он смог отреагировать, я ухватилась за его лодыжку и потянула за собой в бассейн. Тысяча пузырьков высвободились из его рубашки, когда я открыла под водой глаза и посмотрела в его озадаченное лицо. Потом мы всплыли. Фыркая, мы начали хватать ртами воздух.

- Ты коварная бестия, - ругался он, смеясь, пытался ухватиться за меня, но я оказалась быстрее. Нырнув, я бросилась в другой конец бассейна и с размаха выскочила на ступеньки. С моей немногочисленной одежды стекала вода. Я стянула её с тела и бросила назад; как всегда, снизу на мне был одет бикини.

- Забудь об этом, Эли, я не топлю женщин и не веду с ними водных поединков. Не равные соотношения силы. Это было бы несправедливо. - Он стоял посередине бассейна, по грудь в голубизне, волосы мокрые. Обоими руками он убрал их со смеющегося лица. Потом небрежно упёр руки в бока, чтобы бросить на меня глубокий, наигранно-неодобрительный взгляд. Его мокрая рубашка прилипла к натренированному, но мальчишески-стройному телу. Сейчас бы скульптора с альбомом для эскизов в руках - и это зрелище можно было бы запечатлеть на

вечность. От выручки такой статуи можно будет построить по меньшей мере такой же большой бассейн, как этот, но с мозаикой на дне и пятью золотыми горгульями. Однако меня удивляло, что волосы Анжело сохли не быстрее, чем мои. Из них всё ещё стекала переливающимися каплями вода и падала на его плечи, но они уже опять завивались. Над нами снова прогремел гром.

- Ты довольно молод, не так ли? - спросила я внезапно застенчиво и как будто пленённая его видом. Только что я хотела ещё подплыть к нему и во второй раз бросить вызов. Теперь мне любое движение казалось разрушительным.

- Не знаю. Когда тебе 165 лет, это считается молодой? Что скажешь?

- 165? - повторила я ошарашенно. - Ты это не серьёзно, правда? - Это меня испугало. Я считала его кем-то, кого только недавно превратили, потому что он наслаждался своим существованием так интенсивно и с лёгким сердцем. Только идиот мог бы упустить из виду, что ему нравится жить.

- По ощущению, как двадцать, ну ты понимаешь. Считается тот возраст, как себя чувствуешь, а не настоящий. Вы женщины ведь всегда так говорите, когда молодость осталась позади.

Теперь он ещё и дерзит. Вы женщины. Опять!

- Ты отвратительный, уродливый, тщеславный шовинист, Микеланджело. - Я скользнула в воду и поплыла кролем в его сторону, но вызывать его на поединок действительно не имело смысла, он был проворный, словно рыба. Я всё же осталась под водой, нырнув, играючи перевернулась на спину и посмотрела наверх, где на поверхности бассейна начало рябить от дождя. Я слышала его журчание даже здесь внизу.

Только когда мои лёгкие начали болеть, я подплыла к краю бассейна и набрала воздуха. Дождь не только шёл, он лил как из ведра. За домом сверкнула молния. Гром последовал в следующую секунду.

- О, нет! - крикнула я расстроенно. - Он ведь закончится, не так ли? Он скоро закончится?

- В кокой-то момент дождь всегда заканчивается, а здесь чаще всего уже через десять минут. А есть шанс, что ты снова вылезешь оттуда, Свимми?

Ах ты Боже мой, Свимми. Моя потрёпанная, детская книжка, сто раз прочитанная про себя и вслух. Свимми, маленькая рыбка, которая настолько сильно отличалась от других рыб и всё же нашла своё место в косяке. В качестве глаза большой рыбы. Классная история, полная вальдорфской педагогики, подумала я саркастично, прежде всего для таких социально не приспособленных к жизни детей, как была я. И всё же, я чувствовала себя лучше без косяка. И да, я хотела вылезти, плавать под дождём не приносит удовольствия и нужно позаботится о том, чтобы по крайней мере унести мои вещи в сухое место.

- Давай зайдём в дом. - Мы, когда шли в дом, оставляли на каменных плитах террасы красивые водяные татуировки из отпечатков ног и падающих с волос тяжёлых капель. Двери всё ещё были распахнуты на распашку, потому что из-за грозы прохладнее не стало.

- Сюда, Эли, и не шуми, я хочу показать тебе кое-что, - позвал меня Анжело. Я последовала за его голосом, хотя мне хотелось получше всё рассмотреть, и оказалась в комнате, которая сразу же настолько меня околдовала, что мой рот опять открылся от изумления. Я оказалась не в читальном зале, а в круглой библиотеке. Здесь не было ничего, кроме книг, книг от пола до потолка - высокого потолка! - старинные книги, обложки которых были старыми и изношенными, книги в кожаном переплёте и с золотым тиснением на корешке, массивные книги с картинками, потрёпанные книги в мягкой обложке и ноты - целая стена, наполненная нотами.

- Ты их все прочитал? - спросила я с благоговением и указала на книги в мягкой обложке.

Анжело рассмеялся.

- Не все, но много. У меня ведь есть время.

Неоспоримо, у него оно есть. Но почему он привёл меня сюда? Снаружи всё ещё шёл дождь, это начинало меня тревожить - что, если Анжело ошибся и погода изменится, дождь и холод до осени?

Анжело схватил одну из лестниц и пододвинул ко мне. Он сам залез на другую. Они были стабильные, наверху имелось небольшое место, где можно было сесть, если вдруг не мог решить, какую теперь прочитать книгу, и во время поиска можно было немного полистать, ища подходящую литературу для вечера. Но Анжело не заботили книги. Он поставил лестницы таким образом, что мы могли смотреть на улицу, в сад - и действительно, лучшего вида на этот зелёный остров невозможно было придумать. Мы были достаточно близко, чтобы чувствовать его тайны, и всё же сидели настолько высоко, что от нас ничего не ускользало от происходящего внизу, между всеми этими горшками, цветами, обшарпанными камнями и изъеденным херувимом. Но на что нам смотреть? Пока что я видела только дождь, который стучал по земле тяжёлыми, тёплыми каплями, превращая пыль в глину.

Но потом сад вдруг начал двигаться. Между тем мне уже не нужны были контактные линзы, и моё с прошлого лета зрение возвратилось назад; всё же у меня было такое чувство, что я должна сфокусироваться, потому что сначала не могла разглядеть, что там происходит - но не потому, что была слепая, а из-за того, что не могла понять, что это. Крошечные лягушки появились из неоткуда и проворно прыгали по короткой, мокрой траве и каменным плитам. Они были не больше, чем с ноготок моего большого пальца, изящные существа с хрупкими конечностями, выполняющими отчаянно-храбрые прыжки, запрыгивали даже на цветочные горшки или бросались в бассейн, что могло стоить им жизни. Прямо мимо открытой двери библиотеки промаршировал ёжик. Его ножки прошаркали по мокрому полу, второй ёжик следовал на небольшом расстояние. Их колючки расслаблено прилегали к телу; я бы могла погладить их не поранившись. Чуть позади я увидела черепаху, которая медленно кочевала по камням, панцирь гордо поднят вверх, а морщинистая голова вытянута. Птицы, освещённые молниями, летали в темноте, ловя всех тех насекомых, которые вылезли, чтобы выпить нектар заново расцветших цветов.

Зрелище длилось всего лишь несколько минут, но показалось длинным, великолепно-инсценированным фильмом, который исполнялся в замедленной съёмке. Потом дождь утих, от земли начал подниматься пар и лягушки исчезли, как будто их никогда здесь и не было.

- Что же. Это даже, спустя 165 лет, всё ещё каждый раз завораживает, - сказал Анжело, переполненный сдержанным благоговением. - Но кончается слишком быстро.

Внезапно во мне вскипела зависть, жёлтая и ядовитая. Никогда ещё мне не казалось это таким изнурительным, всё, что происходило со мной хорошего, пережить так интенсивно, как сейчас, только бы ничего не забыть, потому что скорее всего, этого не случиться со мной во второй раз. Когда-нибудь, возможно уже скоро, мне придётся уехать, и красота мира больше не будет доступна для моих глаз. Ведь есть ещё столько всего, что можно открыть и пережить ... В тоже время я вспомнила о желание Колина умереть. Я больше не считала это желание покушением на меня и нашу любовь, а настоящим кощунством.

- Они ушли, - сказала я, окунувшись в чувство абсолютного уныния.

- Они вернутся, самое позднее в следующем году.

- И тебе никогда не становится скучно смотреть на это, не так ли? - Я надеялась услышать, что ему стало скучно, но Анжело медленно покачал головой.

- Нет, мне нет. Но конечно есть люди, которые уже в первый раз посчитают это неинтересным.

Да, такие есть. Я сама смотрела на природу, как на волшебный источник, который снова и снова радовал меня новыми диковинками и особенностями, пока я нахожусь здесь, живу и

выделяю время, чтобы встретиться с ними. Но если я умру, они останутся для меня запечатанными. Навсегда. Я подавленно сползла с лестницы и нашла укрытие под крышей террасы, где села рядом с пианино на большую, заваленную подушками софу. Анжело сначала чем-то занимался в доме, прежде чем присоединиться ко мне, на плече его полотенце с Гарфилдом, которое он бросил мне, чтобы я могла вытереться, а в руках две белые, с толстыми стенками чашечки со свежим эспрессо. Его запах мгновенно меня взбодрил.

- Что, собственно, с тобой сейчас происходит? - спросил Анжело деликатно, после того, как я выпила и поставила на стол мою чашку.

- Слишком много чего. - Я убрала мои мокрые волосы с лица и заплела их в свободную косу на затылке; какое-то время она не расплетётся. Мой бикини уже высох. Всё же я обернула полотенце вокруг живота, оно было таким мягким. - Как ... - Я замолчала. Вежливо ли спрашивать об этом?

- Пожалуйста, никаких новых дискуссий о пищеварении, - заметил Анжело улыбаясь, и я рассмеялась.

- Нет, тема посложнее.

- Ещё сложнее? - Он ударил меня локтем в бок, чтобы показать, что больше не обижается за моё сверлящие любопытство. Я вспомнила случайные моменты, когда Гриша сталкивался со мной, конечно же непреднамеренно, в толпе перед или после перемены. Тем не менее я не хотела потом снимать куртку. Ему бы никогда не пришла идея подразнить меня или столкнуться намеренно. Он ведь совсем меня не замечал.

- Не только посложнее, но и более личного характера.

- Честно, Эли, не думаю, что это возможно. Но если хочешь, можешь попытаться, - пошутил Анжело.

- Хорошо, я попытаюсь. Как тебя превратили? И разве это не было ужасно? Кто это был, ты знаешь? И это совпадение, что тебе было двадцать? Колину тоже было двадцать и ... - Поднятая рука Анжело притормозила меня. Ладно, слишком много вопросов одновременно, моя старая ошибка. Когда я начинала, то больше не могла остановиться. Я забрасывала моих ближних вопросами. По крайней мере Анжело не выглядел так, будто я зашла слишком далеко, задавая мои вопросы. Он откинулся, как и я, назад, но не смотрел в даль, его взгляд был направлен на меня.

- Это вовсе не было ужасно. Никакой боли, никакого страха, а уверенность, что начинается что-то новое, что даст мне полную свободу. И да я хотел этого. А также это не случайно, что многих людей превращают в возрасте двадцати лет. Эта особенная фаза в жизни - чаще всего люди находятся ещё в рассвете сил, а серьёзная жизнь, как таковая, не началась, по крайней мере сегодня это так. И всё же постепенно появляется ответственность и твёрдые структуры; прорисовывается то, что позже будет повседневной жизнью. Люди обучаются в университете или выучились на профессию, начинают работать. С этого момента, шаг за шагом, всё становится более сложным и обременительным. Так по крайней мере было бы для меня.

- Значит, ты увильнул от ответственности. Ты хотел этого, это правда? - переспросила я, потому что не была уверенна в том, правильно ли я его поняла.

- Да. И хорошо, согласен, я увильнул, если ты хочешь так выразиться. У тебя случайно нет прусских предков, а?

Моё уличённое молчание было достаточным ответом. Он попал в точку. Предки папы происходили из Померании, раньше прусская, суверенная территория, а прусско-протестантское умонастроение следовало такому девизу: «Что не убивает, делает сильнее, но пожалуйста всегда в геометрическом порядке». На папе это тоже отразилось. Ни одного прибора на его письменном столе, у которого не было бы своего постоянного места. И он всегда вдалбливал в нас, исполнять наши обязательства, вовремя и аккуратно, и с подобающей

серьёзностью - что-то, что совершенно не подходило к его почти героическому стремлению к приключениям.

- Я происхожу из другого времени, Эли. Девятнадцатое столетие, римские аристократы. Состоятельная семья, в которой карьера детей была предопределена. Да, они посодействовали тому, чтобы я мог брать уроки игры на пианино. В конце концов прекрасные искусства тоже нельзя упускать из виду. Но никогда не было сомнений в том, что мне придётся выбрать другую профессиональную карьеру - а именно ту, которая была прибережена для всех сыновей: военная служба, учёба в университете, юридическая карьера. Мои родители хорошо со мной обращались, почти не били, давали много привилегий, нам никогда не нужно было голодать, и мы получили отличное образование. Я не хочу жаловаться! Но я не хотел идти на военную службу и не хотел воевать. Но также я не хотел разочаровывать моих родителей, отказавшись от этого пути.

- Я не понимаю ... - Я слушала с интересом, но кульминационный пункт сбил меня с толку. - Если ты позволил превратить себя, тогда ты всё же отказался от этого пути.

- Нет, не отказался. Я вступил на военную службу, мне пришлось пойти на войну ... - Лицо Анжело омрачилось. Теперь он пытался справиться с плохими воспоминаниями. - И погиб. Официально.

- Официально. Ты позволил превратить себя, потому что был тяжело ранен и думал, что умрёшь? Это так?

- Нет. Я получил огнестрельную рану, не угрожающую жизни, но в стороне от труппы. Я лежал там, не зная, что случится, и так сильно желал другой, свободной жизни.

Я ненавидел военную службу, это слепое подчинение и повторение, словно попугай, а также необходимость стрелять в совершенно неизвестных мне людей только потому, что тебе кто-то приказал, для кого ты даже не стоишь грязи под его ногтями. А потом была ещё музыка ... Знаешь, что меня больше всего приводило в депрессию, когда я был ребёнком, и тем более, когда стал подростком?

Я покачала головой - не потому, что не знала, а потому, что не могла представить себе Анжело в бою, в военной форме, в тяжёлых сапогах и винтовкой в руках, готовый нацелится на других и убить.

- Что у меня никогда не будет времени, услышать всю эту музыку, сыграть её и открыть то, что предлагает мне мир. Тогда ещё не было mp3 плееров, на которые можно загрузить сотни песен и композиций. Граммофон включали лишь тогда, когда у нас в доме состоялся бал или военный приём. Мой отец придерживался мнения, что музыка затмевает разум. Я знал, что прекрасная музыка есть везде и всегда будет, но я в какой-то момент умру, и услышу, и сыграю лишь её малую часть. Даже если бы мне позволили начать карьеру пианиста - времени всё равно было бы недостаточно. Ни одной человеческой жизни для этого не хватит, даже если посвятить каждую минуту музыки.

- И Мар почувствовал это желание, не так ли?

Анжело посмотрел на меня с такой серьёзностью, которую я не ожидала от него. Я почти не осмеливалась дышать, потому что боялась, что это изменит выражение его лица. Я ещё хотела несколько секунд насладиться им.

- Да, да, она его почувствовала и дала то, чего мне бессознательно хотелось. Я посчитал это захватывающим. Знал, что со мной случилось что-то такое, что радикально изменит мою жизнь, поэтому не сопротивлялся. Мне казалось, что всё лучше, чем продолжать ползать в грязи и убивать.

- Значит, это была она?

Анжело пожал плечами.

- Так часто происходит. Она превращает его. Кажется, это намного увлекательнее. Я не знаю. Я ещё никогда не превращал человека и не планирую.

- Почему нет? - Я заставила себя набрать в лёгкие воздуха. Редко перегородка между миром Маров и моим была такой тонкой. Я хотела узнать о них всё.

- Я ещё не нашёл ту, что надо, - признался Анжело, немного подумав. - Я хочу, чтобы это случилось добровольно, как со мной. Всё остальное - это дерьмо.

Всё остальное - это дерьмо. Пока Анжело рассказывал о прошлом, он казался мне старше, чем при наших предыдущих встречах - более зрелым и опытным. Теперь же он снова вернул свой шарм ловеласа. Да, всё остальное - это дерьмо. Улыбка вернулась на его лицо, когда он заметил мою ухмылку.

- Ты до сих пор не рассказала, что происходит внутри тебя, Эли, - напомнил он мне.

- Правда? - спросила я невинно. - Всё-таки рассказала.

- Нет, ты задавала вопросы, но о себе ничего не рассказала. Почему чуть раньше, ты вдруг стала такой печальной?

- Потому что ... ах ... трудно объяснить, - выкрутилась я. Но потом решилась всё-таки сказать так, как есть. Возможно это поможет. - Колин не слишком высокого мнения о вечной жизни. Он хочет умереть.

- Что? - Анжело не веря, наклонился вперёд, как будто ослышался. - Ты шутишь?

- Нет. Нет, так и есть. Он хочет, чтобы это в какой-то момент закончилось. - Я не хотела продолжать мои объяснения; остальное Анжело не касается, но прежде всего я не хотела снова размышлять над этим и в конце концов потерпеть неудачу. Слишком поздно я поняла, что возможно, только что натворила. Если Анжело теперь знает, что Колин хочет умереть, тогда ...

- Ты ведь теперь не убьёшь его, правда? - Я хотела вскочить и угрожающе над ним возвысится, но парализующая слабость охватила мои ноги. - Анжело, пожалуйста, не убивай его ...

- Блин, Эли. За кого ты меня принимаешь? У меня нет никакого интереса причинять ему вред. Зачем мне это?

- Не знаю, - промямлила я.

- Но даже если бы и был, мне нравится вечность, и я точно не собираюсь ставить её под угрозу. Против Колина у меня нет ни единого шанса. Я знаю, он немного моложе меня, но он камбион! - Анжело громко выдохнул, всё ещё удивлённый тем, что я только что сказала. - Даже если бы у меня было пятьдесят лет преимущества, я бы не осмелился. Он спокойно компенсирует их. Я лишь не могу понять, почему он хочет умереть. Или, подожди ... - Анжело замолчал. - Возможно я всё-таки понимаю, - сказал он, будто самому себе.

Я смочила кончиком языка губы. «Оставайся спокойной, Эли», уговаривала я себя. «Дыши спокойно. Всё прошло хорошо. Ты не предала его. А если всё-таки предала, то он сильнее Анжело.»

- Он уже довольно долго живёт, - попыталась я объяснить его мотивы, не выдавая слишком много. Что же, не так уж и долго. Не так долго, как Анжело. - Я тоже не хочу жить вечно. - Почему тогда у меня такое чувство, будто я вру.

- Да, я знаю, это такое человеческое мнение. Вполне понятное. Мы не можем иметь бессмертие, поэтому не хотим его. Когда стареешь, эта не такая уж и прекрасная штука, признаю.

- Почему? Возраст - это что-то положительное, получаешь опыт и зрелость и ... э ... да. - Ой. Я не предполагала, что моё обсуждение человеческого возраста уже после этих двух аргументов оборвётся. Двойка тебе, садись.

- И что ещё? Варикозное расширение вен, ревматизм, геморрое, морщины, бессонницу, запоры, импотенцию ...

- Ладно тебе, перестань, я поняла! - парировала я. - Но старость состоит не только из болезней!

- Я считаю твоё отношение к этой теме благородным, и ты в какой-то степени права, имеет смысл собирать опыт, повышать квалификацию и достигать зрелость. Нет ничего тяжелее, чем выносить наивных, незрелых девок. Я имею в виду не тебя, ты не девка! - добавил Анжело, потому что я строго сверкнула на него глазами. - И тем более не наивная. Но всё то, что я только что перечислил, я могу делать. Я более образован, чем большинство мужчин моего возраста, я уже многое пережил и увидел. Я бы не назвал себя мудрым, и скорее всего я не зрелый, но возможно стану им с годами ... Как я уже говорил, время у меня есть.

Хм. Возраст - это ужасная вещь? Действительно? Когда я начну стареть? Возможно это уже происходит? Орлиным взглядом я покосилась на мои ляжки. Пока они ещё были без вмятин и стройные, но разве я недавно не обнаружила в зеркале раздевалки H&M это крошечное тёмно-красное сплетение из сосудов, слева, рядом с коленной впадиной, лишь благодаря загорелой кожи теперь почти не заметное? Но оно там, и уже больше не исчезнет. Сосудистая звёздочка. Моя первая. Я считала, это слово нужно запретить. Оно звучало так же уродливо, как выглядело то, что оно обозначало.

- Возраст - это распад, - продолжил Анжело. - Дух, если повезёт, остаётся бодрым и деятельным, но тело распадается. Конечно не принесёт удовольствия быть бессмертным, если при этом продолжаешь стареть. Это было бы проклятьем. С каждым годом всё становится ещё более обременительным и трудным. Ты больше уже не чувствуешь себя комфортно в своём теле, потому что оно только ещё болит и мучает тебя, но ты не можешь от него убежать ... - Анжело коротко встряхнулся. - Нет, этого никто не захочет, в этом ты права. Но что меня больше всего тревожит сегодня в возрасте, это то, к чему он побуждает людей. Иногда мне кажется, что всё ваше существование сосредоточенно на том, чтобы скопить к старости достаточно денег. Но для чего, спрашиваю я? Взгляни лишь на рекламу для страховых полюсов, она только и делает, что запугивают людей, на каждом канале ежеминутно; вы постоянно угрожаете себе смертью, несчастным случаем и болезнью. Вы посещаете школу, идёте работать, порабощаете себя на десятилетия - и для чего? Чтобы отложить что-нибудь для дома престарелых, где вы прозябаете в одиночестве и забытые. Мудрость старых уже больше никто не ценит. Раньше, когда ещё существовали большие семьи и все держались вместе, заботились друг о друге, это было по-другому. Но постареть сегодня? Поверь мне Эли, есть вещи и получше. Я напугал тебя?

- Хм. Не знаю. Напугать не напугал, но я и не радуюсь. - Я ещё никогда не смотрела на эти вещи с точки зрения Анжело. Против них почти ничего нельзя возразить. - Всё-таки должно иметь смысл то, что мы стареем и умираем ...

- Смысл есть. Большинство людей не рождены для бессмертия, им нужна эта гонка, либо потому, что они не в мире с самими собой, либо быстро сами себе наскучивают. Для них вечность была бы наказанием. Я не веду здесь защитную речь в пользу бессмертия, а пытаюсь лишь объяснить, почему я выбрал её.

Да, такие, как Гриша или Анжело и все другие счастливчики, живут в согласии с собой и никогда себе не наскучивают. Как же мне испытывать сомнение, когда это именно то, чем я тайно восхищалась в Грише: его спокойной, бесстрашной естественностью, с которой он шёл по жизни, вцепившись в счастье обоими руками. Но что это означает с другой стороны? Что Колин не в мире с собой?

Гроза прошла мимо, снова вернувшись на море, но небо всё ещё иногда освещалось мистическим, далёким мерцанием, из-за которого глаза Анжело вспыхивали бирюзовым цветом. Эта гонка, о которой он говорил - она мне тоже не нравилась, ещё никогда не нравилась. Ожидания, которые уже сейчас выдвигали по отношению ко мне, чрезвычайно меня обременяли. От меня ожидали, что я закончу научный университет с хорошими

оценками, по меньшей мере биологический, но лучше медицинский факультет. Учёба в университете, которую нужно как можно скорее начать, хотя я не могла себе представить снова вернуться в холодную Германию. Сидеть там в перегретых залах для лекций, между людьми, с которыми меня ничего не связывает, кроме нашей общей цели, в то же время делающей нас конкурентами. То, что меня ожидает там, это постоянное стремление к достижениям, деньгам и признанию. С тем результатом, что я не смогу ничего предпринять против сосудистых звездочек и хруста в плечах. Откровенно говоря, мне этого совсем не хотелось.

- А что насчёт детей? Вы не можете зачать детей! - воскликнула я слабо торжествуя. Возможно я всё-таки смогу увеличить мою оценку в обсуждении до трёх с плюсом.

- Это правильно. Но тема исчерпывает саму себя. Потому что ты переживёшь своих человеческих детей, а этого не хотят ни отец, ни мать.

Теперь я сожалела о том, что заговорила об этом пункте. Он был для меня слишком щекотливым, я принимала его слишком близко к сердцу. Нет, об этом я не хочу сейчас размышлять.

- Но должна же быть какая-то причина, по которой некоторые Мары хотят умереть ... И я считаю, это высокая цена, когда испытываешь постоянную жажду ко снам и чтобы утолить её, похищаешь их у людей. Собственно, это вы те, кто участвует в гонке, а не мы, не мы! - Три с минусом? Три с минусом я заработала.

Анжело резко встал и подошёл к своему роялю, там он сел на табуретку и медленно покрутился один раз вокруг себя. Кончиками пальцев он провёл по клавишам, очень осторожно, так что не раздалось никакого тона. Направив взгляд в себя, он находился слишком далеко, хотя я сидела всего лишь в паре метрах от него.

- И что теперь? - спросила я неуверенно. - Я сказала что-то не так?

- Нет, но ... Знаешь, не имеет значения, как я это сформулирую и обосную, будет выглядеть так, будто я хочу очернить его, а я даже не собираюсь влезать в это дело.

- Кого его? Колина?

Анжело ничего не сказал. Значит он имеет ввиду Колина.

- Я могу быть очень упрямой, - предупредила я. - Скажи мне, что ты думаешь, по крайней мере хотя бы какую-то часть. Я хочу знать.

- Я не думаю, что это будет прилично. - Он не только ломался, но действительно чувствовал себя неуютно. Теперь я знала, почему он сел за пианино. Видимо он чувствовал себя там в большей безопасности, чем прямо рядом со мной.

- Анжело, ты Мар, я не ожидаю от тебя порядочности. Давай выкладывай ... - То, что я больше не могла смотреть ему в глаза, заставляло меня нервничать, но я также не хотела бежать за ним.

- Возможно я хочу быть порядочным по-своему. Ладно ... Слушай, я попытаюсь подойти с другой стороны: ты вегетарианка? - Наконец он снова посмотрел в мою сторону.

- Нет. Ты ведь видел, когда мы ели пиццу. Салями была просто восхитительна.

- Ты когда-нибудь пыталась стать вегетарианкой?

О да, пыталась. Эта была очень короткая попытка.

- Когда мне было четырнадцать. Но отказалась от этой идеи.

- Почему?

- Потому что чувствовала себя плохо. Кстати, я считаю это игру в вопросы и ответы довольно глупой - это так, между прочим. У меня заболел живот, появились проблемы с пищеварением, а показатель железа упал вниз. - Мой показатель железа уже всегда был низким, но вегетарианская фаза вызвала ощутимое состояние дефицита. А таблетки, помогающие это устранить, не пошли мне на пользу. Я стала бледной, капризной и ещё более чувствительной, чем обычно. Была постоянно уставшей. Лишь после большой порции спагетти

болоньезе я снова почувствовала себя более-менее человеком. - Да, а потом я стала опять есть мясо, не слишком много, но оно требуется для моего организма.

- Но тебе нравятся животные, не так ли?

- Конечно. - С недавних пор даже скорпионы, медузы и змеи. И крошечные лягушки Анжело. - Значит ты хочешь мне сказать, что всё зависит от того, чем ты питаешься?

- Я хочу сказать, что сбалансированное питание важно. Так как мы едим, так себя и чувствуем. Кто-то, кто быстро и без разбора впихивает в себя еду, редко уравновешенный, удовлетворённый человек. Я думаю, что питаюсь сбалансировано и беру то, что мне нужно.

- Анжело, я не хочу совсем заговорить тебя, но ты похищаешь у людей сны и мечты! - Я хотела сказать это с упрёком и мне даже более-менее удалось.

Однако он и дальше оставался спокойным.

- Да, сны и мечты, постоянно возобновляемый ресурс.

Я насмешливо рассмеялась, но нежный взгляд Анжело заглушил мой смех. Он имел в виду то, что говорил! Возобновляемый ресурс ...

Я пылко покачала головой.

- Нет, это всё не так просто ... Когда Мары постоянно высасывают жертву, она впадает в депрессию и начинает болеть и в какой-то момент у неё больше нет ни снов, ни грёз!

- А кто говорит, что я это делаю? Что-то подобное меня не привлекает. Но если мы уже заговорили об этом, якобы это возобновляемый ресурс и всё такое. Ты когда-нибудь задумывалась о массовом содержании скота? Ежедневно тысячи свиней и коров перевозят с точки А в Б, бесчленное количество километров, через всю Европу, согнав их в тесное помещение. Их везут на убой, только для того, чтобы вы ежедневно могли запихать в себя вашу сосиску с приправой карри.

Анжело совсем не говорил со мной враждебно, а мирным, приятным тоном. Для него этот разговор был не дебатой, а шансом объяснить свою точку зрения. Нравилось ли мне то, что он говорит или нет, для него было не важно. Как он уже сам упомянул, он был с самим собой в мире. Снова во мне вскипела ревность.

- Я не ем сосиски с приправой карри, - соврала я раздражённо.

- Во всяком случае я не похищаю без всякого разбора, я меняю людей, к которым хожу ночью, чаще всего я посещаю их лишь один единственный раз. Да, возможно они чувствуют себя на следующее утро иначе, чем обычно, становятся более раздражительными или необъяснимо-уставшими, но это проходит. То, что я мог бы им причинить, если бы плохо питался, никогда не смогло бы исцелиться самостоятельно - это совершенно другой калибр! - Он замолчал и покачал головой, как будто не хотел ничего этого говорить.

- Продолжай, - попросила я. Но он исполнил моё желание лишь после того, как сделал два больших круга через свой сад. Видимо они были ему нужны, чтобы собраться с мыслями - как ученику, у которого во время доклада, вдруг отключилась память.

- Я не хочу ничего плохого говорить о Колине, я испытываю уважение к его решению и это впечатляет, насколько он последователен, но я тоже однажды пытался так питаться, и это превратило меня в существо, которое даже я сам посчитал жутким. Такое чувство, будто я потерял над собой контроль, по крайней мере так было со мной... Колин возможно достаточно силён, чтобы жить так. Я нет. - Теперь его голос звучал почти что упрямо.

Я чувствовала себя так, будто меня переехала машина, когда размышляла над его словами. Интервалы становятся короче, сказал Колин. А голод всё более экстремальным. Это бесконечная спираль, чья окружность всё больше сужается. Он не снабжал себя тем, что ему на самом деле требовалось. Как же тогда всё может хорошо закончится?

И правда то, на что намекнул Анжело: после того, как Колин забрал у меня воспоминание, он в течение многих недель был больше похож на человека, чем всё время до этого. Он даже

продолжал ещё питаться им, когда я приехала к нему на Тришен, и намеренно не отдал, потому что хотел выглядеть для меня не таким демоническим, как обычно. Все эти ужасные вещи между ним и мной возможно никогда не случились бы, если бы он лишь только один раз похитил у другого человека, не у меня, а у незнакомца. Как я могла быть такой легкомысленной и предложить ему моё воспоминание?

А потом схватка с Францёзом: смог бы он сделать всё по-другому, если бы до этого надлежащим образом подкрепился, вместо того, чтобы нападать на животных в зоопарке? Что значили мечты и сны других людей, если бы они позволили ему двигаться вперёд более целенаправленно и пощадить меня?

- Эй, посмотри на меня ... Где витают твои мысли?

- Не в особенно красивых местах, - ответила я хрипло и невольно провела пальцами по зажившему животу. Это не Тесса разжигала голод Колина. Тесса мертва. Это он сам. Потому что отказывался признать то, кем был, и должен был быть. Вот что стояло между нами и впивалось в мои губы словно шип, когда я его целовала. Любая нежность была на вкус горькой и приносила боль. Никакой близости без фатальных последствий.

Что ему на самом деле важнее? Моё здоровье или здоровье других людей, с которыми он не имеет ничего общего?

- Я не могу читать в твоих глазах ... они такие красивые, но также далёкие ...

Мне приснились эти слова или они действительно вышли из уст Анжело? Если да, то должно быть он сказал их по ошибки. Мои глаза? Красивые? Такого мне ещё никто никогда не говорил. В этом случае люди предпочитали другие формулировки. Энди, например. В первые недели он не уставал подчёркивать, какие же мои глаза таинственные. Когда же опьянение от гормонов прошло, они внезапно стали мрачными. Не нужно постоянно смотреть на него так сердито. А Джианна сказала, что иногда я смотрю словно сумасшедшая. Большое спасибо.

Руки Анжело лежали на клавишах, как будто он хотел в любой момент начать играть, но не начинал.

- Я прямо сейчас кое о чём подумал ..., - пробормотал он. - Тебе знаком Ноктюрн 20 Шопена?

- Я не слушаю много классической музыки, - откровенно призналась я. - Чаще всего она наводит на меня скуку.

- Такое случается, если прослушиваешь её слишком быстро. И именно в этом и заключается вся суть: все эти десятилетия я снова и снова отрабатывал и оттачивал эту мелодию, находясь, каждый раз в другой фазе, в другом умонастроение и зрелости. Постепенно она росла, показывая мне новые грани и характер. Она ожила, снова и снова распускает новые цветы ... и всё-таки остаётся знакомой.

- Тогда сыграй её мне.

Анжело убрал руки с клавиш.

- Я - нет, лучше не надо.

- Почему? Не ломайся, ты играешь в Пиано-баре перед бесчисленным количеством слушателей, значит можешь запросто это сделать.

- Да, но это совсем другое, играть перед множеством незнакомцев или перед ставшем тебе дорогим человеком.

- Анжело ... - Я предостерегающе ему ухмыльнулась. - Ты ведь не хочешь заставить меня поверить в то, что ты, в своём храме муз, ещё никогда не играл для женщины на пианино. Ведь для этого она здесь и стоит, не так ли?

В ответ он дружелюбно мне улыбнулся.

- Нет, она стоит здесь для меня, и да, я уже играл на ней другим женщинам. Но не этот Ноктюрн. Пока что он принадлежал только мне.

- Ещё одна причина наконец разделить его с кем-то.

Возможно по моему лицу сложно читать, о чём я думаю, а взгляд устремлен в себя, но и он, в ситуациях как эта, ничем не отличался от меня - и меня это не тревожило. Наоборот, удовлетворяло - смотреть на его чувства, не обременяя себя тем, что они могут означать или на что указывать. Я хотела, чтобы он оставался тайной.

Я отвернулась и сделала вид, что брожу по саду, который нашёптывал мне со всех сторон и уголков. Этот непрекращающийся, нежный стрекот и шёпот. А потом Анжело всё-таки осмелился заиграть, и первые мягкие такты поплыли по воздуху. Они так глубоко тронули моё сердце, что я могла вынести музыку только когда двигалась. Сладостно-горькая боль, которой мне было легче позволить приблизиться ко мне и поприветствовать, чем все самобичевания годами ранее. Я поняла, что имел ввиду Анжело, когда сказал, что ему потребовалось время, чтобы соответствовать ей. Мелодии тоже требовалось время и пространство, чтобы она могла свободно распространиться; было бы кощунством, запереть её в закрытый концертный зал и отобрать свободу у её ясных и всё же таких замысловатых линий. Ей нужно дать возможность блуждать, как мне, в то время как я слушала её, принимая тот факт, что лик Анжело оставался вдали, спрятанный от меня, веки опущены, рот молчаливый, руки при себе.

- А теперь я вышвырну тебя прочь, сладенькая, - сказал он, когда мы вновь встретились возле изъеденного херувима, спустя долгое время после того, как он закончил играть мелодию. Когда-то нужно было и ему идти охотиться.

- Я не сладенькая.

- В этом ты скорее всего права. Мне жаль, я не могу привыкнуть к «Эли» и к твоим другим именам тоже. Они для тебя слишком уж девические. Ты уже не девочка.

- Но я так же и не сладенькая, - настаивала я, хотя уже сейчас сожалела о том, что запретила ему называть меня этим ласкательным именем. Обычно я категорично отвергала его, но, когда он говорил его, это вызывало едва заметную дрожь между плеч.

- Как же мне тебя называть? - размышлял Анжело вполголоса и разглядывал меня - сдержанная ласка моей фигуры, чья неровная и порванная тень, лежала на каменном ангеле и затемняла его волосы. Мы умираем через несколько лет, наши имена часто не верны и чаще всего быстро забываются. Вечность же слишком длинная для неправильного имени. Он своё уже нашёл. А что с моим?

- Спокойной ночи, Бетти Блу.

Бетти Блу ... Бетти ... Я развернулась и вышла через открытые ворота, потом побежала, прежде чем снова замедлить шаги, когда добралась до Пиано делл Эрба, потому что хотела насладиться дорогой домой, какой бы короткой она ни была.

Бетти Блу? Он придумал или это известная фигура, которую так звали? Бетти Блу звучало как имя взрослого человека, меланхолично и в тоже время игриво. Мне казалось, что я один раз уже где-то читала это имя или слышала его. Но никак не могла вспомнить, где.

Намного важнее было то, что рассказал Анжело. На самом деле всё ясно и просто, думала я. Это очевидно: Колину нужно похищать сны у людей. Если он будет так делать, то сможет вести такую же жизнь, как Анжело. Расслабленную, сытую и с лёгким сердцем. Мы оба сможем это делать.

В наш дом наконец вернулся покой. Пронизывающе пахло лошадиным навозом, который намок под дождём, видимо времени не осталось, чтобы устранить его. Я зашла через задний вход. От Колина и Луиса не осталось и следа, но Джианна сидела ещё на кухне, на том же месте, где и раньше, уставшая и растрёпанная.

- А вот и ты наконец! - Она предприняла нервную попытку пригладить волосы. - Блин, Эли, как у тебя получается исчезнуть как раз в то время, когда Луис болеет, а Колин чуть не сходит с ума! Это было не честно с твоей стороны!

- Добрый вечер, - напомнила я, что по крайней мере можно соблюдать правила вежливости, если уж набрасываешься на своих товарищей с несправедливыми обвинениями. - Почему ты ещё не спишь?

- Потому что у меня болит живот, и я не могу заснуть. - Ах. Снова живот. - Кроме того я хотела подождать тебя. Где ты была всё это время?

- Ветеринар пришёл? Он смог вылечить Луиса?

- Да. Да, ветеринар пришёл, даже довольно быстро. Луис снова встал на ноги, но это было ужасно, почему тебя не было рядом? Я ещё никогда не видела Колина таким, он шатался от голода и гнева, почти не мог стоять на ногах, я уже думала, он атакует меня... - Дрожь прошла по всему согнутому телу Джианны. Ощупывая, она провела руками по своему животу. Она не справлялась с Колином. Может быть ей стоит поехать домой с Паулем, так будет лучше. А то она ещё свалится с ног. - Почему ты оставила нас одних?

- Потому что позаботилась о помощи! Это я организовала ветеринара! Довольна? Кроме того, сегодня я не была бы хорошей поддержкой, я только разжигаю голод Колина, и, если ты забыла, я боюсь Луиса.

- Ах, Эли, ты ведь вообще больше ничего не боишься, - ответила резко Джианна.

- Какая ерунда. Ты говоришь обо мне! - воскликнула я смеясь. - Я почти всего боюсь!

Джианна не присоединилась к моему смеху.

- Элиза, не делай глупостей. Я знаю, он красивый, и у него обворожительное обаяние, но если бы ты видела Колина ...

- Я видела Колина и знаю его лучше, чем вы все вместе взятые. Ты правда думаешь, я смогу его изменить? Я такого никогда не сделаю. Вы что, только и можете думать о сексе? Есть ещё другие вещи, которые могут объединять людей.

Джианна долго смотрела на меня, с мягкой, но навязчивой беспомощностью на лице, которая обвиняла меня больше, чем это могла бы сделать любая словесная атака. У неё для этого не было причин. Я не сделала ничего запрещённого.

- Скажи мне, Джианна, есть такой персонаж, которого зовут Бетти Блу? - Может я смогу отвлечь её вопросом о её познаниях; она ведь отлично разбирается в литературе, фильмах и театре. Но она, только качая головой, рассмеялась - презрительный, уродливый смех, который я не хотела слушать дольше. Значит, Бетту Блу не существует, и она видимо посчитала имя ужасным.

Внезапные звуки в коридоре отвлекли нас друг от друга: голоса, короткий грохот, как будто кто-то поставил на пол что-то тяжёлое, шаги. Мы одновременно повернули головы к двери.

- О, слава Богу, ты вернулся ..., - вздохнула Джианна, когда Пауль зашёл к нам на кухню. Он выглядел очень уставшим. Футболка прилипла к спине, а волосы были мокрыми от пота. Джианна сразу подбежала к нему, прижалась, ища защиты, к его широкой груди. Он крепко её обнял.

- Всё хорошо. Мне очень жаль, мы попали в пробку, поэтому не могли приехать быстрее. Теперь я здесь.

- Вы смогли всё найти? - прошептала Джианна в его ухо. Пусть не думает, что я её не слышу. Я слышала каждый звук.

- Ты ещё в это время ходил по магазинам? - спросила я моего брата ничего не понимая. - У нас ведь всего достаточно.

Пауль и Джианна не отвечая, переглянулись. Они что-то от меня скрывали, что-то замышляли. Что же там опять намечается? Что всё это значит? Чёрт возьми, почему мне всё больше и больше кажется, что они исключают меня почти из всех своих дел?

- Иди спать, Эли, - авторитетно сказал Пауль. - Уже поздно.

- Я не устала. Хочу ещё прогуляться немного. - Ведь только теперь постепенно становилось прохладнее.

- Иди спать я сказал!

Нет. Нет, я не буду мириться с таким отношением - это было неправильно, что он без причин так со мной обращался. Я больше не стала обращать на них внимания; пусть строят там свои планы и говорят обо мне за моей спиной. Я всё равно не смогу угодить им. Сначала Пауль упрекал меня в том, что я слишком сильно отождествляю себя с другими людьми, теперь я кое-что предприняла, вместо того, чтобы опустится на тот же уровень, что Джианна и Колин - и вот опять ему не так. А Джианна? Она хотела убедить меня в том, что отношения с Колином не имеют фундамента и что я инвестирую в них слишком много. Но теперь, когда я наконец осталась благоразумной, она обвиняла меня в эмоциональной холодности. Чего они от меня хотят? У меня была чистая совесть; я спасла Луиса и хорошо себя при этом чувствовала. За это хорошее чувство я крепко ухватилась. Спокойно дыша, я сосредоточилась на том, чтобы не думать ни о чём, так что мой гнев в конце концов отступил и совсем исчез.

- Никогда не возвращайся, - прошептала я. - Никогда. Ты мне больше не нужен.

В эту ночь я оставила ставни широко открытыми. Я была рада всем созданиям тьмы. С кровати я видела, как гекконы бродят по потолку террасы, когда вспышки молнии дарили всем нам тысячу теней.

Пока ещё не поздно, ничто не потеряно. Мы получим наш второй шанс. Мы сможем начать всё ещё один раз сначала, без временных ограничений и внутренней борьбы, без страха.

Он захочет этого точно так же, как и я. Нужно только подождать.

Ничего другого я больше не буду делать.

Только ждать, пока он будет готов отдаться мне.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3
37,2 градуса с утра

Однажды свод небесный мать-землю целовал.

Я не смогла уснуть всю ночь, только лежала с открытыми глазами и мечтала, совсем не устала, становилась всё более бодрой и чистой. Я больше ничего не весела. Когда шла вниз к пляжу, чувствовала себя невесомой, ожидая начало нового дня. Прохладная мокрота писка между пальцев ног и везде комары, которые нежно выпивали из моей кожи мечты. Я не планировала приходить сюда. Оказалась здесь только потому, что не могла заснуть, как и каждую ночь. Это не наказание, а дар.

И так я сидела, довольная собой, ноги в песке, сердце стучит.

Потом восход солнца над гладкой водой; красное, пульсирующее чудовище. Два корабля пересеклись, далеко, далеко в море, а я состояла ещё только из его имени, одном единственном мощном слове.

Я ни с кем не хотела разделить этот пейзаж. Он был только для меня. Не нужно думать или говорить о нём, оценивать или описывать то, на что ты итак смотришь. Можно просто наблюдать за этим красным пылающим шаром, чувства спутанные и дикие.

Здесь никого не было.

Беспокойная, любимая сиеста. Всё-таки я находилась здесь наверху, в этой тесной, душной комнате на чердаке, с побелёнными стенами, одна. Никто не беспокоил меня в моей ностальгии. Никто не хотел мне при этом мешать. На коричневой плитке я лежала одна, книга на голых коленях, которую я не читала. Терпеливо я ожидала ночи, которая приведёт нас друг к другу. Иногда я брала бутылку с водой и хрустела пластиком, когда пила. Жара проникала через крышу. Она хотела меня поглотить.

Балконную дверь я всегда оставляла открытой, направив взгляд в небо, насчёт моря, я только знала, что оно там. Но хорошо его слышала. Оно там.

Я могла на это положиться.

... цветы застыли в блеске и каждый так мечтал ...

- Ты уже с ней знакома? С Зелёной феей?

- Нет. Нет ... Что это такое?

- Абсент.

Лишь мерцание свеч освещало его лицо и руки, когда он положил сахар на ложку и нагревал его над пламенем, пока тот не расплавился. Зелёная фея ... Она уже сейчас была везде. Снова и снова мотыльки летели на свет, обжигали себе крылья, кое-как спасали свою жизнь и всё же пытались сделать это вновь. Я должна была улыбнуться их глупости. Но мне нравилось смотреть на их танец смерти. Один сел на край высокого, тонкого стакана, когда сахар капал в зелёную жидкость. Потом он умер.

Я опёрлась головой о руки. Мои локоны ласкали на шелестящем ветре его тонкие пальцы. За мной падали увядшие лепестки цветов, фиолетовые и алые, источая в последний раз свою дикую, дурманящую сладость, прежде чем стать жесткими и рассыпаться под моими босыми ногами.

- Сейчас она покажется ... смотри ...

Он налил ледяную воду в стакан, и эфирная зелень Абсента начала скручиваться, образовывать полосы, лица и стройные фигуры, пока не стала матовой, и фея скрылась от наших глаз. Она должна будет исчезнуть в нашей глотке.

- После первого стакана ты видишь вещи такими, какими хочешь, чтобы они были. - Он снова поднёс ложку к пламени. - После второго стакана ты видишь вещи, которых не существуют.

- Это ты так сказал?

- Нет, Оскар Уайльд.

- Разве всё, что ты видишь и чувствуешь не существует на самом деле?

Он не ответил, да ему и не нужно, мы оба знали ответ. Снова фея показалась нам, в этот раз с длинными, развивающимися волосами. Она кружила пируэты в стакане. Потом исчезла, как будто её там никогда и не было.

- После третьего стакана, он говорит, ты видишь вещи, какие они на самом деле, а это самое ужасное, что может с тобой случиться.

- Как человеку.

- Да, как человеку.

Я выпила только один стакан.

Два других мне были не нужны.

Шёл воздух через пашни, качались колоски ...

Мы ехали без шлема, руки голые, окружённые горами и морем. Его лазурные глубины лежали далеко под нами, головокружительные пропасти отделяли на от них, один неправильный поворот, камень на дороге, едущий навстречу грузовик за одним из зигзагов могли бы быть моим концом.

Я даже не держалась за него. Я расправила руки в стороны, чтобы ветер мог побороться со мной. Он тяжело давил мне на грудь и закручивал волосы. Я никогда в жизни больше не смогу расчесать их.

Всё выше и выше, подальше от всей этой суматохи и слепой суеты городов и их людей, которые напрасно трудятся, чтобы можно было назвать свою жизнь разумной и мудрой. Наконец-то я освободилась от всего этого.

Наверх, к руинам, где больше не существовало законов и ожиданий, где уже всё умерло и было забыто.

- Это отличная идиллия.

Остаться здесь на всю жизнь, стоять в свете, тут везде яркий свет. Мы сидели на разрушенной стене, вокруг нас остатки заброшенного столетиями назад города, в котором живут ещё только змеи, пауки и скорпионы. Цикады кричат, нарушая тишину.

Он поднял руку, и они замолчали.

Теперь мы услышали их, духов, которые бродят ночью по руинам и ищут то, что потеряли. Если мы останемся, то спасём их. Спокойно я смотрела на змею, которая принимала солнечную ванную рядом с нами на древних камнях. Я не испугалась даже тогда, когда большой, паук с панцирем выполз из-под высохшего куста дрока и прикоснулся к моим пальцам ног. Не я боялась его. Он боялся меня. Я склонилась вперёд, чтобы прикоснуться к его щупальцам. Он замер в движении. На ощупь он был прохладным, прохладным и бархатистым.

- Иди дальше ... иди и похищай ...

Солнце палило на мои волосы и плечи. Я хотела благодарить его за это каждую секунду. Мы купили фрукты кактусов, так что липкий сок капал из наших улыбающихся ртов на песок и привлёк муравьёв.

Мы позволили снова петь цикадам, их старую жалобную песню, которая поднимется ввысь даже тогда, когда мир будет лежать в руинах.

И лес шуршал бумажно, и звёзды так влекли ...

Зачем приближаться друг к другу, если у меня есть грёзы, которые я могу устанавливать сама, формировать их и преобразовывать, так, как мне хочется?

Я не была одинока, как только отдавалась этим образам, я чувствовала его прикосновения, как будто они были настоящими, зная, что я не делаю ничего неправильного или распутного. Он тоже размышлял над этим вопросом, я знала, хотя мы никогда не говорили об этом. Наши мысли день и ночь вращались вокруг него, прежде всего ночью, когда он похищал, а я лежала в темноте и представляла себе его лицо и руки, рот, который всегда хотелось поцеловать и попробовать на вкус, руки, которые не могли сделать ничего неправильного, не в моём случае ... потому что они совсем ничего не делали. Это была я, кто позволял им блуждать.

Я шептала ему, как уже давно умершая душа, меланхоличный шелест из самых бездонных глубин, и полагалась на то, что он меня услышит, даже если ходил где-то далеко по лесам, а ели качались на ветру над его гордой головой.

- Где мы? Это так, будто ...

Я закрыла глаза и снова их открыла. Резко скалы обрушились в взволнованное море с крутой, головокружительной высоты. Мне было знакомо это место. Я уже была здесь, но не могла вспомнить, когда. Оно принадлежало к моему царству.

- Это так, будто оно говорит ко мне.

- Что оно тебе рассказывает? Сказку? Старую легенду?

- Правдивую историю.

- Не хочешь всё-таки услышать легенду?

- Да.

Наши плечи прикоснулись друг с другу, когда он поднял руку, проводя по сверкающим, синим оттенкам моря, на дне которого было зарыто так много скрытых сокровищ, так что мне хотелось нырнуть к ним отсюда сверху.

- Это место называется Капо Ватикано. Сарацины украли женщину - рассказывают очень красивую женщину - и удерживали её здесь наверху. Из-за чистого несчастья она бросилась в море. С тех пор оно светится её любимыми цветами: голубым и бирюзовым. - Не только море, подумала я. И больше не сказала ни слова.

И расправляла крылья душа ...

В последние дни из-за тоски я не хотела есть. Мне больше ничего не было нужно. Ни пищи, ни сна. Ни музыки. Болтовню других я не слушала.

Казалось кровь течёт медленнее по моим венам, когда я шла утром на пляж, а все люди ещё спали. Я знала каждую ящерицу, как она робко охраняет свой камень, с каждым вечером охлаждаемый немного раньше тенью. Я знала кусты дрока, в которых притаился стрекот сверчков.

Моя кожа коричневая и шелковисто-прохладная. В волосах появились светлые пряди, а глаза имели цвет моря.

В них можно утонуть.

Однажды он в них утонет.

... и над страной, в тиши минуя мили, неслась она домой.

Последние вздохи. Когда солнце почти уже заходило, я садилась на маленьком балконе наверху над морем и наблюдала за летучими мышами. Как превосходно ждать его здесь. Они трепетали вокруг меня, производя свои непонятные круги, вроде бы не здесь, но и не улетают.

Жара уступила место шелесту серебряных тополей в предчувствии осени.

Гора горела, уже в течение нескольких дней.

Закат принадлежал мне. Только мне.

Я никогда не могла добраться до тумана над морем, когда уплывала вечером далеко, далеко. Ещё несколько метров, думала я, десять взмахов руками, может быть двадцать. Мои ноги не уставали. Кончики пальцев ног проверяли холодное, глубокое дно, так живительно и освежающе.

Теперь, как только я оборачивалась, я видела горящую гору.

Но тумана, манящего и нежного, я никогда не достигала. Слишком далеко.

Я думаю, я была счастлива.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Часть четвёртая – Агапе

Сигнал к пробуждению

- Эли, пожалуйста останься здесь, пожалуйся! Прошу тебя! - Голос Джианны стал пронзительным. – Пауль, держи её!

Его рука устремилась вперёд, а пальцы крепко и сильно обхватили моё запястье, но я отреагировала, как научилась этому давным-давно и освободилась, ловко вывернувшись из его хватки.

- Оставь свои руки при себе, братик, - предупредила я. - Боже мой, вы ведёте себя так, словно я преступник. Я же хочу только пойти погулять ...

- Ты сможешь сейчас уйти, - услужливо сказала Джианна. Она говорила со мной, как с идиоткой. – Но сначала мы хотим поговорить с тобой.

- Не знаю, о чём тут говорить, но, если вы так хотите, что ж, давайте. Но поторопитесь.

Они прямо-таки выстроились в нашем узком коридоре, плечо к плечу, загораживая мне дорогу к двери, что было смешно, потому что я могла просто развернуться и исчезнуть через заднюю дверь. Я считала их поведение чрезвычайно ребяческим. Я ничего им не сделала. Пауль смотрел на меня непонимающе, но на самом деле такой взгляд должен был относиться к нему.

Я как раз хотела нагнуться, чтобы прошмыгнуть мимо, как вдруг раздался звонок, так громко, что у меня заболело лицо. Я вздрогнула и зажала уши руками.

- Это он ..., - облегчённо прошептала Джианна, после того, как вытащила свой телефон из кармана и посмотрела на дисплей.

- Вот Эли, это тебя, ну давай!

Неохотно я взяла аппарат в руки, но не приставила его к уху, а держала на расстояние нескольких сантиметров от головы. Я и так смогу всё понять.

- Елизавета? - раздалось в нём. - Елизавета, как у вас дела?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, чей это голос, но потом соответствующее имя всплыло в памяти.

- Доктор Занд?

- Да, это я. Как ваши дела? - повторил он.

- Лучше, чем когда-либо. - На другой стороне образовалась небольшая пауза. Джианна раздражённо застонала и замахала руками в мою сторону, как будто я сделала что-то неправильно.

- Елизавета ... - Доктор Занд обстоятельно откашлялся. - Есть кое-что важное, что мне нужно обсудить с вами, здесь в моей клинике. И я буду рад, если вы сможете, как можно быстрее, приехать в Гамбург, это имеет отношение к ...

На линии начало трещать и шуметь, снова радиопомехи, но даже по телефону я чуяла, когда кто-то лжёт. Доктор Занд врал мне. Нет ничего важного. Ни в Гамбурге, ни в остальной части Германии. Я хотела отдать Джианне мобильный, но она грубо прижала его мне к уху.

- Поговори с ним, Эли, пожалуйста!

Но помехи на связи по-прежнему не уходили. Ничего кроме шума и треска. Я пожала плечами, положила трубку и бросила мобильный на пол.

- Дерьмо, - прошептала Джианна. - Тогда значит план Б.

План Б? Я во второй раз хотела предпринять попытку бегства, но тут из гостиной рядом, внезапно раздалось странное шарканье и щёлканье. У нас что, гости?

- Ты готов? - крикнул Пауль, после того, как подошёл к дверям.

- Сейчас. Вы уже может входить, - раздалось приглушённо в ответ.

- Послушайте, если речь снова пойдёт о том, чтобы поехать домой ..., - говоря спокойным тоном, я выбрала путь разума, может быть, они всё-таки будут к нему восприимчивы. - Тогда езжайте домой, без меня. Я уже говорила вам об этом несколько раз. Я никого не заставляю оставаться здесь. Я и одна справлюсь.

Пауль что, потерял дар речи? Почему он ни на что, что я ему говорю, не реагирует?

Зато Джианна отвечала ещё более усердно.

- Это не твой дом, Элиза, ты не можешь жить здесь.

- Ты говоришь чепуху, конечно же я могу. Он всё равно пустует, а у меня достаточно денег, чтобы снять его на следующие несколько месяцев, твой отец будет благодарен. Во всяком случае я не уеду отсюда. Это моё последнее слово.

- Но не наше последнее слово. - Джинна протянула руку и открыла дверь в гостиную. Она загнала меня внутрь, как вырвавшееся на свободу животное, которое срочно нужно было вернуть к его стаду. Я считала это унизительным, но позволю им повеселится. Но если станет совсем глупо, я смогу вылезти из окна.

Я сухо рассмеялась, когда увидела, что вызвало грохот. Мебель была сдвинута в сторону, вместо этого посереди комнаты стояло несколько стульев. Окна затемнили. На стене, чьи картины теперь лежали на полу, выделялся белый прямоугольник.

- Вы снова снимали Мара? - Мне было сложно сдержать смех, хотя к нему никто не присоединился. - Кто это в этот раз? Анжело? Колин? Мне любопытно. - Я села на стул, стоящий посередине, и сложила руки на животе. Остальные растерянно стояли вокруг. - Давайте, включайте свой фильм!

- Ты можешь говорить по-немецки, Эли? - настойчиво попросила Джианна. - Другие не говорят достаточно хорошо по-итальянски, чтобы понять тебя, ладно?

Ах да, это правда. Я лишь неохотно подчинилась.

- Как хотите. Немецкий. Пожалуйста.

Слоги с трудом срывались с моего ловкого языка. Что за грубый язык.

Я посмотрела в сторону Тильманна, стоящего возле проектора, с покрасневшими глазами и тусклым взглядом. Его нос и верхняя часть рук обгорела, но щёки украшала нездоровая бледность.

- Что собственно с тобой такое? Ты выглядишь дерьмово.

- Я наркоман, - ответил он просто.

Джианна жалобно вздохнула и на одну секунду спрятала своё лицо на плече Пауля.

- Значит, это всё-таки случилось. И так было ясно, правда? - Меня это почти не удивило. Он не рассчитал свои силы, думая, что сможет контролировать потребление. Его характер был слишком непостоянен, чтобы стойко противостоять этой чертовщине.

Он больше не реагировал на меня, а включил проектор. Пауль и Джианна предпочли остаться стоять, в то время как я сидела и смотрела на ярко-белый экран. От его искусственного света у меня горели глаза и текли слёзы. Всё-таки я не отвернулась. Я ожидала увидеть Анжело, может быть даже Колина, в конце концов от него Пауль тоже хотел избавиться, но скорее всего тот, на кого они нацелились, был Анжело. Видимо это была форма их педагогики для проблемных детей, как я. Посмотреть, вместо того, чтобы услышать. Мне пришлось сдерживаться, чтобы не захихикать. Пусть наконец сдадутся и оставят меня в покое. Постоянно кто-то, не спрашивая, пихал мне кассету в ухо, чаще всего Джианна, и каждый раз раздавалась всё та же длинная шарманка, да, в принципе это были всё те же бездумные требования и упрёки. Ты бы могла, ты не должна, тебе нельзя, но нужно ... бла-бла-бла. Всё время со мной было что-то не в порядке, не так, как они себе это представляли. Я даже не начинала с ними спорить, всё время элегантно от них ускользала и делала то, что хотела.

Теперь я тоже смогла бы ускользнуть, но предоставлю им это небольшое, кинематографическое удовольствие, чтобы потом они наконец оставили меня в покое. Я даже радовалась тому, что увижу Анжело. Было бы не плохо иметь его видеокадры, не помешают и от Колина, тогда я смогу сохранить их и смотреть всегда, когда появиться желание ... если бы только белый цвет экрана не причинял такую боль моим глазам ...

Теперь фильм начался, не Супер 8, а совершенно обыкновенный, современный формат. Слишком красочный и чёткий. Жаль, тогда они видимо охотились вовсе не - или всё-таки да? Эти голубые глаза, должны ...

Нет. Это мои. Мои глаза! Мои сверкающие и сияющие глаза, смотрят на горизонт моря. Ну и что? Почему они это засняли? Почему меня?

Камера отдалилась, а потом сильно приблизилась, да, там стою я и смотрю на море. Я не понимала, что в этом такого необычного. Мои волосы развивались на ветру, руки расслаблено свисали вниз, я даже посчитала, что выгляжу мило, возможно красиво. Ничего такого, из-за чего нужно оправдываться или даже стыдиться. Почему Джианна и Пауль смотрят на меня с таким укором?

Не я должна стыдиться. Стыдно должно быть Тильманну. Стыдно из-за этих и всех других записей. Я не могла поверить в то, что видела, снова и снова мне приходилось моргать и вытирать слёзы с уголков глаз, потому что казалось, что картины в своей мерцающей, красочной резкости, сжигают мне роговицу. Но боль была ничто по сравнению с гневом, который снова проснулся и ревя, поднялся во мне, пока я смотрела этот фильм.

Я, снова и снова я, под душем, руки в моих мокрых волосах, глаза закрыты. Я, сижу на карточках, возле душевого поддона, рядом с моей змеёй (у них не было права снимать её, её и меня, в такой личной ситуации). Я, как я вечером брожу туда-сюда по улице и разговариваю с детьми и жителями домов. Я, в разговоре с продавцом фруктов (Тильманн видимо снимал нас, выглядывая из кустов, качающиеся ветки перегораживали картину). Я, на маленьком балконе, упираюсь ногами в перила и летучие мыши на моём затылке и руках. Я, по дороге к Анжело.

Тильманн следил за мной!

Я хотела сбросить проектор на пол, но теперь он показывал Анжело и меня, погружённых в разговор. Небо, он был совершенным, даже здесь, в мёртвой материи фильма. Мы оба спокойно сидим рядом, исключительная пара. Потом смена кадра на пляж, где я выхожу из воды, а она стекает с меня каплями, эмоциональная запись, да, но нет никакой причины так долго направлять на меня камеру. Ещё более длинной была следующая запись, моя голова в море, несколько минут, на это ведь никто не захочет смотреть. Слышно ничего не было, кроме шума моря и рёва цикад. Они заглушали всё остальное, лучший саундтрек, который можно сочинить для такого фильма. Но что это? Нет. Нет, он не сделал этого, просто невозможно! Он находился слишком близко, когда я, как уже часто, свернувшись калачиком, лежала голая рядом со змеёй в душевом поддоне, так мирно и знакомо. Это уже слишком.

Я встала, сняла камеру со штатива и бросила в стену. Замигав, изображение погасло.

- Как ты смеешь? - заорала я на Тильманна. - Знаешь кто ты? Сталкер! Ты преследуешь меня по пятам, снимаешь, и вы ещё показываете мне всё это? Знаете, да вы сумасшедшие! Ты предал меня, то, что ты сделал - это предательство! Подкарауливаешь меня в кустах, ты несчастный вуайерист!

- Эли, пожалуйста, говори по-немецки, - вмешалась Джианна. - Пожалуйста. Тильманн сделал это, чтобы показать тебе, какая ты.

- Какая я! Вам не нужно показывать мне, какая я, я и так знаю, какая я - что в этом не так? Вы вообще имеете представление, как это нагло и бесстыдно, снимать кого-то без разрешения? Ты ещё дрочил себе при этом?

- Эли, ты не будешь с ним так разговаривать и с нами тоже! - набросился на меня Пауль. - Вот это, на записи, это не ты, разве ты не видишь? Это не та Эли, которую мы знаем и любим!

Но это была Эли, которая нравилась мне. Мне нравилась эта Эли, я чувствовала себя прекрасно. Ни у кого не было права осуждать или даже порицать меня. Тильманн предал меня. Из-за какой-то мелочи. Только потому, что другие считали, что я должна быть другой и вести себя по-другому, как раньше, когда я была абсолютно несчастной. Но даже тогда моё поведение не подходило им. Да они сами не знают, чего хотят. Я сверкала на них глазами, пока они не отшатнулись.

- Нам не удастся сделать это. Это не работает, - нервно воскликнула Джианна. - Тильманн, ты сможешь поехать на Луисе? Как думаешь у тебя получится?

Тильманн кивнул. Мои взгляды переходили от одного к другому. Она это всерьёз? Тильманн должен сесть на жеребца? Да он сломает себе шею.

- Тогда езжай в лес и поищи Колина, Луис найдёт его. Пожалуйста поторопись, ты должен привести Колина, без него нам не удастся сделать это ...

В моих венах внезапно забурлил гнев, кипящий и горячий, так что я бросилась вперёд и со всей силы ударила Тильманна в лицо. Его голова жёстко отлетела в сторону и ударилась о стену, но он лишь коротко моргнул и не стал сопротивляться. Видимо ему было важнее организовать свой следующий трип, который он финансировал моими деньгами. В будущем мне нужно будет их прятать.

Прежде чем Пауль смог меня схватить, я поспешила к окну, открыла его и выпрыгнула наружу, побежала вниз, к пляжу; в море я была на шаг впереди, никто не может плавать так быстро и долго, как я. Я бросилась в прибой, пересекла залив, то плывя кролем, то ныряя, и позволила волнам вынести меня далеко от Пиано делл Эрба на сушу. Когда я добралась до берега, было уже почти темно, но перед закрытыми глазами всё ещё вспыхивали яркие вспышки. Я не могла постичь того, что только что случилось. Почему это случилось. Какой в этом смысл. Им нельзя было так делать. Это не дружба - удерживать кого-то и фотографировать, не спрашивая разрешения. Нет, такого делать нельзя. Я должна уничтожить этот фильм, бросить камеру в стену недостаточно. Мне нужно было взять её с собой. Запись с Анжело я возможно смогу вырезать и спасти, всё остальное должно исчезнуть.

Мои ноги волочились по каменному дну. Неохотно я тянула их за собой. Я ещё не хотела выходит на сушу. Но следующая волна выбросила меня на берег, с вечной беспощадностью моря. Я осталась лежать, не двигаясь, на мокром песке, как обломки корабля. У меня даже не было желания дышать.

- Это удивительно. Одно мгновение я был не уверен в том, есть ли у тебя возможно хвост русалки...

- У меня его нет, - ответила я раздражённо и открыла причиняющие боль глаза. Это был тот момент, когда сумерки побеждают, и мир теряет все цвета. Всё серое; мёртвый, пустой, серый цвет. Но вскоре ночь начнёт свою жизнь. Я встретила взгляд Анжело, который даже сейчас вспыхнул слабым бирюзовым цветом, проползла к нему и села, как он, перед одинокой, лежащей верх дном, рыбачьей лодкой, так что мы оба могли смотреть на чёрную, блестящую воду. Песок под нами был прохладнее, чем обычно.

- Что случилось?

Я удручённо покачала головой.

- Я точно не знаю. Думаю, они хотели меня воспитать. Они ... они ... ах, они больше не на моей стороне, постоянно придираются, ничто во мне их не устраивает! И им безразлично, что я чувствую себя хорошо, так, как есть! - вырвалось у меня. - Всегда люди вокруг критиковали, что я слишком чувствительная, быстро начинаю плакать, слишком трусливая и слишком много размышляю. Я должна расслабиться, говорили они, он так говорил, это была его любимая

фраза, расслабься и не заморачивайся. Теперь я так делаю, и никому не нравится! Никого из них не интересует, как я себя при этом чувствую! Мне первый раз в жизни по-настоящему хорошо, я нравлюсь себе и мне нравиться моё тело. Я могу расслабиться, мне не нужно, не прекращая, размышлять и боятся. И вместо того, чтобы, как я, радоваться, они хотят это уничтожить ... Я взяла мои мокрые волосы и выжила их сильным движением рук. Сразу же пряди начали завиваться и скручиваться. - Почему они не могут позволить мне? Почему каждый придирается? Я ведь такая, как они всегда требовали от меня ...

- Ты действительно хочешь знать, почему? - спросил Анжело. Наши руки лежали рядом, лишь в нескольких миллиметрах друг от друга. Боже, как мне хотелось взять его руку в свою ...

- Да - а ты знаешь?

- Думаю, да. У меня было много времени понаблюдать за людьми, и я вижу такое не в первый раз. Они очень сильно завидуют. Возможно это последствие эволюционного инстинкта выживания, возможно поэтому они не желают другим добра. Когда у одного слишком много, а у них самих мало, это становится угрозой. Это простая, грустная тайна, стоящая за поведением других: зависть.

- Но они мои друзья, - не убеждённо запротестовала я. Друзья не стали бы снимать тебя тайком. Друзья бы радовались, что ты чувствуешь себя хорошо. Друзья не избегали бы тебя, как чуму.

- Это не играет роли. Я знаю, что люди делают вид, будто желают своим друзьям и членам семьи что-то хорошее и часто об этом говорят. Я желаю тебе это от чистого сердца. Любимое выражение. Но правдиво ли оно? Где именно обычно чувствуешь зависть?

- В сердце, - ответила я спонтанно. Там находилось её постоянное место. Когда раньше с моими подругами что-то случалось, что-то, что я хотела для себя, даже если это была только новая пара обуви, которую они купили, моего же размера больше не было, в сердце начинало пощипывать, иногда больше, иногда меньше. Это пощипывание могло быть даже почти более навязчивым, чем любовная тоска. Оно вселяло в меня глубокую неуверенность, а иногда часами грызло. И давало ощущение, будто я ничего не стою.

- Да, в сердце. Я думаю, это самая большая ложь человечества: «Я желаю тебе этого от всего сердца.» Там, где живёт зависть? Если действительно желаешь, то не обязательно подчеркивать. Будь к ним снисходительна, потому что это, скорее всего, следствие их собственной неуверенности. Люди чувствуют себя под угрозой, когда кто-то поблизости нашёл своё равновесие и искренне счастлив. Потому что большинству из них это навсегда останется закрытым. Поэтому они чувствуют себя лучше, когда окружают себя неполноценными людьми, которые не в ладах с самими собой. В их присутствие они кажутся себе сильнее и увереннее.

То, что говорил Анжело - сражало наповал, но в тоже время озаряло. Моя вновь обретённая самоуверенность пугала их. Они хотели вернуть маленькую, сомневающуюся в себе, неуверенную Эли, чтобы чувствовать себя лучше.

- Такая, какая я сейчас ..., - прошептала я, пронизанная игристой робостью по отношению к себе. - Такой хочу остаться. Я страдала, так сильно ... Мне почти всегда было больно.

- Я знаю. Это то, что мне иногда кажется, я вижу в твоих глазах. Твоя боль, твои раны. С тобой плохо обращались, Бетти. Ты почти больше не могла оправится. У тебя есть все права отдохнуть.

Он прислонил свою голову к моей. Это единственное, что мы иногда позволяли себе из реальной близости. Но этого было достаточно, чтобы во мне проснулось умиление. Я обняла его рукой за шею и нежно провела по локонам на затылке.

- Да, со мной плохо обращались. - И возможно было совсем не обязательно, чтобы всё зашло так далеко. В этом не было необходимости. Никакого пинка в живот, никакой сломанной руки, никакого жестокого нападения посреди ночи. Но Эли сможет это выдержать. Эли

согласна на всё. Как-нибудь она уж оклематься, даже если, задыхаясь и блюя, лежит на земле и скулит от боли. Другие вообще хоть чуть-чуть понимали, какой я была сильной? Но эти тёмные времена теперь закончились, навсегда. Никто не сможет ещё раз провернуть со мной что-то подобное.

- А что с любовью? Что насчёт любви? Она по крайней мере настоящая и искренняя?

- Иногда. Редко. Я всё ещё жду её. Я уже однажды говорил тебе ... Когда появится та самая, она захочет быть рядом и на моей стороне, потому что кто любит по-настоящему, не боится бесконечности. Вы люди, даёте обещание в браке на вечность, а спустя пять лет уже разводитесь. Если бы вы могли жить вечно, скорее всего некто бы не женился, это наводило бы на вас страх. Но иногда два существа находят друг друга. У них серьёзные намерения и они любят друг друга вечно, находят друг друга вечно красивыми и желанными ...

Что во много раз легче, если не стареешь, закончила я про себя и с горечью его мысль, имея ввиду не столько его, сколько себя. Возраст вносит неуверенность. Никто не захочет поставить себе на подоконник завядшие цветы. Мы все желаем целые, источающие аромат цветы, а не засохшие листья. Анжело поднял голову и улыбнулся мне, задумчивая ирония с ямочками. Как сильно я любила это зрелище ...

- Ну, готов ли тут кто-то к бессмертию? - подразнил он. Или он задал этот вопрос всерьёз?

- Я ... не знаю. Я ... Извини пожалуйста, я не хочу сейчас говорить на эту тему. Сегодня ночью я не хочу говорить на эту тему.

- Это в любом случае решить только тебе. Никто не может забрать у тебя это решение. Смерть ты не можешь выбирать. Но бессмертие можешь выбрать только ты.

Да, это могу только я - и разве существовало когда-нибудь более подходящее время? На данный момент я, хотя и была рассержена и зла, состояние, которое лучше не сохранять для вечности, но была убеждена в том, что другие уедут, чтобы спастись от разрушительной зависти в своём сердце, и я смогу спокойно вернуться к тому, что нашла в прошедшие дни ... а потом ...

- Действительно никогда не становится скучно? Я не могу в это поверить ...

- Верь. Как эта планета может когда-нибудь наскучить? Я знаю, ты влюбилась в эту землю и боишься, что в кокой-то момент хорошо узнаешь её, и она возможно потеряет свою прелесть. Но такого не произойдёт. А если даже и произойдёт, в мире есть столько сказочных мест, даже ещё не открытых, на которые никогда не ступала нога человека и у меня много время, чтобы посетить их. Конечно, мне тоже нужно менять место проживания, в какой-то момент моя вечная молодость начинает бросаться в глаза, но, если мне нравится какое-то место, я вернусь туда вновь через сто лет и опять буду наслаждаться его прелестями. А между тем познакомлюсь и полюблю другие ландшафты ... Где собственно ты уже была?

- В Скандинавии, на Аляске, в Гренландии, - ответила я угрюмо. - Да к тому же ещё в тёмное время года.

Анжело коротко втянул голову в плечи, как будто замёрз.

- Ну, Аляска захватывает, особенно, если ты приобретёшь собак Хаски и поездишь на санях по дикой местности, но я больше люблю тепло. Мир ожидает тебя! Ты слышала когда-нибудь о Бора-Бора?

Я усмехнулась. О, какое затасканное клише. Теперь он заманивал меня в южные моря.

- Да, знаю, это звучит безвкусно, как будто речь идёт о свадебном путешествие, знаменитостях и снобах, но я думаю вовсе не об этом ... я думаю о ...

Снова он прислонил свою голову к моей и меня сразу затопили образы из его мыслей. С довольным вздохом я закрыла глаза, чтобы отдаться им. Много времени не понадобилось, это была словно расчётливо взвешенная закуска и её хватило, чтобы пробудить во мне голод. Белый, мелкий песок, не каменистый и серый, как здесь, бирюзово-зелёная, кристально-чистая вода, раскошено обставленные хижины с крышами из соломы, построенные в лагуне, где вода

достаёт примерно до колен, пальмы, под чьей тенью ещё ни одна человеческая нога не топтала чистый пляж ...

- Здесь я проведу зиму.

- Ты уезжаешь? Правда, ты уезжаешь? - Закончилась мечта. Образы улетучились. - Но здесь ведь так красиво ...

- Не зимой. Зимой я не могу играть, туристы с сентября пропадают, бары и кафе закрываются, даже большинство отелей сиротеют. Места возле моря выглядят тогда словно вымершие, а в горах холодное время года, трудное и полное лишений. Я устроился на работу в одном из отелей; она принесёт мне не только деньги и компанию, но также питательные сны и мечты.

Анжело уедет ... Когда я размышляла над этим, пустое, мёртвое чувство распространилось в моём животе. Я предполагала, что он останется здесь, и что в Калабрии всегда тепло. Всегда. Я не могла представить себе эту страну холодной. И без Анжело.

Кто собственно была для него та самая? Какой она должна быть? Разве это совершенно невозможно, что ей смогу стать я?

Я вспомнила запись, и не смотря на мой гнев, почувствовала благотворную гордость. Я ещё никогда не считала себя настолько красивой, как в этом фильме. Я не только считала себя красивой, я была красивой, с моими необузданными волосами и коричневой кожей, гибким и сильным телом, тонкой талией. Мне не нужно прятаться от Анжело. Лето пока ещё продолжалось.

Лето продолжалось, и поэтому мы, в течение многих часов, бродили в тёплом, ночном воздухе, после чего он отправился на охоту, а я, уже во время ходьбы, начала мечтать. Моё тело требовало, чтобы фантазии подарили ему наконец то, за что оно так боролось. Находясь совершенно одна в бархатной темноте моей комнаты, я дала ему это. Скорпион, как молчаливый охранник, находился рядом со мной.

Когда тоска похитила мои чувства, я повернула горячую голову к стене и прикоснулась губами к его стройному телу. Моя реакция стала очень быстрой, но он оказался быстрее. Я глухо ахнула, когда его жало впилось мне в губы, слишком поздно я поняла, что он сделал. Только потом я отпрянула и пронзительно закричала от злости и гнева.

Я сильно размахнулась, чтобы смести его со стены и приплюснуть ногой. У меня тоже имеется яд. Но его там больше не было.

Всё только приснилось

Я хотела сделать резкий поворот и уклонившись в сторону, поднырнуть под него, чтобы таким образом он не смог меня поймать, но недооценила его силу и ловкость. Было достаточно того, что он схватил меня за лодыжку, притормозил мою скорость, и я перевернулась. Я извивалась как рыба, которой только что воткнули гарпун в тело, и которая в страхе за свою жизнь, напрасно пытается утащить за собой весь корабль. То, что он здесь делал со мной, было неправомерным лишением свободы. Я начала кричать. Мои лёгкие сразу же наполнились водой. Раздосадовано я поняла, что больше не могу дышать. Почему я не могла дышать?

В следующий момент он развернул моё тело, так что моя голова прорвала поверхность воды, а мой инстинкт выживания заставил, кашляя и плюясь, хватать ртом воздух.

- Немедленно отпусти меня! - заклокотала я.

- Эли, оглянись вокруг, посмотри, где мы! Посмотри вокруг!

Я огляделась и там ничего не было, кроме голубизны моря, чьи гребни волн медленно окрашивали вечер в серый цвет, но именно этого я и хотела: оставить позади себя все прочные структуры, больше не слушать разговоры и увещевание других. Я могла отвернуться, чтобы не смотреть на них, но уши не могла закрыть, а их голоса разрушали мою силу. Моя защитная стена начала трескаться.

- Ты слишком далеко заплыла, это превышает твои способности!

- Раньше тебя ведь это не интересовало ... на что я способна, а на что нет. Оставь меня здесь...

Колин нарушил своё обещание. Возможно он больше вовсе не думал о том, чтобы сдерживаться. Он обхватил мою грудную клетку и притянул к себе, так что моя голова легла на его шею выше воды, и поплыл к берегу, энергично и продолжительно размахивая руками. Пляжа отсюда было почти не видно. Я поставила перед собой цель, чтобы он совсем исчез. Туман был всего лишь в нескольких метрах, так близко от его мучнисто-серебреного перелива я ещё никогда не находилась. Если я доберусь до него, то больше не буду слышать эту болтовню. Она мешала мне во всем, чего я хотела.

Я извивалась, пиналась и кусалась, но хватка Колина, была как стальной зажим, из которого нет спасения. Иногда на моё лицо накатывала волна, и я умоляла воду снова забрать меня, а его прогнать, но она больше не слушалась меня.

Когда мы добрались до пляжа, стало темно. Наконец-то он отпустил меня. Ещё падая, я развернулась, вскочила на четвереньки и хотела броситься назад в прибой.

- Нет! Нет, Елизавета, ты останешься здесь и послушаешь! Слушай давай!

Я не могла его видеть, только догадывалась где он, даже искры не летели из его глаз. Его фигура и сумерки составляли одно целое. Я говорила с мертвецом.

- Но я не хочу быть здесь. Хочу ещё немного поплавать. Ты не можешь запретить мне.

- Ты ошибаешься. Я могу и сделаю. Ты выслушаешь меня.

Мои ноги лежали в мелком прибое, постоянно пытающемся утащить меня за собой. Ему не доставало меня, но твёрдая и тяжёлая голова находилась на холодном, мокром песке; взгляд Колина, который я не могла разглядеть, удерживал меня здесь. Я была не в состоянии сдвинуться с места и ударить его в чёрное, пустое лицо.

- Я думал, ты хотя бы будишь настолько порядочной, что по крайней мере скажешь мне, когда подаришь свои чувства другому, Елизавета. Но ты этого не сделала. Тебе всё всё равно!

- Я не подарила мои чувства другому, - ответила я ледяным голосом.

- О нет, подарила, делаешь это постоянно! День и ночь все твои мысли и чувства крутятся вокруг него, только вокруг него. Ты лежишь на своей кровати и представляешь себе в деталях, что делаешь с ним, представляешь вещи, которые со мной никогда в жизни не осмелишься осуществить...

- Ты снова подглядывал в мои мечты! – закричала я. По крайней меря я могла делать это, кричать громко и звучно. – Я тебе запретила, я не хочу, это тебя не касается, мои мечты не касаются тебя...

- Это не мечты! – Он тоже кричал, гром из неоткуда, всё то, что он здесь делал и говорил исходило из неоткуда. Я даже не видела его тени. Где же его лицо, где глаза? Я хотела схватить его, чтобы причинить боль, но он уклонился. - Это одержимость, чистая одержимость, ты одержима тем, что хочешь, чтобы он взял тебя. В твоих фантазиях ты уже изменила мне бесчисленное количество раз, почти каждый час ты делаешь это, и наслаждаешься...

- Но только в моих фантазиях! Не по-настоящему! Это только мечты, больше ничего, только мечты!

- Только мечты? И это говоришь именно ты? Только мечты? – Колин холодно рассмеялся. – Это желания, порождения дня, а не ночи. Конкретные, в подробности придуманные желания, и он видит каждое из них. Он точно будет знать, что ему делать, чтобы ограбить тебя так, что ты ещё и поприветствуешь это! Лучший секс твоей жизни, не так ли?

- Закрой рот! Я не потаскуха! Мои фантазии принадлежат мне, тебе в них нечего делать! – сопротивлялась я озлобленно. Я ненавидела это, лежать здесь и не иметь возможности сдвинуться с места. Я хотела покусать его, чтобы он даже больше не дёргался.

- Да мне нечего в них делать, это я тоже знаю, а также то, что теряю тебя и ничего не могу изменить. Но речь здесь идёт не только обо мне, Эли. Твоя голова так переполнила этими фантазиями, что...

Я позволила говорить и ему тоже, пустые, ничего не значащие слова из темноты, в то время, как он нёс меня прочь от моря, а потом опять пригвоздил к песку своим невидимым взглядом. Я презирала его за это. Я никогда не хотела изменять ему, никогда не намеревалась этого делать. С ним это ничего общего не имеет! Но я люблю мои мечты, и они мне нужны. Они предназначены не для Анжело, а для меня. Я хотела утешать себя ими всю жизнь; это мерзко и подло смотреть на них, а потом ещё упрекать меня. Он бросил их в грязь, чтобы я казалась себе шлюхой, которая состоит ещё только из похоти и слепого желания. Он хотел, чтобы мне было за них стыдно.

- Ты меня не слушаешь! Чёрт, почему ты меня не слушаешь?

Теперь его лицо было над моим, совсем близко, я чувствовала его холодное дыхание, но все ещё не могла различить черты. Только когда высоко над нами по небесному своду промчалась падающая звезда, ночь на одну секунду осветилась. Его лик был костлявой, бледной гримасой, глаза потухшие и пустые.

- Ты действительно это забыла, не так ли? – прошептал он. – Ты это забыла ... О Лесси, что же нам делать? Что нам с тобой делать?

Он отпустил меня, встал и отошёл, это чудовище, и его поглотила ночь.

Я осталась лежать, хотя и вернула назад контроль над телом, но во мне бушевал шторм, который порвал на куски и смешал друг с другом все мои мечты, так что ничего больше не имело смысла, как бы я не пыталась спасти их и заново собрать.

Лишь на рассвете я поняла, что сделал Колин.

Он похитил у меня мои мечты.

Слёзы Лаврентия

- Что собственно тебя ещё удерживает?

Изменение темы разговора было неожиданным. В принципе даже нельзя было говорить об изменении. Мы совсем не разговаривали, просто сидели на пляже, облокотившись спиной о нашу лодку, и смотрели на ночное небо над нами, которое снова и снова освещалось падающими звёздами - такими пылающими и величественными, каких я ещё никогда не видела раньше.

Я ничего не загадала. Мне казалось слишком по-детски желать что-то, прежде всего потому, что их было столько много, почти что каждую минуту они пролетали по своему угасающему пути. Обломки из космоса. Я читала об этом однажды, остатки человеческой техники, падающие вниз и навсегда сгорающие, не обязательно они имели что-то общее со звёздами. Когда я раньше видела падающую звезду, я неизбежно пыталась себе представить, как далеко тянется бесконечность. Иногда было достаточно, просто посмотреть на небо и звёзды и это мысль всплывала в уме - понятие, которое было невозможно. Как можно представить себе бесконечность? Было такое чувство, будто мои мысли ударяются о стенки черепа и исчезают, а это пугало меня до чёртиков.

Но теперь, когда бессмертие было в непосредственной близости, это представление больше не наводило на меня страха. Бесконечность и я так близко подошли друг к другу, что мне больше не нужно было её бояться. Всё же я не почувствовала желания ответить сразу, когда голос Анжело опустился на успокаивающий, тихий шум прибоя. Да, что меня ещё удерживает?

- Я точно не знаю. Сомнения?

Я понятия не имела в чём сомневаюсь, но это казалось сомнением, беспокоящим бременем в животе. Если я слишком сильно обращала на него внимание, оно начинало роптать и разрасталось. Когда пыталась игнорировать, становилось меньше, но никогда не исчезало полностью. Как будто я съела что-то не то, и мой желудок теперь пытался справится с этой бедой. Это раздражало, потому что я уже давно не чувствовала живота. Ему нельзя начинать снова беспокоить меня.

- Сомнения - это нормально. Они есть всегда. Вы постоянно и везде сомневаетесь, это типично человеческое качество.

- Если бы я, по крайней мере знала, в чём и почему сомневаюсь, - проворчала я. - Тогда смогла бы опровергнуть, но так ...

- Ты слишком много думаешь. Ты не сможешь избавиться от этих сомнений. Сомнения - это один из механизмов вашего выживания, также, как страх. Они должны защищать вас от того, чтобы сделать опасные ошибки или неправильно оценить рискованные ситуации, которые могут закончиться смертью. Это вечный цикл людей. Вы пытаетесь что-то предотвратить, что рано или поздно неизбежно настанет. Пока ты человек, ты будешь сомневаться, это заложено в тебе.

- У тебя тоже были сомнения, когда ... когда это случилось?

- Да, - признался Анжело без колебаний. - Ещё как. Но они исчезли в тот момент, когда она легла ко мне. С этого момента всё было только прекрасно.

О да, я почти что видела это перед собой ... Я всё ещё не могла представить себе Анжело, как он ползал в грязи и убивал людей, но эта сцена сразу же ожила. Желанная, молодая женщина-Мар, которая пришла к нему, когда он в одиночестве лежал раненный на поле боя, наклонилась, приподняла его голову и поцеловала...

- Ты не должна обращать на них внимания, да у тебя и выбора другого нет. Сомнения исчезнут, как только ты примешь решение.

- Я знаю, но ещё не могу ... Я не понимаю почему ... - Я взяла в руку горсть песка и бросила его в лёгкий, вечерний ветерок.

- Эй, Бетти. Не сходи с ума. Я не хочу торопить тебя, только ... хм.

- Что хм? – «Хм» Анжело всегда что-то значило - а именно то, что он не хотел говорить из вежливости или порядочности. Это были почётные хм, но между тем я знала, что за ними часто скрывались самые интересные и новаторские мысли.

- Да, мне нужно сказать тебе об этом, ты права. Чтобы ты потом не упрекала меня и себя, если это больше не получится.

- Не получится? - Что он имеет теперь в виду? Падающие звёзды стали несущественными. Я выпрямилась и повернулась к нему, но его глаза были всё ещё направленны на чёрные, сверкающие гребни волн.

- Существует определённое временное окно, в течение которого это получается без проблем. В какой-то момент — это временное окно закрывается, у одних раньше, у других позже. Тогда пропускаешь свой шанс и сомнения становятся непреодолимыми, к тому же этот человек никогда не поймёт, из-за чего он сомневался ... Такие люди беспокойные, загнанные и теряются в изматывающей активности. Они постоянно начинают новые отношения и проекты, но не могут их закончить. Большинству совсем не ясно, что они пропустили, и в какой-то момент они умирают слишком молодые из-за сердечного приступа или инсульта, потому что их тело больше не может справится с постоянным напряжением.

Да, таких людей я уже встречала. Они существуют. И у них был шанс перешагнуть на другую сторону? Они знали об этом или Мар решил, что они стали для него невкусными, потому что сомнения превысили желание?

- Но ...

- Ты уже перешагнула через зенит этого временного окна, осталось не так много дней.

Да, это я тоже чувствовала. Мне больше не удавалось сохранять лёгкость в её полном расцвете, снова и снова она от меня ускользала, как будто из рук вырывалась непокорное создание. Были виновники, это я знала, другие позаботились об этом, но осознание этого ничего не меняло. Я была на грани пробуждения ото сна под именем жизнь. Я не хотела просыпаться. Я ненавидел ощущение, когда просыпаешься из прекрасного сна и не можешь его удержать. Я ненавидела осознавать то, что он никогда не был настоящим. Но у этого сна есть шанс стать реальностью, если мне наконец удастся побороть сомнения.

- Не печалься, Бетти ... Ведь ещё не всё потерянно. Просто я не хочу, чтобы ты чувствовала себя к чему-то обязанной.

Анжело пододвинулся поближе, чтобы прислонить свой лоб к моей щеке, робкий, сдержанный жест доверия, который каждый раз трогал меня до глубины души. Сразу же мои мысли успокоились, потому что его голова излучала почти что галактическое спокойствие и постоянство... Ничто в его размышлениях и чувствах не было хаотичным и ожесточённым, царила чистая, удовлетворённая, просвещённая ясность. Казалось даже море стало тише и сдержаннее, когда я восторженно прислушалась к тишине, которая, благодаря нашей близости, теперь распространилась и во мне тоже. Да, когда чувствуешь себя так, то все сомнения исчезают ... Я закрыла глаза, чтобы забыть мир вокруг и полностью погрузиться в успокаивающую, блестящую пустоту, но уже несколько секунд спустя мне помешали.

Потому что телефонный звонок не мог быть частью этой пустоты. В первый момент я была даже убеждена в том, что ошиблась, телефон не может звонить, ни сейчас, ни в то время, когда мы сидим здесь возле моря. Мы никогда не берём наши мобильные, когда ходим по ночам, но этот звонок - не звонок мобильного, а характерный дюделдидюдайдидю старого, стационарного телефона.

Я осталась сидеть, прислонив голову к голове Анжело, надеялась, что это только галлюцинация, может быть из-за моего сверлящего сомнения я стала такой нервной, что слышала вещи, которых не существует.

Дюделдидюдайдидю. Во второй раз. Не галлюцинация! Всё по-настоящему. Анжело не убрал головы, но тишина покинула меня. Я открыла глаза и невольно напряглась, когда звонок снова пронёсся сквозь ночь. Дюделдидюдайдидю. Он доносился из нашего дома. Внезапно я была уверенна в том, что телефон звонит в нашем доме, хотя я сидела слишком далеко, чтобы это можно было сказать с точностью. Но телефон, стоящий в конце коридора на шатком комоде, по которому звонить можно было только нам, сами мы не могли, был один из этих аппаратов, которые издавали такое дюделдидюдайдидю. Я даже видела его перед собой, так ясно, как будто сейчас сниму трубку и отвечу на звонок.

- Телефон ... ты его не слышишь?

- Слышу, - пробормотал Анжело. Его голова покоилась на моём плече, потому что я вытянулась, чтобы лучше слышать. - Ну и что?

- Может мне лучше взять трубку. Он звонит в нашем доме.

- Ох нет, останься здесь ... прямо сейчас было так хорошо ... Почему вы люди, должны всегда сразу бежать к телефону, когда он звонит?

- И это говорит итальянец, - съязвила я. Итальянцы одержимы телефоном. Наверное, они даже спят с мобильными под подушкой, чтобы только не пропустить звонка. В конце концов всегда есть что-то очень важное, что нужно сообщить, о чём мир должен поскорее узнать и тем более близкие и дальние родственники.

- Я космополит, а космополитам не нужно постоянно звонить по телефону, им это совсем не обязательно, - слабо запротестовал Анжело. Говоря, он улыбался, я заметила это по минимальному движению его скулы на моём плече. Как мне хотелось увидеть эту улыбку. Я незаметно скользнула вниз, пока наши головы не оказались на одном уровне, но в этот раз не лоб к лбу, а щека к щеке, что мне нравилось намного больше. Лишь миллиметр между нашими губами ...

Дюделдидюдайдидю. Кто-то очень настойчивый.

Раздражённо я села.

- Это начинает надоедать ...

- Тогда не слушай.

- Не могу. Может быть это какая-то техническая ошибка и исчезнет лишь тогда, когда я вытащу телефон из розетки. - В конце концов поблизости находится Мар, даже если я ещё никогда не видела, чтобы современные устройства барахлили рядом с Анжело. - Схожу быстро домой, не уходи, я сейчас вернусь, хорошо?

Дюделдидюдайдидю. Да, уже иду, подумала я раздражённо, когда бежала по ещё тёплому писку к Пиано делл Эрба и передо мной показался мой дом. Именно сейчас. Более неподходящего момента нельзя придумать; всякий раз, когда я прерывала разговор с Анжело, я боялась пропустить что-то важное, что будет незаменимым для моего дальнейшего жизненного пути. Но моё любопытство хотело знать всё - не только то, что рассказывает Анжело, но также то, кто посреди ночи звонит мне домой.

Как всегда, в доме никого не было: возможно они выполнили свою угрозу и уехали. Мне это подходило, не нужно будет слушать их постоянную, повторяющуюся болтовню.

Я зашла в заднюю дверь, которую в любом случае больше не закрывала на замок, и шмыгнула через кухню в коридор. Дюделдидюдайдидю.

Внезапно я заколебалась. Что, если это другие? Если они под предлогом выманят меня подальше отсюда? Разве это не опрометчиво просто снять трубку? Будет достаточно вытащить телефон из розетки, чтобы покончить с раздражающим звонком. С другой стороны, тогда я

никогда не узнаю, кто пытается до меня дозвониться. Решительно я сняла трубку и поднесла к уху.

Я ещё не до конца выполнила это движение, как мои колени подогнулись и пришлось прижаться спиной к стене, чтобы не приземлиться на задницу. Казалось море мчится мне навстречу, сильное и в тоже время ленивое покачивание волн. Я немного отодвинула трубку от уха, но это мало что дало. Рокот бушевал прямо в моей голове и укоренился там. Вверх и вниз ... верх и вниз ...

Кто-то решил пошутить? Или тот, кто звонит сидит где-то на пляже, как ещё только что Анжело и я, и нечаянно нажал на кнопки своего мобильного? Да, должно быть так, это всего лишь шум моря, нечего больше.

Всё же я осталась стоять, с подкосившимися ногами и прислонившись спиной к стене, не могла заставить себя опустить трубку. Разве там так же не бушует шторм, в том же ритме, что и волны? Но у нас шторма нет. Какое странное совпадение, что кто-то набрал неверный номер, и, как и я, как раз находится возле моря - однако в таком месте, где поднялся шторм. Не свист и не вой, а равномерный, ритмичный рёв. Таких штормов не существует.

- Пронто? - использовала я на всякий случай ту фразу, с которой итальянцы отвечали на телефонный звонок и которая, если перевести дословно, означала что-то вроде «готов». Да, я готова и хочу, чтобы звонящий поторопился и быстро снова отпустил меня на пляж. Этот коридор слишком узкий и душный. Здесь почти невозможно дышать. Ах, как же это раздражает, что нужно постоянно дышать.

- Алло! - попыталась я на немецком, когда никто не отреагировал. - Кто там?

Испытать ли мне выражение, которому научила Джианна? Чего тебе надо сюнька? Возможно его будет достаточно, чтобы лишить того, кто звонит удовольствия использовать такие шалости. Но оно никак не сходило с языка; что-то во мне предупреждало, что оно совершенно неуместно.

Рёв прибоя не прекращался, должно быть это длинный, широкий пляж, о который разбиваются волны, высокие волны, которым требовалось несколько секунд, чтобы подняться и снова упасть. Или это всё-таки ... дыхание? Там кто-то дышит? Снова ноги под мной подкосились, но я неумолимо выпрямила их, чтобы они выдержали мой вес. Они сухо щёлкнули.

Теперь рёв умолк, как будто кто-то остановил волны. Я снова приставила трубку к уху.

- Тира, - сказал голос, по которому невозможно было опознать пол, это мог быть глубокий женский или же музыкальный, нежный, мужской голос - я не могла классифицировать его, даже если бы сильно постаралась. И что он имеет ввиду под Тирой? Здесь не живёт никакая Тира.

- Думаю вы ошиблись. Я ложу трубку, хорошо?

- Тира, - повторил голос. Бесполый, но древний. Он не дрожал и тем более не срывался. Но не мог, не в коем случае, принадлежать молодому человеку. Кроме того, он показался мне знакомым, как будто я уже один раз разговаривала с ним ... Или мне только так казалось?

- Тира. Быстро.

Снова поднялся шум, но потом на линии щёлкнуло и после короткой паузы загудел длинный гудок. Звонкий тон был неприятен, поэтому я снова убрала трубку от уха. Но всё ещё никак не могла положить её на рычаг и вытащить телефон из розетки. А стояла, словно окаменев в коридоре и смотрела на то, как мои волосы трещат, извиваются по плечам, а один обесцвеченный солнцем локон прижимается к трубке. С волос на пол бесшумно соскользнула лента, которая разорвалась от силы моей гривы.

Я не осмеливалась шевельнутся. Меня сбивал с толку не таинственный, позвонивший человек, а чувство, будто я больше не одна. В доме кто-то находился. Я не одна.

- Эй, всё в порядке? Я беспокоился.

Испуг остался внутри моего тела, хорошо спрятанный под рёбрами, только желудок быстро поднялся и опустился. Я подавила крик и повернулась лишь тогда, когда мимика лица вновь оказалась под контролем. Он не должен думать, что я пуглива или подозрительна. Конечно это Анжело - кому же ещё здесь появляться?

- Да, всё хорошо. Либо это был телефонный розыгрыш, либо кто-то ошибся номером, не знаю. Я его не поняла. Звучало так, будто звонил кто-то издалека.

Я больше не могла дышать в этом узком коридоре. Я быстро протиснулась мимо Анежло, прошла в кухню и села на стол, где подчёркнуто беспечно заболтала ногами. Сигналы моего тела всё ещё подсказывали, что что-то не так, что надвигается опасность, но почему? Что меня насторожило?

Я повернула голову в сторону сада, тёмного и пустого, лежащего в тени дома, и вдруг увидела перед моим внутренним взором то, что почувствовала, но не смогла истолковать, тонкий, длинный силуэт, вытянувшийся в высоту, поднявший голову и угрожающе шевелящий языком. Змея! Это змея предупреждала меня. Она чувствовала, что её покой нарушили, а он был ей крайне необходим. Это не я взволновала её, и не чужак, что позвонил, а Анжело. Она его не знала. Он ещё никогда не приходил сюда.

Только вчера я заметила её вздувшийся живот, когда гладила кончиками пальцев по гладкой чешуе и почувствовала, как пульсирует растущая под ним жизнь. Она через несколько дней родит приплод, возможно даже уже сегодня ночью. Я должна защитить её.

- Мы можем пойти к тебе? Я плохо себя здесь чувствую, - попросила я Анжело, который последовал за мной, облокотился на холодильник и вопрошающе на меня смотрел.

- Ты мечтательница, - ответил он улыбаясь. - Что я говорил тебе раньше?

Вместо того, чтобы ответить я вздохнула, когда вспомнила. Он сказал, что ещё этой ночью должен уйти. Сначала охота, потом работа, многодневный, южно-итальянский праздник, где он будет играть на пианино. И снова моё временное окно уменьшится. Внезапно я возненавидела это слово. Оно было таким немецким. Временное окно. Оно внушало мне такое чувство, будто меня заперли межу толстых, каменных стен и люк в стене открывается лишь иногда, чтобы я могла быстро сделать то, что мне нравится. Но чаще всего этот люк открывается для того, чтобы я могла выполнить мой долг. Но это должно стать вольным стилем, а не долгом.

Снова змея на одно короткое мгновение затмила мои размышления. Её рот был широко открыт, готовый атаковать. Я видела, как вспыхнули её клыки.

- Давай выйдем, - предложила я. - На улице мне нравится больше, чем здесь. - Дом хотел от меня избавиться. Из-за запаха конского навоза меня чуть не рвало, я чуяла запах заплесневелой кухонной губки, лежащей в течение многих дней в мокрой раковине, я слышала, как в стенах ползают термиты.

- Мне в любом случае нужно идти.

Точно, ему нужно идти. Я уже снова забыла. Должна признать, что Анжело прекрасно обуздывал свой голод. Я ещё никогда не видела жадности в его глазах, а также не слышала страдальческого рокота в груди. Он начинал заботится о еде уже тогда, когда ещё не чувствовал сильного голода. И теперь тоже. Я проводила его к главному входу, не хотела, чтобы мы проходили мимо змеи.

- Если желаешь, можешь жить в моём доме, пока меня не будет. Ты хочешь?

Что за заманчивое предложение. Не голый, пустой коттедж с нарами, вместо кроватей, а усадьба с бассейном и библиотекой, и обширным, заколдованным садом.

Я застенчиво пожала плечами. Могу ли я это принять?

- Мне бы понравилась мысль, знать, что ты спишь на моей кровати, пока меня не будет. - Я увидела, как вытянула вперёд руку и взяла ключ. - Может сможешь полить цветы; было бы жаль, если всё завянет.

Его последнее замечание прозвучало так банально, что я рассмеялась. Что теперь? Наше первое настоящее прощание - как оно должно выглядеть?

Анжело принял решение за меня с той уравновешенной естественностью, которой я в нём восхищалась. Он нежно прикоснулся рукой к моей щеке, слишком коротко, чтобы придавать этому жесту слишком много значения, но всё же нежнее, чем принято между друзьями. Потом развернулся и пошёл вниз по улице спокойными, юношески-небрежными шагами.

С ключами в руке я села на ступеньки, ведущие в сад. Я ещё не хотела идти в его дом, слишком рано. Собиралась исследовать его только тогда, когда он уйдёт, когда я буду уверенна, что он не заметит и не учует, что я копаюсь в его доме. Потому что мне хотелось покопаться в нём вволю. Пока что мне были знакомы только салон и библиотека, а я была прямо-таки одержима желанием увидеть спальню. А потом я хотела лечь на его кровать и помечтать на ней. По крайней мере существует что-то, чему я могу радоваться, пока его нет рядом.

Но звонок просто не выходил у меня из головы. Даже стакан красного вина не смог отвлечь меня. Я прижала кулаки к вискам, чтобы вернуть ту мягкость, что успокаивала меня все предыдущие дни, нежная, как колыбельная. Я даже не знала, сколько счастья может принести то, когда ни о чём не думаешь. Должно быть так чувствует себя тот, кто умеет хорошо медитировать, когда почти достигает духовной нирваны. Он ещё только отражает то, что больше ни о чём не думает, прежде чем всё сливается в одно.

Но теперь, теперь я наблюдала за тем, как моё временное окно сократилось. Стены сдвинулись, люк стал уже, от света осталась ещё только узкая полоска. Я должна поторопится, а для этого нужно забыть того, кто звонил. Поэтому выпью ещё один стакан красного вина, положив ноги на перила и направив взгляд на белые тополя и черноту ночного неба.

- Тира, - не смотря на все мои попытки расслабиться, слово прозвучало как эхо в ушах. - Тира. Быстро. - Тира - это имя? Какое-то место? Тайна? Может быть мне не нужно пытаться забыть звонок? Может быть он как-то со всем этим связан? Если бы я только знала, почему он показался мне таким знакомым... Но я не могла вспомнить, что когда-либо слышала этот голос, и не могла представить себе человека, скрывающегося за этим голосом. Моя прежняя жизнь осталось бледным воспоминанием в памяти, не стоящая даже упоминания, потому что я только мучила себя страхом и вечными размышлениями. Она была лишь ступенью к тому, что произойдёт сейчас.

Но что, если он часть моей новой жизни? Что, если он решает, примут меня или нет? Что, если он меня проверяет? (Или она? Это с тем же успехом могла быть и она.)

Моё временное окно закрывается, Анжело уехал на несколько дней, скоро он отправится в южную часть Тихого океана, время истекает - я должна придать звонку значение. У меня нет другого выбора.

Застонав, я выпрямилась. Итак, что значит Тира[1]? Как пишется это слово, с «h» или без «h»?

Тира, может быть итальянским названием, возможно одной из множества покинутых деревень. Я ударила себя ладонью в лоб, когда поняла, что почти не в состояние ясно мыслить. Снова и снова мысли разлетались. Я должна сосредоточится. Как мне выяснить, где находится Тира?

[1] На немецком Thira.

Лишь после нескольких минут раздумий, у меня появилась идея взять в руки карту, да, дорожную карту. Боже мой, почему мне потребовалось столько времени, чтобы додуматься до этого? Нужно было сразу спросить Анжело, тогда всё было бы проще. Теперь нужно будет полагаться только на себя.

Торопливо я трясла сложенную карту, пока она не развернулась, чуть при этом не порвавшись. Я развернула её на полу террасы, поставила рядом две свечи и начала искать. Было трудно разбирать названия мест. Дело было не в фокусе глаз, а в головокружении, которое, как только я пыталась что-то прочитать, распространялось за ними. Я перенапрягла их. На карте было написано слишком много названий - и в тоже время слишком мало. Покинутые, одинокие, горные деревни, однако, уже больше не отмечались, самое больше стоял символ руин. Тира могла быть везде. Я хотела снова сложить карту, но, когда это не получилось, смяла её и ругаясь, забросила в угол. Она в любом случае не помогла.

Секунду спустя я вздрогнула, потому что выскользнул из рук и упал на пол ключ, и в тот же момент потянула шею. Должно быть я задремала. Я встряхнула руками, чтобы прийти в себя. Компьютер с доступом в интернет был бы решением, один раз внести в гугл Тира и уже я получила бы ответ. Но смогу ли я вообще ещё вспомнить, как включить компьютер и войти в сеть? Я не была в этом уверена. Обладала ли я вообще когда-нибудь компьютером? Как выглядело моё рабочее место?

- Не важно, Бетти Блу, - упрекнула я себя. Мои ноги стали неспокойными, я снова хотела их вытянуть, хотела вытянуть всё тело и вернуться в то сонное состояние, которое дарила ему ночь за ночью, в какой-то момент между восходом луны и рассветом, в то время, как Анжело охотился. Но ему придётся подождать; то, что я собиралась сделать было важнее и обещало дать вечное расслабление.

Где нужно искать, если хочешь что-то выяснить? Компьютер отпадал; даже если бы он у меня был, я не смогла бы его использовать. Мои глаза не смогут ничего увидеть на мерцающем экране. Но есть ведь что-то ещё - что-то ещё ... Книги! Боже мой, сколько же мне понадобилось для этого времени, отругала я себя в короткий, ясный момент. Книги. Энциклопедии. Их было достаточно, а именно в доме Анжело, к которому у меня имелся ключ.

Я сразу же отправилась в путь. Мои мышцы взбунтовались, они не понимали, зачем так напрягаться в такой поздний час ночи. Правое колено трещало при каждом шаге, движения были негнущиеся и неуклюжие, даже пришлось несколько раз остановится, потому что икры сводило судорогой. Тогда я, дрожа, опиралась на чужой, садовый заборчик и со свинцовыми веками и стеная ждала, пока боль не утихнет.

В саду Анжело я сначала окунула голову в бассейн, чтобы прийти в себя, потому что головокружение становилось всё сильнее. Мне пришлось ожесточённо бороться со всеми моими желаниями и потребностями, чтобы пройти мимо манящих, широких лежанок с их бесчисленным количеством подушек, и не лечь на них. Я шла сгорбившись, тело негнущееся, как у старой женщины, крошечными семенящими шашками, но в какой-то момент мне удалось зайти в библиотеку и рассеянно оглядеться.

Справочники я нашла быстро, многотомная немецкая энциклопедия на самом верху. Лестница качалась под моими босыми ногами, потому что я почти больше не могла держать равновесие. Нести том с буквами от R до Z я не смогу, он слишком тяжёлый, я даже не смогла взять его с полки. Недолго думая, я толкнула его сверху локтем, и он, стуча, упал на пол, прежде чем спрыгнув с лестницы, я жёстко приземлилась на плитки.

- Тира, - шептала я, когда начала листать, меня трясло от спазмов зевоты. - Тира ... - Никакой записи под Тирой без буквы h. Я начала искать выше в алфавите, Тира с h ... - Всё-таки нашла.

Тира существует. Чтобы прочитать запись, мне пришлось постоянно моргать, потому что на сетчатки снова и снова образовывалась молочная плёнка. Кроме того, буквы были крошечными.

- *Тира, транскрибируемый также Санторин.* - Что значит слово транскрибируемый? Я знала его раньше? Что же, таким уж решающим оно не может быть. - *Небольшой архипелаг вулканического происхождения, входит в западные Киклады.* - А что такое скажите на милость Киклады? Киклады ... Ведь в школе я не была настолько плохой, я должна это знать! Я буравила ногтем большого пальца ладонь, пытаясь размышлять дальше. Возможно Греция? Греческие острова? Да, Киклады, звучит по-гречески. О нет, почему Греция, это слишком далеко! Хотя я и нахожусь возле Ионического моря, с той стороны Калабриии, что повёрнута к Греции, но расстояние, о котором здесь идёт речь, я никогда в жизни не смогу преодолеть вплавь. Пока ещё нет. А тот, кто звонил сказал «быстро». Повелительным тоном или просящим? Этого я тоже не помнила.

Во всяком случае, нужно побыстрее придумать, как туда попасть. А тяжёлый том нужно снова поставить на полку. Библиотека важна для Анжело, здесь находятся его нотные тетради, я не хотела создать впечатление, будто бесстыдно здесь рылась. Когда я неловко встала, мне так не хватало лёгкости, которую ощущаешь в воде, в ней настолько проще двигаться, чем здесь на земле, чьё притяжение забирало у меня последнюю энергию.

Теперь ещё раз подняться по лестнице с книгой в руке? Я должна попытаться. Я засунула том под мышку правой руки и ступень за ступенькой, начала взбираться наверх, лестница при этом гремела и раскачивалась, а одни раз так сильно накренилась, что стояла только на одной из своих четырёх ножек. Я вся вспотела; снова и снова мои пальцы соскальзывали с перекладин. Я считала не только излишнем то, что моя кожа показывала столько слабости, меня это также ужасно раздражало. Подо мной вообще не осталось никакой стабильности, моё тело делало со мной что хотело.

Всё же я сразу поняла, что гудящий грохот, поднимающийся из ядра земного шара и добравшийся до нас людей короткими, безжалостными волнами, встряхнув, словно цикад в банке, ничего общего не имеет с моей неуклюжестью. Уже секунду ранее стало неестественно тихо, чёткое прекращение ночных шорохов снаружи, даже теплый ветерок затих. Я крепко держалась за лестницу, в то время, как она медленно падала назад, увлекая меня за собой, пока я не поняла, что это не слишком хороший план, потому что таким образом она может меня убить. В последний момент я отпустила и оттолкнула её в сторону, приземлившись спиной на старинное, обитое тёмно-зелёной кожей кресло, в то время как вся комната начала вибрировать, и вокруг меня, словно в замедленном темпе, с высоких полок посыпались книги. Даже тяжёлые тома в кожаном переплёте и энциклопедии летели по воздуху, как будто в них ударила огромная рука.

Из-за падения моего тела, регулируемая подставка для ног кресла взлетела вверх, подняв мои ноги как в гинекологическом кресле, недостойное положение, напомнившее мне ситуацию, которую я уже один раз пережила, но я никак не могла вспомнить где и когда ... Именно это со мной и случилось, подставка для ног кресла резко поднялась вверх, кто-то был рядом и высмеял меня, а я злилась на этого человека ... Но на кого? Где и когда?

Чёрт, это сейчас не важно, я находилась в высокой, круглой комнате полной книг, земля тряслась, а я всё ещё смертная, если не повезёт, они закапают меня под собой! Блестящий том с металлическими углами упал на пол, чуть не задев моё плечо, потом последовала каскада тонких книг в мягкой обложке, которая пролилась на мою голову. Я опустила голову вниз, чтобы защитить глаза от их краёв.

Но в тот момент, когда качка и тряска под мной захотела сорвать с полок также толстые, в кожаном переплёте рукописи, земля внезапно успокоилась, гул замолк так же быстро, как

начался. Я вцепилась в подлокотники кресла, наблюдая за тем, как последний импульс сорвал с полок нотные тетради, и они запорхали в воздухе. Шурша, страницы открылись, прежде чем присоединились к книгам на полу и остались лежать там, как подстреленные голуби.

Нужно убираться отсюда, решила я, да побыстрее, прежде чем стану снова вялой да сонной. Мне не нужно было смотреть на верх, чтобы подтвердить моё подозрение. Я ясно это слышала, не смотря на грохот и гул. Также мне не приснилось то, что на мои волосы и в глаза посыпалась пыль. В потолке образовалась трещина, она открылась прямо надо мной. Этот дом старый, возможно землетрясения в этом регионе случаются часто, и в кокой-то момент стены не смогут больше выдержать таких встрясок. Возможно уже сейчас.

На цыпочках и качаясь, будто совершенно пьяная, я прокладывала себе путь через книги и добралась до солона. Он тоже пострадал. Из открытых витрин попадала и разбилась посуда, я учуяла запах пролитого алкоголя. Кроме того, обе карнизы выскочили из крепления, так что занавески лежали на полу, похожие на обессиленные привидения.

Бежать я не могла, но по крайней мере мне удалось, несмотря на постоянный хруст в суставах, ускорить шаги и развить подобающий для такой ситуации темп. Возле заправочной станции двое возбуждённо болтающих мужчины проверяли бензиновые колонки, а в домах зажигались огни, в остальном всё было тихо, никаких криков, никаких сирен. Это было лёгкое землетрясение и скорее всего длилось не дольше нескольких секунд; казалось людям здесь было это знакомо.

Все же и в Пиано делл Эрба люди проснулись и бродили по своему саду, чтобы получить представление о том, что случилось с их домами. Я приветствовала их, каждого в отдельности, как бы не было сложно говорить. Они не отвечали. Может из-за волнения? Несмотря на то, что паники не было, но в такие минуты каждый занят собой и своим испугом. Люди могут умереть.

Я беспокоилась только об одном, о змее. Всё остальное не имело значения. Дом - это всего лишь дом, он мне не нужен, но у змеи скоро родится детёныш, узкая щель, где она его высиживала, должна остаться целой. Не включая света снаружи - я уже давно его отключила, потому что он мешал мне - я засунула руку в небольшое отверстие, находящееся за краем душевого поддона и ощупала пальцами осыпающуюся стену. В этом укрытие пыль тоже нападала, весь грунт был покрыт ею, но змею я не нашла. Я не могла обыскать пещерку полностью, потому что дальше чем по локоть рука не влезала, не говоря уже о том, чтобы заглянуть в неё. Я искренне надеялась, что гадюка почуяла землетрясение намного раньше меня, и уползла в безопасный, защищённый уголок.

Мне так хотелось поддастся искушению и лечь в душевой поддон, подремать и посмотреть сны, пока не вернётся Анжело, но это убежище я уже много дней назад уступила змее, ей требовался покой. Я сама всё равно больше не принимала душа после купания; я привыкла к соли моря и мне нравилось, когда она была на коже, серебристые кристаллы, переливающиеся на солнце.

Неохотно я зашла в дом, где почти всё осталось целым, лишь некоторые двери шкафов открылись, но из них ничего не выпало. Что теперь? Лечь и ждать, пока взойдёт солнце или начать организовывать моё путешествие на Санторин? Было даже сложно думать о слове «организовать»; представление о том, чтобы воплотить его в жизнь, затопило меня парализующей вялостью. Всегда, когда я хотела решить взяться за дело, мои мысли разбегались в разные стороны, а голова казалось набита ватой. Всё же я, зевая, шаркала из комнаты в комнату, в поисках мобильного, потому что мой собственный был выключен, и я не могла вспомнить кода.

В тайне я наслаждалась представлением о том, что ничего не найду и наконец-то смогу отдохнуть, как вдруг обнаружила на чердаке аппарат. Он лежал дисплеем вниз рядом с

кроватью, как будто нечаянно у кого-то выпал и приземлился туда. Клавиши не были заблокированы. Как их разблокировать я бы всё равно не вспомнила.

До самого восхода солнца я говорила по телефону. Это была целая одиссея. Сначала справочное бюро, которое не понимало, что я просто хочу знать, где в Калабрие находятся аэропорта, и что женщине нужно соединить меня с ними, затем долго ждала, когда взяли трубку в аэропорту Ламеция-Терме. Показалось, что несколько часов. В конце концов новость о том, что прямых рейсов нет, а только через Рим, и мне следует попытаться в Реджо-ди-Калабрия, но я этого не хотела. Пусть будет не прямой рейс, только, чтобы они наконец забронировали для меня билет. Мой итальянский был достаточно хорош, чтобы объясниться на нём, но я вдруг больше не знала, как меня зовут, Елизавета, а как дальше? Как дальше? Женщина на другом конце провода думала, что я шучу, когда я предложила ей Бетти Блу, пока я наконец не вспомнила, Штурм.

- Штурм! - крикнула я в трубку, прежде чем новая волна оборвала мои мысли, и я в течение нескольких минут не могла понять, что говорит женщина, а она снова и снова переспрашивала, там ли я ещё.

- Синьора! - раздавался её голос из трубки. - Сеньора? Tutto bene? (итал. всё в порядке?)

Tutto bene, - лепетала я. Она оставалась на связи, хотя я снова и снова погружалась в чёрную пустоту, и, когда первая полоса света упала в окно, я забронировала билет до Рима и ещё один до Санторина, другого пути не было. Мой первый самолёт вылетит после обеда, у меня есть ещё немного время, хотя я не знала, как мне добраться до Ламеция-Терме. Машины здесь больше не стояло. Мне придётся добираться автостопом.

Уже спустя несколько секунд я поняла, что сложить сумку будет не так просто; в шкафу выглядело так, как будто в моих вещах покопались дикие животные, я не нашли почти ничего пригодного, а то что нашла, не подходило друг к другу. Большинство вещей были не стираны и затвердели от соли, цвета выцвели, а кайма потрепалась.

После того, как я смела одежду обоими руками с полок и разложила её, я выбрала более-менее чистые короткие джинсы и чёрную футболку. Одела и то, и другое, не смотря на жару, засунула в сумку нижнее бельё для замены и заползла на кровать, где хотела остаться лежать, пока не стану снова достаточно стабильной, чтобы двигаться на двух ногах. Пока не смогу снова думать. Чуть выше заправки, часто останавливались на отдых дальнобойщики; один из них точно подберёт меня.

Я вытянулась, полузакрыв глаза, сложила руки на груди, позволяя телу отдохнуть. Отдых, требуемый им так сильно. Я стала ждать, когда температура поднимется выше 35 градусов, и я начну жить.

Сумасшедшая поездка

- This is our last call. (англ. Это последний вызов.)

Ещё раз я подставила руки под кран, чтобы побежала вода и опустила лицо под тёплую струю, в то время как опиралась руками о раковину; вес я перенесла на носочки, немного присев. Я не хотела опускаться на колени, как грешница; в равной степени я не хотела выпрямляться в полный рост и смотреть в зеркало напротив. Я боялась обнаружить там что-то, чего ещё не знала, что-то в моём лице, что появилось там, а я даже не почувствовала. Пока я не вижу себя, смогу контролировать ситуацию.

Мне нужно взять себя в руки. При вылете в Рим я начала плакать, эпилептическое, сухое всхлипывание без слёз, трясущее всю верхнюю часть тела, в то время как ноги аккуратно лежали на сиденье, стопы упирались в пол, а руки обхватили тело. В тот момент, когда моторы маленького самолёта начали гудеть, я внезапно осознала, что отдаляюсь от Анжело; я уезжаю, даже не оставив ему записки, как же мне обойтись без него? Как сделать даже шаг без его успокаивающего присутствия и не упасть? Я не имела представления, когда и как смогу вернуться. Может он придёт после своего выступления домой и подумает, что я уехала в Германию, да, и возможно погода изменится, польёт дождь и не останется ничего, что ещё удержало бы его там. Он отправится раньше в Бора-Бора, да и зачем оставаться? Ведь его никто не держит.

Я нуждалась в нём, здесь и сейчас. Это было не обычное чувство, когда по кому-то скучаешь и хочешь его увидеть, нет, не капризное чувство, а уверенность, что я делаю огромную ошибку, отдаляясь от него. Это было почти как предательство, за которое меня накажут, это я знала - накажет судьба. Он должен быть рядом, по-другому просто нельзя.

В панике я попыталась отстегнуть пояс, потому что хотела пройти в кабину и уговорить пилотов вернуться назад, но старый мужчина рядом, лишь удивлённо смотрел, как мои пальцы снова и снова соскальзывают с застёжки. Они терпели неудачу в самых простых вещах. Вместо того, чтобы помочь, он позвал стюардессу, которая склонилась ко мне с озабоченным выражением и посмотрела в лицо, чего я не хотела, никто не должен заглядывать мне в лицо. Она быстро отвернулась, но осталась на месте и проверила мой пояс безопасности, который я не могла отстегнуть, у меня не получалось.

- Are you okay, everything okay? (англ. Ты в порядке, всё хорошо?) - спросила она с фальшивой, испуганной улыбкой.

Внезапно все были напуганы. Зазвучали голоса, они взволнованно обсуждали, что им обо мне думать, замыслила ли я что-то злое, возможно я пронесла с собой на борт взрывное устройство, бомбу, террористка! И теперь просто не способна выполнить это задание, так как совершенно впала в истерику. Но мужчина рядом образумил их. Это скорее всего лишь приступ аэрофобии, им следует снова сесть на места. Стюардесса тоже попросила занять места.

- Fasten your seatbelts, please. (англ. Перестегните ремни безопасности пожалуйста.)

- Любовная тоска, - пролепетала я, дрожа, потому что хотела, чтобы головы снова исчезли за спинками сидений. Их взгляды горели на моей коже. - Только любовная тоска.

Мужчина организовал мне томатный сок, который я не выпила, только пригубила, чтобы оказать ему услугу. Я ничего не могла пить, моя глотка была настолько сухой, что глотательный рефлекс отказывал. Я дышала с открытым ртом.

Во второй половине дня посадка в Риме, вовремя. Нужно было выйти и позаботится о багаже. У меня его не было, только сумка на плече с нижнем бельём и моими документами, больше ничего. Я не знала, что с собой делать. Слишком много вывесок, голосов, указателей, шума. Я больше не могла идти прямо, врезалась коленями в чемоданы, скамейки и ленточные транспортёры, перед которыми стояли люди и сосредоточенно и с завороженным взглядом ждали, как будто им сейчас объявят о большом призе.

Я, шатаясь, прошла к моей стойки, где должна была показаться, чтобы сесть в следующий самолёт. Я не хотела лететь дальше, но убраться подальше от масс, толпящихся в проходах. Поэтому сделала вид, что лечу, я буду первая в зоне ожидания и смогу занять себе пространство. Когда дама проверяла мои документы и билет, у меня опять потемнело в глазах, но я выдержала, взяла с застывшей улыбкой на губах документы и засунула билет в задний карман штанов. Сумка на плече тянула вниз, будто в ней находились тонны, хотя она была пустой, не считая трусов и рубашки. Я затащила её в туалет, где хотела остаться, пока не смогу снова нормально видеть; потом перебронирую билет и полечу домой, где буду ждать Анжело в его доме с бассейном. Мечтать. Отдыхать. Наслаждаться свободой. Так, как должна была сделать. Как я могла только быть настолько дерзкой, что уехала от него, не поговорив? Я разорвала связь между нами, в худшем случае навсегда ...

Вода должна помочь мне остаться бодрой и вернуть зрение, но я не поняла, что арматуру над раковиной вовсе не нужно открывать и отчаянно искала кран, пока случайно не полилась вода, потому что датчик почувствовал мои беспокойные движения, убогая струя, которая спустя пару секунд заканчивалась. Теперь я стояла здесь, снова и снова подставляя под неё лицо, чтобы головокружение позади глаз улеглось, и я смогла что-нибудь разглядеть ... Обо всём что было вокруг, я могла только догадываться и чувствовать, я больше не видела мира. Я ослепла.

- This is our last call. Flight number 358 to Santorini, Greece. Plane is ready to depart. Ms Sturm, please come to the information desk. This is our last call. (англ. Это наш последний вызов. Номер рейса 358 на Санторин, Греция. Самолёт готов к отлёту. Мисс Штурм, пожалуйста подойдите к информационному столу. Это наш последний вызов.)

Я не сразу поняла, что они имеют в виду меня, но вызов предназначался мне, это я мисс Штурм, голос сказал моё имя по английский, мисс Стёрм, без ш и без у, как же я должна догадаться, что они имеют в виду меня? Звучало не как моё имя.

Я ударилась лбом о керамику, когда хотела встать, а ноги вновь скрутило судорогой. Икра ноги дрожала, только правая, но я всё равно не могла передвигаться, не могла дойти даже до туалетной кабинки, где хотела закрыться и спрятаться от их вызовов.

Пусть прекратят звать меня.

- Ms Sturm? There you are! (англ. Мисс Штурм? Вот вы где!) - Это была женщина со стойки, я узнала её по запаху сладких духов, она последовала за мной в туалет, ей нельзя! Это моё личное дело, оно её не касается. Я что-то сказала, сама себя не поняв, поверхностное извинение, потом ноги снова пошли, маршем из туалета, где возле барьера меня уже поджидал бортпроводник со строгим выражением лица, показывая знаком, чтобы я заходила в туннель. - Hurry up. (англ. Поспешите.)

Я прошла, шатаясь вдоль узкого коридора, позволив утробе самолёта поглотить себя, везде парочки и влюблённые, почти нет детей и пожилых людей. Царило весёлое, праздничное настроение перед отпуском, каждый наслаждался радостным ожиданием другого, меня они не замечали, я им только мешала.

Моё место я нашла в самом конце, без соседей по бокам. Передо мной они трещали о будущем, отпуск только промежуточная остановка, о которой они быстро забудут, потом ребёнок, дом мечты, смерть. Женщина засмеялась, но она испытывала страх, я слышала это, она, как и я боялась, боялась упустить свой шанс. Только мой шанс был гораздо больше.

Сомнения всегда присутствуют, сказал он, возможно это лишь сомнения отнимают у меня ясность ума, и всё является частью плана; да было правильно полететь на Санторин, только я так не чувствовала.

Действительно ли это правильно?

Я сама больше не узнавала себя.

Полтора часа спустя посадка. Чернота перед глазами рассеялась, пока я апатично оставалась сидеть на моём сиденье. Через маленькое окно я смотрела на море, к которому наконец снова приблизилась, слава Богу. Мы направлялись к бесплодному, тёмно-коричневому острову с белыми селениями, прилипшими к крутому берегу. Они выглядели, как недавно выпавший снег; в первый момент я даже подумала, что это снег. Самолёт накренился в бок и перед нами появилась смехотворно короткая посадочная полоса, прямо возле моря, отделённая только забором из сетки. Но потом на нас с боку налетел порыв ветра, встряхнул, где-то с полки упал багаж, самолёт снова набрал скорость и с гудящими моторами понёсся ввысь.

- No danger at all. (агнл. Нет никакой опасности.) - Стюардессы с трудом улыбнулись, но бледные и застывшие, сидели пристегнувшись на своих местах.

Новая попытка.

Я ненавидела паническое молчание вокруг, молчание, хотя каждому хотелось кричать и реветь, они все до чёртиков боялись, даже я, давно выученное поведение тела. Мне хотелось избить его за это, а ещё за то, что оно делало всё правильно, я смертная, как и другие здесь, пока что я ещё смертная.

Поэтому я тоже вскрикнула в хор со всеми влюблёнными, внезапно снова став бодрой, когда колёса машины с грохотом занесло на посадочной полосе, но их сразу же снова выпрямили.

- No danger at all.

Потом пилот нажал на тормоза, никакого дыма, никакого пламени, только грубая, встряхнувшая всех остановка. Машина заехала слишком далеко за полосу, что, однако, не представляло проблем. Всё под контролем.

Я встала первой и прошла к двери; остальные ещё неподвижно прилипли к спинкам своих сидений, их рты глупо открыты. Потом они будут рассказывать друг другу о своём приключении, считая свой рассказ восхитительным, хотя в тайне уже боялись обратного полёта, жалея, что забронировали это путешествие. Я поспешила, прежде чем снова устану.

Аэропорт был маленьким; только большой, двухэтажный зал. Никакой очереди возле окна для въезжающих, они знаком показали проходить, не обратив на меня никакого внимания. Снаружи ветер и сухая жара. Я посчитала её освежающей. Прошла мимо автобусов для туристов и одетого в форму, обслуживающего путешественников персонала, стоящего на вечернем солнце со своими флажками, пока не дошла до такси. Во время полёта я пролистала брошюру об острове, зажатую в кармашке сиденья, и прочитала её - работа Сизифа, потому что мои сухие глаза соскальзывали с плотно напечатанных строчек и терялись. Мне пришлось, как первокласснику, вести пальцем под буквами, но я поняла достаточно, чтобы знать, что мне нужно попасть на северный конец острова. В Ию.

Ия, согласно брошюре - это небольшой городок, скорее спокойный, не отличающийся большой активностью, но популярное место для туристов и совершающих круиз путешественников, которые в определённые часы массами обрушивались на улочки. К тому же он был уголком для влюблённых, чаще всего его выбирали для свадебного путешествия - идеальное охотничье угодье, в котором постоянно можно найти пропитание, и всё-таки довольно уединённое место. Если решение приехать сюда было правильным, и послужит делу, тогда я найду того, кто звонил там. Я должна найти его там.

Но где в Ия - где именно? Так как у меня не было отеля, водитель такси высадил меня у входа в город. С этого места было запрещено ездить на машинах, а улочки, в любом случае, слишком для них узкие. У меня не было ни времени, ни желания, разглядывать красоты городка, перед которыми останавливались и фотографировали туристы, и загораживали мне дорогу. Да, он был довольно красивым, красочные стены, между белыми домами, как это не парадоксально, делающие ясный, яркий свет более мягким, вместо того, чтобы ослеплять меня. Между домами находились церкви, тоже белые, с синими куполообразными крышами и на ветру раскачивающимися колоколами.

Моя челюсть хрустнула, когда я, зевая, склонилась над стеной и посмотрела вниз. Море находилось далеко внизу, сотни метров вниз, слишком далеко, но мне нужно добраться до него. Прежде чем я что-то предприму, нужно поплавать, понырять, окружить себя водой. В любом случаи, это безумие, искать в одиночку того, кто звонил. Я снова отказалась от моего плана, снова посчитала его идиотским и не до конца продуманным. Без Анжело я не могу искать того, кто звонил. Мне нельзя. Я должна искупаться в море, охладиться и проснуться, затем свяжусь с Анжело, потом подожду его. Но сначала нужно искупаться. Как мне пройти к морю?

Так как я больше не могла ориентироваться сама, я последовала за мужчиной с ослом, повернувшего в извилистый переулок, где-то должна быть дорога к морю, даже если берег такой крутой. Много времени не понадобилось, и вот я уже нашла тропинку, мужчина с ослом провёл меня к ней. Зигзагом она спускалась вниз, широкие, неровные ступеньки между крошащимися стенами и грубыми, чёрно-коричневыми скалами. Вскоре я оставила погонщика

осла позади, вода всё приближалась, шаг за шагом. Но пляжа не было; я заметила это уже издалека. Волны разбивались прямо о камни, камни также и под водой, а море такое волнующее, что плавать здесь опасно. Всё-таки я шла дальше, может быть найду уединённое, ровное место для купания, потому что передвигаться на суше было всё сложнее.

У подножия лестницы сидело несколько туристов, все потные, они снимали на камеру; при том, что кроме моря и камней здесь ничего не было. Я повернула направо и быстро поняла, что придётся карабкаться, чтобы пройти дальше. Мои силы иссякали. Почти на каждом шагу я поскальзывалась и разбивала коленку, руки начали кровоточить, но я упорно продолжала идти вперёд, должен быть где-то пляж, крошечный пляж, где я в последних лучах солнца смогу вытянутся и помечтать об Анжело, чтобы он смог учуять меня и найти, он будет меня искать и найдёт, я должна помечтать ...

На следующем валуне, моя сумка зацепилась за острый край уступа, рванув меня в сторону. В последний момент я левой рукой предотвратила падение в расселину, между блестяще-чёрными стенами которой клокотало море, но я сильно ударилась лицом о разъеденную тысячью штормами скалу. По моим разгорячённым щекам потекла кровь.

Я осталась лежать, чтобы перевести дух, и собратья с новыми силами и внезапно услышала: ровный, спокойный шум прибоя, который можно встретить только возле постепенно углубляющегося пляжа, не нервный, нерегулярный плеск воды о базальтовые глыбы.

Я медленно освободила сумку от каменного утёса, за который она зацепилась и как тюлень оттолкнулась от валуна, вновь прислушавшись. Я не ошиблась. Шум прибоя был рядом и настойчиво звал меня к себе, нужно карабкаться дальше, не имеет значения, как сильно ранены мои кожа и кости. Соль моря вновь исцелит раны.

Когда шум прибоя был так близко, что почти заглушал плеск между скалами, я могла ещё только ползти. От любого дальнейшего возвышения у меня выступал на лбе холодный пот, желудок восстал, а мышцы дёргались, как будто руки и ноги били кнутом.

Я беззвучно вскрикнула, когда, обойдя следующую скалу, не обнаружила за ней никакого пляжа. Должно быть у меня акустические галлюцинации, я слышала рокот чётко и ясно, но он шёл слева, от скал, а не от моря, а этого просто не может быть ... Скалы не могут шуметь. Всё-таки я вслепую скатилась с валуна, на котором как раз находилась и приземлилась на небольшой стене - своего рода тропки, высеченной в скале, хорошо спрятанной и видимой лишь для тех, кто знал, что она здесь есть. Я легла на неё животом вниз и поползла вперёд, хватаясь вытянутыми руками за края стены и подтягивая вперёд тело, как вдруг внезапно на моё лицо упала тень. Я остановилась.

Да, стало темно. Я находилась внутри скалы ... Чёрные камни окружали меня.

Плеск воды слышался здесь лишь приглушённо, но рокот находился прямо передо мной, он затекал в мои вены и клокотал в лёгких, пока организм не начал работать с ним в унисон. Всё синхронно: движения моего кишечника, перекачивание крови, удары сердца, прекрасная гармония, согласованная, тёмно-красная пульсация.

На последнем издыхание я подняла голову и посмотрела наверх. Существо передо мной сидело на голом каменном полу своей пещеры, спрятав ноги под телом, туловище прямое, но расслабленное. Оно было маленькое, почти что миниатюрное. Встав в полный рост, оно достанет мне самое большее до плеча. Но его аура была внушительной и покоряющей, так что я поклонилась бы, если бы уже не лежала перед ним, как вынесенная на берег русалка.

Шум исходил от него, шёл из его груди. Он преломлялся о стены пещеры и возвращался назад, таким образом умножаясь, но никогда не терял свой усыпляющий, гипнотический ритм.

Я не могла сказать, женщина это или мужчина; волосы были короткими, похожими на стрижку, знакомую мне из старых книг по латыни и каменных бюстов античных диктаторов, стоящих в музеях, в глазах которых нет зрачков. Но в его глаза я смотреть не хотела. Я

остановила взгляд на его нежном, чувствительном рте, разглядывала слегка крючковатый нос, восхищалась невозмутимостью его плеч и маленькими, нежными ладонями, не сочетающимися с жилистыми мышцами рук, везде только смесь женского и мужского, это сбивало меня с толку, но также радовало.

Я подползла и положила лицо на его колени, покрытые белым одеянием, белым, как простынь на моей кровати, но оно обхватило меня за плечи и подняло вверх. Рокот затих.

- Помоги мне, дитя моё ... Помоги.

Моё дитя? Оно заставило меня посмотреть ему в глаза, голубые, как утреннее небо незадолго до восхода солнца, но не их цвет разбил мне сердце, так что соль моря крошечными кристаллами отскочили от моей кожи и словно переливающаяся алмазная пыль, посыпалась на пол. А то, как они на меня смотрели. Глаза, которым я всегда доверяла, глаза, которые не любили яркого света и утешали меня после самых тёмных кошмаров ... Глаза, которые узнали бы меня из тысячи, после одного единственно взгляда. Я уже так долго их не видела.

А также его рот, его улыбка - нет это была её улыбка. Её улыбка, когда она подтрунивала над моей непокорностью и всё-таки не оставляла сомнений в том, что она ей нравится, что она даже гордится ей. Её улыбка могла быть предупреждающей и понимающей в одном, могла даже пожурить меня, при этом никогда не пытаясь оскорбить. Иногда она улыбалась только потому, что я была рядом, стояла возле неё и жила ... потому что была её ребёнком ...

Я их ребёнок. У меня есть родители. У меня есть папа и мама. Они смотрели на меня и спрашивали, где я потерялась. Где же я потерялась?

Я их забыла.

Я забыла моих собственных родителей.

Рыдая, я опустилась на его колени, позволила ему осторожно накинуть на мои дрожащие плечи белое одеяние. Мои веки закрылись, впуская мастера, бдящего надо мной, в то время как я, в глубокой темноте ночи, навёрстывала то, что в течение многих недель не позволяла себе делать. Мой сон.

В объятьях Морфия

В первые секунды пробуждения я больше ничего не помнила. Не помнила, где нахожусь, почему пришла сюда, какое сейчас время суток и какой год, а также то, что случилось часами ранее. Я лишь смутно помнила существо, на чьих коленях всё ещё лежала и чей рокот не давал слишком быстро ускользнуть моему сну. Оно медленно и с терпением отодвинулось, у меня в любое время была возможность передумать, попросить, чтобы оно осталось и позволило мне снова погрузиться в пустоту.

Этого я не хотела, но была ещё не готова открыть глаза и встретиться с реальностью. Мои веки должны отдохнуть, хотя разум стал уже более ясным; слишком долго я отказывала им, не позволяла закрываться, а теперь, когда они наконец смогли расслабится, так что моим глазам ни на что не нужно было смотреть, я задалась вопросом, почему вообще делала это.

Это была первая мысль, образовавшаяся в голове: почему я перестала спать? И всё же столько много мечтала, даже довела себя до истощения? Ещё я не могла сказать, о ком мечтала, но этим я занималась во время коротких ночей и в послеобеденное время.

Я мечтала с открытыми глазами.

Поэтому внезапно больше не была уверенна в том, что из тех вещей, которые переживала в этот момент, настоящее, а что нет. Сквозь рокот я слышала, как море ударяется о скалы, пахло мокрыми камнями и солью, и покрытым корочкой канатом. Земля подо мной была твёрдой и прохладной, хотя она казалась мне мягчайшей кроватью. Только теперь я начала чувствовать её неуступчивость, а также мои колени, на которых лежала и которым пришлось держать вес моего тела, скорее всего уже много часов подряд. Но этот мир реален.

Застонав, я оттолкнулась от пола и вздрогнула, когда открылись раны на моих ладонях. Глаза я продолжала держать закрытыми.

- Вот выпей.

Его голос не напугал; затишье рокота подготовило меня к этому, и он раздался не в ушах, а в голове, что было намного приятнее. Поэтому, когда существо поднесло чашу к моим губам и поддержало голову, я покорилась. Я с жадностью выпила. Я учуяла жёсткий запах метала, но

само молоко было на вкус сладким и в тоже время кисловатым, что мигом меня освежило. Я захотела взять чашку сама и держала её обоими руками, как ребёнок.

- Помедленней, - предостерегло оно меня. Слишком поздно, я нечаянно, пока пела, вдохнула и подавилась, потому что больше не могла координировать обе вещи сразу. Мне нужно снова этому учиться. Я не могла вспомнить, когда в последний раз пила молоко. Вообще, когда в последний раз пила хоть что-то ...

Есть было ещё сложнее. Всё-таки я отрывала большие куски от сухого белого хлеба, который протянуло мне существо и пихала его в рот, прежде чем кашляя и пыхтя, прожёвывала и с каждым куском становилась всё более способной формулировать и доводить до конца размышления. Мои веки тоже стали неспокойными; глаза насмотрелись на черноту внутри.

Я прекратила есть, крепко держа хлеб в правой руке, собиралась спросить, как долго я спала. Голос был таким хриплым, что сначала пришлось прокашляться, а после того, как прокашлялась, я почувствовала, что ещё слишком голодна для разговора, решила, однако, удовлетворить потребность моих глаз в свете.

Моргая, я огляделась. Я сидела в маленькой пещере, достаточно высокой, чтобы можно было выпрямится во весь рост, а ниши, высеченные в камне, говорили о том, что однажды здесь кто-то оборудовал всё для жилья; скорее всего в этой пустой комнате когда-то стояла даже мебель. Теперь же были только голые камни, плюс позади меня море, чья игра волн отражалась на тёмном базальте и на нас, людях.

Нет, это не человек, сразу же поправила я себя. Кое-что, в чём я совершенно не сомневалась: существо было Маром. Я, пока оглядывалась, хотела, как бы случайно, мимолётно взглянуть на него, но так, чтобы оно не заметило, но мне не удалось. Я должна была посмотреть на это существо не вскользь, а разглядеть обстоятельно и неторопливо. Мои глаза не позволили ничего другого.

Моё первое впечатление сразу же подтвердилось; ни мужчина, ни женщина, а что-то, о чём я знала, что такое существует, но пока ещё никогда не видела лично. Слово «двуполый» казалось мне всегда уродливым и отталкивающим, и даже сейчас я не хотела о нём думать. К тому же было невозможно сказать, что в этом существе женского, а что мужского пола; всё можно было отнести как к одному, так и к другому. Только в одном я могла бы поклясться всем, что мне дорого: оно не обладает тем, что у мужчин в штанах является вторым и очень доминантным «Я», иначе я не смогла бы прижаться так доверчиво к его коленям. Его лоно было женским.

Во мне нарастал хохот, когда я вспомнила мои смутные рассуждения во время его звонка, а именно процитировать Джианины слова, с помощью которых можно отделаться от навязчивых мужчин. Я инстинктивно подумала, что они не подходят и запретила себе говорить их, и да, они действительно не подходили. Я бросила хлеб и зажала рот рукой, чтобы подавить нарастающий смех, но было уже поздно. То, что я воссоздала, было даже не особенно смешным, я знала, шутка плоская и непристойная, но мой живот это не волновало. Диафрагма начала ритмично сокращаться, а рука не смогла удержать смех, он проложил свой путь, беспощадно, как всегда, когда становился независимым; в таком случае его больше ничего не могло остановить, я была бессильна.

Но существо радовалось со спокойной, изысканной улыбкой моему незрелому веселью, как будто точно знало, о чём я подумаю и что посчитала в нём таким смешным. Хотя на самом деле я вовсе не считала это смешным. А даже находила красивым. Во время смеха от моего горла отделилась слизь. Кашляя и со слезами на глазах, я пыталась вернуть самообладание. Только после нескольких минут мне удалось обуздать себя. Мой живот болел так сильно, что пришлось ненадолго склониться вперёд. Продолжительные приступы хохота я ещё никогда хорошо не переносила. Но кашель, освободивший горло, позволив мне использовать голос.

- Что ... кто ..., кто ты?

Вообще-то, уважение к нему запрещало мне обращаться к нему на Ты, не спросив сначала разрешения. С другой стороны, я спала на его коленях, и теперь если буду говорить вы, то это будет выглядеть очень странно. Я не могу обращаться к кому-то на Вы, в чьих объятьях забылась.

- Мужчина или женщина? - раздался его голос в моей голове, в то время как оно спокойно мне улыбалось. - И то и другое.

- Да, это я вижу, - ответила я сухо, поднимая с пола хлеб. - Я имею в виду скорее ... это уже всегда так было? Или ...?

- Я был мужчиной с сердцем женщины, когда пришла нимфа и хотела утянуть меня к себе в пруд, в котором я купался. Я сопротивлялся, но она была сильнее, обернулась вокруг меня своим обнажённым телом, и я больше не смог освободится, таким образом став частью её. С тех пор я стал гермафродитом.

Он говорил о метаморфозе, другого варианта нет. Мар женского пола превратила его, но он этого не хотел, боролся и сопротивлялся, но в конечном итоге проиграл. Гермафродит - это звучало намного загадочнее и мелодичнее, чем двуполый. Теперь мне было легче иметь с этим дело.

- Когда это было?

- Больше двух тысяч лет назад.

Я перестала есть и немного отодвинулась. Больше двух тысяч? Это существо жило больше двух тысяч лет и обитало в этой голой пещере в прибрежной скале Санторина, пробираясь ночью наверх в город, чтобы похищать сны?

Мне на память пришли слова, которые оно сказало мне вчера: помоги мне, моё дитя. Помоги. Почему кому-то, вроде этого Мара, требуется помощь? Должно быть у него есть гигантские силы, даже если на первый взгляд их не видно. В своих немногих жестах, он скорее казался мягким и податливым. И всё же, ничего из того, что он делал, не было случайным, он владел каждым мускулом своего тела. Он может с минимальным движением схватить меня и размозжить о скалы, если захочет. Ему даже не нужно двигать челюстью, чтобы говорить, пока он ещё ни разу не открыл своего рта. Возможно ему даже не нужно двигаться, чтобы убить меня ... или превратить?

Потому что этот Мар должно быть имел какое-то отношение к нашим с Анжело размышлениям, он был невероятно стар, скорее всего у него была власть принимать решения над всеми Марами, что существуют, также и над Анжело ... Могу ли я попросить его, чтобы он вызвал сюда Анжело?

- Я хочу кое-что с тобой сделать, благодаря чему тебе будет легче вынести это, - прервали его слова равномерный рокот. - Чтобы это не причинило тебе боли.

Вынести - что вынести? Что я должна вынести, что причинит мне боль? Метаморфоза? Действительно ли она настолько болезненна, что мне понадобится такая мера? Я почти замерла, когда моя память холодно напомнила о том, что я уже слышала однажды подобные слова. Кто-то что-то со мной сделал, чтобы я смогла лучше вынести настоящее, чтобы оно не причинило боли.

Я прижала кулаки к глазам, чтобы вспомнить, и образы приняли форму и приблизились, как знакомые призраки, которые я прогоняла, когда бодрствовала, и которые преследовали меня, когда я спала. Это была звёздная, холодная ночь, я увидела мои босые ноги на мокрой траве, голова на его плече, в то время как времена года пролетали мимо нас ... Горячее солнце светило в спину, шторм развивал волосы и ледяные снежинки падали на затылок.

- Почему ты меня не разбудишь? - спросила я его, а он ответил:

- Потому что прощание причинит сильную боль.

Колин ... Это был Колин, Колин незадолго до своего бегства от Тессы. Тогда он что-то со мной сделал, благодаря чему стало легче вынести прощание; даже печаль я приветствовала на несколько часов. Потом она разбила мне сердце, навсегда.

- Колин, - прошептала я и дрожащими пальцами коснулась моего искажённого рта. О Боже, Колин. Колин, которого я любила и который похитил мои мечты. Он их похитил - или нет? Я была уверенна в том, что похитил. Если это правда, то любая мысль о нём - это слишком. Но что если нет? И почему мне хотелось плакать, когда я думала о нём?

Нет, лучше сейчас не думать о нём, я должна сосредоточится на том, что мне предстоит. Если я должна что-то лучше вынести, тогда Мар возможно имел ввиду вовсе не метаморфозу, а хотел показать или сказать что-то плохое. Ещё хуже, чем прощание с Колином прошлым летом?

Что это может быть? Может это всё-таки касается самого Колина? С ним что-то случилось? О нет ... нет ... Он рассказывал, что украл формулу у одного из древних, во время кражи и уже в первый раз, чуть не расплатился за это жизнью. Острый камень разорвал кожу на его голове - камень, как в этой пещере. Инстинктивно я прикоснулась рукой к затылку. Существо передо мной должно быть и есть тот древний Мар, он обо всём узнал и наказал Колина, убил его ... Он убил его! Именно это он и хочет показать мне, смерть Колина, чтобы я знала на что подписываюсь, если окунусь с мир Маров. Чтобы я не стала такой же своевольной, как он ...

Мои мысли мчались вперёд, перепрыгивая одна другую, в то время как я пыталась выползти из пещеры задом, подальше от этого Мара, только бы он ничего со мной не сделал, не сказав зачем.

- На твоей совести Колин! - выдохнула я слабо. - Я знаю, ты убил Колина!

- Нет. - В первый раз он открыл рот, сказав это слово, а я отказалась от попытки бежать, как будто кто-то разъединил все мои нервные окончания возле спинного мозга. Я больше не могла двигаться. - Он ограбил меня, в то время, как я похищал - кощунство среди нас Маров и самое ужасное преступление, какое существует. Я должен был убить его.

- И ты не убил, потому что ...? - спросила я более воинственно, чем разрешала ситуация.

- Потому что в этом не было смысла. Он похитил формулу из моей головы. Её там больше не было. Мне нужно было, как только я пришёл в себя, в свою очередь похитить её у него, но я также знал, что сама по себе для него она бесполезна. Он должен был, как можно быстрее, передать её дальше. Существам, которые могут любить.

Он передал её мне. Мне ... Но в этот момент даже я больше не могла её вспомнить.

- Тогда ты теперь похитишь её у меня. А потом убьёшь. Прекрасно. Давай, не стесняйся! - потребовала я дрожащим голосом. - Однако я её больше не помню, может так случится, что ты ничего не найдёшь! Но пожалуйста - моя голова - это ваше царство. Так ведь уже всегда было, не так ли?

Он мягко улыбнулся.

- Ты снова вспомнишь её, моё дитя, и тогда надеюсь, поможешь мне однажды. Сделай это, когда будешь готова. Я хочу уйти, я здесь слишком долго. Это неправильно, что я ещё тут. Я хочу умереть.

- О да, это мне знакомо, - проворчала я. – Раздражающая, старая шарманка. Я не официальная эвтаназия для Маров, ясно?

- Речь не об этом.

- Нет? - Чёрт, о чём тогда? Я ещё потеряю рассудок в этой пещере. Он не хочет похищать мои мечты, не хочет меня убить, превратить очевидно тоже нет, что меня разочаровало, но в тоже время я испытала чуточку облегчения, потому что в этот момент больше ни в чём не была уверенна, и я хотела, чтобы это сделал Анжело, а не гермафродит. Да, это должен сделать Анжело. Итак, зачем я тогда здесь? Это просто пустая, бесполезная трата времени, отдалившая меня ещё дальше от Анжело. Моё временное окно закрывалось, и я могла наблюдать за этим.

Свет исчезал с каждой минутой, которая проходила. Я такая дура, почему я вообще приехала сюда? Только из-за звонка? Я что, вообще больше не могу думать рационально?

- Твоё замешательство уйдёт, - спокойно пообещал Мар. - Нужно время, пока дух оправится. Сначала я хочу кое-что сделать, что поможет тебе вынести предстоящее.

Ладно, мы ведь только что обсуждали это. Забывчивость или гипноз? Но какая собственно разница, я всё равно не смогу его удержать, он ведь не спрашивал меня, а только объявлял о своих намерениях. Я должна буду позволить ему сделать это.

- Но не здесь. Не в этой пещере. Пожалуйста. Я хочу хотя бы что-то видеть.

- Ты увидишь. И я исполню твоё желание, давай выйдем на улицу.

Не спеша, он встал. Я не ошиблась, когда оценивала его рост, его голова доходила до моего плеча, но это вовсе не умоляло его внушительного обаяния. Я опять забыла о том, что его глаза показали мне вчера, но и без глубокого смысла моя душа провалилась, как только я позволила себе заглянуть в них. Не смотря на их лучезарную яркость, окружённую тёмно-серым кольцом, их глубина была бездонной. Я могла погрузиться в них, не боясь упасть и поранится. Они снова и снова подхватывали меня. Возможно самый малопонятный пункт всего этого фарса заключался в этом, что, хотя я и была наполнена глубоким, искреннем почтением, этот Мар не внушал мне страха. Но и это тоже может быть просто трюком; я не должна терять бдительности.

Он прошёл вперёд и проворно вскарабкался по скале, одетый в простые, белые, матерчатые брюки и тонкую, бежевую рубашку, старческая одежда, как я ехидно заметила, но на нём она выглядела скорее, как не выходящей из моды костюм индусского учителя йоги. На ногах одеты стоптанные, кожаные сандалии, их ещё называют шлёпанцами Иисуса, и на одно мгновение я даже подумала, что возможно они действительно со времён Иисуса. Это Мар знаком с Иисусом?

Неуклюже я карабкалась вслед за ним, пока мы не добрались до крутой лестницы, ведущей в город, у подножия которой он дал мне возможность отдышаться. Солнце стояло низко над морем - красный шар. Обеспокоенно я огляделась. Кроме нас здесь никого не было.

- Восход или закат? - спросила я с подозрением.

- Закат.

Закат? Это означало, что я проспала весь день – двадцать четыре часа! Значит мне не только показалось, моё временное окно действительно закрывалось. Два дня уже прошло, с тех пор как я покинула Калабрию и Анжело; мне оставались ещё 48 часов, чтобы вернуться и всё прояснить, потому что здесь меня видимо не превратят. Я приехала сюда совершенно напрасно, безрассудно разбазарила время! Спать двадцать четыре часа, кому это надо …

Нужно поторопиться. Я прошла вперёд, поднимаясь размашистыми шагами, но Мар не торопился, выделял время для каждой отдельной ступеньки, лежащих перед ним, сопровождаемый рокотом в его груди. Я задавалась вопросом, слышат ли его и другие люди и удивляются, возможно также грациозной фигуре и поражающей двуполостью, не говоря уже об этих безумно светлых глазах, потому что теперь нам навстречу шло несколько туристов. Ведь что-то они должны заметить, перед ними находился Мар, показавший себя им без каких-либо ограничений! Но когда они проходило мимо, он отвернулся и сделал вид, будто разглядывает скалы. Они немного ускорили свой темп и перестали разговаривать, но их поведение не особо отличалось от типичного провидения людей, когда они видят на открытой улице грязного бомжа. Возможно он даже и был для них обыкновенным бомжом, прозябающим в пещере, и кому алкоголь придал женские черты лица. Рокот его тела они видимо не слышали. Только я воспринимала его.

Подниматься становилось всё сложнее, хотя солнце садилось, а ветер обдувал лоб. С каждым новым шагом возвращались отдельные воспоминания, которые меня напрягали, и я

чувствовала беспомощность, потому что больше не могла согласовать их с тем, что привело меня сюда.

Джианна ... Джинна со своим больным животом, и честолюбивыми попытками что-то мне объяснить и обратить на что-то внимание, но на что? Я не знала, потому что не слушала её.

Признание Тильманна, что он наркоман. Почему он стал зависимым? Это было уже всё время, и я просто не заметила, или это новое развитие? И вообще, Тильманн и я, разве мы не друзья? Почему я тогда сержусь, когда думаю о нём? Точно, мы поругались, потому что он заснял меня ... Мне всё ещё было не ясно, зачем он это сделал, я не смогла рассмотреть на плёнке ничего необычного. Пауль тоже выступил против меня, послал в кровать, как маленькую, непослушную девочку, которую нужно наказать - как он только мог позволить себе такое?

Прежде всего они всё время хотели что-то во мне изменить, улучшить и исправить. И всё же я беспокоилась о них; не знала, где они сейчас. Вернулись уже назад в Германию, а я пропустила это событие? Они должны были попрощаться со мной. Или они пытались?

Единственный, о ком я ещё могла думать, как о надёжной личности, это Анжело; с ним было бы всё хорошо, если бы я не была такой глупой и не забронировала билеты на самолёт. Не прилетела к Мару, который хотел умереть. И который собирался что-то со мной сделать, но не хотел сказать, что ...

Я так сильно была занята моими суетливыми домыслами, что снова проигнорировала прелести городка. Для меня это лишь улочки, образцово подметённые улочки с магазинами для туристов, с кафе и ресторанами, всё больше пустеющими с надвигающимися сумерками. Где находились все люди, которые обычно оживляли их, я увидела, когда Мар рядом со мной остановился и посмотрел на тёмно-синюю Кальдеру. Они все наблюдали за заходом солнца над морем. Они собрались здесь, на огороженном скалистом выступе, фотокамеры перед глазами, чтобы посмотреть на то, как солнце тонет в гладком аквамарине, ничего особенного, такое происходит каждый день. Почему устроили этот переполох?

Группа японцев даже поставила переносное MP3-устройство на небольшую стенку на краю скалистого выступа и проигрывала расслабляющую музыку, но как только мы присоединились к людям, батарейки разрядились, и песня затихла. Хотя солнце еще не село, смотровая площадка постепенно опустела. Женщине рядом со мной стало заметно холодно, и она заговорила на английском, что заболеет, если останется здесь дольше. Парочка начала ругаться о мелочах. Группа пожилых женщин решила уже сейчас пойти ужинать, хотя их морщинистые рты скривились, будто от тошноты.

Когда солнце погрузилось в море, и осветило над собой тонкие, словно тюль облака ярким розовым светом, мы остались совершенно одни. Мы прогнали всех. Я точно чувствовала, что это сделал не только Мар. Я тоже наполняла их дискомфортом и беспокойством, не понимая почему. Я заметила, что пока спала, Мар заплёл мои волосы в косу. Как ему удалось, не знаю, у самой меня больше не получалось, но всё ещё не могла заставить себя ощупать лицо или даже посмотреть в зеркало. Я не хотела себя видеть.

Может люди чувствовали тоже самое.

Мы стояли рядом, положив руки на стену и смотрели, как море заглатывает солнце. На долю секунды зеленоватое свечение вспыхнуло на горизонте и снова потухло. Потом стало темно.

- Мы можем начать?

- Я увижу снова моих друзей? - Предложение вырвалось из моих уст быстрее, чем я смогла додумать его до конца. Но внезапно этот вопрос стал важнее, чем всё остальное.

- Ты снова с ними встретишься, если будешь слушать своё сердце.

Это предложение или что-то подобное тоже уже кто-то говорил мне. Кто, я не могла вспомнить, но знала, что следовала этому совету в важном вопросе. Давным-давно. Я поражённо молчала, пытаясь справится с паникой, которая поднялась во мне, как рассерженная змея. Везде только одни провалы памяти. Они уже были частью его плана?

- Теперь я позабочусь о том, чтобы ты смогла перенести увиденное, пока не будет выполнено то, что должно быть выполнено. Потом у тебя появится сила принять правду. А до того момента это будет тебя защищать. Ты согласна?

- Да, - прошептала я. Мне нужна защита, нужна больше, чем когда-либо, вся защита этого мира.

- Хорошо. Тогда сейчас начнём.

Я ожидала, что он возьмёт меня за голову и прижмёт свой лоб к моему, но ничего подобного не случилось. Он безмолвно остался стоять рядом и смотрел на море, поэтому я последовала его примеру, в то время как страх так сильно сдавил грудь, что я почти больше не могла дышать.

Но спустя какое-то время я отказалась от попыток наполнить лёгкие воздухом. Мне больше не нужно было дышать. Дыхание в моём теле заменил рокот и придал мне больше сил и энергии, чем мог бы сделать кислород в моём организме. Биение сердца тоже стало лишним. Оно остановилось и уступило место работы пульсирующему рокоту.

Ненадолго скалы и море побледнели перед глазами, прежде чем вновь появится, яснее и ярче, чем когда-либо. Но это больше были не тёмные, смешанные с красным вулканические породы Тиры, а серая, разъеденная формация скал, чередующаяся с жёлтым, высохшим кустом дрока и толстыми опунициями. Море подо мной тоже имело другой цвет, лазурно-голубой, смешанный с тропической бирюзой. Я слышала, как в воде скользят рыбы и учуяла запах их блестящих чешуек, хотя находилась высоко над ними, но этот феномен больше не мог меня удивить. Просто это так.

Мне нравилось это место, Капо Ватикано, мифическая местность, но моё предчувствие говорило, что сегодня оно потеряет своё волшебство - ещё одно место на земле, на котором я больше не смогу найти покоя. На земле почти больше не существовало местечка, где бы не ломали костей, не осквернили тел и безжалостно не уничтожили какую-нибудь душу. Земля - это поле боя, почва пропитана кровью, и я хотела наконец покинуть её.

Проворно я вскарабкалась наверх, двигаясь над морем вдоль крутых скал. Ни одного раза я не подвергалась опасности упасть, а даже если бы и упала, это тоже ничего не изменило бы в моём вечном проклятии. Северный, ледяной ветер трепал мою тонкую одежду. Я отметила, что он холодный, но его порывы не вызывали во мне никаких чувств, ни умиротворения, ни освежения. Мне было безразлично, какую игру преподносит погода; я всё равно её не чувствую.

Здесь речь шла не о ней. Речь шла о нас, тех, кто ещё остался и был готов показать себя друг другу. Как высеченные из камня, они стояли на отдельных скалистых глыбах, лица пустыне и полые, глаза мёртвые дыры без зрачков.

Потом появился Анежело из расщелины, спиной ко мне, тяжёлый узел на правом плече. Я сразу узнала его по светлым волосам и юношески-беззаботным движениям, которые не покинули его даже тогда, когда он поднял узел над головой и с грубой силой швырнул на острые скалы перед собой, снова поднял и бросил на следующий камень. Это было почти что танцем, сделал шаг, швырнул, сделал шаг, швырнул. Это дело наполнило его радостью и могуществом. Другие неподвижно наблюдали.

То, что здесь происходило, не просто убийство - это казнь.

Я подошла ближе и моё ужасное подозрение подтвердилось. Узел оказался человеком, человеком с каштановыми, вьющимися волосами и тёмно-синими глазами, которые уже не

присутствовали здесь. Его голые руки и лицо покрывали глубокие порезы и кровоподтёки, и всё-таки он выглядел ошеломляюще красивым и был расслабленным. Он всё предусмотрел, так, как и объявил.

Разве Анжело не понимает, что он больше ничего не чувствует? Почему продолжает ударять его о скалы, ведь мы все уже увидели это? Этого достаточно. Если он и дальше продолжит так докучать ему, нужно будет выкрасть время и сделать то, что я ему пообещала. В первый раз за бесчисленное количество лет я должна поторопится.

- Анжело.

Он застыл в движении, с узлом, высоко поднятым над развевающимися локонами. Его довольная улыбка исчезла, когда он повернулся ко мне. Бездушная, расплывчатая маска.

- Дай его мне. Я сама хочу это сделать. Я так долго ждала.

Он не станет мне возражать. У меня больше силы, чем он когда-либо получит. Он должен мне подчиниться.

Он выпустил узел, но я оказалась достаточно быстро рядом, чтобы поймать, и, как и он, поднять над головой и бросить лицом на скалы, чтобы потом, пару миллиметров перед столкновением, затормозить, так чтобы больше ничего в нём не разрушить. Я обманула их. Всегда, когда я поднимала его над головой в ясный, чистый, зимний воздух, мои мысли направлялись к нему, в его голову и сердце, которое ещё слабо билось, и я дала ему то, о чём он меня просил, если такое вдруг случится.

Я спустилась с ним по крутым скалам вниз к морю, размахивая его телом в воздухе и в последний раз его рот изогнулся в улыбке, когда он увидел тоже, что и я, когда наш разум объединился: двое детей, смотрящих на нас, девочка и мальчик, оба его точная копия и всё-таки такие разные. Девочка стеснительная и в тоже время дикая, её дух неукротим, полон вопросов, противоречий и страхов; мальчик спокойный и терпеливый, но упрямый, как осёл и убеждён в том, что заслуживает счастье и имеет право встать у любого на пути, кто захочет его у него отнять.

Я увидела мою жену, которая уже давно знала о том, что случится теперь и всё-таки всегда будет любить меня. Которая была готова скорбеть и для которой будет избавлением, иметь снова возможность нормально спать. Мне хотелось подарить его ей, сон, и я сделаю это с удовольствием, потому что когда-то мы снова будем спать рядом друг с другом, без голода и страха, и сможем вместе видеть сны.

Они смотрели на меня с любовью и серьёзностью, когда Морфий в последний раз поднял меня над головой и бросил в море, и я слышала их слова как сопровождающую песню, когда волны забрали меня в море.

Мы любим тебя, Леопольд Штурм. Будем любить всегда.

- Мой отец ... - Я мягко вернулась назад в моё тело, такая ранимая и смертная, но это больше не я держала его. Морфий держал меня, в то время, как моя грудь судорожно наполнившись болью, снова начала дышать.

- Мой отец мёртв ..., - прошептала я дрожа.

- Да, моё дитя. Твой отец мёртв.

Сильное тело папы наматывало неторопливые круги, опускаясь на песочное, глубокое дно и в последний раз он открыл свои глаза.

Мир так прекрасен, подумал он. И умер.

Отражение

- Когда? Когда это случилось?

Я всё ещё не могла стоять самостоятельно, но Морфий держал меня надёжно и крепко, так что мне не угрожала опасность упасть. Было правильно, что я доверила мою смертную оболочку его рукам.

На самом деле мне не нужно было спрашивать, когда это случилось. Ветер был ледяным, а пляж под нами совершенно пустынным, он не пестрел зонтиками от солнца и пляжными полотенцами, как в тот жаркий день, когда я в первый раз увидела Капо Ватикано и сразу же в него влюбилась. Всё же я должна была задать этот вопрос; я должна убедиться в том, что это не случилось в то время, когда я вместе с Анжело бродила в ночи, доверившись ему - не только доверившись, но отдав в его руки моё будущее, всю мою жизнь. Потому что это я никогда не смогу себе простить.

- Весной, незадолго до мартовской иды.

Иды марта. Они предвещали несчастье, так уже было всегда. Я обняла Морфия за шею и попыталась встать на ноги, хотела стоять самостоятельно, потому что думала, что таким образом смогу лучше упорядочить мысли и вопросы. Но у меня не получилось.

Я должна была плакать и бушевать; то, что я только что увидела, должно было уничтожить меня. Я должна была бить себя в грудь, как скорбящая женщина, потому что предчувствовала, что это единственный путь справится с такой болью, вместо того, чтобы тихо и молча зарыться в неё и терпеливо ждать, пока она пройдёт.

Но ничего подобного не случилось. Я очень хорошо понимала, что произошло, и ни одной секунды не сомневалась в том, что то, что я пережила - правда. Но я была не в состояние представить себе последствия. Я могла думать только о нескольких следующих часах, а не о завтрашнем или послезавтрашнем дне, не обо всех тех неделях и месяцах, когда мне придётся жить без него, с ужасной уверенностью в том, что я подарила его убийце всю свою привязанность, а оставшуюся часть мира забыла.

Его я тоже забыла. Моего отца. С такой виной никто не сможет жить.

Но этих последствий ещё не было в моей голове; всегда, когда я пыталась представить их себе, мои мысли разлетались на тысячу крошечных осколков, которые больше невозможно было прочитать.

Значит вот что делает смерть любимого человека нестерпимой - будущее? Страх жить без него, день за днём, час за часом? Это вовсе не сама скорбь, а страх перед ней, страх перед нескончаемой потеряй?

Но для меня в этот момент были важны другие вопросы; также ещё добавилась голая ненависть, внезапно пронзившая мой живот и пробудившая во мне потребность выразить её словами и бросить предателю, как камень в лицо, который убьёт его или по крайней мере заставят понять, что он сделал. Я уже начала формулировать и обосновывать мои обвинения, аргументов у меня было предостаточно, столько, сколько песчинок у моря, но я точно также хорошо понимала, что ни один из них не возымеет не малейшего эффекта. Для него это будут только плаксивые, бесполезные разглагольствования маленькой девочки.

Он обманывал и лгал, с самого начала он играл со мной, бесхарактерно и не испытывая никаких уколов совести. Он даже поехал со мной на место казни, там, где кровь моего отца ещё смачивала скалы и рассказывал, как же прекрасен мир, льстил самому себе сагами и легендами.

Или он вовсе не осознавал, что сделал? Больше не помнил, что такое любовь к родителям? Внезапно я вспомнила, как равнодушно он говорил о своих родителях; для него было лишь важно идти своей дорогой, жить вечно. Очевидно ему было легче-легко оставить их в неведении о том, что он не погиб на войне, что остался жив.

О, да ещё эти пацифистские речи, что он изрекал ... Он не хотел ползать в грязи и без разбора убивать людей только потому, что ему приказал это кто-то посторонний ... Нет, нельзя размышлять над этим дальше, теряться в деталях, каждая из которых, наполненный разъедающей жидкостью снаряд, который был предназначен не для него, а для меня, потому что я, день и ночь, больше ничего другого не делала, а только мечтала о нём, посвящая ему все мои фантазии и желания.

- Почему? Почему он так поступил? Папа ведь ничего ему не сделал, почему он убил его?

- Потому что не терпит никого, кто находится между двумя мирами. Он диктатор, единственный и первый, существующий когда-либо между нами. По крайней мере считает себя таковым. Твой отец сопротивлялся, не хотел переходить на нашу сторону, сопротивлялся даже под большим давлением. Он хотел сохранить в себе человечность. Он был последний своего рода. Всех остальных Анжело уже либо казнил, либо заставил закончить метаморфозу. В любом случае их было немного.

Последний своего рода ... Полукровок больше не существует. Папа был последним полукровкой. Список стал излишнем, но он существовал, значит и в этом пункте: ложь, ничего, кроме лжи. Заливал, что папа добровольно стал Маром ...

Кто не становился, того казнили.

- Он ведь мог заставить его принять метаморфозу, почему не сделал этого? - Я удивлялась тому, каким твёрдым был мой голос, и что я могла формулировать вопросы до конца. Должно быть это благодаря тому, что со мной сделал Морфий, чтобы мне было легче вынести это.

- Он хочет собрать вокруг себя только покорных слуг. Заставить твоего отца было бы слишком большим риском. Сама метаморфоза потеряла свою силу. Легче убить тех, кто её не хочет, а полагаться на тех, кто принимает её добровольно или даже просит о ней. Потому что они будут благодарны и сделают всё, что нужно, чтобы сделать вечность приятной и сытной.

Да. Так как это почти сделала я. Я могла представить себе вечность только вместе с Анжело, без него - нет. Она была связана с ним, не существовало бесконечности, в которой я не находилась бы рядом. Я думала, что та самая для него, единственная. Что-то необыкновенное.

Я как раз смогла стоять более-менее устойчиво и самостоятельно, как в моей голове вновь пронеслись образы. Снова и снова мне приходилось смотреть на смерть моего отца. Как же я смогу когда-нибудь снова смеяться?

Я задавалась вопросом, почему Морфий остался таким спокойным, когда наблюдал за казнью. Никакого внутреннего вопля, никакого волнения, никакой печали. И всё-таки в нём чувствовалось такое несчастье, которое было горче и мучительнее, чем может быть самый сильный испуг - несчастье из-за длившейся больше двух тысяч лет жизни. Две тысячи лет ... почему он тогда ничего не предпринял, а только взял дело в свои руки? Сердце папы ещё билось! Он должен был спасти его!

- Ты трус! - прошептала я. - Почему ты позволил ему умереть? Почему уступил Анжело? Ты только наблюдал ...

- Он уже принял капсулу. Мы оба знали, что этот день придёт.

- Какую капсулу? - У меня пробежала по позвоночнику горячая, болезненная дрожь.

- Яд. Яд и сильные болеутоляющие медикаменты. Лишь его разум оставался ясным, однако он не испытывал никакой боли. Он принял её, прежде чем Анжело мог покончить с его жизнью. Анжело только думает, что убил его сам. По крайней мере небольшая победа.

- У него был яд ...

- Он был лекарем, моё дитя. Было бы глупо, даже легкомысленно, заранее не позаботиться обо всём. И он устал, очень устал. С тех пор, как ты родилась, он больше не спал - для Мара, само собой разумеющееся, но для полукровки, который остался в сердце человеком, пытка, какую ещё нужно поискать.

- Но он ведь хотел ещё столько много сделать, реализовать столько много планов, - ответила я умоляюще. Он слишком рано ушёл!

- Он попытался бы, если бы ловушка так быстро не захлопнулась. Он всегда пытался. Это стало делом всей его жизни.

Морфий убрал руку с моего плеча. Да, я могла стоять, мой организм оправился и возобновил свою работу. Всё же Морфий оставил свою другую руку при мне, и я была рада, что оставил. Я ещё не хотела отказываться от его защиты.

- Ты не мог всё-таки что-то сделать?

- Я опоздал. Я не знал, что это Анжело присвоил себе всю власть и планировал его убить, хотя существовало мирное соглашение между ним и твои отцом. Мы не можем заглядывать друг к другу в головы. Это возможно только, когда мы похищаем, и если ловим при этом друг друга, то убиваем. Если же не замечаем или замечаем слишком поздно, после этого мы сильно истощены, прежде всего, когда до этого были очень голодны. - Вот почему Морфий не смог сразу забрать формулу ... Колин оказался быстрее.

- Твой отец уже принял яд. Я могу похищать сны, мечты и воспоминания, могу подарить людям сон и даже освободить их от плохих мыслей. Но я не могу предотвратить их смерть, когда всё уже началось, достигнув того пункта, когда сознание исчезает. Благодарение богам, что я не могу этого делать. Это было бы проклятием.

Жалкий всхлип вырвался из моей груди, когда я подумала о моих снах, которые с зимы преследовали меня с упрямой регулярностью. Сны, в которых я находила папу, и мы возвращали его назад в семью, но в каждом таком сне я не могла радоваться его возвращению, потому что точно чувствовала, что он этого не хочет. Он был таким уставшим. Он смотрел на меня, а его глаза говорили только одно: дай мне заснуть. Позволь мне снова заснуть.

- Если ты никого не можешь воскресить, тогда сделай по крайней мере то, на что способен, лучше, чем любой человек. Убей! Убей Анжело! - выкрикнула я звенящим голосом. - Убей его! Покончи с этим ужасным господством!

- Этого было бы недостаточно, - тихо ответил Морфий. - И его убийство ничего не изменит. Уже следующий жаждет заполучить это место. Смерти будет недостаточно моё дитя.

Да. Да, он прав. Одной смерти недостаточно. Слишком легко отделается. Должно случится что-то другое.

- Я всё же не понимаю, что в моём отце было такого опасного? Он ведь никого не заставлял сотрудничать с ним, да и не смог бы! Почему они не могли оставить его в покое? Он должен был умереть только потому, что хотел остаться между миров?

- Анжело хотел спокойно охотиться всю вечность. Никто не должен стоять у него на пути или ставить под сомнение то, что он делает. Ни один человек не должен когда-либо узнать о нём и других. Твой отец был ему бельмом на глазу, потому что собирался перейти невидимую черту. Было много причин для Анжело убить его, и некоторые из них ты скорее всего никогда не выяснишь и не поймёшь. Сейчас это и не важно. Есть ещё кое-что, что тебе нужно сделать сегодня ночью на этом острове.

Я удивлённо посмотрела на него.

- Сегодня ночью? - Я не могла себе представить, что бы это могло быть.

- Да. - Морфий кивнул и убрал руку с моего плеча. Я одно мгновение шаталась, потом вернула старую устойчивость и выпрямила спину, так что мой позвоночник приглушённо затрещал. - Сегодня ночью. Прогуляйся по улочкам и перемешайся с существами, которые могут чувствовать. Потом узнаешь, что делать дальше.

- Я это узнаю? Но ...

Но Морфий уже отвернулся и отошёл, маленький, жилистый мужчина, скрывшийся в группе туристов, как будто мы никогда не говорили друг с другом.

Я ожидала, что плача и дрожа, рухну на землю, возможно даже начну блевать или потеряю сознание, чтобы больше не размышлять над тем, что случилось. Но мои мысли всё ещё сами по себе возвращались назад, как только доходили до того пункта, где я должна была спросить себя, как же мне теперь существовать.

Однако то, что они останавливались, не удерживало мои размышления от того, чтобы беспрерывно возникали новые вопросы, так что мне вскоре стало не хватать бумаги и карандаша, хотелось записать их, хотя я ужасно боялась ответов.

Один вопрос вскоре стал самым громким из всех: почему Анжело не мог ограничиться убийством моего отца? Для меня всё ещё почти не существовало разницы в том, что мой отец сам установил время смерти, потому что то, что он должен был умереть, было не его решением. Зачем Анжело подружился со мной и переманил на свою сторону? Чистое любопытство? Желание поиграть? Или он действительно что-то ко мне испытывает? Сама уже эта идея наполнила меня отвращением, и я подумала, что меня сейчас вырвет. Мне хотелось избить себя, потому что часть меня, несмотря на отвращение, всё ещё тосковала по нему, видела в нём того самого, того, кто мне нужен, хотела быть рядом с ним, скучала по его самонадеянности.

Но Морфий сказал, что есть другие вещи, которые нужно сделать, и, хотя меня сильно напрягало его расплывчатое задание, его предстояло выполнить немедленно, поэтому нужно вплотную заняться этой проблемой, возможно также потому, что я надеялась таким образом сбежать на какое-то время от моих само разрушительных размышлений.

Сегодня ночью, сказал Морфий. А не сегодня вечером. Солнце только что зашло, и темнота скрывала в себе прозрачность и ясность, каких я ещё никогда не встречала. Оставалось ещё немного времени до ночи, поэтому я сделал то, что он поручил мне, без всякой спешки: я смешалась с толпой людей.

В первый раз, с тех пор, как я попала на остров, я позволила волшебству Ия подействовать на себя. Я не могла радоваться или скорбеть, но была чувствительна к красоте и эстетике, и того и другого здесь в изобилии. Ювелирные и художественные магазинчики выстроились между живописными кафе и ресторанами, все под открытым небом и с видом на море. Красочные фасады домов светились также и в серых сумерках, освещаемые то современными фонарями, то мягким, жёлтым светом свечей или потрескивающими факелами, которые окружали некоторые кафе. Никакой безвкусицы, никаких дешёвых магазинов, никаких погрешностей в строениях на много миль вокруг, всё сделано со стилем и вкусом; было невозможно трезво решить, какой ресторан выбрать, потому что каждый таил в себе свой собственный шарм. Еда при этом была второстепенна, смотреть и наслаждаться - вот основа всего существования. Даже тот явный факт, что берег везде круто спускался вниз, не мог заставить меня паниковать. Нет, меня даже успокаивало то, что я нахожусь так высоко над уровнем моря.

Этот остров сформировался благодаря извержению огромного вулкана, я находилась на его краю, а кратер заполнило озеро. Но всегда, когда я смотрела на море внизу - каким бы тёмным оно не было - моё сердце билось медленнее и более удовлетворённо. Это место может пробудить в людях желание бросить всё, что раньше было важно и остаться здесь.

В карманах брюк я нашла достаточно денег, так что могла бы купить себе что-то в любом магазине, но я только села в одном из ресторанов и заказала тарелку макарон. Я считала постыдным, есть что-то сейчас, но была голодна, а мой желудок с беспощадностью требовал пищу, которая и раньше часто приводила меня в замешательство. Я могла превратиться в дикое животное, когда чувствовала голод, а по близости не было никакой еды. В прошедшие недели - сколько недель, какой сейчас месяц, какое время года? Я не знала! - он играл второстепенную роль. Я вообще ещё ела? Истощённой я не выглядела; очень стройной и натренированной, возможно даже слишком стройной, но не тощей.

Всё же я, на всякий случай, делала во время еды паузы, глубоко и тяжело вздыхая. Вздохи, против которых я ничего не могла сделать. Они появлялись из-за моих мыслей и вопросов, я никак не могла их остановить, и теперь, когда села, повлекли за собой новые вопросы, от которых не было спасения.

Я доверяла Анжело, не нашла ни одной причины, чтобы не доверять; ни одно из его слов не пробудили во мне подозрений. Всё, что он сделал и сказал, было тщательно продуманно. Любой логично мыслящий человек понял бы это. Или я слишком глупая, наивная и доверчивая? Возможно так и есть, возможно я была только хорошей ученицей, батаном, но в больших уроках, которые преподносит жизнь, терплю неудачу.

В голове я искала какие-нибудь доказательства, которые могли бы меня предупредить и не нашла - но если я ничего не нашла, может ли это значить, что мне нельзя доверять и Колину тоже? Возможно ли такое, что и он охотился за моим отцом, как Анжело? Был ли он рядом, когда это случилось, один из застывших фигур на скалах, фигур без лица? Почему у них не было лица? У всех Маров, которых я до сих пор встречала, имелись лица, даже очень впечатляющие. Да, возможно Морфий изменил свои воспоминания, скрыв от меня лица, чтобы я не увидела, что Колин находился среди них. В конце концов он оберегал меня ... Лицо Тессы я тоже не смогла увидеть, когда прошлым летом находилась в воспоминаниях Колина. Мары могут смазывать сохранившиеся в памяти образы.

Но смог бы Колин просто смотреть и ничего не сделать, в то время, как моего отца убивали? Смог бы?

И почему, ради всего святого, во мне всё ещё что-то скучает по Анжело? Почему становилось так больно, когда я пытаюсь представить, какой будет жизнь без него. Без роскоши наблюдать за тем, что он делает, даже если это только игра на пианино, что-то, в чём я на самом деле ничего не смыслю? Почему мне становится страшно, когда я думаю о том, что никогда больше не смогу его увидеть?

Да, в том, что касалось Анжело, я могла думать о будущем. Сомнительные же чары наложил на меня Морфий. Не мог он учесть и этот пункт? Это ведь извращение, то, что я всё ещё хочу вернуться к нему и всё искупить. Извинится! Мне нельзя извинятся, за что?

Я ведь точно знала, что он сделал, мне нельзя дарить ему даже секунды моей близости, это я понимала!

В то время, как моё желание и разум ожесточённо ссорились друг с другом, я медленно доела всё, что было на тарелке, расплатилась и вышла из ресторана. Часов у меня больше не было, поэтому я не знала, сколько время, но на улочках стало намного тише.

Только сейчас я заметила собак. Я не любительница собак; спасение Россини было лишь необходимой мерой, и этого требовало моё сердце, в конце концов он ведь не виноват, что у него был такой кошмарный хозяин, а у господина Шютц он находился в хороших руках. На самом деле я скорее предпочитала кошек. Но эти животные смотрели на меня по-другому, чем те, с которыми я была знакома до сих пор.

Очевидно они были дикими, хотя казались хорошо упитанными; не на одной из них не было одето ошейника, и они образовали небольшие стаи. Они никогда не лаяли и не рычали,

предусмотрительно избегали людей, спали на краю улочки или на небольшом каменном заборчике, иногда на крышах, расположенных уровнем ниже домов. Хотя речь шла здесь о настоящих дворнягах, они излучали величественную гордость. Никогда бы не подумала, что собака может иметь такую.

Я села на край забора и заболтала ногами. Небольшая стая, состоящая из старой, седой дворняги, немного похожей на овчарку, вожака группы и четырёх собак неопределяемой, достающей до колен помеси, с длинными ногами и узкими головами, легли передо мной на дорогу в ожидании, сложив морды на лапы. Их коричневые, нежные глаза оставались открытыми, уши навострёнными. Чего они ждут? Я пыталась вникнуть в их терпеливые взгляды и испугалась, когда человеческий голос коснулся моего слуха. Короткий смех, потом бормотание, показавшееся мне знакомым, но, когда я подняла взгляд, увидела только затылки нескольких пожилых, бойко марширующих туристов, дамы с фиолетово-отсвечивающей завивкой и лысые мужчины. Собаки встали и зевая и тяжело дыша, потянулись. Вожак стаи призывно посмотрел на меня.

- Ладно, значит, мне нужно следовать за вами, да? - спросила я сухо. Он развернулся и со слегка перекошенным задом побежал вперёд, остальные увязались за ним. С покорным пожатием плеч, я встала последней в ряд. Я держалась на расстояние в несколько метров, это дикие собаки, нужно оставаться осторожной. От одной собаки я могла сбежать; с пятью собаками это будет сложно. Они могут покусать меня до смерти, если захотят. Но всегда, когда расстояние между мной и ими становился слишком большим, овчарка останавливалась, оборачивалась ко мне и высунув язык ждала, пока я их догоню.

Существа, которые могут чувствовать ... Я должна смешаться с существами, которые могут чувствовать, сказал Морфий. Он имел в виду вовсе не людей. Он имел в виду собак, которые теперь так преданно и тихо вели меня в ночи. На окраине городка они, как по команде, единодушно завернули налево в небольшой дворик отеля. Снова вожак посмотрел на меня. Отель ... Я ведь не могу проникнуть в неизвестный мне отель!

Перед открытой калиткой я неуверенно остановилась, поглядывая в сторону собак. Они расположились рядом друг с другом между двумя лежанками, снова положив свои головы на передние лапы, как будто это подходящее место, чтобы вздремнуть. И они не ошибались. Это был не роскошный отель с помпезным бассейном и великолепными садами, но обозримый и без всякого помпа. Бассейн маленький и не слишком глубокий, лежанки не заслужили бы награду за дизайн, комнаты скорее всего скромные. Но тот, как останавливался здесь, никогда не почувствует потребности переехать на другую часть острова. Можно весь день сидеть возле побелённого заборчика перед бассейном и смотреть на море, не ощущая скукоты и не испытывая чувства, что тебе обязательно нужно что-то сделать. И всё же разум остаётся ясным.

Я преодолела вежливую сдержанность, шагнула за калитку в сад отеля и подсела к собакам. Вожак тихо зарычал на меня.

- Тебе что-то не подходит? - прошептала я.

Снова он зарычал. Он привёл меня сюда и правильно, что я последовала за ним, но видимо это не моё задание - сидеть рядом. И в чём же оно тогда заключается?

Мы в одно и тоже время вытянули шеи и навострили уши, собаки и я, когда по воздуху вновь донеслось далёкое бормотание. В этот раз у меня больше не было сомнений, что оно мне знакомо, что по крайней мере я уже раз слышала его, даже если только из далека. Оно доносилось из заднего апартамента. До него можно добраться, если обойти бассейн и пройти через узкую арку, заросшую зеленью. Я вопросительно посмотрела на овчарку. Другие собаки вновь опустили свои головы и закрыли глаза, только она ответила на мой взгляд и требовательно, но не угрожающе зарычала в третий раз.

Я должна пройти к апартаменту. Когда я встала, направившись туда, у меня было такое чувство, что я невидимая. Шаги не вызывали никакого шума, я не чувствовала ни ветра, ни тепла на коже, ничто не сможет оказать мне сопротивление. Я, если захочу, даже смогу преодолеть силу притяжения земли.

Я стала существом ночи.

Как только я положила руку на ручку двери, балконная дверь апартаментов бесшумно открылась. Мне даже не пришлось двигать или толкать её. Я тут же отпустила ручку и сделала шаг вперёд, зайдя в номер, где остановилась рядом с длинной, тёмно-синей шторой на стене. Я посмотрела на спящих в кровати, чьи сны только начинали образовываться, бесформенные и бесцветные.

Их сны были чёрно-белыми. У них в этом не было особого таланта. Эти сны не смогут надолго насытить, они сгодятся, если нет ничего другого, но не для сильного голода. Мужчина повернулся ко мне затылком, зато лицо женщины я хорошо видела. Да, горький привкус, который портил мне аппетит, исходил от неё. Тлеющий страх и беспокойство пронизывали её сон. Она чувствовала что-то, что не могла идентифицировать. Уже всё это время она это чувствовала, с тех пор, как они сошлись, хотя всё ведь казалось таким гармоничными и совершенным. Он красивый, умный, заканчивает образцовое образование, сделает карьеру и заработает хорошие деньги. Скорее всего у него даже есть качества, чтобы стать хорошим отцом. Он внимательный любовник и иногда делает ей подарки. Она любит его мальчишескую, озорную улыбку и игру его тёмных волос. Ей нравится смотреть на него голого, и она хочет быть рядом. Но всегда, когда она прикасается к нему во сне или заглядывает глубоко в глаза, у неё такое чувство, будто она сталкивается с незнакомцем, который приносит ей несчастье. И всё же она одержима им. Теперь тоже их руки прикоснулись друг к другу, а вскоре и их сны, мысли соединились, снова отделились и полный страха стон заглушил её затравленное дыхание. Её веки вздрагивали.

- Повернись ко мне, Кристьян, - сказала я, используя полную силу моих мыслей. Он сразу же подчинился, во сне. Я встала на колени, чтобы посмотреть ему в лицо, спокойно и так близко, как не могла никогда раньше. Он повзрослел. Вокруг глаз образовались первые тонкие морщинки; следы жизни, которые никогда не увидишь просто бегло взглянув, которые, однако, год за годом, будут становится всё глубже. Его лоб стал немного выше, а губы тоньше. Он всё ещё был исключительно красивым молодым человеком, но я задавалась вопросом, куда девалось очарование, из-за которого я каждый раз, когда смотрела на него, впадала в меланхолический транс.

Гриша Шёнфельд, тайная супермодель нашей школы - не только я так чувствовала, я была одна из множества. Красивый, красивее, Шёнфельд[2]. Для меня он значил даже больше. Я не могла забыть его, как другие. Он навсегда остался со мной. А теперь ... самый обычный, спящий мужчина, положил голову на загорелую руку, тёмные пряди упали на глаза, рот слегка приоткрыт. Не ангельское лицо, а чисто человеческое, с ошибками и погрешностями.

- Что это было? - спросила я шёпотом. - Что все эти годы связывало меня с тобой? Почему ты казался мне таким близким? Почему мне всегда хотелось быть рядом?

Мне не нужно было бояться, что мои слова разбудят его. Он их не услышит, а если даже услышит, это не имеет значения - он меня не увидит, посчитает всё сном. Он не видел меня; так было уже всегда.

Я протянула руку и положила её на его щёку. Она коснулась моей кожи, тёплая и холодная. Тёплая и холодная? Как такое возможно? Кончиками пальцев я подняла его веки. Мёртвые и пустые, его спящие глаза смотрели на меня только одно мгновение, потом узнали и

[2] Schönfeld - фамилия переводится как красивое поле.

внезапно поменяли свой цвет, так, будто кто-то переключил выключатель. В них распространилось голубое мерцание, бирюзовое, и придало коричневому цвету невообразимую глубину и переливающийся блеск. Его рот стал полнее и мягче, кожа более цветущей, выражение лица более юношеским, как будто под его чертами поднялось другое лицо, а его собственное исчезло. Быстро я оторвала от него взгляд и накрыв его голову руками, прижала к груди рядом с сердцем.

- Это не ты! - прошептала я в его ухо. - Это кто-то другой, и я позабочусь о том, чтобы он исчез. Я обещаю тебе! Это не ты, слышишь?

Я отпустила его, опуская на подушки, где его веки закрылись, и он окончательно отдался своим снам. Его девушка тоже стала спокойнее. На её бледных губах появилась улыбка. На одну короткую ночь я подарила им мир.

Я выскочила из комнаты, быстро пробежала по двору, через вымерший, тёмный город и по ступенькам вниз к морю, прежде чем Анжело заметит то, что увидела я.

Я бежала, спасая свою жизнь.

Избранная

- Он увидел меня? Он знает, что я обо всём узнала? - крикнула я, как только добралась до пещеры. Если Анжело знал, тогда не имеет значения, кричу я или нет. Мне нужно дать свободу чувствам, которые бушевали во мне. Я больше ничего не понимала, знала только, что Гриша втянут во всё с самого начала. - Почему он внутри него, почему?

- Значит это правда ..., - сказал Морфий как будто самому себе.

Он сидел на том же месте и в том же положении на земле небольшой пещеры, как я встретила его вчера. Скорее всего так выглядела его жизнь в течение сотен лет. Он сидел в этой пещере, в которой ничего нет и из которой ничего не видно, кроме волн, ударяющихся о скалы, и только иногда поднимался наверх в город, чтобы покормиться. И это всё. Но он не случайно послал меня пройти по улочкам Ия. У него было подозрение, что я что-то найду. Поэтому он должен ответить на мои вопросы.

- Он теперь придёт и заберёт меня, потому что я это обнаружила? Что вообще случилось? Эй, ты не можешь мне, по крайней мере, ответить?! - Последнее предложение я так громко выкрикнула, что моё собственное эхо загремело в ушах. Пещера слишком мала для моего голоса. Морфий не отреагировал. Я хотела схватить его за плечи и встряхнуть, но уважение к нему остановило меня.

Ладно, он предпочитает подумать, вместо того, чтобы отвечать, успокоили я себя затравленно дыша. Поэтому оптимистично предположила, что Анжело не направляется к нам. Но что тогда всё это значит? Его обаяние, харизма и красота - вещи, которые привлекли меня в обоих и ослабили - показывались в лице Гриши, когда он смотрел на меня! Как это возможно?

Из-за того, что пещера была такой ограниченной, здесь невозможно было ходить туда-сюда, я прислонила лоб к шершавому, холодному камню и ритмично ударяла ладонями по скале, чтобы направить мысли в нужное русло. Всё было намного более извращённым и испорченным, чем я полагала.

- Он всегда был рядом, не так ли? Наблюдал за мной с самой юности, правильно? И он использовал Гришу, чтобы я сначала несчастно и безнадёжно влюбилась в него, а позже испытала бы что-то вроде избавления, когда встречусь с кем-то похожим на него? Кем-то, кто обратил бы на меня внимание?

Потому что именно это и случилось. Только поэтому у Анжело была надо мной такая власть. Его присутствие казалось исцеляет боль, которую вызвала во мне недоступность Гриши. Гриша ни одного момента моей несчастной юности не был тем, кого я в нём видела. Когда я смотрела на него, то видела что-то, что он сам даже не осознавал, кем никогда не являлся. Анжело внедрился в него.

Наконец шумящее дыхание Морфия стало тише, и он мне ответил.

- Он запечатлел тебя. Этот темноволосый парень с раскосыми глазами, не так ли? - Морфий направил свой водянисто-светлый взгляд на меня. Очевидно он послал меня в ночь вслепую, надеясь, что я сделаю и обнаружу то что нужно. Прямо как типичный Мар. Фыркая, я вытащила из стены свободный камень. Он развалился ещё в воздухе, прежде чем упал.

- Да. Да, он ходил в мою школу, и в первый раз я сознательно обратила на него внимание, когда мне было четырнадцать, и он без причины смотрел на меня несколько секунд, прямо в глаза, абсолютно безосновательно ... - Я замолчала. Да уж, какой там безосновательно. Ничего не было сделано просто так, и этот взгляд тоже. Но он не смог создать связь между мной и им. А только связь между мной и Анжело. Гриша сам не знал, почему посмотрел на меня. Я уже и раньше заметила его, красавчика-старшеклассника, но после этого момента, когда мой мир остановился, я знала, что никогда больше не смогу его забыть. Не он посмотрел на меня. Анжело посмотрел на меня.

- В Грише что, есть какая-то его часть? Но как это возможно ... - Это просто абсурдно.

- Нет. - Морфий медленно покачал головой. - Такого не может сделать даже Анжело. Должно быть он однажды ночью навестил его и вдохнул эссенцию нескольких прекрасных, юношеских грёз, которые вспыхивают именно тогда, когда на него смотрит человек, тоскующий по таким грёзам и кому в жизни чего-то не хватает. Парень производит тогда такое впечатление, будто может их выполнить и возместить всё, где имеются какие-то проблемы. Он сам не знает, почему это так. Поэтому никто никогда не сможет быть с ним по-настоящему близок. Люди хотят быть рядом с ним не из-за него самого, а из-за всего того, что они ложно полагают и надеются найти в нём, хотя всё это исходит вовсе не от него.

- Проекция. Гриша - это проекция. - Я должна была выбрать это сухое, научное описание, чтобы не потерять рассудок. Это абсолютно логично и многое объясняет, почти всё - только не то, зачем Анжело это сделал. - Она предназначалась для меня, не так ли? Я должна была попасться на эту удочку?

Снова Морфий кивнул.

- Да. Ты. Только ты. На остальные жертвы ему плевать. Сам парень тоже ему безразличен. Средство для достижения цели, не больше.

Ничего не было случайностью, а всё продуманно и спланировано. Чуть раньше я ещё питала смутную надежду, что Анжело возможно всё же просто хотел познакомится со мной, из любопытства, при этом не испытывая никаких моральных сомнений, потому что Мары принципиально не испытывают никаких моральных сомнений, а любовь к родителям им в любом случае не понятна. Теперь я знала, что только его склонность к играм заставила его сопровождать мою жизнь, запечатлеть и манипулировать. Что вообще в последние годы произошло случайно, а что нет?

- Но почему? Что я ему сделала? Я ведь даже не полукровка! Я же не полукровка, правда? - убедилась я. Папа утверждал, что на меня ничего не перешло, а Колин никогда не отрицал этого. Но кому я могу ещё верить?

- Нет. Нет, моё дитя, ты не полукровка.

- Но что тогда? Какая у него была причина сделать всё это? Разве было недостаточно убить моего отца?

Внезапно во мне проснулось новое, ужасное подозрение. Францёз ... Атака на Пауля. Она уже всегда казалась мне немного судьбоносной. Мой собственный брат был атакован Маром, и им оказался именно перевёртыш, занявший каждую нишу, каждый уголок его существования, чтобы контролировать во всём, что он делает. В начале я думала, что это месть Тессы, но вскоре мы с Колином отказались от этой теории, и я пыталась примериться с тем, что это было особенно зловещим совпадением. Но это не совпадение. Должно быть его послал Анжело.

- Францёз Лейтер. Мой брат был атакован перевёртышем. Тоже организованно Анжело, не так ли?

Морфий не стал возражать. Значит это возможно. И скорее всего Анжело знал, что мы сражались с Францёзом и сделали его неспособным к хищению, потому что Пауль был со мной в пиано-баре, явно более бодрый, чем ещё зимой, а рядом молодая женщина.

- Этот грязный, вонючий кусок падали ..., - прорычала я. - Что я ему сделала, что он совершил все эти преступления? Что? Скажи мне, ты это знаешь!

Когда Морфий повернулся ко мне, казалось в его светлых глазах не торопясь, накатывает и отступает море. Это меня немного успокоило.

- Важно не то, что ты сделала. А то, что ты можешь сделать и на что способна.

- Что я ...? - Он имел в виду, что я когда-нибудь стану преемницей отца? Нет спасибо, желание сделать это, только что окончательно пропало, и я никогда не думала об этом серьёзно, ни о папиной просьбе, ни о просьбе доктора Занда, который тоже выбрал меня своей

преемницей, даже если в этом случае, стать преемницей будет намного менее опасно. Кроме того, ...

- Нет, - сама ответила я на свой вопрос. - Это не то. Об этом он не мог догадываться, когда мне было четырнадцать. Я ведь ещё ничего не знала о Марах, о них я узнала только прошлым летом! - А если бы не встретила Колина, то никогда бы не узнала. О нет - нет ... Колин ... тоже не случайность? А ещё одна интрига? Анжело подослал в мою жизнь Колина, чтобы оба смогли сыграть в хорошего полицейского, плохого полицейского? Сначала Колин должен был напугать меня до смерти и причинить вред, чтобы потом Анжело, со своей якобы безупречной репутацией, мог произвести изрядно хорошее впечатление? Колин подыграл сознательно или тоже ничего не заметил, как и я.

- Колин ... пожалуйста, если ещё и Колин замешан в этом.

Я убрала руки со стены и приложила их к щекам, так что видны остались только мои глаза. Я должна защититься от того, что сейчас услышу. Вопросительно я посмотрела на Морфия. Но он улыбнулся, как будто был рад о нём услышать.

- Ах, Колин, молодой камбион с лошадью? - Да, конечно, молодой - это скорее относительно. - Как и твой отец, единственный в своём роде.

Я задержала дыхание. Колин единственный камбион? Другого не существует? Улыбка Морфия стала шире.

- Да. Многие Мары пытались создать для себя спутника жизни и определить его существование с самой первой секунды, но для этого необходима не только огромная сила, но и сильная боль.

Я на одно мгновение закрыла глаза, чтобы привыкнуть к этой мысли. Что сказал Пауль? Тесса была беременна и неумело сделала аборт несколько раз? Возможно её даже заставили? Необходима сильная боль ...

- Колин единственный камбион среди Маров, а также единственная случайность в этой игре. Каким бы спланированным и несчастным не было его зачатие, такой же судьбоносной и счастливой была ваша встреча.

Под «счастливой» я всегда представляла себе кое-что другое, но всё же слова Морфия заставили меня вздрогнуть. Наши отношения с Колином разрушены, это я знала, но то, что наша встреча оказалась чистейшим кисметом, казалось мне нерушимой скалой. В неё я смогу на какое-то время вцепится, чтобы выдержать шторм моих гневных вопросов. Мы нашли друг друга и влюбились, сами, без помощи других - так, как и должно быть.

- Он был там, на скалах, когда убили моего отца?

- Нет.

Снова по моему телу пробежала дрожь. Я выдохнула, словно произнесла молитву благодарности. Колина там не было. Этот ответ тоже придал мне стойкости. Нет причин не верить Морфию. Так же, как он мог смотреть сквозь меня, так и я могла смотреть сквозь него - не потому, что была на это способна, а потому, что он мне позволил. Его мысли были для меня открытой книгой. Поэтому я слышала также отеческую улыбку в его словах и воспоминания, когда он говорил о Колине. Но также явно я слышала предусмотрительное, спокойное уважение, когда он говорил обо мне. Он знал что-то обо мне, что от меня самой было скрыто, и о чём я боялась узнать. Но я должна, чтобы понять, почему Анжело нацелился на меня и повлиял на всю нашу семью своими коварными уловками. Я не могу больше прятаться. Я не хотела смотреть на себя в зеркало, а также не находила мужества ощупать лицо, даже к волосам не хотела прикасаться, но не могла дольше бежать от правды.

- Что это? - Мой голос был теперь только ещё дуновением, которое потрескивая, отразилось от стен пещеры. - Что его приманило?

Морфий ждал, пока я встану перед ним на колени и посмотрю ему в глаза. Потом взял меня за руки, положил себе на колени, удерживая их, как будто ожидал, что я убегу прочь, как только узнаю. Но я не могла. Да в этом и не было бы никакого смысла. От себя невозможно убежать.

- Ты никогда не думала над тем, как мы возникли?

- Думала, - тут же ответила я. - Но это похоже на то, как размышлять над тем, где кончается вселенная. Это не приносит никакого удовольствия. Это ведь не могли быть Адам и Ева, не так ли? Моя ирония была неуместна, но я хотела наконец знать, что со мной такое, а не выслушивать непрошеный урок.

- Людей превращают в Маров, это я знаю, - всё же послушно застрочила я мои ограниченные познания, когда Морфий продолжил молчать. - Мар атакует человека и инициирует метаморфозу, чтобы создать нового Мара, или же он настолько голоден, что это получается случайно. Правильно? Хорошо, правильно, вижу, что правильно. Но тогда, когда-то должен был появится первый Мар. Так сказать, Промар. Он и начал всю эту чепуху.

Снова в глазах Морфия отразилось море, хотя ночь стала непроглядной. На самом деле я даже не должна была их видеть, не то чтобы ещё и цвет различать. Его глубокий взгляд умножил мой страх.

- Существуют архетипы. Один из них был первым. Они существовали тогда и существуют сегодня. Это в них заложено. Есть два варианта таких архетипов. У одних мало чувств, внутри они словно высохли и в какой-то момент решают похищать чувства, чтобы вновь быть в состояние ощущать и переживать.

- А другие? - прошептала я.

- У других слишком много чувств - гнев, зависть, страх, тоска, сострадание, грусть, любовь, печаль - и они больше не могут их выдержать. Поэтому они решают забыть эти чувства, заморить самих себя голодом и впитывать в себя только лишь чувства других людей, в определённых дозах и по расчёту. Для обоих архетипов это только вопрос личного решения, остаться человеком или стать Маром. Часто достаточно просто искать близости с Маром, принять участие в другой жизни и решение против самого себя. Что ты думаешь, моё дитя? От какого архетипа берут своё начало самые жестокие, жадные и могущественные Мары?

Мне не нужно было думать долго.

- От тех людей, у которых слишком много чувств.

Слишком много чувств, не мало. Как у меня. Так как они теряют над собой контроль, когда похищают, потому что что-то в них желает вернуть интенсивность собственных эмоций, хотя они ненавидели её. А мечты, сны и чувства других существ, даже после самого жестокого хищения, не могут заменить то, что когда-то возникало в их собственной душе. Они никогда не насыщаются, никогда не находят удовлетворения, всегда подгоняемые, всю вечность.

- Нужно только принять решение?

- Для тебя, да. - Морфий больше не двигал губами; наши тела вновь нашли свою гармонию, так что ему не нужно было говорить, чтобы я могла слышать. Может быть это была вовсе не его заслуга. А моя. – Единственное, ясное решение, полная готовность отдаться Мару, который хочет перетянуть тебя на свою сторону, твоё «да» за бессмертие и дорога назад закрыта. Если человечность однажды потеряна, невозможно вернуть её назад.

Со мной это почти случилось. Я уже забыла, что у меня есть мать и отец, забыла моих друзей, забыла Колина. Или я уже Мар? Уже всё произошло?

- Я ещё могу вернуться? - Теперь я радовалась тому, что Морфий держит мои руки в своих и что я чувствую его рядом. - Могу ли вообще ещё принять решение?

- Ты приняла решение, приехав сюда. И ты принимала решения раньше, снова и снова.

Да, принимала. Воспоминания о моих решениях пронеслись мимо как облака. Я приняла решение держаться Колина, когда отец оказывал на меня давление. Я решила рискнуть жизнью всех нас и любовью, послав Колина в сражение с Францёзом. Я решила вернуться на Тришен, чтобы встретиться лицом к лицу с моими воспоминаниями. Я решила отдать Тессе последний антибиотик, хотя сама возможно была смертельно больна. Но моё решение приехать сюда возникло из-за мысли, что телефонный звонок имеет что-то общее с метаморфозой. Пристыженно я опустила веки. В тот момент я даже не могла вспомнить, что Морфий звонил мне уже два раза, всегда ночью, и что я на самом деле знаю его голос. И всё-таки - когда Анжело внезапно оказался позади, мне стало не по себе, хотя я не догадывалась какая в этом причина. Змея, однако, почувствовала мой дискомфорт. Она убедила меня не терпеть его дольше в доме. А я, в свою очередь, послушалась змею. Это не было мыслью, а только лишь слабой, необдуманной интуицией.

- Возможно он отведал твои сны в прошедшие дни и недели, - проникли мысли Морфия в моё испуганное молчание.

- Нет, не отведал, - ответила я решительно. Я перестала спать, хотя это и не было принятым мной решением, это случилось само по себе. Он бы не смог этого сделать. Также днём и во время наших ночных рейдов этого не произошло. По крайней мере то, что Колин похитил мои воспоминания, имело и хорошие стороны: благодаря этому опыту я знала, что чувствуешь, когда это начинается. Требовалась близость, которую мы никогда не разделяли с Анжело, но о которой я постоянно мечтала. И, по всей вероятности, эта тоска ещё больше разжигала его. Но без сомнения он каким-то образом оказал на меня влияние. Это Марам под силу, даже когда не спишь.

От отвращения я сжала губы, испытывая его не только к нему, но прежде всего к себе. Я архетип, избранная. Не требуется пролитие крови, чтобы осуществить превращение. В боли нет необходимости. Нужна только моя воля уйти из этого мира. Морфию не нужно было намекать или даже говорить прямо, я и так знала, что он скажет: требовались моё решение и самоотверженность, да физическая близость. Я должна была переспать с Анжело. Этого он ждал. Чтобы я умоляла его переспать со мной. И тогда, во время близости, он бы проник в мою душу и закончил метаморфозу. Я бы этого даже не заметила.

- А что с Колином? - отвлекла я от моей внезапной ненависти к себе. - Он никогда не был человеком.

- Он никогда не был человеком. Никогда не мог быть человеком. Именно в этом и выявляются его выносливость и сила. У него не было возможности сделать выбор и всё же он ожесточённо сопротивляется своей судьбе, каждый день, снова и снова. Поэтому он и кажется Марам таким непредсказуемым. Он выступает против них. Благодаря ему, метаморфоза потеряла свою силу. Хотя он всегда был демоном, он пытается жить как человек, даже в самые тёмные времена и дорого за это заплатил. И всё же, это не заставило его отступить. Он всех нас ставит под вопрос. Поэтому Анжело ищет людей, которые перейдут на другую сторону добровольно. Он ищет архетипов. И он нашёл тебя.

- Как? Как он меня нашёл? Через моего отца?

Эта мысль уничтожила бы папу. Я очень сильно надеялась, что он ничего не знал о том, что Анжело на меня охотится. Он никогда бы себе этого не простил, также и то, что Анжело натравил на Пауля Францёза. Но это не его вина.

- После того, как твой отец несколько лет назад начал искать Маров, которые поддержали бы его планы, Анжело обратил на него внимание, и я могу себе представить, что он наблюдал за ним и при этом наткнулся на тебя. Одно последовало за другим. Твой отец чувствовал также много, как и ты. Он сопротивлялся, хотя уже был полукровкой. Но волю молодой девушки сломить легче ...

- Думает он, - сурово закончила я предложение Морфия. - Анжело только так думает. Но у него не получится. Он не сломит мою волю.

Анжело наблюдал за мной, видел множество слёз и мечтаний, и всё, что при этом испытывал - это желание, перетянуть меня на свою сторону, чтобы отомстить отцу и усилить свою собственную власть. Меня от него тошнило. А если бы я перешла на другую сторону и не испытывала так, как он себе это представлял, со мной скорее всего случилось бы тоже, что и с папой. Казнил бы возле Капо Ватикано. Я пыталась избавиться от желчного привкуса в горле. Кашля и задыхаясь, я сглатывала.

- Почему ты позвал меня к себе именно сейчас? Я вообще здесь в безопасности?

- Здесь так же безопасно, как в утробе матери. Это мой остров, ревир, который принадлежит только мне. Никто не осмелится здесь охотиться. И всё-таки другой Мар поручил мне позвать тебя. Молодой, гордый мужчина, необыкновенно бесстрашный и с таким же стремлением умереть попросил меня об этом, потому что его собственные силы истощены. Мы только что говорили о нём ...

- Колин, - всхлипнула я. Морфий был тем Маром, у которого он похитил формулу, и, хотя он не мог знать, как тот к нему отнесётся, а Морфий во время первой попытке чуть не размозжил ему череп, он вновь пошёл к нему, на его территорию, чтобы попросить о помощи. Он поступил не бесстрашно, а словно ему ампутировали мозги. - Как он только мог так поступить? Он мог бы погибнуть.

- Видимо надежда окрылила его. - Глаза Морфия ослепительно переливались светом. - Он был у меня не в первый раз. Он пришёл вскоре после неудавшейся Тессиной метаморфозы, находясь в бегах, и у него было множество вопросов. Когда я не захотел дать ему всех ответов, он стал искать другие пути. Вы не сильно друг от друга отличаетесь, ты и он.

Он замолчал, потому что я начала плакать. Мои рыдания отдавались эхом в маленькой, каменной пещере, как сетования умирающей птицы, в то время, как я пыталась себе представить, как Колин сидит рядом с Морфием и засыпает его вопросами. Он был здесь, в этом маленьком помещении. Его кровь смочила эти скалы. Мои слёзы падали на каменный пол и оставляли тонкие, тёплые следы. Слёзы, которые он собирал с моих щёк своим языком, прежде чем они стали проливаться только из-за него, и я его предала.

Как только я немного успокоилась, Морфий продолжил.

- Я ответил на его вопросы, как мог. Но то, что я несу в себе - это древние знания, для которых нет доказательств. Мифы, легенды, истории о богах. Не больше и не меньше. Но с тех пор, как он вернулся и обокрал меня, я знаю, что Колином движет то же желание, что и мной. Он хочет умереть. Никто не должен упрекать его в этом, потому что это единственно-человеческое, что когда-либо может с ним случиться. Как же мне его осуждать, когда мы разделяем одно желание? Наша жизнь и наша смерть лежит в твоих руках, моё дитя.

- Но я ведь тоже уже больше не помню формулу ... - Тыльной стороной ладони я вытерла слёзы со щёк. - Я не помню, правда. Она пропала навсегда.

- Потому что ты смогла вытеснять её из памяти. Это то, что я тебе позволил сделать. Я позволил тебе вытеснить всё, что причинит слишком сильную боль и слишком сильно обременит. Очень важно поддерживать это состояние, чтобы ты могла действовать. Но ты снова вспомнишь формулу.

На данный момент мне не очень-то хотелось вспоминать. Было достаточно моего гнева и ненависти к себе, и страха перед тем, что случится. Потому что случиться что-то обязательно должно. Мир не может оставаться таким. Со слепым отчаянием утопающей, я ухватилась за последние, оставшиеся вопросы, как будто таким образом смогу предотвратить катастрофу.

- А Гриша? Откуда ты знал, что он во всё замешан?

Морфий отпустил мою правую руку и нежно прикоснулся к волосам.

- Я охочусь теперь очень редко, живу в аскетизме. Но когда охочусь, похищаю у людей, которые приезжают сюда, чтобы сбежать от своей жизни. Они находят на этом острове достаточно прекрасного, чтобы впоследствии утешиться. Когда он говорил это, его слова звучали по-другому, чем у Анжело. Они звучали искренне и были полны сожаления. Он сожалел о том, что ему приходится охотиться. Как и Колин. - Гриша снова и снова приезжает сюда. Он влюбился в этот остров. Он стал исцелением его души. И каждый раз привозит с собой письмо, двенадцать страниц с пятнами от слёз, написанное тёмно-синими чернилами, помятое и множество раз перечитанное. Он не понимает плотно исписанные строчки, но читает их снова и снова, не осознавая почему. Ему не удаётся выбросить письмо в море, как он уже часто собирался сделать.

- Моё письмо. Это моё письмо! - Я рассмеялась со слезами на глазах. Гриша носил с собой моё письмо ... Я не посчитала, что это моя заслуга; то, что нас, без нашего ведома, приклеили друг к другу, было только наследством от Анжело. Но мысль о том, что он носит с собой моё письмо, сделала то, что никогда бы не удалось психической драме Анжело - она успокоила мою душу, которая всегда тревожилась, когда я думала о Грише. - И ты понял, что оно моё?

- Не сразу. - Морфий пристально на меня посмотрел. - В одном из его последних снов я увидел девушку, которая была очень сильно похожа на твоего отца. Тебя. Это было одно из тех сновидений, которые люди не помнят, потому что не просыпаются, когда оно сниться. Всегда, когда ему снятся сновидения о тебе, его сон становится глубоким и крепким. Он не знает, что ты ему снишься, это я смог почувствовать, и ещё меньше понимает, почему ты на двенадцати длинных страницах рассказала ему о своих стремлениях и чувствах. И всё же ему не удаётся уничтожить письмо. Это насторожило меня и пробудило подозрение, что в этом деле замешаны силы, превосходящие человеческие. Силы, присущие только Мару. Что ж, то, что уже всегда было моей погибелью и самой большой ценностью - это любопытство. Я, позволив ему спать дальше, украл и прочитал письмо. Как и любая аккуратная девочка ты написала своё имя на конверте.

- Не потому что я аккуратная, а потому что хотела, чтобы он навестил меня или позвонил, - призналась я подавленно.

- Ты написала Елизавета Фюрхтеготт-Штурм.

- Хм, - сказала я смущённо. Да, так я и написала, в надежде, что двойное имя произведёт на него впечатление и пробудит любопытство. Фюрхтеготт-Штурм в конце концов звучало авторитетно и важно. Но именно это и стало моей удачей - моя подростковая попытка привлечь его внимание. Только поэтому Морфий смог догадаться, что случилось, а я смогла наконец освободиться от моего проклятия под именем Гриша.

Я глубоко вздохнула и выпрямилась. Оказывается, всё по-другому, чем я думала, но это всё объясняет. И я не виновата; во многих других вещах я провинилась, но не в этом пункте. Морфий отпустил мои руки.

- Тогда скажи мне ещё одно. Как, ради всего святого, ты говоришь по телефону? Я в этой чёртовой, рыбацкой пещере ещё не видела стационарной, телефонной розетки.

Морфий расхохотался, почти как женщина, и ударил себе по ляжке, настолько обычный жест, что я присоединилась к его смеху.

- Разговор по телефону - это отвратительное изобретение. Я его ненавижу. Твой отец научил меня. Он терпеливый человек, но боюсь, во время его уроков, я довёл его до крайности.

- Он был терпеливым человеком, - поправила я. Мой смех затих. Морфий провёл рукой по моей щеке. Было такое ощущение, словно это папа. Именно так папа всегда прикасался ко мне, когда я грустила.

- Он есть. Кто чувствует, никогда не исчезает. Он есть. Всегда, когда ты будешь думать, что не можешь без него жить, что не справляешься, возвращайся в мою пещеру и я снова докажу тебе это.

- Хорошо, - задыхаясь пробормотала я. - И ты это можешь?

- Могу. Он попросил меня похитить её у него и сохранить. Для его детей. Чтобы я мог позволить им почувствовать, как только это будет необходимо.

- Её?

- Его любовь. У него её было много. Очень много.

Я не сопротивлялась, когда он обнял меня. Положила голову на его плечо, так что почувствовала его круглые, мягкие груди возле моей. Это мне не помешало, даже не смутило. У Морфия больше не было сексуальности. Как однажды сказал Колин? С годами она теряет большую часть своего очарования. А у Морфия это были тысячелетия.

- Что же мне теперь делать? - спросила я. - Что я могу?

Я оставила после себя одни развалины и меня застрелит собственное оружие, как только я вступлю на них. Анжело не примет моё решение. Ему даже нельзя о нём узнать.

Морфий немного отодвинул меня, чтобы развязать ленту, сдерживающую мои волосы и вновь заплести их твёрдыми, уверенными движениями. Потом повернул к себе, так чтобы я могла смотреть ему в глаза.

- Тебе нельзя сейчас строить планы и следовать им, а также ни в коем случае записывать их. Планы опасны. Он может читать твои мысли. Но скорее всего в его присутствие ты больше не сможешь думать. И всё же: никаких планов. Они тебя выдадут.

Я покачала головой. Не строить никаких планов? Совсем никаких? Моим испытанным спасением, всегда было придумать план, даже если он совсем глупый. Строить планы казалось мне мудрым и благоразумным решением. Но как раз в течение проведённого времени с Анжело я начала с презрением и пренебрежением смотреть на концы всех планов. Теперь мне была знакома другая сторона.

- Позволь проявиться своим чувствам, даже если они собьют тебя с толку, - продолжил Морфий. - Прислушивайся к своей интуиции. Только она сможет тебя спасти. Доверяй при этом тем, кто тебя любит.

- Меня больше никто не любит, - ответила я сухо. Меня больше невозможно любить. Я потерпела неудачу во всех отношениях. Кто может упрекнуть их в том, что они больше меня не любят?

- О нет, тебя любят. В противном случае ты не оказалась бы здесь. Теперь поспи, моё дитя, поспи. Завтра корабль отвезёт тебя назад в Италию. Теперь же тебе нужно поспать.

Ещё прежде, чем он накрыл меня своим белым одеянием, глаза закрылись, не смотря на тысячу оставшихся без ответа вопросов. Я увидела Гришу, как он сидит на каменном заборчике на краю острова, порывы ветра обдувают его непослушные волосы, а возле ног дремлют кошки, и читает моё письмо. Потом солнце село, и из-за темноты буквы перед его глазами стали неясными.

Мы принадлежали друг другу, вечно твоя, вечно мой, вечно наш.

Но мы никогда не полюбим друг друга.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Рецидив

«Я не справлюсь, никакого шанса», думала я, когда небольшой, но хорошо моторизованный, рыбацкий катер отчалил на рассвете из порта Аммуди и палубные доски под ногами начали вибрировать. Не иметь никакого плана и всё-таки остановить то, что уже началось? Даже с планом эта задача казалась бы безнадёжной, намного безнадёжнее, чем наш сложный манёвр по уничтожению Францёза и убийство Тессы. Я в любом случае не могла вспомнить, что именно мы сделали, чтобы убить Тессу; знаю только, что она в какой-то момент оказалась в нашей гостиной, больше не демон, а древняя, больная женщина, и я поставила ей укол. Всё что случилось до этого, растворилось в тумане моих потерянных воспоминаний.

Уже только поэтому убийство, как вариант, не подходило. Кроме того, убийство нужно планировать, во всяком случае тогда, когда хочешь убить намного более сильного противника, а планировать мне нельзя. Помимо этого, я не желала убивать в очередной раз. Убийство мог бы совершить и Морфий. Это было бы слишком просто, сказал он. Слишком просто. Для него возможно так и есть, но для меня казалось то, что теперь произойдёт, почти что не выполнимым заданием, во время которого мне нельзя делать именно то, что я только недавно с трудом восстановила, даже если делала это скорее, как первоклассник, а не как взрослый человек: думать, размышлять, взвешивать.

Всё же я пыталась вспомнить два других звонка Морфия, которые он осуществил с единственной телефонной будки Ия. Что он сказал? Я прислонилась лбом к прохладной металлической жерди перил, чтобы сосредоточится, потому что нерегулярное волны морского вала подействовали на меня как алкоголь, мои мысли уже сейчас были размыты, хотя остров всё ещё находился в пределах видимости. Первый звонок ... Он настиг меня в ночь во время грозы, когда я была одна дома и до смерти перепугалась. Да, теперь я вспомнила - Морфий требовал к телефону моего отца. Он хотел поговорить с ним, а я сказала, что папа в Италии.

Я быстро поняла цель этого звонка: видимо он хотел передать папе информацию о Колине, потому что в конце концов, только по этой причине папа вообще поехал в Италию. Кого собственно он хотел там расспросить? Я резко вскинула голову и чуть не потеряла равновесие, когда в голове пронеслось сделанное мной неожиданное заключение. Когда папа прошлым летом поехал в Италию, он точно хотел спросить про Колина Анжело. Оба примерно одного возраста, Анжело встретился с папой, притворился по отношению к нему испуганным мальчиком. Это Анжело? Это он рассказал папе о проклятии Колина? Мог ли он вообще знать о нём? Я никогда не говорила с ним о Тессе, просто не подвернулось случая - или я инстинктивно ничего о ней не рассказала? Анжело знал, что мы убили её? Это не могло ускользнуть от него ...

Одно мгновение было такое чувство, будто меня душат, почти больше не удавалось глотнуть воздуха.

- Не лишайся рассудка, Эли, - одёрнула я себя. Если бы смерть Тессы разозлила Анжело, он бы уже давно мог меня убить. Нет, это должно быть так, как сказал Морфий: Анжело желал добровольного решения, заполучить которое ему намного легче, чем любому другому Мару, благодаря своему шарму и располагающему к себе обаянию. Жива Тесса или мертва, ему всё равно. Всё же я надеялась, что Морфий опередил его и оказался тем, кто информировал папу о Тессе и Колине.

Хорошо, с первым звонком разобралась - а что со вторым? Ещё я находилась в открытом море, далеко от Италии, ещё можно размышлять, даже если это становилось всё сложнее. Второй звонок настиг меня тоже в Вестервальде, в ранние утренние часы. Внезапно я увидела три слова, которые Морфий произнёс в трубку, как вспыхнувшие световые сигналы: юг, глаза, опасность. Потом связь оборвалась, а я в разрушительной ярости столько раз бросала телефон в стену, что тот разбился в дребезги.

Даже сейчас во мне проснулось негодование. Возможно Морфий ненавидел звонить по телефону, но мог бы, по крайней мере, приложить побольше усилий и сказать полные предложения. Юг, глаза, опасность, это могло значить всё, что угодно и ничего. Юг и опасность, хорошо, эти оба слова, полагаю, относились к Анжело или к Тессе или к обоим. Но глаза? Что потеряли глаза в этой высокоинтеллектуальной троицы марского умения звонить по телефону? Или я тогда просто неправильно поняла Морфия? Глаза никуда не вписывались. И всё-таки это было слово, которое казалось, имеет самый большой вес. Он уже тогда прочитал письмо Гриши? А папа был уже мёртв?

Вздыхая, я сдалась, несмотря на опасность, навстречу которой ехала. В этом все равно нет смысла, мне нельзя размышлять, нельзя строить планы. По крайней мере такие планы, которые могут раскрыть Анжело, что я знаю, что он делал все эти годы и что хочу что-то против этого предпринять.

Когда моё тело внезапно охватила дрожь от усталости, руки соскользнули с перил, и я ударилась подбородком о покрытый корочкой соли метал.

- Ой, - пробормотала я сонно, прежде чем зевая, снова выпрямились и посмотрела в сторону кабины. Рыбак, к которому меня отвёл Морфий и которого поприветствовал коротким кивком, показался мне с самой первой секунды не совсем образцовым. Ни один Мар не осмелится приехать на этот остров, сказал Морфий. Остров - это его ревир. Но Колин приезжал к нему, даже три раза. Папа тоже ездил на Санторини, в частности, чтобы научить Морфия звонить по телефону (представляя себе эту сцену, я печально улыбнулась), а мой отец был в конце концов полукровкой.

Рыбак до сих пор не сказал ни слова, он упрямо направил свои коричневые, как у оленя глаза, над которыми выгибались густые, мохнатые брови, на горизонт. Но я заметила его неловкость в обращении с современной техникой. Только недавно он выключил радиоприёмник, потому что тот неконтролируемо трещал и шипел, а радар на бортовом компьютере не показывал никакой карты, а только бело-серые помехи. Ничего больше не работало. Но мужчина не нуждался во всём этом, свой компас он держал в голове, потому что знал это море так хорошо, как никогда бы не смог узнать электрический прибор, и ощущал корабли прежде, чем смог бы увидеть их на радаре - потому что чуял мечты команды. Должно быть это Мар. Морфий и он мирно общались друг с другом, в тихом, меланхоличном согласии. Может быть Морфий называл Марами только тех своих сородичей, кто придавался хищению с бессовестной жадностью, а не многих других считал людьми?

Снова я начала зевать; усталость так быстро навалилась, что я не успела закрыть рот рукой. Бесцеремонно я обнажила зубы. Мысли стали медленными, а веки тяжёлыми, так что я легла прямо там, где стояла на качающиеся доски корабля, тело под солнцем, голова в тени, сумка в качестве подушки под головой.

Я испугалась лишь совсем чуть-чуть, когда вновь начала мечтать об Анжело. Мечты вернулись сами собой, не сердитые, а полные раскаяния и умоляющие. Как только я закрывала глаза, то видела его и тосковала - глубоко укоренившаяся, истощающая тоска, сопровождающая меня уже несколько лет, присущая мне, как непослушные волосы и мои тысячи маленьких и больших страхов. Я никогда не смогу победить её, да и больше не хотела побеждать. В конце концов мне нельзя строить планы, мне ... нельзя ...

- Нет! - разбудила я себя слабым, дрожащим голосом. - Нет, Эли!

Стоит ли допускать эти чувства, позволить, чтобы они у меня были? Но я не хотела забывать, ни в коем случае! А это противоречило само себе ... А что с Колином? Колин, который только что снова чуть не затерялся в памяти - он ведь должен узнать, что происходило на протяжение всех этих лет, что мой отец мёртв, он должен помочь мне сохранить воспоминания ... Но прежде всего мне нужно попросить у него прощение. Я должна извинится, даже если это

подвергнет опасности мою жизнь, а также мою смертность, потому что Анжело сможет прочитать всё в моём уме. Я должна пойти к нему. Скорее всего я всё равно умру и потеряю его, и если это случится, то хочу, по крайней мере, ещё в последний раз увидеть его.

Опасность слишком велика, что я поддамся этим чувствам, не сказав Колину, как сожалею, что причинила ему такую боль. Хотя я не знала точно, в чём виновата, потому что не изменяла ему, но вина была, я чувствовала её в моём флегматично бьющемся сердце, как колючку, залезшую под кожу и болезненно пульсирующую там, хотя её больше не было видно.

Но боль становилась всё более несущественной, чем дальше мы продвигались в открытое море, оставляя Санторини позади. Я потеряла счёт времени, в то время как дремала под палящим солнцем и лишь с закрытыми веками вскользь отметила, как после длинного, жаркого полудня наступила ночь и в конце концов стало светать и начался новый день. Только в конце дня, незадолго до прибытия в порт Кариати, я на один крошечный момент вспомнила, почему нахожусь здесь и провела ладонью по планке катера, чтобы вогнать в пальцы занозы, которые должны напоминать мне о том, что я должна сделать: поехать в горы, найти пещеру Колина, сказать ему, как мне жаль, только это одно предложение, возможно подчеркнув его одним нежным жестом. Если мне ещё можно прикасаться к нему, если он вообще ещё посмотрит на меня. Если я ещё существую для него.

Не успела я сойти, как катер тут же развернулся и выехал в открытое море. Теперь я была отверженной, стояла на самом верху в списке смертников, поэтому не имело значения, украду я машину или нет. Я просто украла. Это было легче, чем я думала; заржавевший пикап стоял с заведённым двигателем на причале, в то время как водитель, в нескольких метрах от него, разговаривал, размахивая руками, с группой рыбаков. Я залезла на сиденье, опустила ручной тормоз, нажала на газ и умчалась из порта, виляя и визжа колёсами. В зеркало заднего вида я ещё увидела, как мужчина развернулся и что-то выкрикивая, попытался последовать за мной, но отстал уже на следующем углу улицы.

Я воспользовалась самым первым поворотом, ведущим от моря в горы, хотя не знала, была ли это та дорога, по которой ехал Колин. Я не хотела, чтобы меня преследовали, не хотела навести на мой след Карабинеров, а чем хуже асфальтированы дороги, тем меньше они будут думать, что я поехала по ним.

Совсем не ориентируясь, я преодолевала узкие повороты, поднимаясь всё выше; иногда у меня ещё получалось увернуться от выбоин и камней, иногда из-за них машину заносило, вырывая из вспотевших рук руль.

Но это была не самая большая опасность - самая большая опасность - это сам лес. Сначала я учуяла запах, потом увидела: он горел. Горел не ярким пламенем и не везде, но дым становился всё гуще, и в стороне от дороги, в зарослях, мерцали ярко-красные языки. Небольшие, ограниченные очаги пожара, которые, как только ветер возобновится, могут быстро распространится. Они уже сами производили горячие, наполненные сажей порывы ветра, чьё удушливое дыхание покрыло лобовое стекло автомобиля сальной плёнкой и щипало глаза.

После следующего поворота я потеряла контроль. Автомобиль подпрыгнул из-за следующей выбоины и ревя, перевернулся на бок, так что метал кузова с пронзительным визгом заскользил по асфальту. Я подняла руки к лицу, защищая его, это всё, что я могла сделать. Страха я не испытывала. Перед самым склоном автомобиль в последнюю секунду остановился. Кашляя, я выбила разбитое лобовое стекло и вылезла наружу; чудесным образом я, не считая шишки на виске, осталась невредимой.

Двигатель всё ещё ревел, а колёса крутились, также слева и справа от меня возносилось пение огня, сопровождаемое зловещим шумом жара в вершинах елей - жуткий концерт, к которому мне хотелось присоединить и мой крик. Да, я позову Колина, это я твёрдо решила, но

так сильно раскашлялась, что мой голос каждый раз, когда я хотела использовать его, отказывался подчиняться. Я кричала безмолвно, самое большее тяжело дышала и стонала.

Когда я зашагала в горящий лес, слёзы бежали по грязному лицу. Я пыталась найти Колина, хотя тоска во мне призывала выбрать другой путь, далеко отсюда, подальше от себя и всех моих тёмных, тяжёлых, душевных глубин, спуститься вниз к морю, к солнцу - к свету. К Анжело.

Тонкие подошвы обуви начали плавиться и прилипли к сухой земле. Сделав два нервных шага, я вылезла из них и пошла дальше босиком, хотя нагретая земля обжигала кожу. Тонкие волоски на руках скрутились, а коса начала трещать. Вяло я ударила по ней, чтобы потушить предполагаемое пламя, при этом лента развязалась и мои локоны резко высвободились из непривычной тюрьмы.

«Колин!», хотела я снова крикнуть, но в этот раз только подавилась. Сил больше не было кашлять. Копоть осела на мои лёгкие чернотой. Когда я перепрыгнула через горящую ветку, найдя спасение на поляне, на которой огонь ещё не распространился, перед воспалёнными глазами затанцевали пункты. Теперь я даже не могла произнести его имя про себя. Да и не хотела. Его лицо больше не было мне знакомо. Его близость была мне чужда. Позади я услышала стук тяжёлых копыт. Убегающая дичь ... или ... нет ... только не это ...

- Эй, сладкая. Что ты здесь делаешь?

Я резко развернулась и вслепую бросилась в его объятья, вцепилась в него, ища опоры.

- А вот и ты ... Я искала тебя ..., - прохрипела я. Он поднял меня вверх. Я обхватила его бёдра ногами, как обезьянка. - Мне так тебя не хватало, ты хотел сегодня вернуться!

- Я и вернулся. И снова здесь. Но это место не для тебя. Ты ещё смертная ... Чего ты боишься? Ведь ты сейчас в безопасности.

Снова я услышала звук стучащих копыт позади нас.

- Отпусти меня. Ты должен отпустить меня! - прошептала я, рыдая в его ухо. - Колин идёт. Он здесь. Видимо он ищет меня.

Анжело сразу же отреагировал, но недостаточно быстро. Луис с панически-распахнутыми глазами и размахивающим хвостом уже вырвался из горящих зарослей. Быстрым движением Колин вырвал меня из рук Анжело и забросил на спину жеребца впереди себя. Его чёрный взгляд безжизненный и холодный, словно камень. Я повернулась к Анжело.

- Сегодня вечером! - крикнула я. - Жди меня!

Он только кивнул, в его голубых глазах было удивление и немного обиды, возможно он даже пал духом. Извиняясь, я пожала плечами. У меня разрывалось сердце. Я хотела убрать руку Колина с живота, чтобы спрыгнуть с лошади и побежать назад в огонь, но у меня не было никакого шанса. Мои пальцы царапали широкий, кожаный браслет на запястье Колина. Занозы от досок судна глубоко впились в кожу. Занозы. Я сама вогнала их себе в подушечку большого пальца. Зачем я это сделала? Разве они не должны помочь мне что-то вспомнить? Но что вспомнить?

В диком, неконтролируемом галопе Луис выскочил из горящего леса. Снова и снова ему приходилось перепрыгивать через упавшие, дымящиеся ветки. Он ржал от страха, когда Колин подгонял его вперёд, но постепенно заросли поредели и я снова могла дышать, не кашляя. Хотя меня трясло туда-сюда, я смотрела на мою кровоточащую руку. Я ранила её, чтобы она напоминала мне, напоминала ... о моей вине. О том, что случилось. А что собственно случилось? В чём я провинилась? Мне нужна боль, больше боли, этого смехотворного ранения недостаточно.

Колин обуздал лошадь, сначала Луис перешёл на рысь, потом на шаг. Стуча зубами, я огляделась. Мы снова находились возле моря, не далеко от нашей улицы. Ещё несколько метров, и он ссадит меня с лошади, чтобы исчезнуть навсегда.

«Сделай мне больно», подумала я настоятельно. Я умоляла его. «Пожалуйста, сделай мне больно. Сделай мне больно! Всё подойдёт, лишь бы это причиняло боль!»

Колин остановил Луиса, как будто прислушивался к моим словам, но остался безучастно сидеть в седле.

«Сделай мне больно», попыталась я ещё раз мысленно, потому что не могла говорить. Мой язык пересох. Так как Колин всё ещё не реагировал, я повернулась к нему, прижалась к груди и крепко обняла за плечи, так крепко, как только могла. Он не двинулся и не ответил на моё прикосновение, не было слышно никакого биения сердца, даже рокота. Ничего. Я обнимала скалу.

Тем не менее я прижала его ещё крепче к себе, как будто хотела влезть в него, переплела руки за его спиной, а ногами обхватила бёдра. Я подумала о нимфе, которая превратила Морфия, когда он купался в пруду ... оба стали одним целым. Мужчина и женщина ...

Я призывно укусила его в холодную, напряжённую шею. «Сделай это!» Внезапно я почувствовала, как подо мной поднялась спина Луиса, слегка вздыбилась, потом он просеменил в сторону и снова назад - не потому, что боялся, а потому, что почувствовал невольную дрожь в груди Колниа. Я тоже почувствовала её.

Ещё раз я призвала всю мою силу и выдержку, так что от силы моего собственного объятия треснуло левое, нижнее ребро, получив зазубренную трещину. Мгновенно боль ударила в лёгкие, где с этого момента будет снова возникать при каждом вздохе. Этого достаточно. Должно быть достаточно. Я больше не знала, для чего, но мои силы истощились. Сделать больше я не смогу. Я обессиленно отпустила Колина и соскользнула с лошади.

Не сказав ни слова, не взглянув на меня, Колин развернул Луиса и рысью поскакал по улице вверх и назад в лес.

Я же напротив, качаясь, пошла вниз к раскинувшемуся передо мной пустому и покинутому пляжу и легла в прохладный прибой, дожидаясь вечера, который заставил зайти солнце за горящую гору раньше, чем обычно, намного раньше.

Когда мир потерял свои краски, я откатилась в сторону и совершенно мокрая, как была, встала и направилась к дому Анжело. Заправочная станция была уже закрыта; главная улица, лежащая передо мной, была тоже спокойнее, чем обычно. Только иногда мимо проезжал автомобиль. Мне даже не пришлось ждать и смотреть по сторонам, чтобы перейти её. Стрекот сверчков и цикад звучал нежнее и более хрупко. Возможно я просто привыкла к этому звуку. Не колеблясь, я пошла дальше. С каждым метром, который приближал меня к нему, мои шаги становились всё увереннее. Позвоночник выпрямился сам, голову я несла гордо и грациозно на упругих плечах. К железной калитке нужно было лишь прикоснуться, и она распахнулась.

Прошу, только не эта песня ..., - мимолётно подумала я, когда до меня донеслись первые аккорды фортепьяно – ещё задолго до того, как увидела его - но потом полностью сдалась. Значит так должно быть. В его присутствие эта музыка будет звучать по-другому, не будет подпитывать во мне постоянное чувство недостатка, как обычно всегда случалось.

Я прямо-таки ненавидела фильм к этому саундтреку. «Амели» Я ненавидела название, ненавидела её имя, её большие глаза, постоянную улыбку - и эта ненависть происходила лишь от знания того, что я никогда не буду такой, как она: измотана судьбой и всё-таки в сердце всегда любящие, бескорыстные мысли. Даже когда судьба ещё не измотала меня, её весёлость напрягала. Она была слишком милой, любезной, порядочной, но в тайне мне понравилась фортепианная музыка в этом фильме, уже, когда я услышала её в самый первый раз. А теперь её играли для меня. Для моих шагов, движений, восприимчивой души. «Comptine D’un Autre Été» (франц. Рифма другого лета). Она вела меня к нему, без спешки и суматохи.

Землетрясение оставило следы разрушения в саду, которые я не заметила во время моего бегства, зато теперь увидела их более чётко. Они, благодаря своему болезненному шарму,

заставили меня улыбнуться. Каменный ангел со львом раскололся на две части, теперь они были разделены, лев потерял свои сильные лапы, ангел лежал лицом вниз на высохшей, коричневой траве. Цветочные горшки лопнули, из щелей и трещин вылезла земля, словно кишки, камни на краю бассейна избороздили тонкие трещинки. На воде покачивался тонкий, зелёный слой водорослей. Когда я подошла к фортепьяно, которое пережило землетрясение и звучало так же чисто и ясно, как всегда, в мои босые подошвы впились осколки стекла от разбитых подсвечников. Мягкую мебель и бесчисленное количество подушек покрывала серая пыль, а также его светлые волосы. Отпечаток тела на большой тахте и маленькая складка на его левой щеке показывали, что только что он ещё отдыхал посреди хаоса.

Библиотека выглядела так же, как я её оставила, горы книг на полу. Карнизы в салоне свисали вдоль и поперёк. Лёгкий ветерок раздувал тонкую ткань, так что его края снова и снова скользили по пыли на полу и оставляли в ней таинственные узоры.

Анжело, не переставая играть, поднял на меня взгляд, и из его груди вырвался меланхоличный вздох. Как я смогу когда-нибудь достойно пережить день, не взглянув на него, по крайне мере, один раз? Из рта у него торчал леденец, только палочка была видна, его левая щека слегка выпирала. Я осторожно стряхнула с его волос пыль, потом обняла за плечи и прижала щёку к его. Пусть песня никогда не заканчивается, теперь, когда я могу слушать её без ненависти, хотя и с бесконечно ноющей тоской, распространившейся до самых кончиков пальцев, так сильно болело моё сердце.

Я осторожно вытащила леденец из его рта - он не сразу отпустил его, коротко удерживая зубами, как молодая собака, которая хочет поиграть - и сунула себе в рот. Слюни Анжело были на вкус сладкими, в том числе меня ожидала кисло-освежающая комбинация из лимона и колы. Мой любимы сорт. Конечно же мой любимый сорт. Я откусила, так что острые края сахара впились в язык. Хрустя, я его разжевала.

- Она когда-нибудь прекратиться? - спросила я его тихо. - Эта тоска, боль?

- В любой момент, когда пожелаешь ...

- Скоро, - прошептала я. - Хочу быть с тобой, чувствовать тебя. - Поглотить тебя. Я так сильно этого хотела. В его присутствие всё, что ранее имело силу забрать у меня жизнерадостность, становилось неважным.

- Ты можешь. Скажи меня только когда, и я буду с тобой.

- Подожди один день и одну ночь.

- Один день и одну ночь? - Его улыбка стала шире. - Предвкушение, не так ли?

- Именно. Хочу, чтобы было время порадоваться. – Со мной так всегда. Я не люблю неожиданности, хочу порадоваться прекрасным вещам. Для этого мне, по меньшей мере, понадобятся один день и одна ночь, иначе всё будет напрасно. Я могу быстро загрустить, в течение нескольких секунд, но для радости нужно время.

- Где? - спросил Анжело и заиграл замедленные, неторопливые конечные такты. Я чуть не расплакалась, когда замер последний тон. Хотела услышать песню ещё раз.

- Наверху на плато Сила.

- На плато Сила?

- Да. В деревне, в которой ты в первый раз поймал меня, и мы в первый раз были вместе - одни. Пусть это случиться там.

- Но там пожар ... Лес горит.

- Я знаю. – Я, хрустя, разжевала остальной леденец, не чувствуя никакого вкуса. Только сладость, больше ничего. - Но не везде. Выше деревни есть луг, там, где паслись козы. Там я буду тебя ждать, во второй половине дня, в самую жару. Хочу почувствовать солнце на коже.

Он взял одну прядь моих волос, поднёс к губам и поцеловал. - зрелище, которое я никогда не хотела забыть.

- Я буду там.

- Я встречу тебя.

Он кивнул.

- Тогда на том и порешим. Он причинил тебе боль? - Он указал на ранения на моём лице. Жар огня посодействовал тому, что раны и порезы, которые я получила, когда свалилась на острые камни на Санторини, снова открылись.

- Колин? - Я холодно рассмеялась. - Он никогда не осмелится, он ведь поклялся больше не трогать меня. Я во время землетрясения споткнулась и упала.

- Значит однажды он причинил тебе боль.

- Это теперь не имеет значения. Теперь всё равно. - Я выбросила обгрызанную палочку от леденца в сад и стряхнула несколько крошечных камешков с волос Анжело. Его щёки тоже были покрыты пылью, серый на сером, только глаза святились ярко и ясно, как всегда. - Скоро уже больше никто не сможет причинить мне боль. Тебе нужно идти, не так ли?

Вместо ответа, он встал, прошёл через салон и по лестнице наверх, некоторые ступеньки которой тоже сломались. Перила свисали вниз, как окаменевшая лиана. Я последовала за ним до его спальни, где он снял свою пыльную рубашку через голову и раздумывая встал перед открытым шкафом, не зная, что выбрать для своей ночной вылазки. Я прислонилась к дверному косяку и наблюдала за тем, как он выбирает. Иметь возможность находится рядом, когда он готовится к охоте, дало мне глубокое удовлетворение

- Извини пожалуйста, кстати ..., - сказал он небрежно и выбрал светлую рубашку в клеточку. Светло-голубую. Слишком быстро он одел её. Мне ещё так хотелось смотреть на него, гладить взглядами его голую, словно у ребёнка шелковистую кожу. - Я ещё не убрался.

- Я была здесь, когда это случилось и испугалась. Поэтому больше не вернулась.

- Ах, думаю он не обрушиться. А если обрушится, то есть и другие красивые дома.

Нет, он обрушится, это я знала. И эта мысль заставила грусть внутри вновь сдавить мне сердце, так что я начала задыхаться. Скоро всё закончится, навсегда. Только ещё один день и одна ночь.

Когда мы молча попрощались друг с другом, мне не захотелось целовать его. Я только хотела положить руку на его щёку, чтобы понять, что вижу перед собой. Что он желает подарить мне то, что другие никогда не смогли бы дать. Но не положила.

Прежде чем залезть в свою блестящую, красную Альфа Ромео и завести мотор, он прикоснулся кончиками пальцев к моему плечу. Я осталась одна, каждый вздох приносил мучение, доводя до моего сознание мою смертность.

И напоминающее, что что-то должно измениться.

Что-то должно измениться.

Я оставлю смерть позади.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Доказательство доверия

Я оказалась права. Они больше не любят меня. Они ушли. Я растерянно сидела на широкой двуспальной кровати с балдахином в спальне, совершенно здесь неуместная, и гладила аккуратно застеленную, белоснежную простынь.

Ставни закрыты, шкафы и выдвижные ящики пустые, пол образцово подметён. На кухне тоже самое. Кто-то выкинул испортившуюся губку, лежавшую в раковине, избавился от мусора и убрался в холодильнике; ничего больше не плесневело и не портилось, но запасов было мало. Несколько банок варенья, сливочное масло, мёд, сок и тостовый хлеб; ничего, что могло бы быстро испортиться. Чаша с фруктами пустая. Тонкий, чёрный след термитов тянулся от входной двери через коридор до заднего входа. Насекомые ничего не могли найти. Они искали впустую.

Хотя я хотела лечь и помечтать, а эта комната отныне могла стать моей, я не осмелилась опуститься на этот мягкий матрас. Я только опёрлась на него рукой, запрокинула голову и посмотрела наверх, где надо мной был натянут балдахин, светлый парус в искусственной темноте, которая была создана уже много дней назад для того, чтобы не впускать жару. Они давно уехали.

Но сейчас ночь. Я открыла окно, распахнула ставни и выглянула в сад. Конский навоз вывезли. В поилке ещё была вода, не много, может быть высотой в два дюйма. Кормушка пустая, но в сарае я увидела ещё пол тюка сена. Помидоры возле забора не собирали уже несколько дней. Некоторые упали на землю и лопнули. Крошечные жучки копошились в их сладкой мякоти.

Эта ничья земля, брошенная и осиротевшая. Я хотела вновь закрыть ставни, как внезапно услышала звук между стрекотанием сверчков - рычание и небольшую вибрацию, прямо надо мной. Кто-то ещё находится здесь. Кто-то остался. Я вышла из спальни и прокралась наверх. Мои босые ноги не издавали никакого звука. Дверь в небольшую комнату с побелёнными, скошенными стенами тоже открылась бесшумно, когда я прикоснулась к ней.

- Стой! Не подходи ко мне! Оставайся там, где стоишь, я предупреждаю тебя! Он поднял руки вверх, как будто хотел сделать знак креста. Они дрожали. Его глаза, цвета красного дерева, были наполнены нездоровым, снедающим его огнём, делая светлую кожу ещё более бледной, чем она и так уже была. Комната превратилась в наркотический притон. Грязное бельё покрывало пол, полупустые бутылки стояли вокруг, пахло кислой блевотиной.

На Тильманне были одеты только потрёпанная, запятнанная майка и трусы. Он сильно похудел, волосы торчали во все стороны, слипшиеся и не расчёсанные. Спёкшаяся кровь прилипла к носу.

- Я хочу попросить тебя об одной услуги, Тильманн. Послезавтра, после обеда.

- Ты хочешь попросить об услуге? - Его голос, когда-то такой низкий и музыкальный, был уничтожен. - Ты осмеливаешься просить меня об услуге? Нет, Эли, стой там, где стоишь, ни шага дальше! - Он боится меня. Я облокотилась о стену.

- Хорошо, назовем это по-другому. Не будем говорить об услуге. Тебе ничего не нужно делать. Хочу только, чтобы ты отвёз меня туда и оставался поблизости. Хочу, чтобы ты был рядом. Пожалуйста. Ты должен это увидеть. Издалека. Ничего больше.

- Что я должен увидеть? О чём ты говоришь? - Дрожь его рук усилилась. Неконтролируемыми, отрывистыми движениями он начал копаться в выдвижном шкафчике прикроватной тумбочки, пока не нашёл свёрток глюкозы и сунул в рот две таблетки, как будто они могли остановить то, что уже началось.

- Я позволю превратить себя, - объяснила я спокойно. - Я решила выбрать вечную жизнь. И хочу, чтобы ты был рядом. Мне нужен свидетель.

- Что ты хочешь? Ты хочешь ... - Он замолчал. Ошеломлённо он смотрел на меня. - Нет. Никогда. Я не буду свидетелем. А ты! Ты не сделаешь этого!

- Я уже давно решила. Я должна перейти на другую сторону, просто должна! Я должна, Тильманн, пожалуйста поверь мне. Я должна. - Я упала на колени, смотря ему глубоко в глаза, испещрённые красными прожилками. Но он отвернулся. - Другого пути нет.

- Он есть всегда. Это был твой девиз, Эли. Ты всегда говорила, что существует другой путь! Что можно составить и реализовать план, даже если всё остальное потеряно!

- А почему тогда ты не нашёл другого пути? - Я указала на его дрожащие руки и тонкие листики бумаги, разбросанные везде по полу. Он использовал очень много. - Тильманн, я должна. Это верный путь. Я не подхожу для человеческого существования. Поверь мне.

- Как мне тебе ещё верить, ты можешь сказать!? Тебе на меня наплевать, на всё тебе наплевать, а ещё ты хочешь стать одной из них! А как же то, что мы сделали вместе, чего достигли, для тебя это ничего не значит? Я рисковал жизнью и погубил себя, чтобы ты перешла на их сторону и стала одной из них? По своему желанию?

- Да. По своему желанию. Это единственно правильное решение, - повторила я терпеливо. Подойти ближе я не могла, не то он сбежит. Я сложила руки, как будто в молитве. - Будь рядом. Пожалуйста будь рядом, когда это случится - невидимый, только, чтобы я знала, что ты там. Чтобы я тебя чувствовала. Будь там, посмотри на превращение, возможно ты тогда тоже захочешь сделать этот шаг и всё будет хорошо...

- Нет. Нет, я не хочу, ты не можешь требовать этого от меня! Да ты и сама больше не знаешь, кто ты! - крикнул он. Его левый глаз начал нервно дёргаться. Он напряжённо поднял нос вверх. Ему нужна была ещё одна доза.

- Но я знаю, кем хочу стать, и я хочу, чтобы другие знали, что я приняла это решение добровольно. Они должны знать, что я сама так решила, не то будут всю жизнь печалиться из-за этого. Если ты не хочешь сделать это для меня, то сделай для них. - В моём голосе не было слышно паники или спешки, я старалась формулировать каждое слово отчётливо и ясно, чтобы от него ничего не ускользнуло. - Ты должен доверять мне. – Я не смогу сделать это без него.

- Я ничего не должен! - Тильманн взял одну из полупустых бутылок и прицелился в меня. Было достаточно отодвинуть голову на несколько сантиметров в сторону, чтобы она не попала в меня. Крышка открылась, когда бутылка ударилась о стену и забродившие остатки апельсинового лимонада сразу потекли мне под голые колени. Всё же я осталась сидеть, как кающийся грешница перед алтарём.

- Я тоже доверяла тебе, вслепую, - напомнила я ему. - Я приняла наркотики только потому, что доверяла тебе. - Я больше не знала, для чего мы их приняли, это было как-то связано с Тессой. Всё что я знала, так это то, что на самом деле не хотела принимать их и только потому решилась принять, что верила ему. - Поэтому ты тоже доверяй мне и моему замыслу. Мы друзья.

- Друзья! - Он пренебрежительно скривил рот. - Ты говоришь о дружбе ...

- Почему ты вообще ещё здесь, если так ненавидишь меня?

- Потому что ... потому что я ещё ... я не могу вернуться так назад, Эли! Как же мне поехать домой в таком состоянии, как объяснить это. Кроме того, ... да что мне тебе рассказывать, ты ведь даже больше не можешь слушать ...

- Ты помнишь, что сказал мне, прежде чем мы приняли наркотики? Что мы иногда достигаем один и тот же духовный уровень? - попыталась я ещё раз. - Если ты пойдёшь вместе со мной, то почувствуешь, почему я это делаю и поймёшь меня. Доверься мне, по крайней мере в этом. Пожалуйста поверь мне и сопровождай меня. Отвези меня туда. Я хочу, чтобы рядом были те, кого я люблю. - Последнее предложение я сказала ещё более ясно и отчётливо, чем другие, хотя на самом деле хотела сказать что-то другое. Я хочу, чтобы рядом были те, кто

любит меня. Но не могла сказать, потому что поистине, больше не существовало никого, кто бы меня любил.

- Кого ты любишь? - спросил Тильманн недоверчиво. Его руки, которые он ещё только что судорожно сжимал, упали вниз. - Ты любишь ... меня? Меня?

- Ты меня понял. Будь там. Послезавтра после обеда, когда люди будут спать, а жара в самом разгаре. Только ты один. Ты и я. Поверь мне ... пожалуйста, поверь.

Опустив голову, руки всё ещё сложены, я продолжала стоять на коленях, хотя икры ног стали неспокойными, и я почти больше не могла выносить вонь забродившего лимонада и блевотины. Я не знала, откуда появились все эти слова, которые сказала ему. Точно не из моей головы. Моя голова была пуста.

- Ты сошла с ума.

- Ты тоже, Тильманн. Мы оба. Пожалуйста будь рядом со мной, когда это случится. Я прошу тебя об этом. Пожалуйста. Ты у меня в долгу.

Я чувствовала, что он смотрит на меня уже несколько минут и ждёт, что я отвечу на его взгляд. Но я не ответила, потому что он всё испортит. У меня не было права смотреть ему в глаза.

- Да, возможно так и есть. Я в долгу перед тобой. Я сделаю, как ты сказала, - в конце концов сказал он устало. - И я надеюсь, что действительно пойму почему, когда это случится. Очень надеюсь. В противном случае я никогда больше не смогу стать счастливым, никогда больше.

- Я тоже. Именно поэтому я должна это сделать. - Я встала. Отвернув лицо, я бросила последние деньги из кармана ему в ноги, чтобы он мог обеспечить себя наркотой и повернулась к двери. - Спасибо.

Больше я ничего не смогла сказать. В голове не возникало новых слов.

Я спустилась вниз в мою пустую комнату, закрыла ставни, легла на кровать и тихо начала радоваться тому, что приближается день, когда моя душа навсегда покинет тело.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Ослепление

Теперь пришло время прощаться. Осталось не так много с чем нужно расстаться, только лишь пустой дом и пустая комната, в чьих голых стенах больше ничего не происходит. Ничего не чувствуя, я посмотрела на них и покинула, равнодушно пожимая плечами.

Но когда шагала через сад, я встала на колени перед душевым поддоном, моё сердце ускорило свой ритм; твёрдые, колющие удары.

Поражённая я замерла.

- А вот и вы, - поприветствовала я, совсем тихо, чтобы не испугать. - Добро пожаловать в этот прекрасный мир.

Их мать лежала, элегантно свернувшись рядом; готовая в любой момент защитить. Они сами сформировали двигающийся, мерцающий клубок из свёрнутых, серебристо-серых тел. Огромные круглые глаза с застывшими зрачками смотрели на меня, не зная, друг я или враг.

- Друг, - прошептала я. Я хотела, чтобы и они были рядом. Они кое-что для меня значили. Я вернулась назад в дом и обыскала небольшую кладовку, пока не нашла старую, картонную коробку с крышкой, в которой лежали банки с консервированными помидорами. Я опустошила её; у неё была как раз подходящая величина. С помощью ножниц я проделала в ней дырки. Я не могла оставить их здесь одних, таких ранимых. Следующие землетрясения уничтожат их.

Когда я снова встала перед ними на колени и посадила мать и детей в тёмную коробку, они не сопротивлялись. Я осторожно подула на их гладкую, красиво-расписанную чешую, прежде чем закрыть коробку и отнести её к машине, которую Тильманн взял в аренду сегодня утром. В ногах пассажирского сиденья было для них достаточно места.

Нужно сделать ещё кое-что, тогда я буду готова. Потому что я внезапно почувствовала желание убить, только совсем чуть-чуть. Ничего особенного. Я взяла из кухни шампуру, пошла в последний раз в мою комнату, легла на прохладный пол и заползла под кровать. Я торжествующе выдохнула, когда нашла его; все дни и недели после своего ядовитого укуса, он сидел здесь, ожидая своего второго шанса. Всё прошло на удивление быстро, хотя я не могла размахнуться, а его панцирь был твёрдым и хрупким. Но он не мог противостоять моей решительности, мои мысли опережали его. Раздался хруст, когда остриё шампуры проткнуло его тело. Ещё когда он дергался, я продела через дырку тонкий, кожаный шнурок и завязала его на шеи. Теперь я готова.

Тильманн ждал уже в машине. Он услышал меня и понял, что всё началось. Не посмотрев на него, я села рядом. Он одел чистые вещи, это я заметила уголком глаза, но сразу ощутила, что его чувства в смятении. У него стресс - не из-за меня, а потому, что у него больше нет наркоты. Ему понадобилось три попытки, чтобы завести мотор, потому что его трясущиеся руки снова и снова соскальзывали с ключа. Я терпеливо ждала. Времени ещё достаточно.

Молча и скрепя зубами, он увозил меня от моря, поднимаясь наверх к лесу - я немногочисленными жестами показывала дорогу, слова были излишни, в то время, как его пот сбегал крупными, блестящими слезами по шее. Дорога требовала и от него всё его умение, так как землетрясение привело в движение ещё больше валунов и камней, которые упали на неё. Иногда он маневрировал трясущейся автомобиль прямо возле самого обрыва, потом колёса снова карябали в опасной близости от скалы. Ничего из этого меня не беспокоило. Прямо перед самой целью я не потерплю неудачу. Всё пойдёт именно так, как я хочу.

Когда мы добрались до поворота к заброшенной деревни, я попросила его остановится и выключить мотор. Он, не колеблясь, повиновался. Я сделала глубокий вдох.

- От тебя отвратительно воняет, - заметила я. Люди воняют. Мары нет. Зачем только я хотела, чтобы он был рядом? Он мне мешал.

- Блин, я на взводе, ты не понимаешь? - прорычал он, когда заметил моё отвращение. Я ничего не ответила.

Суетливо он начал рыться в карманах своих брюк, пока не нашёл маленький, красочный свёрток и положил себе на язык. Его челюсти ритмично заработали, в то время, как голова опустилась на подголовник сиденья, а глаза слегка закатились.

Чувствуя отвращение к его слабости, я отвернулась и открыла рот, вдыхая горячий воздух, запах сухой травы и огня, когда с моего языка внезапно сорвались слова.

- Тильманн, ты помнишь наше соглашение?

- Да, - прорычал он негромко. Его веки затрепетали.

- Хорошо, - ответила я холодно и сняла сначала мою тонкую футболку, потом брюки и в конце трусы, при этом выгибаясь, как акробат на пассажирском сиденье.

- Что ты делаешь? - спросил Тильманн подозрительно. Он начинал действовать мне на нервы.

- Закрой рот и наслаждайся своим трипом.

- Эли, ты ведь не можешь ...

- Не могу? Почему? Тебе стыдно? - Теперь снова вернулся гнев, в самый последний раз, как будто хотел попрощаться. Я открыла дверь, вышла из машины, выпрямилась в полный рост, так, чтобы натянулся самый последний мускул на моей гибкой спине, а позвонки отделились друг от друга. Волосы, длинные и лохматые, спадали на плечи. Горячий ветер, который сегодня в последний раз задул над землёй, рассказывая о прошедшем лете, нежно прикоснулся к моей голой коже и пощекотал срамное место.

Я опустилась на колени, чтобы открыть коробку и вытащить змей. Тильманн испуганно отпрянул, но я проигнорировала его. Мать я положила себе на шею, где она сразу же нежно прильнула ко мне, её детёныши нашли себе место в моих волосах. С остановившимся взглядом я повернулась к Тильманну.

- Посмотри на то, что случиться, - умоляла я его. Его зрачки стали огромными, коричневый цвет глаз почти больше не было видно, только ещё тонкое, слабо-блестящее кольцо. Я больше ничего не хотела говорить, но снова мои губы начали двигаться сами по себе. Люди такие болтуны. - Спрячься, пока время не придёт. Прощай.

- Эли ... Эли! Я не знаю, смогут ли они ... вот дерьмо! Не уходи!

Но я уже пошла. Я слышала и видела всё, мне даже не нужно было сосредотачиваться. Я совершенно открылась, мои чувства воспринимали мир вокруг более внимательно, чем когда-либо. Когда я покинула насыпную дорогу и по тропинке поднималась к лугу, я слышала каждую сухую травинку, ломающуюся под тяжестью моего гибкого тела, в то время как в деревни надо мной жалобно пели трубы органа. Я могла отличать огонь, который бушевал в стороне от дорожки, не только по звуку, но и по запаху и цвету, красный, оранжевый, ярко белый. Я чувствовала сотрясения земли, когда дичь бежала, спасая свою жизнь. И не смотря на рёв огня, я также слышала крик цикад, которые прекратят кричать лишь тогда, когда их стойкие тела распадутся в пепел.

Я шла, как будто притягиваемая магнитом, даже если пламя сильно приблизится, никакая сила на этой земле не сможет меня остановить. Я больше ничего не боялась. Это уже началось ...

Я ни одного раза не моргнула. Передо мной появился слегка поднимающийся в гору луг. Животных с него давно забрали, чтобы защитить от огня. Позади меня гора круто спускалась вниз, рядом возвышался горящий и дымящий густой лес, на другой стороне заброшенная деревня.

Это моя собственная идиллия, ожидающая моего прихода. Только моего.

Анжело тоже приближался, он был ещё слишком далеко, чтобы видеть его, но я его чувствовала. Он, улыбаясь, шагал вперёд, руки расслаблены, голова, слегка склонённая на бок, потому что чувствовал меня так же, как я его. Он знал, что больше не будет нерешительности. Я

победила мои сомнения и уже только эта мысль привила меня в бездушное, героическое настроение. Я даже разрешила моему гневу оставаться со мной, потому что вскоре уничтожу его навсегда.

Земля и люди покорились мне, а не наоборот. Мои чувства покорились мне. Обстоятельства изменились.

Теперь его силуэт вырос из ложбины. Ему не нужна была солнечная колесница с лошадьми, чтобы затмить землю. Он святился неземным светом. Однако моё лицо осталось серьёзным и замкнутым, а глаза вспыхнули ледяным, сине-зелёным цветом, когда я заметила также и других. Они прятались за ним. Они последовали за ним и спрятались, чтобы наблюдать за нами, так же, как будет наблюдать за мной Тильманн.

Свидетели с обоих сторон.

Хотя лесные пожары беспощадно бушевали и быстро распространялись, внезапно на нас опустилась мёртвая тишина. Фигура Анжело, такая стройная и юношеская, мерцая, приближалась ко мне; он шёл медленно и спокойно, как и я. Спешка стала лишней. Мы хотели насладиться происходящим.

Расстояние между нами таяло. Теперь я видела его глаза, раскосые и блестящие. В них вспыхнула яркая искра, когда он разглядывал мою голую кожу. Он желал меня.

Остались всего несколько метров, разделяющие нас. Гадюки проснулись из своей ленивой дремоты. Они испуганно зашипели, ища свою мать, щекотание на моей голове, только лишь крошечное сотрясение, невольно заставившее меня сделать глубокий вздох, так что сломанные рёбра с силой впились в лёгкие.

В моей голове начали рушиться стены, одна за другой - сначала угрожающее, сдержанное сотрясение, потом яростный грохот, за которым последовала лавина из боли, гнева и унижения. Она пролилась до самого моего сердца, парализовала дыхание и открыла глаза.

Я могла видеть всё. Всё. Не только то, что впереди, но и то, что позади и по бокам, сквозь стенки моего черепа, там, где маршем приближалась моя собственная армия, равномерным шагом, подгоняемая тем же, всеобъемлющим чувством. Любовью.

Там был Тильманн, спотыкаясь и задыхаясь, он пробирался по раскалённой почве справа. Снова и снова падал на своё бледно лицо, которое было покрыто кровоточащими ссадинами, потому что его тело больше не подчинялось ему.

Там был мой брат Пауль, с злобной меланхолией и презрением в стальном взгляде. Его движения сдержанны мускулистой неуступчивостью плеч.

Рядом с ним шла Джианна, бледная и измождённая, испытывая страх перед будущим, но несмотря на постоянные рыдания, готовая быть рядом и показать себя.

Также моя мать была здесь, с развивающимися, вьющимися волосами; она не шла, а топала по горячей земле, как будто вела моих воинов, готовая, даже не моргнув глазом, пожертвовать жизнью за свою дочь. Рядом с ней я увидела господина Щютц, чью лысину украшал ужасный солнечны ожог. Он всё ещё решительно сомневался, хотя глубоко внутри им уже давно завладела уверенность, что здесь творится что-то неладное. О нет, теперь я обнаружила также и Ларса, Ларс приехал! Он был в штанах карго с ужасным рисунком и в потной майке, в ожидание приключения своей жизни и вооруженный до зубов большими ножами и одной переливающийся на свету мачете, которая свисала с его кожаного пояса. Наконец-то он сможет поиграть в Рэмбо. Рядом с ним шёл доктор Занд, чьи глаза начали справляться с глубоким трауром из-за его умершей дочери. Он испытывал облегчение, потому что нашёл что-то, что отвлечёт и что даст его существованию новый поворот.

Они пришли, потому что чувствовали. Я снова могла их видеть. Мы чувствовали вместе, потому что все испытывали боль.

Морфий тоже был со мной; он шёл впереди остальных. Это он заставил рухнуть стены и только благодаря этому он спасёт меня.

Только одного не хватало. Колина.

Я снова переключила своё внимание вперёд. До Анжело было рукой подать, он стоял напротив, ждал и принюхивался. Что-то сбивало его с толку. Я чувствовала, как Тильманн приближается справа. Слева тоже приближалось существо, я слышала его резкое ржание и фырканье, да, я слышала его чётко и ясно, а также удары хлыста по потной шкуре, которые гнали его дальше, через огонь ко мне ... ко мне ...

Улыбка Анжело превратилась в застывшую гримасу, когда я подняла голову и в первый раз посмотрела на него по-настоящему. Открыто и честно, оставив позади множество моих вечно-детских желаний. Шипя, он выдохнул сквозь зубы.

Да, он был похож на статую Давида. У неё тоже были мёртвые, слишком большие глаза, которые ничего не видели, и неотёсанные, неуклюжие руки, которые ничего не понимали в музыке. Но теперь я стала Давидом, а он Голиафом.

- Знаешь, что мне в тебе не нравится, Елизавета? - спросил он резко в ревущей тишине пылающего леса.

- Не поверишь, сколько мне не нравится в тебе, - ответила я глухо, но так чётко, что меня было слышно везде. Мой голос пел. Но он, только ухмыляясь, вскинул голову; жеманный, высокомерный жест презрения.

- У тебя косоглазие. - Он поднял руку, чтобы показать на моё лицо. Змея предупреждающе подняла голову, она скрывалась под моими длинными волосами. - Один твой глаз всегда смотрит немного в другую сторону, всегда что-то замышляет.

- По крайней мере они видят.

Я инстинктивно подняла руку вверх, потому что вдруг вспомнила тот момент, когда мои глаза начали видеть - видеть, кто я на самом деле, и чего желает моё сердце. Я цеплялась за мокрый утёс, подо мной бушующий поток, надо мной адская гроза, в то время, как дороги моей прежней жизни погрузились в грязь, и я ждала, что судьба пошлёт мне самые жестокие испытания моей жизни. Потому что любила мужчину, который спасёт меня и в то же время погубит, тот мужчина, который прорывался теперь через тлеющий подлесок с левой стороны. В своей руке он держал горящую ветку, точно так же, как Тильманн с моей правой. Мои рыцари пришли.

Я подняла руки ещё немного выше и растопырила пальцы. Я хотела заполучить их факелы. Они должны отдать их мне.

Только потрескивающее шипение в воздухе указало на то, что они их бросили, оба в один и тоже момент, не договариваясь друг с другом. Они не знали, для чего они мне нужны. Я сама ещё не знала. Только чувствовала, что они понадобятся, а моё желание для них закон. Я уверенно поймала горящие ветки и держала их в руках.

Анжело вытянул голову вперёд, потом руку, которая хотела схватить меня и закончить то, что я ему обещала. Но змея оказалась быстрее. Оскалив зубы, она выскочила из моих локонов, спадающих на голые груди и укусила его за нижнюю губу. Он удивлённо отпрянул и прикоснуться указательным пальцем к ранению, последний остаток его человечности и совершенно неверная реакция. Ведь её яд не причинит ему никакого вреда.

Это могла только я. Со всех сил, появившихся благодаря моему гневу и трауру, я ткнула правым факелом в его левый глаз, потом левым в его правый. Глаз за глаз, зуб за зуб. Сразу же едко запахло горелой плотью. Пронзительно крича, Анжело упал на колени и перебирающими пальцами, начал ощупывать землю, как будто сможет найти там свои глаза и вставить их обратно. Беспомощный, слепой свёрток, который никогда больше не сможет видеть и никогда больше не сможет забрать то, что другие носят во взгляде, как тайну своей души. На

четвереньках он ползал по кругу, в то время, как слюни тонкими нитками вытекали у него из рта и шипя, испарялись на горячей земле. У него вырвался гулкий, безумный смех, когда он заметил, что его поиски бесполезны.

- Ты такая глупая, Елизавета, такая глупая ... Ты предпочитаешь его, да? Эту нелепую обезьяну, которая думает, что может жить, как человек? - Он размахивающими движениями хотел показать на Колина, в то время как тот упорно пытался удержать Луиса на месте, хотя жеребец не переставая пританцовывал, а из жующего рта капала белая пена. Но Анжело потерял ориентацию. Без людей он был теперь никем. Его пальцы указывали в некуда. - Ты выбираешь его?

- Прежде всего я выбираю себя.

- Ты знаешь, не так ли? Ты знаешь, что я убил твоего отца? О, Эли, не будь такой мелочной, ты сама страдала из-за него, он никогда не уделял тебе время, в течение многих лет обманывал, даже пугал ...

- Очень удобно для твоих планов, не правда ли? Ты ничего не знаешь Анжело, совсем ничего, и ничего не знал, когда был ещё человеком. Ты всегда был жалким червяком. Ты не заслуживаешь видеть нас.

Снова он рассмеялся. Его зубы пожелтели.

- Ты такая глупая! - повторил он. - Колин больше не захочет тебя! Он не сможет, после того, как ты разрушила то, что было его семьёй, единственной, которая у него когда-либо была: его мать и брата! А ведь именно её он хочет иметь больше всего - семью!

- Брата? - Факелы я всё ещё держала поднятыми вверх, готовая ударить вновь, если его глаза снова сформируются. Но они не формировались. - Брата?

Анжело задрал голову, чтобы посмотреть на меня, заученный жест, который теперь был бесполезен, обожжённые впадины смотрели мне на встречу.

- Ты - убила - мою - мать! Ты убила мою мать! Я ведь хотел вернуть её, для нас обоих, нашу мать, но ты всё портишь, ты всё испортила, и ты - ты тоже! - Снова он попытался показать на Колина. - Это вы монстры, а не я! - завыл он.

Колин продолжал держать дистанцию, он не мог подвести Луиса ближе, потому что жеребец боялся Анжело, да он и сам больше не хотел приближаться.

- У меня была семья, Анжело, - сказал он без каких-либо эмоций. - Люди, мать, которая меня боялась, отец, который меня бил и сестра, которая сжалилась надо мной. Они все испытывали ко мне больше чувств, чем ты сможешь кода-либо породить собственными силами. Мне не нужен брат.

- Но я появился первый, я! Я был её сыном! А ей было этого недостаточно, меня ей было недостаточно. Нет, она должна была создать ещё одного ребёнка, её собственного, отмеченного ей с самого начала, тебя. Тебя! - Когда Анжело кричал, изо рта у него летели слюни, руки он стиснул в кулаки, губы поджал. - Она больше не помнила меня! Она бросила меня! Ты её не ценил, свёл с ума, потому что сбежал и только поэтому она меня забыла! Ты отобрал её у меня! - Он даже уже больше не мог ползти. Он катался на животе туда-сюда, как младенец, который ещё не умеет ползать. - Они отомстят за меня и Тессу, Елизавета, отомстят! Они здесь!

- Нет. Нет, не отомстят, - послышался звонкий голос Морфия позади. - Мы все люди, мы все вас видели. Мы знаем о вас. Делайте то, чего не можете бросить. Похищайте сны. Но оставайтесь в своём мёртвом царстве. Вы не можете вести войну, потому что ничего не чувствуете. Ни одну битву вам не удастся когда-либо выиграть. Анжело всегда будет вам напоминанием, что всё так, как есть. Люди чувствуют и умирают. Мары же мертвецы на вечность. И только она, - он указал на меня, - она одна знает дорогу назад. Не уничтожайте того, кто в конце сможет вас спасти.

Теперь мои воины стояли рядом друг с другом, образовали с Морфием посередине полукруг, защищающая ограда за моей спиной. Либо мы все выживем, либо умрём. Мары всё ещё прятались в пещерах и в тени камней, не в состояние показать нам свои пустые, мрачные лица. Они трусливы. Они не выйдут. Нас слишком много.

Я отбросила факелы в сторону. Сразу же огонь проел извилистый след в сухой траве, начал лизать босые ноги Анжело и заставил заслезиться мои глаза. Я буду снова плакать. В течении нескольких дней, недель.

- Жри грязь, Микеланжело, - сказала я так тихо, что только он смог меня услышать. - Желаю хорошо провести время с твоим бессмертием. Наслаждайся им.

Совсем не сожалея о том, что случилось, я развернулась и прошла мимо остальных, уходя от него.

Больше нечего было делать.

Ради моих детей

«Мой дорогой Пауль,

если ты читаешь эти строки, то случилось то, чего уже давно ожидали твоя мать и я. Когда я об этом думаю, моё сердце больше всего тяготит то, что ты несёшь на плечах вину, потому что не поверил мне. И мне всегда так сильно хотелось освободить тебя от этого ошибочного убеждения. (Если ты всё ещё не веришь мне, то отложи это письмо в сторону или уничтожь его. Если веришь, то читай дальше.)

Ты ни в чём не виноват, совсем не виноват. Я признаю: не прошло ни одного дня, когда бы я не задавался вопросом, как у тебя дела и увижу ли я тебя когда-нибудь вновь, простишь ли ты меня. Я так сильно этого хотел. Но ты сделал всё правильно, когда повернулся ко мне спиной и ушёл, потому что сделал это из-за любви.

Ты был уже не ребёнком, стал мужчиной, хотя молодым и не опытным, но не настолько молодым, чтобы ещё нуждаться во мне, и чтобы вернуться. И ты любил по-настоящему. Ты должен был уйти, у тебя не было другого выбора. Ты должно быть думал, что это я забрал у тебя Лили. Потому что в каком-то смысле это был я. Мая страсть к приключениям привела меня на остров, и я заплатил за это тем, что случилось. Но прежде всего заплатили вы, мои дети и жена. У тебя было полное право не верить мне и найти для себя другую истину, но я очень надеюсь, что твоя сестра достаточно изобретательна и упряма, чтобы показать тебе, что, по крайней мер то, что я рассказывал - это правда, даже если осознание этого не сможет изменить к лучшему события прошлого.

Я пытался быть тебе хорошим отцом, а в моей любви к тебе никогда не существовало никаких сомнений. Но в отличие от Элизы, ты пережил изменения, которые произошли во мне и больше никогда не доверял мне полностью, так как раньше, когда я мог носить тебя на плечах или подбрасывать в воздух и ловить, и ты не испытывал при этом ни малейшего страха.

Ты был слишком мал, чтобы сегодня сознательно об этом помнить, но у детей более тонкие чувства, и мужчина, который вернулся из круиза и заключил тебя в объятья, был не тем, с кем ты попрощался. Твой отец изменился. Всё чаще я отсутствовал в течение нескольких дней, работал по ночам, проводил с вами отпуск в мрачных, уединённых местностях, чтобы мой голод не подвергал вас опасности. Он всегда просыпался тогда, когда была полная луна или солнце показывало мне, что со мной случилось. Дом я весь затемнил, диким виноградом перед окнами и жалюзи; твоя мать и я почти каждую ночь спали отдельно, хотя всё ещё любили друг друга. У меня никогда не появлялось желания забрать сны моих детей, но я не хотел рисковать. Поэтому мы жили в сумерках, хотя всему живому требуется свет.

Мне очень жаль, что всё было так, что не могло быть по-другому. Возможно я оказал бы тебе большую услугу, если бы действительно исчез. Этот вопрос никогда не оставлял меня в покое. Потому что снова и снова появлялись ситуации, когда твои подозрения становились сильнее, чем доверие, и я размышлял над тем, что возможно другой мужчина был бы более подходящим для роли отца в этой семье. Но твоя мать - должно быть от неё вы унаследовали ваше упрямство - настаивала на том, чтобы я остался, потому что считала, что не существует лучшего мужа для неё и лучшего отца для Елизаветы и тебя, чем я.

Возможно в твоих глазах Елизавета имела более лёгкую позицию, потому что никогда не знала меня другим, чем тем, кто я есть, полу демон, полу человек. Но зато ей намного сложнее справляться с собой. Спокойствие и терпение, которые присущи тебе - завистники

назвали бы это флегматичностью - останутся для неё недостижимыми. Она всегда будет хлопать своими крыльями, в то время, как ты уже давно расправишь их.

Пауль, я не знаю, что тебе известно, я не знаю, что за это время случилось. У меня есть подозрения, и они достаточно плохие. Но будь уверен, что твоя мать и я часто об этом говорили. Она никогда не пыталась отговорить меня от моих планов, может быть потому, что в тайне надеялась, что однажды наступит спокойствие. И я могу понять эту надежду. Потому что и я ничего не желал так сильно, как покоя.

Мне бы хотелось насладиться им с вами, в жизни, а не в смерти. Но ловушка захлопнулась. И я нахожусь в ней. Некоторые - их очень мало - хотят в какой-то момент умереть, были бы даже готовы в обмен на смерть помочь людям, хотя я не знаю, как мне им в этом посодействовать. Но большинство цепляются за свою бесконечность.

Теперь осталось ответить лишь на один вопрос, и мне не нужно даже одной секунды размышлять над ответом: останусь ли я ради дела или уйду ради моих детей?

Это сделка, дешёвый шантаж, но с высокой ценой, которую я заплатил бы вновь: моя жизнь за жизнь моих детей и жены.

Что касается Элизы: ей я тоже написал письмо. А в моём сообщение, оставленном в сейфе - скорее всего ты об этом слышал - поручил стать моей преемницей, потому что она в любом случае попыталась бы сделать это - она не может не совать своего носа в дела, которые её не касаются - а я, по крайней мере, хотел дать ей виновного, ей и твоей матери, если что-то пойдёт не так. Но прежде всего я возлагал надежды на то, что она откажется взяться за это дело. Это на неё похоже, не делать именно того, о чём её просят.

Это в любом случае дело, в цели которого я всё больше сомневаюсь. Видимо мне пришлось сначала научится тому, что там, где нет чувств, ничего нельзя изменить.

Нас было слишком мало.

Очень сложно, нет, невозможно найти умные последние слова, которые отец может сказать своему сыну.

Поэтому я говорю только, что люблю тебя и всегда любил, как человек и как полукровка. Даже самая сильная демоническая жажда не смогла бы в этом что-то изменить.

Оставайся таким, какой есть, не злись из-за того, что у тебя не получается, а радуйся тому, что можешь сделать. Твои пациенты оценят это, а жена останется верной - потому что ты верен. Ты верный Пауль.

Я знаю, что ты был верным также по отношению ко мне. Я знаю.

И это делает меня счастливым.

Прощай
Твой отец

PS: Элиза случайно не познакомилась с Джианной Веспучи? Я положил ей визитную карточку в сейф. Я встретил её на конгрессе и у меня сразу же появилось это безошибочное отцовское предчувствие, что она сможет быть хорошей подругой для Эли. Девушкам её возраста сложно с ней справится. Ей нужен кто-то, кто сможет ей противостоять».

Голос Пауля, когда он читал папины строчки, не менялся, но, когда он складывал письмо, и я, всхлипывая, подняла на него взгляд, то заметила, что он тоже плачет. У меня уже всегда разрывалось сердце, когда я видела, как мой брат плачет. Он делает это так тихо, что люди часто не замечают. Он не всхлипывает, не бушует. Ни хныканье, ни фырканье не указывают на

его душевное состояние. Он плачет без эмоций. Ничего не предвещало того, что он заплачет; с одной секунды на другую его глаза стали мокрыми, а вода тонкими струйками побежала по щекам. Раньше Пауль чаще всего плакал из-за упрямства и гнева, и собственные слёзы дополнительно подпитывали его гнев, так что он, скрестив руки на груди и с обращённым в себя взглядом ждал, пока его чувства успокоятся. Иногда он также плакал, потому что думал, что потерпел неудачу.

Теперь он плакал от горя, как и я.

Уже целую неделю я почти ничего другого не делала, я забаррикадировалась на своей кровати, закрыв и загородив все двери моей комнаты, и плакала или спала. Я не могла делать ничего другого. Когда я ходила в туалет, чего нельзя было избежать, то делала это в моменты, когда никто за мной не наблюдал, чтобы ни с кем не встречаться, а если всё же кого-то встречала, то пряталась за волосами. Взгляд в зеркало я избегала как чумы.

Вечерами Пауль, Джианна, мама и господин Шютц располагались на террасе - доктор Занд уехал уже на следующий день после ослепления Анжело, также Морфий - и тихо разговаривали друг с другом, в то время как я затыкала уши пальцами, чтобы ничего не слышать. Они обсуждали меня, скорее всего говорили обо мне как о больной, иначе просто не может быть. Я не могла их слушать, а также не могла справиться с маминой печалью, ведь она знала, что убийца её мужа чуть не соблазнил её дочь - не в сексуальном плане, а к вечности.

Иногда они даже смеялись, чего я не понимала. Как они могут смеяться? Я не сердилась из-за их смеха, также не хотела их упрекать, я только не понимала, вот и всё.

Папино письмо, адресованное мне, лежало хорошо запертое в ящике прикроватной тумбочки. Когда Морфий отдал его мне, я сразу же положила его туда. Я не хотела его читать - просто не могла. Не сейчас. Папа это точно сформулировал; моя душа хлопала крыльями, но не знала, куда ей отправиться. Я чувствовала себя такой же дезориентированной, как был Анжело, когда полз по высохшей траве. Часы протекали медленно, так что я не могла их классифицировать; я не знала, какой сейчас день, какая неделя, какой месяц. Только отмечала, что каждое утро солнечные лучи проникали через щели ставень немного позже, а свет вечером исчезал быстрее.

Но какой месяц сейчас по календарю - август? Сентябрь? Сколько времени прошло, прежде чем я в самый последний момент поняла, что правильно, а что нет, не считая светлые моменты на Санторини рядом с Морфием, в пещере которого я с удовольствием забаррикадировалась бы на вечно; только камни, море и я?

Вначале я отказывалась от еды, потому что всё равно не чувствовала вкуса, и лелеяла эту нездоровую мысль, что больше не заслуживаю еды, но после того, как мама угрожала отправить меня в ближайшую, южно-итальянскую больницу и кормить на силу, я подчинилась и съедала ту немногую пищу, которую разрешила приносить Джианне. Отвернувшись я ждала, пока та поставит поднос на мою прикроватную тумбочку и снова уйдёт. Только потом я садилась и лопала в темноте. Часто я испытывала сильную жажду и часами смотрела на бутылку с водой, стоящую на полу рядом с кроватью, пока наконец пересиливала себя, открывала и подносила к губам.

В одну из первых ночей я проснулась, потому что Колин сидел на краю моей кровати. Серьёзный и возможно даже немного обеспокоенный, но без упрёка или обвинения в своём чёрном взгляде, он смотрел на меня. У него снова появилось лицо. Лицо, которое я могла любить и к которому могла прикасаться, и чьи черты я хотела очертить губами. Я, ища помощи, схватила его за прохладную руку и прижала длинные пальцы к моей заплаканной щеке. Через некоторое время он забрал руку и беззвучно исчез.

С тех пор я больше его не видела. Я понимала его поведение, видимо это был его способ сказать мне прощай, после того, как я, в моём ужасном ослеплении, растоптала всё, что было

между нами. Всё же я думала, что иногда ощущаю его ауру, а также согревающее дуновение на моих холодных руках - холодных, потому что я пряталась от солнца и слишком мала ела и пила - но скорее всего это лишь грёза, оставшиеся в памяти воспоминания, которые всегда будут меня сопровождать и не давать забыть о том, что я сделала.

Теперь Пауль пришёл ко мне, не спросив разрешения, и прочитал своё письмо, чтобы слова папы утешили меня, что и так достаточно плохо. Но теперь он тоже плакал. Эксперимент провалился.

- Эли, сестрёнка ... если так пойдёт и дальше, то в какой-то момент взорвётся твой нос.

- Я не могу остановится.

- Потому что не даешь себе шанса. Ты не можешь оставаться в этой комнате всю жизнь. Это отшельничество не изменит того, что случилось. Эй, иди сюда ... - Он пододвинулся ко мне, поднял с подушки и заключил в объятья. - Мы все догадывались об этом, да, почти что знали. Мама знала, Джианна была почти уверенна, я в любом случае. У нас только не было уверенности, доказательства. Но как бы он смог выжить в этом ведьмовском котле?

- Я выжила в нём. Кроме того, я плачу не только потому, что мне грустно. Я также зла. - Кулаком я ударила по влажной от слёз подушке, так что образовалась вмятина. - Как он мог так поступить? Ведь он знал, как это опасно. Как он мог положить мне эту карту в сейф и заманить сюда, на юг Италии? Как он мог поручить мне стать его преемницей? А потом ещё Джианна ... это ... он манипулировал мной! Не находишь? Я зла на папу, действительно зла, хочу всё это высказать ему в лицо и в тоже время ... как я могу вообще на него злиться? Его ведь больше нет!

- Ах, Эли ... - Пауль снисходительно улыбнулся. - На самом деле я очень рад, что он положил визитную карточку Джианны в сейф. Ведь в мыслях у него не было ничего плохого.

- Он ввёл меня в заблуждение! - укоризненно жаловалась я, как будто Пауль был в чём-то виноват. - Я его не понимаю. С одной стороны, он надеялся, что я не стану его преемницей из чистого упрямства ...

- Ты планировала стать его преемницей? - прервал меня Пауль.

- Нет. По правде говоря, нет. Когда я прочитала его послание, первой моей мыслью было то, что папа сошёл с ума.

- Вот видишь. Значит не так уж он и ошибся.

- Но зачем тогда эта карта Европы? Зачем большой, жирный крест на южной Италии? Он должен был знать, что там живут Мары, по крайней мере Тесса и Анжело ... И почему нет креста на Санторини? Там, где живёт Морфий, который ничего нам не сделал и принял нашу сторону? Ты это понимаешь?

- Нет, - признался Пауль. - Нет, этого я тоже не понимаю. Может быть он считал Анжело безобидным. В конце концов, ты тоже так думала.

Я с негодованием фыркнула.

- Но тогда всё ещё остаётся Тесса.

- О которой ты и так знала. Ладно, Эли, я с тобой согласен, это странно ... Но мы больше не сможем спросить его. Может быть карта попала в сейф случайно.

- Случайно? И в тоже время он замуровал ключ в твоей квартире? - Я подавилась от негодования и закашляла. Пауль постучал мне по спине, как Колин Луиса, когда пытался успокоить.

- У него, скорее всего, был второй ключ, и он иногда клал и снова брал из сейфа вещи. А насчёт ключа в моей стене - это ведь тоже был только трюк, - успокаивающе сказал он. - Он хотел, чтобы ты задержалась у меня, дольше, чем на пару часов.

- И опять же манипуляция. Ба, - сморкаясь проворчала я. Ах, это было почти хорошее ощущение, злиться на папу. Таким образом траур о нём немного отступил. И всё-таки: насчёт карты я не понимала. Совсем не понимала.

- Скажи, Эли, собственно откуда ты знала, что тебе нужно сжечь его глаза? - Пауль умело отвлёк меня от этих мыслей. Они в любом случае безрезультатно топтались на месте.

- Я не знала, - призналась я. Я не хотела приписывать себе чужие заслуги, их я не заслужила, особенно учитывая то, что Морфий, когда звонил мне во второй раз, даже намекнул об этом. Глаза, сказал он. Должно быть он знал, что сила Анжело кроется в его глазах. Но я не предала значения его словам, даже не пыталась истолковать их. Или Морфий на самом деле имел ввиду мои глаза? Он хотел предостеречь меня от того, что я посчитаю прекрасным, увидев своими глазами? Я пристыженно покачала головой.

- Нет, до последней секунды я не знала. Потом мне вдруг стало ясно, что я должна уничтожить то, что так любила в нём. То, с помощью чего он охотится.

Пауль одобряюще присвистнул.

- Хорошая интуиция.

- Но она не принесла никакой пользы! Совсем никакой! Ты больше не смог померится с папой, а мама ... - Нет, о маме я не могу говорить.

- Да, это правда, которая, наверное, будет преследовать меня всю жизнь. Но я мог бы тебе просто поверить, когда он был ещё жив. Знаешь, как бы странно это не звучало, я всё же должен быть благодарен Францёзу за то, что он атаковал меня, потому что без него я не познакомился бы ни с Джианной, ни нашёл бы доказательств того, что слова папы не ложь, - задумчиво сказал Пауль.

- Ты это говоришь лишь для того, чтобы утешить меня. Францёза послал Анжело, это был его способ уничтожить всех нас!

- И что случилось? Он ещё сильнее связал нас друг с другом, привёл в гармонию те чувства, из-за которых у меня все эти годы был внутренний конфликт. Мою любовь к папе и мою ненависть к нему. Эли, он был со мной ...

Я перестала тереть чешущиеся глаза, которые от плача были совершенно раздражены, и моргая, подняла на него взгляд.

- Он был с тобой? Что ты имеешь в виду?

- То, что говорю. Это были сны, такие ощутимые и реальные, что отличались от моих других снов, как солнце от луны. В то время, рядом с Францёзом, мне снилось мало снов, но эти сны помогали заправится новыми силами. В них всё снова было хорошо. Папа и я померились и поговорили, и я смог простить ему то, что случилось с Лили. Только в конце, начиная с зимы, тогда ... - Пауль пытался найти слова. - Тогда он изменился. Стал усталым. Смертельно усталым.

- Тебе это тоже снилось? - Я отодвинулась, чтобы лучше его видеть. - Что он ужасно устал и находится здесь только ещё ради нас? Что предпочёл бы уснуть?

- Теперь он может отдохнуть, не так ли? - Пауль погладил меня по щеке, а потом осторожно ущипнул, как будто таким образом хотел пробудить к жизни. - В принципе к тому времени я уже знал, что у меня больше не появится возможности поговорить с ним. Но всё уже и так было сказано, даже если это случилось только во сне.

Перед затемнёнными дверями террасы загремела посуда и я услышала, как на скатерть положили столовые приборы, знакомый звук семейной жизни, в которой я больше не принимала участия. Мама и Джианна накрывали на стол.

- Тебе совсем не хочется присоединиться к нам, Эли? - спросил ласково Пауль. - Нам тебя не хватает. Всё это время нам тебя не хватало.

Я не знала, как моё тело ещё может производить слёзы, но оно производило, и в течение нескольких секунд лицо стало мокрым. Я прижала кулак к губам и покачала головой.

- Я не могу.

- Тогда, по крайней мере, проведай Тильманна. Он обрадуется. Он лежит наверху.

- Лежит? - спросила я писклявым голосом. Меня уже всю неделю мучил вопрос, почему Тильманн стал наркоманом, так быстро и настолько зависимым, и всегда в голове вертелся только один ответ: в этом виновата я. Во-первых, потому что слишком много позволяла ему, а во-вторых - и это было главной причиной - потому что пренебрегала им, да даже забыла. Тильманн был первым, кого я забыла, именного его, того кто всегда оставался рядом, как бы невыносимо я себя не вела. Он даже, чтобы отвлечь, переспал бы со мной перед сражением с Францёзом. - Почему он лежит?

- Потому что болеет. Иди к нему. В конце концов он направил нас к тебе в нужное время.

- Это он? - Качая головой, я закрыла лицо ладонями. Снова во мне зародились рыдания. Для меня скорее было чудом не то, что я выжила, а то, что они все пришли. Они поддержали меня, хотя я издевалась и насмехалась над ними. Я предположила, что это заслуга Морфия, но теперь знала, что это сделал мой лучший друг, человек.

Но конечно ... Я хочу, чтобы рядом были те, кого я люблю, сказала я ему, не понимая, почему эти слова выскользнули из моего рта, потому что я больше не думала и не планировала. Должно быть их вложила мне интуиция - и разве Морфий не советовал мне доверять людям, которых люблю? Эта просьба не могла навести на мой след Анжело, потому что я выразила её в контексте с превращением. Мои чувства стали приманкой для Анжело и в тоже время они сберегли меня от самого худшего. До последней секунды у Анжело не было сомнений, что я выберу его - да и как, когда их не было даже у меня самой? Когда я умоляла Тильманна сопровождать меня, я слушала только моё чутьё, только его, и моя привязанность к Тильманну была достаточно сильной, так что мне хотелось, чтобы он находился рядом, когда меня превратят. Теперь, оглядываясь назад, я удивлялась своим собственным словам. Мой мозг бескомпромиссно следовал за эмоциями.

Тильманн выполнил моё желание. Он не предположил, что я имею ввиду только его, когда сказала, что хочу, чтобы рядом были те, кого люблю. А что имею ввиду всех. И почему? Потому что слушал, в то время как мои уши давно оглохли.

Дай чувствам волю ... Дай чувствам волю, посоветовал мне Морфий. Он может читать твои мысли. О да, я дала чувствам волю, бросилась в их пучину без всяких размышлений. Но возможно эта способность спасла всех нас, даже если я продолжала её ненавидеть и хотела наказать себя за то, что вернулась к Анжело и умоляла о его близости, подобострастная и покорная. Но она меня защитила. Он не смог распознать во мне другого плана чем тот, который соответствовал его собственному, потому что моя тоска и грусть заглушили всё остальное.

- Пересиль себя, Эли, и поговорите друг с другом. Ему бы это не помешало. - Пауль ободряюще похлопал меня по плечу. Я вздрогнула от боли. Перелом ребра был не таким драматичным, всего лишь неприятным, но я никому не рассказала, как он у меня появился. Это знала только я сама.

- Пауль, ты идёшь обедать? - крикнула с улицы Джианна. - Я отнесла Тильманну одну тарелку наверх. Эли тоже хочет что-нибудь?

- Нет, - быстро решила я. - Ничего не хочу! - Я снова понизила голос, чтобы меня слышал только Пауль. - Если я сейчас не пойду к нему, то никогда этого не сделаю.

- Хорошо. Эли, хочу сказать тебе ещё кое-что. Мама держится хорошо. Папа посещал не только нас. Но и её тоже. А Морфий ... он - или она? - Он усмехнулся. Я пожала плечами.

- Думаю, это решать тебе. Он принимает и то и другое.

- Что же, не важно. Она, он, какая разница. Во всяком случае Морфий также ... хм дал кое-что и ей. Я имею ввиду не письмо. А кое-что от папы. Это утешило её. Тебе не нужно так горевать. Пожалуйста, пообещай мне.

- Но я не знаю, как мне всё исправить ... - Мои руки остановились в воздухе, потому что я не осмеливалась провести ими по волосам, как хотела. Я прикасалась к себе только тогда, когда этого нельзя было избежать. Единственное, что я пока трогала - это мои глаза, уши и щёки.

- Постепенно. В любом случае никто от тебя этого не ожидает. Начни с Тильманна. По крайней мере, ты можешь с ним поговорить. С папой я больше не смогу поговорить, а мне нужно загладить намного большую вину, чем тебе.

Он лгал, чтобы подбодрить меня, и я не стала его исправлять. Я никому ещё не могла рассказать, что причинил мне Анжело. Что он осквернил и злоупотреблял моей юностью и всеми моими мечтами. Я больше не знала, что исходит от меня лично, а что подпитывалось им. Я не осмеливалась слушать музыку из-за страха, что перед глазами появятся старые воспоминания о Грише, который, будем надеяться, стал снова самим собой. Воспоминания, которые отныне неизбежно будут напоминать мне об Анжело. Воспоминаний о Колине я, однако, тоже боялась. Мне больше нельзя мечтать о нём. Его больше нет рядом. Возможно это самое угрожающее и гнетущее во всей ситуации: что у меня больше нет ничего, о чём я могу мечтать.

- Хорошо, - сказала я хрипло. - Я пойду к нему, сейчас, как только ты выйдешь, и вы начнёте есть. - Чтобы не встречаться ни с кем из вас.

Я подождала ещё несколько минут, закрыв уши руками, после того, как Пауль сел на террасе, потом неуклюже встала и на шатких ногах зашагала вверх по лестнице.

Каносское унижение

Я заставила себя, по крайней мере, посмотреть коротко на моё туловище и ноги - всё расплывчато, как будто я сильно близорука - чтобы проверить, достаточно ли презентабельна (да достаточно, на мне была одета короткая, скромная, полосатая пижама, которая принадлежала не мне), прежде чем нерешительно постучать в дверь чердака. Изнутри не послышалось никакого звука. Я постучала немного громче, готовая развернуться и уйти, если раздастся протест. Но я не услышала ни протеста, ни приглашения войти.

Хотя мне хотелось уклонится от того, что я сейчас увижу, я открыла дверь и неловко вошла в комнату. Сначала я лишь поверхностно переводила взгляд с одной вещи на другую и этой быстрой проверки было достаточно, чтобы понять, что кто-то основательно здесь убрался. Одежда Тильманна была вновь сложена в шкаф, пол помыт, мусор убран, постельное бельё постирано. Балконная дверь открыта; лёгкий ветерок прикоснулся к моим голым лодыжкам, больше уже не такой тёплый и ласковый, как во время недель с Анжело.

Тильманн сидел прямо на своей кровати, тарелка с макаронами между ног, а его когда-то такой пламенный взгляд, в ожидание направлен на меня, в то время как он с заметным аппетитом ел. Я настроила мои глаза немного резче.

Также неряшливость в его внешнем виде исчезла. Волосы были всё ещё лохматыми, но очевидно он их помыл. Он пах так же хорошо, как и раньше, хотя был всё ещё слишком бледным, а лицо слишком худым. Он выглядел как кто-то, кто как раз возвращается к жизни, а не как кто-то, кто всеми силами пытается её покинуть. Он тоже разглядывал меня, и это меня так смутило, что я отвернулась.

- Вот это да, - в конце концов отметил он с полным ртом. - Ты выглядишь по-настоящему дерьмово. - Как правило, я избила бы его, его же собственной подушкой или дала словесный отпор, но его легкомысленное замечание глубоко меня ранило. Давление в области глаз говорило о том, что я вряд ли смогу избежать слёз, если тут же не изменю курс. Скорее всего он даже не преувеличил, а говорил правду. Это ведь его любимая игра: говорить правду, безжалостно и прямо.

- Это не совсем то, что я хотела услышать, - пробормотала я и развернулась, чтобы сбежать.

- Эй, Эли, постой, я только пытался разрядить немного обстановку простым замечанием, только и всего. Не паникуй!

- С каких пор ты придаёшь большое значение разряжению обстановке? - парировала я в нашем добром, старом стиле вести дискуссию, благодарная за то, что он готов снять напряжение. По крайней мере это было что-то новенькое.

- Ну, со временем учишься. Всё-таки тебе следует меньше реветь и поберечь свои глаза.

Вздыхая, я снова повернулась и сдвинула вторую кровать в его сторону, чтобы можно было сесть напротив, в то время как он выскребал свою тарелку.

- Как ты себя чувствуешь? - спросила я его виновато.

- Бывало и лучше.

Я с трудом сглотнула, прежде чем начала говорить, и уже сейчас знала, что ни одно моё предложение не выразит того, что я имею ввиду. Но я должна попытаться. В любом случае у меня было мало что сказать. Это и есть самое фатальное в настоящих извинениях. Они слишком короткие.

- Тильманн, мне так жаль, по-настоящему жаль, что ты из-за меня ... из-за меня стал наркоманом, потому что я забыла тебя и больше не заботилась, но я ... я ... - Нет. Здесь нечего объяснять. Он всё равно не сможет понять, и это хорошо. Только дураки поймут.

Тильманн перестал жевать и опустил ложку, в то время, как его брови сошлись на переносице, а выражение лица становилась всё более скептичным.

- Что? Ты думаешь, я начал принимать наркотики, потому что ты меня забыла? - Я кивнула. Он брюзгливо рассмеялся и снова склонился над своей тарелкой, чтобы наколоть на вилку последние три лапшины.

- Не. Ты мне нравишься, но я всё же смог бы это пережить.

- Да, смог бы? - спросила я слегка задетая, моя первая, спонтанная реакция в этом разговоре, и она мне совсем не нравилась. Я и в правду здесь не та, кому стоило предъявлять претензии.

- Да, смог бы, не думаю, что буду когда-либо принимать наркотики из-за чего-то подобного. Это ничего не даст. Ты не можешь заставить другого любить тебя. Тем боле с помощью наркотиков.

- Но тогда почему? Просто так?

Тильманн поставил тарелку на прикроватную тумбочку и подавил отрыжку. Он коротко встряхнулся.

- Ба. Мой желудок всё ещё протестует. Эли, подумай ... Я снимал тебя на камеру, не так ли? Ты больше этого не помнишь?

- Припоминаю что-то в этом роде. - Он снимал меня без разрешения, что до сих пор беспокоило меня, когда я об этом вспоминала, потому что он шпионил за мной, хотя это ни к чему не привело, так как результат был ничтожным. Он даже снял меня вместе с Анжело. - С Анжело, - повторила я собственные мысли шёпотом. Он преследовал нас, как частный следователь, с видеокамерой ... чтобы снять меня и сильно опасного Мара...

- Вижу, постепенно в твой котелок снова возвращается движение, - прокомментировал Тильманн. - Я принимал их, чтобы защититься от него, чтобы он не заметил меня и не раскусил. А так как мне приходилось снимать вас довольно часто, чтобы собрать хороший материал, мне приходилось также довольно часто что-нибудь принимать. Что же, так чаще всего и появляется зависимость.

- И ты даже не собрал хорошего материала! - страдальчески воскликнула я. - Ты совершенно напрасно бросился в этот омут! - Я считала его действия невероятными, а ещё более невероятным то, что другие молча это допустили. - Кроме того, я всё равно виновата ... только это другой вариант вины.

- Эй, ты ведь не засовывала мне эти штуки под язык, не так ли? Более того, это были хорошие кадры, ты даже не знаешь насколько хорошие ... Только ты этого больше не осознавала, когда мы тебе показали. Если ты посмотришь монтаж сейчас, то испугаешься саму себя, поверь мне. Я его не выбросил, он ещё здесь. Хочешь ...?

Я поспешно покачала головой.

- Лучше не надо. - Я и так достаточно себя боялась, этот страх перекрывало ещё только моё отвращение к себе. - Всё же это не принесло никакой пользы. Всё было напрасно! - Теперь мне всё-таки не удалось сдержать слёзы.

Тильманн пожал плечами.

- Метод проб и ошибок. Иногда срабатывает, иногда нет. Думаю, он в любом случае заметил меня и только потому ничего не предпринял, что знал, ты выберешь его.

И потому, что действия Тильманна были ему на руку, подумала я с горечью. С помощью этого фильма Тильманн, Пауль и Джианна помогли ему. Злыми стали другие, не желающие, чтобы я стала счастливой. А на самом деле Тильманн испортил своё здоровье, чтобы пробудить меня.

- Я никогда не смогу загладить вину, - сказала я, что закрепилось в моей голове, как разрушительная уверенность.

- Что за ерунда, - грубо возразил Тильманн. - Сними свои одежды кающийся грешницы, это невозможно выносить.

Я настроила мой глаза ещё немного резче, направив взгляд на его руки. У него есть следы от уколов? У меня почти нет опыта с наркотиками, но я достаточно слышала и читала о них, чтобы знать, что от героина никто больше не может по-настоящему оправиться. Мать всех наркотиков, но также и самый скверный. Что это за маленькие красные пункты, веснушки или зажившие шрамы от уколов? Я не мола разглядеть точно. Тильманн заметил мои поиски и провёл себе по левому сгибу локтя.

- Вначале твой брат вкалывал мне иногда уколы от боли, это всё. Я не такой безрассудный, Эли.

- От боли ... это было настолько ужасно?

Тильманн приподнял одеяло и вытянул свою левую ногу. Она была перевязана.

- Только в комбинации с моими ранениями и ожогами. Слишком много сразу. - Да, эти раны он тоже получил по моей вине.

- Значит героин не принимал? - спросила я с надеждой.

- Нет. Я никогда не буду его принимать. Знаешь почему? Думаю, он действует так же, как Тесса. Или наоборот: Тесса подействовала на меня, как героин. Ты хочешь этого снова и снова. Я пережил её два раза, а уже и одного было достаточно, ещё третий - и я был бы потерян. Но это не означает, что я не тоскую по этому чувству ...

Я пережила его только один раз, но и одного раза было достаточно, чтобы вызвать во мне желание повторить. Скорее всего Анжело ещё и потому так быстро достиг своей цели, что его собственная мать идеально подготовила почву. Мне стало так холодно, что я взяла подушку с кровати, на которой сидела и прижала её к животу.

- И что тогда ты принимал?

- Ох, всего понемногу. Амфетамин, ЛСД, гашиш, кокаин. В конце в основном кокаин. Но во время решающей схватки я принял ЛСД - искусственные мечты, ты ведь этого хотела, не так ли?

Я в замешательстве подняла голову. Тильманн криво мне улыбался.

- Таким образом Анжело ничего не мог мне сделать! Я всё время был позади, следовал за тобой. Поэтому ты положила мне его на кухонный стол, а не выбросила. Потому что хотела, чтобы оно защитило меня.

- Я не знаю, - призналась я. Я не могла вспомнить. - Я действовала ещё только интуитивно. Мне нельзя было думать независимо, в противном случае он напал бы на мой след. Он мог читать мои мысли. Но что у тебя из-за меня будут такие проблемы, это ... это ...

- Эй, хорош уже. Не хватает ещё, чтобы ты отхлестала себя кнутом. Если быть честным, то таким образом ты даже косвенно сделала мне одолжение.

- Как? - ошеломлённо пропищала я.

- Благодаря тебе у меня появилась хорошая причина начать принимать наркотики. Возможно я только искал такую причину. И возможно начал бы принимать их немного позже и без этой причины ... Я просто больше не мог справится со всей этой ситуацией. - Рот Тильманна принял то чётко-очерченное, серьёзное выражение, из-за которого он сразу стал выглядеть на много лет старше и которое мне всё же понравилось. - Теперь я в этом дерьме по горло и мне нужно из него выкарабкиваться. Кроме того, ... кроме того ... вот блин, Эли. - Он закрыл лицо ладонями, начав мять себе щёки. - Я действительно напортачил, намного больше, чем ты, в тысячу раз больше, и если ты об этом узнаешь, тогда ...

- О чём ты говоришь? - Я убрала его руки с лица, чтобы лучше понимать, но он не смотрел на меня. - Что ты напортачил?

- Я сделал огромную ошибку. Собственно, я не хотел тебе об этом рассказывать, потому что всё ведь хорошо закончилось, но заметил сейчас, что не могу, и это в любом случае гложет меня ... уже многие недели. - Он немного отодвинулся, как будто я побью его, как только узнаю

больше. Если он вёл себя так предусмотрительно, то на это есть причины. На всякий случай я села на мои ладони, прежде чем приглашающе на него посмотреть.

- Я должен рассказать тебе. Я прав? Да, точно, должен ...

- Тогда расскажи наконец!

Тильманн сухо сглотнул.

- Эта карта Европы твоего отца ...

- Да? - Неужели Тильманн знал о ней больше, чем я? Такое может быть - мой отец рассказал о ней Тильманну, а он всё это время держал в секрете?

- Крест на юге Италии. Он ... он был поставлен не твоим отцом. Я поставил его. Я нарисовал его там.

- Что? - Мой голос от удивления дрогнул. - Но как ... как ... Как ты мог такое сделать? И почему?

- Ты ещё помнишь тот день, когда мы вместе поехали из Гамбурга в Вестервальд? Пауль, ты и я? И ты сказала мне, что нашла ключ от сейфа? Эли, ты была тогда в таком плохом настроение, такая несчастная, травмированная и растерянная, а мне хотелось срочно отправится на поиски Тессы. Поэтому я выкрал ключ из твоей сумки, пока ты спала и открыл сейф. Ты же хотела открыть его только на следующий день. Вломиться к вам в дом кстати, совсем просто. Вам следует лучше обезопасить входные двери ... Хорошо, хорошо, буду придерживаться темы. – Тильманн поднял руки вверх, когда я посмотрела на него с предостережением, как будто хотел сдержать меня. - В сейфе находились только эти дурацкие визитная карта и карта Европы. Это меня совершенно озадачило ...

- И деньги. Деньги там тоже были. Много денег!

Тильманн махнул рукой.

- Они меня не интересовали. Я хотел получить информацию. Письма я не открывал, это слишком лично, но я боялся, что, когда ты увидишь, что в сейфе нет никакой стоящей информации, ты не станешь ничего предпринимать, а будешь только заботится о своём брате. Поэтому я взял фломастер и отметил южную Италию, по возможности так, чтобы это бросалось в глаза, потому что знал от тебя, что там живёт Тесса. Потому что я хотел поехать туда с тобой и Колином. Почти сразу после того, как сделал это, я понял, как дерьмово поступил, но с другой стороны ... это сработало.

- Чёрт возьми, хоть один из вас не пытался манипулировать мной? - заорала я, схватила тарелку от десерта и бросила её в стену, прямо рядом с головой Тильманна. Она сразу же разбилась. Жирные осколки посыпались на левое плечо Тильманна.

- Эли ... - Он отодвинулся ещё немного и смотрел на меня с раскаянием. - Я знаю, что это было неправильно, мне жаль. Ты не поверишь, как сильно я себя винил, когда тебя укусила блоха, а потом эта история с Анжело. Если бы мы не поехали в Италию, этого никогда бы не случилось. Это тоже была одна из причин, почему я начал принимать наркотики. Я почти больше не мог жить с этой виной. И поэтому не смог отказать в просьбе сопровождать тебя на плато Сила. Ты была права. Я был у тебя в долгу.

Я покачала головой и взяла бутылку воды Тильманна, прижимая её ко лбу. Мне срочно нужно охладиться, прежде чем я взорвусь. В тоже время, в тайне, я радовалась, что это не папа отметил южную Италию, даже если осознание этого всё ещё удовлетворительно не объясняло цель карты и других крестов.

- Несмотря на то, что мы скорее всего всё равно когда-нибудь поехали бы в Италию, ты поэтому сбросил меня с кровати, когда я забралась к тебе?

- Нет, просто то, что ты сделала, Эли, было дерьмом, не имеет значения, совершил ли я ранее ошибку или нет. Но это правда, что из-за карты я молчал, не хотел с тобой говорить ... Потому что у меня никогда не было сомнений, что мы сможем справится с Тессой. Но когда

внезапно появилась опасность, что мы все можем заболеть чумой, мне стало ясно, что я натворил. И всё же, тебе нельзя было залезать ко мне в кровать.

Только вчера я в первый раз смогла ясно вспомнить ту ночь, сразу после смерти Тессы. Из-за этого действия, по-моему, и начался кризис между Тильманном и мной, а уже несколько часов спустя я встретила Анжело. Тоже прекрасное, подходящее стечение обстоятельств для его плана, даже если оно получилось без его вмешательства.

- Это действительно было настолько ужасно? Я не хотела с тобой заигрывать, клянусь! Я только чувствовала себя совершенно одинокой ...

- Ага одинокой, - прервал меня Тильманн. - Одинокой? Подумай сама о том, что говоришь, Эли. Я как раз убил женщину, которую любил - кстати, дерьмовое чувство, можешь поверить - был уверен в том, что никогда больше не смогу подпустить к себе другую, и первое, что ты делаешь после карантина, это спишь с Колином. У тебя ещё был твой Мар, в то время, как я должен был убить своего, не только для себя, но и для вас! Это было несправедливо! – Пока он говорил, его голос стал громче. - Да ещё это чувство вины ...

- Ты сам его себе напридумывал. И да, хорошо, это было несправедливо. Всё же ты мог бы попытаться понять меня, - печально защищалась я. - Ты меня выслушаешь, если я тебе всё объясню или тебе всё равно?

Тильманн махнул рукой в мою сторону, выходя из своего укрытия мне навстречу. Хорошо, значит я могу говорить.

- Я никогда вам не говорила, потому что боялась, что тогда это станет правдой, но ... у меня были опухшие лимфатические узлы и температура. Я была почти уверенна в том, что у меня чума. Я умоляла Колина превратить меня, если заболею, но он отказался, потому что утверждал, что я стану самым ужасным Маром из всех, и это к сожалению правда. - Мне нужно было сделать паузу, прежде чем я смогу продолжить рассказывать. - Но тогда я ещё этого не знала. Потом, вскоре после этого, я должна была принять решение, получит ли Тесса последнюю инъекцию пенициллина или мне отложить её для себя. И я отдала её ей, потому что не могла по-другому. - Тильманн, когда поднял голову, распахнул глаза, и ужас сменил недовольство. Наконец-то в них снова появился коричневый цвет.

- Дерьмо, - прошептал он.

- Да, можно и так выразится. Когда я поняла, что выживу, я пошла к Колину, и правильно, мы переспали друг с другом, но мне пришлось, как всегда, связать его. Нет, это не смешно, Тильманн, совсем не смешно. Это ужасно. Его голод так быстро вернулся, что он оставил меня лежать, как докучливые отходы ... и я ... я ...

- И ты хотела, чтобы я продолжил его любовную игру? - закончил пренебрежительно Тильманн моё повествование.

- Нет. Я не хотела оставаться одна. И в тоже время ты был единственным, с кем бы я хотела находится рядом и с кем могла об этом поговорить.

- И всё же, так не пойдёт. Извини, Эли, но так нельзя. Я не обманул тебя, ты не мой тип женщины, но это ещё не значит, что я не нахожу тебя привлекательной ...

- Привлекательной, - перебила я его раздражённо. - Очень лестно. Может быть это большая сестра слова дерьмо? - В конце концов он однажды сказал, что милая, это маленькая сестра слова дерьмо, а слово привлекательная звучало так же пусто и скучно.

- Я могу договорить? Спасибо. Во всяком случае, я лежу в кровати, схожу с ума от тоски и вдруг рядом оказывается красивая женщина, заползающая ко мне под одеяло и которая мне очень, очень нравится, а с другой стороны я её ненавижу, потому что у неё есть то, чего у меня больше никогда не будет ...

- Но ты ведь ещё помнишь, что Тесса принесла нам одни несчастья? - снова перебила я его.

- Да, я знаю. Но такое случается очень часто, что любишь кого-то, кто приносит одни несчастья.

Не в бровь, а в глаз. Здесь больше нечего сказать.

- В будущем тебе не стоит сразу после секса с другим, забираться ко мне под одеяло и прижиматься, хорошо? Мы можем подвести на этом черту? - продолжил Тильманн. - Было достаточно того, что у меня встал в парильне.

- Блин ... не говори такое ... – Я, покраснев, опустила голову. Ему обязательно выражаться так открыто?

- Почему? Это тебя смущает? Думаю, нас обоих уже больше ничего не должно смущать, не так ли?

- Ты, по крайней мере, мог бы сказать эрекция.

- Хорошо, пусть будет эрекция. Если мы и дальше продолжим говорит об этом, она у меня появится.

Мой живот затрясся, непривычное, почти что незнакомое чувство - первая ступень к смеху. Всё же я посчитала уместным сменить тему разговора.

- Ты в настоящее время что-нибудь ещё принимаешь или бросил?

- Бросил, - объективно ответил Тильманн. - Я сейчас чист. Ломка тела уже закончилась. Было тяжело, но Пауль кое-что давал мне, когда становилось невмоготу. Всё прошло довольно быстро; два дня, потом самое худшее оказалось позади.

- Но самая главная проблема - это психическая зависимость, - возразила я. Тильманну нравилось принимать наркотики, потому что он хотел отвлечься от своей скорби к Тессе. Эта скорбь останется, и желание утешиться тоже. Мары навсегда нас отметили.

- Да. Но об этом я подумал заранее. Это ведь не так, что другие ничего не знали о моём плане. Они не догадываются лишь о том, что это я поставил крест на карте. Это может остаться между нами?

Я великодушно кивнула. Так будет действительно лучше всего, по крайней мере пока. Не то мама четвертует Тильманна, а Пауль затем сделает из его костей хирургические инструменты. Но в конечном счёте мне придётся рассказать им.

- Спасибо. Во всяком случае - Джианне больше всего хочется лично отвезти меня домой и увидеть, как мой папа запирает мне в подвале.

- Да, могу себе представить ... Они это терпели? - Если так, то они действительно сильно обо мне беспокоились.

- Только потому, что знали, зачем я это делаю и что так, возможно, мы сможем пробудить тебя. А также потому, что Колин обещал после избавить меня от зависимости.

Моё сердце болезненно забилось, когда прозвучало имя Колина, но в тоже время у меня появилась надежда.

- Он это может? Колин поможет тебе справиться с зависимостью? Он здесь? - Значит тёплая дрожь на коже мне всё-таки не приснилась. Я чувствовала её. Он здесь, даже если не из-за меня, а из-за Тильманна. Но он здесь.

- Он приходит каждую ночь, а потом ... да, хм. Ускоряет выздоровление от психической зависимости, пытаясь высосать из меня желание принимать эту фигню.

- Что именно он делает? Что для этого предпринимает?

- На самом деле ничего. - Тильманн вопросительно на меня посмотрел, как будто я знала об этом больше. - Или я просто ничего не замечаю. Он садится рядом с моей кроватью, и спустя какое-то время у меня появляется такое чувство, что он меня слушает, мои мысли и чувства, он внимательно прислушивается, так как не может сделать человек, а говорить мне вовсе не нужно, и в какой-то момент ... в какой-то момент я засыпаю, а как только просыпаюсь утром, становится чуть-чуть легче, а желания немного слабее.

- Ты можешь снова спать. - По крайней мере что-то хорошее, подумала я облегчённо.

- Да. Когда Колин рядом, тогда могу. Это приятный, глубокий сон. Я погружаюсь в него не один, понимаешь?

- Ты его совсем не боишься, да? - Задавая этот вопрос я подумала о Джианне, которая больше не могла компенсировать его близость и становилась всё более истеричной, когда он появлялся. Пауль тоже никогда не мог расслабится в присутствие Колина.

- Не. Колин совершенно необычный, прежде всего днём. Но когда он приходит ко мне ночью, мне нравится, что он рядом.

Я в очередной раз решила поменять тему разговора, чтобы опять не расплакаться. Один вопрос у меня ещё остался, потом я оставлю Тильманна в покое, потому что он выглядел обессиленным. Наша беседа отняла у него энергию, а она нужна ему для других вещей.

- Твой отец ... Кто рассказал ему? Моя мать?

- Конечно, кто же ещё? Мой отец не дурак. Он уже всё время чувствовал, что с тобой что-то не так, и я тоже. На самом деле с самого начала.

Хотела того или нет, я должна была смериться с тем, что созидательный разговор между друзьями выглядит по-другому, чем то, что сейчас происходило между нами. Тильманн посылал в разреженный воздух один снаряд за другим. Но я сама так пожелала.

- Приведи примеры, пожалуйста, - упрямо потребовала я.

- Ну, например, поведение паука. Он с самого начала вёл себя очень странно по отношению к тебе. Не только, когда пришла Тесса. Мне кажется, он реагировал на тебя, а не на неё. Не знаю. Чёрные вдовы не спрыгивают с потолка, они ползут. Это было совсем не типично. Потом листовидка. Они не едят сверчков, они вегетарианцы! Это листовидка мутировала в плотоядную в твоём присутствие, это сразу же сбило с толку моего отца, но, когда он попытался поговорить с тобой об этом, ты отключилась, будто тебя больше не было рядом ... Такие моменты происходили часто, так же между тобой и мной. В это время твоё сознание будто отключалось, переносилось в другой мир. Морфий объяснил нам, что ты - избранная, не так ли?

К вопросительному выражению лица Тильманна добавилось робкое уважение. Я не была уверенна в том, нравился ли мне эта черта, когда она относится ко мне. Лучше пусть будет неуважительным.

- Он ещё что-нибудь рассказывал?

- Почти ничего. Только то, что из-за этого Анжело было бы намного легче превратить тебя, чем это можно сделать с другими людьми. И что мы не должны тебя избегать, а быть снисходительными. Потому что это не плохое, а ценное качество, при условии, если принимаешь правильные решения и имеешь хорошие инстинкты. - Правильные решения ... С тех пор, как я ослепила Анжело, мои воспоминания возвращались по кусочкам, но они были очень хаотичными. Между тем я почти не знала, какие решения были правильными, а какие нет. Для этого мне понадобится ещё какое-то время. Всё-таки я не могла оставить это так, как сказал Тильманн.

- Не хочу извиняться и делать себя лучше, чем есть, но ... не думаю, что то, что происходило с животными и мои отключки - это из-за меня. Думаю, это влияние Анжело. Он появился в моей жизни не только с этого лета, а уже намного раньше.

- Раньше? - В комнате стало темно, но я увидела, как глаза Тильманна вспыхнули. - Почему раньше?

- Я ведь рассказывала тебе в Гамбурге о Грише, парне из моей школы, который мне так сильно ... нравился, который постоянно мне снился и о котором я всё время мечтала, день и ночь. Анжело проник в него, таким образом повлияв на меня, поэтому, когда мы встретились, я

сразу же подпала под его влияние. Анжело наблюдал за мной уже в течение многих лет. Не могу рассказать об этом что-то ещё, да и не хочу. Но это не отговорка, а правда.

Тильманн принял мою потребность дать лишь такое короткое объяснение не сопротивляясь. Пока что я ещё не могу описывать детали. Возможно не смогу никогда. Слишком много разных эмоций сталкивались друг с другом, когда я размышляла над этим. Сначала нужно найти вещи, о которых я снова смогу мечтать, потом может быть смогу принять эту правду, но я не знала, где мне их взять.

Темнота начинающейся ночи становилась всё плотнее, делая черты лица Тильманна мягкими и детскими. Ребёнком он больше никогда не будет. Он обильно зевнул, прежде чем положить голову на подушку и небрежно натянуть на живот одеяло. Скоро к нему придёт Колин, а я не хотела встречаться с ним. То, что он делал с Тильманном, не могло не оставить следов. Скорее всего его голод в эти дни и ночи были ещё сильнее, чем обычно. В тоже время его сила должна полностью принадлежать Тильманну, даже если, поставив крест на карте, он сделал непростительную ошибку.

Я встала на колени перед кроватью Тильманна и наблюдала, как его веки отяжелели и закрылись. Осторожно я провела рукой по его волосам, которые стали ломкими от ветра и солнца.

- Я хочу ещё кое-что тебе сказать, но прежде чем скажу, ты должен знать, что это не имеет ничего общего с сексом или с желанием иметь отношения, или с заменой любовника, или ещё с чем-то таким. Это только чувство, дружеское и отделённое от всего другого, но оно единственное, в чём я уверенна в этот момент. - Я сделала глубокий вздох, чтобы подготовится, но, когда начала, произнести слова было гораздо проще, чем я ожидала. - Я люблю тебя всем сердцем. Не забывай об этом. Я люблю тебя, Тильманн. И благодарю за всё, что ты для меня сделал.

Он не ответил на мои слова, конечно же не ответил, он ведь парень. А я в любом случае полагала, что он чувствует ко мне не тоже самое, что я к нему. Но ему и не нужно.

Успокаивало то, что я сказала ему об этом, чувствуя, что это правда. Она не была взращена ослеплением и наполненными мечтами заблуждениями, а возникла из того, что мы пережили вместе и врозь.

«Исцели его, Колин», подумала я, когда Тильманн задремал, а я услышала вдалеке, как приближается равномерный стук копыт Луиса.

«Пожалуйста вылечи его.»

Родилась, чтобы жить.

Я проснулась рано утром из-за того, что кто-то подчёркнуто тихо крался по дому и возился снаружи на террасе, потом снова, словно привидение, прошёл по коридору, взял что-то из кухни, проковылял назад на улицу - и при этом устроил больше шума, чем если бы вёл себя совершенно нормально. Нет, это была она. Джианна. Это могла быть только Джианна.

Она ни в коем случае не хотела разбудить меня и уже в первые секунды достигла противоположного. Но я её не осуждала, потому что спала крепче и более расслабленно, чем обычно, что скорее всего можно было объяснить так же тем, что мы поговорили с Тильманном. Я была далеко от того, чтобы почувствовать себя новорождённой и полностью расслабиться. Это состояние, которого я никогда больше не смогу достичь. Но опухлость с моих глаз заметно сошла, а давление на лоб, которое уже всегда появлялось, когда я плакала, ослабло.

Я долго потягивалась, а потом снова завернулась в моё тонкое одеяло, устроившись поудобнее. Снаружи завёлся Вольво. Ага. Джианна поехала в магазин. Видимо она справилась с шоком, охватившим её из-за того, что случилось, и снова взяла в свои руки домашний распорядок, к ужасу всех присутствующих. Надеюсь мама и она не разобьют друг другу головы.

С закрытыми глазами я попыталась вспомнить то, что случилось вчера ... разговор с Тильманном, а потом ... да, потом случилось ещё кое-что, несколько часов спустя. Не сон, а реальность, хотя в первый момент это показалось сном – правда нежелательным.

Я проснулась посреди ночи, не потому, что услышала звук или голоса, а потому, что моё тело решило, что теперь оно достаточно отдохнуло и ему срочно нужен свежий воздух. А именно воздух, самым прямым путём, а не в виде открытого окна за закрытыми ставнями. Мне захотелось выйти на улицу. Так как все уже легли спать, я встала, накинула на себя тонкую вязаную кофту и прошла к двери, ведущей на террасу; всего лишь несколько метров, но для меня своего рода кругосветное путешествие.

Я больше ничему не могла доверять там снаружи. Я отказывалась выходить, не только из-за того, что не хотела встречаться с другими, но и потому, что меня преследовал нелепый страх, что он покажется, если я покажу себя. В моей комнате я была в безопасности, но как только солнце озарит мою кожу, то он выползет из своего дома, слепой и изуродованный, каким был, выследит меня и вцепится в лодыжки, заставит меня сдаться и утянет за собой, чтобы я стала его глазами. С тех пор как всё случилось, мне снилось мало снов, но если снились, то это были именно такие. Или же сны, в которых я возвращалась к нему добровольно, как будто ничего не случилось. Сны, в которых я не обращала внимания на то, что он убил моего отца, и становилась рядом с ним возле пианино. В этих снах у него были глаза. Они снова выросли, и он был красив, как всегда.

Всё же это были кошмары. Потому что в какой-то момент в этих снах мне становилось ясно, что я делаю что-то неправильное, что-то опасное. Да, это было смертельно опасно. Во второй раз я не смогу его перехитрить. Теперь он был по отношению ко мне готов ко всему. Он догадается о любых моих мыслях, прежде чем они даже обретут смысл и прежде чем я смогу воплотить их в жизнь. Мои чувства тоже принадлежали ему. Теперь я должна навсегда остаться с ним.

- Всего лишь сны, Эли, - попыталась я подбодрить себя, в то время как нерешительно стояла перед закрытыми ставнями. - Ничего больше. - Я не могла себе представить, что после ослепления и огня ему удалось сползти с горного плато Сила сюда вниз. Возможно другие забрали его с собой, хотя я была убеждена в том, что сострадание не принадлежит к выдающимся чертам характера Маров. Скорее всего можно было допустить, что он забаррикадировался где-то в заброшенной деревне.

Я не хотела больше совершать убийство, но чувствовала бы себя намного спокойнее, если бы мы прикончили его. Но таким образом я подвергла бы нас постоянной опасности. До тех

пор, пока он существует и является живым напоминанием того, что с нами людьми нельзя шутить, мы находились в безопасности. Во всяком случае я убедила себя в этом.

Но что если мои сны содержали крошечную крупицу истины? Своего рода пророческое видение? Возможно он ещё слонялся где-то здесь? Нет, тогда мама и Пауль уже давно отвезли бы меня домой. Тем не менее мне казалось, будто я нахожусь в одном из этих отвратительных фильмов ужаса, в которых злодея невозможно убить, и он снова начинает размахивать топором. А я как раз хотела открыть холодными, влажными от пота руками замок деревянных ставень и внезапно почувствовала, что там снаружи кто-то есть. Там кто-то есть! Он только что прокрался на наш участок и терпеливо подкарауливал меня, хорошо зная, что в какой-то момент я покажусь, потому что ночь всё ещё манит меня на улицу. Наверное, это его присутствие разбудило меня, а не потребность в свежем воздухе, последнее он только заставил меня подумать, потому что видимо любит добровольность как ничто другое. Я чуть не попалась на его удочку. Я замерла, перестав дышать, рука на замке, полная страха, что малейшее движение выдаст меня. При том, что он точно знал, что я здесь ... Он отлично это знал.

Что теперь? Позвать на помощь? Побежать наверх к Тильманну или к Паулю с Джианной? В этом нет никакого смысла, он двигается быстрее, а если нет, то вовлечёт во всё их ...

Моё тело сопротивлялось вынужденному недостатку кислорода и хотело вдохнуть воздуха, не обращая внимание на тот ужасный факт, что я услышала, как приближаются шаги: шлёп, шлёп, шлёп, по лестнице вверх на террасу. Теперь я его так же увидела, выделяющаяся тень, разделённая на бесчисленное количество полос из-за деревянных реек перед моими глазами. Она становилась всё больше, шла прямо на меня, темнея и мощная. Громко вдохнув, я наполнила лёгкие воздухом, хотя пыталась предотвратить этот вздох, и учуяла запах пота. Запах пота? Да, это был терпкий мужской пот, смешанный с лосьоном для бритья. Анжело когда-нибудь так пах? Нет, не разу. Он вообще ничем не пах. Тем не менее этот запах казался мне знакомым, почти что родным ...

- Эй! Шшшт! - зашипело за рейками. – Просыпайся, Штурм! И двигай свой зад ко мне, засоня!

Я опустила руку и сразу снова подняла её, чтобы положить на лоб, где из-за тёплой дрожи облегчения выступил холодный пот и щипая, потёк мне в глаза. Это не Анжело. А также и не ослеплённый Анжело.

- Штурмик, привет! - снова прошипело за ставнями, прямо передо мной. Резкий запах мятной конфеты поднялся в нос. Если они слишком сильны, то ты слишком слаб - Fisherman’s Friends, предназначенные для мачо, силящимися стать героями. Весной мне приходилось выносить это сочетание запахов из пота, слишком щедро нанесённого лосьона для бритья и искусственной мяты каждый день с пяти часов вечера и в течение двух часов.

- Кто-нибудь дома? Я же тебя вижу! Не позволяй ждать долго своему доброму, старому Ларсу ...

Ларс, наконец объявил отбой мой мозг. Это Ларс. Только Ларс. Моторика снова стала активной, и я смогла дышать. Мне сложно было сказать, вычеркнула ли я его из памяти или забыла. Только теперь я вспомнила о его присутствие. Да, он был тут. Мой ненавистный каратэ тренер из Гамбурга, которого организовал мне весной Колин, чтобы подготовить к схватке (бесполезно, как я считала), чтобы ещё сильнее раздуть во мне гнев. Последнее прекрасно сработало, потому что Ларс был пролетарий-женоненавистник, какого нужно ещё поискать. И он преследовал меня. И видимо всё ещё продолжал преследовать.

Я торопливо открыла замок и вышла к нему на террасу, скрестив руки на животе. Мои колени дрожали. Я не могла подавить дрожь; как только я встала перед ним, стало ещё хуже, что совсем мне не понравилось. Знаки слабости Ларс всегда тут же использовал. Всё же я

прошла вперёд, вниз по лестнице на улицу и несколько метров дальше, так что можно было говорить свободно и не боятся, что разбудишь остальных.

- Блин, не пугай меня так!

- Извини, это было спонтанное действие. Завтра я уезжаю. Хотел с тобой встретиться уже всё это время, но твоя мама сказала, что ты ещё не готова, и мне нужно оставить тебя в покое ... - Сильная дрожь, которая охватила меня на миллисекунду и затрясла, заставила его замолчать. - Что случилось, Штурм?

- Я думала, что ... что ... никогда больше так не делай, Ларс, правда! Ты не можешь подкарауливать меня!

- Ты подумала, что это блондин-ублюдок? Штурм, что касается мужчин, у тебя плохой вкус, я должен был тебе об этом сказать. Что ты нашла в этом неудачнике? У него на груди даже нет волос.

- Их ... - Их у Маров как правило нет, хотела я ответить. Но знал ли Ларс вообще что-нибудь о них? - Послушай Ларс, тебе собственно ясно, что случилось там наверху на плато Сила? Что всё это значит?

- Оки доки, я знаю. - Оки доки. Вариант Ларса для слова конечно. Он считал его клёвым, я нет. - Он был из своего рода секты и хотел тебя похитить, верно? Полное промывание мозгов. Я видел что-то подобное по телевизору, там ведь существует эта ... э ... саентология или как она там называется, ах, не имеет значения, есть ещё и другие ... - Он прокашлялся и плюнул рядом со мной на пол.

Я сделала шаг в сторону и строго на него посмотрела.

- Из секты. Блин, он был не из секты.

- Что же, кому это теперь интересно, во всяком случае тип хотел заполучить тебя и использовать, и правда Штурм, я думал, у тебя вкус получше, если уже ты должна была бросить бедного Блеки. Этот тип не для тебя, но другой, тот, у которого немного длинноватая, коричневая копна ... - Он замахал волосатыми лапами рядом со своими ушами. - Тот, у которого коричневые волосы и голубые глаза. Он в порядке. Он бы тебе подошёл.

- Ларс, это мой брат.

- Да. Я знаю. Просто говорю ... он в порядке. Но прошу тебя, только не выбирай сочувствующего женским взглядам ... Они самые скверные. Прежде, чем бросаться на шею ещё к одному такому, возьми лучше хорошего, старого, Ларса. Поняла?

- Поняла, - ответила я слабо. – Значит ты ничего не просёк. И почему меня это не удивляет?

Ларс схватил меня за плечи и немного приподнял, так чтобы я смотрела в его находящиеся близко друг к другу глаза гориллы. Слишком большое количество геля, которым он намазал свои волосы, щекотало мне сладковатым запахом нос.

- Эй, может я и закончил лишь неполную среднюю школу и являюсь простым рабочим, но там наверху ... – Он пошевелил бровями, чтобы указать на свой низкий лоб. – Всё отлично работает. Такие хари есть везде и всегда будут, я знаю таких бездельников, у них у самих нет ничего, что можно было бы предложить, и они берут это у других, потому что сами совершенные пустышки и ветрозвоны. Почему собственно ты не позвонила мне, чтобы я должным образом отполировал этому Троубадиксу рожу, хм? Ну, по крайней мере теперь я видел тебя один раз голой. Классная задница. У меня был самый лучший вид. – Ларс грязно рассмеялся и поставил меня назад на землю, чтобы засунуть один из своих толстых пальцев мне в волосы. – Но расчесаться тебе бы не помешало, Штурмик. Ты выглядишь, как Стёпка-Растрёпка.

- Спасибо за разговор, - сказала я с достоинством. – Теперь я зайду в дом и снова лягу спать. – Если действительно смогу, после этой абсурдной, ночной встречи.

- Не, не, девочка, никаких спать. Ты же только что наложила в штаны, не так ли? Когда услышала меня?

Я потёрла плечи, на которых всё ещё чувствовала крепкую хватку Ларса.

- Возможно.

- Тогда пошли со мной. Я тебе кое-что покажу. Ну давай же ... Хотел уже всё это время показать, но твоя мамочка не позволила.

Он оторвался от стены, к которой прислонился во время нашего разговора и пошёл быстрым шагом вперёд, в сторону подземного перехода. Но туда я не хотела идти. Там дорога вила наверх к улице, к бензоколонке и ... к Анжело.

- Идём! – настойчиво призывал Ларс. – Давай, шевелись! И никаких отговорок! Я же тебе говорил, что отговорки у Ларса не считаются.

- Я не могу.

- «Я не могу» лежит на кладбище, а «я не хочу» лежит рядом. - Ларс вернулся и взял меня за руку. - Так всегда говорил мой старик. И мои ученики слышат это ежедневно. Ты идёшь со мной.

Я не хотела в этот поздний час устраивать переполох. Хотя все остальные окна, кроме моего, выходили на задний двор; мама и господин Шютц по любому ночевали в ближайшем отеле (надеюсь в разных номерах). Но если Ларс и я продолжим спорить, то проснуться Джианна и Пауль, а я уже и так доставила им достаточно неприятностей. Так что вздохнув, я позволила Ларсу поволочь себя за собой. Идти было непривычно; больше, чем расстояние до туалета, а вчера вечером наверх к Тильманну, я в прошедшие восемь дней не преодолевала. Но мои мышцы довольно быстро вспомнили то, что умели делать, и шаги становились всё более плавными и энергичными, чем ближе мы подходили к бензоколонке. Возможно моё тело просто готовилось к бегству. Потому что Ларс действительно повернул к дому Анжело.

Он направлялся к нему! Я закрыла глаза, чисто-защитный рефлекс. Если я не смогу увидеть его, то он не сможет увидеть меня, уже будучи ребёнком я пыталась таким образом преодолеть сложные ситуации – хотя он ведь всё равно уже больше не мог видеть. Но в темноте и держа за руку Ларса, которую сжимала, как маленькая девочка, позволяя вести себя дальше, я чувствовала себя в безопасности. Уже спустя несколько шагов он снова остановился.

- Открой глаза, Штурм. Хе! Открой глаза, я сказал!

Я неохотно повиновалась. Понадобилось два или три поверхностного вздоха, пока я убедилась в том, что не сплю и что это не сон. Да, я не спала. И это не галлюцинация, так как запах пепла был слишком сильным, а остатки пожарища слишком горячими. Дом Анжело сгорел дотла. От усадьбы ничего не осталось, кроме кучи обугленного мусора. Сад тоже пострадал; деревья должно быть погибли в пожарище, бассейн был ещё только чёрной, смердящей жижей, железные ворота из-за убийственного жара искривились. Не пело больше ни одного сверчка. Ни один мотылёк не умрёт здесь больше от пламени свечи. Если пойдёт дождь, ничто не шелохнётся. Ни крошечные лягушки, прыгающие по источающей пар земле и тонущие в воде бассейна. Ни ежи на ночной охоте. Всё закончилось.

- Ну? Ты мной гордишься? - Ларс ухмылялся, требуя одобрения, и развёл руки в стороны.

- Я ... Это был ты?

- Кто же ещё? Это было офигительно, я уже боялся, что заправка взорвётся ... - Ларс постучал себе гордо по груди, так что зазвенела его золотая цепочка. - Пусть эта мразь только попробует появиться рядом. А если появиться, дай мне знать, я знаю парочку русских, которые любят ломать чужие кости, если им хорошо за это заплатить.

- О Боже ... ты действительно ничего не понял ..., - простонала я.

- Я понял, понял, только стараюсь об этом забыть. Всё-таки русские хороши. Деликатны и надёжны. Это их девиз ...

- Мне не нужны русские, - задушила я его кровожадность в корне. - И я хочу уйти отсюда, я - я боюсь. У меня такое чувство, что он ещё здесь.

- Его здесь нет. Мужеподобная баба сказала, что он больше не осмелится приблизиться к вам. Но я подумал, лучше перестраховаться. - Мужеподобная баба. Вероятно, он имел в виду Морфия.

- Почему ты вообще приехал сюда? Кто тебе обо всём рассказал? - спросила я, потому что любопытство на одно мгновение затмило мой страх.

- Твоя мама. Я думаю, она предположила, что таким образом сможет вышвырнуть меня из дома. Что я подумаю, она сумасшедшая и всё такое. Что ж, вы все немного сумасшедшие, ничего нового в этом нет. Но таким способом я смог снова встретиться с тобой и ...

- И?

- Ну и помочь. Что ещё по-твоему? - он посмотрел на меня, качая головой.

- Хм, - сказала я сдержанно. - Собственно я думала, что я для тебя своего рода беспозвоночное существо без мозгов, которое нужно беспрерывно унижать и мучить.

Ларс расхохотался и сильно ударил меня по спине, так что я закашляла и чуть не подавилась.

- Блеки хотел, чтобы я заставил тебя пускать пену от злости. А это можно легче всего добиться с бабами, если считаешь их дурами. Он обхватил мои плечи и притянул к своей волосатой груди, почти не скрытой под Ед-Харди майкой. Ты же моя Штурмик, не так ли? И говоря между нами: у твоего Блеки тоже не все дома.

- Да, дом почти пустой, - ответила я обессиленно. Я не сопротивлялась против внезапных посягательств Ларса, это мало что даст, потому что это были не объятья, а зажатие в тиски. Сдавшись, я отметила, что его неожиданное выражение симпатии грозило снова открыть мои шлюзы. Ещё одно доброе слово или замечание о Колине и его различных отклонениях, и я начну реветь.

- Пинан Сандан! - выкрикнул Ларс приказным тоном, пытливо посмотрев на меня сверху и увидев дрожащие губы. - Здесь не положено реветь.

- Что?

- Пинан Сандан! Ты ещё помнишь её! Внизу на пляже ...

Пинан Сандан. Это та ката, которую он оттачивал со мной. Нет, я больше не могла её выполнить. Она погребена в памяти, и я не смола бы описать ни одного движения, не говоря уже о том, чтобы выполнить их.

- Лучше сейчас не надо. Я плохо себя чувствую. Кроме того, здесь очень темно, я уже вечность не тренировалась, почти ничего не ела и ...

- Никаких отговорок, Штурм, отговорки я не принимаю, ты это знаешь. Давай, садись на закорки! - Он указал на свою спину. - Ну же, запрыгивай! Я понесу тебя.

Ах, почему собственно нет, сдавшись подумала я. Он ведь всё равно не отстанет, пока я не окажусь на земле, мучаясь от судорог. Однако я не ожидала, что пробудится его инфантильная сторона из-за того, что он несёт сквозь ночь девчонку на спине. Сначала он пустился в бег, потом вскачь, как лошадь, вставляя прыжки, и неожиданно выворачивая круги или меняя направление, так что я, визжа, вцепилась в его выбритую, бычью шею.

На пляже он сбросил меня, как мешок цемента.

- Блин, да хоть посмейся немного, Штурм!

- Я не могу ...

- А ну-ка смейся, я сказал! - заорал он. - Ты должна смеяться, а не только скулить и жаловаться, и срать в штаны, это твоя жизнь, так что вставай и смейся! Сейчас же!

- Чёрт, мой отец мёртв! - Я кричала так громко, что меня от этого чуть не затошнило. - Мой отец мёртв, ты этого не понимаешь? Не над чем больше смеяться, мой отец мёртв, он мёртв,

мёртв, мёртв, мёртв! - Мой голос промчался вдоль моря и снова назад, заставив завибрировать моё сердце и затрепетать нервы. - Он мёртв! - Я застучала кулаками по песку, так что кожа на руках разорвалась. - Он мёртв.

Ларс не мешал, только молча смотрел, как я бушевала, ревела и ругалась, потом сел рядом на песок и взял за руки.

- Всё хорошо. Ведь всё хорошо, - бормотал он. Когда я, всхлипывая, упала на него, он погладил меня по голове. – Такой я тебя знаю. Это моя Штурм. Негодующая и яростная. Это уже намного лучше, чем скулить. Вставай. Давай уже, моя дорогая. Вставай. – Ларс взял меня под мышки, встал, поднимая меня одним рывком на ноги. Я плакала без слёз, повесив голову и со свисающими вниз руками.

- Пинан Сандан. – Теперь это уже был не приказ, а совет. Тожественная серьёзность лежала в этих двух словах. Я прекратила всхлипывать, выпрямилась и расправила спину, как тогда, в убогом спортивном зале, в котором Ларс день и ночь закабалял меня – и как на Тришене, когда Колин доводил меня до моих пределов, и мы всё равно любили друг друга.

Оказывается, я всё ещё помнила. Каждое движение, каждый поворот, каждое дыхание. Это открылось мне в тот момент, когда я решила попытаться выполнить её. Мне даже не нужно было переспрашивать или останавливаться и думать, что следует потом. Поглощённые и в сосредоточенном молчание, Ларс и я выполняли наши боевые движения, словно тени, прерываемые лишь боевыми криками, его, словно лай, мой хриплый, но сильный, пока синхронно не остановились. Холодный прибой омывал наши лодыжки.

- Можешь же. А теперь марш в постель. Приезжай меня навестить в Гамбурге, тогда мы немного потренируемся, хорошо? И передавай от меня привет Блеки. Спокойной ночи, Штурмик. Мне очень жаль, что так получилось с твоим отцом.

Он поцеловал меня колючим поцелуем в щёку, ещё раз грубо ударил по плечу и зашагал по песку прочь, косолапя и насвистывая. После того, как я - смеясь, а не плача - прошла назад в дом, смертельно уставшая, свалилась в кровать и сразу же заснула.

Ах, Ларс, думала я теперь, когда вспоминала нашу ночную тренировку. Ты дорогой, придурковатый горилла. Он был не таким глупым, как я сначала думала. Хотя я и сомневалась в том, что он хотя бы чуточку понял что-нибудь из того, что случилось на плато Сила, но представлять себе, как он поджигает дом Анжело, было трогательным зрелищем. А если бы его застукали, то он сел бы в тюрьму, не сожалея даже одного момента о том, что сделал для меня.

Хорошо, что он вопреки маминому совету, всё-таки пришёл ко мне. И хорошо, что я выполнила кату вместе с ним. В какой-то момент я начну снова тренироваться. Когда-нибудь ...

Я ещё немного подремала, потом снова приблизилось тарахтение Вольво, он остановился возле нашей подъездной дороги и его багажник осторожно открыли и закрыли.

- Merda (итал. дерьмо), - услышала я, как зашептала Джианна, когда вскоре после этого, шуршащий пакет зацепился за ручку моей двери. Ей понадобились минуты, чтобы освободить его. Даже пациент в коме проснулся бы от такого шума.

Она протопала на кухню, где начала рыться в ящике, потом снова протопала ко мне, приглушённо прокашлялась. Одним глазом я наблюдала за тем, как ручка опустилась вниз и дверь медленно открылась.

- Happy birthday to you[3] ..., - напевая, Джианна вошла, на её вытянутой руке крошечное, шоколадное пирожное с розовой в белую полоску свечкой посередине. - Tanti auguri a te[4] ... Happy birthday, дорогая Эли, happy birthday to you!

- Нет. - Моё сердце начало спотыкаться.

[3] С днём рожденья тебя на английском языке.

[4] С днём рожденья тебя на итальянском языке.

- Да! - Джианна воодушевлённо протанцевала ко мне. - Поздравляю, Элиза. Теперь тебе девятнадцать. И солнышко светит! День рождение с гарантией на хорошую погоду, такое бывает только в южной Италии! Новый, жаркий день начинается ...

- Не может быть.

- У тебя день рождение двадцать второго сентября, не так ли? А он сегодня. - Джианна поставила пирожное на мою прикроватную тумбочку и села ко мне в ноги. - Да, время прошло ... Остальные решили, что мы не будем напоминать тебе о твоём дне рождении и справим его, как только тебе станет лучше, но я итальянка! Я так не могу. Я, по крайней мере, должна поздравить!

- Для чего? - безысходно спросила я. - Поздравлять-то не с чем.

Был уже сентябрь ... Я опасалась чего-то подобного, но теперь, когда узнала об этом точно, не могла справится. У меня не было праздничного настроения. Даже уже в прошлом году не было. Незадолго до дня рождения сбежал Колин, так что я в этот день спряталась в свой комнате и игнорировала телефон. Я даже не открыла электронные сообщения - лишь на следующий день, с необоснованной надеждой, что там может быть одно от Колина. Сегодня его тоже не будет рядом.

- Это не только твой девятнадцатый день рождения, Элиза. Ты неделю назад родилась во второй раз. Ты ведь знаешь песню ... рождён, чтобы жить, для одного мгновения, при котором каждый из нас почувствует, как драгоценна жизнь ..., - с любовью спела Джианна. - И я считаю, что пришло время реализовать эту мысль в твоей внешности. Вот, с помощью этого должно всё получиться. Она вытащила яркий, узорный мешок из-за своей спины и высыпала содержимое на моё одеяло. Щётки и расчёски разных размеров и частоты полетели на мои колени, к ним присоединился кондиционер, спрей, для распутывания, мусс для волос, бальзам для кончиков - Джианна должно быть ограбила парикмахерскую. - Или нам обрезать их? - угрожающе добавила она, когда я ничего не ответила, а только апатично разглядывала бутылочки и тюбики.

- Ни в коем случае!

- Тогда прыгай под душ, и мы снова сделаем из тебя человека. Время пришло.

- Но другие ..., неодобрительно возразила я. Для меня уже даже присутствие Джианны было слишком. Ещё больше зрителей я не вынесу.

- Мы одни. Пауль встал с утра пораньше, чтобы отвезти Манфреда в аэропорт, а потом поехать с Мией к Капо Ватикано.

- Господин Щютц уже уехал? - расстроенно воскликнула я. - Я ведь ещё хотела попрощаться с ним ... И почему они поехали к Капо Ватикано, как только мама могла сделать такое?

- Потому что хочет попрощаться. Я знаю, всё это грустно и причиняет ужасную боль, но каким-то образом жизнь должна продолжаться, и она продолжается. Мы не смогли отговорить её, она обязательно хотела поехать. А теперь марш в ванную, прежде чем снова отключат воду.

- Ты уверенна, что хочешь этого? Расчёсывать меня? Я имею в виду ... - Я не знала, какие выбрать слова, но смущённое выражение на лице Джианны сразу же показало, что она поняла, на что я намекаю - а именно на её навязчиво-десантированное поведение по отношению ко мне в прошедшие недели.

- Это в прошлом, - извиняясь пробормотала она. - Это закончилось в тот момент, когда ты сунула ему в глаза факелы, хотя мне от отвращения чуть не стало плохо ... Но после того, как это случилось, ты стала снова нашей Эли.

- К которой вы раньше постоянно придирались, - добавила я с тихим укором, хотя уж точно не хотела спорить.

- Да, наверное, придирались, и это было большой ошибкой. Но мы придирались не потому, что ты нам не нравилась такой, а потому, что думали, что тебе могло бы быть легче, если бы ты вела себя по-другому, - обосновала Джианна; аргументация, которую я слышала не в первый раз.

- Для меня не существует лёгкого пути, - ответила я резко. - Ещё никогда не существовало. И я устала от того, что все мне постоянно твердят, чтобы я расслабилась и успокоилась, и не смотрела на всё так педантично ... как это, например, постоянно делает Тильманн ...

- Мужчины! - Джианна уверенно отмахнулась. - Они считают женщину капризной уже тогда, когда та не может решить утром, одеть ли ей синие джинсы или чёрные. Не бери в голову. Мужчины любят, чтобы всё было просто. В эмоциональном смысле - они пещерные люди. Как бы ударить женщину дубиной, чтобы та потеряла сознание, затянуть её в кусты, совокупиться. И горе ей, если она после этого захочет поговорить.

В эмоциональном смысле пещерные люди. Я захихикала от преувеличений Джианны, но в то же время её формулировка заставила моё сердце сжаться. Морфий жил в пещере и Колин тоже. Где он вообще сейчас?

- Ну давай соберись, Эли, - подбодрила меня Джианна. - Иди прими душ, а я между тем сделаю нам крепкого кофе!

Я, вздыхая, сдалась, проскользнула в ванную и мылась, смотря на стену. На саму себя я всё ещё не хотела смотреть, а, чтобы помыть голову, использовала большую мочалку. Я намылила её и провела по локонам, потом позволила воде так долго течь на голову, пока не были смыты последние остатки мыла.

Повернувшись спиной к зеркальному шкафу, я ждала Джианну. К сожалению зеркальный шкаф был во весь рост. От него можно было укрыться лишь тогда, когда становилось темно. Вот почему я предпочитала ходить в ванную ночью и во время сиесты, при закрытых ставнях. К счастью она поторопилась, так как чем дольше я здесь сидела, и вода из моих волос капала на пол, тем сильнее ощущала свою голую кожу, и начала из-за этого нервничать. Но Джианна, когда увидела моё мучение, неодобрительно защёлкала языком.

- Так ничего не получиться, Элиза. Тебе нужно повернуться, чтобы я могла видеть тебя в зеркале. - Она вытащила деревянный гребень с широкими зубьями и побрызгала его кондиционером.

- Но я не хочу смотреть на себя.

- Ага. Va bene (итал. ладно). Значит ты никогда больше не захочешь посмотреть? Тогда самым лучшим было бы действительно просто их обрезать, это можно сделать довольно быстро, возьмём электробритву Пауля, она ...

- Джианна, я не могу! Я боюсь того, что увижу!

- Бояться нечего. Кроме того, это уже всё время было здесь, посмотришь ты теперь или нет. – Она решительно взяла меня за плечи и поворачивала на маленьком табурете, пока моя фигура не появилась в зеркале. Я сразу же закрыла глаза.

- Эли, - предупреждая сказала Джианна.

- Я сейчас посмотрю, просто дай мне время! Я не смотрела на себя уже несколько недель. - Я не хотела начинать с лица, решила начать с тела, которое казалось мне менее чужим. Неохотно я развязала пояс купального халата и позволила мягкой махровой ткани соскользнуть с плеч.

- О, святые ..., - пробормотала я смущённо.

- Да, там уже давно не помешала бы интимная стрижка, - метко подметила Джианна. - Хотя я считаю это не так уж ужасно. Правда. Ты ведь не ребёнок, и пусть это будет видно.

- И все это видели ... вот дерьмо ... - Я снова обмотала купальный халат вокруг бёдер.

Джианна напрасно пыталась сдержать улыбку, хотя на её лице так же появилось сострадание.

- Неверно. Наоборот, так, по крайней мере, они увидели не всё. Твой сундучок с сокровищем был красиво упакован.

Красиво упакован. Ну, это по-видимому дело вкуса. Когда я начала пренебрегать своей внешностью? С середины июля? Тогда не удивительно, что я выглядела, как неандерталец. С подозрением я пощупала под мышками и ноги, но не обнаружила дальнейших птичьих гнёзд. Объяснить такое было невозможно, да это в общем-то и не важно. Смущение из-за волос на теле было ничем, по сравнению с робостью посмотреть на собственное лицо.

Я медленно подняла взгляд. В первый момент я увидела только волосы и глаза. Раскосые, светлые глаза, с тёмно-синим кольцом, окружающим радужную оболочку; вокруг зрачка она была зеленоватой, потом серо-голубой с крошечными жёлтыми крапинками. Они так сильно и ярко сияли мне навстречу, что пришлось отвернуться на несколько секунд, чтобы снова поднять взгляд и обратить внимание на волосы. Я не знала, как Джианне удастся распутать их. В них образовались узлы, и они свалялись. Между ними скручивались отливающие золотом пряди, обесцвеченные солнцем, которые переплелись друг с другом. Никакого больше пробора, лишь только кудри и волны - у меня голова змеи. Меня бы не удивило, если бы в них всё ещё жили детёныши гадюки, хотя я хорошо помнила, как высадила их в саду, рядом с больницей, в которую нас отвёз Пауль. Мы все получили лёгкое отравление дымом и волдыри от ожогов, о которых срочно нужно было позаботиться. Только Джианне удалось выйти из всего этого без единого ранения или шрама. Зато она была той, кого на обратном пути три раза вырвало в кусты.

- Они уже всегда были такими? - спросила я, указывая на мои глаза.

- В общем-то да. Только с тех пор, как я тебя знаю, ты ещё не была настолько сильно загорелой ... Поэтому они сияют на твоём лице ярче, чем обычно. Обман зрения.

- И это всё? - Я не могла поверить. Да, моя кожа стала тёмной, и несмотря на то, что в прошедшие дни я вела существование отшельника, она такой и осталась. Красивый, нежно-бронзовый цвет, прерываемый лишь отпечатком моего бикини. Тем не менее мои глаза ещё никогда не сияли так интенсивно. Однако, я так же ещё никогда так долго не смотрела на себя в зеркало. Я как раз заново открывала себя, и это было менее пугающе, чем я думала, не считая дикой поросли между бёдер и хаоса в волосах. Скоро я смогу начать карьеру певицы в стиле регги. Или же жрицы вуду?

- Я тебе уже однажды говорила, что ты можешь посмотреть на кого-то, словно безумная Эли. Но я никогда не думала, что ты действительно безумная.

- Ты уверенна? Я не верю тебе, Джианна. Ты думала об этом в последние недели, не так ли? От меня ... от меня воняло? - Внезапно это стало моим самым большим опасением. Что от меня воняло. Я ненавидела, когда от людей воняет.

- Ах откуда ... - Джианна весело фыркнула. - Ты вообще почти больше не вылезала из воды. - Её смех пропал, когда она вспомнила. - Ты часто часами находилась в море, далеко от берега, а потом исчезла твоя голова и мы думали, что ты утонула ... пока она внезапно вновь не появилась. Я так боялась.

- За меня или меня?

- И то и другое. - Джинна вязла одну прядь, опрыскала её и начала обрабатывать расчёской. - Чаще всего за тебя, но и тебя тоже, потому что ... Ты была так далеко. Я пыталась поговорить с тобой, но ты не слушала. Я не могла до тебя достучаться, твои глаза находились где-то в другом месте, как будто они видят вещи, которые мы не могли увидеть или понять. Это было жутко.

- Я была жуткой, - поправила я, стиснув зубы, потому что её попытки расчесать, выдёргивали из кожи волосы.

- Нет, ты была ... - Джианна размышляла, в то время, как сосредоточенно развязывала один из узлов в моих волосах. - Ты напомнила мне древние легенды, истории о каких-нибудь полубогинях или мифических существах. Ты была красива, очень красива, но внушала страх. Ты вышла из моря, как царица Савская ...

- Не знаю такой.

- Элиза, это невозможно описать, не имеет значения, знаешь ты царицу Савскую или нет. Во всяком случае я никогда этого не забуду. Ты была зрелищем, которое запечатлели бы художник или скульптор. Мифическая женщина из древних книг, которая внезапно ожила. А когда ты взобралась на гору, голая, с скорпионом на шее и змеями в волосах - это нужно было заснять на камеру. Правда. Заснять, смонтировать и отослать в Голливуд, добавить туда ещё героя. Не Анжело. Настоящего героя.

- У нас был герой. Даже два, - напомнила я. Я, как уже часто, вспомнила то мгновение, когда Колин и Тильманн бросили мне факелы, и я внезапно поняла, что нужно делать.

- Нет. Героиней была ты. Баста. - Две пряди Джианна уже смогла распутать. С мрачной решительностью она принялась за следующую.

- Какой же дерьмовой героиней я должно быть была, если раньше все её так боялись ... Вы даже покинули дом, потому что больше не могли выносить меня. Вы просто исчезли!

- Мы поехали в Рим, моя дорогая, и искали там тебя, потому что Тильманн проследил звонки на своём мобильном до римской телефонной линии ... К сожалению, было постоянно занято. - Джианна наградила меня материнским взглядом, который ей совсем не плохо шёл.

- Итальянские аэропорта, - объяснила я.

- Так мы и подумали. В конце концов мы выяснили, что ты вылетела на одном из самолётов на Санторин, и стояли на эскалаторе, чтобы полететь за тобой вслед. А тут Тильманн звонит Паулю на сотовый и говорит, что ты уже вернулась, и нам срочно нужно приехать. Он так же вызвал доктора Занд, с которым мы ранее фактически беспрерывно говорили по телефону, потому что спрашивали его совета по поводу тебя. Подожди, мне нужно присесть, у меня болит поясница.

Джинна опустила крышку унитаза и села.

- Кроме того Тильманн рассказал Колину, а он в свою очередь привёз Морфия. И каким-то образом всё получилось.

Доктор Занд ... Точно, он хотел поговорить со мной по телефону, незадолго до того, как они показали мне фильм. Но были помехи. Может из-за меня? Возможно к тому времени на меня перешло уже так много, что я могла сама вызывать помехи в технике? Или мне просто захотелось услышать эти помехи?

Я сама схватила расчёску, чтобы Джинна могла сделать небольшой перерыв, а я отвлечься от этой нехорошей мысли, и попытала моё счастье на особенно свалявшейся пряди, но в конце концов взяла ножницы и отрезала конец. У меня поистине, было достаточно волос, этого даже никто не заметит.

- Джианна ... я говорю это не потому, что хочу тебя в чём-то упрекнуть, я лишь пытаюсь восстановить прошедшие недели и понять, что случилось и почему. Вы и до этого уезжали, не так ли? У меня было такое чувство, что дом пуст.

- Ну да, хорошо, я признаю это ... - Джианна откинулась назад и закрыла глаза. - Я больше не хотела спать в этом доме, но не только из-за тебя, но также из-за Колина. Мне было рядом с вами постоянно плохо, я чувствовала себя несчастной, постоянное недомогание, я даже не могу это объяснить. Что-то гнало меня от вас прочь. Я умоляла Пауля, увести меня, и в конце концов он нашёл нам отель. Но в течение дня кто-то всегда был рядом с тобой. Мы сменяли

друг друга. Ты только больше не видела нас. Так как когда не плавала в море, пряталась в своей комнате или наверху на балконе. И всё же, я тоже была здесь, каждое утро пополняла холодильник и убирала хаос на кухне.

- Что за хаос? - обеспокоенно спросила я. Я ведь ничего больше не ела и не готовила. Поэтому меня ещё больше удивляло то, что я не казалось истощённой. Я была немного худой, но не выглядела болезненно-истощённой. Попа и грудь остались круглыми.

- Хаос, который ты устраивала по ночам, когда жрала всё подряд во время своих лунатических приступов. - Джианна застонав, встала и снова принялась за мою голову.

- Я не спала.

- Да, не спала. Ты ходила во сне, и я с тех пор на сто процентов уверенна в том, что лунатики не спят. Они только ... в другой сфере. Это хорошо, что у тебя были эти приступы, в противном случае ты умерла бы с голоду. Просто меня раздражало то, что ты никогда ничего не убирала на место, и по утрам на кухне ползали насекомые. Термиты, мокрицы, тараканы ... весь многоножковый арсенал мерзостей. Фу.

- Да, и именно что-то подобное, настоящие героини не делают, - безрадостно ответила я. - Героини вовсе не попадаются на такой обман. Всё ещё намного плачевнее, чем ты думаешь, Джианна.

- Ещё плачевнее? - Её рука замерла в воздухе. - Не реви, Элиза, нет! Тебе только что удалось остановиться! - Но было уже поздно. Слёзы, большие и солёные, катились по щекам, и как всегда мои глаза стали при этом зеленоватыми.

- Это было прекрасно! – всхлипывая, воскликнула я. - Я считала это прекрасным. Я была счастлива. Всё было таким красивым ... эта страна, море, солнце ...

- Но она и так прекрасна! - с энтузиазмом перебила меня Джианна. - Это красивая страна и такой она останется, даже для тебя. Вот увидишь.

Я упрямо замотала головой.

- Я больше никогда не смогу смотреть на неё и воспринимать так, как во время этих недель. И Анжело не говорил глупостей или подлизывался. Он никогда не приставал ко мне, ни разу! Все высказанные им аргументы и истории - у меня не было причин не верить в них. Между ними были разумные предложения, много разумных предложений, и иногда он говорил вещи, о которых я никогда не осмеливалась размышлять, но всегда чувствовала их и мне хотелось, чтобы кто-то чувствовал точно так же, как я ...

- Потому что он был чертовски хорош в манипуляции, Элиза! Умелые манипуляторы - это риторические гении. Они говорят то, что лежит у тебя на душе, всё тщательно продумывают. Изо рта кого-то другого эти мысли прозвучали бы даже безобидно. Это их намерение отравляют всё, так как они идут не от сердца, а проистекают из плана. Всё рассчитано, от начала до конца. Это-то и есть самое скверное ... Они устраивают всё так, что получается паутина, в которую ты автоматически попадаешь.

Теперь Джианна снова перешла на свой учебный жаргон, и в этот раз я была ему рада. Так как по-другому это просто невозможно было выдержать. Мне нужна была дистанция точно так же, как и ей.

- Но я должна была понять! Я должна была понять, что всё спланировано ... – Шмыгнув носом, я вытащила салфетку из коробки и высморкалась, так что моя вена на лбу опасно набухла.

- Ты не могла понять, потому что это случилось в первый раз. В первый раз у них всегда самые лучшие шансы. Изощрённого манипулятора ты сможешь распознать лишь тогда, когда тобой уже один раз манипулировали, - читала лекцию Джианна. - Эй, меня два года дурачили, два года! А тип был уродлив, как мокрая крыса. Он даже не был красив. Анжело, однако, был

очень красив. Всегда легче попасться на удочку красивого человека, а не уродливого, а моему бывшему всё же удалось поймать меня.

- Это жалко, не так ли?

- Я не знаю. - Джианна наморщила нос. - Как по-твоему, что более жалко: то, что тобой манипулировали, потому что ты верила в хорошее, или то, что ты манипулировал другими, потому что на самом деле ты несчастная свинья? Я ведь и сама почти поверила Анжело.

- Он разговаривал с вами?

Я больше не видела Джианну, потому что исчезла в тумане распрямляющего спрея. Но по тому, как она тянула меня за волосы, я поняла, что она, расчёсывая, энергично кивает.

- О да, ещё как. И пустил в ход всё своё очарование. Нам стоит дать тебе немного свободы, он позаботится о тебе, он не желает тебе ничего плохого, и да, он обещает, попросить тебя вернуться с нами домой ... Я была готова поверить в то, что у нас паранойя и пригласить его на ужин, чтобы загладить вину. Только когда он ушёл, и я поговорила об этом с Паулем, я осознала, что меня одурачили. И хочешь я тебе кое-что расскажу? - Она открыла маленькое окно, чтобы мы не опьянели от густого тумана спрея, который уже неприятно щекотал мне горло. Я выпила глоток кофе, чтобы запить его. Джианна заговорщически выглядывала из отступающей дымки.

- Но не говори Паулю, хорошо? Когда я в первый раз увидела Анжело, как он сидел там за пианино, я тоже коротко подумала о том, что было бы очень мило, дать ему несколько уроков в постели.

- Я думаю, ему не нужны никакие уроки, - вернула я её на землю. И это факт. Я вовсе не хотела знать, скольким молоденьким девушкам Анжело уже строил глазки.

- Ошибаешься. Как раз-таки ему и нужны уроки. Он понятия не имеет о любви ... - Джианна театрально вздохнула. - Знаешь, что меня в конце концов насторожило? Его игра на пианино, то, как он музицировал. В ней не было ничего особенного или оригинального, вообще ничего от него самого. Он хорошо играл и пел, и это не оставило меня холодной, но его игру можно было спутать с бесчисленным количеством других музыкантов, которую он скопировал у них по маленьким кусочкам. Она не исходила от него самого.

Что же. Чтобы определить это, я видимо была недостаточно музыкальной - или же не хотела этого слышать. Джианна приложила указательный палец к кончику своего носа. Я заметила, что её ногти были обгрызены. Я в течение многих недель заставляла её нервничать, так сильно, что она в моём присутствие больше не могла спать. А теперь она сидела рядом и чесала мне волосы. Возможно ли, что мы ещё подруги? Были ли мы ими всё это время, а я просто не заметила? Но каким-то образом казалось, что ей нравиться анализировать ситуацию со мной. Только что она снова ухватилась за новую мысль, свободная журналистка в своей лучшей форме.

- Одно я всё-таки не совсем понимаю ... - Она посмотрела на меня в зеркале. Когда она постучала себе по носу, её брови сошлись на переносице. - Кем-то хорошо манипулировать можно лишь в том случае, если есть информация об этом человеке, по крайней мере взгляд в его душевную жизнь и формирующие события, лучше всего из раннего подросткового возраста или детства. Я с готовностью дала её Рольфу, в первые дни мы только разговаривали. Я выложила перед ним всю мою подноготную. Но ты, собственно, не очень разговорчива, и лишь под давлением из тебя можно что-то вытянуть. Или ты открылась, и дала всю информацию, которая была ему нужна?

- А мне и не нужно было. - После того, как я сообщила Тильманну о деталях с Гришей, присутствующих в этой игре, я больше не могла сказать, что заставило меня больше всего споткнуться: то, что я почти с первой секунды была привязана к Анжело или то, что никогда серьёзно себя не спрашивала, есть ли у того конкретные мотивы раскрыть все эти вещи о

существование Маров и таким образом ещё и косвенно очернить Колина. С кем-то бесповоротно запечатлеться это одно, и само по себе уже достаточно трагично. Но потом добровольно позволить переписать своё мировоззрение, это уже совершенно другое измерение. Всё же я рассказала Джианне о том, что выяснила на Санторини. Потому что она правильно подметила: я была не та, кто по собственной воли разглашает личные вещи; что-то, что Николь и Дженни постоянно во мне критиковали. У меня нужно было каждую деталь, словно червей, вытягивать из носа. С Джианной было тоже самое, когда я поведала ей о Колине и его опыте в концентрационном лагере. Она же сама, была полной противоположностью; казалось ей доставляет сильное удовольствие сервировать на серебряном блюдечке самые личные детали, также из её интимной жизни, хотя её никто об этом не просил. Таким образом она нашла больное место. Анжело мог всё это знать только потому, что шпионил за мной с моей ранней юности.

- Какая мерзость, - прошептала она, после того, как я перечислила наиболее важные моменты - таким же профессиональным тоном, как она.

- Да, и мне становиться плохо, когда я об этом думаю.

- Ты уже сказала об этом Колину? Нет? Эли, ты должна ему рассказать, это так много объясняет! Тебе нужно это сделать, он должен знать!

Колин был очень хорошо осведомлён о Грише, он даже знал о моих мечтах о нём. И он никогда не испытывал по этому поводу ревности. Однако он не осознавал, что существует связь между Гришей и Анжело, да и как ему знать? Анжело видимо наблюдал за мной только тогда, когда ни отца, ни Колина не было по близости. Удобных случаев было для этого предостаточно. Возможно ему хватило и нескольких мимолётных визитов. Всё же мысль о том, что он глазел на мои мечты и в тоже время подпитывал их, вызывала во мне ужасную тошноту.

- Нет, не сказала. Я ещё совсем не разговаривала с Колином.

- Элиза … - Джианна склонилась ко мне, чтобы посмотреть в лицо, без зеркала между нами. - Ты должна сказать ему! Обязательно! Он заслуживает знать правду. Или ты его больше не хочешь?

- Это вряд ли решающий вопрос, - ответила я жёстко. - Вопрос скорее в том, желает ли он ещё меня.

- Нет. - Джианна энергично замотала головой и вытянула указательный палец вверх, её характерный способ начать эмансипационную речь. - Нет, Эли, не так. Этот вопрос уже второй акт. Сначала ты должна узнать, хочешь ли ты его ещё; вот решающий вопрос. Всё остальное выяснится потом. Он твой мужчина мечты или нет?

- Мужчина мечты. - Я иронично усмехнулась, но без всякой радости. - Полностью с тобой согласна. Мужчина мечты и в тоже время мужчина кошмаров.

- Ладно, скажу другими совами. - Джианна вскинула руки вверх. - Под тобой дрожит земля, когда ты спишь с ним? – преувеличенно-эмоционально воскликнула она и в тоже момент рассмеялась. - О Боже, никогда не думала, что скажу что-то подобное.

- Ну, она не дрожит, это скорее похоже на то, что она переворачивается, и мне кажется, что я сейчас упаду ...

- Падать это хорошо, даже прекрасно! - Джианна ударила кулаком в голые плитки. - Это считается. Возможно даже больше, чем дрожащая земля. И это ведь не так, что ты хочешь, чтобы он поскорее закончил, потому что в мыслях уже составляешь список покупок для следующей недели?

Теперь я захихикала, хотя тема разговора настроила меня меланхолично.

- Нет, не так. – Я ещё никогда не желала, чтобы Колин поскорее закончил. Ни одной секунды.

- Ага. Хорошо. - Джианна положила руки на поясницу и снова села на туалетную крышку. - Мой бывший был одним из тех, кто не мог закончить. Жуть. Импотенция от влияния никотина. Он мог всегда и всегда хотел, но у него занимало вечность, пока он наконец-то поливал цветочек, если ты понимаешь, что я имею ввиду. - Джианна сделала неопределённый жест рукой, но я поняла. Я знала, что смогу уберечь себя от дальнейших деликатных подробностей лишь с помощью поспешного побега из ванной. - Он дёргался на мне, пыхтел, я почти могла наблюдать за тем, как поредевшее место на его затылке всё больше лысеет ... Это больше нельзя было назвать чудесным. Ах, там почти ничего больше не было чудесным. Сама виновата, сеньора Веспучи. Где мы остановились? Эли, почему ты снова плачешь?

- Я ... я задаюсь вопросом, почему раньше не вела с тобой эти дурацкие разговоры, почему была такой глупой ... я враждебно относилась к тебе, ты действовала мне на нервы. Я растратила в пустую всё лето, именно я. Я ведь так сильно люблю лето! Теперь оно закончилось, я проспала его, так, как происходит в моих кошмарах. Моё первое лето на юге ... а теперь уже сентябрь!

- И снаружи тридцать градусов в тени, - ответила Джианна и погладила меня по голове, прежде чем неуклюже обняла. Мой подбородок ударился о её висок.

- Ой, - пробормотала я в её шелковистые волосы.

- Scusa (итал. извини), из меня не очень хороший утешитель, для этого моя грудь слишком маленькая. Но наступит и другое лето, мы сможем снова приехать сюда, всегда, когда ты захочешь, и Анжело больше не вмешается! Это я тебе обещаю. И если уж мы начали бичевать самих себя: я вела себя дерьмово после смерти Тессы, я сама знаю, и я не горжусь этим. Ты нуждалась во мне. Сначала я сходила с ума из-за чумы, совсем мозги снесло, правда, а потом перенесла всё на тебя. Я до сих пор точно не знаю, почему. По отношению к Колину я продолжаю вести себя несправедливо. Мы все сделали ошибки, люди ведь всегда ошибаются!

- Теперь ты чувствуешь себя лучше? - После того, как меня укусила блоха Тессы, великодушия Джианна уж точно не выказала. Но то, что она из-за меня, в течение нескольких недель, страдала болью в животе, да, даже боялась меня, было ещё хуже. Я не хотела, чтобы другие люди меня боялись, а тем более мои друзья.

- Намного. У меня благословенный аппетит и уже неделю меня не тошнило. Я даже прибавила в весе. Уже не вмещаюсь в узкие брюки ... Пауль говорит, что мне это не повредит.

Джианна была всё ещё стройная, как кипарис, я не видела никаких дополнительных округлостей, но её смелые черты лица казались более расслабленными. Она святилась изнутри, а её волосы блестели, как отполированное дерево, в то время, как мои уже снова начали топорщиться, хотя мы только что укротили их.

- Колин поймёт это, Элиза. - Она протянула мне новую салфетку, потому что мою я скомкала во влажный комочек. Потом она подставила под кран мочалку и приложила её к моим зарёванным глазам. - Поговори с ним пожалуйста. У тебя есть объяснение для твоего поведения, убедительное, кроме того, любой может заблудиться, это жизнь! Он ведь и на меня не злиться, хотя у меня нет объяснения для моего поведения, кроме этого дурацкого чувства, что я должна держаться от него подальше. Хотя он мне очень нравиться.

- Да, но меня он любил ... а вы всего лишь друзья ...

- Одним аргументом больше, поговорить с ним. Мне предупредить тебя, если он сегодня вечером придёт на пляж? Подумай об этом.

- Да. Да, дай мне знать. Но сначала возможно мне стоит ... э ... я хочу снова ... ну ... - Я указала на мой банный халат, хотя не думала, что между мной и Колином что-то произойдёт. Но мне больше не хотелось быть мифической, легендарной фигурой. А снова стать Эли.

- Ах, понимаю. Конечно, это ты сделай лучше сама. - Джианна проворно убрала предметы по уходу за волосами на полочку. - Мы позавтракаем снаружи? Это завтрак на день рожденье. Я купила свежие булочки.

Внезапно я не смогла представить себя ничего более вкусного, чем ещё тёплую, итальянскую чиабатта-булочку с маслом и мёдом. Да, я хотела позавтракать снаружи. Возможно я даже пойду поплаваю, если Джианна останется рядом и присмотрит за тем, чтобы меня не унесло в море. Мне нужно использовать последние солнечные деньки. В Германии уже начиналась осень.

Я кивнула.

- Хорошо, завтрак на террасе.

Стуча шлёпками, Джиана зашагала на кухню, радуясь тому, что может позаботится обо мне и приготовить еду, несмотря на то, что женщины стали свободными.

Я не должна была забывать её. Никогда.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Ещё не конец, даже и не думай

Нет. Это нельзя было сравнивать с моей поездкой на Тришен. Перед Тришеном я тоже боялась, но путешествие было похоже на приключение, сенсационное и безрассудное, я бросилась в ледяное Северное море, рискуя утонуть, только чтобы добраться до Колина. А до этого я приставила нож к горлу бедного, старого рыбака креветок, чтобы он отвёз меня на отмель.

Теперь мне нужно было пройти всего лишь несколько метров пешком, по совершенно безопасному пути, в то время, как сияло солнце, а жизни ничего не угрожало. И всё-таки мне пришлось приложить для этого намного больше усилий и заставить себя сделать это. На Тришене я боялась того, что привёл в действие Колин. Теперь же боялась последствий того, что случилось только во мне. Во мне и через меня. Это было в тысячу раз сложнее.

Я всё ещё мучила себя упрёками, хотя с каждым прошедшим часом становилось всё яснее, что у меня почти не было шансов, избежать интриги Анжело. Мы все помогли ему, даже совершенно об этом не догадываясь. Тем не менее я была далека от того, чтобы примериться с собой. Для Колина моё поведение должно быть выглядело как обман.

- Он играет с Луисом, поторопись, - прошептала мне Джианна только что в ухо, когда мы встретились в коридоре. Я шла примерно в десятый раз в туалет, с одной стороны из-за того, что нервничала, потому что надеялась получить именно эту новость, и в тоже время боялась её, как страшного суда. Может быть это действительно было подобие страшного суда. Теперь он со мной рассчитается.

Джианна не преувеличила. Я увидела обоих уже издалека, как они резвились вместе. Жара спала, было ещё только тепло, но свежий ветер заставил меня завязать на поясе тонкую толстовку. Луиса, однако, более прохладная температура оживила. Жеребец всё ещё не до конца поборол свою робость перед водой, это я поняла по той манере, как он отбрасывал голову в сторону, когда на него накатывала новая волна, а Колин вытянув руки в стороны, гнал его ей навстречу, но если бы лошади могли выражать радость, то он был ярким тому примером. Колин положил седло и уздечку на песок, так что Луис был свободен, как ветер, привязанный к своему хозяину лишь только длительным партнерством и глубоким убеждением в том, что лишь Колин может руководить им и вести. Он реагировал даже на самое случайное движение Колина, всегда рассудительный - даже тогда, когда поворачивался на задних ногах и задорно бросался прочь, он снова и снова останавливался, чтобы бросить взгляд назад и проверить, там ли ещё Колин.

Да, он был там, его невозможно было не заметить; до бёдер он стоял в воде и кричал Луису короткие слова на гэльском, кода наклонившись вперёд, бросался ему на встречу и заставлял скакать галопом и проделывать эскапады, так что лошадь могла по желанию, выгибать спину и вставать на дыбы. В это время лодка-дискотека, ревя, проходила по своему курсу через бухту и так сильно его напугала, что он обратился в бегство, прижав уши и дёргая хвостом. Колин смеясь, махнул рукой и крикнул ему что-то вдогонку, ласковое оскорбление, которое Луис прокомментировал звонким фырканьем.

Лодка проезжала мимо теперь только вечером и не каждый день; главный сезон закончился, отели пустели. Но и сегодня на ней играла всё та же песня, громыхая и стуча: Glow от Madcon. Колин поднял руки и играючи изобразил к ней танцевальные движения, не для какой-либо публики, только для себя. Луис остановился и сбитый с толку поглядывал на него. Я тоже остановилась. Я пыталась подавить слёзы и в тоже время улыбнулась, когда экипаж лодки заметил насмешливый танец Колина и приветливо закричал ему, слишком далеко, чтобы можно было испытывать ужас или страх. Он прокричал что-то в ответ, не прерывая танца, потом внезапно снова обратился к Луису и вновь погнал его от себя, вечная игра приближения и бегства. Я так хорошо её знала.

Я подождала, пока ком в горле не стал немного меньше, а Луис в стороне начал с наслаждением обваливаться в песке - его чёрная, мокрая шерсть после этого будет выглядеть будто панированная - потом, с опущенной головой, я прошла к Колину. Зрителей у нас не будет; сегодня, после обеда, Джианна и я были единственными купающимися, а гуляющие проходили мимо нас очень редко. Теперь, в этот поздний час, здесь никого не было, кроме меня, демона и его лошади.

Я подняла голову лишь тогда, когда подошла так близко к Колину, что наши длинные тени слились друг с другом. Позади нас, на горизонте, стояло солнце, только ещё лишь тёмно-красный полу шар над горой. Через несколько минут оно освободит место ночи. Огонь в лесу потушили. Никаких больше пожарищ, не считая того, что в моём сердце.

- Ну, наконец-то отважилась?

Когда подняла голову, я почувствовала, как мои уголки рта опустились вниз, на долю миллиметра, почти незаметно. Его губы тоже отметило болезненное выражение, хотя он улыбался. Не очень много коричневых пятнышек покрывали его щёки, глаза стали только что снова чёрными, а медь в волосах исчезала одновременно с убывающим светом. Я задавалась вопросом, уйдёт ли когда-нибудь маленькая морщинка в уголке рта или она навсегда врезалась в его лицо.

- Колин ... - Я не подняла рук и не прикоснулась к нему; любой жест казался бы преувеличенным и неестественным. - Мне так жаль. - Я хотела немного изменить это предложение и повторить его, но это ничего не изменит из того, что случилось. Я могла сказать что угодно - мысль останется одной и той же. Мне так жаль.

Он долго на меня смотрел, но я не отвечала на его взгляд. Я не могла. Я взирала на его рот, уши, в которых в последних лучах солнца красно-золотым блестели серебряные кольца, разглядывала его белую кожу, его потрёпанную рубашку и потёртую кожу ремня, мокрые штанины, босые, красивые ноги, но его глаза ...

- Я не буду говорить, пока ты не посмотришь на меня.

Я накрыла губы ладонями, чтобы он не смог увидеть, как я заплачу, потому что была уверенна, что обнаружу в его глазах окончательность, которая отберёт у меня любою надежду на будущее. Но всё, что я увидела, это глубокое, искреннее сожаление и - раскаяние? Я видела раскаяние?

- Лесси ... - Он нежно убрал мои руки ото рта. Я вздрогнула под его прохладным прикосновением, но автоматически схватилась за пальцы, чтобы по крайней мере коснуться их, в то время, как они снова опустились вниз. - Не только тебе жаль. Я тоже сожалею. Я вёл себя как круглый дурак.

- Что - но почему ты? Я не понимаю ...

- Как ты чувствовала себя в те недели после схватки с Францёзом, когда меня не было рядом? - Колин сел на песок, скрестив ноги, и так как я не хотела стоять перед ним как обвинитель, я последовала его примеру и села напротив.

- Совершенно разбитой. Одинокой. Изможднной. Напряжённой. Как-то всё это вместе.

- А как было после смерти Тессы?

- На самом деле точно так же. Мне нужен был перерыв.

- А я идиот, давил на тебя, поразмышлять над моим убийством. Мне нельзя было так поступать, это было неправильно. Я слишком много от тебя ожидал. А когда ты открыто и честно попросила меня о перерыве, было уже поздно ... Тогда ты уже встретилась с Анжело, и он смог использовать подготовленную мной же ситуацию.

- И Шарлотта ..., - вставила я. – То, что случилось с Шарлоттой - это причинило мне боль. Я не знаю почему, но это причинило мне боль ...

- Не из-за ревности, не так ли? - Колин вопросительно на меня посмотрел.

- Нет. Я увидела моё будущее. Это когда-нибудь случиться и со мной, и я никогда не смогу с этим справиться.

Колин несколько минут молчал. Я не знала, где были его мысли. Может быть он понял, как и я, что не всё было нашей виной. Случайности тоже сыграли Анжело на руку. Одной из них была Шарлотта. И всё же, вся трагедия этого происшествия заключалась в том, что он расхваливал бессмертие и таким образом проклял Колина.

- Эли, я не знаю ни страха, ни паники, как ты; такие чувства для меня чужды, но я думаю, что то, что я чувствовал с Гамбурга, очень на это похоже ... Как постоянный крик в груди. - Колин мимоходом прикоснулся большим пальцем к своему солнечному сплетению, тому бархатному месту, которое мне так нравилось целовать. - Я знал, как сильно ранил тебя в схватке с Францёзом и что отныне мне придётся наблюдать за тем, как ты от меня ускользаешь.

- Но ... но я никогда этого не планировала! Никогда! - ответила я возмущённо. - Я не хотела ускользать от тебя, я хотела совершенно противоположное!

- Лесси, я пнул тебя в живот, почти что утопил, раздавил твои пальцы каблуком сапога. Ты ведь этого не забыла, не так ли?

Нет, не забыла. Я так же не верила в то, что такое можно когда-нибудь забыть. Но в этом был свой смысл. Если только то, на что намекнул Анжело, не было правдой, и существовали другие способы выиграть схватку. Одна из них вцепилась в меня, как клещ. То, что Колин, вместо того, чтобы насыщаться невинными людьми, использовал животных в зоопарке, я между тем снова понимала - прежде всего после того, как Морфий рассказал мне о нём. Но почему Колин использовал именно меня в качестве рассадника эмоций? Почему не самого себя?

- Ты не мог взять свои собственные злость и гнев, чтобы отравить ими Францёза? - высказала я свои мысли, не реагируя на его вопрос. Он по любому знал ответ.

- Это бы не сработало. Во всяком случае я так думал. Только человеческие чувства оказывают на Маров воздействие. Я не хочу оправдываться, но я находился в классическом, трагичном конфликте. У меня был выбор между одним дерьмом и другим.

Я слабо улыбнулась, хотя то, что говорил Колин, не было смешным даже до некоторой степени. Но я уже слишком долго не слышала его. Я любила эти странные комбинации из степенного, утончённого стиля, тонкой иронии и ругательств.

- Я мог сделать выбор против схватки и таким образом спровоцировал бы смерть Пауля. С этим ты не смогла бы жить дальше. И никогда бы меня не простила, не так ли? Другой вариант означал использовать тебя, чтобы сделать Францёза неспособным похищать и поставить под угрозу все ваши жизни. Ты была единственной, кого я знал достаточно хорошо, чтобы довести до крайности, но я так же понимал, что таким образом разлучаю нас. У нас не было способов сделать это хорошо, Эли. Мы могли сделать это только плохо. Я мог сделать это только плохо. С того момента я знал, что потеряю тебя ... и должен был наблюдать за этим. Это чуть не свело меня с ума.

Я хотела возразить, но не смогла. Тогда я солгала бы. Всё-таки я вновь приняла бы решение спасти моего брата. Снова и снова, и снова. В конце концов это было дерьмом получше из двух имеющихся вариантов.

- Теперь ты думаешь по-другому? Ты только что сказал, что думал, это сработает. Думал, что Францёза можно уничтожить с помощью моих чувств. Они его не уничтожили?

Колин взвешивая, склонил голову. Тёмная прядь упала на его брови.

- Я не уверен. В схватке я вырвал у Францёза глаз. Теперь я видел, как ты обошлась с Анжело и таким образом сделала его не способным похищать ... забрала у него его силу. Возможно ключевым моментом был глаз. Я не знаю. Тем больше я сожалею о том, что причинил тебе.

- Почему тогда именно в этот момент ты начал постоянно говорить о своей смерти? - спросила я спокойно. - Что-то подобное не особо стабилизирует отношения.

- Потому что ты ещё любила меня. Формула ... - Выражение лица Колина омрачилось. - Формула говорила что-то о любви. Любовь была основанием. Это я знал раньше и знаю ещё сейчас. Однако ничего больше. Она ускользнула из моей памяти.

Потому что ты ещё любила меня ... Да, он правильно запомнил. Теперь и я тоже снова вспомнила. Не всё, но эту первую часть. Убить может только тот, кто любит. Но как? Как это сделать? Я попыталась спрятать своё открытие от Колина, но он, не смотря на меня, уже продолжил говорить.

- Как только бы любовь закончилась, ты уже больше не смогла бы меня убить. Тогда этого больше никто не смог бы сделать. Она пропала. Только ещё ты знала её. Пауль, Джианна и Тильманн тоже забыли. Я даже думаю, ты похитила её у них, потому что никогда не хотела использовать её против меня. Такое могло случиться?

Я не ответила. Да, от меня можно ожидать всего, даже такие вещи. Я уже приняла маровские черты, которые показывали себя в мелочах. В одном я была в любом случае уверенна: я уничтожила записку, на которой написала формулу. И я смогла заглянуть в сны Гриши, даже повлиять на него. Как демон, я зашла в его комнату. Было бы понятно, если бы я создала для Пауля, Джианны и Тильманна такую стрессовую ситуацию, что они забыли некоторые вещи. В том числе и формулу.

Значит Колин, между тем, уже знал, что я архетип; должно быть Морфий рассказал ему. Но возможно он уже всегда это чувствовал. Однако говорить об этом мне не хотелось. В этом не было смысла. Я решила остаться человеком, а не окунаться в мир Маров.

- Ты ещё слушаешь меня? - спросил осторожно Колин. Я кивнула. С тех пор, как я снова могла слушать, я делала это более внимательно, чем когда-либо. - Я знаю, что моё отношение к тебе трудно понять, но мысль о вечности была для меня невыносима. Мне нельзя было оказывать на тебя давление таким способом. Это был плохо выбранный момент, я требовал слишком многого, для тебя это было слишком ... слишком тяжело.

- И как ты пришёл к такому позднему пониманию? - спросила я чопорно. Теперь и в угловатых чертах лица Колина вспыхнула грустная усмешка. Он указал большим пальцем назад, где Луис, будто застреленный, но громко фыркая, лежал на писке и беззаботно проводил время.

- Он подтолкнул меня к нему. В тот вечер, когда я спас тебя из горящего леса и точно знал, что ты возвращаешься к Анжело ... - Колин замолчал и опустил вниз свои длинные ресницы. Когда он снова поднял взгляд, его глаза были чёрные, как смоль - не из-за темноты, которая распространялась над морем, словно шёлковое покрывало цвета антрацита, а из-за боли. - Ты хотела, чтобы я ещё раз причинил тебе боль, видимо в качестве последнего доказательства моей некомпетентности, как мужчины и - нет, позволь мне договорить, Лесси. Я вернулся верхом в лес и хотел заставить Луиса, поскакать галопом в пламя, чтобы мы оба сгорели, потому что ... у меня внезапно появилась эта навязчивая идея, что это может сработать, если он провезёт меня туда и нас обоих охватит огонь. Но он отказался. Он выгибал спину, как жеребец родео, поворачивался вокруг себя, поднимался на дыбы, снова и снова поворачивал вспять, хотя я кричал на него и бил. Пока до меня не дошло, что он никогда этого не сделает. Потому что не может. Это против его инстинктов ... Он ведь живое, испытывающее чувства существо. Он боялся.

Я попыталась посмотреть на Колина сердито и неодобрительно, но мои глаза наполнились слезами.

- Ты действительно редко встречающийся, глупый болван ... – И не только. Он только что, сам того не подозревая, или даже намереваясь, выдал мне остальную часть формулы. Боль

открывает душу. Это была вторая часть. Увидеть меня с Анжело - это создало для него фундамент для собственной смерти. Я должна благодарить Луиса, этого огромного, чёрного, великолепного жеребца, которого я так сильно боялась, что эта попытка не удалась. Луис любил Колина.

- Да, возможно я и болван. Но я не хотел смотреть дольше на то, как ты влюбляешься в другого. Я сделал всё, что мог ...

- Я сломала себе ребро, чтобы чувствовать боль, когда буду дышать, Колин! А не для того, чтобы с чистой совестью можно было сбросить тебя со счетов. - Внезапно я снова вспомнила: моё желание чувствовать боль, чтобы, не смотря на мои чувства к Анжело, по крайней мере смутно помнить о том, что случилось. Мой план удался, правда лишь в самую последнюю секунду, но удался. - Боль должна была направить меня на правильный путь. К тому времени я уже была у Морфия и всё знала. Но должна была любой ценой скрывать это от Анжело, что было возможно сделать, лишь позволив моим чувствам к нему гореть, хотя это он подпитывал их. Так как мог читать мои мысли. Он знал меня. И ещё кое-что ... - Теперь я не могла по-другому - мне нужно было посмотреть Колину в глаза и не просто вскользь или случайно, а прямо и дольше, чем несколько секунд. Я с замирающем сердцем поняла, что мне не нужно спать с ним, чтобы земля ушла из-под ног. Одного единственного взгляда достаточно. - Я не была влюблена в Анжело. Всё это, ничего общего не имело с любовью. Да, у меня были ... эротические мечты о нём, но не потому, что я была влюблена в него, а потому, что это был один из способов, приблизиться к нему ...

- Извини моё сердечко, но это любовь.

- Нет, не любовь. Я никогда не думала о том, чтобы изменить тебе или бросить, в этом не было никаких сомнений. Это было скорее так, что я ... ах, как же это объяснить? Я хотела иметь то, что он излучал, эту небрежность и уверенность в себе, игривость, его беззаботность, молодость - всё это я тоже хотела иметь. Для себя. Думаю, я чувствовала себя так же, как чувствует Мар. Я хотела отобрать у него это очарование. Жаждала его. И всё ещё жажду ... - Я должна была сделать паузу, потому что меня затошнило от собственных слов. - Я ненавижу его и то, что он сделал со мной и с нами, но мне не хватает его чар. А это заставляет меня ненавидеть саму себя. Мне нельзя испытывать такую ностальгию ...

- И это всё? - тихо спросил Колин. - Только ностальгия? С самого начала?

- Только? Ностальгии может быть очень много. И она появилась во мне не только с того момента, когда я его встретила. А задолго до него.

- Значит у меня никогда не было реального шанса с тобой ...

Я отчаянно затрясла головой и снова вспомнила совет Джианны. Ты должна сказать ему. Он должен узнать! Мне нужно довериться ей в этом пункте, даже если я боялась, что потом буду для Колина, словно вываленная в грязи. Но у Джианны в несчастных отношениях было на десять лет больше опыта. Возможно правда была действительно самым лучшим методом. Я сделала глубокий вздох и начала сбивчиво рассказывать о том, что пережила и увидела на Санторини, как харизма Анжело внезапно прокралась в черты лица Гриши, и что он уже всегда был рядом в моей жизни, до Колина, до того, что прошлым летом взяло своё начало. Колин слушал с бесстрастным выражением лица, углубившись в себя, почти что отсутствуя. О чём он думает?

- То, о чём я уже сказала - это то, что больше всего меня мучает, - закончила я устало спустя несколько минут. - Для меня он всегда был похож на человека, а не на Мара. Человека, который питается чуть-чуть по-другому, чем я. И который может жить вечно, оставаться вечно молодым. Он казался мне таким невинным. Я всё ещё тоскую по этим вещам, а это неправильно, и проявление слабости и глупости с моей стороны.

- Я не думаю, что это так. - Колин снова вернулся ко мне. - Хочешь знать, как Анжело охотился? - Я обеспокоенно кивнула. - После всего, что ты мне рассказала, это может быть только так ... - Колин убрал волосы со лба и я увидела, что морщинка в уголке его рта больше не была такой глубокой. То, о чём он подумал, казалось придало ему надежду. - Анжело должно быть забирал сновидения, мечты и воспоминания у подростков, у людей между двенадцатью и самое большее двадцатью годами, в огромных количествах и не считаясь ни с чем. Он всегда был сыт. Чем более сыт Мар, тем больше он кажется человеком, это ты уже знаешь по мне. Он сам был таким стеклянным и прозрачным, что молодость его жертв просвечивала сквозь него, и я полагаю это то, чем ты так восхищалась и чего так жаждешь. Не Анжело, а мечты и прекрасные чувства тех молодых людей, которых он обокрал. Они делали его привлекательным и побуждали мужчин и женщин в равной степени любить его. Всё чисто украденное.

- Ах, а знаешь, что он рассказал мне? - Я внезапно так разозлилась, что мои слова гремели в воздухе, словно выстрелы из пистолета. - Что он охотиться эффективно и никому при этом не вредит и ... что ты ... что ты отрёкся от себя, потому что отказываешься от мечтаний и снов людей и поэтому становишься неконтролируемым! Этот жалкий лжец!

- В последнем он не так уж и не прав. Очень сложно питаться животными мечтами. Может быть ты замечала, что я делаю это только когда они не спят ... - Нет, я не замечала. Но это правда. Когда я находилась рядом, они не спали. - Я хочу дать им возможность, защитить себя. Не очень хорошая основа для насыщения. Однако то, что Анжело рассказывал тебе сказки относительно своих грабительских походов, было мне ясно.

- Почему ты тогда просто не убил его?

Колин удивлённо рассмеялся.

- Потому что не могу! Он старше меня!

- Но он ... он сказал, что ты намного сильнее его и из-за того, что ты камбион, ты смог бы разорвать его на части, если бы захотел.

- Да, ещё одна красивая выдумка, чтобы переманить тебя на свою сторону. Бедный, беззащитный Анжело и злобный Колин. Я бы не смог этого сделать. Моё питание слишком уж низкосортное. А даже если бы и смог, то это тем более заставило бы тебя уйти от меня. Зло, которое во мне бушует, как только я проголодаюсь, может навредить только людям, а не Марам. Я должен быть счастлив, что Анжело не убил меня, потому что в противном случае я больше ничего не смог бы для тебя сделать. Если бы ты не показала ему себя во всём своём голом великолепии и таким образом не отвлекла от меня, то он скорее всего сделал бы это там наверху, на плато Сила, перед вашими глазами.

Я резко встала и отошла от Колина на несколько шагов, чтобы успокоиться. В таком настроении я не могла говорить с ним дальше, иначе зареву или отлуплю кого-то из-за унижения. Ложь. Ложь и ложью погоняет. Что вообще было правдой из того, что Анжело навешал мне на уши? Хотя бы что-то из всего этого соответствовало истине? Но я так же почувствовала, как то, что сказал Колин, немного облегчило мне ношу. Я тосковала не по Анжело, а по тому, что он украл у других ... Ещё только сегодня утром, когда Джианна и я стояли возле грузовика с фруктами, ностальгия, без всякого предупреждения, снова охватила меня. Спусковым механизмом оказался сын торговца, который с нахальной ухмылкой на лице заигрывал с Джианной и хвастался тем, как ловко он может жонглировать апельсинами. Хотя он был немного толстоватым и маленького роста и у него были по-детски пухлые щёчки, в которых глаза почти исчезали. Он сразу же напомнил мне Анжело, и больше всего мне хотелось просто убежать. Вполне возможно, что Анжело однажды обокрал и его. Анжело был резервуаром юношеских чувств, он собрал в себе всё то, что для меня оказалось так далеко. Не

спеша, я шагала по песку назад к Колину. Вдруг мой страх, что он может уйти от меня, пропал. Луис встал, отвернувшись от него, он недовольно щипал высохшие кусты.

- Анжело похитил не только молодость других, Колин, - сказала я твёрдым голосом. - Прежде всего он похитил мою молодость. Мне сегодня исполнилось девятнадцать, там меня ожидает серьёзная, взрослая жизнь, а я потратила в пустую последнее свободное лето. Оно прошло мимо меня ... Я больше никогда не буду молодой, никогда не смогу быть такой, какой на самом деле должна была быть. Я хочу вернуться и сделать всё лучше, относиться к жизни легче. Быть самой собой, не притворяясь, как делала всегда раньше.

- А я хочу оставить двадцатилетний возраст позади. Это разница между нами, и она всегда останется. Я хочу стать морщинистым и седым, услышать, как хрустят мои кости. Я хочу прикасаться к тебе, когда с тобой сплю. Пусть даже иногда у меня и не встанет. Я хочу постареть. Чтобы у меня была возможность отдохнуть. И умереть.

- Значит ты всё ещё хочешь этого. - Горькая складка возле рта, которую я снова почувствовала при его окончательных словах, теперь всегда будет сопровождать меня. Это лето оставило на мене свой след.

- Да. Но я больше не буду просить тебя об этом. Это я тебе обещаю. - Колин взял мою правую руку и поцеловал ладонь, нежное, но также вежливо-дистанцированное скрепление печатью, но я не почувствовала облегчения.

- Разве вообще нет хороших сторон бессмертия? - В описаниях Анжело оно всегда было представлено мне как главный приз.

- Нет, конечно есть. Я видел помёт лошадей во всех агрегатных состояниях. Это заменяет любое образование по физике, - с сарказмом ответил Колин. Я не приняла во внимание его подшучивание.

- Это было прекрасно, ожидать будущее и больше не испытывать страха. Это было так успокаивающе. - Ещё сейчас я чувствовала это тепло, мягкую безмятежность, которая сопровождала предвкушение. - Никакого страха, ни перед болезнью, ни перед смертью.

- Но именно это и есть то, что делает тебя человеком. У тебя есть что потерять. Если нечего терять, и всё может длиться вечность, любое чувство излишне.

- Значит люди лучшие существа? - спросила я, уставившись на чёрный, кожаный браслет Колина. - Не забудь о том, что они тебе причинили.

- Никогда не забуду и да, это были люди. Но меня утешает то, что могу сказать себе: даже самый плохой, подлый человек когда-нибудь умрёт, в то время, как мне подобные, с каждым последующим годом, могут расширять радиус своей жадности, - ответил Колин. - Смерть — это то, что разделяет нас с людьми. Это милость.

- Я не знаю, что будет дальше ... - Мой голос был ещё только шёпотом. - Какую жизнь мне вести? Как она будет выглядеть? Какой иметь смысл? Я ведь не могу поехать домой и сделать вид, будто всё в порядке ... пойти учиться, выйти замуж и родить детей ...

- Это то, с чем тебе придётся теперь смириться. С твоей жизнью. А я должен буду смириться с моим бессмертием. Как я уже один раз говорил, Лесси ... - Колин задумчиво провёл по моим бровям, потом его пальцы продолжили путешествие к моим скулам. - Красивый конец для любовного романа у нас уже был. А это конец, который диктует реальность. Поэтому авторы начинают выдумывать вещи. Поэтому и существует безвкусица.

- У нас что, вообще нет шанса? Шанс должен быть. Я ведь тебя люблю.

- Да? любишь? Всё ещё любишь? И ты говоришь, что это я из нас двоих болван? Моё сердечко, ведь всё осталось как прежде, было лишь прервано очень непривлекательным, промежуточным эпизодом. Но больше ничего не изменилось. Я стар и хочу умереть, ты молода и хочешь жить.

- Но я больше не чувствую себя молодой.

Я опустила голову на плечо Колина. То, что я теперь начала понимать, было моим личным кошмаром. Он преследовал меня с моей юности. Теперь я его знала и весь его ужас. Это было моё потерянное лето. Колин отреагировал на меня как всегда, притянул к себе, пока я не услышала возбуждённый и голодный рокот. Возможно и он ещё любит меня, но наше будущее будет состоять из коротких, организованных встреч, всегда подгоняемых его голодом и омрачённых уверенностью в том, что я постарею, а он останется молодым. Будет так, как он предсказал в первые дни нашей одиссеи в Италии: я стану не уверенной в себе, наши не многие друзья отгородятся от нас, я начну упрекать его, мы будем ссориться, и возможно даже ненавидеть друг друга ...

Через несколько дней Джианна и Пауль поедут домой. Мама уезжала уже завтра. Тильманн будет ещё какое-то время здесь, пока не справиться со своей зависимостью. Я не могу остаться одна в Пиано делл Ерба. Что мне здесь делать? В какой-то момент и в Калабрии тоже наступит зима. И всё-таки, я хотела насладиться оставшимися летними деньками - даже если просто буду сидеть возле воды и вспоминать те немногие прекрасные моменты, которые мы разделили с Колин на этом месте.

- Сделай мне одолжение, Лесси. Прошлым летом ты попросила меня о нём. Теперь прошу я.

- Да? - Я прижала мои губы к его холодной шее.

- Не уходи, не попрощавшись. Потому что я с этим не справлюсь.

Вера, надежда, любовь

Ещё раз я встала и огляделась, чтобы убедиться в том, что я на пляже одна. Садящееся солнце светило, грея мой затылок и волосы, которые прилипли к шее, мокрые после купания. Купальник оно уже высушило. Во мне разлилось то приятное успокоение после плаванья, которое уже всегда было мне по нраву. Больше всего мне нравилось приятная усталость, когда вылезаешь из воды.

Правой рукой я залезла в мою пляжную сумку, чтобы вытащить оба письма. Одно придало мне мужество прочитать другое, хотя оба ничего общего друг с другом не имели. Письмо папы лежало уже почти что четырнадцать дней запечатанным в ящике моей прикроватной тумбочки. Но второе, образцово адресованное, на почтовой марке штамп, прибыло по почте только сегодня, незаметно спрятанное в большом конверте, который в Калабрию прислал нам экспрессом господин Шютц. Мама попросила его о том, чтобы он позаботился о доме и опустошал почтовый ящик, после того, как оба так внезапно уехали. Руфус тоже отчаянно нуждался во внимании. На наших дряхлых соседей мама больше не хотела полагаться, а Джианна тем более.

Каким-то образом во мне укрепилась идея, что я смогу вынести папино письмо, если прочитаю другое. Ещё один раз я поднесла его к глазам, чтобы изучить отправителя. Нет, мне это не приснилось, хотя я уже часто переживала эту ситуацию в моих снах и разочарованно просыпалась, потому что не успела разобрать его строчки, или перед глазами образовывались полосы и буквы расплывались. Отправитель: Гриша Шёнефельд. Фрибург, Швейцария. Снова я улыбнулась, потому что в разговоре с Тильманном именно это и предположила. Что он живёт в Швейцарии. Это подходило к нему.

Моё сердце безрассудно подпрыгнуло, когда я большим пальцем открыла конверт и развернула простой листок в клеточку, вырванный лист из тетрадки. Сразу же мои глаза впились в неровный, нечистый, мужской почерк.

Привет Елизавета,

у меня нет не малейшего понятия, как начать это письмо. На самом деле я сначала даже не хотел отвечать, потому что считал твои электронные сообщения довольно странными. Даже немного жуткими. Но с другой стороны я гордился тем, что кто-то обо мне заботится. (Обо мне почти никогда никто не заботится.) Сейчас как раз выпал один из семинаров, и я сижу в кафетерии и ... Ну, как это бывает.

Внезапно у меня появилось такое чувство, что мне всё-таки нужно ответить. Поэтому, вот что я хочу тебе сказать: тебе не нужно беспокоиться. У меня всё хорошо. Ах, что значит всё хорошо ... Когда я вернулся с отпуска на Санторини, сначала всё пошло коту под хвост, что только могло. Моя девушка ещё только капризничала, а после нескольких дней ссор бросила меня, потому что думала, что я стал другим. Чары пропали. Больше нет страсти. Но останемся лучшими друзьями. (??)

Потом я потерял работу бармена, потому что мой босс пожаловался, что ко мне больше не подсаживается так много девушек, как в начале и что я не сосредоточен, постоянно грежу. Я думаю он просто хотел избавиться от меня, хотя это правда, подходило меньше девушек. Я, после того, как он меня уволил, смотрел на себя в зеркало часами, высматривая, изменилось ли во мне что-то, но я ничего не нахожу, даже прыщика. Я выгляжу, как всегда.

Плюс ещё проблемы с родителями, которые внезапно больше не хотят оплачивать мне учёбу ... Видимо один из этих типичных уроков родителей. Во всяком случае я больше не смог обвести их вокруг пальца, как раньше, сказали они. Никакого больше шантажа, благодаря твоим шоколадным глазам.

Ко всему прочему я ещё во время игры в теннис испортил колено. Повреждение мениска.

Ну да ладно, хотя всё это и случилось, чувствую я себя хорошо. Звучит глупо, я знаю. Но я познакомился в кафетерии с девушкой, всего несколько дней назад. Она не слишком красивая и у неё не такая уж хорошая фигура (кроме того она носит очки, как ты тогда) (ладно, это прозвучало сейчас не обаятельно, да?), но она смотрит на меня по-другому, чем все мои бывшие девушки. Более прямо.

Мне кажется, будто она смотрит в самую мою душу. (Фу. Безвкусица) (Но так и есть.) У меня с ней нет такого чувства, будто я постоянно должен разыгрывать перед ней сногсшибательного типа, когда мы вместе. (Конечно я сногсшибательный, но это ведь не нужно непрерывно доказывать.)

То, что получилось с родителями, я снова исправлю, определённо. И новую работу я найду.

Я глубоко в это верю, потому что редко так хорошо спал, с тех пор, как вернулся с отпуска. Видимо здоровый, швейцарский воздух. Одной ночью я видел тебя во сне и поэтому ... подумал, нужно написать.

Эй, я только что заметил, что это действительно очень странно, писать письмо тому, кого совсем не знаешь. Я даже больше точно не помню, как ты выглядела. Только ещё, что у тебя был такой прохладный, интенсивный (иногда печальный ...) взгляд. Каким-то образом опасный, как у девчонки в музыкальном клипе в песни Wonderful Life от Hurts. Той, которая стоит между певцом и клавишником. Она напоминает мне тебя. Тебе стоит его посмотреть. Не эту старую сентиментальщину от Black, а Wonderful Life от Hurts. Хорошо? Hurts! Клёвая песня.

Что же, не знаю. Безумно всё это, не так ли? Теперь нужно заканчивать. Сузи сейчас придёт. (Эта та девушка).

Всего хорошего, и как я уже сказал: у меня всё в порядке!

Гриша.

- О Гриша, какой же ты мачо. - Я вытерла небольшую, горячую слезинку с уголка глаза, слеза разочарования, как я поняла. Это письмо безусловно не вызвало немедленной потребности броситься домой и написать ответ. Скорее оно поспособствовало такому ощущению, будто предназначалось для того, чтобы закрыть мне рот.

Да, бывшая девушка Гриши правильно это сформулировала, хотя именно то, чего ей теперь не хватало, она подсознательно в нём боялась: с Гриши были сняты чары. Магия исчезла. Но он снова глубоко и крепко спал, видел сны (даже обо мне) и нашёл девушку, первую, которая познакомилась с ним таким, какой он есть на самом деле, после того, как Анжело, так много лет назад, повлиял на него. Я его освободила.

Признаюсь, я надеялась на другие строчки, что-то более личное, более прочувствованное, более зрелое. Но это сделало бы мою жизнь ещё сложнее, а не упростило бы её. Гриша сохранит свой особенный смысл для меня, но это письмо только подтвердило то, что я уже почувствовала на Санторини. Мы никогда не будем близки. Я знала о нашей тайне и останусь с ней одна. Не было смысла рассказывать ему о ней.

В состояние ли я теперь открыть также и папино письмо? Когда-то мне придётся открыть, и скорее всего мне оставалась всего пара дней. Скоро Джианна и Пауль начнут давить на меня и уговаривать поехать домой. То, что они уже давно хотели вернуться в Германию, я не только видела по ним; я это знала. Здесь скучно. И я откладываю что-то, что не могу изменить. Мои

деньги почти что закончились; даже если я останусь здесь одна, то продержусь на плову не дольше, чем две три недели.

Я вдавила ноги в тёплый песок и стала ждать, пока моё сердце забьётся спокойнее. Потом открыла и папин конверт. Прочитать его письмо не должно причинить боли больше, чем осознать то факт, что Анжело был его убийцей. И я должна наконец сделать это, не то никогда больше не наберусь смелости.

Я опешила, когда заметила, что в конверте находится два листа, один плотно исписанный, видимо настоящее письмо, и чёрно-белая копия проклятой карты Европы. На неё я сначала и обратила внимание, потому что она показалась мне более безобидной и на ней тоже выделялись обозначенные от руки знаки. На самом деле на этой карте не хватало жирного креста на южной Италии.

Однако я не затаила обиду на Тильманна за его попытку повлиять на меня. Мы в любом случае поехали бы в Италию. Это я знала настолько точно, как пить дать. Он просто недостаточно хорошо меня знал. Я была выносливее, чем он думал. А если бы я не выбрала Италию, то Анжело скорее всего вживил бы в мои сны такую изнывающую тоску по путешествию в Италию, что я всё-таки когда-нибудь предприняла бы путешествие и попала прямо в его сети. Возможно он даже так и сделал. Он хотел покончить со мной на своей территории.

Но почему папа приложил копию карты к письму? Я повернула её, чтобы прочитать, что он написал.

И ещё одна приписка: меня мучает опасение, что ты разорвала оригинал или сожгла, после того, как посетила некоторые места, обозначенные на карте, и не нашла там ни одного, даже крошечного Мара. Ах, Элиза, конечно же кресты не отмечают территории, где живут Мары (по крайней мере я на это надеюсь!). Каким бы я был отцом, если бы послал тебя на погибель? Их в любом случае намного, намного меньше, чем ты могла бы подумать, и почти ни у кого из них нет постоянного места обитания. Нет, кресты отмечают места, в которых есть особенное очарование и о которых я надеюсь, что ты посетишь их одно за другим, и перед лицом их красоты поймёшь, что действительно важно в жизни. Я сам понял это слишком поздно. Ты и твой брат найдёте в этих местах свет, в котором я всегда вам препятствовал.

Думайте обо мне, когда будете ими наслаждаться.

- Ладно, ты манипулятивный упрямиц, тогда эта головоломка по крайней мере тоже решена, - прошептала я, удивляясь, что улыбаюсь. Потому что ещё вчера я снова взяла карту в руки и недурно недоумевала из-за других отметок, которым никогда раньше не придавала большого значения или даже замечала их, так сильно я была зациклена на Италии. Но это милое скопление привлекательных целей для индивидуальных путешествий: Британские Нормандские острова, Мон-Сен-Мишель в Нормандии, Ла-Гомера, Корсика, Борнхольм - одни острова. Исключительно одни острова. Потому что папа знал, что Тесса избегала воду? Или потому что сам всегда любил острова? Только один крест не вписывался в серию и был таким крошечным, что я его почти не заметила. Он находился посреди Северошотландского нагорья. Родины Колина. Должно быть папе стоило большого усилия, отметить её, но большего и не требовалось, чтобы показать мне, что он наконец принял мою любовь к Колину.

Также, мне, между тем, стало ясно, что это всего лишь карта Европы, а не карта мира. Самого папу атаковали на Карибских островах. Он не хотел, чтобы я последовала по его следам; по крайней мере попытался предотвратить это.

Но с этого момента я должна и хотела всё решать сама. Даже если это означает прочитать письмо, от которого я так долго пряталась.

Дорогая Элиза,

ты знаешь, что я в моей взрослой жизни был добровольно в церкви всего лишь три раза: когда женился на твоей матери, на крестинах Пауля и конечно же на твоих (Миа настояла на этом). Так что моё благочестие оставляет желать лучшего.

Поэтому тебя может удивить, что я пишу тебе слова именно из Библии. Но они свободны от каких-либо догм и существуют независимо от религиозных верований, и я думаю, что они могут придать тебе сил сделать то, что для тебя правильно.

Людей, которые чувствуют так много, как ты, легко ввести в заблуждение и легко ослепить, как только они начинают пытаться защитить себя от своих эмоций. И иногда они бояться принять решение, потому что знают о силе своих чувств.

Всегда, когда у тебя будут появляться сомнения, или ты подумаешь, что тебе нужен совет, тогда прочитай эти строчки.

В остальном у меня не так много, что тебе сказать - мы всегда были так близки, что мне ничего не нужно объяснять. Я знаю, ты поймёшь, что меня подгоняло и что мной двигало.

Ты была моим светом и всегда им и останешься.

- О Боже, папа, - вздохнула я, качая головой, после того, как снова вытерла слёзы со щёк. - Цитата из библии? Стоит ли мне на самом деле читать её?

Я перевернула страницу, чтобы пробежать глазами, но уже первые слова попали прямо в самое сердце.

Воспевание любви
Если я говорю на языках людей и ангелов,
а любви не имею,
то я стал звенящей медью или бряцающим кимвалом.
И если я имею дар пророчествовать,
владею всеми священными тайнами
и всем знанием,
если имею всю веру, чтобы переставлять горы,
но не имею любви, то я - ничто.
Любовь долготерпелива и добра.
Любовь не ревнива,
не хвастлива,
она не превозноситься,
не ведёт себя не прилично,
не ищет своего,
не раздражается,
не ведёт счёт обидам,
не радуется неправедности,
а радуется истине,
всё переносит, всему верит, на всё надеется,
всё стойко претерпевает.
Любовь никогда не проходит.
Сейчас мы видим в металлическом зеркале неясные очертания,

а тогда будет видно ясно.
Сейчас я знаю от части,
но тогда буду знать точно,
как узнали точно меня самого.
Теперь же пребывают вера, надежда, любовь - эти три, но наибольшая из них любовь.
(Я немного сократил, надеюсь пророки отнесутся к этому снисходительно. Прощай, моя маленькая девочка ... которая настолько большая, что превзойдёт саму себя.)

Я прочитала письмо во второй раз, третий, потом только библейскую цитату, пока заходящее солнце не заставило вспыхнуть пылающим светом бумагу, а ветер покрыл мою шею мурашками.

- Сейчас мы видим в металлическом зеркале неясные очертания, а тогда будет видно ясно, - бормотала я перед собой, когда складывала мои немногие пожитки в сумку, собираясь пойти домой. Что это значит? Почему папа послал мне именно эти строчки? Я подумала о начальном фрагменте с пророческими речами и осознанием - они стали звенящей медью или бряцающим кимвалом, когда не хватало любви. Анжело не хватало любви. Он был лишь звенящей медью, а я думала, что нашла в нём мудрость всех вещей. Что нашла саму себя.

Догадывался ли папа о том, что со мной случиться такое? Или подобное происходит когда-нибудь с каждым человеком в течение его жизни? Что ты в ком-то ошибаешься?

Всё ещё размышляя, я прошаркала через калитку и по небольшой лесенки наверх на террасу, где опустилась в один из пластиковых стульев, и подняла взгляд лишь тогда, когда заметила, что не одна. Пауль и Джианна сидели напротив и смотрели на меня, как будто я проглотила килограмм шипучего порошка и погасила его стаканом водки. Немного помешанная, но разговорчивая. Тем не менее их рты были словно зашиты. Глаза Джианны восполнено блестели. Она что, плакала? Почему они тогда улыбаются, будто опоённые счастьем?

- Всё в порядке? - спросила я, склонив голову на бок, чтобы проанализировать выражение лица Пауля. Гордый. Гордый, как Оскар. Но также ... напуган. Да, он боится. А Джианна тем более. Страх, который заставляет ухмыляться?

- Уф, - сказала Джианна и разразилась коротким смехом, словно подросток. - В порядке, ну, не знаю ... Что думаешь ты, Пауль?

- Хмм, - ответил Пауль с блаженным взглядом, словно выпил несколько кружек пива. - Хмм? Что к чёрту значит хмм?

- Давай, скажем ей, - подгоняла Джианна. - Я должна сказать! Нет, скажи лучше ты. Я не могу.

- Что теперь? - Из-за них я начала нервничать.

- Ты ... - Пауль торжественно прокашлялся и заулыбался до ушей. - Ты станешь тётей. Поздравляю. - Тётей? Я и тётя? Это значит, что ...

- Не, - сказала я недоверчиво.

- Да. - Глаза Джианны увлажнились. - Я уже самое меньшее на третьем месяце. Поэтому мне было так плохо, и я полагаю, что из-за этого была такой ... ну, все эти перепады настроения.

О да, они у неё были, и не мало.

- Тётя Эли ... Это звучит старомодно. Как будто говорится о женщине в сером костюме и в шерстяных колготках, - пожаловалась я, всё ещё захваченная врасплох, чтобы ясно мыслить. Джианна - беременна? У неё будет ребёнок? - Разве ты не принимала противозачаточные?

- Да, принимала. Но когда я приехала к вам, меня так тошнило из-за моего эмоционального выгорания, даже уже несколько дней до приезда, и видимо поэтому они

действовала не так, как должны. Я думаю, это случилось уже там. Кроме того, у твоего брата очевидно довольно меткий арсенал.

- О, чёрт, Джианна ... - Только теперь мне стало ясно значение этой новости. В прошедшие недели я постоянно заставляла Джианну волноваться, она присутствовала при убийстве Тессы, она лежала вместе с нами на карантине, потом пережила мой чёртов Анжело-транс и тщетные попытки вернуть меня, и у неё всё это время был ребёнок в животе! Она могла его потерять ... Только уже по той причине, что по близости находились Мары. Колин. Тесса. Анжело. И - и я? Я тоже подвергала её этому риску?

- Ты ещё помнишь, как посоветовала мне не давать ей валиум? - спросил меня Пауль. - Это было на вес золота. Я же говорю, у тебя очень хорошие инстинкты, сестрёнка.

О Боже, а потом она села в ванную с очень горячей водой! Я ясно помнила то, как сильно меня это взбудоражило, и я заставила её вылезти оттуда, потому что была уверенна, что это навредит ей.

- У Колина тоже хороший инстинкт, - добавила Джианна гордо, как будто сама взрастила в нём его. - Он сказал, чтобы я не приближалась к нему, если не хочу. А я всегда хотела уйти от него подальше ... Видимо из-за этого. - Она, оберегая, положила руку на живот. - Не в обиду сказано, Эли, но стресс плохо влияет на беременных.

- Нет, я не сержусь, ты совершенно права! Тебе нужно ехать домой, Джианна. Да побыстрее.

- Мы и хотим. - Она посмотрела на меня извиняющимся взглядом. - Ты можешь остаться здесь с Тильманном и Колином, если хочешь. Мне надо как можно быстрее пойти к хорошему врачу и проверить, всё ли ... всё ли в порядке с ребёнком. Мы уезжаем ещё сегодня вечером.

- Конечно. Я понимаю. Тогда - ну тогда пакуйте свои вещи, хорошо? - Мой голос уже вибрировал. Я ещё как раз успела броситься в свою комнату и захлопнуть ставни, прежде чем дрожа, опустилась на пол. Джианна могла в любой день потерять своего ребёнка ... Она даже последовала за мной в горящий лес, вместе с остальными. Это чудо, что с ней ничего не случилось. Должно быть плод, который так удобно устроился у неё в животе, чрезвычайно выносливый и желает жить. Если он здоровый ... Здоровый и нормальный.

Возможно ли, что на него перешло что-то от Колина? Или от Тессы? От Анжело? Знала ли Джианна об этой опасности? Но какая тут опасность – это ведь ребёнок Пауля! И всё же, Тесса и на Колина тоже повлияла в утробе матери. Сильно ли она приблизилась к Джианне? Что-то с ней сделала?

- Нет, - сказала я себе. - Нет. Джианна не такая, как мать Колина, она сильная и далека от любых суеверий. Тесса не смогла бы ей ничего сделать. Родиться прекрасный, здоровый ребёнок.

Мой вывод немного притупил страх, а потом уступил место всепоглощающей зависти. И я не была к ней готова. Она заставила политься из глаз слёзы, давиться рыданиями. Мой брат станет отцом ... У него с Джианной будет ребёнок. Они создадут семью. Только что они выглядели так счастливо! Они нашли своё новое начало, незапланированное, неожиданное и скорее всего разрушительное для карьеры, но это новое начало. Я всё ещё не хотела детей, здесь ничего не изменилось, для этого я ещё слишком молода. Но я чувствовала перед собой каменную, толщиной в метр стену, которую построила сама - а теперь слишком трусила, чтобы её сломать. Никто не сможет за меня построить моё будущее. Я должна заняться этим лично.

Делать больше нечего, думала я, после того, как ослепила Анжело и отвернулась от него, спустившись вниз к морю. Я ошиблась. Ещё кое-что есть. Я не выполнила моё обещание.

Теперь я выполнила его, и моё решение было принято в считанные минуты. Колин должно быть знал, как быстро я его приму, стоит мне только искренне подумать о его желание, ни ища своей выгоды и ни отрицая правды. У меня просто нет другого выбора. Всё остальное

приведёт в некуда и дарует нам пожизненную пытку. Жизнь Колина будет длиться вечно. Я не могу причинить ему это.

Любовь всё переносит, всему верит, на всё надеется. Насчёт того, что всё переносит, я считала, об этом можно поспорить. Насчёт веры тоже. Но насчёт надежды ... Любовь на всё надеется. Мне нужна надежда. Она единственная может сейчас помочь. Большая надежда.

Я встала, поднялась по лестнице вверх и не постучавшись, вошла в комнату Тильманна. Он лежал на кровати, положив руки под голову и наблюдал за последними лучами солнца, которые рисовали розовые узоры на скошенном потолке. Я тихо села рядом, пока наконец в голове не образовался вопрос.

- Сколько может вынести человек? Сколько?

Он долго размышлял, прежде чем ответить, объективный и вдумчивый, как всегда.

- Я думаю всё, пока уверен в том, что делаешь всё правильно. Находишься на правильном пути.

- Ты мне поможешь?

- Всегда.

Молча мы сидели до наступления темноты. Мне нужно было ещё раз, по двум причинам, поговорить с Джианной. Во-первых, я хотела по крайней мере рассказать ей, что знаю от Колина о влияние Маров на беременных женщин; во-вторых, было кое-что, что продолжало меня гложеть, последнее сомнение, которое я хотела устранить навсегда или по крайней мере прояснить. Я нашла её в спальне, где она выхватывала вещи из шкафа и засовывала в чемодан.

- Джианна ... я ... мне нужно ещё кое-что сказать тебе. По поводу ребёнка. Я не хочу тебя пугать, но ...

- Ничего не говори, Эли. - Она отложила джинсы в сторону и серьёзно на меня посмотрела, как будто точно знала, о чем я думаю. - Я буду любить этого ребёнка. Я буду его любить. Ничто другое не имеет значения, хорошо? Родится ли маленький Мар или разгневанное, краснолицее, человеческое существо. Я буду его любить. Я уже сейчас люблю его. И любила всё это время.

- Ты знала, что беременна?

- Догадывалась. Каким-то образом догадывалась. В самом начале, когда мы только приехали, однажды я встала с кровати и у меня появилось странное чувство в животе, как будто там что-то поселилось, но мирно, не насильственно. Я подумала, что этого не может быть, ни при всём том стрессе и паники ... и расчёты моего цикла, которые я ... э-э ... ах, забудь. Если быть честной, я ещё никогда не могла хорошо подсчитывать. Да, а теперь Колин сказал, что я должна держаться от него подальше, пока ребёнок не родиться. Потом он с удовольствием будет изображать из себя постоянно-отсутствующего, крёстного отца, который посылает самые прекрасные и дорогие подарки.

- Колин был у тебя?

- Да, только что, когда ты была наверху. - Джианна указала на окно. - Он привёл в сарай Луиса, а потом пошёл на пляж. Он будет приглядывать за Тильманном, когда мы уедем.

- Джианна, я не поеду с вами. Я останусь здесь, пока ... пока Тильманн полностью не выздоровеет. И есть ещё кое-что. Может быть я и мелочная, но Анжело заставил меня во многое поверить, и скорее всего будет лучше, если я выскажу это.

Джианна оторвала взгляд от окна и с удивлением посмотрела на меня.

- Обо мне? Он говорил что-то обо мне?

- Не напрямую. Я выяснила это случайно. Почему ты назвала меня Элизой? Что было настоящей причиной? Потому что Сабет мать называет Элсбес, а не Элизой. Это я знаю от Анжело.

Джианна, пойманная с поличным, скривила рот и плюхнулась на кровать.

- Дерьмо ... Сейчас будет неловко. Я была уверенна в том, что её называют Элиза. Это не так?

- Нет. Я проверяла в гугле. - Я действительно проверила на моём сотовом. Ханна называла Сабет Элсбес.

- Ах ты Боже мой, как же неловко. Я признаю, что уже давно её не читала ...

- Да, и именно в этом противоречие. Как ты можешь называть меня именем вымышленного персонажа, которого даже точно не помнишь? Это была отговорка, не так ли?

Джианна начала нервно играть со своей цепочкой, водя кулончиком по серебряным звеньям и издавая при этом скрипучий звук. Туда-сюда, туда-сюда.

- Джианна, ты назвала меня Элиза, потому что знала, что это прозвище дал мне отец. Не так ли? Ты это знала. Вот дерьмо ..., - заругалась я, когда она не возразила. У меня больше не осталось сил для новых разоблачений.

- Ты права, - в конце концов прошептала Джианна и наконец отпустила цепочку. - Я автоматически назвала тебя Элизой, потому что твой папа называл тебя так. - Она, каясь, смотрела в пол. - А когда ты заметила это, я подобрала подходящую отговорку, и как это всегда бывает, когда не умеешь лгать, всё коту под хвост.

- Сама я тоже не заметила. Анжело обратил на это моё внимание, - объяснила я нетерпеливо. - И это питало моё подозрение по отношению к тебе. Видимо оправданно. - Я ненавидела мысль о том, что Анжело оказался в этом пункте прав. - Значит всё-таки ты говорила с отцом обо мне. Ты его знала, не так ли?

- Знала - это громко сказано, но ... - Внезапно в глазах Джианны блеснули слёзы, и мне стало жаль, что я так наехала на неё. - Эли, я тебе однажды уже говорила, что страдаю синдромом добряка, а он в тот вечер выглядел таким угнетённым. Как будто хотел с кем-то поговорить и как будто ему что-то не давало покоя. Знаешь, почему я как журналистка, никогда не добивалась успеха? Потому что всегда слишком много и долго слушала, хотя у меня, собственно, уже имелась вся информация для моего текста. Также я выслушала и твоего отца. Он рассказал мне о тебе только хорошее. Он сказал, что я напоминаю ему тебя, и то, как он говорил при этом Элиза, я никогда не смогла забыть.

- Как вы вообще начали говорить обо мне? - спросила я обеспокоенно.

- На том конгрессе речь шла в том числе и об одарённости, и когда я затем задала ему вопрос на эту тему, он внезапно начал говорить о тебе ... Ничего слишком уж личного, поверь мне, Эли.

Одарённость? Мой отец считал меня одарённой? И почему я ничего об этом не знала?

- И ты не могла просто рассказать мне? - спросила я осторожно. - Я ведь спросила тебя уже в Гамбурге. Что в этом плохого?

Джианна пожала плечами.

- Возможно мне стоило рассказать. Да. Но я сама всегда ненавидела, когда моя мать говорила обо мне с незнакомыми людьми. Я считала это возмутительным, поэтому сохранила всё в секрете и выбрала отговорку. Потому что я была для тебя незнакомым человеком, не так ли? А для твоего отца тем более. Но ты мне уже нравилась. И Пауль тоже ...

- Нет, я не думаю, что ты была незнакомым человеком. - Я медленно покачала головой, больше удивлённая, чем рассерженная папиным слишком большим беспокойством и его отчаянными попытками помочь мне с моей испорченной жизнью. Или он действительно хотел лишь поговорить? Трудно представить. - Я думаю ты не была чужой ни для меня, ни для папы. Ни одного мгновения.

Джианна ничего не ответила, но в её взгляде я увидела, что она ощущает тоже самое и что скорбит по папе, так как не сможет больше поблагодарить его за попытку сводничества. Наши пути должны были встретиться. Если бы этого не случилось, то нам чего-то не хватало бы

всю нашу жизнь, а мы не знали бы чего. Мне хотелось ещё раз обнять её, но я боялась слишком сильно надавить на живот. Поэтому лишь в приветствие подняла руку, когда выходила через дверь, тихо захлопнув её за собой. Пауль уже подвёз Вольво поближе и загружал. Теперь станет ещё тише на нашей улице. Тихо, как на кладбище.

Мы не так много говорили на прощание. Мама и я молча обнялись. Разговор у нас состоится в другой раз. Я не хотела, чтобы они увидели, что я тороплюсь, поэтому пыталась это скрыть. Меня подгонял страх, что я вновь откажусь от своего решения, прежде чем расскажу о нём. Мне нужно было спуститься вниз к пляжу, к Колину, и я отправилась туда, прежде чем остальные уехали.

Ночь была светлой, небо ясным. Звёзды уже светили с небосвода, в то время как луна как раз поднималась над морем, и бросала бесконечно длинные, серебристые полосы на воду. Колни смотрел на неё, стоял спиной ко мне, неподвижный, чёрный силуэт, в который жизнь вернулась лишь тогда, когда он повернулся ко мне. Позади нас на улице тарахтя, завёлся Вольво.

- Значит ты пришла, чтобы попрощаться?

Я посмотрела ему в глаза и не нашла в них опоры. Внутренне я уже начала умирать.

- Да. Я пришла, чтобы попрощаться с моим страхом.

- Твоим ... твоим страхом? – Мне редко удавалось удивить Колина и ещё реже случалось, чтобы он не знал, о чём я думаю. Я сама не могла поверить в то, о чём думала.

- Я приняла решение. - Мой голос отчётливо раздался над ритмичным рокотом прибоя. - Я сделаю это. Я убью тебя.

Я дышала спокойно и равномерно, но моя душа кричала, как животное, которому только что перерезали глотку. Другого пути нет. Только этот один. Вера, надежда, любовь.

- Лесси ... - Глаза Колина поблёскивали голубым в свете луны. Ласковая улыбка осветила его лицо, когда он протянул руку и прикоснулся к моему плечу - не ласка любовника, а посвящение в рыцари. - Ты это сделаешь? Спасибо. Спасибо. О Боже ... спасибо.

Так должно быть. Я любила его.

- Когда? - спросила я, в то время как земля снова накренилась. Я упаду, и никто меня не поймает.

- Дай мне два дня с Луисом. Только два дня. Потом я буду готов. Но эти два дня я хочу провести с ним.

Теперь я знала, что мне делать.

- Договорились, если ты подаришь мне одну ночь. Раньше, чем это случиться. Я не смогу убить тебя, когда только что провела с тобой время. Я должна подготовиться. Но я хочу ещё одну ночь. Завтра. Это тебя устроит?

- Да. Да, устроит ... - В его глазах не было даже слабого сомнения. Он знал, что всё серьёзно. Между нами больше не будет лжи, никогда больше.

- Идём. Идём со мной, - улыбаясь призвал он меня. - Мы снова покорим море.

Рука об руку мы зашлёпали по воде в сторону луны, пока не окунулись с головой в нежные волны и заскользили, словно рыбы, через прохладную, солёную воду. Необходимости в дыхание не было. Колин дышал за меня. Я держалась за него, обхватив его тело ногами, словно медуза, в то время как он плавно похитил меня в глубины моря, где в лунном свете, блестели скрытые сокровища, а душа моего отца наконец-то нашла покой.

Я смотрела на нас обоих сверху, грациозные, подвижные и сильные, вдохновлённые гордыми мыслями и безоговорочным доверием. Это я, думала я с благоговением, когда разглядывала своё лицо, больше уже не девчонка, но ещё не женщина. Открытые сине-зелёные глаза, как взволнованное море.

Это было наше прощание с тем, что Колин уже так давно ненавидел в себе, наша последняя игра с магией, которая была ему дарована, когда его превратили в того, кем он стал.

Я начну снова дышать, как только нас выбросит на берег. Он же надеялся, что сможет покончить с этим.

Навсегда.

В тени леса

- Ты сможешь это сделать? Это не слишком сложно?

Тильманн, опустив веки, смотрел мимо меня и казалось, одну за другой, ставил в мыслях галочки, отмечая нужные для него пункты. В конце концов он посмотрел на меня и кивнул. Он стал бледным, ещё бледнее, чем от наркотиков и ломки. Я не предложила ему никакого плана, только сказала, что примерно себе представляю. Я не хотела знать никаких подробностей.

- Если я требую слишком много, тогда скажи ...

- Нет, - перебил он. - Это же моя работа. Я твой ассистент. Время чертовски мало и это не доставит мне удовольствия, но ... - Снова он посмотрел на меня. - Это единственный способ, не так ли?

- Я не знаю никакого другого. Денег тебе хватит? Больше у меня к сожалению, нет. И ты не только ассистент.

Я задавалась вопросом, почему остаюсь такой спокойной. Я начинала бояться саму себя. Когда придёт момент, и я свалюсь с ног? Крича, начну выворачиваться на полу, потому что пойму, что переоценила себя? Я ожидала этого, с тех пор, как приняла решение, но ничего подобного не случилось. Моя кровь текла медленно и чинно по венам, хотя сердце непрерывно кололо, как будто в него впивались шипы.

- Нет, я ассистент. И мне хочется когда-нибудь получить главную роль. В чём-то прекрасном, а не ужасном. Я хочу иметь мою главную роль.

- И ты её получишь, надеюсь такую, как ты говоришь. В чём-то прекрасном.

Как и он, я, засунув руки в карманы брюк, стояла перед журнальным столиком и смотрела на приборы. Тильманн выдохнул немного громче, чем обычно, не вздох, просто хорошо слышное дыхание, но оно показало его огромную, внутреннюю напряжённость.

- Это будет намного сложнее. Не в техническом плане, а ... - Ещё раз он глубоко вздохнул. - Он мне нравится.

- Я знаю. - На одно мгновение и моё дыхание выбилось из спокойного ритма. Тильманн не тот человек, кто обращается со своей любовью к другим расточительно, и, как и у меня, у него почти нет друзей. Но Колин один из них и не только - он восхищается им, идентифицирует себя с ним. И во время нашего наркотического опьянения я точно заметила, что его ласки для Колина тоже много значили. Оба установили связь, которая никогда не смогла бы существовать между обычными людьми. Всё же я подождала, пока мои лёгкие заработают спокойнее и продолжила. - У тебя есть ночь и скорее всего утро, чтобы всё организовать. Потом мы должны быть готовы. Мы встретимся здесь. Я могу тебе помочь, если ты не успеешь закончить. Тильманн, я не хочу спешить, но уже темно, а он там наверху ждёт меня ...

Как же я могла это так трезво формулировать? Снова по моему телу пробежала почти что болезненная дрожь; такое чувство, будто у меня озноб и высокая температура. Я не могла её подавить и положила руки на плечи, пока та не утихла. Глаза Тильманна блуждали по столу, всё проверив. В мыслях он уже погрузился в свои дела. Он будет знать, что делать, и я должна положиться на то, что он превзойдёт самого себя, а чувства отложит в сторону.

- Мне нужно ещё кое-что отдать тебе, Эли. - Он прошёл мимо меня на кухню и сразу вернулся. В его руках лежал серебряный самурайский кинжал, который Колин вытащил во время смерти Тессы - не для того, чтобы воткнуть его в грудь ей, а себе.

- Я нашёл его сегодня утром перед дверью, - сказал он, избегая мой взгляд. - Полагаю, ты должна использовать его. Возможно мне нужно тебе кое-что сказать ... - Он заколебался.

- Скажи, - ободрила я его и провела пальцами по прохладной, украшенной ручке кинжала. Лезвие было отполировано и отражало тёмные глаза Тильманна, искажённые и неестественно большие.

- С Тессой было легко, но возможно я так ощутил только потому, что принял наркотики. Я заранее нашёл информацию, как лучше всего сделать это - тебя нужна сила. Но прежде всего нужно попасть в нужное место. Если ты наткнёшься на кость, то можешь расшибить руку, и тогда ничего больше не получиться. Втыкай его вот сюда ... - Он осторожно прикоснулся к моей левой грудной клетке. - Ты чувствуешь это мягкое место между рёбер? Там ты доберёшься прямо до сердца. Хватит одного удара, если правильно его расположить. Подготовься к тому, что его кожа будет жёсткой.

Да, это я уже определила, когда делала Тессе укол. Человеческая кожа жёсткая. Но тогда я хотела спасти жизнь, а не уничтожить. Я обхватила кинжал и пробуя, замахала им в воздухе. Он лежал, тяжелый и знакомый, в моей руке, хотя я ещё никогда к нему не прикасалась. Металл сразу же нагрелся под моими пальцами. Я положила его к остальным вещам на белую скатерть. Суставы горели и пульсировали, они продолжили гореть и тогда, когда я уже давно попрощавшись с Тильманном и поехала на плато Сила, в Лонгобукко, где Колин встретил меня на краю города и отвёл пешком к своей пещере.

Я попросила его о том, чтобы провести здесь ночь, без Луиса, в окружение тёмного леса и каменных стен пещеры, мир оставленный позади и всё же достаточно пищи - снов и мечтаний - по близости, если потребуется. Нам нужна эта уединённость. Я не хотела ни видеть, ни слышать ничего из того, что происходит там снаружи.

Ночи на Сила стали холодными. Я подавила дрожь, когда мы молча шли по лесу, и Колин лишь иногда останавливался и ждал, пока я снова догоню его. Я постоянно спотыкалась и падала, как будто моё тело хотело потянуть время, даже если при этом вредило себе.

- Только ещё одно, - нарушил Колин тишину пещеры, после того, как мы спрятались в её прохладной темноте, и настоящая жизнь превратилась в расплывчатую тень. - Я хочу знать только ещё одно. Может быть это покажется тебе смешным, но я думаю, мне будет легче уйти, если я узнаю.

- Тогда спрашивай. - Мой голос был глухим из-за чистого страдания.

- Анжело и ты, вы целовались? Спали друг с другом? Я всё время задаюсь этим вопросом, даже если это мелочно и возможно не играет никакой роли. Эти мысли просто не оставляют меня в покое.

- Нет. Нет, не спали. Между нами ничего не случилось. - Глаза Колина заглянули в мою бездонную душу, но я выдержала его взгляд. Это правда.

Мы прекратили говорить, и я быстро поняла, что ночь - это потерянное время. Ничего из того, что мы сделаем и скажем, сможет изменить или остановить то, что случиться. Скорее это сделает всё ещё хуже. Всё-таки я ещё сильнее уцепилась пальцами за его спину, как будто могла таким образом навсегда удержать возле себя, в то время как он молча завязывал верёвки.

- Нет. Оставь их. - Я убрала его руки с затылка и начала развязывать узлы. - Пожалуйста...

- Лесси, это слишком опасно! Ты знаешь, что мой голод становиться всё более беспощадным.

- Да, я знаю. Но к чему ты хочешь их привязать? Здесь в пещере ничего нет, а я хочу видеть тебя свободным. Я хочу иметь другой образ перед глазами, когда буду вспоминать нашу последнюю встречу. Позволь мне только смотреть на тебя, пожалуйста.

Я заплакала, без всхлипываний, когда он снял со своего стройного, жилистого тела, чья тень выделялась чернотой на стене пещеры, рубашку, а потом брюки.

Мы сидели голые напротив и смотрели друг на друга, чтобы запомнить то, что никогда не хотели забыть, но и эти образы не удержать. Когда-нибудь они станут чужими, и он ускользнёт от меня: его чёрный взгляд, в котором я нашла саму себя, его буйные, непослушные волосы,

его смех, такой неожиданно красивый и ясный, что он всегда удивлял меня. Всё это невозможно удержать ...

Сейчас я знаю от части, но тогда буду знать точно. Что это изменит, если я скажу, что люблю его? Что это изменит, если я почувствую его в себе? Что это изменит, если я его запомню, тогда как память людей так быстро начинает рисовать свои собственные образы? Что вообще настоящее и подлинное из того, что мы видим в жизни? Разве я уже давно не несу его в своём сердце?

Когда приблизилось утро, и тени стали бледнее, я как ребёнок выползла из пещеры и на четвереньках карабкалась по лесу, слишком слабая, чтобы идти прямо. Я скулила и пыхтела, как будто меня преследовал убийца.

На самом же деле я сама та, кто уничтожит себя.

Искра жизни

- Он идёт. - Плечи Тильманна дрожали. Он не знал, куда деть руки. Не найдя ничего другого, он вцепился в меня. - Эли ... - Он плакал. - Он идёт. Теперь мне нужно идти.

- Да. Тогда иди. О Боже, Тильманн ...

Мы цеплялись друг за друга, причиняя боль.

- Он мой друг, понимаешь? Мой друг. Я так его люблю ... - Тильманн поднял нос вверх. Чувствовал ли он, что плачет, что у него текут слёзы? - Я всегда восхищался им и уважал, что со мной станет без него? Что?

- Я не знаю, - ответила я невыразительно, проводя пальцами по его разгорячённым, мокрым глазам. - Но мы обязаны сделать это. Мы в долгу перед ним. Я в долгу перед ним. Он снова и снова спасал меня, а теперь я должна спасти его. Я слышу его, тебе нужно исчезнуть ... быстрее ... Не то деля тебя будет слишком опасно.

Я отодвинула его от себя, хотя его руки снова тянулись ко мне. Я вспомнила, как они ощупывали лицо Колина, благоговейно и нежно. Да, я забирала у него его лучшего друга.

- Хорошо. - Тильманн сглотнул и попытался взять себя в руки. - Я уйду через заднюю дверь. Вот пульт дистанционного управления.

Мы отпрянули друг от друга, когда услышали, как он зовёт меня снаружи. Он кричал моё имя. Глубоко и глухо звучал его голос в тёплом вечернем воздухе.

- Елизавета! - Жужжа, летучие мыши разлетелись в стороны. Время подгоняло. Он не остановиться перед домом. Он начнёт меня преследовать.

- Нажми на зелёную кнопку, как только он зайдёт, хорошо? Зелёную кнопку. Тогда фильм сам стартует.

- Уходи, Тильманн, беги через сад, а там через железнодорожные рельсы, давай же!

Ревя и спотыкаясь, он бросился к двери. Потом я услышала, как его шаги промчались вниз по лестнице. Я распахнула навесные двери чердачной комнаты, вышла на балкон и посмотрела вниз, где Колин, лохматый и с безумием в глазах, шагал по безлюдной, пыльной улице. Его рубашка свисала лохмотьями с тела, потому что он порвал её в безнадёжном поиске, его щёки были мертвенно-бледные. Кости резко выделялись под ними тёмными тенями.

- Где моя лошадь? Где Луис? - заорал он мне, задрав голову. - Я не видел его уже два дня. Он исчез. Исчез! - Он ударил себе в лицо сжатыми в кулаки руками. - Где Луис? –

Скрестив руки на груди я смотрела вниз на горемычного страдальца.

- Елизавета, поговори со мной. Где он? - закричал Колин.

- Не здесь, - сказала я холодно. - Я не знаю где.

- Это не правда, ты лжёшь! Ты лжёшь!

Он чуть ли не сорвал калитку с крепления, когда открывал её и летящими шагами взобрался вверх на террасу. Ледяной порыв ветра дошёл до меня. Я почувствовала запах смерти. Он был таким сильным.

Я вернулась в дом, чтобы встретить его. Сначала я вязла кинжал в правую руку, потом подняла пульт дистанционного управления левой, вытянула её и нажала на зелёную кнопку. Я не имела представления, что сейчас случиться и что мы увидим. Я слепо доверилась Тильманну и засела здесь наверху с тех пор, как вернулась назад из леса, чтобы ждать. Ещё несколько минут назад он работал над ним, потом от усталости и недосыпания почти что обессилил. Но всё-таки смог закончить.

Моё сердце обливалось кровью, когда заиграли скрипки и началось пение, а Колин стучал в дверь изо всех сил. Тильманн настоял на музыке. Музыка, которая разносилась по всем комнатам, она усилит боль во много раз, если та вдруг окажется несущественной. Но она не будет несущественной.

- Где моя лошадь? – Затрещав, замок поддался. Входная дверь распахнулась и сразу же снова захлопнулась из-за силы его удара. Мы оба оказались здесь в ловушке.

Как палач, с кинжалом в руке, я шагнула на верхнюю ступеньку лестницы. Колин почти больше не мог стоять прямо. Тяжел дыша, он оглядывался по сторонам, но не было спасения от того, что мы увидели. Тени везде, на полу, стенах, потолке, чёрно-серые тени, которые разорвут его душу. И мою в придачу.

- Нет ..., - вырвалось из его горла, когда он понял, что они показывали. Луиса - Луиса, который заржав, пытался убежать и спастись от пыток, у него уже шла кровь, она лилась фонтаном из его горла и ног, потом крупным планом - его от страха распахнутые глаза, в которых светился белок. Он звал своего хозяина, почему его нет рядом, чтобы помочь? Почему он оставил его на произвол судьбы?

Снова Тильманн размахнулся широким, запачканным кровью ножом мясника, его ухмылка искажена безумной ненавистью, зрачки расширенные и остановившиеся. Безжалостно он воткнул его в мускулистую шею Луиса, хотя лошадь уже лежала на земле, отчаянно размахивая копытами и больше не в состояние встать.

Потом вставка, на которой Анжело и я, мы вместе на пляже, солнце светит на нашу кожу. Я смеюсь и восхищённо на него смотрю, вставка с разбитой головой Луиса, его глаза в агонии, рот открыт, потому что он заржал в последний раз, ржания не слышно, потому что музыка заглушала всё. Lacrimosa … dies illa … qua resurget ex favilla … iudicandus homo reus. Полный слёз, каждый день, в который человек, как подсудимый, восстаёт из пекла. Только у меня была ещё сила восстать.

- Что вы сделали? - закричал Колин. Его голос оборвался.

- Ах, он мне никогда не нравился. Ты всегда предпочитал его мне. Я хотела избавиться от него. Он мне мешал. Я хотела, чтобы ты был только мой.

Я спустилась вниз по лестнице, в такт меняющихся картин: агония Луиса, прерываемая Анжело и мной. Крупным планом лежащие на песке руки, мои и Анжело, чьи пальцы переплелись друг с другом, потом крупный план наших губ, они приближаются друг к другу, остаётся лишь несколько миллиметров между ними. Моя голая спина, покрытая длинными, вьющимися, словно змеи волосами, его рука обняла мою талию ...

- Конечно же я переспала с Анжело, а что ты думал? - Я злорадно рассмеялась. - Как же этого не сделать? Он ведь красивый и сытый, в противоположность тебе. Не будь таким наивным, Колин!

Теперь я добралась до конца лестницы, встала напротив него и медленно подняла кинжал. Только подняла и осторожно сделала шаг назад, сияющие глаза Анжело на моём лице и белом платье. Он стал частью теней, частью фильма и он верил во всё. Во всё, что я говорила.

Со вскинутым вверх кинжалом, чьё остриё было направлено на его грудь, я, отступая задом, заманила его в последнюю, единственно-красивую комнату в доме. Там я подготовила для нас кровать с балдахином, белоснежные простыни, белоснежные подушки, белоснежный балдахин; только таким образом тени останутся с нами. Как в танце, мы вращались вокруг друг друга. Умирая, он будет видеть меня, меня и Анжело, соединённых в поцелуе. Луис уже умирал. Его копыта вздрагивали ещё только благодаря рефлексу, голова лежала в собственной крови, лужа крови становилась всё шире, превратившись в огромные зрачки Анжело, чёрная пустота ...

Колин опустился на кровать, лицо близко ко мне, глаза пылают от боли и ненависти, рот только лишь ещё одна сплошная линия. Я замахнулась и уже поднимая руку поняла, что не смогу это сделать, не смогу, у меня не получиться, не хватит сил, она покинула меня, сейчас, в самый решающий момент, она меня покинула ... Я хотела опустить кинжал, как вдруг Колин поднял руки и ухватился за мои, чтобы притянуть их к себе, вместе с кинжалом, прямо в грудь,

которая пронзительно пела и умоляла. Я оказалась слишком слабой, чтобы противостоять его движению, и почувствовала, как его кожа уступила под острым лезвием, как раз в нужном месте, между двумя рёбрами.

- Нет! - вскрикнула я, но Колин был сильнее. Метал беззвучно прорезал грудь и вонзился глубоко в сердце. - Нет, Колин, нет! Это ведь только фильм! Мы не убивали Луиса, я никогда не смогла бы его убить, слышишь, никогда! Он жив! Он жив, Тильманн находиться рядом с ним. И я никогда не целовалась с Анжело. Всё это монтаж, ничего больше, сборка, это даже не мои губы, разве ты не заметил? Это только фильм! О Боже, Колин, нет ... это всё не по-настоящему ...

Музыка закончилась и тени на стенах исчезли. Слишком поздно. Слишком поздно ... Крича от напряжения, я вытащила нож из его груди. Мне удалось сделать это лишь при второй попытке, так крепко он застрял в теле. Я отбросила его в сторону, чтобы быстро стянуть порванную рубашку с плеч. Рана кровоточила - кровь была красной. Красной и тёплой, не голубоватой. Пронзительный рокот его тела стал тише, при этом постоянно замедляя свой ритм.

- Нет ... - Я провела кончиками пальцев по ране, как будто могла таким образом закрыть её. Она всегда была там, ничто не сможет её исцелить.

- Да, - прошептала он. - Не настоящее. Только фильм. Обман. Как и я. Точно так же, как и я. Поэтому я не смог это увидеть ... Ты была хороша, Эли ... очень хороша ...

Рокот пугающе-глухо вырывался из его тела. Руки расслабленно покоились рядом с головой, лицо почти такое же белое, как и подушки. Я в панике провела рукой по его подмышкам. Они были тёплыми, но почему тогда утихал рокот? Я прислушалась, опустив ухо к его груди. Мои волосы упали вниз и задели его голую кожу.

- О небо, Лесси ... - Колин больше не мог говорить громко, только ещё тихо шептать. Жизнь покидала его. Я удивлённо смотрела на то, как вокруг его сосков образовались мелкие мурашки, крошечные светлые пункты. Он замёрз?

- Я чувствую тебя ... твои волосы щекочут. Я наконец-то могу тебя чувствовать ...

- О чём ты говоришь? - Я так сильно дрожала, что стучали зубы. Изо рта капала кровь. - Колин, оставайся со мной, пожалуйста! Оставайся со мной! Скажи мне, что ты чувствуешь!

Но его глаза закрылись, в то время, как блаженная улыбка разгладила жёсткие черты лица.

- Я не настоящий. Я был всего лишь обманом. Подделкой. Я не мог ничего чувствовать. Разве ты этого не поняла? Я так часто намекал ... - Ему пришлось остановиться, чтобы собраться с новыми силами - последними силами. Я прижала ухо к его груди, в которой стало тихо. Рокот накатывал теперь лишь нерегулярно и так нерешительно, что я почти его не слышала. - Я Мар. Мы не можем чувствовать. Мы неспособны чувствовать, только поэтому мы и похищаем ... Я никогда не чувствовал прикосновение твоих рук ... никогда ... только теперь ...

- Но ты реагировал на меня - то, что ты утверждаешь, этого не может быть! Я точно видела ... - О чём он только говорит?

- Да, я реагировал на тебя. Потому что ты чувствовала меня и потому что тебе это нравилось. Твоё желание, было моим желанием, твоя боль, моей болью, твоя радость, моей радостью. Это хорошо, что я умираю, потому что я был никем, я был ничем ... меньше чем ничем ... Но для этого одного мгновения ... - Рокот затих. Его голод был удовлетворён. - Для этого одного мгновения оно того стоило. Всё. Я чувствовал твои прикосновения.

- Нет Колин, я тебе не верю! Не за что не поверю, такого не может быть! И ты не умрёшь, ты не умрёшь сейчас! Ты меня понял?

Я ударила его по лицу и в грудь, но он не переставал улыбаться, такой счастливый, вялый и удовлетворённый. Он должен открыть глаза ...

- Посмотри на меня, Колин, пожалуйста посмотри на меня!

- Нет. - Его губы почти уже не двигались.

- Ты должен это сделать, так как делал всегда, потому что в твоих глазах я видела чувства, они были там!

Разве он однажды не сказал мне сам, что он чувствующее существо? Была ли это просто ложь? «Чувствующее существо», ответил он после паузы, когда я спросила его, что во имя Бога он такое. Но в моей памяти так же внезапно и ясно всплыло дополнение, которое он добавил. «А это не само собой разумеющееся» Он чувствовал только потому, что чувствовала я ... так много чувствовала ...

- Это были твои чувства, Лесси, - прочитал Колин в последний раз мои мысли. - Не мои. Если ты видела мои чувства, ты видела себя. Только себя. Я был твоим зеркалом ... Ты увидела и полюбила саму себя. Хорошо, что ты сделала это, но тебе нужен мужчина с характером ... тебе ... тебе ... - Слабый вздох сорвался с его открытого рта. В отчаяние я поцеловала его. Он больше не реагировал, его слова звучали только ещё в моей голове. - Я не мог рассказать тебе об этом, потому что тогда ты бросила бы меня, а потом ...

- Я больше не смогла бы тебя убить, знаю, знаю, - ответила я, хорошо понимая, что это не единственная причина. Моё присутствие сделало его человеком. - Ты не можешь ничего чувствовать? Я в это не верю ...

- Нет. Могу. Ненависть, гнев, ярость, зависть, жадность, жажду убийства, ревность ... всё плохое ... но хорошее даётся тяжело ... только благодаря тебе и моей лошади это текло и через меня ... иногда находило во мне своё жилище ... а теперь - теперь я нашёл душевный покой. И ты найдёшь свой ... Лесси, я ... я ...

Ему не удалось закончить предложение, даже в моей голове. Всё в нём стало безмолвным и тихим, но на его лицо прокралось выражение, которое я ещё никогда у него не видела, даже когда он медитировал.

Это был совершенный покой.

Мои руки ослабли. Я больше не могла держать ими свой вес. Я упала на его неподвижную грудь и гладила его руки и щёки, целовала шею, закрытые веки, я не хотела отпускать его, хотя медленно начала понимать то, что он сказал мне. Это всё объясняло. Всё. Это объясняло, почему мне казалось, что он так хорошо меня понимает, почему он не обращал внимание на свои собственные нужды, когда мы занимались сексом. Да, ему было достаточно смотреть на меня, следовать за мной, чтобы погрузиться в то, что трогало меня ... Это объясняло, почему он потерял своё лицо, когда я обратила внимание на Анжело и забыла его. Я больше не смотрела на него, ничего к нему не испытывала.

Но было не так страшно узнать об этом. Это не рассердило меня, даже не смутило. Благодаря ему, мои бурлящие чувства по крайней мере для чего-то были хороши. Я могла разделить их. Он облегчил мне мою ношу. А что есть на свете более прекрасное, чем разделить чувства?

Кроме того, он неправ. Колин заблуждался, так же, как может заблуждаться только человек. Если бы он ничего не чувствовал, я никогда не смогла бы его убить.

Я не знала, слышит ли он меня ещё, потому что его тело безжизненно лежало подо мной, а лицо не выражало никаких эмоций, хотя оно казалось мне более счастливым, чем когда-либо. Да, оно светилось ... Но возможно существует промежуточная сфера, в которой я смогу дотянуться до него на несколько минут, сфера, в которой мой отец во время смерти, был окружён Морфием и разделил с ним свои чувства. Я должна попытаться. Он должен знать, о чём я хочу ему сказать. Потому что он так сильно заблуждался.

- Колин, ты не никто. У тебя есть характер! У тебя даже больше характера, чем у большинства других мужчин, которых я встречала на моём пути. Ты принимал решения,

важные решения. Но прежде всего ты восстал против своей судьбы, несмотря на то, что это всё время стоило тебе сил и снова и снова приходилось бежать - это свидетельствует о характере! Ты привлёк на свою сторону лошадь, хотя на самом деле они бояться существ таких как ты, и она тебе доверяет. У тебя есть чувство юмора, я люблю твой юмор! Кто-то без характера не имеет никакого чувства юмора или ворует его у кого-то, но твой юмор уникален. Ты всегда искал работу и принимался за неё, ты создал для себя дом, даже в глуши, ты принимал участие в нашей жизни настолько, насколько только мог, занимался боевым искусством, чтобы можно было медитировать и таким образом создавать себе свои собственные мечты ... Колин, мы состоим не только из того, что умеем, но также из того, что делаем и решаем! Это нас формирует! Море полное чувств никому не принесёт пользу, если за ними не последуют дела. Ты кто-то, кто действует, и тебя любят … Я люблю тебя, Тильманн любит, он помогал тебя убить, потому что любит и восхищается тобой. Он сделал запись и монтаж. Он как раз возвращает Луиса, чтобы тот мог попрощаться с тобой. Луису будет у него хорошо ... Морфий уважает тебя. Джианне ты нравишься. И мы все знаем, почему. Мы не ошибаемся. Только ты ошибаешься, если думаешь, что ты никто. Ты личность. Ты направлял нож, и он тебя убил, потому что даже ты любишь себя, ты любишь себя, потому что я смогла причинить тебе боль ... Ты испытывал сочувствие к самому себе ...

Я не могла продолжать, потому слёзы лишили меня дыхания. Никогда не узнаю, услышал ли он мои слова, почувствовал ли. Но по крайней мере он был тут, его тело находилось тут, а не растворилось в моих руках, как я опасалась. Я могла ещё прикасаться к нему. Хотя теперь он выглядел иначе, более уязвимым и более умиротворенным. У него осталось то, чего я не хотела, чтобы оно исчезло. Его заострённые уши со множеством колечек, своенравные чёрные волосы - они больше не двигались, но всё ещё блестели и переливались - светлая кожа, изогнутые губы, благородные, гордые черты лица. А также татуированный номер на его запястье.

Но когда лучи вечернего солнца в последний раз заглянули через окно и упали на его щёку, они ничего не изменили. Его волосы остались тёмными, кожа нетронутой. Свет ласкал его, не прогоняя.

Только я видела это. Он сам, больше не сможет.

Никогда снова я не смогу заглянуть в его чёрные, блестящи глаза и любить себя. Но он был личностью. Он был чувствующем существом. Всегда им был, потому что пытался. И в этой попытке было больше пыла, чем сможет подарить в своей жизни человек с холодной душой.

- Ты Колин Иеремия Блекбёрн. Ты Колин Иеремия Блекбёрн ..., - прошептала я, вложив мои пальцы в его холодные, прежде чем смириться с тем, что должно было случиться и наконец пришло в действие, чтобы я смогла найти себя вновь. Я видела его.

Я видела себя.

Наконец-то. Не в бесконечной жизни.

Сейчас мы видим в металлическом зеркале неясные очертания, а тогда будет видно ясно.

В то время, как солнце отступало, а белый цвет балдахина над нами, медленно менялся в бархатно-серый, я состояла ещё только из любви, больше ничего другого. Только из любви, и слушала, изумлённо и широко распахнув глаза, как сердце Колина начало медленно и энергично биться.

Человеческий рассвет

Он не умер.
Он только спал.

Беттина Белитц – Поцелуй шипов / Bettina Belitz – Dornenkuss
Раздвоенное сердце 3 / Splitterherz 3

Эпилог

Сердце Колина всё ещё бьётся. Иногда по ночам, я лежу рядом, он спит, а я прижимаю ухо к его груди, чтобы убедиться, что оно не остановилось. Хотя этой уверенности никогда не будет, ни с ним, ни с любым другим человеком.

Его уши остались заострёнными, кожа белой, и у него всё ещё такая внешность, которая привлекает к себе взгляды других. Нормальной жизни ему не видать, для этого он слишком долго был в бегах, слишком долго был изгоем и вне закона. Но когда другие люди держат дистанцию, то уже больше не из-за ненависти, отвращения и страха, а из-за уважения и почтения, потому что не хотят связываться с таким мрачным парнем. Они ошеломлённо поднимают взгляд, как только слышат, что он смеётся, потому что не ожидают от него смеха.

Колин окончил университет на отлично и работает в Саксонии, в проекте, поддерживающем волков. Иногда я навещаю его там и провожу с ним ночь на вышке, хотя в отличие от него, считаю это гораздо менее захватывающим. И всё же, там ещё никогда не было замечено столько волков, как с тех пор, как его приняли на работу.

Ему всё ещё нужно не так много сна, и он редко болеет. Свою первую простуду он рассматривал как сенсацию; не хватало ещё только, чтобы в честь неё он устроил вечеринку. Ему потребовалось время, чтобы выяснить, когда намечается чиханье и вовремя приставить к дрожащему носу салфетку. И должна признать, что во время этих дней, он значительно утратил свою эротическую привлекательность.

Между тем я учусь в Киле, в университете на курсе психологии - ха-ха, какой же ещё курс я должна была выбрать - и мы тесно общаемся с доктором Занд. (Моя мама кстати тоже. Ещё раз ха-ха.) Иногда мы посылаем за Морфием, и он садиться рядом с Марко, чтобы исцелить его психическую травму. Я точно не знаю, действительно ли Морфий что-то делает. Возможно он просто сидит рядом и слушает его, как Колин делал с Тильманном. Я не знаю. Но кажется это работает.

Джианна, крича и ругаясь, родила маленькую, уродливую девочку. У Луизы тёмные волосы её матери и голубые глаза Пауля, и я клянусь, что в её природе нет ничего демонического. Кроме того, она пердит, как старый дед.

Тильманн как раз заканчивает гимназию, а потом хочет писать резюме в кинематографический институт в Мюнхене. Надеюсь всё получится. Он, как и я, остался беспокойным. Мы все беспокойные. Иногда по вечерам, когда собираемся вместе, Колин, Джианна, Тильманн, Пауль и я, мы сидим и молчим. Никто из нас не желает говорить, потому что не хотим вспоминать, но и забывать тоже.

Пауль снова учиться на медицинском факультете, но ему это не так легко даётся. Бесчисленное количество врачей обследовали его, чтобы выяснить, откуда берётся его парализующая усталость. Они ничего не нашли. Джианне с ним не просто, потому что меланхолия снова и снова делает его недееспособным, но оба не разлей вода, держаться друг за друга.

Джианна начала записывать нашу историю. Мы провели ночи напролёт и говорили о том, что случилось, хотя уже знали наши описания наизусть. Но это нужно было сделать.

Я не знаю, останемся ли мы с Колином вместе навсегда. Я не знаю, сможет ли Тильманн справиться с тем, что с ним случилось. И не появится ли больше искушения прогнать боль с помощью наркотиков. Я не знаю, хорошо ли для меня то, что я пошла по стопам отца, даже если то, что я в настоящее время делаю - всего лишь навещаю Морфия на Санторини или привожу его на корабле в Гамбург. Я не знаю, прекратиться ли когда-нибудь моя тоска по Мару в Колине, который навсегда ушёл, и я думаю, есть ночи, когда и он тоже тоскует по нему. Тогда он страдает бессонницей, крутится туда-сюда, пока наконец не встаёт, одевается и бесшумно пропадает в ночи. Несколько дней его не видно и не слышно, а потом он возвращается,

уставший и молчаливый и прячется в своей кровати. Я не знаю, поеду ли в один прекрасный день снова в Италию, чтобы насладиться красотой этой страны, не думая об Анжело и не испытывая страха, что он снова поработит меня.

Я не знаю, привыкну ли когда-нибудь к себе и перестану рассматривать себя как жертву собственных чувств - теперь, когда Колин оставил меня на их полное пагубное, а также ядовитое процветание. Я не знаю, есть ли в этой жизни для меня место, где я сочту, что могу остаться там.

Но одно я знаю точно и это меня успокаивает больше, чем что-либо другое в мире, не имеет значения, что случиться в будущем и куда приведут меня мои извилистые дороги. Я знаю, что люблю Колина.